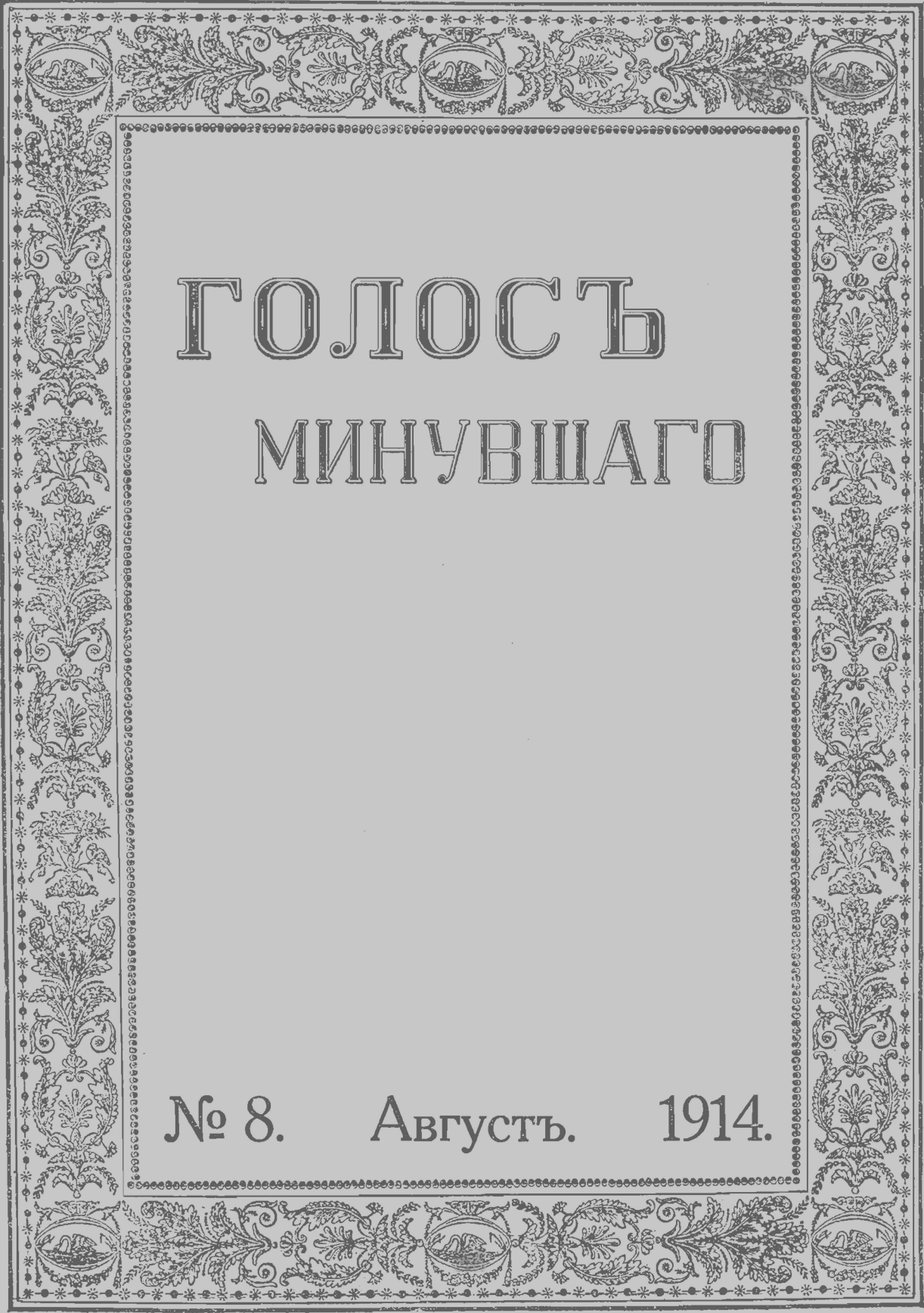

ГОЛОСЪ МИНУВШАГО

№ 8. Августъ. 1914.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Статьи:

Стр.

- Г. И. Шрейдеръ. Республиканцы и парламентаризмъ въ Италіи. 5
Е. Ганейзеръ. В. В. Лесевичъ—въ письмахъ и воспоминаніяхъ. 44

II. Воспоминанія:

- Л. Ф. Пантелѣевъ. Мои встрѣчи съ гр. М. Т. Лорисъ-Мелико-
вымъ. 97
Н. А. Виташевскій. На Карѣ 110
Г. А. де-Волланъ. Очерки прошлаго. 148
И. М. Херасковъ. Изъ воспоминаній французскихъ плѣнниковъ
о Россіи 1812—1814 г. 168

III. Матеріалы:

- И. А. Шляпкинъ. Письмо М. В. Буташевичъ—Петрашевскаго Н. С.
Кириллову. 187
Н. П. Кашинъ. Высылка изъ Москвы въ 1848—1853 гг. . . . 189
К. В. Покровскій. Изъ полемической литературы 1813 г. (Мо-
сковскіе обыватели и гр. Θ. В. Растопчинъ). 196

IV. Изъ иностранныхъ журналовъ:

- І. А. М. Васютинскій. «Министръ-грабитель». Lettres de cachet.
Тенденціозность французской исторіографіи. Дантонъ. II. В. Н.
Перцевъ. Донесенія неизвѣстныхъ дипломатовъ Меттерниху
о Лолѣ Монтець 203

Высочайшій Манифестъ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

**Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Царь Польскій, Великій
Князь Финляндскій, и проч., и проч., и проч.**

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ:

Слѣдую историческимъ своимъ завѣтамъ, Россія, единая по вѣрѣ и крови съ славянскими народами, никогда не взирала на ихъ судьбу безучастно. Съ полнымъ единодушіемъ и особою силою пробудились братскія чувства русскаго народа къ славянамъ въ послѣдніе дни, когда Австро-Венгрія предъявила Сербіи завѣдомо неприемлемыя для державнаго государства требованія.

Презрѣвъ уступчивый и миролюбивый отвѣтъ сербскаго правительства, отвергнувъ доброжелательное посредничество Россіи, Австрія поспѣшно перешла въ вооруженное нападеніе, открывъ бомбардировку беззащитнаго Бѣлграда.

Вынужденные, въ силу создавшихся условій, принять необходимыя мѣры предосторожности, Мы повелѣли привести армію и флотъ на военное положеніе, но, дорожа кровью и достояніемъ Нашихъ подданныхъ, прилагали всѣ усилія къ мирному исходу начавшихся переговоровъ.

Среди дружественныхъ сношеній, союзная Австріи Германія, вопреки Нашимъ надеждамъ на вѣковое доброе сосѣдство и не внемля завѣренію Нашему, что принятія мѣры отнюдь не имѣютъ враждебныхъ ей цѣлей, стала домогаться немедленной ихъ отмѣны и, встрѣтивъ отказъ въ этомъ требованіи, внезапно объявила Россіи войну.

Нынѣ предстоитъ уже не заступаться только за несправедливо обиженную родственную Намъ страну, но оградить честь, достоинство, цѣлость Россіи и положеніе ея среди Великихъ Державъ. Мы непоколебимо вѣримъ, что на защиту Русской земли дружно и самоотверженно встанутъ всѣ вѣрные Наши подданные.

Въ грозный часъ испытанія да будутъ забыты внутреннія распри. Да укрѣпится еще тѣснѣе единеніе Царя съ Его народомъ и да отразитъ Россія, поднявшаяся, какъ одинъ человѣкъ, дерзкій натискъ врага.

Съ глубокою вѣрою въ правоту Нашего дѣла и смиреннымъ упованіемъ на Всемогущій Промыселъ, Мы молитвенно призы-

ваемъ на Святую Русь и доблестныя войска Наши Божіе благословеніе.

Данъ въ Санктъ-Петербургѣ, въ двадцатый день Іюля, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча девятьсотъ четырнадцатое, Царствованія же Нашего въ двадцатое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

«НИКОЛАЙ».

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЕ СООБЩЕНІЕ.

Вслѣдствіе того, что въ иностранной печати появилось искаженное изложеніе событій послѣднихъ дней, министерство иностранныхъ дѣлъ считаетъ долгомъ дать слѣдующій краткій обзоръ дипломатическихъ сношеній за указанное время.

10-го іюля сего года австро-венгерскій посланникъ въ Бѣлградѣ вручилъ сербскому министру-президенту ноту, заключающую въ себѣ обвиненіе сербскаго правительства въ поощреніи великосербскаго движенія, приведшаго къ убійству наслѣдника австро-венгерскаго престола. Въ виду сего Австро-Венгрія требовала отъ сербскаго правительства не только осужденія въ торжественной формѣ означенной пропаганды, но также принятія, подъ контролемъ Австро-Венгріи, ряда мѣръ къ раскрытію заговора, наказанію участвовавшихъ въ немъ сербскихъ подданныхъ и пресѣченію въ будущемъ всякихъ посягательствъ на территоріи королевства. Для отвѣта на означенную ноту сербскому правительству предоставлялось 48 часовъ.

Императорское правительство, освѣдомившись изъ сообщеннаго ему австро-венгерскимъ посломъ въ С.-Петербургѣ, по истеченіи уже 17 часовъ, текста врученной въ Бѣлградѣ ноты о сущности заключающихся въ ней требованій, не могло не усмотрѣть, что нѣкоторыя изъ таковыхъ по существу своему являлись невыполнимыми, нѣкоторыя же были предъявлены въ формѣ, несомѣстимой съ достоинствомъ независимаго государства. Считая недопустимымъ заключающееся въ такихъ требованіяхъ умаленіе достоинства Сербіи и проявленное этимъ самымъ Австро-Венгріей стремленіе утвердить свое преобладаніе на Балканахъ, Россійское правительство въ самой дружеской формѣ указало Австро-Венгріи на желательность подвергнуть новому обсужденію содержащіяся въ австро-венгерской нотѣ пункты. Австро-венгерское правительство не сочло возможнымъ согласиться на обсужденіе ноты. Равнымъ образомъ умѣряющее дѣйствіе другихъ державъ въ Вѣнѣ не увѣнчалось успѣхомъ.

Несмотря на осужденіе Сербіей преступнаго злодѣянія и на выказанную Сербіей готовность дать удовлетвореніе Австріи въ мѣрѣ, которая превзошла ожиданія не только Россіи, но и другихъ державъ, австро-венгерскій посланникъ въ Бѣлградѣ призналъ сербскій отвѣтъ неудовлетворительнымъ и выѣхалъ изъ Бѣлграда.

Еще ранѣе, сознавая чрезмѣрность предъявленныхъ Австріею требованій, Россія заявила о невозможности остаться равнодушной, не отказываясь въ то же время приложить всѣ усилія къ изысканію мирнаго выхода, пріемлемаго для Австро-Венгріи и не затрагивающаго ея самолюбія, какъ великой державы. При этомъ Россія твердо установила, что мирное разрѣшеніе вопроса она допускаетъ лишь, поскольку оно не вызоветъ умаленія достоинства Сербіи, какъ независимаго государства. Къ сожалѣнію, однако, всѣ приложенныя Императорскимъ правительствомъ въ этомъ направленіи усилія оказались тщетными. Австро-венгерское правительство, уклонившись отъ всякаго примирительнаго вмѣшательства державъ въ его ссору съ Сербіей, приступило къ мобилизаціи, официально объявило Сербіи войну, и на слѣдующій день Бѣлградъ подвергся бомбардировкѣ. Въ манифестѣ, сопровождающемъ объявленіе войны, Сербія открыто обвиняется въ подготовкѣ и выполненіи сараевского злодѣянія. Подобное обвиненіе цѣлаго народа и государства въ уголовномъ преступленіи своей явной несостоятельностью вызвало по отношенію къ Сербіи широкія симпатіи европейскихъ общественныхъ круговъ.

Вслѣдствіе такого образа дѣйствій австро-венгерскаго правительства, вопреки заявленію Россіи, что она не можетъ остаться равнодушной къ участи Сербіи, Императорское правительство сочло необходимымъ объявить мобилизацію кіевскаго, одесскаго, московскаго и казанскаго военныхъ округовъ.

Такое рѣшеніе представлялось необходимымъ въ виду того, что со дня врученія австро-венгерской ноты сербскому правительству и первыхъ шаговъ Россіи прошло пять дней, а между тѣмъ со стороны вѣнскаго кабинета не было сдѣлано никакихъ шаговъ навстрѣчу нашимъ мирнымъ попыткамъ и, наоборотъ, была объявлена мобилизація половины австро-венгерской арміи.

О принимаемыхъ Россіею мѣрахъ было доведено до свѣдѣнія германскаго правительства, съ объясненіемъ, что онѣ являются послѣдствіемъ австрійскихъ вооруженій и отнюдь не направлены противъ Германіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ Императорское правительство заявило о готовности Россіи, путемъ непосредственныхъ сношеній съ вѣнскимъ кабинетомъ или же, согласно предложенію Великобританіи, путемъ конференціи четырехъ незаинтересованныхъ непосредственно великихъ державъ—Англій, Франціи, Германіи и Италіи,—продолжать переговоры о мирномъ улаженіи спора.

Однако и эта попытка Россіи не увѣнчалась успѣхомъ. Австро-Венгрія отклонила дальнѣйшій обмѣнъ мнѣній съ нами, а берлинскій кабинетъ уклонился отъ участія въ предположенной конференціи державъ.

Тѣмъ не менѣе, Россія и здѣсь продолжала свои усилія въ пользу мира. На вопросъ германскаго посла указать, на какихъ условіяхъ мы еще согласились бы пріостановить наши вооруженія, министръ иностранныхъ дѣлъ заявилъ, что таковымъ условіемъ является признаніе Австро-Венгріею, что австро-сербскій вопросъ принялъ характеръ европейскаго вопроса, и заявленіе ея, что она согласна не настаивать на требованіяхъ, несовмѣстныхъ съ суверенными правами Сербіи.

Предложеніе Россіи было признано Германіей неприемлемымъ для Австро-Венгріи. вмѣстѣ съ тѣмъ, въ Петербургѣ было получено извѣстіе объ объявленіи Австро-Венгріей общей мобилизаціи.

Въ то же время продолжались военныя дѣйствія на сербской территоріи, и Бѣлградъ подвергся новой бомбардировкѣ.

Послѣдствіемъ такого неуспѣха нашихъ мирныхъ предложеній явилась необходимость расширенія военныхъ мѣръ предосторожности.

На запросъ по этому поводу берлинскаго кабинета было отвѣчено, что Россія вынуждена была начать вооруженія, дабы предохранить себя отъ всякихъ случайностей.

Принимая такую мѣру предосторожности, Россія вмѣстѣ съ тѣмъ продолжала всѣми силами изыскивать исходъ изъ создававшихся положенія и выразила готовность согласиться на всякій способъ разрѣшенія спора, при коемъ были бы соблюдены поставленные нами условія.

Несмотря на такое миролюбивое сообщеніе, германское правительство 18 іюля обратилось къ Россійскому правительству съ требованіемъ къ 12 часамъ 19 іюля пріостановить военныя мѣры, угрожая въ противномъ случаѣ приступить къ всеобщей мобилизаціи.

На слѣдующій день, 19 іюля, германскій посолъ передалъ министру иностранныхъ дѣлъ отъ имени своего правительства объявленіе войны.

ОТЪ РЕДАКЦИИ.

Августовская книга журнала была готова, когда надъ нашимъ отечествомъ повисло то грозное бѣдствіе, которое несетъ всякая война. Хотѣлось бы вѣрить, что ужасный кошмаръ, поглотившій вниманіе всего культурнаго міра, разсѣется скоро, и Россія выйдетъ нравственно окрѣпшею изъ этой войны, оказавшейся для нея неизбежною. Въ то время, когда сердца нашихъ читателей тамъ, гдѣ льется кровь родныхъ и друзей, гдѣ совершаются міровыя событія, заслонившія всѣ текущіе интересы и потребности дня,—трудно въ такой моментъ положеніе историческаго журнала, который не можетъ такъ откликаться на текущія явленія, какъ изданія, преимущественно посвященные изученію современной жизни. Но все же мы будемъ стараться давать историческіе статьи и матеріалы, которые по мѣрѣ возможности содѣйствовали бы выясненію хотя нѣкоторыхъ сторонъ надвигавшихся событій.

Есть та высшая правда, къ которой стремится человѣчество,—и нужно надѣяться, что она осуществится. Только эта вѣра даетъ твердую поддержку въ тяжелые дни, нами переживаемые.

ГОЛОСЪ МИНУВШАГО

ЖУРНАЛЪ ИСТОРИИ и ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ.

(Годъ изданія II)

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

С. П. МЕЛЬГУНОВА и В. И. СЕМЕВСКАГО.

№ 8. Августъ. 1914.

МОСКВА.
Типографія Т-ва Рябушинскихъ, Страстной б., Путинковскій пер., соб. д.
1914.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Статьи:

Стр

- Г. И. Шрейдеръ. Республиканцы и парламентаризмъ въ Италіи. 5
Е. Ганейзеръ. В. В. Лесевичъ—въ письмахъ и воспоминаніяхъ. 44

II. Воспоминанія:

- Л. Ф. Пантелѣевъ. Мои встрѣчи съ гр. М. Т. Лорисъ-Мелико-
вымъ. 97
Н. А. Виташевскій. На Каръ 110
Г. А. де-Волланъ. Очерки прошлаго. 148
И. М. Херасковъ. Изъ воспоминаній французскихъ плѣнниковъ
о Россіи 1812—1814 г. 168

III. Матеріалы:

- И. А. Шляпкинъ. Письмо М. В. Буташевичъ—Петрашевскаго Н. С.
Кириллову. 187
Н. П. Кашинъ. Высылка изъ Москвы въ 1848—1853 гг. . . . 189
К. В. Покровскій. Изъ полемической литературы 1813 г. (Мо-
сковскіе обыватели и гр. Ѳ. В. Растопчинъ). 196

IV. Изъ иностранныхъ журналовъ:

- І. А. М. Васютинскій. «Министръ-грабитель». *Lettres de cachet*.
Тенденціозность французской исторіографіи. Дантонъ. II. В. Н.
Перцевъ. Донесенія неизвѣстныхъ дипломатовъ Меттерниху
о Лолѣ Монтець 203

V. Критика и библиографія.

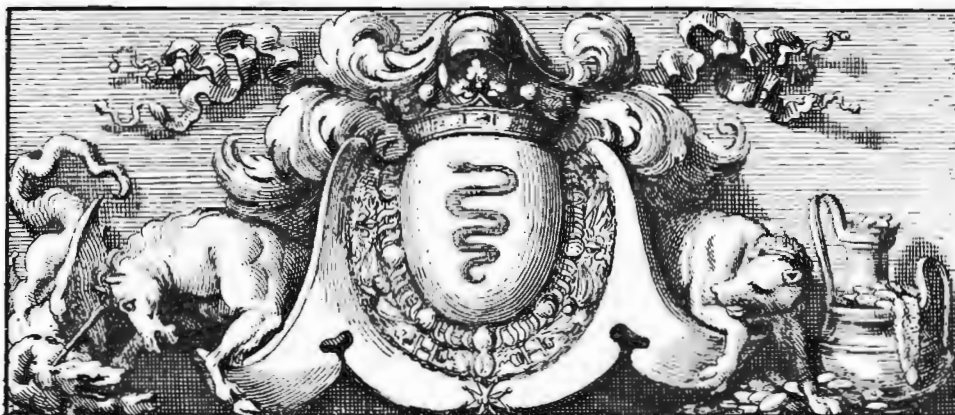
Г. И. Шрейдеръ. I. М. Кулишеръ. Коммунальное обложение въ Германіи. В. М. Фриче. G. Casanova. II duello; Ch. Samaran. Casanova Venitien. С. П. Мельгуновъ. А. В. Амфитеатровъ. 1812 годъ. Ю. В. Готье. И. И. Проходцевъ. Рязанская губ. въ 1812 г. С. Л. Аваліани. П. И. Ковалевскій. Кавказъ. А. И. Калишевскій. И. М. Соловьевъ. Русскіе университеты. Н. П. Кашинъ. Московскій театръ при царяхъ Алексѣѣ и Петрѣ. Матеріалы, собр. С. К. Бого-явленскимъ. Л. С. Козловскій. Архивъ В. А. Гольцева. М. А. Остро-вская. В. И. Срезневскій. Описаніе рукописей, собранныхъ въ Олонекскомъ краѣ. С. Давыдовъ. Э. Фромантэнъ. Старые мастера. Е. Ф. Коршъ. И. Грабаръ. В. А. Сѣровъ; Н. Э. Радловъ. Сѣровъ; М. Kovalensky. Siéhoff. Е. Ф. Коршъ. Русская икона. Вып. I. С. П. Мельгуновъ. Ив. Лазаревскій. Среди коллекціонеровъ. 223

ИЗЪ ТЕКУЩЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ. М. Л. Вишницеръ. Иностранные дипломаты о Россіи при Александрѣ I. Ю. М. Стекловъ. Мемуары Бебеля. В. Богучарскій. Новая книга гр. С. Ю. Витте. Ч. Вѣтрин-скій. Новое о Лъвѣ Толстомъ. 240

VI. Романъ.

Вл. Реймонтъ. 1794 годъ. Ч. II. Инсurreкція. гл. I. 265

VII. Рисунки. Портреты Дж. Мадзини и В. В. Лесевича.**VIII. Объявленія.**

Республиканцы и парламентаризмъ въ Италіи.

I.

Почему пьемонтскій Статутъ 1848 г. сталъ конституціей итальянскаго королевства.

Январь 1848 года. Революція въ Палермо и освобожденіе Сициліи отъ бурбонскаго ига... Движеніе въ Неаполѣ, испугъ Фердинанда II и объявленіе конституціи... Одновременно и въ связи съ революціоннымъ движеніемъ на югѣ высоко поднявшаяся температура политическаго броженія на сѣверѣ. Генуя шлетъ въ Туринъ депутацію съ петиціей объ изгнаніи іезуитовъ и объ учрежденіи гражданской гвардіи. Туринскіе журналисты собираются для обсужденія вопроса объ отношеніи печати къ генуэзской петиціи и кончаютъ, по предложенію—тогда редактора «Ризоржименто»—Камилло Бензо Кавура, адресомъ о... конституціи. Извѣстно, что, познакомившись съ содержаніемъ этого адреса, представленнаго ему маркизомъ Робертомъ д'Азелио, Карлъ Альбертъ твердо и рѣшительно заявилъ въ отвѣтъ, что Италіи «нужны солдаты, а не адвокаты» и что потому онъ ни въ какомъ случаѣ конституціи не дастъ. Но ограничился ли пьемонтскій король однимъ только столь категорическимъ отказомъ или позаботился также о принятіи соотвѣствующихъ «мѣръ»—до послѣдняго времени не имѣлось объ этомъ достаточно точныхъ свѣдѣній. Только недавно, въ дни полувѣковаго юбилея итальянскаго королевства, сдѣлалась извѣстной наличность секретнаго документа, превосходно рисующаго картину того, что готовилось за кулисами пьемонтскаго абсолютизма всего за нѣсколько дней до объявленія конституціи. Я имѣю въ виду обнаруженный въ отдѣлѣ манускриптовъ королевскаго дома

въ миланскомъ «Museo del Risorgimento» королевскій эдиктъ ¹⁾, изъ котораго, въ виду его обширности, я, къ сожалѣнію, имѣю возможность привести здѣсь только слѣдующую его заключительную часть:

«...Безразсуденъ и даже смѣшонъ тотъ, кто, не соблюдая вѣрности другимъ ему подобнымъ частнымъ людямъ, требовалъ бы, чтобы они оставались вѣрными ему; еще болѣе нелѣпыми и безразсудными должно считать тѣхъ, которые, систематически не уважая законной власти и законовъ, въ то же время претендуютъ на пользованіе тѣми гарантіями, которыя власть и законодательство предоставляютъ остальнымъ мирнымъ гражданамъ. Если законы не могутъ полагаться на извѣстный сортъ людей, каковы члены тайныхъ обществъ (i settari), то и эти не должны надѣяться на покровительство законной власти и ссылаться на тѣ законы, которые они сами пытаются низвергнуть. Это—случай, когда законодатель не только можетъ быть жестокимъ, но даже совершилъ бы преступленіе, не сдѣлавшись таковымъ, ибо подвергъ бы опасности общественный порядокъ, стѣснясь съ тѣми, которые того ни по какому основанію не заслуживаютъ. Нынѣ изъ свѣдѣній, точно и съ разборомъ собранныхъ полиціей, стало извѣстно, что либералы, враги порядка, и члены разнаго рода тайныхъ обществъ рѣшили на мятежъ подъ мнимымъ предлогомъ (необходимости) силою потребовать у правительства конституціи,—слово, изстари служащее предлогомъ для анархіи. Въ виду этого доводится до свѣдѣнія народа, всѣхъ подданныхъ монархіи, равно какъ пребывающихъ въ государствахъ иностранцевъ о слѣдующихъ распоряженіяхъ:

1) Съ началомъ мятежа всѣ наличныя военныя силы всѣхъ родовъ оружія будутъ направлены на борьбу съ мятежниками.

2) Въ фортахъ А., Б., С. откроютъ свои засѣданія подлежащія военно-полевые суды, составленные исключительно изъ военныхъ.

3) Плѣнные, по мѣрѣ того какъ войска ихъ будутъ забирать, немедленно будутъ отводимы въ ближайшій изъ указанныхъ фортовъ. Тамъ тѣ изъ нихъ, которые окажутся взятыми съ оружіемъ въ рукахъ,—будь то граждане, или иностранцы и невзирая на званіе,—будутъ немедленно судимы по обычаямъ военнаго времени и приговариваемы къ смертной казни черезъ разстрѣляніе. Осужденные, по произнесеніи приговора, будутъ имѣть

¹⁾ Опубликованъ Felice de Domimicis'омъ въ «Rivista Popolare», № 6, 31 марта 1911 г. Во избѣжаніе чрезмѣрно частыхъ ссылокъ буду указывать источники только въ тѣхъ случаяхъ, когда буду пользоваться вновь опубликованными документами или когда рѣчь будетъ итти о фактахъ, мало извѣстныхъ или бывшихъ до послѣдняго времени спорными.

не болѣе одного часа времени для примиренія съ Богомъ и для полученія утѣшенія отъ той святой религіи, которую они всегда оскорбляли. Послѣ того какъ мятежники будутъ казнены, трупы осужденныхъ будутъ рукою палача выставлены на эшафотахъ въ разныхъ частяхъ города.

4) Въ разныхъ частяхъ города будетъ выставленъ поименный списокъ всѣхъ членовъ тайныхъ обществъ, равно всѣхъ составившихъ противъ законной власти заговоръ, о коемъ имѣются самыя точныя доказательства. Своею неблагодарностью по отношенію къ милосерднѣйшему государю и своими гнусными преступленіями противъ общества они лишили себя права на пользованіе его благодѣяніями. И потому, въ то время какъ будетъ итти схватка между властями и бунтовщиками, будетъ дозволено грабить ихъ дома. Для того же, чтобы не произошло ошибокъ ко вреду невинныхъ въ спискахъ, кромѣ имени преступниковъ, будутъ со щепетильной точностью указаны дома, въ которыхъ они обитаютъ. Однако же, по прекращеніи столкновеній, всякій дальнѣйшій грабежъ будетъ разсматриваться, какъ преступленіе, и потому будетъ наказываемъ по всей строгости законовъ.

5) Имущества мятежниковъ будутъ конфискованы. Ихъ дома, имѣнія и всякаго рода другія владѣнія, какія могутъ у нихъ оказаться, обращены будутъ въ собственность казны. Затѣмъ все будетъ продано мало-по-малу съ публичнаго торга и все, что будетъ выручено, будетъ раздѣлено на три части. Одна изъ нихъ будетъ распредѣлена между тѣми военными, которые, вѣрные присягѣ, отличились рвеніемъ и мужествомъ въ дѣйствіяхъ противъ мятежниковъ. Другая часть будетъ употреблена на выдачу пособій тѣмъ нуждающимся семьямъ вѣрныхъ подданныхъ, которые въ прошлыя эпохи наиболѣе отличились въ интересахъ законности, а въ настоящее время наиболѣе потерпѣли отъ мятежниковъ, какъ имущественно, такъ и въ отношеніи жизни своихъ членовъ. Послѣдняя, третья часть (выручки) съ недвижимыхъ имуществъ мятежниковъ будетъ употреблена на погашеніе государственнаго долга, не имѣющаго другой причины кромѣ прошлыхъ мятежей, въ которыхъ они себя такъ заявили.

6) Будутъ изъяты отъ конфискаціи имущества тѣхъ членовъ тайныхъ обществъ, которые за пять дней до революціоннаго движенія окажутъ полезныя услуги дѣлу общественнаго спокойствія, или же сдѣлаютъ полиціи важныя разоблаченія. Ихъ имена будутъ вычеркнуты изъ выставленныхъ для общаго свѣдѣнія списковъ, лишь бы во время конфликта они не оказались въ рядахъ мятежниковъ»...

Въ какомъ направленіи пошло бы въ дальнѣйшемъ разви-

тіе историческихъ судебъ Пьемонта, а затѣмъ и всей Італіи, если бы туринскому правительству удалось осуществить весь комплектъ задуманныхъ имъ и намѣченныхъ въ эдиктъ мѣропріятій, — объ этомъ теперь гадать мудрено. Теперь можно только позавидовать счастливой участи подданныхъ Карла Альберта, на этотъ разъ избѣгнувшихъ ¹⁾ грозившаго имъ тяжкаго испытанія, такъ какъ правительству не удалось привести въ исполненіе намѣченныхъ мѣръ; оно даже не успѣло опубликовать заготовленный эдиктъ: съ такой необычной быстротою движеніе 1848 г. приняло роковые для пьемонтскаго абсолютизма размѣры. Уже 8 февраля, совершенно подавленный полученными наканунѣ свѣдѣніями о неаполитанскихъ событіяхъ, Карлъ Альбертъ видитъ себя вынужденнымъ торжественно обѣщать конституцію, которую затѣмъ, дѣйствительно, и даетъ 4 марта 1848 г. Легко даже а priori представить себѣ, какою должна была быть конституція, полученная народомъ изъ рукъ правительства, стоявшаго на такомъ низкомъ этическомъ уровнѣ, пропитаннаго такими извращенными правовыми понятіями и исповѣдывавшаго такое архаическое политическое credo, какъ о томъ выразительно и ярко свидѣтельствуетъ только что процитированный документъ. Статутъ Карла Альберта (составленная наспѣхъ компиляціи французской и бельгійской конституцій 1830 г., частью даже французской 1814 г.) уже въ самый моментъ своего появленія на свѣтъ Божій былъ законодательнымъ актомъ устарѣлымъ, отсталымъ, неспособнымъ, благодаря своимъ узкимъ антидемократическимъ нормамъ, удовлетворить наличныя реальныя потребности. Тѣмъ не менѣе всѣ многочисленные недостатки Статута не помѣшали ему сдѣлаться затѣмъ основнымъ закономъ объединеннаго итальянскаго королевства. Какъ это могло случиться? Развѣ единая Італія создана не народной волей, выраженной всеобщимъ голосованіемъ въ рядѣ плебесцитовъ? Почему же народъ принялъ Статутъ, прежде всего лишающій его того всеобщаго права голоса, который онъ, этотъ народъ, только что осуществилъ въ плебесцитахъ? Отвѣтъ очень простъ: никогда итальянскій народъ Статута не принималъ.

¹⁾ Въ апрѣльской книгѣ «Nuova Antologia» за текущій годъ г-жа Barbara Alloson въ статьѣ: «Carlo Alberto nel 1833 attraverso il carteggio Metternich—De Bombelles» сообщаетъ извлеченный ею изъ вѣнскаго архива любопытный документъ, свидѣтельствующій, что реакціонность Карла Альберта, прозваннаго *Великодушнымъ*, была чрезвычайъ крѣпкой марки даже для австрійскихъ министровъ меттерниховскаго времени. Этотъ документъ—письмо австрійскаго министра въ Туринѣ, де-Бомбелля къ Меттерниху отъ 17 іюня 1833 г. по поводу частной аудіенціи, полученной имъ у сардинскаго короля. «Король — пишетъ де-Бомбелль,—показался мнѣ безповоротно рѣшившимся преслѣдовать безъ передышки и, пожалуй, *немного ужъ* чрезвычайъ *безпощадно* конспираторовъ и, въ особенности, тѣхъ, которые ими руководятъ»..

Плебисциты не рѣшали вопроса о формѣ правленія; ихъ формула гласила только, что «народъ желаетъ Италіи единой и нераздѣльной съ Викторомъ Эммануиломъ, королемъ конституціоннымъ и его законными потомками». Само собою разумѣется, что одно только упоминаніе въ формулѣ, принятой народомъ, о королѣ конституціонномъ ни въ малой мѣрѣ не предрѣшало вопроса о самой конституціи новаго государства. Этотъ вопросъ долженъ былъ быть разрѣшенъ особо и, конечно, самимъ же итальянскимъ народомъ. Трудно придумать такой софизмъ, при посредствѣ котораго нація, только что осуществившая свое суверенное право, право выбора себѣ династіи, могла бы тутъ же быть правомѣрно лишена ея также неотъемлемаго верховнаго права самой рѣшить, какой государственный строй и какую систему управленія она желаетъ у себя установить. Созывъ для этой цѣли учредительнаго собранія диктовался къ тому же не только въ качествѣ необходимости, логически вытекающей изъ народнаго верховенства, но и въ качествѣ юридическаго и политическаго обязательства, формально принятаго на себя савойскою династіей. Вотъ что гласитъ это ясное, опредѣленное и никакихъ сомнѣній не допускающее обязательство, установленное закономъ 11 іюля 1848 г.: ¹⁾ «Ломбардія и упомянутыя провинціи образуютъ съ сардинскимъ государствомъ и другими, ранѣе присоединенными, одно королевство. При посредствѣ всеобщаго голосованія будетъ создано одно общее учредительное собраніе, которое обсудитъ и установить основанія и формы новой конституціонной монархіи съ савойскою династіей». Вслѣдъ за Карломъ Альбертомъ, тѣмъ же обязательствомъ связалъ себя Викторъ Эммануилъ II въ обращеніи къ народу отъ 9 іюля 1859 г., изданномъ въ отвѣтъ на адресъ миланскаго муниципалитета отъ 5 іюня 1859 г., содержащій въ себѣ прямую ссылку на «актъ сліянія», какъ на единственное правовое основаніе для состоявшагося присоединенія Ломбардіи (поэтому здѣсь и не было произведено плебесцита). И тѣмъ не менѣе, конечно, учредительнаго собранія создано не было... Подчеркиваю «конечно» и вотъ почему.

«Могу сказать съ гордостью,—пишетъ Гарибальди въ своихъ

¹⁾ Ему предшествовалъ, послуживъ для него основаніемъ, т. н., «Atto di fusione», договоръ, подписанный 8 іюня 1848 г. представителями Ломбардіи и венеціанскихъ провинцій: Падуанской, Виченцы, Тревизо и Ровиго и представленный 10 іюня Ломбардскимъ временнымъ правительствомъ Карлу Альберту. Цитируемый пунктъ закона является дословнымъ повтореніемъ соответствующаго пункта въ «актѣ сліянія». Оба эти основательно забытые, хотя и важнѣйшіе для итальянскаго конституціоннаго права, документа извлечены изъ архивной пыли и напечатаны цѣликомъ Робертомъ Мирабелли въ № 47 «La Ragione» отъ 11 февр. 1910 г. въ статьѣ: «Chiappolerie monarchiche».

мемуарахъ ¹⁾, я былъ и есмь республиканецъ, но въ то же время не считаю народную систему въ такой мѣрѣ исключительной, чтобы насильно навязать ее большинству какой-нибудь націи. Въ свободной странѣ, гдѣ добродѣтельное большинство народа, не подвергаясь давленію, желаетъ республики,—республиканская система есть, безспорно, самая лучшая. Поэтому, находясь въ положеніи, обязывающемъ меня подать свой голосъ, какъ то мнѣ пришлось въ Римѣ въ 1849 г., я всегда подалъ бы его за такую систему и всегда старался бы склонить къ тому же массы. Но такъ какъ пока, по крайней мѣрѣ (1859 годъ), въ силу ли развращенности нынѣшняго общества, въ силу ли солидарности современныхъ монархій, — республика невозможна, такъ какъ представляется удобный случай объединить полуостровъ при посредствѣ комбинаціи династическихъ силъ съ національными, то я безусловно согласился» ²⁾. И лозунгомъ движенія Гарибальди выдвигаетъ кличъ: «Италія и Викторъ Эммануиль». Въ настоящее время, съ опубликованіемъ остававшихся неизвѣстными документовъ, является вполнѣ установленнымъ то, что до сихъ поръ считалось спорнымъ и даже совершенно отвергалось, именно, что монархическій и династическій лозунгъ былъ всецѣло принятъ также и другимъ болѣе, чѣмъ Гарибальди, непримиримымъ и послѣдовательнымъ республиканцемъ,—республиканцемъ до мозга костей, до корня волосъ, апостоломъ итальянскаго освобожденія—Мадзини. «Присоединяюсь всецѣло,—пишетъ онъ приблизительно въ то же время (въ мартѣ 1860 г), къ единству подъ властью короля. Мечтою всей моей жизни было единство: если оно можетъ быть достигнуто при посредствѣ короля, да свершится» ³⁾. Вслѣдъ за своими вождями тотъ же лозунгъ былъ принятъ и всею, за рѣдкими исключеніями, подобно имъ республиканскою «партіей

¹⁾ G. Garibaldi: «Memorie autobiografiche», p. 277, Firenze, 1888.

²⁾ Дѣло идетъ о согласіи Гарибальди на предложеніе Кавура принять участіе въ войнѣ противъ Австріи, каковую Пьемонтъ предпринималъ въ союзѣ съ Наполеономъ III; послѣдній же былъ ненавистенъ мадзиніанцамъ, какъ противникъ итальянскаго единства, являвшійся въ одно и то же время главною опорою и савойской династіи, и папскаго Рима.

³⁾ G. Mazzini: «Epistolario inedito» (1836—1864). Comento e Note di B. Palamenghi—Crispi. p. 200. Milano, Fratelli Treves, 1911. Въ связи съ употребляемой здѣсь Мадзини терминологіей—«подъ властью короля»—«при посредствѣ короля»—неволью приходится на память и получаетъ особенное значеніе замѣчаніе, которое еще въ 1892 г. сдѣлалъ Даріо Папа,—крупный публицистъ, бывший монархистъ, впоследствии горячій и убѣжденный республиканецъ. «Вѣрно,—писалъ онъ,—что Мадзини предположилъ даже примкнуть къ королю, въ 1860 г., только бы осуществитъ единство, потому что ради достиженія послѣдняго онъ, какъ писалъ Каттанео, вступилъ бы въ союзъ даже съ султаномъ; но изъяслялъ ли онъ когда-нибудь хоть однимъ словомъ свое согласіе на монархическую форму правленія? Не было ли каждое дыханіе его жизни всецѣло посвящено республиканской идеѣ?» (См. Dario Papa: «Confessioni e Battaglie». Pagine scelte con prefazione di A. Chisleri. p. 82. Milano, s. E. M., 1903.)

дѣйствія» ¹⁾. Было бы однако крупною ошибкой предполагать въ данномъ случаѣ отказъ отъ республиканскихъ идеаловъ и отъ борьбы за ихъ осуществленіе. Какъ разъ наоборотъ.

Вотъ что пишетъ, между прочимъ, Мадзини въ своемъ отвѣтномъ письмѣ ²⁾ на привѣтственный адресъ одной изъ неаполитанскихъ рабочихъ организацій: «... На всѣхъ насъ лежитъ великій долгъ по отношенію къ рабочимъ классамъ Италиі. Завершающаяся нынѣ національная революція принесетъ съ собою важныя улучшенія въ ихъ матеріальномъ положеніи,—или *измѣнитъ своему назначенію. Но эти улучшенія могутъ исходить только отъ націи въ цѣломъ*, обезпеченной отъ всякаго иностраннаго нападенія, конституировавшейся въ своемъ національномъ единствѣ, собравшейся въ лицѣ своихъ представителей въ собственной метрополіи въ Римѣ ³⁾, чтобы спокойно и свободно обсудить тамъ нужды страны и *составитъ новый національный договоръ*, который удовлетворитъ всѣхъ. Венеція и Римъ!—тамъ грядущее, эмансипація народа. Свободные всѣ, на пространствѣ отъ нашихъ Альпъ до нашего моря, мы сможемъ посвятить всѣ силы нашего ума и нашего сердца, нынѣ направленные на достиженіе высочайшей цѣли—основаніе Отечества, мы сможемъ посвятить ихъ на разрѣшеніе вопросовъ внутренней свободы и соціального устройства, заключающихъ въ себѣ признаніе вашихъ правъ на трудъ вѣрный, постоянный, лучше, чѣмъ нынѣ, вознаграждаемый, независимый отъ спекуляціи немногихъ и отъ произвола капитала, не въ вашихъ рукахъ находящагося. Ассоціація, поощряемая въ широкомъ масштабѣ и вспомошествоваемая національнымъ кредитомъ, залѣчитъ ваши раны. Но для того, чтобы это было сдѣлано, необходимо, чтобы создана была нація!» Очевидно, что въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, какъ и за тридцать лѣтъ до того, въ пору основанія «Молодой Италиі», итальянское единство не было для Мадзини самоцѣлью; оно служило основной предпосылкою къ достиженію въ интересахъ Человѣчества ⁴⁾ опредѣленнаго соціального идеала,—того, который дик-

¹⁾ Пребывавшіе за границей республиканцы-эмигранты выступили съ декларацией, въ которой заявляли, въ виду предстоящей войны (1859 г.), что они охотно поддержатъ пьемонтскую монархію, если только она открыто возьмется за дѣло національнаго объединенія.

²⁾ Отъ 11 авг. 1861 г. Сообщено М. Бартегази въ издаваемой профес. Коланни «Rivista Popolare» (№ 18 за 1910 г.).

³⁾ Присоединеніе Рима и Венеціи было тогда еще только мадзиніанской мечтою.

⁴⁾ Коллективные интересы человѣчества для Мадзини всегда на первомъ планѣ, прежде всего и выше всего. Вотъ что, между прочимъ, пишетъ онъ по этому поводу въ замѣчательнѣйшемъ изъ своихъ произведеній (Doveri dell'Uomo), специально посвященномъ итальянскимъ рабочимъ. «Первыя ваши обязанности, первыя по крайней мѣрѣ по важности, суть, какъ я вамъ сказалъ, обязанности по отношенію къ человѣчеству. Вы

товался, по его словамъ, «необходимостью (для трудящихся) избавиться отъ ига наемной платы и мало-по-малу при посредствѣ свободной ассоціаціи сдѣлать трудъ хозяиномъ земли и капиталовъ Италіи». ¹⁾ И въ шестидесятихъ годахъ Мадзини и его послѣдователи остаются при убѣжденіи, что составляющій цѣль ихъ стремленій социальный идеаль достижимъ только для народа, имѣющаго республиканскій государственный строй, такъ какъ «никакое социальное преобразование не можетъ быть выполнено, если не основаны политическія учрежденія, соотвѣтствующія тому началу, которое даетъ ему жизнь и силу», республика же въ концепціи Мадзини, выраженной еще въ программѣ «Молодой Италіи», — это «правительство социальное», это строй, въ которомъ «привилегія отвергается закономъ», въ которомъ «не существуетъ ни класса, ни индивидуума, которымъ нехватало бы необходимаго», гдѣ «учрежденія направляютъ свою дѣятельность главнымъ образомъ ко благу класса, наиболѣе многочисленнаго и наиболѣе бѣднаго» ²⁾ и т. д. Но теперь, тридцать лѣтъ спустя, мы видимъ существенную перемѣну во взглядахъ, если не самаго Мадзини, то его послѣдователей и соратниковъ на тотъ порядокъ, въ которомъ надлежитъ разрѣшить три органически между собою связанныхъ задачи: національную, политическую и социальную. «Существуетъ въ Европѣ, — пишетъ Мадзини, — два великихъ вопроса, или, лучше, *два формы, воспринятые* вопросомъ, касающимся трансформации власти, т.-е. *революціей*: вопросъ, который мы называемъ социальнымъ и вопросъ національный... Вообще говоря, всякая великая революція есть социальная: совершается ли она въ области политической, религіозной или какой-либо другой, она неизбѣжно измѣняетъ социальныя отношенія, источники и распредѣленіе общественнаго богатства» ³⁾. Въ другую, болѣе

люди, прежде чѣмъ быть гражданами или отцами. Если вашей любовью вы не объемлете всей человѣческой семьи, если... повсюду, гдѣ стонетъ вамъ подобный, повсюду, гдѣ достоинство человѣческой природы осквернено ложью или тираніей, вы не будете готовы, имѣя къ тому возможность, помочь несчастному, не будете сознать себя призванными, имѣя къ тому возможность, бороться за улучшеніе участи обманутыхъ или угнетенныхъ, то вы измѣните закону своей жизни»... (стр. 56). «Отечество есть точка опоры для рычага, который мы должны направлять къ общему благу. Потерявъ эту точку опоры, мы подвергаемся риску оказаться бесполезными и отечеству и человѣчеству» (стр. 61). Или, наконецъ, говоря объ обязательности братскаго отношенія къ другимъ націямъ, онъ заключаетъ: «И потому, что вы будете готовы умереть за человѣчество, жизнь нашего отечества будетъ безсмертна». (66). (G. Mazzini: «Doveri dell'Uomo», Garroni, Roma, 1906).

¹⁾ Въ воззваніи къ итальянскимъ рабочимъ, составляющимъ предисловіе къ «Doveri dell'Uomo» (стр. 3).

²⁾ «Istruzioni per gli affliggiati nella Giovine Italia». Scritti editi e inediti di G. Mazzini, per cura di A. Saffi. Vol. I, Milano, 1895.

³⁾ «Condizioni e avvenire dell'Europa». Ibid. Vol. VIII.

позднюю, эпоху (въ письмѣ къ испанскому писателю Гарридо) Мадзини пишетъ: «Для насъ не существуетъ революціи, которая была бы чисто политической. Всякая революція должна быть соціальной въ томъ смыслѣ, что ея цѣлью должно быть осуществленіе рѣшительнаго прогресса въ моральныхъ, интеллектуальныхъ и экономическихъ условіяхъ общества. А такъ какъ необходимость этого тройнаго прогресса является наиболѣе неотложной для рабочихъ классовъ, то на нихъ прежде всего должны быть обращены благодѣянія революціи». «Кто попытался бы произвести его (соціальное преобразование) изолированно (отдѣльно отъ революціи политической), возбудилъ бы бесполезный и безконечный рядъ ужасающихъ гражданскихъ войнъ. Съ другой стороны, никакая политическая революція не можетъ стать законной, придти къ благополучному концу, если она не измѣняетъ соціальныхъ порядковъ и не приобщаетъ къ національной жизни класса, до тѣхъ поръ обездоленнаго; тамъ, гдѣ она этого не дѣлаетъ, она неотвратимо создаетъ необходимость въ новой революціи черезъ непродолжительное время и является источникомъ вѣчныхъ гражданскихъ раздоровъ въ теченіе этого времени». Отсюда въ программѣ «Молодой Италіи», въ качествѣ исходнаго пункта, положеніе, гласящее, что «первый законъ всякой революціи — не создавать необходимости въ другой революціи», равно какъ усиленное подчеркиваніе того, что преобразование, которое она имѣетъ произвести, «не должно ограничиться предѣлами чисто политическими, а, распространяясь на всѣ вѣтви общественнаго устройства, должно внести жизнь, равновѣсіе, гармонію въ каждую пружину, въ каждую часть, нынѣ существующую раздѣльно и изолированно». Этому взгляду Мадзини оставался вѣренъ въ теченіе всей своей бурной, боевой и мученической жизни, и только на самое короткое время *практически* поступился имъ ради своихъ послѣдователей и соратниковъ, взгляды которыхъ въ этомъ пунктѣ, какъ сказано, потерпѣли существенную перемѣну. Тридцать лѣтъ мучительнаго и тяжкаго опыта привели ихъ основательно или неосновательно къ горестному сознанію бесплодности ихъ усилій въ дѣлѣ національнаго объединенія, и причину этого они усматривали въ томъ, что при тогдашнихъ условіяхъ одновременное рѣшеніе всѣхъ трехъ задачъ — національной, политической и соціальной было вещью невозможной. У нихъ явилась увѣренность, что именно постановка на очередь вопроса политическаго, — который въ мадзиніанскомъ понятіи «республики» сливался, какъ мы только что видѣли, съ соціальнымъ, — что именно она прежде всего и болѣе всего тормозила разрѣшеніе задачи національной, такъ какъ именно она, будто бы,

передвигала въ ряды враговъ движенія тѣ монархическіе элементы, безъ содѣйствія которыхъ въ условіяхъ тогдашней исторической конъюнктуры итальянское единство имъ представлялось недостижимымъ. Принять монархію, отказавшись до поры до времени отъ «республики», логически значило при этихъ условіяхъ ускорить національное объединеніе, а, слѣдовательно, въ конечномъ итогѣ и разрѣшеніе политической задачи и наступленіе «республики». Но логика сужденій не всегда, вѣрнѣе, очень рѣдко совпадаетъ съ логикой событій. Роковыя для «республики» послѣдствія сдѣланной уступки должны были, какъ это предвидѣлъ Мадзини, очень быстро обнаружиться.

Принять монархію, хотя бы только временно, хотя бы только исключительно и единственно, какъ факторъ національнаго объединенія, въ дѣйствительности, фактически значило принять ее цѣликомъ со всѣмъ, что составляетъ существо этого режима, что съ нимъ неразрывно связано, что изъ него неизбежно вытекаетъ. Принять монархію, значило принять и ту роль ея въ дѣлѣ національнаго объединенія, которая роковымъ образомъ предопредѣлялась положеніемъ, утверждающимъ, что наличность извѣстнаго политическаго режима необходимо предполагаетъ и борьбу за его существованіе, что нѣтъ режима, который не отстаивалъ бы себя и своихъ интересовъ всѣми имѣющимися въ его распоряженіи средствами, который не пользовался бы каждымъ представившимся ему удобнымъ случаемъ для своего укрѣпленія и усиленія. И савойская монархія не была бы монархіей, если бы не отстаивала себя, если бы династическіе интересы—основной опредѣляющій моментъ монархическаго режима—были бы въ ней отодвинуты на задній планъ, если бы они не были предметомъ исключительнаго вниманія и преимущественныхъ заботъ. Какъ только достиженіе единства стало въ зависимость отъ «комбинаціи національныхъ силъ съ династическими», въ то же мгновеніе роковымъ образомъ стало неизбежнымъ, что «комбинація» будетъ использована для достиженія не данной, а иной цѣли,—той, какая будетъ въ наибольшей мѣрѣ соотвѣтствовать тенденціямъ и интересамъ династическаго члена этой комбинаціи. Тенденціи же его и интересы въ данномъ случаѣ были въ полномъ антагонизмѣ съ тою идеею, во имя которой совершался отказъ отъ «республики» и принималась монархія. Я говорю, понятно, объ идеѣ единства въ смыслѣ *политическомъ*, объ идеѣ сліянія всѣхъ разнородныхъ итальянскихъ государствъ и областей въ одно независимое единое и нераздѣльное государственное цѣлое. Идеи національнаго единства въ *этомъ* смыслѣ, какъ отмѣчаетъ

проф. Колаянни ¹⁾, мы не найдемъ ни у Данте, ни у Петрарки, ни у Макиавелли, ни у Фосколо, ни у Леопарди. Не найдемъ мы ея направляющаго и руководящаго слѣда и въ той перманентной революціи, въ состояніи которой находились итальянскія государства со времени Партенопейской республики и вплоть до 1849 г. Всѣ почти непрерывныя въ разныхъ итальянскихъ государствахъ народныя движенія и революціи этого періода преслѣдовали исключительно и чисто мѣстныя освободительныя цѣли: сверженіе иноземнаго ига и завоеваніе политической свободы для себя. Самые пылкіе умы того времени не шли дальше Джоберти и Бальбо, т.-е. дальше идеи конфедераціи итальянскихъ государствъ. Нуженъ былъ геній Мадзини, нужны были его пламенные энергія, его желѣзная настойчивость, его бурная неукротимость, чтобы, бросивъ въ міръ идею единаго итальянскаго государства, проложить ей путь въ полусонное сознаніе итальянской демократіи того времени, чтобы, начертавъ ее огненными письменами на знамени движенія, поднять во имя ея эту политически неразвитую, идейно разрозненную, пропитанную партикуляризмомъ демократію и организовать ее въ «партію дѣйствія». Нужно было неотразимое обаяніе лучезарной личности «героя двухъ міровъ» — Гарибальди, чтобы собрать подъ сѣнь этого знамени кадры самоотверженныхъ бойцовъ, обезсмертившихъ себя почти невѣдомой раньше міру отвагой, нужна была его желѣзная, могучая, не знавшая дрожи, рука, чтобы черезъ почти непреодолимыя препятствія, преграждавшія ему путь, донести это знамя побѣднымъ до намѣченной цѣли. Воздвигались же препятствія и воздвигались долго, настойчиво и упорно какъ разъ тѣми, кого усердно культивируемая въ династическихъ цѣляхъ историческая легенда изображаетъ какъ главныхъ дѣятелей и передовыхъ бойцовъ за дѣло итальянскаго освобожденія и объединенія. Въ дѣйствительности, употребляя рѣзкое, но строго отвѣчающее исторической истинѣ, выраженіе Роберта Мирабелли, «идея единаго итальянскаго государства не проникла даже въ прихожую ихъ мозга». Въ дѣйствительности Виктору Эммануилу, Кавуру и стоявшей за нимъ партіи порядка эта идея долго, почти до 1861 г., была чуть ли не ненавистна. «Манинъ говорилъ мнѣ объ итальянскомъ единствѣ и другихъ подобныхъ *глупостяхъ*» — сообщаетъ Кавуръ въ письмѣ къ Раттацци ²⁾, а въ своемъ упомя-

¹⁾ Въ рѣчи на тему: «Sul significato del Cinquantenario Italiano», произнесенной имъ 28 мая 1911 г. на собраніи, организованномъ студенческой Corda Fratres, въ Неаполѣ, въ театрѣ Mercadante.

²⁾ Характерно, что издатель писемъ Кавура, Луиджи Кьяла выпустилъ эти строки въ соотвѣствующемъ письмѣ (отъ 12 апрѣля 1856 г.), замѣнивъ ихъ точками. Ихъ возстановляетъ Т. Паламенги—Криспи въ № 152 «Messaggero», за 1910 г., въ статьѣ «Mazzini, Cavour e l'unità».

нумомъ выше «Ризорджименто» клеймить идею объединенія, какъ «нелѣпую», «беззаконную», «пагубную». Еще болѣе характерно, что уже наканунѣ объединенія, въ ту пору когда Гарибальди уже готовился осуществить давній планъ Мадзини *al centro, al centro, mirando al sud!*¹⁾—и сдѣлать тотъ рѣшительный шагъ (марсальская экспедиція безсмертной «тысячи»), который долженъ былъ привести и привелъ къ объединенію, словомъ, 15-го апрѣля 1860 г., сардинскій король Викторъ Эммануилъ писалъ своему вѣнскому кузену, Францу Іосифу, слѣдующее: «Мы пришли къ моменту, когда Италія можетъ быть раздѣлена на два могущественныхъ государства — одно сѣверное, другое южное, которыя, придерживаясь одной и той же національной политики, осуществляютъ бы великую идею нашего времени—национальную независимость». Такимъ образомъ, даже въ ту минуту, когда Парка революціи готовилась уже перерѣзать нить жизни королевства двухъ Сицилій, національный идеалъ Пьемонта не шелъ далѣе союза двухъ монархій — савойской на сѣверѣ и бурбонской на югѣ. Идея въ мадзиніанскомъ смыслѣ единой Италіи должна была претить савойскому дому уже потому, что противъ нея былъ тотъ, отъ котораго тогда въ наибольшей степени зависѣли судьбы савойской династіи: «Я желаю,—говорилъ Наполеонъ III маркизу Пеполи,—независимости Италіи, но не ея единства, которое создало бы мнѣ опасности въ самой Франціи, благодаря римскому вопросу». Понятно, почему объединительное движеніе, способное скомпрометировать савойскую монархію и поставить династію въ рискованное положеніе, трактуется какъ мятежное, подлежащее подавленію и пресѣченію даже тогда, когда его девизомъ становится: «Италія и Викторъ Эммануилъ». Понятно почему савойская монархія, когда того требуетъ династическій интересъ, не останавливается, подавляя движеніе, даже передъ прямымъ покушеніемъ на жизнь того, кому она обязана столь многимъ — прежде всего короной обѣихъ Сицилій, а затѣмъ даже быть можетъ самымъ своимъ существованіемъ. Я говорю, конечно, о пуляхъ итальянскихъ солдатъ, которыя согласно полученному приказу, исходившему въ конечномъ счетѣ отъ Наполеона²⁾, были направлены въ Гарибальди на высотахъ

¹⁾ Въ центръ, въ центръ, прицѣливаясь въ югъ, т.-е. въ Римъ черезъ Сицилію и Неаполь.

²⁾ Онъ требовалъ, какъ гласитъ телеграмма маркиза Пеполи къ Раттацци, отъ 15 августа 1862 г., *che... si fosse messo Garibaldi alla ragione*, т.-е. чтобы Гарибальди былъ приведенъ въ разумъ. Заслуживаютъ кстати, большого вниманія строки, которыми извѣстный историкъ Гульельмо Ферреро, характеризуетъ роль Наполеона III въ судьбѣ савойской монархіи: «Республиканцы могли въ 1860—1870 гг. жестоко упрекать итальянскую монархію за ея вассальное положеніе по отношенію къ француз-

Аспромонте. И знаменательно, что какъ разъ это «величайшее изъ преступленій итальянской монархіи», какъ его опредѣляетъ профес. Колаянни ¹⁾, именно оно дало поводъ Мадзини остановить вниманіе итальянскаго народа на основной причинѣ той роковой роли, которую савойской монархіи суждено было сыграть въ его историческихъ судьбахъ. Въ пламенномъ воззваніи: «Къ Итальянцамъ», начинающемся заявленіемъ, что «пуля королевскаго ружья, ранившая Джузеппе Гарибальди, разорвала послѣднюю строку договора, заключеннаго два года тому назадъ между нами, республиканцами и монархіею»,—Мадзини, между прочимъ, пишетъ: «Итальянскій народъ сбить съ пути ложью. Отечество не пріобрѣтается безъ руководящаго начала, безъ смѣлости вывести изъ этого начала его логическія послѣдствія. Монархія для насъ не принципъ, а увертка, оппортунистическій расчетъ, по-моему ошибочный. Люди не вѣрятъ въ нее; они находятъ ее препятствіемъ на своемъ пути и, не осмѣливаясь рѣшительно напасть на нее, пытаются, обманывая и обманываясь, превратить ее въ точку опоры для движенія. Между тѣмъ монархія чувствуетъ, что не можетъ довѣриться этому народу, который изъ тактическихъ соображеній жжетъ ей и самому себѣ; она пускаетъ въ ходъ всякія измышленія, чтобы устранить его отъ дѣла и сама для себя приготовляетъ опору противъ его требованій въ союзъ съ иноземнымъ деспотизмомъ. И чужеземный деспотизмъ, который имѣетъ собственные интересы, собственные страхи, собственную логику стремленій, пользуется этой нуждою монархіи, чтобы требовать, какъ цѣну своей помощи, территоріальныхъ уступокъ,

ской имперіи, но та повѣйшая олигархія, которая въ 1859 г., благодаря счастливому случаю, овладѣла властью въ новой Италіи, слишкомъ ясно чувствовала, что французская помощь была для новаго правительства наиболѣе дѣйствительной защитой отъ его стоящихъ на сторожѣ и могущественныхъ враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ, и что монархическій режимъ, гарантируя эту помощь, являлся вмѣстѣ съ тѣмъ обезпеченіемъ не только для политическихъ, но и для экономическихъ интересовъ, уже сгруппировавшихся вокругъ новаго государства. Сильная этимъ преимуществомъ монархія могла безъ вреда, по крайней мѣрѣ, немедленно подвергнуться позору военныхъ пораженій 1866 г., могла выдержать бурю Ментаны, преслѣдовать Мадзини, принудить Гарибальди къ почетной бездѣтельности на Капрерѣ, задержать революція на пути въ Римъ—могла оставаться почти вполнѣ равнодушной къ государственной жизни, не позаботиться даже о томъ, чтобы управленіе казалось ея твореніемъ, а, предоставивъ ему получить отпечатокъ болѣе демократическій, почти республиканскій, могла, наконецъ, дать въ королевскомъ дворцѣ на виду у всѣхъ примѣръ частной жизни скандально безпорядочной и расточительной, какую никто не считалъ бы возможной въ старой Италіи, обладавшей при всѣхъ своихъ недостаткахъ глубокимъ чувствомъ семейственности и соотвѣтствующими добродѣтелями». (Guiglielmo Ferrero: «La monarchia italiana e la situazione presente», P. 7—8. Roma, 1905.)

¹⁾ См. его изобилующую документальнымъ матеріаломъ книгу: «Aspromonte». (Il piu gran delitto della Monarchia italiana). Roma-Napoli, Rivista-Popolare, 1912.)

политической системы, по возможности, подобной его собственной, союза съ его союзниками, своихъ людей въ составѣ итальянскаго правительства, и безконечнаго замедленія того завершенія національнаго итальянскаго зданія, которое, давъ странѣ единство и самосознаніе, освободило бы ее отъ всякаго покровительства, и отняло бы у Луи Наполеона ключъ къ итальянской политикѣ, находящійся въ Римѣ, и ключъ къ Средиземному морю, находящійся въ Чивитта-Веккіи». И далѣе: «Мало значитъ паденіе одного министра и появленіе у власти другого. Препона для націи находится гораздо выше; она въ необходимости института, который, не имѣя основанія для своего существованія въ странѣ, которою управляетъ, ищетъ ее внѣ послѣдней; она господствовала и будетъ господствовать болѣе или менѣе надъ любымъ кабинетомъ». Вотъ почему кто бы ни былъ савойскимъ министромъ—Кавуръ или Ла-Мармора, Раттацци или Риказоли—всѣ они одинаково, стоя на стражѣ савойской монархіи, прилагаютъ всѣ старанія къ тому, чтобы задуть народное движеніе и воспрепятствовать итальянскому объединенію, которое совершается противъ ихъ воли и вопреки ихъ усиліямъ. Чѣмъ больше раскрываются секреты разныхъ архивовъ, тѣмъ ярче обнаруживается печальная роль, сыгранная въ итальянскомъ ризоржименто савойской монархіею и ея слугами. Любопытно соревнованіе, возникнувшее на этой почвѣ между двумя лагерями савойскихъ слугъ—военнымъ и гражданскимъ, изъ которыхъ каждый старается приписать себѣ наибольшую заслугу въ устройствѣ дѣлъ монархіи и въ противодействиіи освободительному и объединительному движеніямъ. Въ высшей степени характерный въ этомъ смыслѣ документъ оглашенъ въ только что съ значительнымъ опозданіемъ вышедшей послѣдней книжкѣ (Мартъ—Апрѣль 1914 г.) новаго историческаго журнала «Il risorgimento italiano». Это письмо генерала Манфредо Фанти отъ 5 іюня 1863 г., адресованное имъ къ своему брату и исполненное негодованія по поводу господствующаго взгляда: будто бы «все сдѣлали адвокаты и имъ подобные, а мы, военные, были только презрѣнными орудіями въ рукахъ всѣхъ этихъ Кавуровъ, Фарини, Риказоли и др. Только передъ волонтерами снимаютъ шапки, потому что они сдѣланы изъ того же тѣста и ихъ боятся. Хотѣлъ бы я видѣть, какъ эти Риказоли, Фарини, Чипріари устроили бы дѣла въ центральной Италиі, если бы меня не было! А еслибы я ихъ послалъ ко всѣмъ чертямъ? Вѣдь самая то экспедиція въ Марки и Умбрію *съ цѣлью взять Анкону и остановить гарибальдійцевъ* была именно мною предложена, именно я долго и горячо настаивалъ на ней, пока Кавуръ не убѣдился и не послѣдовалъ моему совѣту»... Въ

дѣйствительности, конечно, оба лагеря одинаково усердно старались покончить съ гарибальдійскимъ и мадзиніанскимъ движеніемъ. Но, не будучи въ состояніи воспрепятствовать объединенію, эти усилія тѣмъ не менѣе не остаются безплодными; благодаря имъ, объединеніе принимаетъ ту форму и ограничивается тѣми предѣлами, въ которыхъ оно становится не только безопаснымъ для савойскаго дома, но и сугубо выгоднымъ для его интересовъ. «Благодаря комбинаціи національныхъ силъ съ династическими»,—увы!—въ дѣйствительности происходитъ не *объединеніе*, во имя котораго такъ усердно конспирировала передовая итальянская демократія, за которое она такъ упорно боролась, такъ щедро отдавала кровь и жизнь своихъ сыновъ и которое, согласно мадзиніанской мечтѣ, должно было совершиться въ Римѣ, въ учредительномъ собраніи избранныхъ всеобщимъ голосованіемъ народныхъ представителей, созданныхъ для установленія новаго Національнаго Договора; въ дѣйствительности происходитъ *аннексія*, простое *присоединеніе къ Пьемонту* освободившихся отъ своихъ мѣстныхъ тирановъ итальянскихъ областей. И вмѣсто учредительнаго собранія и Національнаго Договора на присоединенныя области, попросту, въ силу самаго факта присоединенія распространяется дѣйствіе архаическаго пьемонтскаго Статута. Это—Статутъ, первая глава котораго гласитъ: «Религія католическая, апостольская, римская есть единственная религія государства» ¹⁾, — пятая глава котораго предоставляетъ безконтрольному усмотрѣнію короны объявленіе войны и заключеніе международныхъ трактатовъ, а тридцать третья устанавливаетъ верхнюю палату (сенатъ), составленную исключительно изъ назначаемыхъ королемъ пожизненныхъ членовъ, а также изъ принцевъ королевскаго дома, въ силу своего званія съ наступленіемъ совершеннолѣтія вступающихъ въ сенатъ. Словомъ, это Статутъ, гарантирующий коронѣ свободную возможность превратить въ фикцію то народное верховенство, которое воплощается въ народномъ представительствѣ, и дающій право лицу, занимающему тронъ,

¹⁾ Любопытна исторія этой статьи, столь дико звучащей въ конституціи государства, самымъ происхожденіемъ своимъ обреченная на непрестанную систематическую борьбу съ католической церковью. Приведенный въ началѣ статьи документъ лучше всего свидѣтельствуетъ, какъ мало совѣсть ханжи Карла Альберта была встревожена нуждами требовавшаго конституціи народа; но эта совѣсть была весьма смущена клятвою, которою онъ обязался передъ Меттернихомъ, — не давать конституціи. Къ счастью, епископъ, къ которому онъ обратился за разрѣшеніемъ своихъ сомнѣній, разрѣшилъ ихъ въ пользу конституціи, но съ окончательно успокоившимъ совѣсть короля условіемъ, чтобы первая статья статута провозгласила католическую религію единственной государственной религіей.

при добромъ желаніи повторить вслѣдъ за Людовикомъ XIV: «Государство — это я!». Такъ, повинувась велѣніямъ своей природы, послужила савойская монархія дѣлу народной свободы и народного единства...

Правда, въ *настоящее время* Статутъ въ значительной мѣрѣ и въ очень существенныхъ частяхъ своихъ существуетъ только *на бумагѣ*; во многихъ отношеніяхъ *дѣйствующій* въ Италіи порядокъ—одинъ изъ самыхъ демократическихъ въ Европѣ. Было бы весьма интересной задачей выяснить въ деталяхъ, почему и какъ конституціонная практика опередила остающуюся неизмѣнной бумажную хартію, но здѣсь мы этимъ заняться не можемъ¹⁾. Здѣсь достаточно будетъ замѣтить, что демократизація дѣйствующаго порядка въ сравненіи съ писанымъ явилась неизбѣжнымъ результатомъ той неустанной борьбы за свое существованіе, которую пришлось и до сихъ поръ приходится вести монархическому режиму въ Италіи, или, что то же самое, результатомъ той иногда ослабѣвающей, иногда необычайно усиливающейся борьбы во имя торжества началъ народного верховенства, которую ведутъ передовые ряды итальянской демократіи. Но всѣ ея отряды идутъ къ цѣли одной и той же дорогой; одни ломаются напрямикъ, другіе предпочитаютъ окольные, обходные пути. Среди всѣхъ этихъ разнообразныхъ путей магистральнымъ въ теченіе значительнаго времени былъ тотъ, который ведетъ къ народному верховенству черезъ всеобщее избирательное право. На немъ мы теперь и остановимъ наше вниманіе.

II.

Борьба за всеобщее избирательное право.

Вмѣстѣ съ архаическимъ Статутомъ на присоединенныя области распространяется не менѣе архаическое пьемонтское избирательное право (законъ 17 Декабря 1860 г., копирующий пьемонтскій избирательный законъ 17 Марта 1848 г.). Въ новомъ итальянскомъ государствѣ, торжественно провозглашенномъ 14 Марта 1861 г., на почти 22 милліона жителей оказывается всего 418,696 избирателей. Потребовалось еще 10 лѣтъ и присоединеніе папской области, чтобы оно поднялось едва до 530 тыс. Понятно, что какъ только, по объединеніи страны, на очередь стали задачи внутренняго устроенія новаго государства, на одно изъ первыхъ

¹⁾ Подробности объ этомъ читатель можетъ найти въ статьѣ моей: «Балансъ савойской монархій» въ №№ 4 и 5 «Ежемесячнаго журнала» за 1914 г., а частью также въ сборникѣ «Современный Римъ» (М. 1914) въ статьѣ моей: «Квириналъ и Монтечиторій».

мѣсть въ ряду этихъ задачъ стало расширеніе избирательнаго права. Въ парламентѣ, т. н., «историческая лѣвая» ставитъ его во главѣ своей программы и на этой почвѣ ведетъ борьбу съ «исторической правой». Въ странѣ на той же почвѣ ведетъ агитацію все, что осталось живого и дѣятельнаго отъ «партіи дѣйствія», въ большей своей части уже при жизни Мадзини отказавшейся отъ революціонныхъ методовъ борьбы. Проходитъ едва два года послѣ превращенія папскаго Рима въ столицу «третьей» Италіи, какъ въ Падуѣ образуется венеціанская областная демократическая лига, ставящая одной изъ своихъ цѣлей всеобщее избирательное право. Въ то же время по всей Италіи идутъ митинги, выносящіе соотвѣтствующія резолюціи и командирующие отъ себя делегатовъ въ Римъ на гигантскій общенациональскій «митингъ митинговъ» (il comizio dei comizi), долженствующій собраться въ Колизеѣ. Но перетрусившее правительство запрещаетъ этотъ митингъ-монстръ, даже производитъ массу арестовъ и затѣваетъ огромный процессъ, который, однако, кончается ничѣмъ. На нѣкоторое время въ «суффражистскомъ» движеніи наступаетъ затишье. Между тѣмъ происходитъ одно изъ крупнѣйшихъ событій итальянской парламентской жизни: падаетъ послѣднее правое министерство—«историческая правая» окончательно, навсегда и безповоротно устраняется отъ власти, которая переходитъ къ лѣвой, къ министерству Депретиса и Никотеры. Это, такъ-называемая, «парламентская революція 18 Марта 1876 года», составляющая эру въ исторіи итальянскаго парламентаризма. Лучшей иллюстраціей тому, что, въ условіяхъ даннаго режима, представляла въ сущности эта «революція», является любопытный рассказъ бывшаго римскаго префекта, сенатора Гадда. Появленіе у власти «лѣвыхъ» не могло прійтись ему по вкусу, и онъ, несмотря на упрашиванія Никотеры, поспѣшилъ выйти въ отставку. На обычной прощальной ауденціи у Виктора Эммануила Гадда доложилъ ему о тѣхъ опасеніяхъ, которыя побудили его къ такому поступку. «И помню,—разсказываетъ бывший префектъ,—что король конфиденціально и съ улыбкою на устахъ сказалъ мнѣ слово въ слово слѣдующее: «Вы напрасно боитесь. Мы не бросимся, очертя голову, впередъ. Рычагъ механизма держу я. И вы увидите, что, когда понадобится, я сдѣлаю нажать тормоза» ¹⁾. И вотъ, за первымъ лѣвымъ министерствомъ слѣдуетъ второе, Депретиса и Криспи, за нимъ—третье, Кайроли, затѣмъ опять Депретиса и опять Кайроли, словомъ, смѣняется цѣлый рядъ министерствъ.

¹⁾ «Corriere della sera» 3—4 іюля 1901. Цитиров. у G. Rensi: «Gli antichi regimi e la democrazia diretta» con introduzione di Arcangelo Ghisleri, pag. 88. Bellinzona. Colombie Co, 1902.

почти каждое изъ нихъ выступаетъ съ новымъ проектомъ избирательной реформы, ибо для лѣвой она вѣдь *обязательство*,—а реформы все нѣтъ, какъ нѣтъ. И еще, и еще лишній разъ оправдывается пессимизмъ Мадзини въ отношеніи смѣны кабинетовъ въ условіяхъ режима, имѣющаго свои особыя отъ народныхъ и имъ антагонистичные интересы. Дѣло избирательной реформы могло бы затянуться до безконечности, если бы волею судебъ не совершилось событіе, существенно измѣнившее положеніе самого режима: 9 января 1878 года сходитъ съ жизненной сцены король Викторъ Эммануиль II.

Что оставляетъ первый итальянскій король въ наслѣдство своему сыну? Молодую, только что сформировавшуюся монархію, безъ прочныхъ международныхъ связей, безъ глубокихъ корней внутри страны—въ чувствахъ и традиціяхъ народа; населеніе, въ большей своей части—на югѣ въ особенности—обманутое въ своихъ надеждахъ на лучшую долю въ объединенной подъ скипетромъ савойскаго дома странѣ; слабую армію, покрытую безславіемъ «преступленія Аспромонте» и разгрома 1866 г. у Ку-стоццы и Лиссы; не преданное престолу, не являющееся его лучшимъ оплотомъ духовенство, а враждебный новому римскому трону и неутомимо интригующій противъ него клиръ; а слѣва—не складывающую оружія—въ переносномъ и буквальномъ смыслѣ—и все увеличивающую свои кадры передовую республиканскую и социалистическую демократію. «Съ Викторомъ Эммануиломъ, —писалъ тогда въ своей брошюрѣ «La Situazione» мадзиніанецъ (нынѣ радикалъ и бывший министръ) Пантано,—съ Викторомъ Эммануиломъ сошелъ въ могилу послѣдній представитель установленія, описавшаго заключительную кривую предназначенной ему исторіей параболы», такъ какъ «монархія держалась на ногахъ только въ силу и благодаря вѣковой борьбѣ за независимость и единство отечества; съ завершеніемъ же этой борьбы становится фатально необходимымъ, чтобы итальянское ризорджименто получило свою полноту въ народномъ суверенитетѣ». Въ свою очередь точку зрѣнія болѣе крайняго лагеря итальянской демократіи развилъ Андреа Коста на гентскомъ конгрессѣ, гдѣ онъ выступалъ въ качествѣ делегата отъ анархическихъ секцій интернаціонала—итальянской и нѣкоторыхъ швейцарскихъ (юрской федераціи). Отвергая власть, закономъ установленную, и развивая теорію власти естественной и спонтанейной, вытекающей изъ самой гармоніи вещей, онъ такъ иллюстрировалъ свои положенія: «Викторъ Эмануиль II былъ въ Италіи истиннымъ и подлиннымъ представителемъ естественной и спонтанейной власти въ сферѣ національной эманципаціи

до тѣхъ поръ, пока интересы итальянскаго народа находили примиреніе съ его интересами въ одинаковомъ представленіи объ идеалѣ, который слѣдовало осуществить. По объединеніи же отечества, такъ какъ онъ достигъ своихъ цѣлей и своихъ интересовъ, не согласуясь болѣе съ интересами народа, онъ пересталъ быть естественнымъ и законѣрнымъ представителемъ той власти, въ отношеніи которой не существовало болѣе согласія». Отличаясь отъ предыдущей по своимъ основаніямъ, эта болѣе крайняя точка зрѣнія приводила, тѣмъ не менѣе, къ однимъ и тѣмъ же практическимъ выводамъ въ отношеніи монархическаго режима вообще, и его новаго представителя на престолѣ въ особенности. Положеніе новаго короля было на много хуже его предшественника. Если при жизни Виктора Эммануила одной изъ весьма существенныхъ гарантій прочности монархическаго режима былъ окружавшій перваго итальянскаго короля и весьма импониравшій массамъ ореолъ «отца отечества», ореолъ творца единой Италіи, то, со вступленіемъ на престолъ Гумберта I, монархія теряла также весьма значительный, иногда даже единственно серьезный шансъ личнаго престижа; никакими дѣйствительными или мнимыми заслугами передъ страною онъ еще не заявилъ себя, по зато на его совѣсти лежалъ уже тяжкій грѣхъ невинно пролитой крови. Я говорю о крови ефрейтора Барзанти,—республиканца, разстрѣляннаго 27 августа 1870 г. по приговору миланскаго военнаго суда. Три года тому назадъ тогдашнему секретарю республиканской партіи, У. Серпіери, удалось какимъ-то образомъ выудить изъ военно-судебныхъ архивныхъ тайниковъ подлинное дѣло и огласить его на столбцахъ центральнаго органа партіи ¹⁾. Это рядъ ошеломляющихъ своимъ цинизмомъ документовъ, не оставляющихъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что дѣло было создано искусственно и что рѣшавшій его военный судъ завѣдомо учинилъ актъ гнуснѣйшаго неправосудія, покорный полученному приказу присудить «къ хорошенькому разстрѣлу» (*ad una buona fuzilazione*), дабы дать войску «одинъ изъ тѣхъ ужасающихъ примѣровъ строгости, которые говорятъ ясно», какъ гласитъ письмо военнаго генеральнаго адвоката къ генеральному прокурору. По произнесеніи смертнаго приговора надъ молодымъ республиканцемъ, явно невиннымъ, взволнованное итальянское общество дѣлаетъ попытку спасти несчастнаго: маркиза Анна Паллавичини Тривульціо подаетъ петицію о помилованіи, подписанную Гарибальди и 40 тысячами матерей. Но правительство устраиваетъ такъ, что принимаетъ петицію только спустя нѣсколько часовъ по совершеніи казни. Эта же-

¹⁾ «La Razione» №№ отъ 15, 18 и 19 августа 1909 г.

стоимость была тѣмъ большей, что послѣ произнесенія приговора прошло уже три мѣсяца и несчастный Барзанти имѣлъ всѣ основанія вѣрить въ спасеніе своей жизни. И на казни, во имя спасенія арміи отъ республиканскаго яда, настоялъ и съ совершеніемъ ея посигѣшилъ никто иной, какъ наслѣдникъ престола, будущій король Гумбертъ I, котораго официальные историки именуютъ «добрымъ» (Re Buono)¹⁾. Очевидно, что тѣ условія, при которыхъ произошла смѣна на престолѣ, необычайно благопріятствовали широкому и сильному антимонархическому движенію. Въ свою очередь молодого короля, равно какъ общественныя группы, сознававшія себя связанными съ монархическимъ режимомъ и съ династіей, эти условія должны были побудить къ исключительной заботѣ объ укрѣпленіи династии и режима. «Монархія,—констатируетъ тогда же (по поводу призыва къ власти Кайроли) основоположникъ итальянскаго радикализма Бертани въ своей брошюрѣ «l'Italia aspetta»,—монархія блюдетъ свои интересы: она сознаетъ малую глубину своихъ корней, ограниченность традицій, знаетъ элементы ей противные и, повернувшись носомъ къ вѣтру, старается учуять погоду». Куда дуетъ вѣтеръ и какая готовилась погода—угадать было нетрудно. Особенности момента благопріятствуютъ попыткѣ Гарибальди собрать воедино разсыпавшуюся было храмину итальянской демократіи. По мысли Альберто Маріо, идейнаго главы республиканцевъ-эволюціонистовъ, онъ основываетъ въ 1879 г. Лигу Демократіи (Lega della Democrazia Italiana), которая въ основу своей программы кладетъ два требованія: всеобщее избирательное право и учредительное собраніе, долженствующее «выработать національный договоръ». При этомъ, однако, намѣчается такой планъ дѣйствій, который даетъ возможность объединиться въ Лигѣ не только республиканцамъ разныхъ школъ и направле-

¹⁾ Спасъ ли онъ армію, — это вопросъ, но савойскому дому этотъ разстрѣлъ повредилъ несправимо. Едва ли еще какая-либо изъ европейскихъ демократій имѣетъ такой, какъ итальянская, культъ мучениковъ за свободу (i martiri), память которыхъ одинаково глубоко и свято читается всѣми ея слоями. Имя Барзанти въ Италіи теперь одно изъ самыхъ популярныхъ: имъ названы сотни политическихъ клубовъ и профессиональных организаций; ежегодно въ день разстрѣла по всей Италіи совершаются торжественныя поминки погибшаго отъ «королевской пули». Итальянская демократія, и въ этомъ ея замѣчательнѣйшая особенность, ведетъ самый точный, самый подробный счетъ всѣмъ когда бы то ни было и по какому бы то ни было поводу пролитымъ каплямъ народной крови. Когда этотъ счетъ будетъ предъявленъ къ оплатѣ, то въ немъ, несомнѣнно, на одномъ изъ самыхъ видныхъ мѣстъ будетъ значиться кровь Барзанти... Разсказъ маркизы Паллавичини, какъ ее одурачили, равно какъ письмо ея по этому поводу къ итальянскимъ женщинамъ, воспроизведены въ вышедшихъ недавно воспоминаніяхъ Монтини (C o n t a r d o M o n t i n i «Evocazioni patriottiche. Pagine di storia pavese». Pavia, Tipografia popolare, 1912).

ній ¹⁾, но и радикаламъ и даже наиболѣе лѣвымъ монархистамъ. Лига начинаетъ тѣмъ, что организуетъ знаменитые «сто митинговъ», на которыхъ выступаютъ корифеи республиканскаго движенія: Бовіо, Каваллотти, Саффи, Маріо, Оннисъ, Кампанелла и др. Всѣ митинги ограничиваются требованіемъ всеобщаго избирательнаго права, и только пять—въ Кьявеннѣ, Форми, Лечче, Генуѣ и Падуѣ,—въ нарушение плана, требуютъ также учредительнаго собранія. На римскомъ же митингѣ, въ соотвѣтствіи съ планомъ, выдвигается идея «митинга митинговъ», для созыва котораго (въ Римѣ) избирается комитетъ. Последнему предоставляется пригласить къ участію въ «митингѣ митинговъ» не только делегатовъ отъ мѣстныхъ митинговъ, но и представителей отъ рабочихъ и политическихъ организацій. Этотъ мѣстный римскій комитетъ скорѣ превратился въ комитетъ національный, въ который, подъ предсѣдательствомъ Гарибальди, вошли всѣ

¹⁾ Уже значительно раньше, еще при жизни Мадзини, республиканцы раскололись на унитаріевъ и федералистовъ и на мадзиніанцевъ и гарибальдійцевъ. Лозунгомъ унитаріевъ, съ Мадзини во главѣ, было: е д и н с т в о и с в о б о д а; федералисты же, съ Каттанео во главѣ, стояли за с в о б о д у и е д и н с т в о. По ихъ мнѣнію, прежде всего революція должна была осуществить свободу на мѣстахъ, путемъ обращенія всѣхъ итальянскихъ монархій въ свободныя республики, и послѣднія уже, организовавшись въ единую національную федерацію, обеспечили бы вмѣстѣ съ тѣмъ и независимость страны. Поэтому, въ то время, какъ Мадзини, скрѣпя сердце, пошелъ на уступку, хотя бы и временную и условную, Каттанео рѣшительно возсталъ противъ лозунга: «Италія и Викторъ Эммануилъ». «Такимъ образомъ,—негодовалъ онъ,—не создаютъ республики, а дарятъ провинціи монархіи». Что касается раскола между Гарибальди и Мадзини и соотвѣтственно между ихъ послѣдователями, то читатель могъ самъ замѣтить, что въ цитированномъ выше воззваніи по поводу попытки убить Гарибальди на Аспромонте аргументація Мадзини, по существу, направлена противъ самого Гарибальди. Именно чрезмѣрная податливость послѣдняго по отношенію къ Виктору Эммануилу, систематически эксплуатировавшаго его въ интересахъ династіи, служила главнымъ источникомъ раздора между обоими вождями движенія, что не помѣшало, однако, Гарибальди за обѣдомъ у Герцена поднять бокалъ за Мадзини, какъ своего «учителя». Характерно, что когда въ позапрошломъ году (1912) республиканцы предположили соотвѣтствующими манифестаціями ознаменовать «годовщину Аспромонте», то собравшіеся во Флоренціи на конгрессъ мадзиніанцы (республиканская непримиримая бойкотистская партія) рѣшили отъ участія уклониться. И вотъ какъ мотивировали они это рѣшеніе въ своемъ органѣ «Terza Italia». Аспромонте представляетъ собою «одинъ изъ наиболѣе феноменальныхъ, наиболѣе чудовищныхъ примѣровъ неблагодарности итальянской монархіи по отношенію къ тому, котораго она должна была бы считать однимъ изъ величайшихъ своихъ благодѣтелей—къ Джузеппе Гарибальди. Но... не болѣе» т.-е., этимъ все значеніе событія исчерпывается. Если бы Гарибальди на Аспромонте не былъ остановленъ, «если бы предпріятіе 1862 г. удалось, то Гарибальди вошелъ бы въ Римъ, какъ то было въ Палермо и Неаполѣ, въ качествѣ диктатора во имя монархіи. Нынѣ во имя здравой политики, ради приведенія въ гармонію мозга и сердца, чувства и логики, республиканцы мадзиніанцы не чувствуютъ себя въ состояніи помянуть людей и событія, которыя основали и упрочили или должны были упрочить политическое установленіе, противъ котораго они (мадзиніанцы) ведутъ ежедневную борьбу и которое они желали бы видѣть исчезающимъ».

виднѣйшіе представители итальянской демократіи разныхъ областей и разныхъ направленій и оттѣнковъ. Въ манифестѣ Гарибальди (отъ 26 апрѣля 1879 г.), разосланномъ комитетамъ мѣстныхъ митинговъ и различнымъ организаціямъ съ приглашеніемъ къ участию въ римскомъ общетальянскомъ митингѣ, равно какъ въ докладѣ, заготовленномъ по порученію комитета Альбертомъ Маріо, ясно были намѣчены и постановка вопроса и соотвѣтствующій методъ дѣйствій. Делегаты всѣхъ областей Италіи соберутся на митингъ, чтобы утвердить въ ней начала народнаго верховенства, которое «проявляется и заключается въ обладаніи и пользованіи» правомъ избирательнымъ и правомъ учредительнымъ, изъ которыхъ, какъ подчеркиваетъ докладъ, въ 1860 г. первое было возстановлено и немедленно же утрачено, а второе не было осуществлено. Понятно, поэтому, что «оба права,—разъясняетъ манифестъ,—не должны быть разсматриваемы, какъ права естественныя, которыя предстоитъ пріобрѣсти, а являются правами историческими, которыя должны быть потребованы обратно»¹⁾. Методъ, намѣчаемый манифестомъ, заключается въ «примѣненіи мирныхъ средствъ, т.-е. въ естественномъ и разумномъ развитіи всѣхъ организмовъ, на вершинѣ которыхъ стоитъ организмъ челоуѣчества въ его національныхъ формахъ. И только въ томъ случаѣ, когда это эволюціонное движеніе встрѣтило бы препону, которая въ такой мѣрѣ противодѣйствовала бы ему, что даже не допускала бы возможности ея обхода и поэтому явилось бы преградою непрерывности эволюціи,—только въ такомъ случаѣ вспыхнула бы революція, которая опять двинула бы ее впередъ». Въ связи съ этими строками заслуживаютъ особеннаго вниманія слова, которыми Гарибальди заключаютъ свой манифестъ: «Такъ какъ,—пишетъ онъ,—Лига Демократіи рѣшила ограничить свою работу предѣлами права, пользуясь мирными средствами, то я *предупреждаю того, кто правитъ Италіей*, что въ случаѣ помѣхи, противодѣйствія или какого либо нарушенія правъ Лиги *отвѣтственность передъ націей и исторіей падаетъ исключительно на него*, если Лига, чтобы оградить и отстоять свои права, сознавая законность своей самозащиты *обратится къ совѣстмъ инымъ средствамъ, чѣмъ тѣ, которыя были ею предложены*... Хронологическую послѣдовательность, которую слѣдуетъ соблюсти, манифестъ опредѣляетъ положеніемъ: «прежде—

¹⁾ Между прочимъ, оба документа, равно какъ произнесенныя на митингѣ рѣчи Бовіо и Пантано, воспроизведены въ № 22 «Le Ragione» (отъ 22 января 1911 г.) рядомъ съ манифестомъ Централ. Комитета республиканской партіи отъ 22 янв. 1911 г., открывавшимъ новую кампанію въ пользу всеобщаго избирательнаго права и пропорціональнаго представительства.

всеобщее избирательное право», — что будто бы «указывается самымъ ходомъ вещей»; а Маріо въ своемъ докладѣ разъясняетъ: «Вы знаете, господа, что одно дѣло надумать программу, другое — примѣнить ее, т.-е., одно дѣло мысль, другое — дѣйствіе. Мыслить синтетически, дѣйствуютъ аналитически, но то, что задумано въ его цѣломъ, является тѣмъ маякомъ, который указываетъ путь къ завоеванію задуманнаго часть за частью. То же самое, господа, происходитъ во всѣхъ битвахъ: намѣчаются всѣ пункты, атакуется же только одинъ изъ нихъ. Одолѣвъ его, обрушиваются на другіе, и такимъ образомъ достигается побѣда. Въ дѣйствительности задуманный планъ возстановляетъ народный суверенитетъ, проявляющійся въ двухъ только что упомянутыхъ главныхъ правахъ. И характеризуется этотъ планъ требованіемъ одного изъ нихъ — того, въ которомъ заключается другое: всеобщаго избирательнаго права». Такой планъ дѣйствій, повидимому, диктуется и народной волей, такъ какъ вполне гармонируетъ съ рѣшеніемъ большинства мѣстныхъ митинговъ (90%), и «потому въ качествѣ права прелиминарнаго и ступени къ завоеванію другихъ правъ, изъ которыхъ складывается народный суверенитетъ, всеобщее избирательное право будетъ исключительной темой, къ разрѣшенію которой предсѣдатель собранія пригласитъ делегатовъ отъ митинговъ, потому что это, именно, митингъ митинговъ». И, во избѣжаніе недоразумѣній, заявляется еще болѣе опредѣленно и категорически: «Васъ пригласили сюда не для обсужденія и составленія программы. Васъ призвали для примѣненія программы, уже установленной. Примѣненіе же программы можно сравнить со взятіемъ крѣпости, сперва — одинъ люнетъ, потомъ — другой, затѣмъ — бастионъ, затѣмъ — цитадель». Но задача митинга не исчерпывается принятіемъ опредѣленной резолюціи въ отношеніи всеобщаго избирательнаго права. Онъ долженъ еще, какъ указываетъ манифестъ, «стать руководящимъ для новыхъ формъ агитаціи до тѣхъ поръ, пока это право станетъ реальной дѣйствительностью и неотъемлемой принадлежностью каждаго итальянца». Въ этихъ видахъ принятый делегатами порядокъ дня «будетъ при посредствѣ печати сообщенъ римскому населенію и на слѣдующій день предложенъ на его утвержденіе въ открытомъ и публичномъ мѣстѣ»... Получится, слѣдовательно, въ пользу всеобщаго избирательнаго права «плебисцитъ Рима», а затѣмъ, повторенный одинъ вслѣдъ за другимъ всѣми городами, онъ станетъ плебисцитомъ Италіи». Такимъ образомъ, — заключаетъ манифестъ Гарибальди, — «эволюція, разростаясь изъ митинговъ въ плебисцитъ, превратится въ тотъ категорическій импе-

ративъ, передъ которымъ уничтожится **всякое сопротивление**. Нетрудно было предвидѣть, что такая постановка вопроса комитетомъ не встрѣтитъ единодушія на митингѣ: уже заранѣе многія политическія и профессиональныя организаціи, принимая приглашеніе къ участию въ немъ, въ то же время представили возраженія противъ ограниченія его задачи исключительно избирательнымъ правомъ. Кромѣ того, въ митингѣ приняли участіе Карль Кафіеро и только что возвратившійся изъ каледонской ссылки знаменитый коммунаръ Амилькаръ Чипріани,—и приняли участіе, именно, въ надеждѣ использовать митингъ въ цѣляхъ революціонныхъ. Однако, оба теченія (эволюціонное и частью примирительное—съ одной стороны, непримиримое и революціонное—съ другой) оказались равносильными (пятьсотъ противъ пятисотъ). Эволюціонное теченіе, во главѣ котораго стоялъ Альберто Маріо, было вмѣстѣ съ тѣмъ и федералистскимъ. Федералистомъ былъ тогда и Гарибальди, вообще въ эту пору своей жизни находившійся подъ особенно сильнымъ вліяніемъ Маріо. Революціонное теченіе было вмѣстѣ съ тѣмъ и унитарнымъ въ чисто мадзиніанскомъ смыслѣ, т. е. отвергающимъ федерализмъ, какъ его тогда понимали, и требовавшимъ широкой мѣстной не только административной, но и *законодательной автономіи*. Во главѣ его стоялъ Антоніо Фратти. Органомъ эволюціонистовъ была газета Маріо «*da Lega della Democrazia*», рѣзко, часто даже неприлично и недобросовѣстно полемизировавшая съ мадзиніанскимъ «*Il Doveghe*», умѣвшимъ, благодаря своему главному руководителю, Фратти, даже въ пылу страстной полемики сохранить спокойный, полный достоинства тонъ. Борьба могла бы кончиться въ ничью, и митингъ могъ бы разрѣшиться полной неудачей, если бъ не примиряющее вмѣшательство Бовіо. Онъ напоминаетъ, что митингъ—собраніе делегатское, связанное резолюціями мѣстныхъ митинговъ и не могущее ни расширять рамокъ вопроса, ни дискредитировать методовъ дѣйствія, не соответствующихъ высказанной въ резолюціяхъ народной волѣ. «Нация,—сказалъ онъ,—чувствуетъ и знаетъ, когда наступаютъ ея великіе часы: бываетъ—часъ дискуссій, бываетъ—часъ революціи. Нынѣ нація обсуждаетъ и желаетъ обсуждать, но нѣтъ ея согласія на то, чтобы дебатировалась революція: революціи дѣлаются! Мы можемъ здѣсь выяснять, когда и какъ она дѣлается, но не сдѣлать ее вмѣсто націй. Неудавшаяся эволюція объясняетъ революцію: неудача реформы можетъ служить для нея серьезнымъ вызовымъ». Однако, самое существенное ораторъ видитъ не въ этихъ соображеніяхъ, а въ возможной неудачѣ митинга какъ разъ тогда, когда въ парламентѣ

стояло на очереди обсужденіе избирательной реформы: «Вы,—сказалъ Бовіо,—добавляя сверхъ всеобщаго избирательнаго права то или другое партійное пожеланіе, то или другое условіе, можете по поводу этой проблемы вызвать въ демократіи раздоръ, который ни на одинъ день, ни на одинъ часъ не замедлитъ ея разрѣшенія, потому что надъ нами и мимо насъ нація будетъ продолжать свой путь. Но вы можете отвести историческое теченіе въ другое русло, и это на много лѣтъ можетъ стать пагубнымъ для демократіи. Раздоръ могъ бы заставить насъ потерять инициативу, которая изъ нашихъ рукъ сейчасъ же перешла бы въ руки нашихъ противниковъ. Со всеобщимъ избирательнымъ правомъ повторилось бы то же, что произошло съ единствомъ: другіе были инициаторами, другіе были оккупаторами, а демократія осталась не при чемъ... Если сегодня мы изъ-за формальныхъ разногласій приостановимся въ своей работѣ, то за разрѣшеніе проблемы, такъ какъ она созрѣла, немедленно примутся наши противники. Последніе—люди проникательные; и для того, чтобы разбить проектъ правительства, устранить насъ отъ борьбы и добыть себѣ средство для воскресенія, такъ какъ, кромѣ этого, у нихъ другого, повидимому, нѣтъ,—они навѣрное выступятъ защитниками всеобщаго избирательнаго права ¹⁾. То, что должно было быть завоеваніемъ, станетъ пожалованіемъ. И результаты получатся уродливые. Народъ, который не обязанъ самому себѣ своимъ основнымъ правомъ, который не чувствуетъ признательности къ самому себѣ за великія приобрѣтенія цивилизаціи,—такой народъ не ощущаетъ своей суверенности. Такъ онъ уже созданъ—и остается благодаренъ любезнымъ дарителямъ... Итакъ, всѣ за одно! Печать, пропитанная буржуазнымъ лицемеріемъ, дрожитъ отъ злости при мысли, что всеобщее избирательное право будетъ завоеваніемъ, а не пожалованіемъ. Лучше ничего, чѣмъ пожалованіе, лучше отказъ, лучше патентъ на неспособность, лучше насильственное лишеніе права, чѣмъ по-

¹⁾ Насколько основательны были опасенія Бовіо, это обнаружилось очень скоро. Митингъ митинговъ происходилъ 12 февраля, а 30 марта въ палатѣ обсуждался представленный лѣвымъ министерствомъ (Кайроли) проектъ избирательной реформы. Представитель правой, искавшей всякихъ способовъ для своего воскрешенія (впоследствии главный вдохновитель реакціонной политики Целлу), бар. Сидней Соннино заканчиваетъ свою рѣчь, посвященную критикѣ проекта, слѣдующимъ обращеніемъ къ главѣ кабинета: «Вамъ, многоуважаемый Кайроли, и этой палатѣ надлежитъ выполнить славную задачу—подтвердить и показать провозглашеніемъ всеобщаго избирательнаго права, что жизнь и процвѣтаніе итальянской монархіи савойскаго дома, ведшаго насъ къ единству и независимости отечества, совместима съ самой широкой изъ свободъ и народныхъ правъ, словомъ, что эта монархія, по существу, есть монархія демократическая» Эту рѣчь Gino Meschiari очень кстати напомнилъ Соннино во время его второго министерства въ 1909 году (См. письмо Meschiari въ редакцію «La Ragione», въ № отъ 15 декабря 1909 г.).

жалованіе!» Подъ вліяніемъ ли этой аргументаціи, подъ вліяніемъ ли (скорѣе) необычайной популярности, которою пользовалась обаятельная личность оратора даже среди его противниковъ, во всякомъ случаѣ почти единогласно былъ принятъ слѣдующій порядокъ дня: «Митингъ митинговъ, собравшійся въ Римѣ въ присутствіи делегатовъ отъ ста митинговъ и тысячи двухсотъ народныхъ ассоціацій,—памятуя, что на неотчуждаемомъ верховенствѣ народа зиждется новое публичное право и что на обязанности демократіи лежитъ добиваться его возстановленія,—приглашаетъ народъ завоевать вновь всеобщее избирательное право, какъ одно изъ составныхъ правъ того верховенства, изъ котораго исходитъ законъ новой итальянской жизни». Этотъ порядокъ дня¹⁾ долженъ былъ на другой день подвергнуться плебисциту римскаго населенія, которое должно было собраться для этой цѣли на площади Капитолія. Но,—говоря словами воззванія, выпущеннаго по этому поводу комиссіей митинга—«сознательному и мирному осуществленію права, правительство противопоставляетъ насиліе страха, призвавъ въ Римъ многочисленные баталіоны въ двойной надеждѣ—свалить на демократію вину за пролитіе братской крови и потушить въ этой крови пламенные желанія народа, съ твердой рѣшимостью выраженныхъ на митингахъ». Народъ, не допущенный на капитолійскую площадь, воззваніе приглашало собраться въ Sferisterio²⁾, «такъ какъ Римъ долженъ во что бы то ни стало начать періодъ плебисцитовъ ради возстановленія народнаго суверенитета». И Римское населеніе многотысячной процессіей съ сотней распущенныхъ знаменъ *подъ окнами Квиринала* прошло на новое мѣсто. Это было 13 февраля 1881 г., а 29 мая Кайроли смѣняетъ Депретисъ. Новое министерство, въ которомъ участвуетъ Цанарделли, вноситъ новый—шестой по счету—проектъ избирательной реформы, сравнительно съ прежними весьма широкой, долженствующій поднять число избирателей съ 600 тыс. до 2 милліоновъ съ лишкомъ.

22 января 1882 г. проектъ становится закономъ. Эта крупная либеральная реформа, благодаря которой первые же выборы (1882 г.) ввели въ парламентъ нѣсколькихъ выдающихся республиканцевъ,—эта реформа не одна характеризуетъ собою медовый мѣсяцъ новаго царствованія: въ тотъ же періодъ происходитъ еще отмѣна смертной казни, отмѣна налога на помоль и нѣко-

¹⁾ Онъ редактированъ былъ комиссіей, въ составъ которой вошли: Джованни Бовіо, Феличе Каваллотти, Эдоардо Пантано, Винченцо Бруско Оннишъ, Лоренцо Костангута, Альберто Маріо и Антоніо Фратти.

²⁾ Обширный, окруженный заборомъ, участокъ земли для игры въ мячъ. По итальянскимъ законамъ власть не можетъ воспрепятствовать собранію въ закрытомъ или хотя бы только «огороженномъ» мѣстѣ.

торія другія реформы, болѣе или менѣе крупнаго значенія. Но удержаться долго на пути демократическихъ реформъ новое царствованіе не могло. Тому мѣшалъ прежде всего характеръ объединившихся вокругъ монархіи общественныхъ группъ, имѣвшихъ свои особые интересы, противоположные интересамъ итальянской демократіи, особенно, ея трудовымъ массамъ. Но едва ли не въ наибольшей мѣрѣ тому виною были личныя свойства короля, склоннаго къ самовластью, чрезвычайно враждебнаго демократіи, чувствовавшего глубокое отвращеніе къ ея политическимъ и социальнымъ идеаламъ ¹⁾, охотно прислушивавшагося къ нашептываніямъ дворцовой камарильи, легко поддававшегося дурнымъ, въ особенности же женскимъ вліяніямъ, и съ теченіемъ времени, наконецъ, все болѣе и болѣе пропитывавшагося милитаристскими и имперіалистскими стремленіями, которыя въ ту пору въ наибольшей мѣрѣ претили итальянской демократіи, тогда не успѣвшей еще забыть идеаловъ, руководившихъ ею въ ея вѣковой борьбѣ за единство и свободу. И въ результатѣ, удовлетворительно начавшееся 22-лѣтнее царствованіе Гумберта I, превращается въ почти сплошную реакцію, вписывающую наиболѣе печальныя и мрачныя страницы въ исторію молодого итальянскаго государства.

Благодаря новому избирательному закону, къ 1892 г. число избирателей вырастаетъ до трехъ съ лишнимъ милліоновъ. Съ каждымъ новыми выборами, одновременно со всевозрастающимъ въ странѣ недовольствомъ, идетъ прогрессивное усиленіе въ палатѣ крайней лѣвой, главнымъ образомъ республиканской и социалистической. Правительству, окончательно и рѣшительно ставшему на путь реакціи, вытекающая отсюда перспектива не улыбается, и оно спѣшитъ положить предѣлъ дальнѣйшему росту кадровъ правящей демократіи: Криспи проводитъ черезъ палату законъ 11 іюля 1894 г. объ экстренной ревизіи избирательныхъ списковъ,—законъ, отдавшій судьбы избирательнаго корпуса всецѣло въ руки правительства. Черезъ посредство покорныхъ его волѣ провинціальныхъ комиссій и магистратуры оно быстро производитъ въ этомъ корпусѣ гигантское опустошеніе: главнымъ образомъ, за недоказанностью грамотности—основнаго условія для пользованія избирательнымъ правомъ—изъ избирательныхъ списковъ исключается сразу около 820 тыс.

¹⁾ Утверждаютъ, будто бы король рѣшительно заявлялъ себя противникомъ какого бы то ни было расширенія избирательнаго права и свою санкцію закону 22 января 1882 г. онъ далъ только подъ вліяніемъ того подавляющаго впечатлѣнія, какое произвела на него демонстрація 13 февраля 1881 г., которую онъ наблюдалъ изъ оконъ Квиринала (см. Giovani Miceli: «Suffragio universale... forse che si, forse che no!...» въ № 125 «La Ragione», 1911 г.).

избирателей и въ томъ числѣ немалое количество даже... университетскихъ профессоровъ... Само собою понятно, что эта грубая и рѣзкая мѣра, еще болѣе взволновавъ и безъ того уже достаточно взволнованную демократію ¹⁾, неизбѣжно должна была снова выдвинуть на очередь вопросъ о всеобщемъ избирательномъ правѣ. Инициативу снова берутъ на себя республиканцы. Въ 1895 г., едва собралась новая палата, вышедшая изъ ложа обривизованныхъ избирательныхъ списковъ, Джинно Вендемини совместно съ Као Пичино и др. вноситъ въ палату соответствующій проектъ закона. Въ рѣчи, произнесенной Вендемини 28 іюня 1895 г. въ защиту проекта, сверхъ традиціонныхъ аргументовъ въ пользу всеобщаго избирательнаго права, какъ «историческаго» съ обычной ссылкой на плебисциты, выдвигаются два новыхъ мотива: политическій и моральный. Первый изъ нихъ подсказывается той вакханаліей произвола, какую представила собою только что пережитая практика «ревизионнаго» закона, когда даже для мало зрячаго должно было съ бьющей въ глаза очевидностію обнаружиться, какимъ могучимъ орудіемъ произвола является система избирательныхъ списковъ, органически связанная съ ограниченнымъ избирательнымъ правомъ. Сдѣлалась явно неотложной политическая необходимость при посредствѣ всеобщаго избирательнаго права «отнять у правительства и магистратуры возможность продѣлокъ съ избирательными списками, потому что ограниченное избирательное право, не имѣя подъ собою безусловнаго основанія и не опредѣляясь логической нормой, а вытекающая только изъ условій политической потребности, всегда остается въ зависимости отъ произвола партіи, стоящей у власти. Это, именно, каналъ съ подвижными стѣнками, при посредствѣ которыхъ онъ, по желанію правительства и парламентскаго большинства, то суживается, то расширяется, сообразно съ потребностями данной минуты». «Кромѣ этого политическаго мотива, — продолжалъ Вендемини, — есть еще мотивъ моральный, не менѣе важный, который я усматриваю въ неотложной необходимости положить предѣлъ той страшной подкупности, которою запятнаны уже весь избирательный корпусъ... Есть господа, которые покупаютъ избирательный участокъ..., но когда мы въ такой мѣрѣ расширимъ поле, что эти скупщики голосовъ не смогутъ болѣе эксплуатировать его, такъ какъ не будутъ имѣть болѣе ни способовъ, ни средствъ для этой гнусной торговли, — какъ много выиграемъ мы въ области нравственности».

¹⁾ Это былъ періодъ повсемѣстныхъ демонстрацій безработныхъ, часто окончавшихся кровопролитіемъ, затѣмъ банковскихъ скандаловъ, въ которые были замѣшаны «высокія» особы, повсемѣстныхъ революціонныхъ вспышекъ, карательныхъ экспедицій и военныхъ судовъ.

Джузеппе Мадзини.
(Изъ собранія Р. К. Чертовой).

Конечно, проект Вендемини остается проектомъ. Между тѣмъ наступаютъ самые тяжелые, самые мрачные дни царствованія короля Гумберта I. Абиссинская авантюра, затѣянная королемъ въ надеждѣ на императорскую корону ¹⁾, заканчивается позорнымъ разгромомъ у Адуи. По всей странѣ, страдающей отъ произвола властей, тяжести налоговъ, безработицы и дороговизны, систематически вспыхиваютъ бунты, жестоко подавляемые оружіемъ и служащіе для правительства удобнымъ поводомъ, чтобы начать систематическую травлю своихъ политическихъ противниковъ—соціалистовъ и республиканцевъ,—чтобы придушить печать, распустить профессиональныя организаціи и т. д. Миланъ протестуетъ противъ дѣйствій закусившаго удила правительства, особенно, противъ разстрѣловъ, чинимыхъ южными карательными экспедиціями и въ результатѣ—исторія кровавыми письменами записывается на своихъ страницахъ «майскія событія»—систематическій въ теченіе нѣсколькихъ дней разстрѣлъ войсками беззащитныхъ и не помышлявшихъ о вооруженномъ отпорѣ миланцевъ—стариковъ, женщинъ и дѣтей. Слѣдуетъ исполненная радостныхъ чувствъ телеграмма Гумберта генералу-усмирителю Бавъ-Бекарису, котораго король извѣщаетъ о наградѣ орденомъ и благодаритъ за «услугу, оказанную учрежденіямъ (т.-е. монархіи) и цивилизаціи»... Слѣдуетъ: объявленіе поль-страны въ осадномъ положеніи, отмѣна конституціонныхъ гарантій, наконецъ, попытка дворцовой камарильи использовать благопріятный моментъ для превращенія исключительнаго положенія въ нормальное и для расширенія прерогативъ короны за счетъ народнаго представительства. Слѣдуютъ: законопроектъ Пеллу, уничтожающій всѣ свободы, обструкція крайней лѣвой, перерывъ сессіи и превращеніе проекта въ дѣйствующій законъ при посредствѣ королевскаго указа (20 іюля 1899 г.), возобновленіе сессіи, насильственное введеніе новаго наказа, фактически уничтожающаго всякую оппозицію, опять обструкція крайней лѣвой, доведенная до крайней степени возможнаго и, наконецъ, убійство Гумберта въ Монцѣ анархистомъ Бреши, мотивировавшимъ свою рѣшимость телеграммой Гумберта къ Бавъ-Бекарису. Въ теченіе всего этого здѣсь только въ его главнѣйшихъ этапахъ намѣченнаго періода передовой итальянской демократіи было не до всеобщаго избирательнаго права. Въ этотъ періодъ дѣло шло не о расширеніи народныхъ правъ, а о сохраненіи, по крайней мѣрѣ, уже ранѣ добытаго. Пришлось затратить огромныя усилія на то, чтобы отстоять права народнаго пред-

¹⁾ Была заблаговременно отчеканена монета, на которой Гумбертъ I былъ изображенъ съ абиссинской императорской короной на головѣ.

ставительства, защитить свободы и, въ особенности, право коалицій, подвергавшееся наибольшей опасности и въ то же время практически оказавшееся самымъ важнымъ изъ всѣхъ. Но пуля Бреши открываетъ новую эру. Молодой преемникъ Гумберта, нынѣ царствующій Викторъ Эммануиль III, понялъ, въ какую бездну неминуемо вель монархію путь, избранный его отцомъ, и ясно уразумѣлъ необходимость искать спасенія для нея въ иномъ, прямо противоположномъ направленіи. Соотвѣтственно съ новымъ настроеніемъ главы государства, у власти появляется и почти безсмѣнно, если не считать короткихъ перерывовъ, въ теченіе двѣнадцати лѣтъ остается у кормила правленія лицо (Джіолитти), заявившее, какъ свою программу, «необходимость показать странѣ, что всѣ виды прогресса и свободы совмѣстимы съ монархіей»... Возстановляются свобода слова, свобода собраний и свобода союзовъ, дающая могучій толчокъ развитію рабочаго движенія. А затѣмъ, съ учрежденіемъ правительственнаго бюро труда, открывается эра социальнаго законодательства... Однако, республиканцевъ, успѣвшихъ къ этому времени сорганизоваться въ «итальянскую національную республиканскую партію» ¹⁾ новое направленіе внутренней политики мало удовлетворило и успокоило. Еще Мадзини болѣе чѣмъ за полстолѣтіе до того категорически утверждалъ, что «рабочее движеніе тѣснымъ и неразрывномъ образомъ связано съ политическимъ вопросомъ и не достигнетъ своей цѣли, если этотъ вопросъ не будетъ разрѣшенъ», а въ 1860 г., обращаясь къ рабочимъ, писалъ: «Улучшеніе вашихъ социальныхъ условій можетъ произойти только вслѣдствіе вашего участія въ политической

¹⁾ Къ выборамъ 1909 г. партія эта, являющаяся по своему составу по преимуществу крестьянской, насчитывала уже до 40 тысячъ членовъ (почти на 10 тыс. больше социалистической), имѣла 24 депутата въ парламентъ и располагаетъ болѣе, чѣмъ 30 органами печати. Въ составѣ партіи насчитывалось болѣе 500 муниципальных совѣтниковъ, при чемъ многіе муниципалитеты находились почти всецѣло въ рукахъ республиканцевъ, равно какъ имѣлось нѣсколько исключительно республиканскихъ камеръ труда. Весьма значительно также представлены республиканцы и въ главной конфедерации труда. Тѣмъ не менѣе, когда авторъ этихъ строкъ, поселившись въ Италіи, заинтересовался республиканскимъ движеніемъ, сыгравшимъ такую огромную роль въ исторіи страны, то первое препятствіе, на которое онъ натолкнулся, было—полнѣйшее отсутствіе трудовъ по этому вопросу. Нѣтъ даже, начиная съ 1902 г., печатныхъ протоколовъ конгрессовъ партіи. Для того, чтобы, въ виду задуманной имъ работы (объ эволюціи мадзиніанскихъ идей), получить возможность ознакомиться съ судьбами этого движенія за послѣднее полустолѣтіе, пишушему эти строки пришлось затратить почти полныхъ шесть лѣтъ на усердное собраніе по клочкамъ необходимаго сырого матеріала. Только въ 1913 году появилась первая исторія республиканской партіи въ Италіи («Il partito repubblicano in Italia dalle origini fino ai giorni nostri». Compilazione storica illustrata a cura di un ignoto». Roma, 1913 Volume I), но пока доведена лишь до 1849 года.

жизни націи. Безъ права голоса вы никогда не будете имѣть истинныхъ представителей вашихъ желаній и вашихъ нуждъ. Безъ народнаго представительства, которое изъ Рима написало бы и развило бы Италіанскій Договоръ, основанный на общемъ согласіи, направленный къ преуспѣянію всѣхъ гражданъ государства,—безъ такого правительства для васъ нѣтъ надежды на лучшее. Въ тотъ день, когда вы... отдѣлили бы вопросъ социальный отъ политическаго и сказали бы: «Мы добьемся своего освобожденія независимо отъ того, какова бы ни была форма установленія, правящаго отечествомъ»—въ этотъ же день вы сами увѣковѣчили бы свое рабство»¹⁾. Республиканской партіи оставалось только обосновать эту точку зрѣнія данными полувѣкового опыта. Это она и дѣлаетъ въ избирательномъ манифестѣ отъ 21 октября 1904 г., въ которомъ обращаетъ усиленное вниманіе рабочихъ массъ на то, что, именно прожитые строною «пятьдесятъ лѣтъ парламентской практики показали, что не отъ правительства, вынужденнаго пробавляться мизерными экспериментами, можно ожидать разрѣшенія тѣхъ проблемъ, отъ которыхъ зависитъ благосостояніе и будущее страны» и что пора отбросить чрезмѣрныя иллюзіи относительно работы парламента, котораго функціи,—ограниченныя какъ Статутомъ, являющимся не завоеваніемъ народа, а давнимъ пожалованіемъ короля, такъ равно и прерогативами монарха,—сводятся къ чистой фикціи»... Но на этотъ разъ почва для республиканской агитаціи оказывается мало благопріятной, въ особенности потому, что теперь въ ряду непримиримыхъ противниковъ «республиканскаго предразсудка» оказываются всѣ тѣ, въ дружномъ союзѣ съ которымъ еще такъ недавно республиканцы вели беспощадную борьбу съ режимомъ, именно вчерашніе республиканцы, превратившіеся вслѣдъ за Сакки въ радикаловъ, равнодушныхъ къ формѣ правленія, а то и прямо монархистовъ, и въ еще большей мѣрѣ итальянская социалистическая (марксистская) партія, благодаря новому положенію вещей сразу чрезвычайно окрѣпшая и получившая огромное вліяніе. Главнымъ образомъ устами своего основоположника Турати²⁾ эта партія повела упорную, настой-

¹⁾ «Doveri dell'uomo», pag. 138—139.

²⁾ Образованіе итальянской социалистической партіи тѣсно связано съ основаніемъ въ 1891 г. въ Миланѣ Анной Кулешевой и Филиппомъ Турати двухнедѣльника «Critica Sociale», посвященнаго пропагандѣ и популяризації марксизма въ Италіи. Въ противоположность заимствовавшей свою идеологию изъ Германіи социалистической партіи, партія республиканская, не безъ достаточнаго основанія, отстаиваетъ свое право на званіе итальянской народной социалистической партіи: ея идеаль—«республика демократическая и социальная».

чивую, систематическую борьбу съ «пустымъ и обманчивымъ формализмомъ республиканцевъ въ вопросѣ политическомъ и конституціонномъ»—формализмомъ, которому не слѣдуетъ приносить въ жертву задачи практическія. «Необходимо,—говорила она устами того же Турати,—не оставлять пока тѣ экономическія завоеванія, къ которымъ можно стремиться одинаково какъ въ монархіи, такъ и въ республикѣ. Переменная герба—пустякъ, который можетъ интересовать содержателей табачныхъ лавокъ¹⁾, между тѣмъ какъ вопросъ о реформахъ (экономическихъ) составляетъ наиболѣе неотложный и непосредственный интересъ пролетаріата, и такъ какъ вопросъ этотъ можетъ быть разрѣшенъ при монархическомъ режимѣ, то къ чему заниматься вопросомъ о республикѣ? Республика—это ни что иное, какъ словесность, и республиканцы—ни что иное, какъ идеалисты и поэты, преисполненные меланхоліи и печали»²⁾. Конечно, республика есть также социалистическій идеалъ, и въ программѣ минимумъ итальянской социалистической партіи также значится: «простое, прямое и тайное всеобщее избирательное право для всѣхъ совершеннолѣтнихъ обоихъ половъ—пропорціональное представительство—референдумъ», но... «прежде—сознаніе, потомъ — народное верховенство³⁾», прежде народъ, освобожденный отъ путъ религіозныхъ предразсудковъ и отъ цѣпей эксплуатировавшаго его и томящаго его голодомъ капитала... а потомъ его верховенство», словомъ, «прежде республика въ области этики и экономики для того, чтобы перенести ее потомъ въ управленіе государственными дѣлами»⁴⁾. Понятно и естественно, что когда Мирабелли, лидеръ республиканской парламентской группы, внесъ въ 1904 году проектъ закона о всеобщемъ избирательномъ правѣ, то лидеръ радикаловъ Сакки и социалистическіе лидеры Биссолати и Турати отказали ему въ своей подписи⁵⁾. Джіолитти былъ рѣшительнымъ противникомъ такой

¹⁾ Въ Италіи табакъ—казенная монополія, и на табачныхъ лавочкахъ поэтому красуется государственный гербъ.

²⁾ Изъ предвыборной рѣчи Турати (1904 г.), сочувственно цитируемой C e l s o F e r r a r i: «I partiti politici nelle vita sociale», pag. 123—124, Gorino, Fratelli Bona, 1909.

³⁾ «Prima la coscienza, poi sovranità», какъ озаглавлена чрезвычайно характерная статья, напечатанная въ центральномъ органѣ партіи «A v a n t i!» въ періодъ редактированія его Энрико Ферри (№ 4251 отъ 25 сентября 1908)—нынѣ «бывшимъ» социалистомъ, а тогда — «бывшимъ» республиканцемъ, только что имъ измѣнившимъ и ведшимъ съ ними безпошадную борьбу.

⁴⁾ Ibid.

⁵⁾ R. M i r a b e l l i: «Il Suffragio universale e il problema dell'elettorato in Italia» («Il Viandante» № 11 отъ 13 Марта 1910 г.) Е г о ж е: «O riforma elettorale o nessuna tregua di dio» («La Ragione», № 346 отъ 17 декабря 1909 г.).

реформы, а такъ какъ «нахожденіе у власти Джіолитти,—по словамъ Турати,—имѣло бѣольшую важность, чѣмъ перемѣна формы правленія¹⁾»,—то у реформистовъ-лидеровъ соціалистической партіи не имѣлось достаточнаго основанія настаивать на политическихъ реформахъ, требованіе которыхъ могло бы только создать лишніе и вредныя, по ихъ мнѣнію, для практическаго дѣла, тренія между правительствомъ и пролетаріатомъ... Однако, республиканцы, оставшіеся въ полномъ одиночествѣ, не унимались, не пропуская случая напомнить массамъ о своемъ «предразсудкѣ». Предвидѣлись ли новые выборы, наступало ли первое мая,—каждый разъ они въ своихъ манифестахъ съ упорной настойчивостью, частью даже въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ твердили, что «безъ всеобщаго избирательнаго права, вознагражденія депутатамъ и права смѣны представителей, безъ прогрессивнаго и радикальнаго преобразованія арміи по типу вооруженной націи, безъ болѣе справедливаго распредѣленія платежной тяжести на основѣ единаго прогрессивнаго налога, безъ внутренней политики, которая обезпечила бы свободу труда и принципъ ассоціаціи для всѣхъ безразлично, которая путемъ экспропріаціи необработанныхъ земель²⁾ и отмѣны покровительственныхъ пошлинъ на хлѣбъ чрезвычайно облегчила бы условія существованія бѣдныхъ классовъ,—безъ этого не можетъ быть матеріальнаго прогресса страны, точно такъ же, какъ ея моральный прогрессъ требуетъ отдѣленія церкви отъ государства, отмѣны закона о гарантіяхъ³⁾, полной свѣтскости націи и извлеченія школы изъ того заброшеннаго состоянія, въ которомъ она теперь находится⁴⁾. На ряду съ агитаціей въ странѣ идетъ соотвѣтствующая республиканская работа въ парламентѣ. По инициативѣ, главнымъ образомъ, все того же неутомимаго Мирабелли, систематически при всякомъ удобномъ поводѣ.—въ 1905, 1906 и дважды въ 1909 гг. — вносятся въ палату то законопроекты, то порядки дня, заключающіе въ себѣ требованіе всеобщаго избирательнаго права для обоихъ половъ, пропорціональнаго представительства, отмѣны депутатской присяги, установленія депутатскаго жалованья и реформы порядка провѣрки депу-

¹⁾ Цитировано у П V e s c h i o (псевдонимъ А. Ghisleri): *La piattaforma elettorale dei socialisti turatiani* въ № 15 «L'Iniziativa» (отъ 5 окт. 1913 г.).

²⁾ Имѣются въ виду латифундіи, представляющія собою въ значительной части огромныя пространства остающихся необработанными земель.

³⁾ Законъ 1-го мая 1871 г., регулирующий отношенія между церковью и государствомъ къ большой невыгодѣ послѣдняго.

⁴⁾ Изъ манифеста республиканской партіи, выпущеннаго 10 февраля 1909 г. по поводу предстоявшихъ 7-го марта того же года общихъ выборовъ.

татскихъ полномочій¹⁾. Но съ конца 1909 г. въ этой настойчивой борьбѣ за всеобщее избирательное право, республиканская партія неожиданно для себя получаетъ двухъ могучихъ союзниковъ въ лицѣ Главной конфедераціи труда и социалистической партіи. То равнодушіе, которое эта послѣдняя партія проявляла до того къ всеобщему избирательному праву, кромѣ источника принципиальнаго, опредѣляемаго извѣстнымъ взглядомъ на взаимоотношеніе между политикой и экономикой, между «сознаніемъ» и «верховенствомъ», въ еще большей мѣрѣ имѣло источникъ чисто практической: партія эта, по крайней мѣрѣ въ составѣ своего вліятельнаго большинства, не ощущала ни малѣйшаго неудобства отъ ограниченнаго избирательнаго права. Дѣятельность ея почти всецѣло сосредоточилась на богатомъ и грамотномъ индустріальномъ сѣверѣ. Сравнительное небольшое тамъ количество неграмотныхъ и потому лишенныхъ избирательнаго права, нисколько не мѣшало хорошо организованнымъ сѣвернымъ рабочимъ массамъ вести успѣшную стачечную и иную борьбу за улучшеніе своего матеріальнаго положенія, равно какъ не мѣшало сѣвернымъ трудовымъ коопераціямъ, большею частью, при прямомъ содѣйствіи лѣвыхъ депутатовъ, получать отъ казны многотысячные подряды и поставки. Кто страдалъ отъ ограничительнаго закона, такъ это нищій, безграмотный и клерикальный югъ, но тамъ у партіи было мало шансовъ на успѣхъ, и она поэтому всего менѣе имъ интересовалась. Именно это равнодушное отношеніе партіи къ югу и въ связи съ этимъ къ всеобщему избирательному праву и дало основаніе извѣстному историку проф. Салвемини выступить на флорентинскомъ социалистическомъ конгрессѣ 1908 г. съ необычайной рѣзкой критикой дѣятельности руководителей партіи и съ требованіемъ усиленной агитаціи въ пользу всеобщаго избирательнаго права²⁾. Характерно, что его аргументація въ пользу послѣдняго строится почти исключительно на томъ основаніи, которое еще въ 1895 г.

¹⁾ Дѣло идетъ о такъ-называемой «выборной управѣ», составляемой изъ 30 депутатовъ по назначенію президента палаты и превратившейся, по словамъ Мирабелли, въ «фабрику депутатовъ». Въ докладѣ десятому національному республиканскому конгрессу, мотивируя свой законопроектъ (1909 г.), Мирабелли говоритъ: «Изъ всеобщаго избирательнаго права—при условіи пропорціональнаго представительства, отмѣны присяги, вознагражденія депутатовъ и новой магистратуры для провѣрки полномочій—вырастетъ учредительное собраніе, когда нація, представленная въ парламентъ вся цѣликомъ, будетъ имѣть въ своихъ рукахъ избирательный бюллетень и пожелаетъ продиктовать конституціонный законъ своей жизни. А изъ учредительнаго собранія—политическая форма государства, подобная Риму въ 1849 году» (т.-е. республика).

²⁾ Кромѣ протоколовъ конгресса, рѣчь его напечатана также въ №№ 20 и 21 «Critica Sociale» за 1908 годъ подъ заглавіемъ: «Suffragio universale, questione meridionale e riformismo».

республиканецъ Вендемини, какъ мы видѣли, выдвинулъ въ качествѣ «моральнаго мотива». Можно купить десятокъ избирателей, но нельзя купить тысячи, и потому только при условіи всеобщаго избирательнаго права югъ перестанетъ быть фабрикой правительственныхъ депутатовъ. На тѣхъ, для кого, какъ для реформистовъ, нахожденіе у власти Джіолитти было «важнѣе перемѣны формы правленія»—этотъ аргументъ могъ произвести только отрицательное впечатлѣніе: уничтоженіе на югѣ фабрики правительственныхъ депутатовъ не могло бы существенно усилить представительства социалистической партіи въ парламентѣ, а между тѣмъ подвергнуло бы серьезной опасности джіолиттіанскій режимъ. Понятно, почему проповѣдь Салвемини встрѣчаетъ частью глухое недовольство, частью открытой отпоръ; но онъ не унимается, изъ года въ годъ твердитъ одно и то же, на его сторонѣ въ концѣ-концовъ и главная конфедерація труда ¹⁾, и подъ этимъ двойнымъ давленіемъ мы видимъ въ началѣ 1910 г. руководителей социалистической партіи, пытающихся поднять движеніе въ пользу всеобщаго избирательнаго права. Однако, прежде чѣмъ это движеніе начинается, у власти появляется консервативно-радикальное министерство Луццатти-Сакки. Весьма основательно ощущая неудобство своей зависимости отъ «взятаго взаймы» джіолиттіанскаго большинства и пытаясь создать собственное, это министерство вноситъ проектъ избирательной реформы, имѣющей увеличить болѣе, чѣмъ на два милліона, число избирателей, но въ то же время превращающей участіе въ выборахъ въ обязательную повинность, которая при наличныхъ условіяхъ могла бы сослужить большую службу клерикаламъ. Въ поставленной на очередь реформѣ республиканцы усматриваютъ только удобный поводъ для возобновленія въ болѣе широкихъ размѣрахъ своей обычной агитаціи. 21 января 1911 г. центральный комитетъ распубликанской партіи обращается къ странѣ съ воззваніемъ, въ которомъ отъ имени пяти милліоновъ лишенныхъ избирательнаго права гражданъ требуетъ всеобщаго избирательнаго права, «какъ великаго символа политической свободы и социальной справедливости», и пропорціональнаго представительства, которое «является справедливостью въ верховномъ собраніи націи». Партія достаточно хорошо знаетъ настроеніе страны, которую почти въ теченіе двадцати лѣтъ систематически воспитывали

¹⁾ Въ 1908 году на Моденскомъ конгрессѣ главная конфедерація труда эмансипируется отъ социалистической партіи; въ нее вступаютъ (начиная съ 1906 г.) въ значительномъ числѣ республиканцы, организуя рядомъ съ конгрессами конфедераціи и свои особые республиканскіе рабочіе съѣзды. Директива этихъ послѣднихъ не осталась безъ косвеннаго вліянія на дѣятельность Гл. конф. труда.

въ презрѣніи къ «предразсудкамъ», къ «формамъ» и къ «формуламъ» и потому не возлагаетъ большихъ надеждъ на результаты своей агитаціи. И дѣйствительно, несмотря на довольно многочисленные воскресные митинги, на которыхъ къ тому же гораздо больше говорилось о дороговизнѣ (по инициативѣ Гл. конф. труда), чѣмъ о всеобщемъ избирательномъ правѣ, не могло оставаться ни малѣйшаго сомнѣнія, что страна къ вопросу объ избирательной реформѣ вполне равнодушна и нисколько не расположена проявлять ту энергію, которая необходима для того, чтобы оказать сколько-нибудь ощутительное давленіе на правительство. Отъ послѣдняго, въ дѣйствительности, никто ничего серьезнаго не требовалъ, и потому легко представить себѣ то всеобщее изумленіе, которое вызвано было свалившимся вдругъ, какъ снѣгъ на голову, заявленіемъ въ парламентѣ завѣдомаго систематическаго противника избирательной реформы, Джіолитти, о его готовности дать всеобщее избирательное право. Было бы нетрудно доказать, что въ этомъ внезапномъ вольтѣ «диктатора» не было, по существу, ничего неожиданнаго, что готовность Джіолитти дать всеобщее избирательное право въ началѣ 1911 г. столь же логически вытекала изъ основныхъ началъ его политики, какъ и ранѣе его систематическое противодѣйствіе всякой избирательной реформѣ; но для доказательства этого потребовалось бы слишкомъ много мѣста и времени, такъ какъ понадобилось бы сдѣлать обзоръ всего 12-лѣтняго періода джіолиттіанской диктатуры. Ограничусь поэтому указаніемъ, что, въ моментъ заявленія, Джіолитти, по невыясненнымъ до сихъ поръ съ точностью причинамъ, стало на очередь осуществленіе триполитанской авантюры, задуманной еще семь лѣтъ тому назадъ. Двѣнадцать лѣтъ «монархіи демократической и соціальной» должны были въ достаточной мѣрѣ подготовить страну къ тому, чтобы авантюра эта, въ противоположность абиссинской, чуть не вызвавшей революціи, встрѣчена была народомъ не только равнодушно, но даже благосклонно. Тѣмъ не менѣе, кто могъ поручиться за будущее? Если работа Джіолитти въ интересахъ савойской монархіи и не пропала даромъ и день открытія памятника Виктору Эммануилу былъ, несомнѣнно, днемъ апофеоза савойской монархіи, какого никто не могъ ожидать въ Италіи, то, вѣдь, въ тотъ же самый день Римъ былъ также свидѣтелемъ небывало грандіозной республиканской манифестаціи, въ которой приняло участіе много десятковъ тысячъ народа, продефилировавшаго съ сотнями республиканскихъ знаменъ по улицамъ вѣчнаго города отъ Капитолія до памятника Гарибальди. Можно было кромѣ антимонархическихъ элементовъ опасаться также того, что и социалисты-реформисты, такъ много

содѣйствовавшіе успѣху социаль-монархической политики, на этотъ разъ, наконецъ, не только не пойдутъ за правительствомъ, но и возмутятся и возстанутъ противъ авантюры. Необходимо было поэтому не столько даже задобрить передовую часть итальянской демократіи какой-нибудь подачкой, сколько заставить ее, несмотря на новый грѣхъ рѣжима, сплотиться вокругъ него. Для этого существовало испытанное уже средство обостренія клерикальнаго вопроса, который въ Италіи является вопросомъ о возстановленіи свѣтской власти папъ, слѣдовательно, объ уничтоженіи даннаго итальянскаго государства. Передъ этой опасностью всегда исчезали всякія политическія разногласія, и въ борьбѣ въ ней самыя непримиримыя республиканцы становились на сторону монархіи. Ничто же не выдвигало ее, по крайней мѣрѣ, по господствующему убѣжденію ¹⁾, съ такой силой, какъ всеобщее избирательное право. Отсюда заявленіе Джіолитти, отъ котораго, понятно, падаетъ министерство Луццатти. Джіолитти снова у власти и при энергичномъ содѣйствіи социалистовъ и глухомъ недовольствѣ, подозрѣвавшихъ ловушку, республиканцевъ ²⁾, проводить избирательную реформу 12 мая 1912 г., въ силу которой всѣ мужчины, хотя бы и неграмотные, если они достигли 30-лѣтняго возраста или отбыли воинскую повинность, пользуются правомъ избирательнаго голоса, грамотность же остается обязательной только для остальныхъ избирателей въ возрастѣ отъ 21 до 30 лѣтъ. Благодаря новому закону, избирательный корпусъ увеличился почти втрое: съ 2,800 тыс. почти до 8,500 тыс. и лишенными избирательнаго права остаются еще только около 1,500 тыс. совершеннолѣтнихъ, но неграмотныхъ мужчинъ.

Являясь, несомнѣнно, огромнымъ шагомъ впередъ, эта реформа тѣмъ не менѣе еще весьма далека отъ дѣйствительно всеобщаго избирательнаго права въ особенности же съ тѣми

¹⁾ Самъ Джіолитти неоднократно мотивировалъ свое противодѣйствіе избирательной реформѣ именно клерикальной опасностью.

²⁾ При постановкѣ возвратившимся къ власти Джіолитти вопроса о довѣріи, республиканцы (какъ и двое социалистовъ-революціонеровъ) голосовали противъ него, не смущаясь тѣмъ, что это дало поводъ къ обвиненію ихъ въ томъ, что они желаютъ всеобщаго избирательнаго права только на словахъ, на самомъ же дѣлѣ спѣшать, будто бы, отдѣлаться отъ того министерства, которое готово его дать. Республиканцы проявили въ данномъ случаѣ такую необычайную прозорливость, что уже 16 апрѣля 1911 г., т.-е. за шесть мѣсяцевъ впередъ, когда никто еще въ странѣ (кроме, быть можетъ, бесѣдовавшаго съ королемъ Биссолати) ничего не подозрѣвалъ, предостерегали въ своемъ центральномъ органѣ—«La Ragione» противъ вѣроятной триполитанской авантюры. Къ сожалѣнію, никто на это не обратилъ вниманія, менѣе же всего реформисты, для которыхъ объявленіе триполитанской войны явилось такой неожиданностью, что они совершенно искренно, устами Турати, завопили о «предательствѣ» Джіолитти.

къ нему дополненіями и поправками, какихъ требовала республиканская партія. И получено это «почти всеобщее» право, какъ принято въ Италіи называть его, при обстоятельствахъ, дѣлающихъ его тѣмъ именно «пожалованіемъ», котораго такъ боялся и не желалъ Бовіо ¹⁾. И все-таки странно было бы предположить, что партія, такъ настойчиво добивавшаяся избирательной реформы, не попытается использовать ее въ цѣляхъ возможно большаго завоеванія депутатскихъ мѣстъ и возможно большаго усиленія своего представительства въ парламентѣ. «Наша партія, — гласить циркуляръ, разосланный секціямъ центральнымъ комитетомъ республиканской партіи въ началѣ апрѣля 1911 г., когда проектъ реформы еще только былъ внесенъ въ палату, наша партія, которая въ теченіе столькихъ лѣтъ была единственной, поднимавшей знамя всеобщаго избирательнаго права, — которая завоеваніе такого права, реализующее одно изъ выраженій народнаго верховенства, сдѣлала предметомъ постоянной агитаціи, — которая вѣрила въ необходимость этой реформы, въ то время, какъ другія партіи, нынѣ ею хвастающіяся, какъ своимъ триумфомъ, забросили ее въ лимбъ политической археологіи, — наша партія, говоримъ мы, — не можетъ и не должна дать себя застигнуть неподготовленной къ поединку, къ тому, чтобы въ своей пропагандѣ и во время выборнаго испытанія выдержать натискъ идей другихъ политическихъ партій. Съ пріобрѣтеніемъ всеобщаго избирательнаго права болѣе важной, болѣе деликатной и болѣе трудной становится наша задача. Мы говоримъ съ массами языкомъ менѣе понятнымъ, чѣмъ языкъ другихъ школъ и доктринъ; мы избѣгаемъ обольщенія ихъ черезчуръ непосредственнымъ успѣхомъ и слишкомъ матеріальными выгодами; мы должны указывать имъ тѣ высокія цѣли, достиженіе которыхъ необходимо для того, чтобы были осуществлены всѣ благодѣянія, какія можетъ произвести участіе всѣхъ гражданъ въ жизни націи. Мы должны поэтому удвоить нашъ трудъ и нашу дѣятельность, позаботившись о всѣхъ формахъ пропаганды, принимая участіе во всѣхъ проявленіяхъ общественной дѣятельности, живя въ постоянномъ соприкосновеніи съ рабочими массами»... Но какой цѣли должно служить это усугубленіе усилій? «Желаю партіи, — пишетъ въ центральномъ органѣ ея нѣкій республиканецъ по по-

¹⁾ Любопытно признаніе, которое дѣлаетъ Турати въ своей рѣчи (8 мая 1912) въ палатѣ по поводу реформы: «Конечно, мы недовольны также сами собою: социалисты, правые, лѣвые, реформисты, интеграллисты, непримиримые и т. д.... мы недовольны также собою, потому что, въ концѣ концовъ, реформа, которая не завоевана заинтересованными въ ней, — это реформа, не имѣющая большой цѣнности. И мы лгали бы сами себѣ, если бы утверждали, что это расширеніе избирательнаго права является завоеваніемъ»...

воду предстоявшихъ выборовъ на основаніи новаго закона,—желаю партіи много *успѣшныхъ выступленій* ¹⁾ тамъ, гдѣ нѣтъ надежды на *успѣхъ* и не можетъ быть ея въ ближайшемъ будущемъ, и взаимнѣнъ желаю *сильнаго убавленія парламентской группы*. Если бы всеобщее избирательное право было вещью разумной,... то оно должны было бы *низвести парламентскую группу до семи—восьми депутатовъ, максимумъ* ²⁾. «Будемъ ли мы побѣдителями или побѣжденными, — пишетъ другой руспубликанецъ по тому же поводу, — это для насъ имѣетъ мало значенія» ³⁾. «*Успѣхъ или неуспѣхъ*, — заявляется тамъ же отъ имени центрального комитета, — не должны насъ заботить» ⁴⁾. «Никакой заботы объ *успѣхѣхъ*», — заявляетъ секретарь партіи въ засѣданіи ея исполнительнаго комитета и это заявленіе, дѣйствительно, кладется въ основу тѣхъ рѣшеній, которыя принимаются комитетомъ въ отношеніе предстоявшихъ выборовъ. Что такое случилось?

Гр. Шрейдеръ.

[Окончаніе слѣдуетъ].

¹⁾ Affermazione—терминъ, которымъ принято обозначать выступленіе партіи исключительно для заявленія о себѣ и подсчета своихъ силъ.

²⁾ Un Repubblicano: «A che discutere?», № 11 «L'Iniziativa» за 1913 г.

³⁾ A. Martorelli: «Noi e le elezioni», № 15 «L'Iniziativa» отъ 5 апрѣля 1913 г.

⁴⁾ «In tema di elezioni», № 13 «L'Iniziativa» отъ 22 марта 1913 г.

В. В. Лесевичъ въ письмахъ и воспоминаніяхъ.

Благодаря сочувственному отношенію друзей и знакомыхъ Вл. В—ча, мнѣ удалось собрать много писемъ покойнаго, нѣсколько личныхъ о немъ воспоминаній. Эти матеріалы и составляютъ главное содержаніе настоящаго очерка. Изъ писемъ я выбралъ все, что имѣетъ хоть каксе-нибудь значеніе для характеристики личности Лесевича, его философскихъ, литературныхъ и общественныхъ взглядовъ.

Лесевичъ былъ человѣкъ, дѣйствительно, выдающійся. Дѣятельность его обнимаетъ періодъ отъ середины 50-хъ годовъ до 1905 года. Русское общество много пережило за это время, можно сказать нѣсколько эпохъ. Говоря о человѣкѣ, принимавшемъ участіе въ работѣ нѣсколькихъ поколѣній, невозможно не коснуться тѣхъ общихъ условій, которыя опредѣляли настроенія и переживанія личности въ зависимости отъ настроеній и переживаній общества.

Въ этомъ и заключается отличіе общественнаго дѣятеля отъ обывателя

Первый чувствуетъ біеніе общественнаго пульса и такъ или иначе на него реагируетъ; второй ограничивается маленькимъ кругомъ семейно-обывательскихъ или кружковыхъ интересовъ. Лесевичъ — личность крупнаго калибра, но при этомъ онъ принадлежитъ къ роду людей застѣнчивыхъ, замкнутыхъ. Онъ не любитъ подмостковъ, не любитъ выставлять себя на показъ. Цѣлый рядъ лѣтъ онъ печатаетъ свои статьи въ газетахъ и журналахъ, и вы не встрѣтите въ нихъ его имени. Онъ или совсѣмъ не подписывается, или ставитъ свои инициалы, иногда лишь одну букву. Только впоследствии, подъ работами болѣе значительными, за которыя онъ считалъ обязаннымъ брать на себя отвѣтственность открыто, которыя могли вызвать рѣзкую полемику, онъ сталъ подписывать полную фамилію.

Но въ интимныхъ кружкахъ съ очень близкими людьми

развертывался весь Лесевичъ съ его тонкимъ юморомъ, блестящимъ остроуміемъ или безпощаднымъ сарказмомъ. «Вы знаете, — пишетъ мнѣ А. Н. Анненская, — какой несравненный собесѣдникъ, какой остроумный рассказчикъ былъ Лесевичъ. Если бы кто-нибудь могъ возстановить хотя одинъ разговоръ съ нимъ, это дало бы болѣе полное понятіе о немъ, чѣмъ страницы голословныхъ фразъ, какія я могла бы написать»... Такіе же отзывы объ увлекательной способности рассказывать находимъ въ письмахъ и другихъ лицъ, близко знавшихъ Лесевича.

Анненскіе были въ числѣ ближайшихъ друзей Вл. В—ча. Но и у нихъ, къ сожалѣнію, не сохранились въ памяти эти замѣчательные разговоры съ Лесевичемъ.

Письма его также большей частью посвящены вопросамъ—литературнымъ, общественнымъ, научнымъ. Лично о себѣ онъ высказывался очень рѣдко и преимущественно въ послѣдніе годы жизни, когда приближалась старость, здоровье измѣняло, а послѣ смерти жены пришло одиночество... Письма Вл. В—ча представляютъ, конечно, самый цѣнный матеріалъ для его біографіи, и являются главнымъ содержаніемъ настоящей статьи.

Для ознакомленія съ первыми годами жизни Лесевича я воспользовался очень цѣнными свѣдѣніями изъ неизданныхъ воспоминаній дочери покойнаго Юліи Владимировны и ея мужа, В. Н. Леонтовича, извѣстнаго украинскаго писателя. Только благодаря имъ, мы имѣемъ свѣдѣнія о первомъ періодѣ жизни Вл. В—ча, предшествовавшемъ его выступленію на общественное служеніе какъ писателя и ученаго. Въ этихъ воспоминаніяхъ Ю. В. и В. Н. Леонтовичей, почерпнутыхъ главнымъ образомъ изъ рассказовъ самаго Лесевича, мы находимъ объясненія нѣкоторыхъ особенностей характера Вл. В—ча, заложенныхъ, несомнѣнно, въ годы отрочества, въ тяжелыхъ условіяхъ воспитанія. Я имѣю въ виду его замкнутость и нѣсколько подозрительное, недовѣрчивое отношеніе къ людямъ. Онъ всю жизнь боролся съ этими свойствами характера.

I.

Владимиръ Викторовичъ Лесевичъ родился 15-го января 1837 г. въ с. Денисовкѣ, Полтавской губ., Лубенскаго уѣзда въ дворянской, довольно состоятельной, старинной украинской семьѣ, происходившей по фамиліному преданію отъ сподвижниковъ Богдана Хмельницкаго, выходца изъ села Лисовичи (теперь Кіевской губ., Таращанскаго уѣзда). Свою фамилію, несмотря на созвучіе ея съ названіемъ этого села, Лесевичи производили, однако,

не отъ него, а отъ украинскаго имени Лесь-Александръ. Родоначальникъ Лесевичей, послѣ возстанія Хмельницкаго перешелъ на лѣвый берегъ Днѣпра и поселился въ мѣстности, включенной вскорѣ въ территорію Гадяцкаго полка, въ которомъ онъ, а потомъ и его потомки неоднократно занимали значительные старшинскіе уряды. (Одинъ изъ нихъ по семейному преданію былъ Гадяцкимъ полковымъ судьей).

Прадѣдъ В. В. Лесевича жилъ уже, однако, не въ мѣстѣ первоначальнаго поселенія семьи, а въ с. Денисовкѣ. Они вели въ этомъ имѣніи обширное хозяйство, но уже его отецъ, Викторъ Владиміровичъ, хотя и продолжалъ его, но занимался имъ неохотно, отъ личнаго наблюденія и руководства хозяйствомъ уклонялся и къ удачамъ и неудачамъ его относился съ рѣдкимъ равнодушіемъ. Онъ получилъ высшее образованіе (окончилъ Харьковскій университетъ), и умственные, книжные интересы были въ немъ сильно развиты, что въ помѣщичьей средѣ того времени случалось не часто. Передаютъ, что онъ былъ очень религіозенъ и все свое время отдавалъ чтенію книгъ преимущественно религіознаго и философскаго содержанія.

Мать Вл. В—ча также происходила изъ помѣщичьей семьи Гербаневскихъ Пирятинскаго уѣзда, Полтавской губ. По разсказамъ стариковъ, она была, кажется, властнаго и неуживчиваго характера. Вл. В—чъ былъ первымъ и единственнымъ ребенкомъ отъ этого брака. Матушка его скончалась отъ родовъ. Отецъ прожилъ также недолго и въ 3 или 4 года отъ роду Лесевичъ остался круглымъ сиротой. Съ отцовской стороны близкихъ родныхъ къ этому времени у него не осталось, съ материнской же были живы еще: бабка — (урожденная Санковская), тетка (по мужу Катериничъ) и два брата матери Вл. В—ча. Одинъ изъ нихъ былъ назначенъ опекуномъ.

Воспитаніе и уходъ за ребенкомъ, всецѣло взяла на себя бабушка. О ней Вл. В—чъ до конца дней сохранилъ самыя теплыя воспоминанія, горячо любилъ ее и глубоко чтилъ ея память. Для того времени это была не совсѣмъ обыкновенная женщина. Вдумчивая и умная съ очень мягкимъ характеромъ, она горячо полюбила маленькаго внука, была его единственной защитой и руководительницей. Она-то развила въ ребенкѣ лучшія стороны души, вопреки дурному вліянію остальныхъ родныхъ, среди которыхъ ему пришлось жить, и отъ которыхъ онъ не видѣлъ ни хорошаго примѣра, ни хорошаго къ себѣ отношенія.

Но бабушка, добрый геній Лесевича, сама была въ зависимо-
момъ положеніи и не всегда могла защитить и охранить его отъ дурныхъ вліяній и обидъ, которымъ подвергался ребенокъ въ той

жестокой средѣ, въ которую онъ попалъ послѣ смерти родителей Она, какъ кажется, не имѣла своихъ средствъ и жила (а съ ней вмѣстѣ и ея внукъ) то въ домѣ своего старшаго сына, то въ домѣ дочери Катериничъ. Быть можетъ, вслѣдствіе этого, она пользовалась очень малымъ авторитетомъ въ ихъ семьяхъ. Она не была главою и распорядительницею, напротивъ, ее какъ будто только терпѣли, во многомъ стѣсняли и отказывали съ характерною головлевскою любезностью. Одинокое и печально доживала она свои послѣдніе дни среди этихъ чуждыхъ ей по духу людей.

Отчужденность своихъ дѣтей тѣмъ сильнѣе сближала бабушку съ внукомъ, и они были, дѣйствительно, большими друзьями, — эта, оканчивающая съ чувствомъ разочарованія жизнь, старушка и, только что начинающій жизнь и уже тяжело ею обиженный, ребенокъ.

Въ домѣ Гербаневскихъ, царило полное отсутствіе всякихъ идейныхъ интересовъ, не только общественныхъ и литературныхъ, но даже религіозныхъ и моральныхъ. Всѣ помыслы и вожделѣнія были направлены въ сторону обогащенія; всѣ мысли поглощены матеріальными расчетами. Даже въ личныхъ отношеніяхъ членовъ этой семьи господствовала полная безсердечность, и всякое проявленіе любви казалось здѣсь смѣшнымъ... Даже стремленіе къ приобрѣтенію носило совсѣмъ первобытный характеръ. Въ немъ не было ни инициативы, ни труда. Хозяйство велось изъ комнаты по старымъ шаблонамъ, по докладамъ приказчика, являвшагося для этого каждый вечеръ; при чемъ неизмѣнно съ ожесточеніемъ вспоминались бѣглые, которыхъ бывало въ имѣніи довольно много. Часто повторявшіеся при этомъ слова «волочиться» (находиться въ бѣгахъ) и «хлоста» — (порка), всего сильнѣе врѣзались въ дѣтскую память В. В.—ча изъ этихъ хозяйственныхъ разговоровъ Гербаневского съ приказчикомъ. Изъ крестьянъ старались выжать все, что было возможно,

По отношенію къ имуществу опекаемаго распоряжались по пословицѣ «своя рука—владыка»... При этомъ ребенку, у котораго послѣ отца осталось крупное имѣніе — болѣе 1000 д. старались внушить, что ему дѣлаютъ благодѣяніе, и что чуть ли не изъ милости содержать и воспитываютъ его.

Всякій вопросъ о заинтересовавшемъ ребенка предметѣ считался навязчивостью и обрывался стереотипными фразами: много будешь знать, скоро состаришься, не твое дѣло и т. п. Всегдашній отказъ удовлетворить любознательность дѣтей происходилъ, быть можетъ, отчасти и отъ крайняго невѣжества взрослыхъ. Въ домѣ книгъ не было, взрослые ничего не читали. Учителя

были, конечно, цѣною подешевле, и преподаваніе велось также безсмысленно, ограничиваясь заучиваніемъ на память.

Укладъ жизни, господствовавшій въ домѣ Гербаневскихъ, особенно тяжело отражался и вліялъ на характеръ и настроеніе Вл. В—ча. По природѣ, онъ былъ чуткій, живой, любознательный мальчикъ, нуждавшійся въ ласкѣ, въ участіи. Постоянное обрываніе на запросы ума и сердца, заставляло его обособляться, углубляться въ самого себя, вырабатывало въ немъ застѣнчивость, недовѣрчивость, накаплило чувство обиды.

Онъ любилъ просиживать часами гдѣ-нибудь въ уголкѣ или забившись въ кресло и пытливо, но исподтишка всматривался во все окружающее съ напряженнымъ вниманіемъ, развивавшимъ въ немъ природную наблюдательность.

В. В—чъ, вспоминая помѣщичью среду того времени, говорилъ, что среди стариковъ еще попадались изрѣдка люди съ интересами къ книгѣ, съ общественными запросами, но они оставались совершенно одинокими, никого не интересовали и никѣмъ не уважались, были оттерты въ сторону толпой новыхъ людей другого типа, всѣ интересы которыхъ сводились къ богатству, чинамъ, тщеславію и физическимъ наслажденіямъ разнаго рода¹⁾.

Послѣ смерти бабушки, — а она умерла, когда В. В—чу было 8 лѣтъ, — онъ чувствовалъ себя глубоко, до ужаса одинокимъ, и какъ ни мало дала ему школа, въ которой безвыѣздно прожилъ онъ нѣсколько лѣтъ, все же надо считать счастьемъ для Лесевича, что родные нашли нужнымъ отдать его въ закрытое учебное заведеніе — сначала въ кievскую гимназію, а затѣмъ черезъ годъ въ артиллерійское училище. Почему выборъ палъ на артиллерійское училище — неизвѣстно.

II.

Лесевичу исполнилось 13 лѣтъ, когда его отвезли въ артиллерійское училище. Въ стѣнахъ училища и прожилъ В. В—чъ безвыѣздно до окончанія курса, не посѣщая родины даже во время лѣтнихъ каникулъ. Въ юности, вслѣдствіе застѣнчивости, онъ не умѣлъ заводить знакомствъ и потому единственною точкой соприкосновенія съ внѣшнимъ міромъ для него оставался дядюшка-чиновникъ, Гербаневскій, котораго онъ навѣщалъ по праздникамъ. Но дядюшка мало обращалъ вниманія на посѣщавшаго его пле-

¹⁾ Эти одинокіе старики были, вѣроятно, случайно сохранившимися со временъ разгрома Украины представителями предшествовавшаго поколѣнія, среди котораго еще сильны были освободительныя стремленія, какъ мѣстныя національно-областныя, такъ и общечеловѣческія.

мянника. Въ большинствѣ случаевъ Лесевичъ проводилъ праздники въ его квартирѣ въ одиночествѣ.

По окончаніи артиллерійскаго училища В. В. поступилъ въ полкъ, участвовавшій въ кавказскомъ походѣ.

На Кавказѣ Лесевичъ пробылъ недолго. Онъ, однако, участвовалъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ. Въ тѣ годы нельзя было ожидать, чтобы у В. В.—ча могло проявиться то отрицательное отношеніе и къ войнѣ вообще, и къ разгромленію кавказскихъ горцевъ, какое соотвѣтствовало его позднѣйшему міросозерцанію. Вся окружающая среда была проникнута шовинистическимъ настроеніемъ. Однако уже въ то время Лесевичъ скорѣе чувствомъ, чѣмъ сознаніемъ угадывалъ отрицательныя стороны и всенныхъ порядковъ, и самаго завоеванія, и память его отмѣчала много отдѣльныхъ фактовъ, которые уже возбуждали въ немъ чувства, шедшія вразрѣзъ съ внушенными ему средой и школой.

Много лѣтъ спустя, въ старости В. В. не могъ безъ содраганія вспомнить, какъ при взятіи аула черкесы, старики и женщины, бросались съ обрыва лишь бы не попасть въ плѣнъ къ русскимъ. Запомнился ему ужасный случай. Русский солдатъ, догнавъ черкеса въ тотъ моментъ, когда тотъ стремился прыгнуть въ пропасть, вонзилъ ему въ спину штыкъ. Черкесь, рванулся и скатился внизъ, а солдатъ, не успѣвъ выдернуть штыкъ и, можетъ быть, опасаясь потерять казенное оружіе, сорвался вмѣстѣ съ нимъ...

Вспоминались ему и рассказы солдатъ о «заслуженныхъ лошадяхъ», 17 разъ выписывавшихся павшими или убитыми въ бою и вновь купленными.

Сохранились четыре записныхъ книжки Лесевича за 1854—58 годы, которыя даютъ возможность познакомиться съ тѣмъ, что интересовало его въ этотъ періодъ ранней юности. Изъ этихъ записокъ, веденныхъ на русскомъ, итальянскомъ, польскомъ и французскомъ языкахъ, прежде всего видно, какъ много читалъ тогда Вл. В.—чѣ и какъ сознательно относился къ чтенію. Записныя книжки наполнены множествомъ выписокъ изъ прочитанныхъ авторовъ на самыя разнообразныя сюжеты. Тутъ и военные вопросы, и стихи, цитаты изъ ученыхъ и духовныхъ сочиненій. Реляціи Суворова, слова Петра В., «слово» архіепископа Иннокентія, длинныя выписки изъ Гоголя, стихи Мицкевича, цитаты изъ Паскаля, Данте, Монтескье, Вольтера, С. Пелико, Ларошфуко перемежаются съ замѣтками по французской грамматикѣ, и перечнемъ всѣхъ греческихъ философовъ отъ Θαλеса до Сократа¹⁾.

¹⁾ Любопытно отмѣтить также особенный интересъ, проявленный Вл. В.—чемъ къ Слову о полку Игоревѣ. Въ записной книжкѣ 1855 г.

Вл. В—чъ обладалъ замѣчательною памятью. Онъ зналъ наизусть цѣлыя страницы прозы и читалъ ихъ на память даже въ концѣ жизни. Въ 1902 г. передъ нашей поѣздкой за границу мы гуляли однажды въ деревнѣ въ саду, и я помню какъ Лесевичъ читалъ безъ запинки длинныя выдержки изъ «Мертвыхъ душъ» и «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканки». Въ записныхъ книжкахъ находимъ обширныя выписки изъ Гоголя. Очевидно съ того времени онѣ и остались въ памяти Вл. В—ча¹).

Записныя книжки велись въ замѣчательномъ порядкѣ. Каждая начинается заглавіемъ: «Выписки и замѣтки», — по-французски: «Extraits et remarques»; страницы перенумерованы; указанъ годъ и мѣсто, гдѣ заполнялась книжка. Первые три (1854—55—56 гг.) — въ Петербургѣ, а на послѣдней (1856—57—58 гг.) — значатся: Петербургъ, Пирятинъ, Тифлисъ, Т.-Х.-Шура, Буртунай. Замѣчательно, что въ IV книжкѣ, записи въ которой велись на театрѣ войны, нѣтъ ничего военного. Въ ней много стихотвореній: Гейне, Мицкевича, А. Толстаго, пѣсни Беранже, и подробнѣйшая классификація наукъ...

Уже тогда, на Кавказѣ проявилось у Лесевича стремленіе къ научной работѣ и къ общественной, о чемъ свидѣлствуютъ статьи, напечатанныя въ мѣстной газетѣ. Здѣсь нѣтъ еще и намекъ на будущіе труды Лесевича по философіи, но зато мы видимъ въ нихъ указанія на то, куда тянулась душа этого юнаго офицера. Невольно охваченный настроеніемъ побѣдоноснаго шествія нашихъ войскъ, юноша-воинъ все-таки мечтаетъ не о битвахъ и дѣлахъ. Въ корреспонденціи о военномъ праздникѣ по случаю взятія одного важнаго укрѣпленія, въ дни жаркихъ боевъ съ Шамилемъ, онъ высказываетъ вполне мирныя мысли, описывая военный парадъ съ молебствіемъ: «Души наши слились тогда въ одну общую молитву, чтобы кровь перестала поскорѣ литься на Кавказѣ, чтобы въ горахъ этихъ, синѣющихъ вдали, скорѣ просіялъ свѣтъ истиннаго ученія, а съ нимъ и просвѣщенія»²)... Въ этихъ строкахъ уже обнаруживается будущій Лесевичъ съ его глубокой ненавистью къ войнѣ, кровопролитію и ко всякой бойнѣ...

находимъ подробную библиографію «Слова» на русскомъ, французскомъ и польскомъ языкахъ. Затѣмъ слѣдуетъ запись всего «Плача Ярославны» въ переводѣ на русскій языкъ всѣхъ существующихъ въ то время переводчиковъ, въ стихахъ и въ прозѣ — всего 8 переводовъ.

¹) Какъ показываютъ записи въ книжкѣ отъ 1855—56 гг. юноша Лесевичъ интересовался тогда френологіей. Здѣсь приведена довольно обширная френологическая библиографія на французскомъ языкѣ и нѣсколько рисунковъ, прекрасно сдѣланныхъ перомъ, изображающихъ черепа, съ обозначеніемъ на нихъ «Sièges des Organes» и съ описаніемъ послѣднихъ, подъ заглавіемъ «Extrait de systeme de Gall».

²) Укрѣпленіе Буртунай. «Кавказъ», 1857 г.

III.

Возвратившись съ Кавказа въ Петербургъ, Лесевичъ поступилъ въ военную Академію, поступилъ по инерціи, такъ какъ таковъ былъ планъ его воспитанія и карьеры, который съ дѣтства ему внушался и къ которому онъ привыкъ. В. В. въ сущности пересталъ уже интересоваться и этой карьерой, и военной наукой. Въ годы пребыванія въ Академіи онъ читаетъ очень много, но не изъ области военныхъ наукъ и не по предметамъ военно-академическаго курса, такъ что съ трудомъ переходитъ съ курса на курсъ. Здѣсь впервые овладѣваютъ имъ религіозныя сомнѣнія. Нужно замѣтить, что еще въ началѣ академическаго курса В. В. былъ въ высшей степени религіозенъ. Его религіозное чувство было не только внѣшнимъ, внушеннымъ извнѣ, отъ котораго такъ легко освобождаются.

Онъ въ это время часто посѣщалъ церковь и вспоминалъ въ послѣдствіи то горячее чувство, которое овладѣвало имъ тамъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ уже тогда изъ церкви онъ выносилъ не удовлетвореніе, а оскорбленіе этого чувства. Когда В. В.—чу попалось въ руки сочиненіе Фейербаха, онъ провелъ надъ нимъ нѣсколько мучительныхъ ночей. Въ поискахъ за рѣшеніемъ волновавшихъ его сомнѣній онъ обратился къ товарищу по Академіи, — въ послѣдствіи извѣстному профессору, — и до конца дней не могъ забыть его грубаго замѣчанія: — «Охота тебѣ... заниматься такимъ!»

Переходя отъ горячей вѣры къ такому же страстному безвѣрію путемъ тяжелой ломки и многихъ думъ, В. В. не могъ сочувствовать поверхностному атеизму товарищей, который вѣрнѣе было бы назвать индифферентизмомъ. Онъ сдѣлался столь же страстнымъ отрицателемъ Бога, какъ раньше былъ страстно вѣрующимъ въ него. Онъ превратился въ убѣжденнаго пропагандиста безвѣрія, ставшаго его второй религіей, вытѣснившей первую. Вѣрующій терялъ въ его глазахъ, какъ человѣкъ неспособный мыслить. Былъ только одинъ человѣкъ, которому онъ прощалъ религіозность, даже болѣе — религіозность этого человѣка трогала его — это была жена Лесевича, Лидія Парменовна.

В. Н. Леонтовичъ, разсматривая вопросъ о причинахъ религіознаго перелома Вл. В.—ча, видитъ ихъ не столько во вліяніи научнаго чтенія, сколько въ основаніяхъ психологическихъ. Въ душѣ его жили страстная жажда независимости и огромная гордость, высоко цѣнимыя имъ въ людяхъ. Ни за какую цѣну, ни за цѣну безсмертія, онъ не хотѣлъ отдать человѣческой независимости, не хотѣлъ безсмертія, такъ какъ оно связывалось съ

наличностью чего-то высшаго, чѣмъ человѣкъ — подчиняло человека. Во время академическаго курса Лесевичъ мало сходилъ съ товарищами. Изъ среды же профессоровъ Академіи онъ указывалъ на Драгомирова и Лаврова, какъ на людей, содѣйствовавшихъ его развитію, снабжавшихъ его книгами и помогавшихъ ему въ выясненіи являвшихся у него вопросовъ.

Лавровъ вскорѣ вынужденъ былъ оставить Академію.

У Драгомирова же В. В. бывалъ до конца курса. Любопытенъ одинъ эпизодъ, который вспоминалъ Лесевичъ: Драгомировъ жилъ въ казенной квартирѣ при самой Академіи. Однажды вечеромъ, когда В. В. зашелъ къ нему, Драгомировъ предложилъ ему какую-то книгу, считавшуюся тогда запрещенной. Но только что М. И. вынулъ эту книгу изъ стола, какъ ему доложили о пріѣздѣ важнаго генерала — человека въ высшей степени реакціоннаго. Здѣсь, — рассказывалъ В. В., — молодой офицеръ, въ моемъ лицѣ, получилъ отъ М. И. прекрасный урокъ, какъ нужно не тѣряться и не волноваться въ соотвѣтствующемъ затруднительномъ положеніи: Драгомировъ, встрѣтивъ гостя, спокойно, безъ малѣйшей торопливости началъ заворачивать книгу и затѣмъ, передавъ ее на глазахъ у строгаго начальника, В. В.—чу, простился съ нимъ, совѣтуя обратить вниманіе на рекомендуемое сочиненіе.

IV.

Въ точности неизвѣстно, когда именно случился полный переворотъ въ религіозныхъ взглядахъ Лесевича, но это несомнѣнно былъ переворотъ крупный, рѣзкій, послѣ котораго въ немъ на всю жизнь осталась глубокая вражда къ самой идеѣ Бога, не говоря уже объ обрядности, церковности и официальномъ православіи въ особенности. Последнее объяснялось, главнымъ образомъ, его господствующимъ положеніемъ и тѣмъ, что оно пользовалось своими преимуществами для угнетенія другихъ вѣроисповѣданій. В. В.—чъ очень любилъ, между прочимъ, выслушивать или рассказывать анекдоты изъ жизни духовенства. Живо помню, какъ въ Римѣ, гдѣ мы жили нѣкоторое время вмѣстѣ, онъ, знакомясь съ католическими прелатами или монахами, рассказывалъ имъ свои анекдоты объ архіереяхъ. Такъ какъ и у служителей римской церкви были свои анекдоты ничѣмъ не хуже нашихъ архіерейскихъ, то понятно, что нѣкоторые прелаты приходили въ смущеніе и не сразу опредѣляли свое отношеніе къ анекдоту. Знакомства этого рода были случайными и при европейской свободѣ и общительности завязывались легко. Лесевичъ импонирс-

валъ своею обширною эрудиціею, своею спеціально церковною начитанностью. Однажды мы гуляли на Пинчо. Это было любимое мѣсто Лесевича для прогулокъ въ Римѣ. Отсюда виденъ храмъ Петра и почти весь городъ. Мы сидѣли на скамьѣ, отыскивая знакомыя мѣста Рима, когда къ намъ подошли два монаха, съ которыми Лесевичъ еще раньше познакомился въ Латеранѣ, одинъ—итальянецъ, старикъ, другой—полякъ изъ Галиціи, молодой.

В. В. Лесевичъ.

В.л. В—чъ свободно говорилъ по-итальянски. Скоро у нихъ завязалась живая бесѣда о filioque, о причинахъ раздѣленія церквей, а затѣмъ Лесевичъ, по обыкновенію, перешелъ на архіерейскіе анекдоты. Старый монахъ слушалъ ихъ серьезно, а потомъ неожиданно спросилъ:

— Если вы признаете преимущество католической церкви, то почему не переходите въ католичество?

Прежде чѣмъ Лесевичъ успѣлъ отвѣтить, его выручилъ другой монахъ.

— Что вы говорите,—сказалъ онъ.—Вѣдь въ Россіи за перемѣну религіи ссылають въ Сибирь.

Старикъ сначала удивился, а потомъ покачалъ головой и сказалъ:

— Жаль, что у насъ нѣтъ Сибири.

Лесевичъ говорилъ потомъ, смѣясь, что никакъ не ожидалъ встрѣтить въ Римѣ религіознаго монаха съ такими сибирскс-православными убѣжденіями.

Оставляя эту анекдотическую сторону, замѣчу, что вопросы религіи уже совсѣмъ въ другомъ направленіи, чисто научномъ, какъ фольклоръ — сказалъ бы Лесевичъ, — интересовали Вл. В—ча до конца дней.

П. Л. Лавровъ имѣлъ уже въ Академіи большое вліяніе на формировавшееся тогда міровоззрѣніе Лесевича, который былъ знакомъ съ Лавровымъ и бывалъ у него въ домѣ.

Въ семьѣ Вл. В—ча сохранилось предположеніе, что онъ принималъ участіе въ организаціи побѣга Лаврова за границу. Но Г. А. Лопатинъ, устраивавшій этотъ побѣгъ, сообщилъ мнѣ, что ему неизвѣстно, чтобы Вл. В—чъ принималъ какое-либо участіе въ отправкѣ Лаврова за границу¹⁾.

Къ Лаврову Лесевичъ всегда относился съ величайшимъ уваженіемъ. Съ увѣренностью можно сказать, что освобожденіемъ своего духа, смѣлостью мысли и безпощадностью анализа, которыми Вл. В—чъ отличался впоследствии, онъ въ значительной степени былъ обязанъ Лаврову и какъ профессору, и какъ личности.

V.

Окончаніе Академіи совпало съ самымъ сильнымъ подъемомъ первой волны общественнаго движенія въ раскрѣпощенной Россіи. Лесевичъ вышелъ въ отставку въ первой половинѣ 60-хъ годовъ; непосредственной причиной отставки была съ одной стороны женитьба (невѣста не хотѣла, чтобы онъ оставался военнымъ), съ другой — опасенія Вл. В—ча, что ему придется, пожалуй, принимать участіе въ подавленіи революціоннаго движенія въ Польшѣ, между тѣмъ какъ всѣ его симпатіи были на сторонѣ освобожденія польскаго края отъ военно-полицейскаго гнета, придавившаго братскій народъ.

Отмѣчу здѣсь, что въ лицѣ жены своей, Лидіи Парменовны, Лесевичъ нашелъ не только любящую женщину, но и вѣрнаго друга, помощника и товарища въ его дальнѣйшей скитальческой жизни.

¹⁾ Достоверно извѣстно, что жена Лесевича принимала участіе въ организаціи бѣгства Мірскаго. Но это было значительно позже.

Вскорѣ послѣ женитьбы и отставки Вл. В—чъ переселяется въ деревню. Онъ также былъ увлеченъ стремленіемъ, охватившимъ русскую ителлигенцію, «итти въ народъ». Здѣсь онъ и Лидія Парменовна всецѣло посвящаютъ себя школѣ.

Ко времени крестьянской реформы Вл. В—чъ былъ уже самостоятельнымъ владѣльцемъ своего имѣнія и «своихъ» крестьянъ. При осуществленіи воли онъ не нашелъ возможнымъ воспользоваться предоставленными ему по закону выкупными платежами. Крестьяне села Денисовки получили полный надѣлъ, а причитающіяся за него деньги по настоянію Вл. В—ча были обращены частью (4000 р.) на содержаніе школы, устроенной на средства Лесевича; частью (2000 р.) были переданы въ мірской капиталъ. Это была первая школа на Украинѣ, въ которой преподаваніе велось на украинскомъ языкѣ.

Эта-то школа, въ которой Лесевичи принимали самое близкое участіе, вызвала рядъ доносовъ враждебно относившагося къ ней мѣстнаго священника, обширную переписку подлежащихъ вѣдомствъ и полемику въ печати. Даже въ «Колоколѣ» появились двѣ язвительныя замѣтки противъ гонителей школы.

Исторія этой школы заслуживаетъ болѣе подробнаго изложенія, такъ какъ она на довольно продолжительное время овладѣла вниманіемъ В. В—ча. Вѣдь это было время, когда сельская школа только что нарождалась и когда съ нею связывались самыя широкія ожиданія. Лесевичъ состоялъ попечителемъ школы и, конечно, отстаивалъ ея независимость отъ поповскихъ и чиновничьихъ воздѣйствій, имѣвшихъ цѣлью завладѣть крупной суммой, пожертвованной Лесевичемъ. Мѣстный священникъ и благочинный разсчитывали, что, въ случаѣ закрытія школы, фонды ея освободятся отъ контроля надъ ними Лесевича. Врагамъ школы, несмотря на отзывъ ближайшаго начальства объ образцовой постановкѣ преподаванія, удалось добиться ея временнаго закрытія, однако расчеты ихъ не оправдались. Дѣло было направлено въ Сенатъ, который отмѣнилъ рѣшеніе о закрытіи школы, какъ незаконное, но возродиться школа не могла уже вслѣдствіе открытой вражды къ ней подлежащихъ вѣдомствъ. Во всякомъ случаѣ, она не могла существовать въ томъ видѣ, какъ желалъ Лесевичъ — съ преподаваніемъ на родномъ языкѣ учащихся. Деньги, пожертвованныя Лесевичемъ на школу, были сначала употреблены на устройство кассы взаимопомощи, а затѣмъ переданы въ распоряженіе крестьянъ, которые раздѣлили ихъ между собою и употребили на покупку земли. Но печальная исторія школы тянулась долго.

Только въ 1893 г., какъ видно изъ письма Лесевича Потанину,

«дѣло со школой было покончено»... Съ чувствомъ брезгливости, пишетъ онъ далѣе: «Всѣ эти гнусные инспекторы и иная шваль могутъ теперь командировать въ другомъ мѣстѣ, а мы уже составили всѣ нужные «акты» для того, чтобы на бесполезное дѣло денегъ не давать. Пусть себѣ мѣстные павлины распускаютъ хвосты и сколько имъ будетъ угодно, но отнюдь не на нашъ счетъ. Присылаемыхъ этими павлинами пропойць и идиотовъ мы также никогда уже не увидимъ и не будемъ вынуждены ни поддерживать эту культурную погань, ни—Боже храни — бороться съ нею. «Дикари цивилизаціи» пойдутъ теперь мимо насъ и никакая мразь не скажетъ, будто мы завели школу ради какихъ-нибудь заднихъ мыслей, а деньги, которыя расходовались на это нелѣпое учрежденіе пойдутъ на хлѣбъ. Хлѣбъ удовлетворяетъ «біологическимъ» потребностямъ, и посему нужда въ немъ обсужденію не подлежитъ, а затѣмъ вопросъ о томъ, существуютъ ли въ нашемъ уголкѣ иныя потребности, я оставляю открытымъ. Если покажется, что существуютъ, то крестьяне, сумѣютъ, конечно, удовлетворить ихъ, такъ какъ имъ на удовлетвореніе таковыхъ и дано было мною 61½ тысячъ рублей, которые и теперь существуютъ въ видѣ земли, приносящей нашему крестьянскому обществу 600 рублей годового дохода».

Пребываніе въ деревнѣ послѣ борьбы за школу, борьбы, потребовавшей многихъ усилій, при крайней ничтожности результатовъ, оставило тяжелый слѣдъ въ душѣ Вл. В—ча и, по видимому, навсегда положило конецъ какимъ бы то ни было дальнѣйшимъ попыткамъ работы въ деревнѣ въ условіяхъ русской дѣйствительности¹⁾.

VI.

Въ 60-хъ годахъ Лесевичъ съ женой поѣхалъ за границу. Это была первая его заграничная поѣздка, отголоски которой на-

¹⁾ Впослѣдствіи, черезъ много лѣтъ, зазвучала въ душѣ Лесевича скептическая нотка по отношенію къ самой деревнѣ независимо отъ внѣшнихъ вліяній. Сообщая въ 1891 г. А. В. Потаниной нѣкоторыя свѣдѣнія о сказочникѣ Чмыхалѣ, Вл. В—чъ пишетъ: «съ послѣдней почтой я писалъ Григорію Николаевичу (Потанину), и сообщилъ ему въ общихъ чертахъ матеріалъ, доставленный нашимъ сказочникомъ. Я забылъ прибавить, что о созвѣздіяхъ ничего отъ него добиться невозможно. Да я думаю, что и во вѣй Денисовѣ никто на вопросы о звѣздахъ ничего не отвѣтитъ. Формулой «купить — продать» исчерпывается вся жизнь здѣшняго обывателя. Нашъ сказочникъ—человѣкъ въ своемъ родѣ единственный. Зато же вотъ уже 30 лѣтъ, какъ его никто не слушаетъ, и рассказы его оказываются никому здѣсь ненужными... 30 лѣтъ тому назадъ тутъ живы еще были люди, знавшіе не только сказки, но и думы, легенды и преданія о «казачизнѣ»: и мнѣ тогда объ этомъ говорили, но я не понималъ значенія всего этого и ничего не только не записалъ, даже не прослушалъ. Теперь людей этихъ нѣтъ уже, а молодое поколѣніе представляетъ совсѣмъ новый типъ: ему не до преданій и легендъ; оно слишкомъ практично и прозаично».

ходимъ въ статьяхъ, помѣщенныхъ въ 1870-мъ г. въ «Отеч. Зп.» подъ заглавіемъ: «Изъ записной книжки путешественника».

Несомнѣнно, что въ эту поѣздку Вл. В—чъ имѣлъ возможность познакомиться съ русскими эмигрантами, оказавшими извѣстное вліяніе на его политическое сознаніе. Въ неизданныхъ воспоминаніяхъ петрашевца Д. Д. Ахшарумова, любезно предоставленныхъ въ наше распоряженіе его сыномъ, находимъ указанія на поѣздку Лесевича въ Лондонъ для свиданія съ Герценомъ.

Конецъ 60-хъ годовъ застаеъ В. В—ча въ Петербургѣ. Здѣсь онъ выступилъ съ первымъ значительнымъ трудомъ «Очеркъ развитія идеи прогресса», напечатаннымъ въ журналѣ «Современное Обозрѣніе». Вскорѣ затѣмъ Лесевичъ сблизился съ редакціей «Отечественныхъ Записокъ», сотрудникомъ которыхъ оставался до прекращенія журнала. Періодъ сотрудничества въ журналѣ, читавшемся всей просвѣщенной частью общества, былъ одинъ изъ наиболѣе плодотворныхъ въ дѣятельности Вл. В—ча.

Тогдаже появилась (въ 1877 г.) книга Лесевича «Критика основначалъ позитивной философіи», давшая сильный толчокъ русской философской мысли и привлекая вниманіе широкихъ круговъ наиболѣе просвѣщенной части общества. Справедливо говоритъ профессоръ Челпановъ, что должную оцѣнку тому, чѣмъ былъ для русской философіи Лесевичъ, «могутъ дать только тѣ, кто сами были захвачены теченіемъ, впереди котораго находился онъ. Нужно было самому быть свидѣтелемъ и даже участникомъ той смѣны идей, которую пережила русская философская мысль за послѣднія тридцать лѣтъ, чтобы опредѣлить, какое мѣсто занимаетъ въ ней В. В.»¹⁾.

Никто болѣе сжато и ясно не опредѣлилъ выдающуюся роль Лесевича въ исторіи развитія философскихъ идей въ Россіи за послѣднюю четверть XIX столѣтія, какъ это сдѣлалъ проф. Челпановъ въ этой краткой газетной замѣткѣ. Указавъ на то, что на смѣну отходящему въ концѣ 70-хъ годовъ матеріализму появляется позитивизмъ, проф. Челпановъ справедливо замѣчаетъ, что «матеріализмъ могъ уступить мѣсто только такому преемнику, который былъ во всемъ на него похожъ». Публика усваивала «только тѣ стороны позитивизма, которыя находились въ явномъ родствѣ съ прежнимъ матеріализмомъ». Дѣйствительно, тогда самый позитивизмъ «лишь постольку интересовалъ публику, поскольку онъ былъ матеріализмомъ съ болѣе облагороженной формой. Это былъ контовскій позитивизмъ, вся сущность котораго въ умахъ тогдашней интеллигенціи сводилась просто къ от-

¹⁾ «Кіевскіе Отклики», 17 ноября 1905 г., № 309.

рицанію всякой философіи. Отрицалась возможность какихъ бы то ни было философскихъ построеній, но отрицалась совершенно *догматически*, безъ какихъ бы то ни было доказательствъ. Все философское безъ разсужденій отменялось». Какъ разъ въ это время появилась названная выше книга Лесевича. «Въ этой книгѣ онъ призываетъ къ пересмотру основныхъ началъ позитивной философіи. Онъ философіи не отрицаетъ, но требуетъ синтеза философіи и науки. Философія, по его мнѣнію, можетъ быть построена только на основахъ науки. Онъ требуетъ, чтобы всѣ философскія пснятія были подвергнуты *критическому* пересмотру на основахъ теоріи познанія. Онъ призываетъ, наконецъ, къ изученію теоріи познанія Канта. «Нужно было жить въ то время,—говоритъ далѣе проф. Челпановъ,—чтобы знать то впечатлѣніе, которое произвела книга Вл.В—ча. Намъ теперь сказали, что нельзя строить философію безъ серьезной умственной работы, и мы въ это увѣровали. Призывъ: «надо вернуться къ Канту» для многихъ явился повелѣніемъ, которому они подчинились безпрекословно. Съ этого времени мы рѣшили перестать строить какія бы то не было философскія теоріи, пока не разрѣшимъ всѣхъ основныхъ вопросовъ теоріи познанія. Всѣ начинали изучать Канта, кто какъ могъ. Этимъ мы обязаны В. В. Въ недавнее время спрашивали, когда и какъ возникъ у насъ интересъ къ изученію Канта. Указывалось на различныя вліянія, при которыхъ у насъ начался интересъ къ кантовской философіи, но какъ свидѣтель того времени, могу прямо сказать, что интересъ къ Канту впервые пробудила книга В. В. въ концѣ 70-хъ и началѣ 80-хъ годовъ.

«Въ концѣ 80-хъ годовъ у насъ начинается идеалистическое теченіе, но позитивизмъ попрежнему имѣетъ сильнаго, серьезнаго защитника, съ которымъ нужно было считаться. Въ книгѣ: «Что такое научная философія» (1891) В. В. вновь дѣлаетъ попытку провести мысль о необходимости синтеза философіи и науки. Но и послѣ появленія этой книги, онъ продолжаетъ искать научнаго обоснованія позитивизма. Надо отдать справедливость его умственной чуткости: онъ останавливаетъ вниманіе на эмпириокритицизмѣ Авенаріуса. Въ то время, какъ въ міровой литературѣ Авенаріусъ былъ еще совершенно не признанъ, В. В. усмотрѣлъ въ его «Критикѣ чистаго опыта» выдающееся произведеніе и началъ популяризацию его взглядовъ. Онъ писалъ статьи въ журналахъ, переводилъ книги объ Авенаріусѣ, читалъ повсюду публичныя лекціи о философіи Авенаріуса, полемизировалъ. Словомъ, велъ дѣло популяризації Авенаріуса съ той страстностью и съ той энергіей, которая для него такъ характерна. Надо замѣтить,

что лучшаго выбора для защиты научнаго позитивизма нельзя было сдѣлать. Въ настоящее время нѣтъ другого произведенія, которое бы въ большей полнотѣ и съ большей послѣдовательностью проводило бы позитивизмъ, чѣмъ произведенія Авенариуса. Остановливая вниманіе на Авенариусѣ, Вл. В. призывалъ русскую публику къ серьезной философской работѣ. Поэтому велика заслуга его передъ русской философіей. Почти въ теченіе сорока лѣтъ своей литературной дѣятельности онъ горячо отстаивалъ одно и то же: «синтезъ философіи съ наукой», иначе не можетъ быть никакой философіи; «критическая работа», безъ нея невозможны никакія философскія построенія.

«Вотъ то необычайно цѣнное, богатое, что привнесъ въ бѣдную сокровищницу русской философской мысли покойный Вл. В.»¹⁾.

VII.

Въ 1879 г. Лесевичъ безъ суда и слѣдствія былъ высланъ административнымъ распоряженіемъ генераль-губернатора Гурко изъ Петербурга и сосланъ въ Сибирь. Никогда въ точности не было выяснено, за что собственно учинили надъ Лесевичемъ столь свирѣпую расправу. Развѣ за образъ мыслей...

Въ цитированныхъ выше воспоминаніяхъ Ахшарумова находимъ объ этомъ слѣдующее указаніе: «Я узналъ отъ него,—пишетъ Ахшарумовъ,—что онъ не знаетъ, за что былъ сосланъ въ Енисейскъ, такъ какъ личной провинности на немъ не было никакой. Только во время его жизни въ Петербургѣ въ перехваченныхъ письмахъ нѣкоторыхъ лицъ, навлекшихъ на себя подозрѣніе мѣстной администраціи, встрѣчались ссылки на него и указанія: если не знаете, что дѣлать, то обратитесь къ Лесевичу, который живетъ тутъ-то. (Указанъ петербургскій адресъ)».

По словамъ Ахшарумова, Лесевичъ «долженъ былъ слѣдовать въ ссылку по этапу вмѣстѣ съ другими ссыльными, но затѣмъ, по ходатайству вліятельныхъ его пріятелей, ему дозволено было отправиться туда почтой по почтовому Сибирскому тракту съ семействомъ—женой и дочерью, при чемъ было распоряженіе, чтобы въ каждомъ городѣ онъ былъ передаваемъ въ пересыльную тюрьму, гдѣ оставался ночевать, а иногда и дольше по усмотрѣнію начальства».

Свѣдѣнія Ахшарумова о ходатайствѣ «вліятельныхъ пріятелей» не вполне точны. Разрѣшеніе ѣхать на свой счетъ было выхлопотано тестемъ Лесевича, генераломъ Пичугинымъ. Поѣздка

¹⁾ Ibid.

въ ссылку на свой счетъ обошлась недешево, такъ какъ Лесевичу пришлось оплачивать путевые расходы сопровождавшихъ его жандармовъ не только туда, но и обратно¹⁾. По свѣдѣніямъ г. Леонтовича первоначально предполагено было выслать Вл. В—ча въ Якутскую область и только благодаря ходатайству генерала Пичугина она была замѣнена Красноярскою.

Въ бумагахъ Вл. В—ча сохранилось нѣсколько листовъ календаря за 1879 годъ. На первой, заглавной, страницѣ календаря сдѣлана рукой Лесевича слѣдующая надпись: «Календарь этотъ я получилъ въ подарокъ отъ нижегородскаго губернатора и полиціймейстера во время пребыванія въ нижегородской тюрьмѣ лѣтомъ, 79-го года. В. Лесевичъ». Этимъ календаремъ В. В. пользовался по пути слѣдованія въ ссылку, записывая на поляхъ названіе города противъ соответствующихъ чиселъ, съ обозначеніемъ, когда прибылъ и когда выѣхалъ дальше. Рукою же Вл. В—ча подведенъ итогъ общему числу дней этого путешествія. Для проѣзда отъ Петербурга до Енисейска понадобилось 66 дней; изъ нихъ Лесевичъ 26 дней провелъ въ пути и 40 дней—въ тюремномъ заключеніи.

Въ Сибири, въ Енисейскѣ и Красноярскѣ Лесевичъ прожилъ около трехъ лѣтъ, а затѣмъ получилъ разрѣшеніе вернуться въ Европейскую Россію, но съ большими ограниченіями, съ запрещеніемъ вѣзда въ столицы и съ прикрѣпленіемъ къ опредѣленному мѣсту жительства. Сначала ему была назначена Казань, потомъ Полтава, Тверь.

Во время этихъ скитаній заботливое начальство не оставляло Лесевича своимъ вниманіемъ. «Обыски, допросы, письма подъ контролемъ,—пишетъ онъ г. Бѣлоконскому изъ Казани въ 1882 г.,—всего не перечесть. Я съ марта здѣсь, какъ въ пеклѣ: кромѣ непріятностей—ничего. И все это такое здѣсь злое презлое».²⁾

Дѣйствительно, пужно было проникнуться особенной злобой (какъ это было и по отношенію къ Чернышевскому), чтобы такъ относиться къ человѣку, противъ котораго не могли возбудить никакого обвиненія. Ни тогда, ни впослѣдствіи не умѣлъ Лесевичъ переносить спокойно эти бессмысленныя преслѣдованія, которыя не оставляли его почти до конца жизни. Въ немъ не было того философическаго отношенія къ административнымъ экспери-

¹⁾ Въ бумагахъ Лесевича сохранился любопытный документъ: «Маршрутъ отъ Н.-Новгорода до Иркутска», выданный ссылаемому для свѣдѣнія, съ обозначеніемъ необходимыхъ расходовъ. Съ оплатою конвоировъ итогъ расходовъ равняется 727 р.

²⁾ Какъ разъ на этомъ письмѣ Лесевича сдѣлана сверху надпись: «читаль. За исправника (подпись неразборчива)».

ментамъ, продѣлываемымъ надъ людьми, какое вырабатывалось у насъ поколѣніями и почти вошло въ привычку. Онъ всегда тяжело переживалъ подлые удары, изъ-за угла наносимые бюрократіей людямъ безоружнымъ и беззащитнымъ.

«Въ Казани,—какъ разсказалъ мнѣ В. Н. Леонтовичъ, со словъ Лесевича—былъ въ то время курьезный жандармскій генералъ Жидковъ. Онъ имѣлъ пристрастіе къ бесѣдамъ съ «умными людьми» и часто приглашалъ къ себѣ Анненскаго и Лесевича, подъ видомъ допроса, для простого собесѣдованія. На одномъ изъ такихъ собесѣдованій Лесевичъ увидѣлъ на столѣ у генерала письмо знакомаго лица, очевидно захваченное при обыскѣ. Въ письмѣ упоминался городъ, знаніе котораго жандармами могло бы скомпроментировать многихъ. Лесевичъ во время бесѣды положилъ руку на письмо и протеръ пальцемъ то мѣсто, гдѣ было названіе города».

Но не одна администрація отравляла существованіе «неблагонадежныхъ». Являлись добровольцы, превосходившіе своимъ усердіемъ начальство. «На дняхъ нашу, т.-е. обще-тверскую мирную жизнь,—пишетъ Лесевичъ Мачтетъу изъ Твери въ февралѣ 1888 г.,—нарушило странное происшествіе: появленіе представителя литературнаго сыска—господина корреспондента «Нов. Вр.» Львова-Кочетова. Сыщикъ этотъ прожилъ тутъ нѣсколько дней въ ожиданіи пріѣзда губернатора и затѣмъ, являсь къ нему, требовалъ свѣдѣній насчетъ участія ссыльныхъ и поднадзорныхъ въ работахъ по земской статистикѣ, а также еще и указаній о вредныхъ элементахъ, основавшихся въ Бурашевѣ. Когда губернаторъ отказалъ исполнить его требованіе, онъ сказалъ ему въ упоръ, что онъ и безъ того знаетъ весьма хорошо, что поднадзорные получаютъ работу, а неблагонадежные люди скрываются въ Бурашевѣ. Во всемъ этомъ поразительнѣе всего то, что «Нов. Вр.» почему-то захотѣлось «нагадить» Твери. Зачѣмъ, почему? Но кто же уразумѣетъ ассенизаціонную душу».

Во время пребыванія въ Твери, Лесевичи имѣли возможность близко познакомиться съ И. И. Петрункевичемъ и Г. З. Елисевымъ. Знакомства эти продолжались и впослѣдствіи.

Въ Полтавѣ, куда переѣхали Лесевичи изъ Твери, у нихъ завязалось тѣсное знакомство съ семьей петрашевца Д. Д. Ахшарумова, который очень полюбилъ Вл. В—ча и настолько дорожилъ его мнѣніемъ, что впослѣдствіи пріѣзжалъ къ нему въ деревню, чтобы прочесть и выслушать его замѣчанія по поводу своихъ записокъ.

Въ Полтавѣ, какъ и въ Твери, у Вл. В—ча получилась своего рода «близость» съ жандармскимъ полковникомъ Банинымъ.

начальникомъ мѣстнаго жандармскаго управленія. Полковникъ Банинъ снялъ квартиру въ томъ же дворѣ, гдѣ жилъ и Лесевичъ. Банинъ не причинялъ, однако, послѣднему никакого безпокойства, смотрѣлъ на Лесевича, какъ на «человѣка науки» и не вѣрилъ въ его прикосновенность къ крамолѣ.

Между тѣмъ въ квартирѣ Лесевичей не разъ побывали люди (напр. Г. А. Лопатинъ и друг.), за которыми усердно охотились жандармы.

VIII.

Только въ 1888 г. Лесевичъ получилъ возможность вернуться въ Петербургъ. Это былъ періодъ тяжелаго безвременья. Лучшие журналы и газеты были уничтожены. Дѣлались попытки сорганизоваться около «Сѣв. Вѣстника», но окончились неудачей. Тогда кружокъ Михайловскаго, къ которому впослѣдствіи присоединились Анненскій и В. Г. Короленко сгруппировался въ «Русскомъ Богатствѣ», наиболѣе передовомъ изъ ежемѣсячныхъ журналовъ. Къ этому же кружку примкнулъ и Лесевичъ. Журналу приходилось вести тяжелую борьбу съ цензурой.

Въ «Русс. Бог.» Вл. В.—чъ принималъ самое дѣятельное участіе. Былъ не только сотрудникомъ, но и членомъ редакціоннаго комитета.

Въ 90-хъ годахъ появилось изслѣдованіе Лесевича о Дефо и его Робинзонѣ. Въ одномъ изъ писемъ къ Г. Н. Потанину онъ сообщаетъ свои размышленія и аналогіи по поводу этой работы, напечатанной въ «Русскомъ Богатствѣ». «Въ этотъ разъ я занялся Дефо. Его честная и прямая дѣятельность въ первую половину жизни и ренегатство, свихнувшееся въ шпіонство, во второй давали хорошій матеріалъ для очень живой психологической картины. Сближеніе съ современностью бросается въ глаза само собою. Нѣкоторые московскіе герои прочтутъ «о себѣ» горькія строки, хотя я держался объективнаго изложенія весьма строго. Разработавъ этотъ сюжетъ, я натолкнулся на вопросъ очень любопытный въ другомъ отношеніи. Оказывается, что легенды о Варлаамѣ и Иосафѣ были обработаны Ибнъ-Тофаилемъ въ рассказъ о приключеніяхъ Хаи-Ибнъ-Юкдана, человѣка, который сосредоточился на самоусовершенствованіи не въ стѣнахъ замка, отдѣленнаго отъ міра оградой, а на островѣ, отдаленномъ отъ міра волнами моря. Здѣсь Х.-И. самъ доходитъ до всего и потомъ къ нему прибываетъ и товарищъ. Этотъ «философскій романъ», какъ его называли, имѣлъ цѣль мистическую. Онъ стремился доказать возможность достиженія истины и еди-

ненія души съ Богомъ помимо мусульманскаго откровенія, но помимо этой цѣли Х.-І является на островѣ истиннымъ Робинзономъ. Ренанъ такъ и называетъ его «психологическимъ Робинзономъ». Романъ этотъ былъ переведенъ на англійскій языкъ и появлялся на ономъ не разъ въ концѣ XVII и началѣ XVIII столѣтія. Онъ вышелъ въ свѣтъ едва ли не въ третій разъ въ 1711 году, а въ 1719 Дефо выпустилъ Робинзона. Дефо, надо сказать, былъ неутомимый плагиаторъ и литературный промышленникъ. Онъ написалъ 255 сочиненій. Изъ нихъ массу романовъ и въ нихъ онъ обнаружилъ свое расположеніе къ иностраннымъ литературамъ, изъ коихъ и черпалъ идеи, планы и сюжеты. Не можетъ подлежать сомнѣнію, что Х.-І. вдохновилъ его. Такимъ образомъ выходитъ, что легенда о Б. (Буддѣ) произвела легенду о В. и І., эта—исторію Х.-І., а изъ этой уже вышелъ Робинзонъ. Значить, Р.—правнукъ Б.! Это довольно неожиданно, но духовное родство ихъ явно. Оба они въ уединеніяхъ своихъ заняты мыслью о самоусовершенствованіи и оба въ этомъ отношеніи служатъ живыми примѣрами. Дефо, какъ ярый реалистъ, передаетъ, конечно, Х.-І. по-своему, но зерно осталось и его-то и оцѣнилъ Руссо, указавъ на Р., какъ на единственную книгу, которую «онъ далъ бы своему Эмилю».

Лесевичъ былъ человекъ съ неустающей работой мысли. Умъ его обладалъ удивительной способностью широкихъ обобщеній и при этомъ онъ умѣлъ отвлеченныя понятія высшаго порядка упрощать, сводить къ жизни, къ реальнымъ человѣческимъ потребностямъ и переживаніямъ. Ненависть къ метафизикѣ или, какъ онъ любилъ выражаться, къ «примысламъ» всегда питала его душу и возбуждала ядовитѣйшіе сарказмы по адресу метафизиковъ. Эмпіріо-критическій методъ Авенаріуса показался ему откровеніемъ высшей истины. Въ 90-хъ годахъ Лесевичъ былъ всецѣло поглощенъ Авенаріусомъ.

Въ 1896 году Вл. В.—чъ въ письмѣ Н. М. Мендельсону говорить: «смерть Рих. Авенаріуса обратила вниманіе даже и лѣнивыхъ философовъ въ его сторону, а такъ какъ интродукціей, облегчающей въ сильной степени ознакомленіе съ этой философіей, служить книжка Фр. Карстаньена (Fr. Carstanjen. Rich. Avenarius. Biomechanische grundlegung der neuen Erkenntnistheorie. München, 1894), то можно полагать, что философія эта вскорѣ выплыветъ и у насъ на поверхность. И въ самомъ дѣлѣ, я теперь занятъ переводомъ этой самой книжки Карстаньена, и двое другихъ учениковъ Авенаріуса пишутъ въ этомъ же направленіи по-русски: одинъ — статью о философіи Авенаріуса, а другой работаетъ надъ переводомъ его «Kritik d. rei-

nem Erfahrung». Прибавлю, что всякій, не осужденный «à ne jamais changer», если только онъ прочелъ Карстаньена и еще хотя бы «Der menschliche Weltbegriff» Авенариуса, навѣрно почувствуетъ себя возрожденнымъ и навѣрно твердо и спокойно скажетъ: «теперь нѣтъ мѣры моему презрѣнію къ философіи жвачныхъ и всякое по поводу ея совершающееся топченіе въ моихъ глазахъ не выше шаманскаго камланья. Ну, и вотъ, представьте себѣ, что въ то время, когда таксе настроеніе возможно, люди, выдающіе себя за свѣточей земли нашей, могутъ выбирать себѣ такое благосроднсе занятіе, какъ философское камланье».

Для характеристики русскихъ философовъ Лесевичъ не находитъ достаточно рѣзкихъ словъ. Въ письмѣ къ В. А. Гольцеву, отъ 9 февраля 1901 г., онъ пишетъ: «Нашихъ философовъ надо бы запрятать въ лѣчебницу, въ отдѣленіе слабоумныхъ. Выбирають они европейскіе отбросы, а о большой дорогѣ европейской философіи—ни въ зубъ. Въ Европѣ совершается величайшій переворотъ въ мышленіи, какой когда-либо былъ: философія разрываетъ съ умозрѣніемъ и примыкаетъ къ совсѣмъ другому эволюціонному ряду—къ ряду опыта и наблюденія, а у насъ именно въ это время настааетъ эпоха пророковъ, мистиковъ, теософовъ, юродивыхъ... Говорятъ: они и тамъ есть. Да. Но тамъ они по... сидятъ, а у насъ въ красномъ углу: маленькая разница»¹⁾.

Свою роль въ области философіи самъ Лесевичъ, какъ увидимъ ниже, ограничиваетъ очень скромными предѣлами. Вл. В—чъ, который обыкновенно избѣгалъ говорить о себѣ, самъ опредѣляетъ свое положеніе и свои задачи въ свсей литературной научной дѣятельности: «Мои темы были всегда однѣ и тѣ же: теологіи и метафизики пережитки». Это, собственно говоря, и не мои темы, а темы вѣка: я былъ только докладчикомъ, о чемъ не разъ и заявлялъ. Доказательства этой истины мѣнялись, улучшались, совершенствовались.... Я за всѣмъ этимъ слѣдилъ, ловилъ на лету и подавалъ читателю «горячіе, прямо изъ печи». Теперь выходитъ переводъ «Курса» Ог. Конта, теперь я вижу у гг. Бердяева, Струве, Чернова ссылки на Рилия, Лааса... Но все это для меня уже вчерашній день. Теперь мой тезисъ уже иначе доказывается. Вотъ въ этомъ и заключается смыслъ моей литературной дѣятельности».

Еще въ 1897 году въ письмѣ къ Г. М. Туманову находимъ строчку, въ которой Вл. В—чъ прямо заявлялъ: «Моя единственная философская тема—эмпириокритицизмъ Авенариуса»...

¹⁾ Письмо это помѣщено въ сборникѣ «Памяти В. А. Гольцева». М. 1910.

В. В. Лесевичъ первый познакомилъ широкіе круги русскаго общества съ Авенаріусомъ въ наиболѣе доступной формѣ, насколько это было возможно, въ виду новой, совершенно незнакомой, терминологіи нѣмецкаго философа. Съ каждымъ, кто проявлялъ хоть малѣйшій интересъ къ Авенаріусу, Вл. В-чъ готовъ былъ и говорить, и переписываться безъ конца.

Когда видишь черновыя замѣтки Лесевича, цѣлые столбцы литературы, обширную переписку, посвященную вопросу объ эмпириокритицизмѣ, то становится понятнымъ, почему онъ съ такимъ волненіемъ относился къ этой философіи, представляющей для средняго читателя непреодолимая трудности. Какую кропотливую работу онъ продѣлалъ съ одной только выработкой совершенно новой терминологіи! Ему пришлось создать болѣе 50 терминовъ, неизвѣстныхъ ранѣе въ русскомъ философскомъ словарѣ. По поводу каждого термина у него шла переписка съ Авенаріусомъ и его кружкомъ, въ которомъ дебатировалось каждое предложенное Лесевичемъ новое слово. Понятно, что для Лесевича философія Авенаріуса была какъ бы его личнымъ, кровнымъ дѣломъ, за которое онъ могъ биться съ юношескимъ пыломъ и нетерпимостью къ инакомыслящимъ. На этой почвѣ у него возникли недоразумѣнія съ редакціей «Русскаго Богатства».

Въ журналѣ появилась рецензія на книгу Карстаньена, изданную подъ редакціей Вл. В-ча. Рецензія въ общемъ сочувственная, но, по мнѣнію Вл. В-ча, неосновательная. Отвѣтъ его рецензенту не былъ принятъ редакціей, которая нашла возможнымъ помѣстить только краткую «Замѣтку» Лесевича. Это повело къ разрыву. Вл. В-чъ вышелъ изъ состава редакціоннаго комитета, а затѣмъ отказался отъ сотрудничества. Последнія его работы печатались затѣмъ въ «Русской Мысли».

Случайно познакомившись при переѣздѣ границы съ таможеннымъ чиновникомъ Я. О. Гераскинымъ, повидимому, человекомъ начитаннымъ и интересующимся вопросами философіи, Вл. В-чъ вступилъ съ нимъ въ переписку. Письма его къ г-ну Гераскину особенно интересны въ томъ отношеніи, что свидѣлствуютъ, съ какимъ неослабѣвающимъ интересомъ относился Лесевичъ къ Авенаріусу еще и въ 1903 году, начиная съ 95-го г.

«Я помѣстилъ въ «Р. Богат.» и «Р. Мысли» нѣсколько статей, имѣющихъ прямое или косвенное отношеніе къ новѣйшей формѣ научной философіи—эмпириокритической, и я уже перевелъ «Введеніе въ критику чистаго опыта» Карстаньена, которое является новшествомъ у насъ, а потому замалчивается и игнорируется. Объ этой же философіи я перевелъ статью г-жи Кодисъ

въ «Русской Мысли»; о ней въ іюньской книжкѣ нынѣшняго года есть статья Каблешкова. Словомъ, литература объ этомъ предметѣ уже обозначилась. И я очень рекомендую ее Вамъ. Многое выяснится изъ нея, и прежде всего, что нашихъ философовъ, за исключеніемъ Челпанова, не стоитъ читать: напрасно только самого себя томить. Само собою разумѣется, конечно, что въ новое надо вчитаться и пока-что не отвергать, какъ дѣлали многіе у насъ, преувеличивъ трудности, ради самооправданія».

Въ слѣдующемъ письмѣ¹⁾ тому же лицу Лесевичъ даетъ въ нѣкоторомъ родѣ конспектъ философіи Авенаріуса.

Разрывъ съ кружкомъ людей, которые были близки Вл. В—чу по взглядамъ, тяжело отразился на настроеніи Лесевича. Онъ уѣхалъ въ деревню къ дочери, отдавшись всецѣло давно задуманной работѣ по фольклору, которая занимала его и раньше.

Хорошо помню это время въ Петербургѣ сейчасъ послѣ разрыва съ «Русск. Бог.»; Вл. В—чъ былъ убѣжденъ въ недоброжелательномъ къ нему отношеніи Михайловскаго. Но это была ошибка. Михайловскій всегда относился къ Вл. В—чу съ величайшимъ уваженіемъ и очень цѣнилъ его, какъ сотрудника и товарища. Онъ говорилъ мнѣ это не разъ и нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній сомнѣваться въ его искренности. Лесевичъ очень болѣзненно переживалъ свой разрывъ съ редакціей «Русскаго Богатства» и никогда не могъ вполне примириться съ нимъ. Въ 1900 г. въ письмѣ къ Потанину онъ не безъ горечи снова вспоминаетъ объ этомъ по совершенно случайному поводу. «Одинъ московскій издатель,—пишетъ Лесевичъ,—предложилъ мнѣ перевести Донъ-Кихота. Мнѣ было очень пріятно: я оказался на что нибудь нужнымъ, хоть передъ смертью. И все же выходитъ, что и противовѣсь вышвыриванію²⁾ моихъ злополученыхъ писаній все-таки оказался. Жаль, что мнѣ не до Донъ-Кихота и не до переводовъ вообще. Я продолжаю все сидѣть надъ статьей о языкѣ, а самая интересная тема—сказки, все отодвигается, какъ нѣкоторый миражъ... Меня интересуеетъ не то, откуда пришли такія-то именно сказки, а то, откуда взялись сказки вообще и какъ онѣ относятся къ пѣснямъ, поговоркамъ, пословицамъ и прочему фольклору».

По черновымъ замѣткамъ, конспектамъ и заглавіямъ видно, какъ широко былъ намѣченъ планъ сочиненія на эту тему. Но написать Вл. В—чъ успѣлъ только нѣсколько главъ.

Прошло нѣсколько лѣтъ послѣ разрыва съ редакціей «Р. Бог.»,

¹⁾ Отъ 28 августа 1903 г.

²⁾ Повидимому, намекъ на непринятую въ «Рус. Бог.» статью о поэтѣ Корсаки, напечатанную впоследствии въ «Рус. Мысли».

въ теченіе которыхъ однако же не прекращались добрыя личныя отношенія Лесевича съ нѣкоторыми членами редакціи, съ Анненскимъ, В. Г. Короленко, А. Г. Горнфельдомъ и др. Онъ переписывался съ ними и, какъ выясняется изъ переписки, въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Анненскому (1903 г.) снова коснулся вопроса о причинахъ своего отказа отъ участія въ журналѣ. Анненскій въ своемъ отвѣтѣ старается смягчить раздраженіе Лесевича противъ автора рецензіи и, между прочимъ, говоритъ: «вся ¹⁾ редакція журнала относится къ Вамъ съ величайшимъ уваженіемъ и искренно огорчена тѣмъ, что Вы все на насъ сердитесь. О себѣ я не говорю. Насъ связываетъ слишкомъ многое, чтобы мнѣ нужно было это доказывать. Ужасно мнѣ горько, что въ послѣдніе годы все какая-то злая судьба покушается на нашу старую дружбу и сердечную связь. Не дадимъ же ей каверзничать! Крѣпко, крѣпко Васъ обнимаю».

Это письмо вызвало обширный отвѣтъ Лесевича (5 октября, 1903 г.), въ которомъ онъ подробно излагаетъ всѣ обстоятельства, приведшія его къ рѣшенію уйти изъ редакціи «Русскаго Богатства».

Отвѣтъ этотъ, по своимъ размѣрамъ (около печатнаго листа) не умѣщающійся въ рамкахъ журнальной статьи, напоминаетъ всѣ пункты разногласій между Лесевичемъ и редакціей. Возражая редакціи,—которая сообщила Лесевичу, что она представляетъ въ философскихъ вопросахъ извѣстную свободу сужденій, такъ какъ не философія даетъ фізіономію журналу,—Вл. В—чъ особенно энергично доказываетъ необходимость строго выдержаннаго, опредѣленнаго направленія журнала въ вопросахъ философіи. «Я указывалъ,—пишетъ онъ,—на преданія «Современника» и «Отеч. Записокъ», я говорилъ о важности, которую всегда придавали «выработкѣ міросозерцанія», о вредѣ такой постановки философскаго отдѣла для самаго журнала... Ничего не вышло». Далѣе Лесевичъ указываетъ на появившіяся въ журналѣ послѣ его ухода статьи по философіи нѣкоторыхъ авторовъ, противорѣчающихъ другъ-другу и высказывающихъ взгляды, несоотвѣтствующіе направленію журнала.

Было ли то результатомъ этого письма Лесевича или еще какихъ-либо новыхъ переговоровъ, но, несомнѣнно, что послѣ письма отношенія Вл. В—ча съ редакціей «Русск. Бог.» теряютъ свою остроту и вступаютъ въ новый фазисъ. Не прошло и двухъ мѣсяцевъ, какъ Лесевичъ получаетъ приглашеніе (19 ноября 1903 г.), за подписью Михайловскаго, на собраніе пайщиковъ «Русск. Бог.» для обсужденія проекта паеваго товарищества.

¹⁾ Курсивъ Анненскаго.

Изъ дальнѣйшей переписки можно заключить, что на это приглашеніе Вл. В—чъ отвѣтилъ отказомъ. Тогда со стороны редакціи послѣдовало коллективное обращеніе ея къ Лесевичу, подписанное всѣми членами редакціи ¹⁾.

Письмо молодыхъ и старыхъ товарищей произвело на Лесевича большое впечатлѣніе и смягчило чувство обиды, не ссылавшей въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Вотъ что написалъ Вл. В—чъ Михайловскому: «903, XII, 8. Многоуважаемый Николай Константинович! Я просилъ Васъ не считать меня въ числѣ пайщиковъ «Русскаго Богатства», потому что обстоятельства послѣднихъ пяти лѣтъ дали мнѣ, къ высшему моему сожалѣнію, для такого рѣшенія поводъ. Получивъ теперь письмо, подписанное Вами и другими товарищами, я рѣшилъ перемѣнить свое намѣреніе. Очень благодарю Васъ всѣхъ за оказанное мнѣ вниманіе и хочу вѣрить, что могутъ сложиться такія обстоятельства, которыя поводовъ къ разрыву давать уже не будутъ, чего я, со своей стороны, искренно желаю. Уважающій Васъ В. Лесевичъ» ²⁾.

Михайловскій тотчасъ же отвѣтилъ Лесевичу нѣсколькими строками которыми и заканчивается этотъ эпизодъ, одинаково тяжелый для обѣихъ сторонъ.

«14 декабря 1903. Многоуважаемый Владиміръ Викторовичъ! Въ ближайшемъ собраніи товарищей я сообщу имъ о новомъ Вашемъ рѣшеніи, которое, конечно, порадуетъ ихъ такъ же, какъ порадовало меня.

Преданный Вамъ Ник. Михайловскій».

Въ 1904 г. умеръ Н. К. Михайловскій. Лесевичъ не возобновилъ своего сотрудничества въ журналѣ.

Х.

Вскорѣ послѣ разрыва съ редакціей «Р. Бог.», Лесевичъ, всегда искавшій возможности близкаго общенія писателя съ

¹⁾ Вотъ это письмо: «30 -го ноября 1903. Многоуважаемый Владиміръ Викторовичъ! Собравшись сегодня на собраніе товарищей «Русскаго Богатства», мы съ глубокимъ прискорбіемъ узнали, что Вы рѣшили отдѣлиться отъ насъ. Не желая останавливать организаціи дѣла, мы были въ печальной необходимости признать этотъ выходъ, но единогласно рѣшили не считать этого событія безповоротнымъ. Мы просимъ Васъ вѣрить, что желаніе наше самое искреннее и потому надѣмся, что Вы согласитесь возвратиться въ нашу среду. Ник. Михайловскій, С. Южаковъ, Н. Анненскій, А. Иванчинъ-Писаревъ, П. Якубовичъ, Н. Карышевъ, Вл. Короленко, А. Пѣшеховъ».

²⁾ О письмахъ Лесевича къ Михайловскому вообще см. въ статьѣ Н. С. Русанова «Архивъ Н. К. Михайловскаго». «Русское Богатство» 1914 г. № 1, стр. 138—141. Ред.

читателемъ, задумалъ читать лекціи въ провинціальныхъ городахъ на свои излюбленныя темы: Даніэль Дефо, Авенаріусъ и сказки.

По своей научной подготовкѣ Вл. В—чь могъ бы, конечно, занять кафедру философін въ любомъ университетѣ. Въ Россіи объ этомъ нечего было и думать не столько по формальнымъ причинамъ (Лесевичъ не былъ дипломированнымъ философомъ), сколько, главнымъ образомъ, по условіямъ политическимъ. Известный историкъ В. И. Семевскій, очень цѣнившій выдающіяся способности Вл. В—ча, какъ лектора, все-таки сдѣлалъ попытку черезъ Грота и Вл. Соловьева добиться для Лесевича степени почетнаго доктора философій. «Онъ такъ мастерски говорилъ,—пишетъ мнѣ В. И. Семевскій,—что въ его лицѣ пропадала незаурядная педагогическая сила». Какъ и слѣдовало ожидать изъ этой попытки ничего не вышло. «Невозможность предвидѣть—писалъ Вл. В—чь В. И. Семевскому въ 1890 г.—дѣйствія людей, руководящихся не нашей логикой и не нашей этикой, для меня совершенно очевидна. Я безъ колебанія думаю при этомъ о Гротѣ. Но и Соловьевъ остается у меня подъ сомнѣніемъ»...

Довольно рѣзкая оцѣнка Лесевичемъ Вл. Соловьева, какъ философа, была произведена въ самомъ раннемъ періодѣ дѣятельности послѣдняго, еще въ 1874 г. на диспутѣ въ университетѣ, когда Соловьевъ защитилъ свою магистерскую диссертацию. Въ числѣ неофіціальныхъ оппонентовъ выступилъ и Вл. Викт. Объ этомъ рассказываетъ Н. К. Михайловскій въ замѣткѣ, помѣщенной въ только что вышедшемъ X томѣ его сочиненій. Въ очень корректной формѣ, но все же рѣзко по существу, Лесевичъ указываетъ на важные промахи въ работѣ магистранта. Такъ послѣдній утверждаетъ между прочимъ, «что позитивизмъ, завоевавъ себѣ временное преобладаніе въ Европѣ, нынѣ уступаетъ мѣсто философій Гартмана». Лесевичъ доказывалъ, что обѣ половины этого положенія совершенно неосновательны; что позитивизмъ никогда не пользовался такою популярностію, какая ему приписывается магистрантомъ; что, съ другой стороны, и философія Гартмана совсѣмъ ужъ не такъ все затмила, какъ думаетъ магистрантъ; что самое существованіе кризиса въ западной философій Соловьевымъ вовсе не доказано и не можетъ быть доказано. Между прочимъ, Лесевичъ сослался на мнѣнія Геккеля и Альберта Ланге, стносящихся къ философій Гартмана самымъ презрительнымъ образомъ и уличающихъ этого мыслителя въ кругломъ невѣжествѣ и слабоголовости ¹⁾).

¹⁾ Полн. собр. соч. Н. К. Михайловскаго, т. X, стр. 92—93. С.-Петербургъ, 1913.

«Сомнѣніе», относительно Вл. Соловьева, высказанное Лесевичемъ въ 1890 г., превратилось въ послѣдствіи въ опредѣленно отрицательное отношеніе къ Соловьеву, рѣзко выраженное, между прочимъ, въ письмѣ къ Г. М. Туманову (отъ 26 августа 1900 г.), въ которомъ находимъ интересный разсказъ о томъ, какъ возникла у Лесевича мысль написать его работу «Что такое научная философія?» Дѣло въ томъ, что въ журналѣ «Вопросы Философіи» появилось полемическое «Письмо къ редактору» ¹⁾ Вл. Соловьева, котораго Вл. В.—чѣ совершенно не признавалъ философомъ и не стѣснялся отзываться о немъ въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ. «Въ письмѣ говорится,—пишетъ Лесевичъ Туманову,—что-де есть на Руси два скромныхъ автора: Лесевичъ и архіепископъ Никаноръ, кои не оцѣнены по заслугамъ. Вотъ-де, я ихъ оцѣняю. Пока объ Лесевичѣ. Заслуга его та, что онъ безсознательно служилъ дѣлу метафизики. Само собою, что о Никанорѣ онъ никогда не подумалъ написать. Это такой былъ «полемическій» пріемъ. Вы знаете, какъ трудно отвѣтить на такія нападки. Надо читателя своею особою занимать. Пренеловкое и пренепріятное положеніе. Я рѣшилъ занять читателя другой матеріей, а Соловьеву отвѣтить при этомъ въ примѣчаніяхъ. Результатомъ такого рѣшенія и явилось книжка «Что такое научная философія».

Въ примѣчаніяхъ я показалъ коренное противорѣчіе въ сужденіяхъ Соловьева и отмѣтилъ и фактическія у него ошибки. На это онъ отмолчался. И это опять—жизненная практика. Авторъ производитъ впечатлѣніе на читателя своею выходкою и, рассчитывая, что возраженіе, помѣщенное не въ томъ же органѣ, до *этого* читателя не дойдетъ, довольствуется прсизведеннымъ эффектомъ».

XI.

Въ концѣ-концовъ Лесевичъ нашелъ свою аудиторію внѣ университета.

Лекціи, конечно, доставили ему немало терній со стороны бдительнаго начальства. Несмотря на отвлеченность сюжетовъ, несмотря на чисто научную разработку ихъ, далеко не вездѣ и не всегда удавалось добиться разрѣшенія. Въ этомъ отношеніи каждый градоправитель руководствовался собственнымъ усмотрѣніемъ. Въ одномъ городѣ разрѣшали, въ другомъ не разрѣшали. Бывало, что однѣ и тѣ же лекціи одинъ разъ разрѣшались, другой не разрѣшались, какъ было, напр., въ Екатеринославѣ, гдѣ въ январѣ 1899 г. лекціи были прочитаны, а въ декабрѣ

¹⁾ «Вопросы философіи», книга 5, 1890 г.

того же года не могли состояться, вслѣдствіе лаконическаго распоряженія департамента полиціи по телеграфу: «В. В. Лесевичу чтеніе лекцій не разрѣшается»¹⁾. Попадались ретивые администраторы, которые желали раньше сами прочесть лекціи и подвергнуть ихъ предварительной цензурѣ.

Тѣмъ не менѣе Лесевичу удалось прочесть лекціи во многихъ городахъ, преимущественно Южной Россіи, а также въ Псковѣ, Тулѣ, Пензѣ, Вронѣжѣ и др. Лекціи Вл. В.—ча имѣли большой успѣхъ и доставили ему много нравственнаго удовольствія.

Вл. В.—чѣ, какъ и многіе писатели-ученые въ Россіи, болѣзненно чувствовалъ разобщенность писателя и читателя, между которыми рѣдко проявляются случаи внутренняго общенія. Если даже такой популярный писатель, какъ Салтыковъ,—съ горечью замѣтилъ, что «писатель пописываетъ, а читатель почитываетъ», то какъ же остро долженъ былъ переживать отчужденность между пишущимъ и читающимъ писатель, научные труды котораго не могли рассчитывать на особенно широкій кругъ читателей?

Но поѣздка въ провинцію показала Лесевичу, что писатель въ сущности не такъ ужъ одинокъ въ Россіи (даже если онъ философъ). Онъ имѣлъ возможность убѣдиться, что въ самой глухой провинціи есть интеллигенція серьезная, вдумчивая, интересующаяся наукой.

Она оказалась преимущественно въ той средѣ, которая менѣе всего выступаетъ наружу, никогда не фигурируетъ въ сферахъ провинціального бо-монда, а незамѣтно живетъ трудовой жизнью учителя, земскаго служащаго, книгопродавца, зубнаго врача и вообще простого интеллигентнаго работника. Провинціальная печать съ полнымъ единодушіемъ отмѣтила выдающіяся достоинства Лесевича, какъ лектора, и дала очень сочувственные отзывы объ его лекціяхъ. Читая отчеты провинціальныхъ газетъ, вы чувствуете, что своими лекціями Лесевичъ внесъ свѣжую струю научной мысли въ застоявшуюся жизнь провинціи. «Вы слышите,—пишетъ рецензентъ,—положительно вдохновенную рѣчь о взаимномъ отношеніи между наукой и философіей»²⁾.

Въ Тамбовѣ, гдѣ въ то время не было частной газеты, подробный отчетъ о лекціи Лесевича появился въ губернскихъ вѣдомостяхъ, при чемъ референтъ сообщаетъ, что «каждое появленіе лектора на эстрадѣ встрѣчалось продолжительными аплодис-

¹⁾ Днѣпровск. Молва», 1899 г., № 49.

²⁾ Одесск. Листъ», 1899, № 31.

ментами, а при появленіи его въ залъ передъ лекціей и при оставленіи зданія послѣ нея г. Лесевичу публично устроили шумныя оваціи ¹⁾. Для лектора, читавшаго о фольклорѣ, это было даже неожиданно. Въ Херсонѣ Лесевича чествовали въ особомъ собраніи представителей мѣстной интеллигенціи, при чемъ одинъ изъ ораторовъ благодарилъ его «за пользу, принесенную херсонцамъ прочитанными лекціями и высокое наслажденіе, которое онѣ доставили, внесши живую струю въ застоявшуюся умственную жизнь мѣстнаго интеллигентнаго общества» ²⁾. Въ Одессѣ, судя по отзыву мѣстныхъ газетъ, лекціи Лесевича также произвели большое впечатлѣніе. «Своими лекціями, не лишенными свойствъ импровизаціи, онъ увлекаетъ слушателей до того предѣла, когда вся аудиторія превращается въ одно лицо и становится, какъ одинъ человекъ... Своими лекціями г. Лесевичъ вноситъ въ публику одухотворенное знаніе, которое поэтому приобретаетъ особенную цѣнность,—именно цѣнность живого общенія»... ³⁾ Даже въ «Кіевлянинѣ», который никакъ нельзя заподозрить въ пристрастіи къ Лесевичу, находимъ необыкновенно сочувственный отзывъ о лекціяхъ, прочитанныхъ въ городѣ Лубны, Полтавской губерніи.

Вполнѣ аналогичные отзывы о лекціяхъ даютъ газеты всѣхъ городовъ, въ которыхъ побывалъ Лесевичъ.

Начиная съ 1897 г. по 1899 г. онъ читалъ на Кавказѣ, въ Харьковѣ, въ Псковѣ, Орлѣ, Курскѣ, Черниговѣ, Тулѣ, Пензѣ, Тамбовѣ, Воронежѣ, Полтавѣ, Кременчугѣ, Елисаветградѣ, Екатеринославѣ, Лубнахъ.

Въ Лесевичѣ-философѣ всегда доминировалъ публицизмъ. И онъ дорожилъ этой особенностью своего дарованія. Въ бесѣдѣ съ сотрудникомъ газеты, посѣтившимъ его въ Одессѣ, онъ самъ подчеркнул свои симпатіи къ публицистикѣ.

— Я—публицистъ,—сказалъ Лесевичъ,—и, промѣнявши перо на живое слово, отъ одного этого не пересталъ быть публицистомъ. Мнѣ даже нравится мое теперешнее положеніе своей независимостью: мои чтенія, разъ я сумѣлъ приспособить ихъ къ требованіямъ, предъявляемымъ къ публичному ихъ произнесенію, не нуждаются затѣмъ уже въ санкціи редакціоннаго кружка, какъ это имѣло бы мѣсто, если бы я о тѣхъ же предметахъ писалъ журнальную статью. А кромѣ того, я люблю кочевую жизнь: она приноситъ мнѣ такъ много знакомствами съ новыми людьми ⁴⁾.

¹⁾ «Тамб. Г.» В., 1893 г., № 131.

²⁾ «Югъ», 1899 г., № 259.

³⁾ «Одесск. Листокъ», 1899, № 28.

⁴⁾ «Одесск. Лист.»., 1899, № 29.

Въ нѣкоторыхъ городахъ послѣ лекцій устраивались собесѣдованія. Собирались кружки въ частныхъ домахъ, гдѣ обсуждались не одни только философскіе вопросы, и съ большимъ вниманіемъ выслушивались мнѣнія Вл. В—ча по вопросамъ общественнымъ, злободневнымъ.

Въ этомъ сочувственномъ къ нему отношеніи, какое онъ встрѣтилъ въ провинціи со стороны публики и печати, Лесевичъ нашель то признаніе, въ которомъ, какъ ему казалось, ему отказывали въ Петербургѣ.

Встрѣченныя такимъ сочувствіемъ во многихъ городахъ лекціи показали съ полной очевидностью, что въ лицѣ Вл. В—ча мы имѣли, какъ справедливо замѣтилъ В. И. Семевскій, большую неиспользованную силу, неиспользованную вслѣдствіе тѣхъ же общихъ условій, которыя лежать тяжелымъ гнетомъ на всей Россіи.

Доходъ отъ лекцій Вл. В—чъ предназначалъ на благотворительныя цѣли, при чемъ обыкновенно распредѣлялъ деньги поровну между Литературнымъ Фондомъ и какимъ-либо мѣстнымъ учрежденіемъ, по возможности, съ аналогичными цѣлями.

XII.

Уже на склонѣ лѣтъ Лесевичъ, въ 1901 г., подвергся новому полицейскому насилію. Послѣ извѣстной нагаечной расправы на Казанской площади, когда вмѣстѣ съ избиваемой молодежью пострадали и нѣкоторые литераторы, изъ среды послѣднихъ раздался открытый протестъ противъ избіенія безоружныхъ, ни въ чемъ неповинныхъ людей. Протестъ этотъ за полной подписью 44 членовъ «Союза писателей» былъ разосланъ министрамъ и другимъ высшимъ чиновникамъ въ Петербургъ, а также въ редакціи всѣхъ газетъ. Ни одна газета не нашла возможнымъ его напечатать, несмотря на его вполне корректную форму. Это былъ первый свободный голосъ протеста, миновавшій цензуру. Письмо писателей разошлось въ спискахъ по всей Россіи, проникло въ самые глухіе углы и можетъ быть послужило началомъ того общественнаго движенія, которое вскорѣ послѣ этого выросло въ общій протестъ всей Россіи.

Правительство, конечно, отвѣтило на протестъ писателей такъ, какъ оно привыкло отвѣчать на каждое свободное словс—репрессіями. Подписавшіе протестъ были высланы изъ Петербурга на два года, съ лишеніемъ права жительства во всѣхъ университетскихъ городахъ и въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя находились на положеніи особыхъ охранъ, т.-е. въ большей поло-

винѣ Россіи. Лесевичъ, подписавшій протестъ, также попалъ въ число высланныхъ. Передъ этимъ у него, какъ и у многихъ другихъ, былъ произведенъ обыскъ, не давшій, по обыкновенію, никакихъ результатовъ, но ознаменовавшійся комическимъ эпизодомъ, по поводу котораго тогда много смѣялись въ Петербургѣ.

Усердные обыскиватели при обыскѣ обратили вниманіе на клистирную трубку, которая показалась имъ въ высшей степени подозрительной. Она была занесена въ протоколъ, опечатана, конфискована и препровождена въ департаментъ полиціи для выясненія, путемъ экспертизы, назначенія этого подозрительнаго предмета. Заявленію Вл. В—ча, что это только клистерная трубка не повѣрили...

Изъ Петербурга Лесевичъ уѣхалъ въ деревню въ имѣніе зятя.

21 ноября 1901 г. послѣ непродолжительной, но тяжелой болѣзни, умерла жена Лесевича, Лидія Парменовна. Это былъ для него такой тяжелый ударъ, отъ котораго онъ не могъ оправиться уже никогда. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ этого горестнаго событія вотъ что писалъ Вл. В—чъ своему другу Г. Н. Потанину:

«Вамъ, какъ близко знавшимъ насъ, нечего говорить о нашемъ горѣ, Вы знаете какъ мы ее любили и что въ ней мы потеряли. Она всегда была нашимъ другомъ, совѣтникомъ, руководителемъ, вдохновителемъ на все доброе. Определенная ясность ея убѣжденій Вамъ хорошо извѣстна, извѣстна ея правдивость и прямота, знаніе людей и ея горячее служеніе ближнему. Живя аскетически въ своей каютѣ обставленной, какъ Вы знаете, она себѣ во всемъ отказывала, лишь бы помочь ближнему въ бѣдѣ и горѣ, въ той средѣ, которая была ей родная по воззрѣніямъ и принципамъ. Намъ нельзя достаточно ее оплакать: въ ней мы потеряли какъ бы часть нашей собственной души».

Получивъ въ 1902 г. разрѣшеніе пріѣхать въ Петербургъ по случаю болѣзни дочери, Лесевичъ пишетъ оттуда Гр. Ник. Потанину 13 февраля 1902 г.:

«Жизнь вступила въ старое русло, но это какъ будто бы, а на самомъ дѣлѣ это уже не то. Вы это пережили¹⁾ и знаете. Если самого близкаго человѣка не стало, то всѣ и все стали какъ-то дальше. Привязанность къ окружающей средѣ ослабѣла, и жизнь стала большимъ бременемъ».

Вл. В—чъ боролся съ придавшимъ его тяжелымъ настроеніемъ. «Пока живешь,—пишетъ онъ далѣе въ томъ же письмѣ къ Г. Н. Потанину,—надо отвѣчать на запросы жизни, суетиться, хлопо-

¹⁾ Незадолго передъ этимъ умерла жена Г. Н. Потанина, Александра Викторовна.

татъ, хотя бы все это и имѣло уже иную окраску. Есть дѣла начатыя, есть заготовленные теперъ,—надо ихъ дѣлать. Изъ первой категоріи упомяну о статьѣ «Буддійскія легенды», которую я напечаталъ въ газетѣ «Одесскія Новости», пожертвовавъ гонораръ и право на перепечатку школѣ бѣдныхъ еврейскихъ дѣтей. Теперь брошюра эта скоро выйдетъ и я ее Вамъ пришлю. Это моя демонстрація въ честь вѣротерпимости... Еще въ 75 году я напечаталъ въ «Отеч. Зап.» статью о Натанѣ Мудромъ и рѣшилъ вопросъ **п** инципіально, а затѣмъ въ статьѣ о надписяхъ Асоки показалъ историческій корень идеи. Все это имѣло такъ мало читателей, что совсѣмъ забылось. Вотъ и теперь я демонстрирую «въ сторонѣ отъ большаго свѣта». Этимъ однакоже я не желаю кончить. Я продолжаю быть въ долгу у бурятъ. Я бы радъ подарить имъ мой переводъ буддійскаго катехизма Субхадры Бикшу. Если Вы найдете возможнымъ напечатать его въ Иркутскѣ въ подѣзу чего нибудь буддійско-бурятскаго, то я буду очень радъ. Если бы Вы написали хоть коротенькое предисловіе, это подняло бы значеніе изданія. За заглавіе я не стою, хотя именно надо все сдѣлать, чтобы его защитить. Если это не удастся, можно назвать «Изложеніе буддійскаго ученія въ вопросахъ и отвѣтахъ» или что нибудь подобное»... Далѣе въ письмѣ сообщается, что Вл. В.—чѣ не прекращаетъ своихъ занятій по фольклору и особенно интересуется вавилонскими сказаніями. «Въ нихъ, какъ въ самыхъ древнихъ, находится, го-моему, разгадка многого, если не всего»...

Угнетенное состояніе, въ которомъ находился тогда Лесевичъ, обуславливалось не только тяжелымъ личнымъ горемъ, но и общественной придавленностью того времени. Къ этому прибавилась болѣзнь и тревожныя вѣсти, приходившія изъ деревни.

18 апрѣля, 1902 г. Вл. В.—чѣ писалъ Г. Н. Потанину:

«Дорогой Григорій Николаевичъ,—не писалъ я Вамъ два мѣсяца: не могъ, очень боленъ былъ, воспаленіе легкихъ стряслось надо мною, и, вотъ, послѣ этого несчастья меня такъ перевернуло, что я совсѣмъ другимъ человѣкомъ сталъ... Теперь доктора гонятъ меня отсюда въ теплый климатъ, и все же таки говорятъ что и тамъ *совсѣмъ* я не поправлюсь. Затѣмъ не знаю, возстанутъ ли мои силы настолько, что буду въ состояніи работать попрежнему; настроеніе же ни въ какомъ случаѣ возстановиться не можетъ, такъ какъ предстоящая мнѣ предварительная смерть будетъ, конечно, угнетать меня чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе. Представьте себѣ безотрадное существованіе въ странѣ, гдѣ я со своими мыслями, соображеніями, планами, догадками, задачами, остаюсь одинокъ, какъ Робинзонъ на своемъ островѣ. Можетъ ли хватить силъ на то, чтобы «довлѣть себѣ»

долгое время при такой обстановкѣ? Въ довершеніе въ нашей губерніи теперь житіе панамъ печальное. Были распространены прокламаціи о томъ, что надо ихъ вѣшать и рѣзать, отнимать землю и т. п. Прокламаціи эти нашли откликъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, въ томъ числѣ и въ нашемъ, такъ что въ Лубны введенъ баталіонъ Сѣвскаго пѣхотнаго полка. Въ Константиноградскомъ уѣздѣ, въ имѣніи принцевъ Мекленбургскихъ и окрестныхъ, волненіе перешло въ дѣйствіе: жгли усадьбы, увозили хлѣбъ и, наконецъ, убили управляющаго... Районъ бунта охватилъ пространство въ 80 верстъ въ поперечникѣ. Были приведены солдаты, употреблено оружіе,—убили пять человѣкъ, многихъ ранили. Масса помѣщиковъ бѣжали со своихъ усадебъ и наполнили Полтаву и Харьковъ. Новый министръ на первый день праздника выѣхалъ изъ Москвы туда для водворенія порядка. Ну вотъ вамъ и положеніе. Отсюда выслали, въ полъ-Россіи не позволяютъ жить, а въ деревнѣ, гдѣ жить позволяютъ, могутъ повѣсить мужики! И все вышло изъ того, что обвиненіе держать въ тайнѣ, не даютъ возможности объясниться, и безусловно вѣрятъ шпионамъ, которые на самомъ дѣлѣ только и знаютъ, что лгутъ. И это все, конечно, меня очень удручаегъ, но ничего не подѣлаешь: надо отдаться своей участи. Литературныя дѣла тоже у меня въ очень печальномъ положеніи... И я съ моимъ эмпириокритицизмомъ... сознаю себя весьма изолированнымъ. Для большинства я кажусь Поприщинымъ, и хотя мое убѣжденіе, что *моя философія* не есть фикція и разнится отъ увѣренности Поприщина, что Испанія досталась ему, но для посторонняго разницы между нами нѣтъ никакой: какъ тому говорили, такъ и мнѣ говорятъ: толкуй! Такъ ли, сякъ ли, а мой литературный багажъ никому не оказывается нужнымъ, издателей на него нѣтъ, издатели даже не отвѣчаютъ на предложенія, покупателей нѣтъ... Больной, одинокій, обезнадеженный, пришибленный, выпихнутый и своими, и чужими я уѣзжаю угасать и проходить приготовительную школу смерти. Экакого финала никакъ не ожидалъ»...

«Тяжело будетъ разставаться съ Петербургомъ, зная, что, можетъ быть, никогда больше ужъ сюда не вернешься. Какъ-никакъ, а только здѣсь можно получить умственное возбужденіе и выслушивать реплики, замѣчанія и возраженія, на которыя отвѣчать не изъ одной вѣжливости или на которыя стоитъ отвѣчать. А вопросовъ, надъ которыми стоитъ призадумываться—охъ—сколько накопилось... Появился писатель, Джонъ Робертсонъ; онъ уже пишетъ настоящую исторію, первую отъ сотворенія міра, безъ примысловъ, безъ фиктивныхъ личностей. Ученость его, начитанность громадна... Есть еще цѣлый рядъ сочиненій,

показывающей, что не великоученые профессора и академики провидѣли кое-что, а нѣкіе малые, безвѣстные... Я Вамъ послалъ брошюру, «Буддійскія легенды». Какова будетъ судьба ея? Ужели и ее замолчать?..»

Такое тяжелое настроеніе явилось результатомъ сложныхъ причинъ, въ числѣ которыхъ большое мѣсто, занималъ все тѣ же разрывъ съ близкимъ литературнымъ кружкомъ. Это была некогда не заживавшая рана Вл. В—ча, хотя онъ рѣдко говорилъ о ней, можетъ быть именно потому, что прикосновеніе къ ней было слишкомъ болѣзненно...

Оправившись нѣсколько послѣ болѣзни, Вл. В—чь, вернулся въ деревню и сталъ собираться за границу. Врачи давно совѣтовали ему перемѣнить климатъ. Онъ и самъ стремился отдохнуть отъ угнетающихъ впечатлѣній русской жизни. Когда поѣздка была рѣшена, онъ не мало волновался изъ-за паспорта, котораго долго не высылали. У насъ вѣдь все еще приходится просить разрѣшенія, поѣхать за-границу, а если надо просить, то могутъ и не дать. вмѣстѣ съ Вл. В—чемъ поѣхала покойная писательница Ю. И. Безродная и пишущій эти строки. По мѣрѣ удаленія отъ отечества Вл. В—чь становился оживленнѣе, бодрѣе. Новыя впечатлѣнія видимо захватывали его. Остановившись на два дня въ Львовѣ, гдѣ ему хотѣлось повидаться съ закордонными земляками Франко и Грушевскимъ, онъ прожилъ потомъ нѣкоторое время въ Аббаціи, а затѣмъ отправился въ Италію и всю зиму провелъ въ Римѣ, не переставая заниматься своими научными работами. Тѣ, кто видѣлъ его въ эту поѣздку, свидѣтельствуютъ, что Вл. В—чь скоро оправился, какъ бы помолодѣлъ и съ величайшемъ интересомъ воспринималъ впечатлѣнія иностранной природы и жизни. Въ Римѣ онъ познакомился съ молодымъ человекомъ, г. Караманьскимъ, униатскимъ семинаристомъ изъ Львова, командированнымъ въ Римъ въ папскую академію для усовершенствованія въ церковныхъ наукахъ. Караманьскій готовился быть священникомъ, но послѣ бесѣды съ Лесевичемъ усомнился въ пригодности своей для духовной профессіи. Впослѣдствіи Караманьскій высказалъ свои сомнѣнія въ письмѣ къ Вл. В—чу, который, съ обычной для него готовностью помочь, откликнулся самымъ сердечнымъ образомъ. Но объ этомъ ниже.

Изъ Италіи Вл. В—чь поѣхалъ въ Парижъ, гдѣ получилъ приглашеніе читать лекціи въ русской высшей школѣ, а также выступилъ съ докладомъ на международномъ социологическомъ конгрессѣ. Въ докладѣ онъ обращалъ вниманіе конгресса на важное значеніе фольклористики для социологій, указавъ на то, что фольклоръ не только доставляетъ богатѣйшій матеріалъ для

соціологіи, но и поможетъ выяснитъ отдаленнѣйшее происхожденіе разныхъ формъ жизни, вѣрованій, обычаевъ, а также знакомитъ соціолога съ психологіей души народа.

На обѣдѣ, устроенномъ членами конгресса въ честь своего американскаго сочлена Л. Уорда, Лесевичъ прочелъ стихотвореніе на провансальскомъ языкѣ, чѣмъ немало поразилъ французовъ и вызвалъ шумные аплодисменты. Съ Л. Уордомъ Вл. В.—чѣ давно находился въ перепискѣ, а въ Парижѣ имѣлъ случай познакомиться съ нимъ лично; онъ съ большимъ уваженіемъ отзывался о знаменитомъ ученомъ.

Тогда же, во время пребыванія въ Парижѣ, Лесевичъ помѣстилъ въ «Revue internationale de Sociologie», а затѣмъ выпустилъ отдѣльнымъ изданіемъ небольшой этюдъ «La legende de Jesus et les traditions populaires», предметъ котораго давно занималъ его вниманіе.

По возвращеніи изъ-за границы, Вл. В.—чѣ снова поселился въ деревнѣ въ семьѣ дочери; продолжая свою работу по фольклору. Послѣднему онъ придавалъ гораздо болѣе широкое значеніе, чѣмъ это было принято въ литературныхъ и даже научныхъ сферахъ. Съ присущей ему добросовѣстностью онъ всюду разыскивалъ матеріалы для своей работы, собралъ обширную литературу и старался добыть все, гдѣ бы что ни появлялось по интересующему его вопросу.

Въ 1902 г. онъ сообщаетъ въ письмѣ Г. Н. Потанину: «ради фольклора я выучился по-голландски и теперь имѣю кое-что по ихъ обильной фольклорной литературѣ». А въ 1904 г. читаемъ въ письмѣ г. Гераскину: «я пишу о философіи, занимаюсь языками, голландскимъ и греческимъ и читаю, читаю и читаю».

XIII.

Людямъ, мало знакомымъ съ Лесевичемъ, онъ могъ казаться сухимъ и недоступнымъ на своихъ философскихъ высотахъ. Но кто имѣлъ возможность ближе подойти къ нему, передъ кѣмъ раскрывалась его душа, тотъ зналъ, какою отзывчивостью, какою сердечностью отличался Лесевичъ, съ какою готовностью стремился онъ помочь человѣку въ его исканіяхъ, въ стремленіи къ знанію, въ религіозныхъ сомнѣніяхъ или, наконецъ, въ матеріальной нуждѣ. Въ ссылкѣ, сравнительно болѣе обеспеченный, онъ дѣлился съ товарищами по несчастью всѣмъ, что имѣлъ. И все это дѣлалось въ тишинѣ, съ присущей ему застѣнчивостью, такъ что порою даже самые близкіе люди ничего не знали объ этомъ. Съ трогательной внимательностью относился Вл. В.—чѣ къ дѣтямъ.

Онъ всегда находилъ время придумывать развлеченія для своей дочери, а потомъ и для внуковъ..

Ахшарумовъ рассказываетъ, какъ во время полтавской жизни Вл. В—чъ устроилъ дѣтскій спектакль. Самъ сочинилъ пьесу и поставилъ ее къ великой радости собравшихся дѣтей. Онъ разучивалъ роли съ маленькими артистами, придумывалъ для нихъ костюмы и пр. Спектакль, по словамъ Ахшарумова, прошелъ съ большимъ успѣхомъ.

Озабоченный бѣдностью дѣтской литературы Вл. В—чъ задумалъ издать книжку для маленькихъ дѣтей. Ему удалось привлечь къ этому дѣлу извѣстныхъ писателей и онъ выпустилъ «Дѣтскій Сборникъ» прекрасную дѣтскую книгу, которая, однако, совсѣмъ не пошла.

Я уже упоминалъ выше о знакомствѣ Лесевича съ украинцемъ Караманьскимъ готовившимся въ Римѣ къ званію униатскаго священника. Это знакомство закрѣпилось въ будущемъ болѣе близкими отношеніями. Вл. В—чъ имѣлъ большое вліяніе на судьбу молодого человѣка. Въ отвѣтъ на письма Караманьскаго, въ которыхъ тотъ высказывалъ свои колебанія относительно духовнаго сана, Лесевичъ писалъ: «познакомившись съ Вами я увидѣлъ, что Вы имѣете большую склонность быть спасеннымъ. Въ этомъ я готовъ помочь Вамъ, но, само собою разумѣется, спасти Васъ нельзя вопреки Вамъ же. Если думаете, что выплывите, можно кинуть Вамъ спасательный канатъ; если нѣтъ, лучше оставайтесь на кораблѣ и плывите по теченію. Черезъ силу ничего не затѣвайте и лишнихъ мукъ себѣ и ближнимъ не создавайте... Дѣло въ томъ, можете ли пережить испытаніе и преодолѣть препятствія. Можете ли оставить старый путь и вступить на новый. Вотъ гдѣ «суть» дѣла! Если да, то предложилъ бы Вамъ съ будущей зимы поступить въ университетъ во Львовѣ. Помощь, которую я при этомъ Вамъ окажу, Вы можете вернуть, когда станете на ноги... Смотрите съ корабля на берегъ, мѣряйте глазами разстояніе и говорите себѣ: кинусь въ воду и выплыву. Если этого сказать съ убѣжденіемъ не сможете, не дѣлайте и попытки и только кричите стоящимъ на берегу: «Addio, senza arivederci!» Я Вамъ представилъ положеніе ясно безъ прикрася, какъ оно есть: я вѣдь его пережилъ».

Это воспоминаніе о пережитомъ лично объясняетъ, почему въ слѣдующемъ весьма обширномъ письмѣ К—му Лесевичъ даетъ чуть ли не цѣлую лекцію по вопросу о вѣрѣ. Вѣдь ему самому приходилось переживать религіозныя сомнѣнія и мучиться ими.

Упомянувъ далѣе въ письмѣ о борьбѣ христіанства съ язычествомъ, Лесевичъ обращаетъ вниманіе своего корреспондента

на то обстоятельство, что «все христіанское ученіе сплошь состоитъ изъ одного только отрицанія язычества и экзакжерациі этого отрицанія. И притомъ не язычества избранныхъ умовъ, а язычества вульгарнаго, какое никогда и не переводилось въ извѣстномъ слоѣ общества. Реакція противъ него всегда перескакивала мѣру, довела воздержаніе до аскетизма, миролюбіе—до непротивленія насилию. Этакимъ абсурдомъ жить нельзя. Человѣкъ, сознающій въ себѣ силы, способность пониманія, извѣстную дальнозоркость, долженъ разорвать со всѣмъ этимъ, долженъ бросить эти дѣтскія пеленки и вести себя какъ взрослый.

Конечно, это не легко:

Былые сны! Душѣ разстаться съ вами больно.

Еще ловлю я призраки вдали;

Еще желаніе въ груди кипитъ неволью.

Боль души, созерцаніе призраковъ, сознаніе желаній безсмертной, вѣчной жизни... и т. п. Все это психологическія состоянія, въ которыхъ никакого свѣта познанія еще нѣтъ. Но должно же притти время, когда, какъ и у автора этихъ стиховъ, Огарева, начнется кризисъ, когда онъ скажетъ:

Отъ прежней лжи ужъ я отрекся

Правды ради,

Для свѣтлыхъ сновъ на ключъ я

заперъ дверь,

Листъ за листомъ я рвалъ завѣтныя

тетради

И все, и все изорвано теперь.

Вотъ такого конца кризиса я и Вамъ отъ всего сердца желаю; твердо увѣренъ, что Вы на него способны, и что Вы не дадите закабалить себя служенію лжи и смѣло выйдете на вольное поле, служенія людямъ.

Караманьскаго исключили изъ семинаріи по доносу товарища за вольнодумство. Вл. В—чъ принимаетъ энергичныя мѣры, чтобы обезпечить К—му возможность продолжать образованіе въ университетѣ. Онъ хлопочетъ о заработкѣ для К—го, снабжаетъ его рекомендательными письмами, а въ концѣ-концовъ выдаетъ ему стипендію въ теченіе четырехъ лѣтъ, обезпечивъ возможность закончить образованіе въ университетѣ. Въ настоящее время К—ій читаетъ украинскую литературу въ украинской гимназіи въ Тарнополь (Галиція).

Истинно товарищескую заботливость проявилъ Лесевичъ о больномъ поэтѣ Корсакѣ, преждевременная смерть котораго лишила возможности осуществленія надеждъ на него Вл. В—ча.

В. В. Лесевичъ.

Какъ онъ относился къ Корсаку и какъ много давалъ ему изъ своихъ духовныхъ сокровищъ, можно судить по письмамъ Корсака, въ которыхъ часто попадаются строки въ родѣ слѣдующихъ: «Не знаю, какъ бы я выдержалъ эти послѣдніе дни, если бы Вы не вспрыснули меня живой водой»... «Хватаешься за Ваши письма, какъ за пробковый кругъ при кораблекрушеніи»...

Но самыми интересными письмами, особенно цѣнными для характеристики Лесевича и его безкорыстнаго стремленія помогать всѣмъ ищущимъ, являются его письма къ извѣстной писательницѣ А. С. Шабельской. Переписка между ними началась въ 70-хъ годахъ и продолжалась около 15 лѣтъ. Г-жа Шабельская еще только собиралась выступить на литературное поприще, еще не выбрала для себя ни формы, ни рода литературной работы, еще сама стремилась къ самообразованію и во всѣхъ своихъ стремленіяхъ и запросахъ находила руководящее указаніе, совѣты и поддержку у Вл. В—ча.

Естественно, что и въ настоящее время А. С. Шабельская сохранила самыя лучшія воспоминанія о своихъ отношеніяхъ съ Лесевичемъ и отзывается о немъ съ чувствами искренняго уваженія и признательности и съ тѣмъ же юношескимъ преклоненіемъ передъ его авторитетомъ, какое онъ вызывалъ въ ней сорокъ лѣтъ тому назадъ. «Я часто думаю,—пишетъ мнѣ г-жа Шабельская (28 марта 1912 г.),—почему до сихъ поръ нѣтъ біографіи этого поистинѣ замѣчательнаго человѣка. Я, конечно, не могу судить о немъ, какъ о философѣ, но какъ человѣкъ это было рѣдкое сочетаніе ума и горячаго сердца; и потомъ эта широта и разносторонность образованія. Эта многогранность въ пониманіи. Не было ничего ни въ прошломъ, ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ, о чемъ бы нельзя было говорить съ нимъ».

Письма Лесевича къ г-жѣ Шабельской (ихъ болѣе 40) требовали отъ него огромнаго труда. Есть между ними посланія въ 20—25 страницъ, написанныхъ убористымъ почеркомъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ Вл. В—чъ даетъ подробный перечень книгъ, знакомство съ которыми обязательно для каждаго образованнаго человѣка.

Въ 70-хъ годахъ много споровъ въ обществѣ и печати возбуждали вопросы о преимуществахъ классическаго и реальнаго образованія. Надо полагать, что это заинтересовало и г-жу Шабельскую и она захотѣла откликнуться на эту тему своимъ романомъ, планъ котораго, повидимому, былъ посланъ Вл. В—чу въ 1876 году.

Вл. В—чъ беретъ на себя трудъ не только прочесть романъ, но и исправить его.

Видимо, мысль о романѣ Шабельской не оставляетъ въ покоѣ Вл. В—ча и онъ, въ концѣ-концовъ, составляетъ свой планъ повѣсти, съ подробнымъ изложеніемъ содержанія каждой главы и прилагаетъ его къ письму, подъ заглавіемъ: «Неравная борьба. Повѣсть».

Но даже подробная программа повѣсти не удовлетворила Вл. В—ча. Онъ озабоченъ, онъ волнуется, онъ весь проникнутъ интересами молодой писательницы и пишетъ ей «Дополненіе къ программѣ повѣсти», являющееся руководствомъ къ научной подготовкѣ автора для писанія повѣсти.

Романъ А. С. Шабельской вышелъ въ свѣтъ, имѣлъ успѣхъ въ публикѣ и былъ сочувственно встрѣченъ критикой. По просьбѣ автора, Вл. В—чъ пишетъ обширную критическую статью о романѣ, пишетъ опять же въ письмѣ, составляющемъ по размѣрамъ почти печатный листъ, и подвергаетъ подробнѣйшему разсмотрѣнію произведеніе г-жи Шабельской, съ характеристикой чуть ли не каждаго дѣйствующаго лица.

XIV.

Въ одномъ изъ писемъ къ А. С. Шабельской Лесевичъ высказываетъ нѣсколько замѣчаній о Толстомъ, который тогда только что написалъ свою знаменитую «Исповѣдь». Къ Л. Н. Толстому, какъ къ философу, Лесевичъ, конечно, могъ относиться только отрицательно. Какъ извѣстно, это было время суровой критики великаго писателя. Очень строго отнесся къ нему и Лесевичъ. «Два слова о графѣ Толстомъ,—пишетъ Лесевичъ.—Онъ корчитъ Соломона: я-де дошелъ до границъ премудрости человѣческой и нашель, что все суета. Я вопрошалъ царицу Савскую, —къ которой не всякому приступъ есть,—и нашель: суета и всяческая суета. Но это пустое смиреніе, превосходящее гордость, окажется чистой иллюзіей, когда «Исповѣдь» его будетъ подвергнута критической провѣркѣ. Не трудно убѣдиться, вникнувъ въ эту пресловутую «Исповѣдь», что «штудіи» графа были далеко не такъ далеки, какъ ему казалось и что царицы Савской онъ въ глаза не видалъ, а принималъ за нее простую вульгарную бабу—метафизику. Чтобы резонно философствовать, надо знать азбуку философіи, теоріи познанія, надо различать знаніе отъ пониманія, представленія отъ понятій, науку отъ обыденнаго мышленія и т. д. Если этой азбуки не знать, то вмѣсто истиннаго философствованія получатся послѣбобѣденныя размышленія, годныя для базарнаго языкочесанія и изошренія въ пустомысліи—больше ничего. Что такое это *постиженіе*, которому Толстой придаетъ

такое важное значеніе? Это мысленный призракъ, фантомъ, и больше ничего. Онъ-то и сбиль съ толку новаго Соломона. Соломонъ-то нашъ воображаетъ, что если онъ читаль много, видѣль людей въ большомъ числѣ, ѣздиль далеко и т. п., то все это дало ему какія-то несравненныя преимущества передъ обыкновеннымъ смертнымъ, не дерзающимъ сравниваться съ нимъ количественно. Но вѣдь это иллюзія! Ыздиль или не ѣздиль, читаль или не читаль, а всего прежде знай, что и какъ было писано и говорено именно о томъ, что ты собираешься обсуждать. Зная же все это, отвергни его резонно и тогда, очистивъ путь свой, иди....

Слишкомъ поверхностное знакомство съ наукой и сгубило его.

Здѣсь было бы долго разсматривать вопросъ по существу. Въ статьѣ о книгѣ Милославскаго я показалъ достаточно ясно, что такое пресловутое «постиженіе», абсолютъ и т. п. лжемудрость; царицы Савской я не видѣль и не пуская рекламъ, прямо взялъ вола за рога.... Гротъ кричить:—вся сила въ наукѣ, Толстой—вся сила въ мистикѣ, Ясинскій—вся сила въ эстетическихъ наслажденіяхъ, я твержу: вся сила въ жизни самой: узнать ее, овладѣть ею, чтобы улучшить ее—вотъ единое, что «есть на потребу». Жизнь же есть явленіе сложное и рецептъ ея въ двухъ строкахъ не напишешь; ясно только, что наука и эстетика входятъ въ нее какъ ингредиенты необходимые, мистика же зловредная примѣсь. А кто можетъ за жизнь, въ широкомъ смыслѣ, отдать свою, тотъ знаетъ дѣло лучше насъ всѣхъ и мудрѣе насъ всѣхъ... Nur der verdient»...

Лесевичъ и Толстой—два рѣзко противоположныя міросозерцанія. Это прекрасно выражено у самаго Вл. В—ча въ двухъ строкахъ его письма къ Потанину: «Моя вѣра—вѣра Георгія Побѣдоносца, который былъ чуждъ толстовщинѣ и съ дракономъ о непротивленіи злу разводовъ не разводилъ».

За литературно-философскою дѣятельностью Л. Н. Толстого Лесевичъ внимательно слѣдилъ и читаль все, что выходило изъ-подъ пера великаго писателя. Въ частныхъ бесѣдахъ о немъ выражался крайне рѣзко. Въ семьѣ дочери Лесевича сохранилось воспоминаніе, что о Толстомъ Вл. В—чъ написалъ большую статью и уже приготовилъ ее для печати. Но какъ разъ въ это время совершилось знаменитое выступленіе синодскихъ іерарховъ, провозгласившихъ своего рода анафему Толстому. Эта заботливость пастырей о заблудшей овцѣ такъ возмутила Лесевича, что онъ измѣнилъ свое намѣреніе говорить о Толстомъ для публики и статья его осталась ненапечатанной. Къ сожалѣнію, въ бумагахъ Вл. В—ча ея не оказалось.

Но сужденія его о Толстомъ находимъ въ письмахъ къ Г. Н. Потанину. Сообщая послѣднему о сказочникѣ Чмыхалѣ, Лесевичъ проводитъ параллель съ Толстымъ: «Проживъ весь свой вѣкъ со своей бабой на одной десятинѣ земли, онъ сохраняетъ постоянно изумительное расположеніе духа. Это живое доказательство той истины, что счастье въ насъ, а не внѣ насъ. То, что у Толстого на языкѣ, то у нашего старика есть жизнь сама, только безъ толстовскихъ привираній и перевираній; просто, естественно и полно достоинства. Посадить бы Толстого на эту десятину, да подъ фѣрулу двадцати начальствъ, да и посмотрѣть тогда, какое у него будетъ душевное настроеніе».

Около этого времени вышла въ свѣтъ знаменитая «Крейцера Соната» и Лесевичъ высказывается о ней въ письмѣ къ Потанину отъ 18 іюля 1890: «Вещь эта написана такъ же живо и сильно, какъ и все, что пишетъ Толстой, но и подкладка та же, т.-е. та же сумбурная философія. Основная мысль, по - моему, вѣрна: напоминать такія элементарныя вещи нашему обществу, конечно, не мѣшаетъ; но надо было сказать это прямо, ясно и смѣло, не прячась за плечи какого-то темнаго психопата, не припутывая сюда вещей, не идущихъ къ дѣлу, не экзажерируя тезиса, не привирая вздора о врагахъ и не изображая такого рода жизнь, какой, вѣрно, нигдѣ нѣтъ и быть не можетъ. Все это, какъ и прежде, вѣроятно, происходитъ оттого, что Толстой, какъ замѣтилъ еще Тургеневъ, даже ѣсть съ аффектаціей, поэтому-то ему, прежде всего, надо произвести сенсацию, заставить о себѣ говорить...

Ужъ чего только не продѣлывалъ Толстой; одного не могъ только сдѣлать—начать жить, какъ пишетъ».

Чтобы не возвращаться въ дальнѣйшемъ къ цитированному письму, приводимъ изъ него сужденіе Вл. В.—ча о знаменитой картинѣ Ге, написанной, какъ извѣстно, подъ сильнымъ вліяніемъ Толстого. Въ этихъ сужденіяхъ, Лесевичъ, съ характеризующими его простотой и ясностью, высказываетъ взгляды по очень серьезнымъ вопросамъ жизни. «Вліяніе Толстого,—пишетъ Лесевичъ,—хотя и ослабѣло теперь, все еще сильно и по временамъ проявляется ярко. Извѣстно, что нашъ знаменитый Ге, подпалъ въ сильной степени этому вліянію и что картина его Христосъ передъ Пилатомъ, бывшая на послѣдней «передвижной», написана по внушенію идей Толстого. Картина, благодаря искренности Ге, вышла гораздо сильнѣе сонаты теперешняго автора. «Нов. Время.» было точно ужалено этой картиной, изрыгало всякую гадость до тѣхъ поръ, пока добилось, что картину убрали. Я видѣлъ Ге (котораго я знаю уже 20 лѣтъ) какъ разъ въ это время и прямо спросилъ, что онъ думаетъ о поведеніи «Нов.

Времени».—«Суворинъ,—сказаль Ге,—находить, что у меня написанъ не Пилать, а Бисмаркъ и остальное соотносительно. Мысль эта показываетъ, что Суворинъ когда-то былъ человѣкомъ; но намѣреніе его уложить меня въ лоскъ этакого рода замѣчаніемъ доказываетъ, что теперь онъ уже пересталъ быть имъ». Зашла рѣчь о картинѣ, и Ге, съ бывшимъ однимъ тутъ же толстовцемъ, комментироваль ее намъ. Прежде всего надо сказать, что, по толкованію Толстого, слова: «что есть истина», не представляютъ вопроса. Если бы П. спрашиваль, онъ дождался бы отвѣта; онъ не спрашиваль, а только презрительно проговорилъ: «что есть истина!» И ушелъ. Это толкованіе живо представляется въ позѣ и жестѣ Пилата и придаетъ всей сценѣ ту остроту ироніи, которой при вопросительномъ значеніи словъ не было бы.

— Взгляните,—сказаль мнѣ дальше Ге,—на тѣ изображенія Христа, которыя теперь во множествѣ выставлены въ окнахъ Фельтена и Бегрова; вы видите тамъ грандіозную фигуру въ изящныхъ шелковыхъ драпировкахъ, такъ и кажется, что онъ часы провелъ въ подборѣ складокъ, расчесываніи бороды и волосъ и т. п., ранѣе чѣмъ вышелъ передъ публикой. Но, увѣряю васъ, *такой* человѣкъ былъ бы помощникомъ Пилата, но распять не былъ бы никогда! Я хочу изобразить такого Христа, глядя на котораго вы бы постигли, что всѣ убогіе и обремененные не только братья о Христѣ, но и сами—христы».

«Въ этомъ смыслѣ,—продолжаетъ Лесевичъ,—какъ бы угадывая мысль художника, комментироваль картину и Мордовцевъ въ «Новостяхъ». И многіе говорили мнѣ въ томъ же духѣ, напирая на то, что обездоленные, даже и совершивъ преступленіе, явятся искупившими ихъ своими страданіями и что Мордовцевъ поэтому правъ, называя «ночлежниковъ» Маковского, изнывающихъ въ рубищахъ на морозѣ передъ запертыми воротами ночлежнаго дома, христами.

Когда я разсуждалъ объ этомъ съ однимъ писателемъ, котораго я столько же люблю, сколько уважаю и какъ писателя, и какъ человѣка, онъ сказалъ:—«Я не согласенъ съ этимъ взглядомъ. Обездоленность, забитость, нищета, сама по себѣ еще не возводятъ на ту высоту, на которую ее хотѣли поставить Ге и Мордовцевъ. Есть два рода обездоленныхъ, такъ же какъ и два рода благополучныхъ,—одни ищутъ правды, готовы пострадать за нее, не промѣняють ее ни на что, а другіе только и ждутъ случая выскочить въ помощники Пилата, въ Пилаты, если можно, и о правдѣ не болѣютъ. Вотъ это исканіе правды, эта идейность, дорогія намъ въ человѣкѣ благополучномъ, сто разъ дороже въ обездоленномъ. Только болѣющий о правдѣ стремится до высоты

Христа, а бѣдность или достатокъ—аксессуаръ, который можетъ усилить или ослабить смыслъ факта, но самъ по себѣ не можетъ создать его».

«Я думаю,—продолжаетъ Вл. В—чь,—точно такъ же и, глядя на здѣшнихъ сытыхъ, сравниваю ихъ съ голодными тверскими и новгородскими и еще и еще разъ повторяю, что возбужденіе въ сердцѣ человѣческомъ жажды правды есть дѣло столь сложное, что рѣшать его однимъ штрихомъ невозможно. Бѣдность, богатство, высокое, низкое состояніе—сами по себѣ, а идеалы—сами по себѣ. Вопросъ этотъ разрѣшается столь сложно, что сведеніе его къ а, б, в...—просто нелѣпо. Я не согласенъ поэтому съ Михайловскимъ, что въ жизни Будды играетъ основную роль—пресыщеніе. Отчего же тогда такъ мало пресыщенныхъ. Нѣтъ, тутъ есть и исканіе правды, т.-е. моментъ религіозный. Если бы Сакья-Муни сталъ только послѣдователемъ іогизма, онъ бы ничего не стоилъ. Іогизмъ—это искусственная обездоленность—сама по себѣ—нуль. А Сакья-Муни, утопая въ богатствѣ, сталъ болѣть объ истинѣ, не сказалъ: «что такое истина», а пошелъ искать ее».

XV.

Съ большимъ сочувствіемъ относился Вл. В—чь къ провинціальной печати. Онъ долго жилъ въ провинціи, отлично зналъ подоплеку провинціальной жизни и вполне понималъ, насколько тяжелѣе условія работы провинціальнаго журналиста по сравненію со столичными. Когда къ нему обращались за поддержкой провинціальныя редакціи, онъ откликался съ величайшей готовностью. Изъ писемъ къ Г. М. Туманову мы видимъ его хлопоты по привлеченію сотрудниковъ для тифлисской газеты «Новое обозрѣніе». Онъ ведетъ переговоры съ Маминымъ, упрашиваетъ Южакова, приглашаетъ Вересаева и Баранцевича ¹⁾. Въ нѣсколькихъ провинціальныхъ газетахъ Вл. В—чь сотрудничалъ еще въ то время, когда провинціальныя редакторы не рѣшались обращаться съ приглашеніями къ петербургскимъ писателямъ.

Какъ ни мало по роду своей литературной дѣятельности подходилъ Лесевичъ къ газетной работѣ, все-таки онъ умѣлъ находить темы для провинціальныхъ изданій, и статьи его появлялись, хотя и не часто, въ одесскихъ, кіевскихъ, екатеринославскихъ, тифлисскихъ и др. газетахъ.

¹⁾ «Я былъ очень обрадованъ, — пишетъ онъ, — увидя въ Вашей газетѣ Вересаева во второй разъ, затѣмъ Баранцевича. Маминъ, котораго я видѣлъ вчера, горячо увѣрялъ меня, что непременно напишетъ для Васъ, а въ Сѣрошевскомъ я не сомнѣваюсь».

Глубоко ненавидѣвшій централизмъ, Вл. В—чъ горячо сочувствовалъ развитію областной жизни. Помню его слова, сказанныя однажды: «Россійская Имперія пожрала слишкомъ много, переварить не могла и не можетъ».

Украинецъ по происхожденію, онъ былъ имъ и по духу, и отрицательно относился къ отщепенцамъ, отрекшимся отъ своего языка и своего народа. Онъ внимательно слѣдилъ за развитіемъ украинской литературы и очень сожалѣлъ, что не владѣлъ языкомъ настолько свободно, чтобы писать на немъ. Появившаяся съ его подписью на украинскомъ языкѣ статья «Помпеянскій Изіюмъ» была написана имъ по-русски, переведена на украинскій языкъ, Народное украинское творчество, украинскій фольклоръ, живо интересовали Вл. В—ча, что видно хотя бы изъ его огромной работы «Записи сказокъ казака Чмыхало», изданной во Львовѣ и составляющей цѣлый томъ. Онъ былъ убѣжденнымъ сторонникомъ національной самостоятельности Украины. Онъ, вообще, былъ сторонникомъ самой широкой автономіи народностей, насильственно втиснутыхъ въ рамки Россійской Имперіи. Украина, Польша, Кавказъ, Сибирь, должны были имѣть свою жизнь, свое самостоятельное развитіе. Ему не пришлось высказываться объ этомъ въ печати, отчасти по цензурнымъ условіямъ того времени, но въ личныхъ бесѣдахъ онъ не скрывалъ своихъ взглядовъ. Здѣсь нельзя не отмѣтить глубоко недоувѣрчивое отношеніе Лесевича къ либерализму Вл. Соловьева въ вопросѣ объ областничествѣ, рѣзко выраженное въ письмѣ къ Г. М. Туманову. «У меня не осталось ни малѣйшаго сомнѣнія,—пишетъ Лесевичъ,—что я его (Соловьева) поведеніе объяснялъ себѣ вѣрно. Онъ дѣлалъ такія гримасы, будто стоитъ за областничество, за угнетенные народы, за терпимость къ ихъ проявленіямъ. Если бы это было дѣйствительно такъ, если бы у него былъ принципъ такой, то какимъ же образомъ все свелось у него на евреевъ и поляковъ? По-моему, принципа у него никакого не было...»

На почвѣ сочувствія инородцамъ случилось однажды у Лесевича любопытное недоразумѣніе съ престарѣлымъ В. П. Васильевымъ, съ сыномъ котораго, извѣстнымъ профессоромъ Казанскаго университета А. В. Васильевымъ, Вл. В—чъ былъ знакомъ. Случай этотъ подробно описанъ Лесевичемъ въ письмѣ къ Гр. Ник. Потанину. Проф. Васильевъ, пріѣхавши въ Петербургъ, остановился у отца. «Что за птица этотъ отецъ, я ничего не зналъ; читалъ только, что по буддизму весь свѣтъ его цитируетъ, какъ перевостепеннаго ученаго. Иду я къ Ал. В—чу;—«дома»,—говорятъ—и просятъ въ гостиную. Едва прошелъ я по этой комнатѣ 3—4

шага, какъ очутился передъ открытой дверью, за которой стоялъ старецъ въ какой то кофтѣ и валенкахъ, а передъ нимъ на стулѣ былъ развѣшенъ вицъ-мундиръ съ серебряными и золотыми звѣздами. Ясное дѣло—передо мною стояло буддійское свѣтило. Какъ никакъ, а пришлось отрекомендоваться и вступить въ разговоръ. Фамиліи моей онъ не дослышалъ и черезъ недѣлю въ засѣданіи географическаго общества вплесть въ свой докладъ рассказъ о томъ, что къ нему-де приходилъ бурятъ, который хочетъ издавать книжку о жизни и сочиненіяхъ Дорджи Бинзарова. Чго этотъ бурятъ преисполненъ самыхъ превратныхъ идей: считаетъ всѣ земли въ Забайкальѣ бурятскими, толкуетъ о томъ, что буряты обижаютъ и судачить «отца Веніамина»¹⁾, находя, что дѣйствія его вредны для бурятскаго народа, «духъ» котораго надо-де поднять.—Все это такъ и было, но надо еще прибавить, что звѣздоносное чучело толковало при этомъ о томъ, что буряты надо окрестить насильно или пожалуй «истребить», такъ же какъ поляковъ и другихъ инородцевъ. Земли же у нихъ, во всякомъ случаѣ, надо отобрать. «Меня вѣдь всегда спрашиваютъ по этой части,—сказалъ онъ, между прочимъ,—я всегда за одно съ отцомъ Веніаминомъ... да я вообще думаю, что и у всякаго не русскаго надо прежде всего отобрать землю, а всякому, кто приметъ нашу вѣру, нарѣзать земли сколько нужно. Посмотрите тогда,—прибавилъ,—какъ всѣ эти мерзавцы полѣзутъ въ русскіе; всѣ станутъ русскіе, и такимъ образомъ, всѣ окраины обрусѣютъ. Кго же супротивъ этого пойдетъ, того остается истребить!»—Я очень радъ, что этотъ дикарь можетъ меня цитировать лишь анонимно. Онъ выжилъ изъ ума и брешетъ не вѣсть что; но вѣдь его спрашиваютъ, и, пожалуй, хоть и не всегда, слушаютъ.

Въ концѣ 70-хъ годовъ, передъ самой ссылкой, Лесевичъ организовалъ въ Петербургѣ украинское землячество изъ украинской молодежи, имѣвшее цѣлью изданіе сборниковъ, посвященныхъ работамъ по изученію украины и выясненію ея особенностей въ этнографическомъ, экономическомъ, филологическомъ и вообще культурныхъ отношеніяхъ²⁾. Возвратившись изъ ссылки въ 80-хъ годахъ Вл. В—чъ посвящаетъ много вниманія изученію украинской этнографіи, культуры и языка. «Послѣдній вопросъ въ его общей формѣ—о народныхъ языкахъ въ литературѣ вообще, онъ поставилъ и въ печати, впервые разработавъ его въ известной своей работѣ о Динте»³⁾.

Мысль о необходимости писать для своего народа и на его

¹⁾ Архіерей въ Иркутскѣ.

²⁾ См. Кіевская Старина, т. 91 стр. 355.

³⁾ Ibid., стр. 356.

языкъ приходила Лесевичу не разъ. Въ письмѣ Г. Н. Потанину отъ 12 мая 1896 г. по поводу предстоящаго замужества дочери, ставшей невѣстой молодого украинскаго писателя, находимъ слѣдующія строки: «Читая его произведенія, — пишетъ Лесевичъ, — я нерѣдко сожалью, что посвятилъ свои силы не родному слову, а полѣзъ туда, гдѣ и безъ меня много. Настала, кажется, пора подумать и объ этомъ темномъ народѣ, оставленномъ и забытомъ, и я съ особеннымъ удовольствіемъ думаю, что хоть Юлія попадетъ на вѣрный путь и пойдетъ по немъ рука-объ-руку съ человѣкомъ, который доказалъ уже свою способность успѣшно работать въ этомъ направленіи». Замѣчательно, что эти мысли приходятъ въ голову въ то время, когда Лесевичъ весь еще проникнутъ сознаніемъ огромнаго значенія Петербурга, какъ культурнаго центра. Въ другомъ письмѣ къ тому же Г. Н. Потанину, отвѣчая Григ. Ник—чу на его вопросъ, что ему выбрать—Петербургъ или Иркутскъ, Вл. В—чъ пишетъ: «Петербургъ вѣдь много: есть и тотъ, гдѣ ждутъ феноменовъ всякаго рода, есть и тотъ, который вы называете Нарвской заставой и еще многіе другіе; но есть и еще Петербургъ, основанный Бѣлинскимъ и пока еще всецѣло несвезенный на Волково. Этотъ цивилизующій Петербургъ, для меня, по крайней мѣрѣ, есть единственный русскій Іерусалимъ и пупъ земли нашей. Не постигаю и не разумѣю, почему можетъ быть легко писать для города N, а для всей Россіи—не легко? Видимость и осязаемость результатовъ есть дѣло внѣшнее и случайное. Возможно то, чтобы бросить сѣмя въ ширь, а гдѣ прорастетъ—это надо предоставить жизни. Прорастетъ гдѣ-нибудь, это вѣрно, ибо жаждущіе правды вездѣ есть, а затѣмъ нѣсть эллинъ, ни іудей, ни сибирякъ, ни хохоль... Кто лучше? И почему, для чего? Что изъ того, что въ Петербургѣ можетъ жить малое число, зато хлѣбомъ, посѣяннымъ отсюда, живутъ всѣ алчущіе! Меня, на примѣръ, не видѣли сѣятели, а имъ я всѣмъ обязанъ!.. И сколько ни живу, не вижу иного *просвѣщенія* кромѣ Петербургскаго!»

Спеціально объ украинскомъ языкѣ Лесевичъ не разъ высказывался въ газетахъ и, несмотря на суровыя преслѣдованія со стороны цензуры, всегда умѣлъ опредѣленно поставить и отстаивать права языка, на которомъ говорятъ десятки милліоновъ украинскаго народа.

Изъ закордонныхъ и нелегальныхъ дѣятелей по украинскому вопросу Вл. В—чъ поддерживалъ сношенія съ Драгомановымъ и Малеваннымъ.

Живыя симпатіи къ украинскому народу онъ выражалъ при всякомъ случаѣ и словомъ, и дѣломъ. Уже въ молодости, какъ

мы видѣли, онъ энергично отстаивалъ школу съ преподаваніемъ на украинскомъ языкѣ. По свѣдѣніямъ В. Н. Леонтовича, Лесевичъ, чрезъ посредство Драгоманова участвовалъ въ изданіи за границей на украинскомъ языкѣ книгъ, свободныхъ отъ русской цензуры, и давалъ средства на такія изданія. Возникшее въ 90-хъ годахъ въ Петербургѣ и существующее до сихъ поръ «общество изданія полезныхъ книгъ» на украинскомъ языкѣ обязано отчасти и его инициативѣ. По его предложенію также при литературномъ фондѣ образовался «капиталь имени Шевченко», для основанія котораго первое пожертвованіе (500 р.) сдѣлано было Лесевичемъ. Въ лекціяхъ своихъ, прочитанныхъ въ провинціи, онъ отстаивалъ права народнаго языка и тамъ, гдѣ по русско-полицейскимъ условіямъ, не могъ говорить объ Украинѣ, иллюстрировалъ свои мысли Провансомъ.

Помню, какъ былъ взволнованъ Вл. В—чъ въ Римѣ, когда мы однажды, войдя въ храмъ Петра, увидѣли многочисленную группу бабъ въ платочкахъ и уніатскаго священника въ алтарѣ, который какъ разъ при нашемъ появленіи возглашалъ: «Во имя отца и Сына и Святаго Духа...» Это былъ годъ юбилейнаго паломничества, когда со всѣхъ концовъ земли пріѣзжали въ Римъ на поклонъ Льву XIII. Всѣмъ народностямъ, пріемлющимъ папу, разрѣшалось въ храмѣ Павла краткое богослуженіе на родномъ языкѣ. Вл. В—чъ, по окончаніи богослуженія, вмѣшался въ толпу бабъ, пріѣхавшихъ изъ Галиціи и бесѣдовалъ съ ними по-украински.

Свою обширную бібліотеку Лесевичъ завѣщалъ научно-литературному обществу имени Шевченко въ Львовѣ.

XVI.

В. В. Лесевичъ не былъ активнымъ революціонеромъ, но онъ всегда, отъ начала своей сознательной дѣятельности и до конца жизни, былъ революціонеромъ духа. Всю жизнь онъ боролся съ угнетающими и тормозящими человѣчество «примыслами».

И въ каждой строчкѣ его писаній, была ли то газетная замѣтка или ученый трудъ, вы найдете явственно выраженное проявленіе этой борьбы. Даже въ послѣднемъ своемъ, незаконченномъ трудѣ по фольклору, трудѣ чисто научномъ, онъ ставилъ себѣ ясно начертанную задачу разрушенія суевѣрій, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. «Жаль, что послѣднихъ выводовъ фольклорныхъ изысканій нельзя у насъ коснуться»,—писалъ онъ Г. Н. Потанину.

Въ душѣ его горѣлъ неугасимый огонь протеста противъ вся-

каго насилія: политическаго, умственнаго или моральнаго—все равно. Естественно, что онъ не могъ оставаться равнодушнымъ и къ революціонной дѣятельности русскихъ политическихъ организацій.

По своимъ симпатіямъ Вл. В—чъ ближе всего стоялъ къ народо-довольцамъ. Въ «Вѣстникъ Народной Воли» появилась его статья единственная въ русской литературѣ по смѣлости логическихъ выводовъ и прямотѣ мысли, которая по условіямъ нашей «свободной» печати и въ настоящее время не можетъ быть помѣщена въ собраніи сочиненій Вл. В—ча, несмотря на ея научный характеръ. Статья озаглавлена «Революціонеры и естественный ходъ событій» и помѣщена въ № 1 «Вѣстн. Народ. Воли» за 1883 г., за подписью «Украинецъ». Статья посвящена выясненію вопроса о вліяніи человѣка на ходъ общественнаго развитія. Авторъ указываетъ на важное значеніе «упрежденія моментовъ» въ ходѣ развитія и на чрезвычайныя трудности такого упрежденія, «трудности, преодоленіе которыхъ требуетъ большой энергіи, значительныхъ талантовъ и очень часто и всей совокупности тѣхъ свойствъ, изъ которыхъ слагается то величественное цѣлое, которое носитъ названіе героизма». Трудности эти обусловливаются тѣмъ, что дѣятели упрежденія «становятся во временное противорѣчіе со средой, невидящей того, что они видятъ, и ждущей знаменій, долженствующихъ довести дѣло до совершенной ясности и полной очевидности для всѣхъ»... Авторъ указываетъ далѣе, что «у насъ противорѣчіе это двоякаго рода: во-первыхъ, по отношенію къ образованному обществу, гдѣ оно обнаруживается въ различіи характера революціонныхъ дѣятелей и характера большей части представителей общества, и, во-вторыхъ, по отношенію къ народу, гдѣ оно сказывается различіемъ основъ міросозерцанія революціонныхъ дѣятелей и народа. Въ первомъ случаѣ предстоитъ побѣдить отсутствіе гражданскаго мужества, малодушіе, робость, безхарактерность вообще, во второмъ—вліяніе косности традицій, мистическихъ вѣрованій, мифическихъ представленій. Въ обоихъ случаяхъ для побѣды... необходимо самоотреченіе.

Кромѣ сотрудничества въ «Вѣстн. Нар. Воли» Лесевичъ находился въ близкихъ отношеніяхъ со многими изъ главныхъ дѣятелей партіи «Народной Воли».

Въ 1905 г. Вл. В—чу пришлось увидѣть и обратную сторону «упрежденія». Онъ жилъ тогда въ деревнѣ. Какъ это, несомнѣнно, имѣло мѣсто и въ другихъ мѣстахъ, въ маленькой деревушкѣ близъ имѣнія зятя Лесевича, въ домѣ котораго онъ жилъ, образовался самозванный «комитетъ», который терроризировалъ окрестное населеніе какъ крестьянъ, такъ и помѣщиковъ. Со-

ставъ этого комитета былъ болѣе или менѣе извѣстенъ всѣмъ. Это просто была воровская шайка, дѣйствовавшая подъ флагомъ революціи, состоявшая изъ конокрадовъ и вообще воровъ-рецидивистовъ, уже не разъ побывавшихъ въ тюрьмѣ.

Подъ ихъ вліяніемъ деревенская молодежь произвела совершенно дикій погромъ въ домѣ, гдѣ жилъ Лесевичъ, какъ только онъ, вмѣстѣ съ семьей зятя, выѣхалъ оттуда. Это было просто бессмысленное озорство. Сложили по срединѣ столовой кучу вещей, главнымъ образомъ, книги изъ библіотеки Лесевича, облили керосиномъ и подожгли. Большого пожара не произошло, такъ какъ огонь скоро потушили. Подъ впечатлѣніемъ этого вандализма, отрицательное отношеніе къ деревнѣ еще болѣе усилилось въ Лесевичѣ.

Вообще къ событіямъ 1905 года онъ относился довольно скептически и не раздѣлялъ мимолетнаго увлеченія общества широкими перспективами. Напротивъ, ближайшія къ нему явленія дѣйствительной жизни заставляли его мрачно смотрѣть на будущее. Вотъ что писалъ онъ И. П. Бѣлоконскому 3 сентября 1905 г.: «Я вполне допускаю наступленіе полнаго одичанія и финальную катастрофу просвѣщенія и культуры».

Тяжелыя деревенскія впечатлѣнія накапливались давно, со середины 900-хъ годовъ, какъ мы видѣли выше изъ письма къ Г. Н. Потанину. Въ 900-хъ годахъ Лесевичъ задумывалъ, по-видимому писать свои воспоминанія. Эта мысль встрѣтила большое сочувствіе среди друзей Вл. В—ча. Маститая писательница Е. Н. Водовозова энергично поддерживала его въ этомъ направленіи. Въ іюнѣ 1905 г. она писала Лесевичу: «Ваши рассказы изъ прошлаго всегда производили на меня сильное впечатлѣніе. И это понятно: Вы такъ художественно и живо воспроизводили образы и событія изображаемаго Вами момента, что (я нисколько не сомнѣваюсь въ томъ) ваши мемуары будутъ имѣть огромное общественное значеніе, интересъ и большую художественную цѣнность. Увѣряю Васъ, дорогой Владиміръ Викторовичъ, что Ваше желаніе начать писать мемуары—въ высшей степени счастливая мысль, скажу больше, что при Вашемъ талантѣ воспроизводитъ прошлое въ художественныхъ образахъ и картинахъ, при томъ огромномъ матеріалѣ, который, видимо, имѣется у Васъ въ запасѣ, Вы нравственно обязаны осуществить эту мысль. Пишите же, пожалуйста, пишите! Когда Вы начнете заносить Ваши воспоминанія на бумагу, не бойтесь того, что Вы забыли многое изъ прошлаго,—въ нашемъ мозгу есть какой-то фокусъ: какъ только начинаешь вспоминать старое, въ памяти мало-по-малу, неожиданно для себя, возникаютъ давно забытыя событія, встаютъ

образы интересныхъ или характерныхъ для изображаемаго момента людей. Пишите, дорогой Владиміръ Викторовичъ, ручаюсь Вамъ головой (я не очень легкомысленный человѣкъ), что Ваши воспоминанія выйдутъ и чрезвычайно интересными, и талантливыми».

Полтавскій пріятель Лесевича, М. И. Сосновскій въ томъ же 1905 г. высказывается въ такомъ же духѣ: «Вѣроятно Вамъ,—пишетъ онъ,—приходилось самому наблюдать, какое сильное впечатлѣніе производятъ Ваши рассказы о прошломъ, пережитомъ нашей литературой и обществомъ. Для такого впечатлѣнія нужны и та громадная память и чуткость, страстность въ переживаніи cadaго отдѣльнаго момента съ общественнымъ значеніемъ, яркая и опредѣленная идея, которыми Вы обладаете и которыя могли бы изъ мемуаровъ создать нѣчто новое, живое—историческаго свидѣтеля, сильно и неопровержимо свидѣтельствующаго въ пользу того, что дорого всему обществу».

Но эти замыслы В. В—ча, какъ и много другихъ, разбила преждевременная смерть...

За нѣсколько мѣсяцевъ передъ смертью, очень огорчила Лесевича газетная ошибка, связанная съ его именемъ. Лѣтомъ, 1905 г., въ одной провинціальной газетѣ появилось сообщеніе, что 1 сентября этого года исполнится 40-лѣтіе литературной дѣятельности Лесевича. Сообщеніе невѣрное. Такъ какъ свою литературную дѣятельность Лесевичъ началъ въ 1857 году, то 40 лѣтъ этой дѣятельности минули въ 1897 году. Самъ Вл. В—чъ считалъ началомъ своей литературной дѣятельности 1858 годъ. «Я началъ мою литературную дѣятельность въ Тифлисѣ статьей «Медицина и женщина» въ 1858 году (письмо Г. М. Туманову)»... Эта ошибка очень огорчила Вл. В—ча. Онъ даже предположилъ въ одномъ изъ писемъ И. П. Бѣлоконскому, что кто-то хотѣлъ надъ нимъ подшутить. Въ дѣйствительности, конечно, ни о какомъ подшучиваніи не могло быть и рѣчи ¹⁾. Просто была ошибка вполне случайная и совершенно добродѣтельная, объясняющаяся спѣшностью газетной работы. Ошибку повторили всѣ газеты. Вл. В—чъ пережилъ ее очень болѣзненно, что объясняется отчасти его нездоровьемъ и вообще угнетеннымъ настроеніемъ. Его огорчала, какъ онъ выразился въ одномъ письмѣ, «небрежность, съ которою было оказано мнѣ это вниманіе»... Однако, когда Вл. В—чъ сталъ получать письма и телеграммы съ поздравленіями и выраженіями сочувствія и уваженія, когда въ газе-

¹⁾ Такая же ошибка случилась съ Салтыковымъ, о предстоящемъ 40-лѣтнемъ юбилей котораго появилось извѣстіе спустя 5 лѣтъ послѣ сорокалѣтія его литерат. дѣятельности.

тахъ появился рядъ сочувственныхъ статей, въ искренности которыхъ онъ уже не имѣлъ никакого основанія сомнѣваться, острота обиды смягчилась. Редакціи всѣхъ лучшихъ газетъ и журналовъ: «Русскаго Богатства», «Вѣстника Европы», «Русскихъ Вѣдомостей» и мн. др., различныя учрежденія и отдѣльныя лица самымъ сердечнымъ образомъ привѣтствовали юбиляра.

XVII.

Удрученный деревенскими впечатлѣніями Вл. В—чъ перѣѣхалъ въ Кіевъ вмѣстѣ съ семьей дочери осенью 1905 года. Наступили октябрьскіе дни и непосредственно послѣдовавшіе за ними погромы, между прочимъ, и въ Кіевѣ. Вл. В—чъ былъ глубоко потрясенъ кровавыми злодѣйствами, совершавшимися по всей Россіи.

По отношенію къ евреямъ Лесевичъ всегда высказывался противъ всякихъ ограниченій въ правахъ и за полное уравниеніе ихъ съ русскими. Специально еврейскимъ вопросамъ онъ не занимался, считая его прежде всего вопросомъ обще-русскимъ, но всюду, гдѣ могъ, высказывалъ сочувствіе еврейскому народу по поводу законныхъ и незаконныхъ гоненій со стороны администраціи и дикаго антисемитизма въ обществѣ.

Онъ былъ очевидцемъ кіевского погрома. Мѣстный раввинъ Лурье рассказываетъ, какъ Лесевичъ пришелъ къ нему, чтобы выразить свое сочувствіе пострадавшимъ. Глубоко растроганный посѣщеніемъ Лесевича, Лурье, самъ подвергшійся по его словамъ въ только что минувшіе «дни смертельной опасности», пишетъ: «Я былъ неожиданно осчастливленъ сегодня визитомъ скромнаго старика, робко передавашаго мнѣ лепту въ пользу несчастныхъ жертвъ. Собираясь выдать старику квитанцію въ полученіи отъ него пожертвованія въ 25 рублей и освѣдомляясь объ имени жертвователя, я, къ великому счастью своему, узналъ, что въ лицѣ скромнаго старика, постучавшагося ко мнѣ въ дверь, я вижу предъ собой Владиміра Викторовича Лесевича, одного изъ наиболѣе выдающихся представителей философской мысли въ Россіи, автора «Основъ позитивизма», горячаго поборника возрожденія нашего отечества, неустанно освѣщавшаго намъ всѣмъ путь къ истинной культурѣ и достойному разумнаго человѣчества міросозерцанію. В. В. Лесевичъ лишь на-дняхъ переселился на постоянное жительство въ Кіевъ и, подавленный всѣмъ услышаннымъ имъ о горькой участи кіевского еврейскаго населенія, поспѣшилъ, въ лицѣ кіевского раввина, выразить избитому, ограбленному и удрученному еврейскому населенію г. Кіева

глубокую скорбь и горячее сочувствіе истинно-русскихъ людей (истинно-русскихъ—отнюдь не въ ковычкахъ) къ еврейскому горю. В. В. Лесевичъ передалъ мнѣ также свою интересную статью: «Оливія Шрейнеръ—провозвѣстница мира между людьми разныхъ религій и разныхъ національностей», съ правомъ издать эту въ высшей степени назидательную монографію отдѣльной брошюрой въ пользу пострадавшихъ отъ кіевскаго погрома¹⁾.

Въ октябрѣ 1905 г., едва приѣхавъ изъ деревни въ Кіевъ, Лесевичъ вслѣдствіе простуды почувствовалъ себя нездоровымъ, хотя перемогался и выходилъ. Онъ вообще не отличался крѣпкимъ здоровьемъ, а въ послѣдніе годы, послѣ смерти жены, хворалъ особенно часто.

Въ немъ точно ослабѣлъ источникъ жизненной энергіи. Правда, событія, предшествовавшія манифесту 17 октября и за нимъ послѣдовавшія, держали его все время въ возбужденномъ состояніи, но это было уже возбужденіе нездоровое. Когда болѣзнь осложнилась и онъ не могъ вставать съ постели, онъ все-таки съ жадностью читалъ газеты, небрежно относился къ требованіямъ врачей, отказывался отъ лѣкарствъ...

Поистинѣ пророческія слова произнесъ онъ въ смутные октябрьскіе дни. Когда получилось въ Кіевѣ извѣстіе о манифестѣ 17 октября и В. Н. Леонтовичъ сообщилъ о немъ Вл. В—чу, тотъ лежалъ въ постели въ своей комнатѣ. Въ отвѣтъ на слова зятя, что объявлена конституція Лесевичъ, не вставая, воскликнулъ.

— Драть будутъ, какъ и раньше драли!

Въ октябрѣ, по поводу кіевскихъ погромовъ, онъ еще написалъ свои впечатлѣнія очевидца, напечатанныя въ мѣстной газетѣ. Это было его послѣднее печатное слово.

Со своей простудой Вл. В—чъ справился и начавшееся воспаление въ легкихъ поддавалось успѣшному лѣченію. Но въ ноябрѣ у него появились камни въ печени. Мучительная болѣзнь и возбужденное состояніе, мѣшавшее правильному лѣченію, сломили его, несмотря на внимательный и нѣжный уходъ въ семьѣ горячо любившихъ его дочери и зятя.

Онъ умеръ 13 ноября 1905 года.

Бываютъ историческіе моменты, когда личности, даже очень крупныя, проходятъ незамѣтно; когда на арену исторіи выступаютъ массы.

Смерть В. В. Лесевича въ ноябрѣ 1905 г. прошла почти незамѣченной. Въ газетахъ появились, конечно, краткія замѣтки-некрологи, но общественное вниманіе было захвачено другимъ.

¹⁾ Кіевск. Газета, 1905 г., № 301.

Близкіе люди и близкія редакціи прислали вѣнки на могилу почившаго, въ числѣ прочихъ семья В. Г. Короленко. На вѣнкѣ литературнаго фонда, членомъ котораго много лѣтъ былъ Лесевичъ, была надпись: «Честному и стойкому борцу за свободу Россіи, незабвенному старому товарищу». «Незабвеннымъ мыслителемъ и гражданиномъ» назвала почившаго на своемъ вѣнкѣ редакція «Русскаго Богатства». Украинцы также прислали вѣнки «Незабутньому учителю правды и волі» (Кіевская Старина) и «Щирому борцеві за волю украиньскаго народу» — украинцы-демократы. Теплымъ словомъ помянулъ умершаго В. Г. Короленко: «Сотрудникъ *Отечественныхъ Записокъ*, товарищъ по литературной работѣ Некрасова, Елисеева, Салтыкова-Щедрина, Михайловскаго,—онъ страстно ждалъ освобожденія родины отъ гнета произвола и безправія и умеръ на рубежѣ обѣтованной земли, въ туманное еще и задернутое тучами утро загорающей русской свободы... Миръ его праху и слава памяти честнаго работника» ¹⁾.

Е. Ганейверъ.

¹⁾ «Полтавщина», 16 ноября 1905 г.

Мои встрѣчи съ гр. М. Т. Лорисъ-Меликовымъ.

Осенью 1881 г., прїѣхавъ съ Амура, я скоро сталъ собираться за границу, чтобъ оттуда, кружнымъ путемъ, по веснѣ вернуться въ Благовѣщенскъ. Мой тогдашній знакомый В. И. Лихачевъ ¹⁾, узнавъ, что я разсчитываю побывать въ Ниццѣ, усиленно рекомендовалъ мнѣ познакомиться тамъ съ М. Т. Лорисъ-Меликовымъ.

— У меня нѣтъ привычки ни съ того, ни съ сего заявляться къ кому-нибудь: имѣю, молъ, честь представиться—такой то.

— Я могу устроить вамъ подходящій случай для начала знакомства. Недавно Анд. Парф. Заблоцкій-Десятовскій просилъ меня доставить Лорису свой трудъ, который долженъ на-дняхъ появиться, — «Графъ Киселевъ» (должно-быть, рѣчь шла о 1-мъ т.). вы съ нимъ и заявитесь къ Лорису.

Я былъ на Амурѣ во время «диктатуры сердца». Ранѣе, въ бытность на Кавказѣ въ 1875—76 гг., я тамъ въ первый разъ услышалъ имя Лорисъ-Меликова и притомъ съ весьма выгодной стороны, что, въ качествѣ начальника сначала Дагестана, а потомъ Терской области, онъ сумѣлъ не только поддержать порядокъ, но въ то же время и заслужить полное довѣріе туземцевъ. Его дѣятельность въ Ветлянкѣ возбуждала въ Петербургѣ нѣсколько ироническіе разговоры, такъ какъ вся исторія съ ветлянской чумой считалась слишкомъ раздутой. Когда, въ апрѣлѣ 1879 г., онъ сталъ харьковскимъ генераль-губернаторомъ, меня уже не было въ Петербургѣ; но въ короткій прїѣздъ съ Амура въ концѣ 79 года, я натолкнулся на весьма разнорѣчивые толки о дѣятельности его въ Харьковѣ. И на это были извѣстныя основанія ²⁾.

¹⁾ В. И. Лихачевъ, уже вышедшій изъ «Н. Вр.», какъ вліятельный гласный городской думы, за время Лорисъ-Меликова значительно выдвинулся впередъ и, по его собственнымъ словамъ, имѣлъ виды на мѣсто С.-Петербургскаго губернатора.

²⁾ Въ книжкѣ «Конституція Лорисъ Меликова» (Берлинъ, 1904 г.) читаемъ: «намъ передавали со словъ покойнаго министра (т.-е. Л.-М.), что первое выслушанное имъ предложеніе (въ Харьковѣ) клонилось не болѣе, ни менѣе какъ къ тому, чтобы разгромить университетъ и суды, наложить опалу на лучшихъ профессоровъ, выслать сотни студентовъ. Предложеніе это исходило отъ тогдашняго харьковскаго губернатора генерала Валя. Исходъ его былъ совершенно неожиданъ для ретиваго администратора.

Живя на Амурѣ въ Благовѣщенскѣ, я довольно близко познакомился съ тамошнимъ губернаторомъ, г.-м. Осипомъ Гавриловичемъ Барановымъ, который служилъ подъ начальствомъ Лорисъ-Меликова въ войну 77—78 гг. Барановъ воздерживался говорить о текущей дѣятельности Лорисъ-Меликова, но зато нисколько не стѣснялся критиковать его роль въ войну 77—78 гг., Лорисъ, конечно, лично человекъ храбрый—говорилъ Барановъ,—но у него нѣтъ ни малѣйшаго военного образованія для того, чтобъ въ наше время руководить крупными военными операціями. Въ первую турецкую войну онъ былъ начальникомъ отряда лазутчиковъ,—вотъ и вся его практика. Но такъ какъ Барановъ до забавнаго преувеличивалъ свое участіе въ войнѣ, то понятно, что его словамъ я не придавалъ большой вѣры.

Выслушавъ его докладъ, гр. Л.-М. также спокойно выразилъ своему неспрошеному совѣтнику убѣжденіе въ невозможности служить совмѣстно (стр. 31)».

Не считая себя въ правѣ отрицать достовѣрность приводимаго факта, я, однако, нахожу вполне умѣстнымъ, на основаніи имѣющагося въ моихъ рукахъ несомнѣннаго документа, привести тѣ соображенія, которыя были высказаны Л.-М. въ особомъ Совѣщаніи (въ Петербургѣ, въ засѣданіяхъ, 17 и 19 іюля 1879 г. подъ предсѣдательствомъ Валуева изъ министровъ Нар. Пр., Юст., В. Д., Фин., Шефа Жандармовъ, ст. секр. Делянова и самого Л.-М.). Вотъ что въ немъ записано:

«Гр. Л.-М. объяснилъ, что, по его мнѣнію, надлежало бы принять слѣдующія мѣры: 1) упразднить въ Университетахъ выборное начало относительно назначенія ректоровъ, инспекторовъ и субъ-инспекторовъ и усилить составъ инспекціи; 2) ввести обязательную форму одежды,—и если не мундиръ, то, по крайней мѣрѣ, какіе-нибудь внѣшніе отличительные знаки; 3) обсудить вопросъ, нельзя ли въ извѣстныхъ случаяхъ не выдавать стипендіатамъ на руки назначенныхъ имъ денежныхъ стипендій, или, по крайней мѣрѣ, части этихъ стипендій; 4) усилить воспитательный элементъ въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, и съ этой цѣлью увеличить крайне недостаточное число помощниковъ классныхъ наставниковъ; 5) учредить усиленный надзоръ за народными школами и за учителями этихъ школъ, что тѣмъ болѣе необходимо, что между этими учителями не мало людей неблагонамѣренныхъ, а нынѣ приходится, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, по 2 инспектора на 500 школъ; 6) обсудить вопросъ, не способствуютъ ли гимназическіе приуготовительные классы привлеченію къ гимназіямъ неудобнаго контингента учениковъ, а затѣмъ и переполненію ими сначала гимназій, а потомъ и университетовъ; 7) озаботиться улучшеніемъ семинарій, сокративъ ихъ число или, по крайней мѣрѣ, ихъ составъ; 8) обсудить вопросъ объ удобствѣ совпаденія административныхъ округовъ разныхъ вѣдомствъ въ примѣненіи къ границамъ учебныхъ округовъ М. Н. Пр.; 9) имѣть въ виду неудобства, которыя могутъ произойти отъ распушенія по Россіи, безъ занятій и безъ надзора, тѣхъ учителей народныхъ училищъ, которые будутъ удалены при преобразованіи этихъ училищъ на началахъ большаго и непрерывнаго участія духовенства въ дѣлѣ начального образованія». (Изъ этого надо заключать, что тогда былъ проектъ передать всѣ начальные школы духовенству).

Всѣ присутствовавшіе въ этихъ засѣданіяхъ выразили свое одобреніе соображеніямъ гр. Л.-М., только гр. Д. А. Толстой замѣтилъ, что по каноническимъ правиламъ сокращеніе числа семинарій невозможно, да еще не согласился съ Л.-М. на счетъ значенія пригготовительныхъ классовъ.

Надо полагать, что еще до перѣзда въ Петербургъ, послѣ 5 февраля 80 г., Л.-М. въ значительной степени отошелъ отъ взглядовъ, высказанныхъ имъ въ Особомъ Совѣщаніи; иначе немыслимо было бы его совмѣстное сотрудничество съ А. А. Сабуровымъ, преемникомъ Д. А. Толстого.

На томъ же Амурѣ мнѣ пришлось встрѣтиться еще съ другимъ участникомъ кавказской войны 77 г. Въ противоположность Баранову это былъ человѣкъ необыкновенно скромный, особенно когда дѣло касалось его собственной личности. Вотъ его отзывъ о Лорисъ-Меликовѣ:—Я былъ въ штабѣ корпуса, находившагося подъ начальствомъ Л.-М. съ конца осени 76 г. до половины мая 77 г., когда получилъ назначеніе въ Тифлисъ (и прибавлю отъ себя,—весьма крупное). У Лориса каждый день собирались по вечерамъ, часто онъ и меня приглашалъ. У меня сохранилось о немъ самое хорошее воспоминаніе, какъ о любезномъ хозяинѣ, замѣчательно интересномъ собесѣдникѣ, разсказами котораго всѣ заслушивались. Насколько мнѣ кажется, Лорисъ не обладалъ геніемъ полководца, но, несомнѣнно, былъ человѣкъ большого ума и большой дипломатъ. Его назначеніе уже потому имѣло огромное благопріятное значеніе, что все армянское населеніе, когда мы перешли границу, встрѣтило его съ восторгомъ и почетомъ. Ненормальныя отношенія между штабомъ намѣстника и Лорисъ-Меликовымъ дѣйствительно существовали; что и вызвало командировку изъ Петербурга Н. Н. Обручева.

Осенью 1881 г., когда я опять былъ въ Петербургѣ, разговоры о Лорисъ-Меликовѣ рѣзко расходились. Въ то время какъ въ радикальныхъ кругахъ его почти не отличали отъ другихъ укротителей того времени: Дрентельна, Гурко, Черткова, Тотлебена, ставили ему на счетъ казнь Млодецкого ¹⁾, массовыя высылки, другіе—Лихачевъ и бывавшіе у него на вечерахъ по воскресеньямъ, напримѣръ, Салтыковъ, Унковскій, Боровиковскій и т. п., видимо считали паденіе Лорисъ-Меликова большимъ общественнымъ бѣдствіемъ. Салтыковъ, по временамъ, даже раздражался крайне рѣзкими сужденіями на счетъ дѣятелей 1 марта. Самое меньшее, по его словамъ,—это были, въ большинствѣ, люди крайне ограниченные.

Въ то же время у золотопромышленника (и камергера) Ѳ. И. Базилевскаго приходилось встрѣчать людей, которые чуть не съ пѣной у рта говорили о Лорисъ-Меликовѣ, и съ какимъ-то неподдѣльнымъ ужасомъ произносили: онъ хотѣлъ установить въ Россіи визиріатъ!

Изъ этихъ противоположныхъ толковъ у меня, однако, составилось нѣкоторое представленіе, если не о самой личности Лорисъ-Меликова, то, по крайней мѣрѣ, о тѣхъ случайныхъ условіяхъ, которыя одно время благопріятствовали его планамъ. Въ кругу Базилевскаго, не стѣсняясь говорили, что Лорисъ-Ме-

¹⁾ Л. М. безуспѣшно ходатайствовалъ передъ государемъ о сохраненіи жизни Млодецкому, но широкой публикѣ это было неизвѣстно.

ликову оказывала могущественную поддержку Юрьевская, что безъ этой поддержки его направленіе никогда не получило бы одобренія Александра II. А такъ какъ послѣ 1 марта значеніе Юрьевской стало величиной чисто-отрицательной, то о сохраненіи Лорисъ - Меликовымъ своего положенія не могло быть и рѣчи.

Но вотъ я въ Ниццѣ. Тамъ нашелъ Н. П. Аносова, одного изъ компаніоновъ того дѣла, которымъ я управлялъ на Амурѣ. Политикой Аносовъ совсѣмъ не интересовался, а все время отдавалъ клубамъ, Монте-Карло и т. п.—Да, здѣсь Лорисъ-Меликовъ, но въ обществѣ (это слово Аносовъ произноситъ съ особенной интонаціей), онъ совсѣмъ не бываетъ. Кажется, къ нему заглядываютъ разные сановники изъ Петербурга, тоже, какъ и онъ, будирующіе теперешнее правительство¹⁾.

Разъ мнѣ довелось завтракать у Аносова; компанія была не изъ очень большихъ верховъ, но, видимо, тершаяся около высокопоставленныхъ круговъ. Кто-то спросилъ меня:—А что говорятъ въ Петербургѣ, проченъ Игнатьевъ?—Что онъ могъ около двадцати пяти дѣтъ держаться на разныхъ дипломатическихъ постахъ, отвѣчалъ я, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго; но многіе недоумѣваютъ, какъ онъ въ теченіе шести мѣсяцевъ еще сохранилъ за собой министерство вн. дѣлъ. Въ возникшемъ отсюда разговорѣ о возможности возврата Лорисъ-Меликова, помнится, полковникъ Папаригопуло, только что пріѣхавшій изъ Парижа, рѣзко отчеканилъ:

— Ну, нѣтъ, пока живъ теперешній государь о возвратѣ Лорисъ-Меликова не можетъ быть и рѣчи.

Когда я заявился къ Лорисъ-Меликову, оказалось, что онъ уже поджидалъ меня; кажется, былъ предупрежденъ письмомъ Лихачева. Принялъ онъ меня очень просто.

Разговоръ сначала вращался на второстепенныхъ петербургскихъ новостяхъ, а потомъ перешелъ на Амуръ, на отношенія къ Китаю, съ которымъ незадолго передъ тѣмъ было установлено соглашеніе насчетъ Кульджи.

Лорисъ-Меликовъ и тогда уже не производилъ впечатлѣнія не только крѣпкаго человѣка, но и здороваго,—поминутно кашлялъ. Да онъ и самъ жаловался на свое здоровье. При прощаньи онъ спросилъ меня,—долго ли я остаюсь въ Ниццѣ и, по-

¹⁾ Объ одномъ изъ такихъ сановниковъ есть остроумное замѣчаніе Л.-М. (въ письмѣ изъ Висбадена отъ 15 іюня 1885 г.) «На-дняхъ я былъ осчастливленъ неожиданнымъ визитомъ... графа... Оставался у меня около часа времени. Несмотря на сильнѣйшую полуденную жару, лгалъ онъ безъ умолку и въ той же мѣрѣ, какъ лжетъ при обыкновенной температурѣ воздуха. Видно, неисправимъ».

лучивъ въ отвѣтъ, что, можетъ быть, двѣ-три недѣли, выразилъ надежду, что еще разъ загляну къ нему.—Въ такіе-то часы я всегда бываю дома, да и вообще выѣзжаю, чтобы прокатиться, да изрѣдка отдать кому-нибудь визитъ. Но прежде, чѣмъ я собрался вторично побывать у него, онъ заѣхалъ ко мнѣ, но не засталъ меня.

Въ этотъ пріѣздъ я былъ у Лорисъ-Меликова раза три (видался также съ нимъ въ концѣ 1883 г. и тоже въ Ниццѣ). Сначала онъ былъ весьма сдержанъ въ своихъ отзывахъ и сообщеніяхъ; тогда онъ, повидимому, еще не считалъ, что его пѣсенка навсегда спѣта. Впрочемъ, разъ, какъ бы мелькомъ, замѣтилъ:—удивительный народъ эти эмигранты, вѣдь у нихъ въ «Черномъ передѣлѣ» (или, можетъ быть, въ «Набатѣ»—не помню) работаетъ, да еще видную роль играетъ, агентъ департамента полиціи, — и назвалъ его фамилію, къ сожалѣнію, не удержавшуюся въ моей памяти.

Въ моихъ тогдашнихъ разговорахъ съ Лорисъ-Меликовымъ для теперешняго времени почти нѣтъ ничего новаго и они имѣютъ лишь нѣкоторое значеніе для характеристики бывшаго диктатора въ положеніи человѣка «не у дѣлъ».—Я знаю, меня обвиняютъ въ томъ, что я хотѣлъ установить въ Россіи визиріатъ. Какой вздоръ! все дѣло сводилось къ тому, что проектировались регулярныя засѣданія совѣта министровъ; но при этомъ даже и рѣчи не было о постоянномъ предсѣдателѣ. Должны были собираться по очереди у того или другого; у кого происходило засѣданіе, тотъ и предсѣдательствовалъ. Далѣе, предполагалось дѣла, до того времени восходившія на высочайшее утвержденіе, раздѣлить на двѣ категоріи: одни попрежнему должны были докладываться государю, но предварительно заслушивались въ совѣтѣ министровъ и только имъ одобренныя представлялись для доклада государю; другія, второстепенныя, окончательно рѣшались въ совѣтѣ министровъ. Вѣдь, трудно себя представить, какіе пустяки иногда требуютъ высочайшаго утвержденія, напримѣръ, назначеніе губернской акушерки. Когда въ одномъ изъ засѣданій совѣта министровъ, уже послѣ 1 марта, подъ предсѣдательствомъ самого государя, ему было объяснено это дѣло, онъ сказалъ:—да это гора свалится съ моихъ плечъ, былъ очень доволенъ и обнялъ меня.

Тоже насчетъ конституціи,—продолжалъ Лорисъ-Меликовъ,—ничего подобнаго! Вотъ что проектировалось. Обыкновенно въ декабрѣ бываетъ сессія губернскихъ земскихъ собраній; такъ вотъ въ январѣ депутаты отъ этихъ собраній и должны были съѣзжаться въ Петербургъ для разсмотрѣнія тѣхъ проектовъ,

которые правительство считало нужнымъ передать на ихъ предварительное заключеніе. Эта комиссія имѣла лишь совѣщательное значеніе; ея работы вмѣстѣ съ правительственными проектами должны были поступать въ Государственный Совѣтъ. Государь (Александръ II) говорилъ мнѣ, что это найдутъ недостаточнымъ, а я отвѣчалъ:—повѣрьте, государь, по крайней мѣрѣ, на три года этого хватитъ. Будетъ сдѣланъ опытъ, который и покажетъ, насколько есть надобность въ дальнѣйшихъ реформахъ, насколько въ Россіи есть достаточно политически развитой классъ.

— Съ моей точки зрѣнія,—говорилъ не разъ Лорисъ-Меликовъ,—для даннаго момента несравненно большее значеніе имѣли другія мѣропріятія: надо было реформы 60-хъ годовъ не только очистить отъ позднѣйшихъ урѣзокъ и наслоеній циркулярнаго законодательства, но и дать началамъ, положеннымъ въ основу этихъ реформъ, дальнѣйшее развитіе. Только планомѣрная работа въ этомъ направленіи могла создать настоящую почву для болѣе фундаментальной реформы.

Въ моей памяти отчетливо сохранилась лишь сущность разговоровъ, детали, которыя приводилъ Лорисъ-Меликовъ въ подтвержденіе своихъ взглядовъ, конечно, улетучились, да въ нихъ и нѣтъ особенной важности. Не лишнимъ, однако, нахожу указать на его отношеніе къ польскому вопросу. Тогда лишь этотъ вопросъ, да отчасти остзейскіе бароны, тревожили покой нашихъ патріотовъ.

Вѣроятно, до переселенія въ Петербургъ Лорисъ-Меликовъ никогда и не задумывался надъ польскимъ вопросомъ. Здѣсь онъ въ числѣ членовъ совѣта мин. вн. дѣлъ нашелъ Александра Ивановича Деспота-Зеновича, убѣжденнаго поляка, но выросшаго въ Москвѣ, въ русской семьѣ Тучковыхъ. По своему широкому образованію и высокимъ нравственнымъ качествамъ, своей безупречной административной дѣятельности,—онъ былъ кяхтинскимъ градоначальникомъ и потомъ тобольскимъ губернаторомъ, Деспотъ-Зеновичъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ, даже въ кругахъ строго консервативныхъ. Лорисъ-Меликовъ сблизился съ Деспотомъ-Зеновичемъ и нерѣдко обращался къ нему за содѣйствіемъ по разнымъ дѣламъ, напримѣръ, хотя бы по вопросу о поднятіи Архангельскаго края. Весьма вѣроятно, что вліяніе Деспота-Зеновича сказалось и на взглядахъ Лорисъ-Меликова на польскій вопросъ.—Я говорилъ государю, что нельзя оставлять поляковъ подъ постояннымъ режимомъ исключительныхъ законовъ, нельзя вести безконечную борьбу противъ ихъ національности и вѣры; что и на поляковъ слѣдуетъ

распространить блага общественныхъ реформъ. И государю угодно было одобрить мои взгляды. Какъ первый шагъ въ этомъ направленіи было рѣшено установить болѣе нормальныя отношенія съ римской куріей, прерванныя послѣ событій 1863 г. (конкордатъ заключенный 22 іюля 1847 г., былъ отмѣненъ 25 ноября 1866 г.). Съ Деспотомъ-Зеновичемъ Лорисъ-Меликовъ до конца сохранилъ лучшія отношенія ¹⁾).

Хотя во время моихъ ницскихъ бесѣдъ съ Лорисъ-Меликовымъ вліяніе Побѣдоносцева еще далеко не достигло того апогея, какъ впослѣдствіи, но въ знаменательномъ засѣданіи совѣта Министровъ, предшествовавшемъ манифесту 29 апрѣля, онъ былъ главнымъ противникомъ Лорисъ-Меликова; ему же, не безъ основанія, приписывали и самую редакцію манифеста. Понятно, что Лорисъ-Меликовъ не могъ безъ раздраженія говорить о Побѣдоносцевѣ.

— На свою голову уговорилъ государя назначить Побѣдоносцева оберъ-прокуроромъ; государь не любилъ его, считалъ ханжей и обскурантомъ. Побѣдоносцевъ, конечно, человѣкъ большого знанія, владѣетъ даромъ слова, выдержанной логикой, и вы легко поймете, какое онъ можетъ имѣть вліяніе.

Когда Д. А. Толстой подалъ въ отставку (увольненіе состоялось не сразу—24 апрѣля 1880 г.), къ Лорисъ-Меликову пріѣхалъ наслѣдникъ и просилъ его представить на постъ оберъ-прокурора Побѣдоносцева. Лорисъ-Меликовъ исполнилъ желаніе наслѣдника, при чемъ при докладѣ пояснилъ, что инициатива этого представленія принадлежитъ наслѣднику. Александръ II, ничего не сказавъ, взялъ докладъ. Прошло нѣкоторое время, опять же по желанію наслѣдника Лорисъ-Меликовъ напомнилъ государю о своемъ докладѣ. И вотъ что получилъ въ отвѣтъ: —Въ доказательство того, что я не забылъ о твоёмъ докладѣ, вотъ онъ, подписанный мною; дѣлай съ нимъ, что хочешь, но запомни, что въ лицѣ Побѣдоносцева ты имѣешь своего злѣйшаго врага.

¹⁾ Въ № 89 «Прав. Вѣст.» отъ 20 апрѣля 1880 г. было напечатано слѣдующее «Правительственное Сообщеніе»:

«Во многихъ столичныхъ газетахъ появилось извѣстіе, заимствованное изъ иностранной печати, что по инициативѣ Начальника Верховной Распорядительной Комиссіи начаты переговоры съ нѣкоторыми пользующимися въ польскомъ обществѣ извѣстностью лицами о примиреніи русскихъ съ поляками. Извѣстіе это совершенно невѣрно и всецѣло должно быть отнесено къ области выдумокъ».

Такъ какъ нѣтъ дыму безъ огня, то это опроверженіе даетъ, однако, поводъ думать, что если въ дѣйствительности и не было начато формальныхъ переговоровъ, то что нибудь въ этомъ смыслѣ все-таки имѣло мѣсто.

Я зналъ, что все начальное образованіе Лорисъ-Меликова не шло дальше школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ (нынѣшнее Николаевское кав. училище). Изъ бесѣдъ съ нимъ вынесъ, однако, впечатлѣніе, что отъ природы онъ обладалъ большимъ умомъ, способностью быстро усваивать новыя для него идеи и находить для нихъ соотвѣтствующія слова для выраженія. О чемъ бы ни шла рѣчь,—можно было соглашаться съ нимъ, или нѣтъ,—это другое дѣло; но онъ ни разу не проговорился такъ, чтобы выдать свою лишь весьма недавнюю освѣдомленность въ данномъ вопросѣ. Напротивъ, какъ это почти всегда бываетъ у людей, прошедшихъ практическую школу, мысль его высказывалась отчеканенно, такъ и казалось, что она прямо вынесена изъ опыта жизни. Говорилъ Лорисъ-Меликовъ свободно, безъ потугъ, но въ то же время не замѣчалось и той болтливости, которая такъ нерѣдка у людей, кое-что схватившихъ на лету.

Узнавъ, что я дважды былъ на Кавказѣ, при чемъ всякій разъ прожилъ по нѣскольку мѣсяцевъ, что въ числѣ моихъ друзей былъ В. Г. Гогоберидзе, пользовавшійся всеобщимъ уваженіемъ, Лорисъ-Меликовъ охотно пускался въ рассказы о Кавказѣ, особенно о горцахъ, о томъ, какъ, собственно, легко ими управлять, если только бережно относиться къ ихъ народнымъ обычаямъ. А я въ такихъ случаяхъ старался втянуть его въ разговоръ насчетъ войны 77 года. На мой, осторожно поставленный, вопросъ, въ достаточной ли степени онъ пользовался самостоятельностью, Мих. Тар. только махнулъ рукой, да прибавилъ: мало ли что было.¹⁾ Но тутъ же разразился рѣзкой филиппикой по адресу, тогда еще здравствовавшей, велик. кн. Ольги Ѳеодоровны.

Къ слову Мих. Т. обратилъ мое вниманіе, что всѣ расходы на кампанію, составившіе 72 м. р., велись на кредитные билеты, чѣмъ было сбережено много милліоновъ. Онъ этимъ, видимо, гордился. Личное безкорыстіе Мих. Тар., конечно, внѣ всякихъ сомнѣній; въ этомъ отношеніи даже его злѣйшіе враги не позволяли себѣ никакихъ выпадовъ; можно также вполне повѣрить его бережливой сдержанности въ расходованіи казенныхъ средствъ. Но таковы наши порядки, что и Кавказъ въ войну 77 г. прославился грандіозными хищеніями. Достаточно вспомнить хоть одного дѣйствовавшего въ Ріонскомъ краю

¹⁾ Напримѣръ: назначенный наслѣдникомъ ближайшій помощникъ Л. М. начальникъ штаба ген. Духовской, впоследствии ген. губ. Амура, былъ всецѣло поглощенъ заботами о своей молодой женѣ, сопровождавшей его на войну, а дѣломъ совсѣмъ не занимался; къ счастью въ іюлѣ 77 г. онъ взялъ отпускъ и уѣхалъ за границу.

генерала, получившаго прозваніе Цаццарадзе, который при первомъ приступѣ контроля вернулъ 300 т. р., а съ остальными поторопился перебраться за границу, гдѣ и оставался до конца своей жизни. Когда это дѣло докладывалось намѣстнику и докладчикъ предложилъ открыть формальное слѣдствіе, то получилъ въ отвѣтъ: что же, вы хотите съ одного вола двѣ шкуры содрать?—И дальнѣйшій ходъ дѣла былъ прекращенъ.

Еще при первыхъ встрѣчахъ я какъ-то разъ передалъ Лорисъ-Меликову о циркулировавшемъ въ Петербургѣ слухѣ, что ему предлагался постъ председателя комитета министровъ (слухъ, какъ потомъ оказалось, ни на чемъ не основанный). вмѣсто прямого отвѣта Лорисъ-Меликовъ ограничился лишь замѣчаніемъ, что онъ всегда опредѣленно высказывался, что считаетъ комитетъ министровъ совершенно излишнимъ учрежденіемъ.—Впрочемъ, многимъ этотъ слухъ кажется несоотвѣтствующимъ теперешнему курсу,—продолжалъ я, желая вызвать Лорисъ-Меликова на болѣе опредѣленный отвѣтъ.—Да, я полагаю, что доставляю имъ большое удовольствіе, что нахожусь здѣсь, а не въ Петербургѣ.

А Лорисъ-Меликова тянуло въ Петербургъ. Впослѣдствіи мнѣ удалось узнать, что незадолго до нашихъ разговоровъ, именно 17 сентября 81 г., онъ обращался къ Н. П. Игнатьеву съ вопросомъ, насколько его возвращеніе въ Петербургъ не можетъ «навлечь на него хотя бы тѣнь неудовольствія или непріятностей». Необходимость переѣзда въ Петербургъ онъ мотивировалъ заботами о воспитаніи дѣтей и своими имущественными дѣлами. Въ письмѣ онъ указывалъ также, что переѣздъ въ Петербургъ можетъ «отклонить могущія возникнуть... нареканія... что онъ будируетъ». Въ концѣ же письма прибавлялось: «сожалѣю очень, что вмѣсто неприглядной жизни за границей, не могу отправиться теперь же на Кавказъ или Крымъ. Въ Тифлисѣ, по неокончательному еще рѣшенію вопроса, кто будетъ утвержденъ намѣстникомъ,—пребываніе мое тамъ было бы крайне неудобно и неминуемо вызвало бы толки; что же касается Крыма, то сосѣдство генералъ-адмирала ¹⁾ можетъ также дать пищу къ остроумнымъ вымысламъ».

Надо думать, что отвѣтъ Игнатьева былъ не особенно благопріятный. Тогда Игнатьевъ еще не считалъ свое положеніе колебленнымъ и, несмотря по наружности на дружескія отношенія, въ душѣ могъ опасаться Лорисъ-Меликова, какъ опаснаго конкурента. Но когда по веснѣ 82 г. Игнатьевъ сталъ чувствовать, что почва подъ нимъ становится все болѣе и болѣе шат-

¹⁾ Тогда въ Ореандѣ жилъ в. кн. Константинъ Николаевичъ.

кою, Лорисъ-Меликовъ покинулъ границу и поселился около ст. Чудово въ имѣніи у своего родственника. Вскорѣ состоялось назначеніе мин. внут. дѣлъ гр. Д. А. Толстого. Вотъ что по этому случаю рассказывалъ мнѣ осенью 83 г. Лорисъ-Меликовъ:

— Когда Игнатьевъ подалъ въ отставку, онъ вечеромъ былъ у меня. Кто-то пріѣхалъ (Л.-М. называлъ фамилію, но я не запомнилъ) и сообщилъ, что преемникомъ назначенъ Толстой.

— Какой Толстой?—разомъ воскликнули мы съ Игнатьевымъ.—И вотъ почему. Наслѣдникъ не разъ просилъ меня повліять на государя (Александра II), чтобы онъ уволилъ Толстого, человѣка всѣмъ ненавистнаго; и вообще выражался о немъ въ самомъ рѣзкомъ тонѣ. Я всегда отвѣчалъ одно: какъ я могу объ этомъ говорить съ государемъ; вы сынъ, наслѣдникъ престола,—только вы можете говорить объ этомъ съ государемъ.

Помогло совершенно случайное обстоятельство, какъ объ этомъ рассказывалъ мнѣ А. И. Деспотъ-Зеновичъ. Въ комитетѣ министровъ обсуждалось представленіе Макова (мин. внут. дѣлъ) о нѣкоторомъ расширеніи правъ раскольниковъ. Толстой рѣзко возражалъ, но остался въ меньшинствѣ. Послѣ закрытія засѣданія, но когда еще не разошлись, Толстой въ частномъ разговорѣ возбужденно замѣтилъ: все это дѣло возникло потому, что раскольники заплатили хорошую взятку въ м. в. д.—Когда объ этихъ словахъ узналъ Маковъ, то между нимъ и Толстымъ вышелъ крупный конфликтъ и оба подали въ отставку. Александръ II, несомнѣнно, подъ конецъ тяготился Толстымъ, но не увольнялъ его, чтобы не показать этимъ, что уступаетъ давленію общественнаго мнѣнія. Теперь же принялъ отставку Толстого; но, какъ говорили, для поддержанія престижа, заявивъ его преемнику, что «система» должна оставаться не поколебленною ¹⁾. Что касается до Макова, то пошатнулось нѣсколько и его положеніе, но нѣкоторое время онъ еще сохранялъ за собой мин. внут. дѣлъ.

Лорисъ-Меликовъ, въ качествѣ «главнаго начальника верховной распорядительной комиссіи», имѣлъ крайне широкія полномочія, но реально только въ одномъ направленіи: арестовывать, ссылатъ и т. п. Не имѣя своихъ собственныхъ исполнительныхъ органовъ, исполнительная комиссія во всѣмъ остальномъ оказалась на воздухѣ. Это скоро почувствовалъ Мих. Тар., а по-

¹⁾ 26 апрѣля 80 г. въ передовой статьѣ «Голоса» говорилось: «слухи объ увольненіи м. н. пр., давно уже ходившіе въ городѣ, наконецъ оправдались... Конечно въ увольненіи гр. Толстого не должно видѣть симптома перемѣны системы — это повторяемъ и нежелательно, но мы желаемъ въ ней видѣть симптомъ исправленій и смягченій въ примѣненіи системы».

тому и постарался промѣнять свое исключительное положеніе на болѣе скромное: 6 августа 1880 г. верховная комиссія была закрыта, а Мих. Тар. сталъ мин. вн. дѣлъ. Одновременно съ этимъ было упразднено III отдѣленіе, дѣла его перешли въ м. в. д., во вновь образованный департаментъ государственной полиціи, скоро, впрочемъ, слитый съ прежнимъ депар. пол. Для Макова же было создано новое министерство Почтъ и Телеграфовъ съ главнымъ начальствованіемъ надъ деп. духовныхъ дѣлъ иностр. исповѣданій. Однако, Лорисъ-Меликовъ скоро спохватился, что напрасно выпустилъ изъ своихъ рукъ почту и телеграфъ, а потому 16 марта 1881 г. успѣлъ добиться, что они были возвращены въ мин. внут. дѣлъ, да вмѣстѣ съ ними и департаментъ иностр. исповѣданій.

Реабилитація Толстого, по словамъ А. И. Деспотъ-Зеновича, началась такъ. Отъ Александра II перешло совсѣмъ законченное соглашеніе съ римской куріей. Когда въ одинъ прекрасный день, уже при Игнатъевѣ, Александру III оставалось только приложить свою подпись, онъ нѣсколько задумался и предложилъ Побѣдоносцеву прочитатъ соглашеніе и высказать свое мнѣніе. Тотъ уклонился, сославшись на свою недостаточную освѣдомленность въ этомъ дѣлѣ, и кромѣ того прибавилъ, что по званію оберъ-прокурора онъ можетъ относиться только отрицательно къ какимъ-нибудь уступкамъ римской куріи.—Но есть человѣкъ, который въ этомъ вопросѣ очень компетентенъ, онъ даже издалъ большую работу о нашихъ отношеніяхъ къ римской куріи: «*Le Catholicisme romain en Russie*».—Кто такой?—Графъ Д. А. Толстой.—Государь просилъ Побѣдоносцева передать соглашеніе Толстому для отзыва. Толстой высказался отрицательно. но дѣло въ дипломатическомъ отношеніи было настолько закончено, что отступить отъ него уже нельзя было, и Александръ III далъ свою подпись ¹⁾.

¹⁾ При Толстомъ за это соглашеніе заплатилъ директоръ д. ин. испов. Мосоловъ (говорили еще, что ранѣе были между ними какія-то личныя столкновенія); онъ былъ отправленъ въ почетную ссылку—губернаторомъ сначала въ Вологду, а потомъ въ Новгородъ. Оттуда онъ дѣлалъ тщетныя попытки выбратъся на болѣе открытую дорогу, возбудилъ дѣло о крамольномъ череповскомъ земствѣ, которое и было закрыто. Но только послѣ смерти гр. Толстого и самоубійства дир. д. ин. исп. Кантакузена могъ опять получить департаментъ ин. исповѣданій, который и сохранилъ, кажется, за собой до своей смерти.

При Кантакузенѣ сейчасъ же начались обостренія съ римской куріей; его отношеніе къ рим.-катол. духовенству не дурно характеризуетъ хотя бы слѣдующій случай. Разъ рим.-кат. митрополитъ жаловался ему, что свѣтская администрація часто оставляетъ на мѣстахъ ксендзовъ, которыхъ духовная власть за ихъ разныя церковныя преступленія и безнравственность лишала сана, и привелъ въ примѣръ одного ксендза, устраненнаго рим.-кат. консисторіей за противуестественные пороки.—Это не порокъ, ваше преосвященство, а дѣло вкуса,—отвѣчалъ Кантакузенъ.

Въ скоромъ времени, а именно 25 апрѣля 1882 г., президентъ Академіи Наукъ гр. Литке по собственному желанію былъ уволенъ и того же числа на его мѣсто состоялось назначеніе гр. Д. А. Толстого. Конечно, по этому случаю онъ представлялся государю. А 30 мая т. г. былъ назначенъ мин. вн. дѣлъ и оставался имъ до самой своей смерти въ 1889 г. Работоспособностью Толстой не отличался, къ тому же у него было плохое здоровье; иногда онъ самъ заговаривалъ, что ему слѣдуетъ удалиться на покой, но всегда въ такихъ случаяхъ получалъ одинъ отвѣтъ: «сохраните за собой лишь общее руководство, намъ важно даже одно ваше имя».

Но не съ однимъ Побѣдоносцевымъ и его единомышленниками пришлось столкнуться Лорисъ-Меликову.

— Нашъ посолъ въ Берлинѣ,—разсказывалъ Лорисъ-Меликовъ,—сообщалъ, что Бисмаркъ говорилъ ему: «я часто задаю себѣ вопросъ, чтобы я сталъ дѣлать въ положеніи гр. Лорисъ-Меликова? И долженъ вамъ сказать, что ничего другого, кромѣ того, что онъ дѣлаетъ, не могу себѣ представить». А потомъ,—прибавилъ Мих. Тар.,—изъ того же Берлина шли совѣты совѣсть въ другомъ тонѣ и, разумѣется, сыграли очень крупную роль въ поворотѣ, приведшемъ къ 29 апрѣля.

Лорисъ-Меликовъ былъ на коронаціи въ 1883 г. Существуетъ давній обычай на коронаціи производить въ фельдмаршалы кого-нибудь изъ наиболѣе старѣйшихъ и выдающихся генераловъ (такъ при Николаѣ I былъ произведенъ Витгенштейнъ, при Александрѣ II—кн. М. С. Воронцовъ). Но въ 1883 г. такими могли быть Лорисъ-Меликовъ и Милютинъ¹⁾; потому на этотъ разъ производства въ фельдмаршалы не было. Въ 1886 г. съ надлежашей помпой былъ открытъ въ Петербургѣ въ увѣковѣченіе войны 77—78 гг. памятникъ «Славѣ»; Лорисъ-Меликовъ не получилъ приглашенія на эти празднества.

Но лично Александръ III всегда относился къ нему милостиво; онъ назначилъ ему содержаніе въ 26 т. р. и освободилъ отъ присутствованія въ Госуд. Совѣтѣ, назначилъ ему изъ вещей своего покойнаго отца мундиръ гродненскаго гусарскаго полка (въ этомъ полку Л.-М. началъ свою службу) и золотой портсигаръ. Вдова получила пенсію въ 5 т. р., да двумъ дочерямъ до ихъ замужества было назначено по 1 т. р.

Въ Петербургѣ я видѣлъ Лорисъ-Меликова лѣтомъ 1887 г. въ его послѣдній пріѣздъ. Черезъ А. И. Деспота-Зеновича онъ выразилъ желаніе, чтобы я побывалъ у него, да далъ бы ему

¹⁾ Д. А. Милютинъ былъ удостоенъ производства въ фельдмаршалы при коронаціи нынѣ царствующаго государя.

мой снимокъ портрета Салтыкова. Я едва узналъ Мих. Тар.— до такой степени онъ имѣлъ болѣзненно изнуренный видъ. Уже не было и тѣни той живости въ разговорѣ, какъ въ Нѣйцѣ.

— Кто бы могъ подумать, — съ грустью говорилъ онъ, — что реакція зайдетъ такъ далеко. Гдѣ же то русское общество, которое, казалось, такъ горячо привѣтствовало поворотъ, связанный съ моимъ именемъ? А теперь, если и вспоминають обо мнѣ, то съ презрительной прибавкой: какой-то армяшка Лорисъ-Меликовъ.

Съ годами имя Лорисъ-Меликова постепенно стало забываться; но все же находились люди, которые теряли всякое самообладаніе при одномъ простомъ признаніи за нимъ хоть нѣкотораго общественнаго значенія. Разъ одновременно выходили изъ Hôtel de France А. И. Деспотъ-Зеновичъ и М. Н. Островскій; они были товарищами по московскому университету и между ними поддерживалось знакомство. У Деспота-Зеновича была карета и онъ предложилъ Островскому подвезти его. Въ каретѣ возникъ какой-то разговоръ, при чемъ Деспотъ-Зеновичъ съ уваженіемъ отозвался о Лорисъ-Меликовѣ. Мгновенно Островскій потребовалъ, чтобъ карета остановилась. — Я не могу ни на одну минуту оставаться вмѣстѣ съ человѣкомъ, который такъ думаетъ о Лорисъ-Меликовѣ. — Карета была остановлена и Островскій поспѣшилъ выйти. Правда, на другой день онъ почувствовалъ всю дикость своей выходки и написалъ Деспоту-Зеновичу нѣсколько извинительныхъ строкъ.

Оригинальное сужденіе разъ довелось мнѣ выслушать отъ М. М. Стасюлевича: «Тоже вообразили, что они (т.-е. Лорисъ-Меликовъ, Абаза, Милютинъ) европейскіе министры и вышли въ отставку, когда отъ нихъ никто этого не требовалъ».

Отъ покойнаго Н. А. Бѣлоголоваго я слышалъ, что незадолго до своей смерти Мих. Тар. сжегъ очень много изъ своихъ бумагъ. Этой участи, какъ я потомъ узналъ, подверглась большая часть его частной переписки. Онъ оставилъ запечатанный конвертъ для передачи государю, что вдовой и было исполнено; такъ что, явившемуся изъ Парижа чиновнику нашего посольства для наложенія печатей на бумаги Л.-М., пришлось только констатировать, что никакихъ бумагъ послѣ покойнаго не осталось.

Л. Пантелѣевъ.

Н а К а р ь.

Послѣднія строки моихъ воспоминаній изъ далекаго прошлаго были мною писаны пять съ лишнимъ лѣтъ тому назадъ, въ февралѣ 1908 г. ¹⁾).

Въ своихъ предыдущихъ мемуарахъ ²⁾ я послѣдовательно описалъ кружокъ Ковальскаго, нашъ арестъ и судъ надъ нами, пребываніе въ централкѣ и въ Мценскѣ, путешествіе по этапу отъ Мценска до Иркутска и, наконецъ, пребываніе въ иркутской тюрьмѣ. Чтобы закончить первую часть моихъ воспоминаній, т.-е. періодъ до выхода на поселеніе, мнѣ осталось описать то, что я помню о пребываніи на Карѣ.

Подъ конецъ моего пребыванія въ иркутской тюрьмѣ съ партіею централистовъ меня посѣтилъ злой недугъ. Отчасти подъ вліяніемъ чрезмѣрныхъ занятій (я усиленно занимался самообразованиемъ), отчасти же—подъ воздѣйствіемъ обнаружившихся тогда обстоятельствъ моей личной жизни, я захворалъ острымъ нервнымъ расстройствомъ.

Какъ ни заботились обо мнѣ въ періодъ болѣзни мои ближайшіе друзья и товарищи, какъ ни былъ внимателенъ ко мнѣ довольно приличный тюремный врачъ, но мое здоровье не возстановилось ко времени отъѣзда партіи изъ Иркутска. Больше всего меня угнетала бессонница. Безъ пріема хлорала я почти не могъ уснуть, и усиленный шумъ, который всегда сопровождаетъ этапную жизнь, былъ бы для меня невыносимъ, такъ какъ способствовалъ бы развитію во мнѣ болѣзненной бессонницы.

Поэтому рѣшено было меня оставить въ Иркутскѣ на нѣкоторое время для поправки, послѣ отправленія партіи этапнымъ порядкомъ, и доставить меня на Кару отдѣльно отъ партіи,—на тройкахъ, съ жандармами.

Въ Иркутскѣ послѣ отъѣзда партіи я пробылъ, вѣроятно, довольно долго. Помню, что нѣкоторое время я былъ въ камерѣ въ полномъ одиночествѣ,—и это дало мнѣ возможность нѣсколько

¹⁾ См. «Минувшіе Годы», 1908 г., кн. 7-я, стр. 114.

²⁾ «Былое» 1906, II и VII; — 1907, IV. — «Наша Страна», 1907, I.

укрѣпить нервы,—а затѣмъ я пропустилъ передъ собою немало лицъ, отчасти даже слѣдовавшихъ на Кару. Такъ, насколько припоминаю, Адріанъ Михайловъ, Троцанскій, Тихоновъ были отправлены на Кару до меня, и со мною оставался одинъ лишь Щедринъ, да и то потому лишь, что готовился изъ женскаго отдѣленія тюрьмы побѣгъ Богомолецъ и Ковальской (Щедринъ былъ мужемъ послѣдней). Во всякомъ случаѣ, наша партія ушла изъ Иркутска что-то передъ Рождествомъ, я же былъ привезенъ на Кару, вѣроятно, въ срединѣ марта (1882 г.).

Переѣздъ изъ Иркутска на Кару былъ самый обыкновенный. Ѣхалъ я на тройкахъ, съ двумя жандармами. Ѣхали мы и день, и ночь; лишь немного разъ останавливались на дневку. Въ этихъ случаяхъ меня доставляли въ тюрьму и сдавали мѣстному начальству. Помню, нѣсколько дней я провелъ въ читинской тюрьмѣ.

Въ Карійскую тюрьму меня доставили очень поздно вечеромъ. Тутъ меня встрѣтили мои прежніе друзья-пріятели съ прежнею заботливостью. По всей вѣроятности, по случаю продолжительнаго переѣзда на почтовыхъ и волненія отъ встрѣчи со старыми пріятелями я былъ очень возбужденъ. Помню, по крайней мѣрѣ, что Долгушинъ одинъ изъ первыхъ позаботился о томъ, чтобы я поскорѣе легъ спать и чтобы, по возможности, товарищи мои по камерѣ дали мнѣ спокойнѣе уснуть. За дорогу я изголодался живой человѣческой рѣчью и старался теперь наверстать, передавая свои дорожныя впечатлѣнія и разспрашивая о жизни на Карѣ. Но Долгушинъ меня остановилъ, наконецъ, и, со словами: «ладно, ладно!.. завтра наговоримся, а теперь—отправляйся спать!..», полегоньку спровадилъ меня на нары. Я послушно исполнилъ требованіе друга-брата; тѣмъ не менѣе, безъ доброй порціи хлорала и на этотъ разъ не обошлось.

На другой день по прибытіи я уже со многими изъ новыхъ товарищей перезнакомился (оказались между ними и мои знакомые по Одессѣ: Фомичевъ, Кравцовъ, Попко и Эйтнеръ). Но все же, при огромной массѣ товарищей (было въ мужскомъ отдѣленіи около 100 человѣкъ), нельзя было не разбиваться на кружки. И такихъ кружковъ, въ самомъ дѣлѣ, на Карѣ было очень много, а кромѣ того—и нѣсколько «дикарей». Нашъ кружокъ централистовъ продолжалъ держаться плотною массою и на Карѣ. Конечно, кое-кто сближался съ другими кружками и отдѣльными лицами, нѣкоторые изъ прибывшихъ на Кару раньше насъ также сближались съ нами; но въ общемъ за нами во все время пребыванія нашего на Карѣ сохранилась кличка «централистовъ».

Надо тутъ же замѣтить, что между отдѣльными кружками, на которые разбивалась Кара, не во всѣхъ случаяхъ были оди-

наковыя отношенія. Иногда образованіе кружка основывалось на чисто-хозяйственныхъ и имъ подобныхъ отношеніяхъ,—и такого рода различные кружки, понятно, могли быть въ другихъ отношеніяхъ въ тѣсной дружеской связи. Но бывали и кружки «по симпатіямъ». Тутъ, конечно, симпатіи, связывавшія людей въ кружокъ, не могли проявляться въ отношеніяхъ членовъ даннаго кружка къ членамъ другихъ кружковъ. Были и кружки дѣловыя: готовились къ побѣгу... Наконецъ, въ моментъ прибытія централистовъ на Кару тюрьма рѣзко раздѣлилась на два большихъ «лагеря»,—въ связи съ дѣломъ Успенскаго (нечаевца). Это уже были не два «кружка» рядомъ съ нѣсколькими другими кружками, а, именно, два лагеря, дѣлившихъ почти пополамъ *всѣхъ* обитателей тюрьмы, и до ожесточенія враждебныхъ другъ другу. Но объ этомъ я скажу нѣсколько подробнѣе въ своемъ мѣстѣ.

Рѣчка *Кара*—лѣвый притокъ р. Шилки, впадающій въ послѣднюю между Срѣтенскомъ и сліяніемъ Шилки съ Аргунью. Пески р. Кары очень богаты золотомъ. Земля принадлежитъ Кабинету Его Величества, и золото тамъ разрабатывалось всегда казеннымъ управленіемъ при помощи труда каторжниковъ; въ мое время всего на всѣхъ Карійскихъ промыслахъ было до 2.000 рабочихъ-каторжниковъ, при нихъ конвойныхъ и прочихъ служащихъ насчитывалось свыше тысячи человѣкъ.

Работы велись одновременно во многихъ мѣстахъ. Поэтому по теченію р. Кары было разбросано довольно много тюремъ, такъ какъ иначе рабочимъ-каторжникамъ приходилось бы слишкомъ много времени употреблять на ежедневный переходъ отъ тюрьмы до мѣста выработки золота.

Верстахъ въ пяти, если не ошибаюсь, отъ устья р. Кары находилась первая изъ этихъ тюремъ—Устькарійская; за нею слѣдовали, вверхъ по теченію рѣчки: Нижній промыселъ, Средній, Верхній и такъ называемый «Амуръ»,—крайній промыселъ вверхъ по теченію.

Въ этомъ составѣ промыслы добывали что-то всего лишь пудовъ 50 золота, или, считая пудъ золота по 15.000 руб., всего на сумму около 750.000 руб.

Въ наше время живо было еще преданіе о нѣкоемъ завѣдующемъ промыслами Разгильдѣевѣ, который задался цѣлью намыть 100 пуд. золота въ теченіе года. Если бы рѣчь шла объ американскомъ предпринимателѣ, то дѣло обошлось бы благополучно. Но Разгильдѣевъ, какъ *русскій* администраторъ, имѣлъ въ своемъ распоряженіи не талантливыхъ инженеровъ, не повышенный духъ предпринимателей и изобрѣтателей, не приемы, наконецъ, выра-

боталиныя новѣйшею техникою, а всего лишь плети и розги. За всякое упущеніе со стороны рабочаго-каторжника, а въ особенности—за недовыработку «урка» («урокъ») каторжныхъ сѣкли тутъ же на мѣстѣ выработки нещадно. Благодаря этому, хотя, правда, Разгильдѣевъ намыль около 100 пуд. золота за годъ, но это обошлось цѣною жизни 1.000 человѣкъ каторжниковъ и сопровождалось массою увольненій въ средѣ служащаго персонала управленія промыслами. До какой степени ужасенъ былъ «режимъ» этого изверга,—объ этомъ можно судить по тому, что хотя его дѣятельность относится къ срединѣ 1850-хъ гг., но въ наше время, т.-е. около 30 лѣтъ спустя, о «временахъ» Разгильдѣева на Карѣ еще очень хорошо помнили, и въ нашей тюрьмѣ былъ надзиратель, прозваніе которому было—«Разгильдѣевское зло», старикъ, дѣйствительно прошедшій школу Разгильдѣева.¹⁾

Въ Усть-Карѣ находилась тюрьма для женщинъ-каторжницъ (кажется, единственная женская тюрьма на Карѣ). Неподалеку отъ этой тюрьмы была въ наше время и единственная тюрьма для политическихъ каторжанокъ. Что касается каторжанъ-политиковъ мужчинъ, то первоначально для нихъ была отведена старая тюрьма для уголовныхъ на Нижнемъ промыслѣ, которую называли «Отрядомъ»,—вслѣдствіе того, что туда была «отряжена» часть казачьяго батальона, специально предназначеннаго для несенія караульной службы при этой тюрьмѣ. Незадолго до прибытія на Кару насъ, централистовъ, съ товарищами, политическіе были переведены въ специально отстроенную для насъ, политиковъ, тюрьму. Замѣчу, между прочимъ, что это было сдѣлано по инициативѣ тогдашняго завѣдующаго промыслами, полк. Кононовича, о которомъ у насъ долго ходили суды и пересуды. Человѣкъ сравнительно болѣе, чѣмъ интеллигентный (между прочимъ: прочелъ въ подлинникъ О. Конта,—какъ извѣстно, въ то время занимавшаго своею философіей передовые умы Европы, а въ особенности—Россіи, хорошо владѣлъ разговорнымъ французскимъ языкомъ и т. д.), при этомъ—безукоризненной честности и порядочности въ общежитейскомъ смыслѣ, а кромѣ всего—и достаточно гуманный, онъ представлялъ собою все же нѣкоторую загадку, такъ какъ, несмотря на всѣ свои высокія качества, не гнушался «управлять» каторжанами и въ частности—даже политическими преступниками. Благодаря этому, въ нашей средѣ отношеніе къ нему было различно со стороны разныхъ группъ. Хорошо помню, что однажды была при немъ даже какая-то «исторія», при чемъ онъ обратился къ кому-то изъ нашихъ

¹⁾ Ср. о Разгильдѣевѣ въ книгѣ В. И. Семевскаго: «Рабочіе на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ», т. I.

на французскомъ языкѣ, чтобы скрыть содержаніе разговора отъ надзирателей и казаковъ, но тотъ, къ кому онъ обратился, отвѣтилъ довольно рѣзко, что не желаетъ говорить на языкѣ, непонятномъ для окружающихъ. Во всякомъ случаѣ, никто не отрицалъ, что уходъ его съ Кары вызванъ былъ именно нравственною для него невозможностью привести въ исполненіе нѣкоторыя распоряженія высшаго начальства, клонившіяся къ созданію неблагоприятныхъ для насъ условій пребыванія въ тюрьмѣ. Вообще, фактъ рѣзкаго столкновенія Кононовича съ начальствомъ на почвѣ желанія перваго искоренить вопіющія безобразія по управленію промыслами едва ли подлежить сомнѣнію. Будучи переведенъ съ Кары, онъ была назначенъ атаманомъ, кажется, Нерчинскихъ казаковъ, а затѣмъ—военнымъ губернаторомъ Сахалина. Мы, централисты, его не застали: комендантомъ при нашемъ появленіи на Карѣ былъ уже полковникъ Потуловъ.

«Новая» карійская тюрьма (въ противоположность старой, гдѣ было пребываніе товарищей задолго до нашего появленія на Карѣ) представляла собой длинное и узкое деревянное зданіе, специально для насъ, политическихъ каторжанъ, построенное. По своей длинѣ оно было раздѣлено стѣной на длинный коридоръ съ одной стороны и на четыре камеры—съ другой; кромѣ того, съ противоположной стороны была сдѣлана пристройка пятой камеры. Такимъ образомъ, если вы входите со двора черезъ единственную дверь зданія, то сначала попадаете въ коридоръ; идя по коридору направо, вы встрѣчаете въ концѣ его дверь въ камеру, единственную по эту сторону коридора, противъ этой двери—дверь также въ камеру на противоположной сторонѣ коридора, а рядомъ съ этой камерой—еще три такихъ же камеры. Камеры были такихъ размѣровъ, что въ нихъ, не особенно стѣсняя другъ-друга, могли располагаться человѣкъ по двадцать.

Постепенно установилось особое названіе для каждой изъ пяти камеръ. Камера, находившаяся на отлетѣ, въ сторону двора, называлась «Волостью»—въ виду того, что тамъ группировались лица съ наиболѣе демократическими привычками; «волостнымъ старшиной» называли Дубровина. Камера, которая находилась черезъ коридоръ прямо противъ «Волости», называлась «Харчевкой», какъ кажется, за проявленную когда-то обитателями ея склонность къ многоядѣнію. Рядомъ съ нею была «Якутка», съ якутскимъ губернаторомъ, В. П. Кравцовымъ, во главѣ; прозвищемъ своимъ она была обязана тому, что туда «ссылали» товарищей, не пришедшихся ко двору въ остальныхъ камерахъ. Дальше слѣдовала «Дворянка»,—мѣстопробываніе

товарищей съ наклонностями и привычками, противоположными тѣмъ, которыя царили въ «Волости» (кто-то назывался «предводителемъ дворянства»). Наконецъ, крайнею камерою былъ «Синедріонъ»—прозвище, обязанное своимъ происхожденіемъ тому обстоятельству, что тамъ «безапелляціонно» рѣшались нѣкоторые вопросы, связанные съ жизнью тюрьмы. Это происходило, между прочимъ, и оттого, что въ этой камерѣ сошлись товарищи, подготовлявшіе побѣгъ изъ тюрьмы, и потому, естественно, не могшіе всѣ свои рѣшенія подвергать обсужденію на общетюремной сходкѣ. Во всякомъ случаѣ, изъ этой камеры велся подкопъ и въ ней сошлись самые долгосрочные товарищи,—Попко, Щедринъ, Баламезъ (Андрей), Фомичевъ, Левченко, матросъ Березюкъ, Яцевичъ, Юрковскій, Моисей Диковскій, Крыжановскій и др.

Само собою разумѣется, что, за исключеніемъ «Синедріона», камеры никогда, вѣроятно, не оправдывали вполнѣ своихъ названій. Харчевцы ужъ вовсе не были такими обжорами по сравненію съ обитателями другихъ камеръ, дворяне—аристократическаго образа жизни людьми и т. д. Этому, отчасти, способствовалъ и постоянный приливъ въ тюрьму новыхъ элементовъ. Наша партія, напимѣръ, состояла, вѣроятно, человѣкъ изъ 30, и всѣмъ этимъ людямъ пришлось расселиться по разнымъ камерамъ, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ руководствуясь своими старыми симпатіями, большею же частью—подъ давленіемъ чисто случайныхъ обстоятельствъ.

Внутри палей (ограда), которыми была окружена тюрьма, находился всего одинъ еще корпусъ: въ немъ была наша кухня и баня. Впослѣдствіи въ тюремномъ дворѣ воздвигнутъ былъ еще корпусъ—одиночки; строили его при мнѣ, но засадили туда нѣкоторыхъ товарищей уже послѣ нашего отъѣзда съ Кары.

Мастерскія находились *внѣ* палей. Станнымъ образомъ, и Кеннанъ и другіе авторы впадаютъ въ одну и ту же ошибку, указывая, будто мастерскія были *внутри* тюремной ограды. Когда я ниже буду рассказывать о знаменитомъ побѣгѣ «восьми» съ Кары, то для читателя будетъ ясно, что правъ именно я, а Кеннанъ, несомнѣнно, ошибается.

У воротъ, также внѣ палей, находился и караульный домъ.

До «маѣвки» (см. ниже) въ теченіе всего дня весь дворъ былъ въ нашемъ распоряженіи: запертые на замокъ у воротъ, мы свободно разгуливали изъ камеры въ камеру, по коридору и по двору, заходя на кухню и въ баню. На ночь запирались лишь наружныя двери жилого корпуса и кухни-бани, такъ что дежурные по банѣ туда уходили до повѣрки; камеры же и на ночь не запирались.

Было немало общаго, что соединяло населеніе тюрьмы въ одно цѣлое.

Чтобы начать съ наименѣ важнаго, упомяну прежде всего о нашемъ хорѣ.

По качеству отдѣльныхъ голосовъ, по ихъ свѣжести, а отчасти и по дисциплинированности хористовъ, хоръ у насъ былъ дивный.

У Левченко былъ чарующей прелести лирической теноръ, сильнымъ драматическимъ (нѣсколько рѣзкаго тона) теноромъ обладалъ Сергѣй Диковскій, необычайной силы (хотя еще болѣе рѣзкій по тембру) теноръ былъ у Свитыча. Изъ басовъ по мягкости тона первое мѣсто принадлежало голосу Минакова, за нимъ шелъ бархатный басъ Яцевича - Іонова; Лазяновъ—обладатель замѣчательной октавы.

Что касается исполненія, то надо замѣтить, что среди насъ было много семинаристовъ,—значить, немало лицъ, хорошо читавшихъ ноты и владѣвшихъ голосомъ. Кромѣ того, былъ профессиональный хористъ русской оперы (Сѣтова)—Петровъ. Подъ управленіемъ Петрова, М. Диковскаго, а нѣсколько разъ—и моимъ, хоръ превосходно исполнялъ народныя, частью—великорусскія, а особенно малорусскія пѣсни. Пѣли мы также кое-что и изъ художественной музыкальной литературы. Такъ, былъ разученъ извѣстный хоръ изъ «Фауста», пѣли «Кто жъ тебя, тѣнистый лѣсъ» Мендельсона, а вскорѣ послѣ моего прибытія на Кару начали разучивать до конца фугу изъ «Жизни за царя» (общезвѣстную первую часть ея, конечно, исполняли и раньше).

Въ своемъ полномъ составѣ хоръ насчитывалъ до 40 человекъ, другими словами: почти половина тюрьмы состояла въ хорѣ.

Собирался хоръ иногда по собственной инициативѣ, иногда—по просьбѣ товарищей. Въ общемъ, исполненіе было прекрасное, иногда—и исключительно хорошее; но бывали случаи, когда хоръ, служа отраженіемъ общаго настроенія, пѣлъ вяло, нехотя... Это было не пѣніе, а нытье.

Инструментальная музыка не прививалась. Настоящимъ скрипачомъ былъ только Родіоновъ, учился у него (притомъ—на самодѣльной скрипкѣ) Предтеченскій-Воскресенскій. Бердниковъ хорошо игралъ на гитарѣ; случалось, что онъ аккомпанировалъ Минакову («Дубрава шумитъ» Глинки, «Прости, несчастный мой народъ»—слова казненнаго Лизогуба, музыка у насъ приписывалась самому Минакову); помню, пѣлъ какъ-то подъ аккомпанементъ Бердникова и Яцевичъ, но не совсѣмъ удачно.

Никто не занимался у насъ какимъ-нибудь другимъ искусствомъ. Свое рисованіе я къ тому времени уже совершенно забросилъ; послѣднее примѣненіе его было сдѣлано еще во Мценскѣ,

когда я по просьбѣ товарищей набрасывалъ рисунки украшеній для шкатулокъ, которыя дѣлали товарищи для подарковъ на волю, да, помню, въ Иркутскѣ съ В. Г. Короленко мы рисовали китайскою тушью съ образцовъ изъ бывшаго у меня «Руководства» Пукирева и Саврасова.

Переходя въ область умственной жизни, надо на первый планъ поставить нашу библіотеку. Она состояла, какъ я теперь припоминаю (одно время я былъ библіотекаремъ), по меньшей мѣрѣ тысячъ изъ трехъ томовъ. Конечно, было немало книгъ научнаго содержанія по всѣмъ отраслямъ знанія, изъ нихъ—немало капитальныхъ; но долженъ констатировать, что беллетристика занимала въ ней не послѣднее мѣсто. Слѣдуетъ тутъ замѣтить, что хотя былъ десятокъ-другой лицъ, серьезно и систематически работавшихъ, нѣкоторые, какъ, напримѣръ, Яцевичъ, проходили полный циклъ наукъ «по-Конту», но во-первыхъ, и на такихъ лицъ находила «полоса», когда ничего, кромѣ легкихъ романовъ, читать не хочется, а во-вторыхъ, большинство все же пробавлялось легкимъ чтеніемъ.

Получались (легально и нелегально) журналы и газеты. Изъ журналовъ собирались статьи по отдѣльнымъ вопросамъ и, такимъ образомъ, составлялись «сборники». Но была ли у насъ и получалась ли нелегальная литература, объ этомъ у меня въ воспоминаніяхъ никакихъ слѣдовъ не сохранилось. Не служитъ ли это обстоятельство указаніемъ на то, что такой литературы у насъ не было и что за время моего пребыванія на Карѣ мы ея не получали?

Тутъ же мѣсто упомянуть, что одно время мы сами издавали журналы: «толстый» — *«Кара»* и юмористическій — *«Карійскій Листокъ Объявленій»*.

Въ «Карѣ», какъ и подобаетъ, помѣщались какъ статьи публицистическаго и научнаго содержанія, такъ и беллетристика, а также воспоминанія. Изъ послѣднихъ очень интересны были «Воспоминанія пропагандиста» Попко.

Помню, что у насъ «шли» два большихъ беллетристическихъ произведенія. Одно изъ нихъ принадлежало перу Н. Позена, подписывавшагося псевдонимомъ «Жюль Вернъ», и не безъ основанія: это былъ совершенно фантастическій рассказъ о томъ, какъ карійцы соорудили воздушный шаръ, чтобы на немъ скрыться изъ тюрьмы. Ни заглавія, ни автора, ни содержанія другого беллетристическаго произведенія, долго тянувшагося въ «Карѣ», я теперь припомнить не могу. Я началъ «печатать» свой сравнительно небольшой рассказъ: «Какъ я вышелъ въ чистое поле», темою котораго было повѣствованіе о томъ, какъ молодой,

ни въ какомъ отношеніи не замѣчательный человѣкъ изъ обыкновенной буржуазно-чиновничьей среды становится революціонеромъ, хотя, казалось бы, обстановка и окружающая среда этому и не способствовала. Эта тема меня занимала съ давнихъ поръ, да, пожалуй, занимаетъ и до сихъ поръ. Показать «въ человѣкѣ—революціонера и въ революціонерѣ—человѣка»—это представляется мнѣ и по настоящее время особенно благодарной темой для беллетриста, къ сожалѣнію, въ чистомъ видѣ незатронутой еще ни однимъ писателемъ. Я пытался дать слабое развитіе этой темы въ рассказѣ «Въ номерахъ» (лѣто 1906 г., фельетонъ въ газетѣ «Товарищъ»), въ ненапечатанномъ рассказѣ «На подмосткахъ», а также старательно развивалъ ее въ большомъ романѣ, для котораго у меня написано нѣсколько главъ и много этюдовъ, но который до сихъ поръ не оконченъ и, конечно, никогда уже не будетъ оконченъ. Но особенно мнѣ жаль совершенно исчезнуваго моего рассказа «Акуськино счастье»,—жаль потому, что, какъ говорили мнѣ товарищи, въ немъ было немало достоинствъ и въ то же время масса автобіографическихъ чертъ. Къ сожалѣнію этотъ рассказъ «затерялся» гдѣ-то въ редакціяхъ, а копии у меня не было. Нисколько не склонный преувеличивать свои способности беллетриста, я все же остаюсь при убѣжденіи, что по своимъ художественнымъ достоинствамъ «Акуськино счастье» вовсе не рѣзко выдѣлялось въ невыгодную для себя сторону отъ массы печатаемаго въ журналахъ беллетристическаго матеріала, между тѣмъ, въ моемъ рассказѣ, дѣйствительно, было *правдивое* описаніе переживаній человѣка-революціонера, и этимъ онъ пріобрѣталъ своеобразное значеніе.

Близкое участіе въ редактированіи «Кары» при мнѣ принималъ Здановичъ и, кажется, Яцевичъ. Но кто былъ редакторомъ? Не могу въ точности припомнить; знаю лишь, что когда редактированіе перешло ко мнѣ, то по редакціоннымъ дѣламъ мнѣ пришлось вести переговоры съ Н. Позеномъ: можетъ быть, онъ-то именно и былъ послѣднимъ передо мною редакторомъ.

«Карійскій Листокъ Объявленій», какъ я уже упоминалъ, былъ юмористическій журналъ. Въ немъ помѣщались пародіи,—между прочимъ, и пародіи на объявленія. Смѣшныя стороны нашей жизни находили въ нихъ свое отраженіе. Потому ли, что по содержанію своему наша жизнь была слишкомъ бѣдна, или потому, что намъ было не до смѣха, или, наконецъ, потому, что среди насъ не оказалось талантливыхъ юмористовъ,—но, въ концѣ-концовъ, успѣхомъ, на который, разсуждая аргюгі, журналъ могъ разсчитывать, на самомъ дѣлѣ онъ не пользовался. Тѣмъ не менѣе, въ памяти у меня запечатлѣлись моменты, когда

«Листокъ» и похлестывалъ. Такъ, не безъ слѣда осталось вышучиваніе вошедшаго у насъ одно время въ моду вышиванія по канвѣ подь видомъ «вышиванія персидскихъ ковровъ», — какъ квалифицировалъ эту забаву «Листокъ»: на самомъ дѣлѣ кое-кто дѣлалъ вышивки украшеній для бѣлья и платья; въ особенности шутка была направлена противъ д-ра Веймара, который затѣялъ вышиваніе очень сложнаго узора на очень большой полосѣ матеріи. А то какимъ-то образомъ завелись у нѣкоторыхъ изъ насъ большіе и хорошіе янтарные мундштуки для папирось. Въ «Листкѣ» появилась фраза: «...въ настоящее время, когда признакомъ хорошаго тона является куреніе папирось въ янтарныхъ мундштукахъ...», и очень хорошо помню, какъ чуть-чуть сконфузился при чтеніи этой фразы («Листокъ» тотчасъ послѣ «выхода въ свѣтъ» читался во всеуслышаніе на общей сходкѣ въ коридорѣ) Долгушинъ, у котораго былъ особенно колоссальныхъ размѣровъ мундштукъ и который, если мнѣ память не изменяетъ, и раздарилъ кое-кому изъ товарищей полученные имъ, вѣроятно, отъ родныхъ мундштуки.

Редактировалъ «Листокъ» Осмоловскій (если не ошибаюсь, въ сотрудничествѣ съ Минаковымъ).

Чтобы покончить съ воспоминаніями о журналахъ, упомяну, что женская тюрьма также издавала журналъ. Я, впрочемъ, припоминаю появленіе при мнѣ лишь одного (перваго?) выпуска его, а изъ него — фразы:

«Умереть хоть на плахѣ, да только въ красной рубахѣ, — кто?» Всѣ рѣшили, что женщины здѣсь имѣли въ виду Рогачева. «Сами плачемъ, а другимъ слезы утираемъ, — кто?»

И тутъ авторессы сами отвѣчаютъ: «Мы».

«Кару» удалось вывезти изъ Кары. Въ Якутской области ее тщательно берегли, — даже, на случай обыска, прятали въ тайники (одно время даже, кажется, зарывали въ землю). Не имѣю свѣдѣній, удалось ли сохранить эти книги до настоящаго времени.

Едва ли нужно добавлять, что всѣ наши «журналы» были писанные.

Но, конечно, ни библіотека, ни изданіе журналовъ, ни еще менѣе — хоръ, не сплавивали насъ такъ, какъ это дѣлала наша артельная жизнь.

Когда я припоминаю все, что когда-нибудь читалъ (а, отчасти, и писалъ) объ «артели», о «коммунизмѣ», то съ особенною наглядностью выступаетъ для меня различіе между «архаическимъ» коммунизмомъ и «коммунизмомъ» будущаго при воспоминаніяхъ о нашихъ тюремныхъ артеляхъ и изъ нихъ самой грандіозной — карійской. Даже самое «переслащенное народолобіе» (выраже-

ніе покойнаго П. Ф. Якубовича по поводу одной изъ статей также покойнаго П. Ф. Николаева въ «Русск. Мысли»), при болѣе серьезномъ анализѣ, не уполномочиваетъ разстаться со взглядомъ, что «артель въ тюрьмѣ и ссылкѣ — продуктъ грубыхъ матеріальныхъ факторовъ». Кромѣ того, весьма важнымъ обстоятельствомъ является здѣсь то, что «архаическій» коммунизмъ уголовныхъ ссыльныхъ и острожниковъ принципъ общности не проводитъ дальше извѣстнаго предѣла и не распространяетъ его за предѣлы определенной группы, — въ то время какъ наша «коммуна», коммуна «государственныхъ», какъ прототипъ коммуны будущаго, отличается въ указанныхъ отношеніяхъ противоположными особенностями. У насъ никогда не было тенденціи — поставить товарищей въ одинаковыя условія лишь въ какомъ-нибудь одномъ определенномъ отношеніи, предоставляя спокойно развиваться неравенству въ другихъ; у насъ если и бывали случаи неприема въ артель или исключенія изъ нея, то они допускались нами сознательно, а иногда имѣли характеръ демонстративнаго дѣйствія (такъ, долго спустя послѣ моего выхода съ Кары, изъ артели исключены были «колонисты», т.-е. подавшіе прошеніе о помилованіи), и каждый попадавшій въ тюрьму за государственное преступленіе ео ipso становился членомъ артели, хотя бы и стоялъ довольно далеко отъ средняго уровня по части убѣжденій, нравственныхъ качествъ и т. д. Съ другой стороны, лишь въ видѣ исключенія, товарищи, не входя въ артель или выходя изъ нея, окружали себя большимъ благополучіемъ по сравненію съ членами артели; наоборотъ: къ огорченію послѣднихъ, въ извѣстныхъ случаяхъ не-артельщики находились въ худшемъ матеріальномъ положеніи или переходили на таковое, выходя изъ артели. Мало того: на Карѣ неоднократно возбуждался вопросъ о томъ, чтобы товарищи, добывающіе средства работою, пользовались хотя бы освобожденіемъ отъ исполненія дежурствъ; но такія предложенія всегда энергично отвергались зарабатывающими, — вплоть до того, что они грозили отказаться отъ работы, а, слѣдовательно, и отъ доставленія артели извѣстнаго количества средствъ. Наконецъ, принципъ: «работа — по мѣрѣ силъ, потребленіе — по потребностямъ» — у насъ также проводился довольно строго. Это проявлялось, напримѣръ, въ заботахъ о больныхъ: имъ всегда полагалась улучшенная пища, лучшая или соответствующая роду болѣзни одежда, — и т. д.

Словомъ, я самымъ рѣшительнымъ образомъ утверждаю, что наша артель въ гораздо меньшей степени поддерживалась факторами матеріальными, нежели сознательнымъ стремленіемъ приблизиться къ коммунистическому идеалу будущаго.

Едва ли я идеализирую положеніе вещей. Отъ меня никогда не было скрыто, что среди насъ были люди, способные извлекать даже изъ нашего, въ общемъ — незавиднаго, положенія свои «маленькія выгоды», — что, съ другой стороны, немало сыпалось несправедливыхъ упрековъ на головы тѣхъ, кто или на самомъ дѣлѣ вовсе не пользовался такими «выгодами», или же пользовался тѣми или другими льготами на самомъ законномъ основаніи. Говоря вообще: среди насъ были люди совсѣмъ не-артельной закваски. Но я говорю не о каждомъ индивидуумѣ въ отдѣльности, а о тѣхъ основаніяхъ, на которыхъ, по всеобщему признанію, *должна* была быть построена наша тюремная жизнь.

Въ началѣ на Карѣ была полная коммуна: рѣшительно все было общее въ грубо-матеріальномъ смыслѣ. Но мы, централисты, привезли съ собой новый принципъ, который быстро завсевалъ себѣ господство въ артели, принципъ «эквивалентовъ». Дѣло сводилось къ тому, что расходы раздѣлялись на общіе съ грубо-матеріальномъ смыслѣ и частные: изъ всей наличности средствъ отдѣлялось то, что необходимо для удовлетворенія безусловно общихъ потребностей, остальная часть этихъ средствъ раздѣлялась поровну между артельщиками, и каждый изъ нихъ могъ на такой «эквивалентъ» (эквивалентъ того, что онъ все равно получилъ бы изъ общаго «котла») удовлетворять свои личныя потребности. Благодаря этой системѣ, любители хорошаго чая или табаку, но предпочитающіе обходиться безъ сахара, напримеръ, могли ближе подходить къ удовлетворенію своихъ личныхъ потребностей или даже, если хотите, своихъ личныхъ вкусовъ.

Считаю нужнымъ тутъ же отмѣтить, что находились среди карійцевъ пуристы артельного начала, которые видѣли во введенномъ нами новшествѣ нарушеніе истинныхъ началъ коммунизма и даже — причину возникновенія среди насъ нѣкоторыхъ недоразумѣній, — новое доказательство тому, что «истиннымъ» духомъ коммунизма заражены были мы, дѣйствительно, очень основательно.

На эквивалентъ пріобрѣталось каждымъ: письменныя принадлежности (кромѣ, кажется, почтовой бумаги и конвертовъ), чай, сахаръ, табакъ, папиросная бумага, спички («сѣрнички»), свѣтительный матеріалъ (свѣчи или сало для «каганцевъ»); иногда (въ складчину, конечно) выписывались книги.

Если мнѣ не измѣняетъ память, при наилучшемъ состояніи нашихъ финансовъ «эквивалентъ» подымался до 3—4 руб.; при моемъ отъѣздѣ съ Кары онъ опустился до 1 руб. 75 коп. При такомъ, съ позволенія сказать, «бюджетѣ» не разгуляешься...

Между тѣмъ, Я. Стефановичъ («Дневникъ карійца», 161) сообщаетъ, что съ 1900-го года эквивалентъ палъ до *одного* рубля въ мѣсяць.¹⁾

Само собою разумѣется, что артельное начало обусловливало внесеніе всѣхъ получаемыхъ каждымъ артельщикомъ какимъ бы то ни было путемъ и отъ кого бы то ни было денегъ въ общую кассу. Какъ я упомянулъ случайно выше, заработки нашихъ мастеровыхъ поступали также въ общую кассу. Но нужно здѣсь еще отмѣтить одинъ видъ нашихъ общихъ заработковъ: переводы съ иностранныхъ языковъ. При мнѣ былъ, такимъ образомъ, переведенъ Петурно «Соціологія по даннымъ этнографіи». Впослѣдствіи переведенъ былъ также Уффельманъ «Дѣтская гігіена» и, кажется, еще кое-что.

Что касается полученія денегъ не за работу, то частью онѣ шли отъ родныхъ и личныхъ знакомыхъ лично тому или другому изъ товарищей, частью же — на всю тюрьму въ видѣ пожертвованій, собираемыхъ на волѣ среди «сочувствующихъ». Важно отмѣтить, что отъ отдѣльныхъ лицъ изъ родственниковъ товарищей прямо такъ и поступали деньги въ общую кассу. Такъ, на «всѣхъ» посылала деньги (и продукты) мать Яцевича.

Органами управленія въ артели были: общая сходка — своего рода «народное собраніе» и выборный староста — своего рода президентъ республики. Интересно отмѣтить, что хозяйственныя функціи не всегда въ одномъ лицѣ соединялись съ функціями «политическими»: иногда для переговоровъ съ начальствомъ и вообще для дипломатическихъ шаговъ выбиралось особое лицо. Но такой порядокъ устанавливался какъ бы временно, и института «ходачества», какъ это было у насъ во Мценскѣ, на Карѣ никогда не существовало.

Не помню, были ли на Карѣ «бирючи» для созыва на сходку членовъ артели (таковые были у насъ во Мценскѣ; однимъ изъ бирючей былъ Рогачевъ).

При мнѣ, насколько помню, никакой регламентаціи порядка голосованія не существовало. Впослѣдствіи (Стефановичъ, 165) для выбора старосты требовалось также простое большинство, но не отъ числа голосующихъ, а отъ всего числа членовъ артели (въ то время въ артель входили вольно-командцы, — которыхъ въ мое время совершенно не было, — и вся женская тюрьма).

При рѣшеніи особенно волнующихъ тюрьму дѣлъ задолго

¹⁾ Кстати, отмѣчу, что у того же автора (стр. 94—95) приведены цифровыя данныя о приходѣ и расходѣ суммъ въ карійской артели за 1884, 1885, 1886 и 1888 гг. Нѣкоторые данныя о томъ же предметѣ встрѣчаемъ и у Кеннана («Всемирный Вѣстникъ», 1906 г. кн. 6-я, стр. 297).

до сходки начиналась «агитація». Послѣдняя выражалась не только въ личныхъ бесѣдахъ съ цѣлью привлечь на свою сторону возможно больше голосовъ, но и въ выпускѣ «прокламацій».

Староста былъ, въ сущности, облеченъ лишь исполнительною властью. Но, конечно, инициативы съ его стороны требовалось немало. Не говоря о томъ, что въ немъ должно было быть много хозяйственныхъ и финансовыхъ способностей, — при «исполненіи» постановленій сходки необходимо было проявлять достаточно индивидуальности. Иногда при старостѣ состоялъ бухгалтеръ. Но во всякомъ случаѣ необходимъ былъ, для правильнаго веденія артельного хозяйства, цѣлый сонмъ, можно сказать, «низшихъ служащихъ». Были у насъ хлѣбопеки, повара, банщики, ламповщики, истопники; на кухню, кромѣ того, полагались, для черныхъ работъ, дежурные, равнымъ образомъ, и въ баню. Наконецъ, одною изъ ненавистнѣйшихъ нашихъ «домашнихъ» работъ была чистка картофеля. Старались скрасить снотворность этой глупой работы тѣмъ, что выбирали специально для чтенія въ слухъ во время чистки картофеля какую-нибудь занимательную книгу, по большей части — продолжительный романъ. Но во всякомъ случаѣ передача чистки картофеля изъ камеры въ камеру была очень строго регламентирована, и нужно признаться, что на этой почвѣ происходили между камерами частыя и непріятныя недоразумѣнія.

Громадная кадка съ картофелемъ вносилась въ камеру, вокругъ нея располагалась публика съ ножиками въ рукахъ, кто-нибудь начиналъ читать «картофельную» книгу и — закипала работа.

Собственно «каторжныхъ» работъ, т.-е. работъ, обязательныхъ для насъ, какъ для каторжниковъ, въ мое время не существовало вовсе. Раньше, т.-е. еще до прибытія на Кару нашей партіи, изъ тюрьмы выводили на промывку золота группами по очереди, и товарищи очень дорожили этимъ, какъ особымъ видомъ прогулки и развлечения. Впослѣдствіи (не знаю, съ какого именно времени и по какой причинѣ) это было отмѣнено. Но на прогулку насъ иногда выводили за предѣлы тюрьмы. Для этого отряжался особый конвой, и человекъ по 15 изъ насъ выводили куда-нибудь далеко, къ сопкамъ, тянувшимся по берегамъ рѣчки. Кары.

Но если «каторжныхъ» (для насъ — весьма легкихъ) работъ у насъ не было, то потребность въ упражненіи мускуловъ и въ полетѣ фантазіи, такъ сказать, не атрофировалась. Эта потребность удовлетворялась прежде всего въ занятіяхъ ремеслами. Среди товарищей было нѣсколько прямо талантливыхъ мастеровъ: слесари Красовскій и Бойненко (настоящая фамилія—Михай-

ловъ), столяры Предтеченскій (настоящая фамилія—Воскресенскій), Фесхари (собственнс-лѣпщикъ, столярному ремеслу научившійся на Карѣ), и мн. др. Работа нашей мастерской высоко цѣнилась среди обывателей Кары на волѣ. Предтеченскій сдѣлалъ даже (и довольно удачно) скрипку. По заказу же дѣлались желѣзныя кровати, столы и другая мебель изъ дерева, и пр.

Особнякомъ стоитъ мыловареніе Бердникова. Онъ былъ по образованію инженеръ-технологъ-химикъ. Его мыло было хорошаго качества. Но, если мнѣ память не измѣняетъ, изъ стадіи опытовъ дѣло при мнѣ не выходило, и сбытъ мыла не былъ организованъ. Впослѣдствіи Бердниковъ въ Забайкальѣ устроилъ небольшой мыловаренный заводъ. Какъ я слышалъ, матеріальнаго успѣха дѣло не имѣло.

Одежду мы получали казенную въ видѣ арестантскихъ халатовъ, штановъ, котовъ (обувь) и пр. Передѣлка всего этого на еврспейскій фассъ занимала поголовно всѣхъ насъ. Не говоря уже о шитьѣ, — многіе изъ насъ сдѣлались и прекрасными закройщиками. Ксе-кто занимался при Эйтнерѣ, профессиональномъ переплетчикѣ, переплетнымъ ремесломъ. Изъ интеллигентовъ нѣкоторые ходили въ мастерскія для изученія столярнаго, токарнаго, слесарнаго ремесла. Вообще надо замѣтить, что въ послѣднемъ результатѣ пребыванія въ тюрьмѣ для грсмѣднаго большинства заключенныхъ явилось знакомство съ цѣлымъ міромъ представленій, пснатій, идей, явленій, переживаній.

Тюрьма такая, какъ наша карійская, т.-е. совершенно изолированная отъ всего міра, неимѣющая подъ боксмъ уголовныхъ-ремесленниковъ, сама по себѣ заставляла дѣлаться насъ мастерами «на всѣ руки». Даже рабочіе, и тѣ научились многому такому, чего раньше не знали: столяръ долженъ былъ сзнакомиться съ портняжнымъ, сапожнымъ ремесломъ, ткачъ — съ переплетнымъ, съ хлѣбпеченіемъ, — и т. д. Что же сказать объ интеллигентахъ, изъ которыхъ почти никто не былъ знакомъ ни съ столярнымъ, ни съ портняжнымъ, ни съ сапожнымъ ремесломъ? И это являлось результатомъ того, что почти все для свсего сбихода каждый долженъ былъ дѣлать самъ.

Съ другой стороны, рабочіе прісбрѣтали въ тюрьмѣ много теоретическихъ и научныхъ знаній. Крсмъ того, что это являлось естественнымъ результатомъ постоянного сбщенія съ интеллигентами и выслушиванія непрерывныхъ теоретическихъ разговоровъ и споровъ, — интеллигенты на Карѣ вступили сознательно на путь просвѣщенія рабочихъ путемъ созданія учрежденія, пслучившаго названія «рабочей академіи».

По свсей идеѣ, «рабочая академія» была задумана широко.

Предполагалось чтеніе систематическихъ лекцій съ параллельнымъ веденіемъ «практическихъ занятій». Къ сожалѣнію, я не могу теперь припомнить ни общей программы занятій, ни именъ «профессоровъ». Математику, помню, читалъ С. Ф. Коваликъ, — какъ извѣстно, кандидатъ математическихъ наукъ кievскаго университета. Съ котораго-то времени, еще до выхода Ковалика съ Кары и даже до моего выхода оттуда, чтеніе лекцій по этому предмету перешло къ Тархову, бывшему артиллерійскому офицеру и потому хорошо знакомому съ этимъ предметомъ. Я читалъ лекціи по русской исторіи. Читалъ я ихъ по-университетски, но старался подбирать доступныя слушателямъ выраженія. Помню, какъ я былъ обрадованъ, когда, организовавъ «практическія занятія» въ формѣ составленія реферата на тему: «причины распространенія христіанства вообще и въ древней Руси — въ частности», — я убѣдился, что слушатели не только достаточно внимательно вслушивались въ то, что я имъ говорилъ на лекціяхъ, но и вполне сознательно перерабатывали прослушанное.

Когда я теперь окидываю общимъ взглядомъ все, что довелось мнѣ дѣлать и переживать за все время моего пятилѣтняго пребыванія въ тюрьмѣ, то, безъ колебанія, признаю, что самымъ пріятнымъ для меня воспоминаніемъ является именно воспоминаніе о моемъ участіи въ работѣ по «рабочей академіи»...

Я исчерпалъ все, что помню о *работахъ* въ Карійской тюрьмѣ. Скажу нѣсколько словъ о развлеченіяхъ.

Увы: на первое мѣсто слѣдуетъ поставить... карты. Въ карты играли до «чертиковъ». Пристрачивались къ картамъ не только тѣ, кто вообще когда-то любилъ «перекинуться въ картишки», но и тѣ, кто раньше о картахъ и понятія не имѣлъ. Въ большемъ ходу были и шахматы. Наконецъ, еще до нашего прибытія на Кару былъ задуманъ спектакль. Къ сожалѣнію, я не припоминаю даже, состоялся ли онъ.

Тутъ, кажется, мѣсто упомянуть, что въ тюрьму въ изобиліи проникала водка. На помощь пьющимъ пришелъ еще фантазеръ, химикъ-самоучка, рабочій Осиповъ, доказавшій, что гнать водку — сущіе пустяки. И онъ, на самомъ дѣлѣ, началъ «гнать». Что это получился за напитокъ, — предоставляю представить себѣ читателю: сивушнаго масла въ немъ было такое изобиліе, что жидкость невозможно было поднести къ носу. Несмотря на это, водку любители пили. Впослѣдствіи (Стефановичъ) на Карѣ заведено было и пивовареніе, — не знаю, такъ же ли «удачно», какъ и выгонка спирту.

Но самымъ печальнымъ воспоминаніемъ изъ этой области является, несомнѣнно, потребленіе нѣкоторыми хлораль-гидрата,

какъ опьяняющаго средства. Какъ-никакъ, а къ виду человѣка, отравленнаго алкоголемъ, всякій привыкъ; но когда видишь передъ собой въ странномъ и непріятно поражающемъ состояніи человѣка, отравленнаго не водкой, а другимъ ядомъ, то становится какъ то «жутко»: не знаешь, что будетъ съ человѣкомъ черезъ минуту...

Тяжело было видѣть въ этомъ положеніи Минакова, но, по понятнымъ причинамъ, еще тяжелѣе Веймара, — *доктора* Веймара, — человѣка, который по своей профессіи и по своимъ знаніямъ долженъ былъ бы не только не поощрять такого злоупотребленія хлоролемъ, но прямо-таки ему противодѣйствовать...

Выпивали вообще при «удобномъ» случаѣ; но, какъ это ни покажется страннымъ съ перваго взгляда, выпивка пріурочивалась, во всякомъ случаѣ, къ праздникамъ христіанской православной церкви: Рождеству, Пасхѣ, масляной, новому году. Конечно, въ этомъ нужно видѣть не слѣдованіе религіознымъ традиціямъ, а дань всевозможнымъ воспоминаніямъ дѣтства и юности.

Выпивали «здорово», — до почти полной потери сознанія. Выпивали и въ одиночку, и «группами», т.-е. въ послѣднемъ случаѣ «съ заранѣ обдуманномъ намѣреніемъ» напиться...

На этихъ печальныхъ воспоминаніяхъ я могъ бы закончить первую часть своихъ записокъ. Но я долженъ еще добавить, что никто изъ насъ, обязанныхъ, по уставу, носить кандалы или быть прикованнымъ къ тачкѣ (Попко, Березнюкъ, Щедринъ были въ числѣ этихъ послѣднихъ), не исполняли «вѣднѣй» закона: кандалы мирно покоились подъ подушкой, — тачки столь же мирно стояли подъ нарами. Кандалы и тачки, а равнымъ образомъ и форменная арестантская одежда пускались въ оборотъ лишь при появленіи въ тюрьмѣ высшаго начальства, что, по условіямъ нашей тюремной жизни, становилось намъ извѣстнымъ заблаговременно. Впрочемъ, при мнѣ для этого представился, кажется, всего одинъ случай: при посѣщеніи тюрьмы начальникомъ главнаго тюремнаго управленія, Галкинымъ-Врасскимъ.

II.

Готовиться къ побѣгу въ то время было не только потребностью души, но и признакомъ хорошаго тона.

Я не могу себѣ представить, чтобы Мышкинъ хотя на минуту могъ отказаться отъ мысли о побѣгѣ. Почти убѣжденъ также, что Рогачевъ, доживи онъ, несчастный, до выхода на поселеніе, также непременно бѣжалъ бы.

Для Мышкина революціонная дѣятельность была въ извѣстномъ смыслѣ *idée fixe*, и разъ онъ былъ поставленъ въ условія, когда таковою заниматься онъ лишенъ былъ возможности, — передъ нимъ вставала нравственная обязанность выйти изъ этого положенія; что онъ будетъ дѣлать дальше, т.-е. въ чемъ проявить свою революціонную дѣятельность, — для него это было безразлично при рѣшеніи вопроса, бѣжать или не бѣжать, и какъ ни заѣдалъ эту мятущуюся душу рефлексъ, но въ необходимости дѣйствовать «революціонно», — а, слѣдовательно, и бѣжать, чтобы получить возможность *такъ* дѣйствовать, — въ этомъ, говоря я, онъ ни на минуту не позволялъ себѣ сомнѣваться. Скажу больше: и въ разгаръ революціоннаго дѣйствія его могъ заѣдать тотъ же рефлексъ, — но онъ все-таки дѣйствовалъ, дѣйствовалъ въ чаяніи, что его сомнѣнія разрѣшатся, и въ сознаніи, что, все-равно, *иначе* нельзя. Рогачевъ былъ по натурѣ слишкомъ свободолюбивый человѣкъ; кромѣ того, онъ былъ чрезвычайно приспособленъ для совершенія такихъ авантюръ, какъ побѣгъ. Онъ говорилъ, мнѣ, что всего ему приходилось «скрываться» (въ разныхъ видахъ) восемь разъ, и только на девятомъ разѣ не удалось. Физически сильный и выносливый, ловкій, въ высшей степени находчивый, съ налетомъ романтизма (подчасъ переходившаго въ мистицизмъ), который дѣлалъ для него авантюру почти стихіей, и при всемъ томъ — беззавѣтно преданный идеѣ революціи, Рогачевъ не могъ не думать и не говорить о побѣгѣ, какъ о чемъ-то неизбѣжномъ, какъ о чемъ-то такомъ, что само собою подразумевается.

Для другихъ побѣгъ представлялся попыткою выйти изъ безысходнаго положенія, въ которомъ они находились: впереди — 15, 20, 30 лѣтъ пребыванія въ каторжной тюрьмѣ, а жить хочется, жить *н а д о*.

Слѣдуетъ еще замѣтить, что были лица, не перестававшія искренно мечтать о революціонной дѣятельности, а въ связи съ этимъ — и о побѣгѣ, для которыхъ, однако, было просто-напросто невыгоднымъ бѣжать при данной конъюнктурѣ, — напримѣръ, потому, что слишкомъ мало осталось времени до выхода на поселеніе, или бѣжать изъ тюрьмы или съ дороги имъ не позволяло здоровье, отсутствіе необходимой приспособленности, — и т. п.

Образовалось двѣ большихъ группы, на которыя раздѣлились всѣ обитатели Кары: «заинтересованные» и «незаинтересованные», — подразумевается: «въ организаціи побѣга изъ тюрьмы». Эти термины были ходячими на Карѣ.

Первая группа была малочисленнѣе: не заинтересовано въ побѣгѣ было значительное большинство. Но среди незаинтересо-

ванныхъ было немало лицъ, готовыхъ итти на всѣ жертвы, чтобы обезпечить успѣхъ заинтересованнымъ, не говоря о непосредственномъ оказаніи имъ помощи и содѣйствія.

Я сказалъ, что заинтересованныхъ было, вообще, меньше, чѣмъ незаинтересованныхъ. Но среди первыхъ было больше личностей съ характеромъ, сильныхъ, настойчивыхъ и рѣшительныхъ. Оставалось одно: выдѣлиться въ особую группу и рѣшать дѣла самостоятельно. Такъ оно и случилось; но во время пути на Казу былъ рядъ попытокъ, къ побѣгу. Одинъ изъ нихъ увѣнчался успѣхомъ (Дебагоріо-Мокріевичъ), другія оканчивались неудачей. Въ Иркутскѣ была сдѣлана грандіозная попытка, окончившаяся неудачей. Пытались бѣжать именно самые долгосрочные карійцы: Попко, Березнюкъ, Яцевичъ. Неудачную попытку бѣжать съ пути предпринялъ и Мартыновскій. Вообще, конечно, большая часть попытокъ оканчивалась неудачей.

Итакъ, тюрьма раскололась на два лагеря. Но это не исключало того, что готовившіеся къ побѣгу продолжали свое дѣло.

Я упоминалъ уже выше о геніальномъ проектѣ, пришедшемъ на смѣну массѣ другихъ, которые оказывалось невозможнымъ осуществить по тѣмъ или другимъ причинамъ, — проектѣ, который принадлежалъ, кажется, Мышкину.

Тутъ именно я долженъ указать на ошибку, которую допускали, кажется, рѣшительно всѣ, кто писалъ о знаменитомъ побѣгѣ съ Казы «восьми»; наши мастерскія помѣщались *внѣ* тюремной ограды, а не внутри ея. Потому-то это обстоятельство и легло въ основу всего плана. Если бы мастерскія находились внутри ограды, то не представляло бы особаго интереса бѣгущимъ прятаться въ нихъ до ночи: въ этомъ случаѣ выбраться изъ мастерскихъ на волю было бы почти то же, что изъ самой тюрьмы. Это—потому, что какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ одинаково приходилось бы перелѣзть черезъ тюремную ограду и, вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдовательно, прорывать цѣпь часовыхъ. Планъ же заключался именно въ томъ, чтобы, спрятавшись еще днемъ въ мастерскихъ, избѣжать необходимости продѣлать и то, и другое.

Мастерскія, конечно, на ночь запирались на ключъ. Но приготовить предварительно въ крышѣ отверстіе, чтобы имъ воспользоваться ночью для выхода изъ зданія мастерскихъ, не представляло затрудненій: въ мастерскихъ и безъ того стоялъ вѣчный стукъ и громъ, и въ нихъ рѣдко присутствовала стража. Скрыть отъ начальства наличность отверстія въ крышѣ тоже было нетрудно: такъ какъ на ночь въ мастерскихъ «арестантовъ» не оставалось то

за цѣлостью зданія стража не особенно слѣдила. Итакъ: отверстіе въ потолокъ готово, оно не будетъ преждевременно обнаружено начальствомъ, — надо лишь сумѣть остаться въ мастерскихъ послѣ того, какъ оттуда всѣ товарищи будутъ переведены обратно въ тюрьму, дожидаться ночи, ночью потихоньку выбраться черезъ отверстіе наружу, и именно, въ сторону, обращенную къ тайгѣ, наконецъ, подъ защитой темноты, не производя шума, подъ прикрытіемъ самого зданія мастерскихъ, потихоньку пробраться, какъ можно дальше отъ тюрьмы, и — дѣло сдѣлано.

Первыхъ бѣгущихъ, Мышкина и Хрущева, рѣшили *вынести* изъ тюрьмы, спрятавъ ихъ въ кровати, которыя уносились въ мастерскія, якобы для починки. Мышкина несли, помню, Коваликъ и Лозяновъ, какъ довольно сильные физически люди. Казаки, стоявшіе у воротъ, пересчитали выходящихъ въ мастерскія, при чемъ и не подозрѣвали, конечно, что кромѣ выходящихъ они выпускаютъ изъ тюрьмы и «выносимыхъ». Вечеромъ было впущено въ тюрьму обратно изъ мастерскихъ ровно столько людей, сколько было утромъ выходящихъ, вынесенные же остались преблагополучно въ запертомъ зданіи мастерскихъ.

Когда стемнѣло, Мышкинъ и Хрущевъ столь же благополучно выбрались изъ мастерскихъ и осторожно пробрались въ тайгу. Какъ извѣстно, они направились во Владивостокъ. По дорогѣ съ ними было не мало приключеній. Но имъ благополучно удалось преодолѣть всѣ препятствія. Между прочимъ, въ одномъ мѣстѣ ихъ приняли за бродягъ. Но ихъ спасла находчивость; въ частности, припоминаю, что у нихъ въ карманахъ были фальсифицированныя письма отъ «родныхъ». Шли они, выдавая себя за рабочихъ. Хрущевъ и на самомъ дѣлѣ былъ таковымъ; Мышкинъ также по своимъ привычкамъ былъ очень «простъ». Во всякомъ случаѣ, имъ удалось не только добраться до Владивостока, но и устроить себѣ возможность выѣхать изъ этого города въ Америку. Къ сожалѣнію, это случилось уже тогда (до Владивостока они тянулись цѣлый мѣсяцъ), когда на Карѣ исчезновеніе изъ тюрьмы восьми человѣкъ было обнаружено и было дано знать во всѣ концы о розыскахъ бѣглецовъ.

Итакъ, Мышкина и Хрущева мы вынесли въ кроватяхъ. Въ другихъ случаяхъ прибѣгали къ простому запутыванію счета выходящихъ изъ тюрьмы въ мастерскія: выйдетъ группа за ворота, но тутъ же кто-нибудь кинется обратно, якобы забывъ что-то взять, а на его мѣсто просятся наружу еще двое, — и т. д., послѣ чего начинается споръ между выходящими и карауломъ о числѣ вышедшихъ, и если не согласятся на интересномъ для насъ числѣ, то предлагаютъ конвою пересчитать, при чемъ въ мастерскихъ

двое къ этому моменту оказываются уже такъ спрятанными, что конвою остается признать, что выпущено двумя менѣе, чѣмъ было выпущено на самомъ дѣлѣ. Мнѣ самому пришлось одинъ разъ (кажется, это былъ единственный случай, что я выходилъ въ мастерскія) участвовать въ подобномъ запутываніи конвоя.

Выпустить изъ тюрьмы—половина дѣла: надо было еще скрыть до поры до времени отсутствіе въ тюрьмѣ бѣжавшихъ. Для этого воспользовались способомъ укладки на кроватяхъ манекеновъ. Манекены клались на кровати по числу вышедшихъ изъ тюрьмы: сначала — два, потомъ — четыре, затѣмъ — шесть и, наконецъ, восемь.

Для приготовленія манекеновъ дѣлались даже деревяшки, долженствовавшія изображать человѣческую голову. Помню, одну изъ такихъ деревяшекъ, готовили мы съ Коваликомъ: онъ, въ качествѣ довольно искуснаго столяра, работалъ стамезкой, я же, въ качествѣ «художника», давалъ ему указанія, какъ придать форму носу, подбородку и пр.; на эту «голову» были даже наклеены усы и борода. Впрочемъ, старались разнообразить устройство манекеновъ. Такъ, нѣкоторыхъ устраивали такимъ образомъ, чтобы они изображали закутавшагося съ головою спящаго человѣка, — иногда при этомъ торчали изъ-подъ арестантскаго халата обутыя въ сапоги «ноги» спящаго. И здѣсь для достиженія полной иллюзіи пользовались «натурой»: заставляли кого-нибудь лечь и по очертаніямъ его формъ строили манекень.

За всѣмъ тѣмъ, наши произведенія были далеки отъ совершенства. Но дѣло въ томъ, что слишкомъ безпечны были и наши стражи. Не говоря уже о томъ, что насъ считали при повѣркѣ, вечерней и утренней, не требуя, чтобы мы были при этомъ на ногахъ, — и при этомъ повѣрка производилась довольно небрежно. Иначе, конечно, произведенія такого художника, какъ я, и такого столяра, какъ Коваликъ, должны были бы весьма скоро себя выдать. Наше начальство было, очевидно, слишкомъ далеко если не отъ мысли, что изъ тюрьмы вообще побѣгъ возможенъ, то отъ предположенія, что мы станемъ скрывать отсутствіе скрывшихся товарищей при помощи манекеновъ.

Какъ бы тамъ ни было, но даже въ вечеръ передъ ночью, когда былъ обнаруженъ побѣгъ, — другими словами, когда у насъ гуляло *восемь* манекеновъ, — дѣло сошло благополучно. Результатъ нашей работы будетъ въ вашихъ глазахъ еще поразительнѣе, если я скажу, что между выходомъ изъ тюрьмы первой пары (Мышкина и Хрущева) и обнаруженіемъ побѣга прошло около мѣсяца, — слѣдовательно, въ теченіе цѣлаго мѣсяца лица,

являвшіся два раза въ день для пересчета тюремной наличности, не обнаруживали, что частью считают не людей, а манекены. И само обнаруженіе побѣга произошло не потому, что открыта была въ тюрьмѣ наличность манекеновъ, а вслѣдствіе другихъ обстоятельствъ. Само собою разумѣется, что кровати, на которыхъ мы клали манекеновъ, каждый день мѣнялись, а равно—и внѣшній видъ послѣднихъ.

За первой парой рѣшили выпустить слѣдующую черезъ значительный промежутокъ времени, — что-то недѣли черезъ три. Затѣмъ пары выходили черезъ день. Такъ вышли Баламезъ, Левченко, М. Диковскій и Юрковскій, — не помню, кто съ кѣмъ въ парѣ и въ какомъ порядкѣ пары. Минакова и Крыжановскаго рѣшили выпустить въ послѣдней парѣ. Это было сдѣлано въ силу того соображенія, что послѣдніе были люди крайне... нервные.

Какъ показала дѣйствительность, расчетъ былъ правильный. Минаковъ и Крыжановскій при спускѣ съ крыши мастерскихъ, просто-напросто, повздорили другъ съ другомъ, чѣмъ обратили на себя вниманіе часового, охранявшаго пали (мастерская находилась всего въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ палей, а, слѣдовательно, — и отъ часового, шагавшаго вдоль палей). Часовой окликнулъ традиціоннымъ: «кто здѣсь?» Конечно, отвѣта не послѣдовало. Минаковъ и Крыжановскій двинулись отъ тюремныхъ зданій по направленію къ тайгѣ. Часовой далъ нѣсколько выстрѣловъ по бѣглецамъ... Черезъ мгновеніе все вокругъ заволновалось. Караулъ частью былъ отправленъ немедленно же на розыски, частью — поставленъ «въ ружье». Смотритель выбѣжалъ изъ дому въ одномъ бѣльѣ и, пославъ домой за платьемъ, тутъ же на улицѣ и одѣвался. Дали знать высшему начальству.

А у насъ, въ тюрьмѣ, происходило вотъ что.

Несмотря на полный успѣхъ предпріятія до сихъ поръ, мы не сомнѣвались, что побѣгъ въ тотъ или другой моментъ будетъ обнаруженъ. Была на этотъ случай создана особая организація, которая дѣйствовала неослабно.

Прежде всего, непрерывно въ теченіе всей ночи у насъ топились двѣ-три печи: это — для того, чтобы имѣть возможность сжечь предметы, служившіе намъ для устройства манекеновъ. А кромѣ того въ банѣ всю ночь бодрствовалъ одинъ изъ товарищей и прислушивался, что дѣлается за оградой (баня находилась какъ-разъ противъ мастерскихъ, также очень близко отъ палей, но внутри ограды; при раскрытой форточкѣ въ банѣ было отчетливо слышно все, что дѣлается около мастерскихъ). Но выбѣжать изъ бани и явиться намъ для поднятія тревоги находившійся въ банѣ товарищ не могъ: какъ баня, такъ и мы въ корпусѣ были на ночь

запираемы, и на дворъ проникнуть не могли. Въ виду этого была установлена свѣтовая сигнализациа: на окнѣ въ банѣ неугасимо горѣла свѣча, свѣтъ которой легко было наблюдать изъ коридора нашего корпуса. Тутъ безсмѣнно находился кто-нибудь изъ насъ, чтобы наблюдать за свѣчей: было условлено, что когда за палями поднимается тревога, то товарищъ, находящійся въ банѣ, свѣчу погасить.

Помню, какъ-разъ именно я стоялъ «на-часахъ», когда вдругъ свѣча на окнѣ въ банѣ погасла. Я провѣрилъ себя, пригласилъ еще кого-то для провѣрки и — поднялъ тревогу...

Моментально дежурные у топившихся печей разворошили пламя, другіе въ то же время стаскивали сюда предметы, служившіе для приготовленія манекеновъ и могшіе насъ выдать, и стали одежду рвать на куски, а деревянные части рубить топорами. Еще мгновеніе — пламя пожирало вещественныя доказательства нашего соучастія въ побѣгѣ...

Очень быстро собралось въ тюрьмѣ начальство. На этотъ разъ насъ уже поименно повѣряли, и тутъ было обнаружено, кто именно бѣжалъ.

Къ утру Минаковъ и Крыжановскій были, разумѣется, пойманы. Вслѣдъ затѣмъ были переловлены и еще двѣ пары; Мышкинъ и Хрущевъ задержаны были значительно позднѣе.

Не забуду момента, когда, долго, очень долго спустя, были доставлены обратно въ тюрьмы Мышкинъ и Хрущевъ. Послѣдній казался очень сконфуженнымъ...

Чтобы не затерялось въ мало распространенномъ изданіи, приведу здѣсь выдержку изъ сообщенія сына бывшего смотрителя Тараторина, появившагося въ «Нови»:

«Нынче лѣтомъ мнѣ пришлось работать въ качествѣ депутата отъ забайкальскаго казачьяго войска при размежеваніи земель забайкальскаго войска по р. Аргуни. Казаки этого района всѣ отбывали свою повинность на Карѣ, въ пѣшихъ батальонахъ. Отъ одного изъ этихъ казаковъ, Николая Ворсина, я услышалъ подробности поимки двухъ бѣжавшихъ.

— Всѣмъ намъ, казакамъ, — говорилъ Ворсинъ, — было обѣщано по 200 рублей за поимку бѣжавшихъ. Я только первый годъ отбывалъ службу. Дома осталась молодая жена. Хотѣлось больно ее повидать. Вотъ я и объявилъ командиру о своемъ желаніи итти на поимку. Командиромъ тогда у насъ Руденко былъ. Сказалъ объ этомъ товарищамъ. Они тоже рады были домой на побывку. А поимка у насъ такъ, для отвода глазъ какъ бы была. Руденко позволилъ. Пришли мы въ Усть-Кару. Для отвода глазъ, какъ бы и впрямь на поиски пошли, мы стали спрашивать, не

потерялась ли у кого лодка. Дѣйствительно, кто-то угналъ съ берега лодку ночь тому назадъ. Ну, вѣстимо, вверхъ на лодкѣ не уплывешь. Пошли мы берегомъ Шилки внизъ. Да намъ и домой тѣмъ же путемъ надо было итти. Смотримъ, около куларокъ (въ 15 верстахъ отъ Усть-Кары) на другомъ берегу стоитъ лодка. Мы — къ ней. Видимъ: лодка не привязана, а около лодки — слѣды сапогъ въ илу. — «Ну, это, стало быть, они». — Потому мы ходимъ всѣ здѣсь въ олочахъ. Пошли мы этакъ по слѣдамъ. Прошли съ версту. Видимъ: газетная бумага разбросана. Мы, казаки, бумагу не бросаемъ никто, такъ какъ сами покупаемъ ее на цыгарки — «они!» — Намъ бы итти да итти за ними и 200 рублей заработали бы. Но ужъ больно къ бабамъ домой захотѣлось. Мы свернули со слѣдовъ, да черезъ хребетъ домой и пришли. Разказали своимъ. Пока съ бабами прохлаждались, станичники наши бросились на поиски. Лѣсъ знаемъ, какъ свои пальцы, всѣ тропинки — наперечетъ. Вѣдь, перехватили таки ихъ около Кукталги (верстахъ въ 60-ти не доходя до китайской границы). Смѣху-то сколько было у насъ, какъ это ихъ ловко. Идутъ, — разказываютъ, — политическіе. Двое ихъ. Ну, знамо, отъ казаконъ отличны. — «Куда вы?» — спрашиваютъ наши. — «Да, вотъ, на ключъ!» — (около Кукталги есть, дѣйствительно, минеральныя содистыя воды, которыя на мѣстномъ нарѣчій называются вообще «ключъ»). «Заблудились, должно быть». — Смекнули наши, кто имъ попался... — «Нѣтъ ли у васъ, братцы, поѣсть что-нибудь?» — спрашиваютъ. Наши предложили имъ почаевать (сибирское выраженіе: пить чай). Сварганили чай и стали пить. Тѣ оружіе — револьверы у нихъ были — въ сторону положили. Ну, наши видятъ, что они, какъ волки, накинулись на хлѣбъ и чай, стали у нихъ оружіе разсматривать, какъ будто, а потомъ, когда взяли его въ руки, тогда и крикнули: «Ну, теперь сдавайтесь. Мы знаемъ, кто вы, и начальству должны васъ представить». Они ажно побѣлѣли, трясутся всѣ, просятъ ихъ отпустить и деньги сулятъ. Ну, а наши завернули имъ руки за лопатки, да въ станицу и представили. Черезъ мѣсяцъ нашимъ и награду выслали. А политическихъ подъ конвоемъ въ Кару препроводили. Вслѣдъ за ними и мы направились».

Для смотрителя нашей тюрьмы, добродушнаго Тараторина, событіе имѣло роковыя послѣдствія. Онъ, по сообщенію его сына, тутъ же сошелъ съ ума и посаженъ подъ строгимъ карауломъ въ больницу, а когда немного оправился, то былъ отправленъ съ жандармами въ Нерчинскъ въ тюрьму, гдѣ и просидѣлъ подъ слѣдствіемъ цѣлый годъ. Судъ его оправдалъ, послѣ чего ему дали мѣсто смотрителя дѣтскаго пріюта на Карѣ. Потрясенный

всѣми этими событіями, онъ умеръ не дальше, какъ черезъ два года.

Такъ окончилась первая часть нашей карійской драмы.

Не трудно себѣ представить, какія послѣдствія для насъ во всякомъ случаѣ долженъ былъ имѣть фактъ столь «дерзкаго» побѣга политическихъ изъ *каторжной* тюрьмы, тщательно охраняемой, заброшенной въ глухую тайгу. Но впечатлѣніе, произведенное нашимъ побѣгомъ на начальство, усугубилось благодаря совершенно случайному обстоятельству.

Мышкина и Хрущева мы выпустили что-то въ началѣ апрѣля. А очень скоро послѣ этого на Кару пріѣхалъ, въ сопровожденіи губернатора Забайкальской области, ген. Ильяшевича, тогдашній начальникъ главнаго тюремнаго управленія, Галкинъ-Врасскій.

Послѣдній держалъ себя довольно прилично: внимательно выслушивалъ, что ему говорили, самъ вдавался, при разспросахъ, въ подробности, охотно соглашался, если ему говорили «резонъ», — и т. п.

Участь, которую мы сами себѣ приготовили устройствомъ побѣга, мы, разумѣется, представляли себѣ совершенно конкретно: для этого мы были достаточно умудрены опытомъ... Но тѣмъ энергичнѣе мы настаивали на предоставленіи намъ новыхъ льготъ, тѣмъ сложнѣе давали мы свои объясненія, тѣмъ въ большія подробности мы вдавались. Расчетъ нашъ заключался въ томъ, что чѣмъ настойчивѣе будемъ мы хлопотать о новыхъ для себя льготахъ, тѣмъ болѣе отдалимъ мы начальство отъ мысли, что въ данный моментъ двое изъ насъ давно гуляетъ далеко за предѣлами тюрьмы. Напустили мы на Галкина-Врасскаго такого испытаннаго дипломата, какъ покойный Войнаральскій: этотъ ужъ за словомъ въ карманъ не полѣзетъ, этого уже нечего учить, какъ нужно обходиться съ начальствомъ, лучше этого ужъ никто не изучилъ психику высокопоставленныхъ лицъ.

Объясненія Войнаральскаго съ Галкинымъ-Врасскимъ происходили, конечно, на коридорѣ, въ присутствіи всѣхъ насъ.

Галкинъ-Врасскій вознамѣрился тутъ же приступить къ проведению въ тюрьмѣ реформъ, имѣвшихъ цѣлью, несомнѣнно, улучшеніе нашего положенія. Надо замѣтить, что тактика на этотъ разъ особенно настойчиво подсказывала намъ необходимость настаивать на самыхъ умѣренныхъ и легко осуществимыхъ требованіяхъ.

И вотъ, въ то время какъ ген. Ильяшевичъ главное вниманіе сосредоточивалъ на ревизіи дѣлъ на Карѣ вообще (т.-е., того,

что относилось къ управленію промыслами), — въ это же время Галкинъ-Врасскій, по телеграфу, сносился съ Петербургомъ относительно проведенія реформъ въ нашей тюрьмѣ.

Но Галкину-Врасскому съ ген. Ильяшевичемъ пришлось уѣхать съ Кары, не успѣвъ «провести» какія-либо реформы.

И вотъ, при такихъ-то обстоятельствахъ Галкинъ-Врасскій и ген. Ильяшевичъ получаютъ телеграфное извѣщеніе, *еще не успѣвъ доѣхать до Читы*, что изъ Карійской тюрьмы бѣжало не болѣе и не менѣе, какъ *восемь* человѣкъ, и что въ то время, когда Галкинъ-Врасскій велъ оживленныя сношенія съ Петербургомъ объ улучшеніи нашего положенія, — что въ это самое время въ тюрьмѣ уже не было налицо Мышкина и Хрущева...

Вмѣсто улучшенія нашего положенія, администрація немедленно приступила къ выработкѣ основаній новаго режима для нашей тюрьмы, который гарантировалъ бы невозможность повторенія только что совершившагося.

Конечно, не все изъ предположеннаго было намъ немедленно же сообщено. Но кое-какія требованія были намъ немедленно же предъявлены. Къ числу этихъ послѣднихъ, помню, относилось и требованіе согласиться на то, чтобы всѣмъ намъ безъ исключенія перебрили половину головы и надѣли кандалы на тѣхъ изъ насъ, которые состояли еще въ разрядѣ испытуемыхъ.

Въ тюрьмѣ возникло сильнѣйшее возбужденіе. Я долженъ отмѣтить тотъ фактъ, что на этотъ разъ все населеніе тюрьмы проявило поразительное единодушіе. Не только на сходкахъ неизмѣнно вотировалось, и притомъ — единогласно, рѣшеніе о доведеніи сопротивленія до послѣдней крайности, но и въ отдѣльных случаяхъ рѣшимость на это горячо высказывали даже такіе умѣренные люди, какъ Кардашевъ, наприм., при томъ еще — стоявшій одной ногой внѣ тюремной ограды (какъ ему такъ и многимъ другимъ, ужъ давно срокъ отбытія каторжныхъ работъ окончился, и такія лица лишь по халатности начальства продолжали находиться въ *каторжной* тюрьмѣ ¹⁾).

Чѣмъ настойчивѣе приступало къ намъ начальство, тѣмъ сильнѣе росло среди насъ возбужденіе. Замѣчу, что добродушный Тараторинъ немедленно же былъ устраненъ отъ должности смотрителя нашей тюрьмы, и на его мѣсто былъ назначенъ нѣкій Цырельниковъ; онъ уже не былъ связанъ тѣми традиціями, которыя могли бы къ чему либо обязывать Тараторина. Во всякомъ

¹⁾ См. объ этомъ поразительномъ фактѣ мои же воспоминанія: «Первое вооруженное сопротивленіе — первый военный судъ», Спб., 1907, стр. 34—35. — «Въ иркутской тюрьмѣ 35 лѣтъ тому назадъ», «Минувшіе Годы», 1903, кн. IV, стр. 115, и др.).

случаѣ, въ моихъ воспоминаніяхъ живо встаетъ моментъ, когда Цырельниковъ убѣждалъ насъ подчиниться требованіямъ начальства, такъ какъ, молъ, въ противномъ случаѣ «придется примѣнить мѣры крайней строгости, — придется, можетъ быть, колоть и рубить»... Въ виду такого заявленія Цырельникова у насъ было рѣшено: организовать съ своей стороны планомѣрное сопротивленіе.

Были выбраны главнокомандующіе съ почти диктаторскими полномочіями. Въ виду того, что рѣчь шла почти что о военномъ предпріятіи, главнокомандующими были выбраны два бывшихъ артиллерійскихъ офицера — Тарховъ и Рогачевъ.

Разработаны были отдѣльные акты сопротивленія. Къ сожалѣнію, я не припоминаю теперь, въ чемъ они заключались, кромѣ дѣла, порученнаго мнѣ (о чемъ — ниже). Знаю хорошо, что приведено было въ извѣстность имѣвшееся въ нашемъ распоряженіи оружіе и роздано было на руки съ опредѣленнымъ расчетомъ. Акты отдѣльныхъ отрядовъ были строго координированы другъ съ другомъ; отряды были расположены въ опредѣленныхъ «стратегическихъ» пунктахъ; каждый отрядъ заключалъ въ себѣ строго опредѣленныхъ лицъ и имѣлъ своего начальника, которому былъ обязанъ безусловнымъ повиновеніемъ.

Наконецъ, было принято одно поистинѣ ужасное рѣшеніе. Конечно, мы не сомнѣвались, что наше сопротивленіе будетъ сломлено. И мы рѣшили — сжечь себя вмѣстѣ съ тюрьмой, когда всѣ средства сопротивленія будутъ истощены... Этимъ ужаснымъ дѣйствіемъ мы надѣялись произвести міровую сенсацию, которая, по нашему расчету, должна была обратить вниманіе всего міра на режимъ русскаго государства вообще и на русскій тюремный режимъ — въ частности.

Конечно, планъ самосожженія былъ у насъ разработанъ такъ же детально, какъ и остальные частные планы сопротивленія. Если не ошибаюсь, тюрьма должна была быть подожжена съ двухъ сторонъ. Во всякомъ случаѣ, въ Харчевкѣ одинъ уголь былъ отведенъ подъ поджогъ, и начальникомъ отряда поджигателей въ этомъ пунктѣ былъ именно назначенъ я. Помню, что вопросъ о томъ, какъ устроить такъ, чтобы пламя моментально охватило стѣны (деревянные) и чтобы оно распространилось съ надлежащей быстротой, этотъ вопросъ подвергался обстоятельному обсужденію моему совмѣстно съ нашими главнокомандующими. Во всякомъ случаѣ, сюда были снесены горючіе матеріалы: керосинъ, щепки, дрова, даже спички тутъ лежали неприкосновенными, — на случай, если бы у поджигателей не оказалось своихъ спичекъ въ карманѣ.

Припоминаю еще то, что кромѣ начальствованія надъ отрядомъ поджигателей мнѣ было поручено еще какое-то дѣло, которое требовало моего присутствія у окна на коридорѣ, и я долженъ былъ только послѣ исполненія этого дѣла броситься въ Харчевку, чтобы приступить къ поджогу. И разсматривался вопросъ, не буду ли я убитъ, когда мнѣ придется перебѣгать изъ коридора въ Харчевку, такъ какъ предполагалось, что въ окна уже будутъ въ это время стрѣлять казаки.

Такая организація сопротивленія вызвала необходимость организаціи и сторожевой службы. Каждый отрядъ имѣлъ своихъ часовыхъ. Было признано необходимымъ слѣдить и за движеніями «непріятеля»: установили сторожевую службу на крышѣ бани-кухни, чтобы во-время замѣтить приготовленія начальства къ нападенію на тюрьму.

Силуэтъ Маркела Яковлевича Шпиркана, когда онъ стоялъ «часовымъ» на крышѣ, я до сихъ поръ вижу передъ своими глазами. Впечатлѣніе усугублялось тѣмъ, что шелъ дождь, и на Шпирканѣ былъ башлыкъ: настоящій казакъ на вышкѣ гдѣ-нибудь на Кавказѣ во время усмиренія горцевъ въ 60-хъ гг.!. Всѣ любовались фигурою нашего «часового», — всѣ были увѣрены, судя по его позѣ, въ которой рисовалось столько непоколебимости, что онъ можетъ свалиться, сраженный «вражеской» пулею, но не сойдетъ съ своего поста, если бы даже вокругъ него свистали пули сотнями...

Появленіе нашихъ часовыхъ на крышѣ вызвало новое заявленіе (по приказанію высшаго начальства, конечно) Цырельникова, что рѣшено «снимать пулями» нашихъ часовыхъ съ крыши. Я не могу припомнить, какое, именно, дѣйствіе произвело на насъ это заявленіе. Во всякомъ случаѣ, смѣло утверждаю, что впечатлѣніе это не имѣло рѣшающаго значенія. Помнится, что мы отнеслись къ этому заявленію довольно равнодушно.

Но дѣло въ томъ, что наше возбужденное состояніе уже слишкомъ долго тянулось. Если даже начало повышенной возбужденности среди насъ отнести къ моменту выхода изъ тюрьмы Мышкина и Хрущева (а на самомъ дѣлѣ этотъ моментъ наступилъ раньше), то и въ этомъ случаѣ она тянулась, значить, болѣе мѣсяца. Но надо принять въ соображеніе, что послѣдніе 10—12 дней мы не жили, а кипѣли. Я не говорю уже о лихорадочности нашей работы: вѣдь, по существу, мы готовились къ сопротивленію безъ всякой надежды на побѣду, — даже наоборотъ: при полной увѣренности, что дѣло кончится гибелью насъ всѣхъ (или, во всякомъ случаѣ, многихъ изъ насъ), и при томъ еще — для нѣкоторыхъ ужасною гибелью въ пламени...

Напряженная нервная система начала «сдавать». У насъ не было вынесено никакого постановленія о прекращеніи дѣйствія нашей организаціи, рассчитанной на планомѣрное сопротивленіе. Но организація сама собою начала проявлять себя нѣсколько слабѣе. Товарищи съ болѣе расшатанною нервною системою стали проявлять меньше активности.

Ничего не могло быть легче, какъ захватить насъ сонными врасплохъ. Такъ оно и случилось: наступило на Карѣ знаменитое «11-е мая» (1882 г.)...

Планъ начальства заключался въ томъ, чтобы ворваться въ тюрьму съ громаднымъ отрядомъ казаковъ, моментально занять всѣ важнѣйшіе «стратегическіе» пункты, забрать насъ подъ конвой небольшими группами, и тогда дѣлать то, что напередъ рѣшено съ нами дѣлать.

Къ Новой тюрьмѣ за ночь было стянуто много казаковъ, — человекъ, пожалуй, до 300. Общее начальствованіе надъ ними было сохранено, конечно, за батальоннымъ командиромъ, Руденко, но главнымъ распорядителемъ дѣйствій былъ ген. Ильяшевичъ, какъ губернаторъ Забайкальской области. Руденко и Ильяшевичъ находились все время внѣ тюремной ограды. Въ тюрьму ворвались казаки подъ начальствомъ какого-то казачьяго сотника. Ворвавшіеся казаки были, впрочемъ, раздѣлены на отряды, каждый подъ начальствомъ офицера, съ приказаніемъ занять опредѣленный пунктъ въ тюрьмѣ.

Помню хорошо, что въ ночь на 11-е мая мнѣ долго не спалось. Заснулъ я что-то подъ утро, когда уже начало свѣтать. Но не успѣлъ я и уснуть-то, какъ слѣдуетъ, какъ услышалъ шумъ и крики. Почти одновременно съ этимъ у моей кровати (я спалъ въ коридорѣ, у библіотеки; былъ библіотекаремъ) очутилось четыре казака...

Кое-гдѣ пытались сопротивляться. Но что могло изъ этого выйти, если на каждаго изъ насъ, изможденныхъ арестантовъ, приходилось по 3—4 человекъ вооруженныхъ казаковъ, которые, вдобавокъ, — если вѣрить слухамъ, — были слегка подпоены начальствомъ?!

Насъ самымъ тщательнымъ образомъ обыскивали поодиначкѣ, заковывали въ кандалы и переряжали во все казенное. Не разрѣшалось брать съ собою ни носовыхъ платковъ, ни полотенецъ. Затѣмъ насъ группами выводили за ограду и водворяли въ какія-то помѣщенія. Помню, меня съ товарищами заперли куда-то въ помѣщеніе канцеляріи. Лишь часовъ въ 12 намъ принесли казенной баланды.

Въ тотъ же день послѣ обѣда насъ стали разсылать по про-

мысламъ. Часть отправляли на Усть-Кару, часть — разсадили по тюрьмамъ верхнихъ промысловъ: Верхняго, Амура. На Амуръ, между прочимъ, была послана и та группа, въ которую былъ включенъ я. Это — самое отдаленное мѣсто (если не ошибаюсь, верстахъ въ 15 отъ Новой тюрьмы). Само собою разумѣется, насъ «гнали» пѣшкомъ. До Усть-Кары также было около 15 верстъ; туда былъ отправленъ, между другими, и Попко, прикованный къ тачкѣ, и прикованный на этотъ разъ, конечно, не бутафорски, а по всѣмъ требованіямъ закона. Можетъ быть, тутъ же были и другіе тачечники. Во всякомъ случаѣ, эта группа потребовала, чтобы по пути былъ сдѣланъ привалъ, на что конвой не согласился; отсюда возникъ инцидентъ, въ результатѣ котораго кое-кто былъ избитъ прикладами.

На промыслахъ насъ держали всѣхъ вмѣстѣ, но отдѣльно отъ уголовныхъ. Само собою разумѣется, что уголовнымъ это не помѣшало тотчасъ же установить съ нами сношенія. И мы скоро узнали, что въ Новой тюрьмѣ начаты крупныя перестройки, по окончаніи которыхъ мы будемъ переведены обратно въ эту тюрьму.

Насъ продолжали держать во всемъ казенномъ, да при этомъ не разрѣшали и пользоваться собственными деньгами. Изъ тюрьмы все наше добро было вынесено, въ томъ числѣ — и книги, а деньги записывались на приходъ тому, на имя кого приходили. Конечно, вещи наши были тщательнѣйшимъ образомъ пересмотрѣны, все недопустимое въ стѣнахъ тюрьмы конфисковано.

На промыслахъ потянулася для насъ жизнь, полная лишеній. Но положеніе наше было бы еще непривлекательнѣе, если бы уголовные не пришли намъ на помощь. На другой же день послѣ нашего прибытія на Амуръ артель уголовныхъ постановила ассигновать изъ артельныхъ средствъ извѣстную сумму намъ на помощь. Въ тотъ же день мы стали получать изъ «майдана» за счетъ артели чай, сахаръ, табакъ, спички. Не безъ вліянія на такое отношеніе къ намъ артели уголовныхъ было, можетъ быть, то обстоятельство, что въ нашей группѣ было два кавказца, Здановичъ и покойный Джабадари между тѣмъ, среди уголовныхъ было немало также кавказцевъ, и содержатель майдана (а, можетъ быть, — и староста) былъ кавказецъ. Но мы тогда же, помню, замѣтили, что если каждый въ отдѣльности уголовный арестантъ норовитъ насъ при удобномъ случаѣ надуть, то отношеніе артели уголовныхъ къ политическимъ — обратное: какъ органическое цѣлое, артель уголовныхъ инстинктивно намъ сочувствуетъ и готова насъ поддержать. Между прочимъ, не трудно допустить, что даже при организациі побѣга найдется

среди уголовныхъ прохвостъ, который не окажетъ помощи или даже донесетъ по начальству, но совершенно невозможно себѣ представить, чтобы артель не оказала помощи въ подобномъ случаѣ, а тѣмъ болѣе, чтобы она тѣмъ или инымъ способомъ помѣшала.

При неблагопріятныхъ условіяхъ, томительно тянулись наши дни на промыслахъ. У насъ, на Амурѣ, на примѣръ, намъ была отведена миниатюрная секретная камера, гдѣ намъ пришлось располагаться на ночь чуть не другъ на другѣ. Питаніе наше, даже при поддержкѣ со стороны уголовныхъ, было необычайно скудное. Книгъ у насъ не было. Мы во все продолженіе пребыванія тамъ были лишены собственнаго платья.

Ко всему этому прибавлялись непріятности иного характера. Мѣстному тюремному и казачьему начальству было предписано производить у насъ почаще обыски. Само по себѣ это было въ высшей степени непріятно. Но одинъ разъ дѣло чуть не дошло до крупнаго скандала. Ворвался къ намъ на обыскъ пьяный хорунжій, началъ скандалить и даже приказалъ было казакамъ бить насъ прикладами. Урядникъ выхватилъ изъ рукъ одного изъ казаковъ ружье и обнаружилъ намѣреніе ударить Джабадари прикладомъ... Потомъ этотъ урядникъ признался намъ, что ни за что не ударилъ бы, а сдѣлалъ лишь видъ, что ударилъ, чтобы не допустить до большаго скандала; онъ, между прочимъ, обращался нѣсколько дней спустя къ тому же Джабадари за медицинскою помощью, ссылаясь на то, что ихъ врачъ въ дѣйствительности ихъ не лѣчитъ и крайне небреженъ.

Наконецъ, тутъ же имѣло мѣсто и обриваніе намъ половины головы. Въ кандалы насъ заковали всѣхъ еще въ день погрома, — кажется даже, еще въ оградѣ Новой тюрьмы. Обриваніе же головы было оставлено до водворенія насъ на промыслахъ.

Тутъ еще разъ мнѣ приходится повторить, что для многихъ изъ насъ (для меня, Здановича, Джабадари и др.) срокъ каторжныхъ работъ уже давно миновалъ, и само содержаніе насъ въ *каторжной* тюрьмѣ, подъ режимомъ каторжанъ, было совершенно незаконнымъ. И сугубо незаконнымъ являлось обриваніе намъ половины головы. Мы уговорились «сопротивляться». Но что могло это значить въ нашемъ положеніи, — тѣмъ болѣе, что мы прекрасно понимали, что содержаніе насъ на каторжномъ положеніи является результатомъ не злой воли начальства, а его халатности, и что, во всякомъ случаѣ, это положеніе должно будетъ очень скоро измѣниться наконецъ?

Когда меня вызвали въ контору, чтобы подвергнуть операціи обриванія, то я заявилъ казачьему сотнику, что добровольно

не сяду. Вѣжливый (или считавшій нужнымъ проявить себя таковымъ) сотникъ Гольцъ, видя, что это — одна формальность съ моей стороны, проговорилъ: «ну, что же дѣлать!» и сдѣлалъ жестъ въ сторону стражи. «Два дюжихъ казака» осторожно взяли меня подъ-руки и усадили на табуретъ... Остальное сдѣлалось какъ-то само собою...

Прошло что-то около двухъ мѣсяцевъ сидѣнія другъ на другѣ въ душной секретной, спанья на разостланномъ арестантскомъ халатѣ, недоѣданія, безконечнаго, до одурѣнія, передвиганья шахматъ на доскѣ: «игрой» въ шахматы этого нельзя назвать...

Долженъ, впрочемъ, отмѣтить, что всѣ мы здѣсь, на Амурѣ, были люди молодые, жизнерадостные ¹⁾, а главное — кратко-срочные; благодаря этому, насъ не такъ ужъ угнетала обстановка. Скажу даже больше: обыкновенно среди насъ царило необычайное веселье...

Наконецъ, насъ «погнали» обратно въ Новую тюрьму. Своей «alma mater» мы не узнали...

Основные камеры остались тѣ же: Волость, Харчевка, Якутка, Дворянка и Синедрионъ. Но четыре послѣднихъ оказались разгороженными на три маленькихъ камеры съ нарами вмѣсто кроватей, рассчитанныя на восемь-десять заключенныхъ. При этомъ средняя изъ этихъ маленькихъ камеръ была короче остальныхъ, и тѣмъ было выиграно мѣсто для маленькой прихожей, а въ этой прихожей оказалась наша старинная знакомая — «параша»... Волость осталась въ своемъ прежнемъ видѣ: она была предназначена подъ больницу.

На первый разъ мы были размѣщены въ камерахъ, даже въ тѣхъ, на которыя раздѣлены бывшія большія камеры, по произволению начальства. Впослѣдствіи, конечно, было допущено переселеніе изъ одной камеры въ другую, сообразно склонностямъ и симпатіямъ.

Точно такъ же на первое время весь день на запорѣ были даже маленькія камеры. Сравнительно скоро были открыты эти камеры, но дверь, ведущая изъ коридора въ прихожую камеру, была заперта на замокъ. Наконецъ, только долго спустя послѣ того въ нашемъ распоряженіи *на день* оказалось все зданіе, т.-е. запиралась только дверь, ведущая изъ корпуса во дворъ.

Наши книги и собственныя вещи все еще находились внѣ тюрьмы, въ какихъ-то амбарахъ. Постепенно намъ было возвращено и то, и другое.

Прогулки были на первое время также чрезвычайно ограни-

¹⁾ За исключеніемъ невзрачнаго Калужнаго («Методыча», а не мичмана).

ченъ: насъ выпускали по камерамъ подъ конвоемъ на очень непродолжительное время. Впослѣдствіи этотъ порядокъ измѣнился. Но дошло ли дѣло до того, что вообще по прежнему все пространство внутри палей было при мнѣ весь день въ нашемъ распоряженіи, — этого я не припоминаю.

Населеніе тюрьмы доходило до ста человѣкъ.

Но крупнѣйшая перемѣна, которую мы застали въ тюрьмѣ, заключалась въ томъ, что общее управленіе Карійскими промыслами совершенно было устранено отъ завѣдыванія нашей тюрьмою, и это завѣдываніе было передано... отряду жандармовъ съ офицеромъ во главѣ, караульную же службу сталъ нести при тюрьмѣ специально для того откомандированный отрядъ солдатъ, а не мѣстные казаки, съ офицеромъ во главѣ.

Конечно, на первый разъ выборъ завѣдывающаго былъ произведенъ особенно... тщательно, и онъ палъ на жандармскаго полковника (кажется, впрочемъ, подполковника) Халтурина.

Это, видимо, былъ человѣкъ непреклонной воли и неукоснительной исполнительности, въ обоихъ своихъ качествахъ способный не останавливаться ни передъ чѣмъ. Онъ могъ быть, во всякомъ случаѣ, жестокъ до самыхъ крайнихъ предѣловъ, если того требовали обстоятельства.

При такихъ качествахъ завѣдующаго («коменданта тюрьмы») и при строгости режима, установленнаго въ тюрьмѣ, послѣ нашего вторичнаго водворенія въ ней, естественно, жизнь долго не налаживалась. Мы постепенно стали требовать, если не полного возвращенія намъ прежнихъ порядковъ, то тѣхъ или другихъ льготъ, — а Халтуринъ таковыхъ намъ не давалъ.

Но удержать насъ на томъ положеніи, въ которое мы уже были поставлены, — это было, очевидно, не все, что намъ приуготовляло начальство.

Однажды вызвали въ контору нѣкоего Цыплова. Это былъ уголовный преступникъ, который въ свое время оказалъ намъ содѣйствіе въ организаціи побѣга, поэтому былъ переведенъ въ разрядъ государственныхъ и среди насъ немного отшлифовался, — до такой степени, что считалъ себя въ правѣ говорить о своихъ «убѣжденіяхъ». Цыплова что-то не было среди насъ дня два-три, и мы терлись въ догадкахъ, чѣмъ это объяснить.

Наконецъ, онъ возвращается въ тюрьму и говоритъ кое-кому по секрету, что его освидѣтельствовали и... высѣкли. За Цыпловымъ, дѣйствительно, числилось тѣлесное наказаніе, что-то розогъ 50. Но, вѣдь, таковое числилось и за многими не-Цыпловыми...

Такъ какъ законъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ прямо указываетъ

на розги, какъ на наказаніе каторжниковъ за опредѣленные виды преступленій, то судъ въ соотвѣтствующихъ случаяхъ не могъ не приговаривать къ наказанію розгами и государственныхъ преступниковъ, такъ какъ законъ никакого различія между этими двумя категоріями преступниковъ не предполагаетъ. Въ нѣкоторыхъ изъ подобнаго рода случаевъ дѣло тутъ же и ликвидировалось, такъ какъ тюремный врачъ давалъ заключеніе, что такой-то, по состоянію своего здоровья, долженъ быть освобожденъ отъ тѣлеснаго наказанія. Но это не было общимъ правиломъ, и, повторяю, за многими изъ насъ розги числились.

Начальство знало, конечно, положеніе Цыплова въ нашемъ тюремномъ обществѣ, и рассчитывало, что съ особенной ревностію въ защиту Цыплова мы не выступимъ. И потому, очевидно, оно рѣшило выпустить порку Цыплова, какъ свой пробный шаръ.

Къ тому времени настроеніе въ тюрьмѣ уже достаточно обозначилось, — въ томъ смыслѣ, что слѣдуетъ дать начальству отпоръ. Но инцидентъ съ Цыповымъ поднялъ наше настроеніе сразу на нѣсколько градусовъ къ точкѣ кипѣнія.

Тюрьма заволновалась. И среди этого волненія получается новое приглашеніе въ контору, — на этотъ разъ нѣкоего Овчинникова, также совсѣмъ не нашего человѣка, но только сразу же попавшаго на скамью подсудимыхъ по политическому дѣлу: по кіевскому процессу (Дебагоріо-Мокріевича, Ивичевичей и др.) по обвиненію въ убійствѣ шпіона, каковое онъ и на самомъ дѣлѣ совершилъ.

Попытка высѣчь Овчинникова окончательно убѣдила насъ, что наступило время дѣйствовать: для насъ сдѣлалось несомнѣннымъ, что тихимъ манеромъ начальство, намѣрено ввести у насъ порку, какъ постоянную мѣру воздѣйствія на насъ, и что если за Цыповымъ высѣкутъ Овчинникова, то за Овчинниковымъ — Березнюка, за Березнюкомъ — Мышкина, — и т. д.

Было постановлено отвѣтить на это начинаніе начальства голодовкой, и вести ее до самыхъ крайнихъ предѣловъ.

И вотъ — голодовка объявлена...

Въ голодовкѣ приняла участіе почти вся тюрьма: къ ней не прикнули человѣкъ 10—15. Продолжалась она для одной партіи 12 дней, для другой, начавшей почему-то голодовку днемъ позже — 11 дней.

Помню, чрезвычайно мучительны были третій и четвертый дни голодовки: охватывало неудержимое животное чувство голода, — голодь терзала не только тѣло, но и духъ: сознаніе, чувство... Чѣмъ дальше, однако, тѣмъ чувство голода утихало, и подъ ко-

нецъ (я голодалъ 11 дней) сталъ ко всему равнодушень, — спокойно ждалъ наступленія конца.

Сдѣлавъ слабыя попытки уговорить насъ не голодать, Халтуринъ скоро почти прекратилъ посѣщенія тюрьмы и, по всей вѣроятности, рѣшилъ слѣпо исполнять лишь то, что ему на данный случай будетъ предписано начальствомъ. Очень скоро намъ стали въ установленное время вносить въ камеры казенную пищу, очевидно, въ расчетѣ, что видъ горячей баланды и запахъ сѣдобнаго заставитъ слабыхъ изъ насъ накинуться на ѣду. Но начальство ошиблось въ расчетѣ...

Затѣмъ, было предписано каждому изъ насъ свидѣтельствовать ежедневно (чуть-ли даже не по два раза въ день). Для этого въ камеры являлся фельдшеръ и измѣрялъ у каждого температуру и считалъ пульсъ.

Въ первое время мы ходили по камерѣ, и даже вставали на повѣрку, какъ того требовалъ новый тюремный порядокъ. Но затѣмъ, по мѣрѣ того какъ мы замѣчали въ себѣ прогрессированіе упадка силъ, мы рѣшили все время проводить въ неподвижномъ состояніи, лежа на нарахъ, и даже на повѣрку не вставали.

Стали появляться тревожные слухи. Говорили, что Бобоховъ чрезвычайно плохъ; въ нашей камерѣ (Харчевка) не ладно было со Студзинскимъ (и, кажется, со мной, хотя субъективно я ничего особеннаго въ себѣ не замѣчалъ). Съ другой стороны, стали появляться слухи и о томъ, что начальство склонно пойти на уступки. Надо замѣтить, что описываемая голодовка была первая въ такихъ грандіозныхъ размѣрахъ. Во-первыхъ, участвовало въ голодовкѣ очень большое число лицъ, около 100 человекъ; во-вторыхъ, лица эти легко могли поддерживать и ободрять другъ друга; въ-третьихъ, голодовка тянулась слишкомъ долго, при чемъ не оказывалось ни одного штрейкбрехера; въ-четвертыхъ, ни малѣйшихъ признаковъ не проявлялось, что мы хотимъ сдаться. Все это — условія, которыя одновременно были налицо впервые въ нашей голодовкѣ. Не мудрено, что начальство готово было и въ самомъ дѣлѣ пойти на «разумныя» уступки.

Замѣчу тутъ же, что Бобохова, дѣйствительно, пришлось отправить въ больницу дня черезъ два послѣ прекращенія голодовки, и это — не потому, чтобы онъ проявилъ неводержанность къ ѣдѣ послѣ долгаго голоданія (вообще, мы были предупреждены нашимъ товарищемъ, докторомъ Веймаромъ, о необходимости соблюдать крайнюю осторожность въ приѣмѣ пищи послѣ голодовки, а въ частности Бобоховъ былъ совсѣмъ не такого склада человекъ, чтобы злоупотреблять питіемъ и яденіемъ). Что касается Студзинскаго, то, на мой взглядъ, голодовка навсегда измѣ-

нила черты его лица: онъ «осунулся», и, послѣ голодовки, уже не принялъ прежняго образа.

Два указанныхъ факта (опасность дѣйствительно потерять кое-кого изъ товарищей и слухи о склонности начальства пойти на уступки) внесли нѣкоторую деморализацію въ ряды голодающихъ. Въ нашей камерѣ, впрочемъ, такой деморализаціи не наблюдалось, и лишь происходили между Коваликомъ, Студзинскимъ и мной совѣщанія о томъ, не подкормить ли конспиративно тѣхъ, кто слишкомъ ослабѣлъ. Но, какъ говорили, въ другихъ камерахъ съ нѣкоторыхъ поръ стали раздаваться голоса, что голодовку надо прекратить... И въ одинъ прекрасный моментъ голодовка была сорвана стихійно: говорятъ даже, что гдѣ-то кто-то прямо кинулся къ внесенному въ камеру баку съ горячей баландой...

Д-ръ Веймаръ, однако, выработалъ порядокъ нашего возвращенія къ нормальному пищевому режиму. Замѣчательно, что Халтуринъ ничего не имѣлъ противъ этого, и разрѣшилъ намъ вести этотъ переходъ, какъ указалъ д-ръ Веймаръ, а также озаботился, чтобы въ тюрьму доставлялось все, что потребуетъ онъ для того или другого изъ товарищей.

На другой же день послѣ окончанія голодовки насъ вывели на прогулку по-новому.

Вскорѣ разрѣшено было перенести въ тюрьму и нашу библиотеку.

А затѣмъ постепенно намъ были возвращены почти всѣ льготы, которыми мы пользовались и до побѣга восьми. Не могу припомнить, точно ли всѣ эти льготы были возвращены при мнѣ; но, читая описаніе жизни на Карѣ у Стефановича, вижу ясно, что въ его время на Карѣ жилось совершенно такъ же свободно, какъ и при мнѣ — до побѣга восьми. Даже перегородки были сняты.

Во всякомъ случаѣ, еще при мнѣ могло осуществиться такое предпріятіе, какъ организація «рабочей академіи».

Несмотря на это, начальство все же прибѣгло къ мѣропріятію, въ которомъ видѣло одно изъ вѣрныхъ средствъ къ умиротворенію тюрьмы: увезены были въ Шлиссельбургъ Мышкинъ, Буцинскій, Щедринъ, Кобылянский, Юрковский, Гелисъ, Минаковъ, Мих. Поповъ, Малавскій, Сер. Ивановъ, Пав. Орловъ. Чѣмъ руководилась администрація при этомъ «отборѣ», трудно себѣ представить: Гелисъ, наприм., и Малавскій, правда, были изъ долгосрочныхъ, но ни въ какомъ отношеніи въ одну линію съ Мышкинымъ, Юрковскимъ и др. поставлены быть не могли, а даже такой выдающійся человѣкъ, какъ Долгушинъ, былъ едва ли болѣе

опасенъ для внутренняго спокойствія въ тюрьмѣ, чѣмъ многіе изъ оставленныхъ тамъ; приблизительно то же можно сказать о Буцинскомъ, Кобылянскомъ, Орловѣ. Между тѣмъ, только Орловъ и Мих. Поповъ вышли изъ Шлиссельбурга живыми: Мышкинъ и Минаковъ были тамъ разстрѣляны, всѣ остальные умерли отъ болѣзней и истощенія. Замѣтимъ, что Орлову и Долгушину оставалось очень недолго еще пробыть въ каторгѣ. И Орловъ, дѣйствительно, сравнительно скоро былъ выпущенъ на поселеніе. Напомню, что здѣсь его постигла печальная участь: въ Якутской обл. онъ палъ жертвою случайнаго убійства. Профессиональный разбойникъ подстерегалъ на дорогѣ человѣка, съ которымъ имѣлъ счеты еще по каторгѣ. Орловъ, заблудившись, случайно проѣзжалъ по этой дорогѣ, и его убили, принявъ за совершенно другое лицо.

Только Мих. Поповъ («Родионычъ») благополучно отбылъ свою каторгу въ Шлиссельбургъ и умеръ въ Питерѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Коменданты у насъ мѣнялись довольно часто. Халтуринъ, проведши голодовку, былъ очень скоро замѣщенъ ротм. Бурлеемъ. Это былъ человѣкъ, во всякомъ случаѣ, болѣе приличный, чѣмъ Халтуринъ ¹⁾. Послѣ Бурлея былъ назначенъ шт.-ротм. Шубинъ, при которомъ я былъ увезенъ съ Кары. Уже послѣ меня на мѣсто Шубина былъ назначенъ опять Бурлей. Слышалъ я, что Бурлей въ послѣдствіи гдѣ-то въ Забайкальѣ проворовался. У насъ же, на Карѣ, промоталъ наши деньги Манаевъ, за что и былъ сосланъ въ Якутскую обл. на поселеніе съ лишеніемъ правъ. Здѣсь онъ окончательно спился, а его семья терпѣла жесточайшую нищету... Если не ошибаюсь, проворовался у насъ еще и Мосюковъ; во всякомъ случаѣ, его въ тюрьмѣ очень сильно въ этомъ подозрѣвали.

Всѣ мы, находившіеся въ тюрьмѣ въ моментъ побѣга, были привлечены къ слѣдствію по обвиненію въ пособничествѣ покушавшимся на побѣгъ. Между тѣмъ (какъ я много разъ уже упоминалъ) мнѣ и нѣкоторымъ другимъ товарищамъ уже давно окончился срокъ каторжныхъ работъ. На этомъ основаніи мы требовали, чтобы насъ, какъ обыкновенныхъ подсѣдственныхъ, перевели изъ каторжной тюрьмы въ другую или вообще перевели съ каторжнаго положенія.

¹⁾ Между прочимъ, онъ самъ обращался къ нашему Веймару за медицинской помощью и даже отпускалъ его изъ тюрьмы (въ кандалахъ и подъ копчьемъ) къ больнымъ обывателямъ Кары.

Въ теченіе года на это не было обращено вниманія. И только въ маѣ 1883 г. меня, Кленова, Студзинскаго, вмѣстѣ съ нѣкоторыми окончившими къ тому времени срокъ каторжныхъ работъ, выпустили на поселеніе.

Неизгладимыми чертами запечатлѣлось въ моихъ воспомина- нійхъ ощущеніе, которое я испытывалъ, когда, выйдя за тюремную ограду, слышалъ голоса товарищей, оставшихся въ тюрьмѣ, съ добрыми пожеланіями... Эти крики до сихъ поръ звучать въ моихъ ушахъ. Я сознавалъ, что очень, очень многихъ я уже никогда больше не увижу; я зналъ, что многимъ и вовсе не выйти изъ-за рѣшетки Карійской тюрьмы.

Ни въ централкѣ, ни во Мценскѣ, уходя оттуда, мы никого за собой не оставляли...

Здѣсь — сонмъ близкихъ сердцу, дорогихъ существъ, друзей и хотя бы просто прекрасныхъ товарищей оставался за твоей спи- ной, — оставался въ прежнихъ условіяхъ душевнаго томленія... — и въ то же время ты уходилъ отъ этихъ условій, уходилъ хотя и на поселеніе только, хотя и въ Якутскую область (которая рисо- валась въ преувеличенно мрачныхъ краскахъ), но все же уходилъ отъ тѣхъ ужасовъ, которые въ своей совокупности составляютъ то, что называется пребываніемъ въ русской каторжной тюрьмѣ...

Н. Виташевскій.

Очерки прошлаго¹⁾

1883 годъ.

Новый 1883 годъ начинается хорошо.

«Страна» приостановлена и будетъ выходить въ будущемъ подъ цензурою (по новому закону).

«Голосъ» тоже приостановленъ на 6 мѣсяцевъ и потомъ будетъ выходить подъ цензурою.

«Отеч. Записки» получили второе предостереженіе.—Однимъ словомъ, всего не перечтешь. Потомъ данъ лозунгъ веселиться и плевать на все прочее. Балы слѣдуютъ за балами. Пошли въ ходъ русскіе костюмы²⁾. «Московскія Вѣдомости» и «Новое Время» ликуютъ, что, наконецъ, общество (какое?) оживилось, тратится на наряды. Въ этомъ оживленіи микроскопической части общества не участвуетъ вся провинціальная Россія и, значитъ, балами въ русскихъ костюмахъ ее не утѣшишь и не успокоишь. Среди всеобщаго безмолвія раздался голосъ Чичерина, и хвала ему за это честное, свободное слово.

Ежевыя рукавицы теперь въ модѣ.

Въ дѣйствіяхъ Толстого видна извѣстная твердость и энергія характера. Онъ показалъ представителямъ прессы, что не любитъ шутить. Закрывая либеральныя газеты, онъ лишилъ и такія газеты, какъ «Новое Время», извѣстной пикантности и занимательности. Интересна была эта газета своею полемикою съ газетами либеральнаго лагеря. Теперь она безцвѣтна и водяниста. Всего больше мѣста удѣляется театру, да разному вздору, описанію свѣтскихъ баловъ, маскарадовъ, но вотъ Толстой взялся и за земство. За послѣднее засѣданіе новгородскаго губернскаго собранія, гдѣ была провозглашена съ трибуны свобода слова, печати, досталось не одному Румянцеву, но и другимъ.

¹⁾ См. № 6 «Гол. Мин.».

²⁾ Замѣчательно только то, что русскіе костюмы вышли изъ забвенія для маскарада.—Не маскарадъ-ли и вся эта поддѣлка подъ русскія начала, русскій духъ... Просто татарщина, византійство идутъ подъ громкимъ названіемъ русской самобытности и русскихъ основъ жизни.

Костливцевъ уволенъ отъ должности предсѣдателя губернской управы, Арнольдъ былъ приглашенъ въ покойное III-е отдѣленіе и ему сдѣлали отеческое внушеніе и тоже уволили раба Божьяго въ чистую отставку.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что приструнить нашу интеллигенцію очень легко. Съ нею можно не церемониться,—но еще сомнительно, упразднятся ли всѣ вопросы отъ такого всевластнаго: Quos ego!—Разогнать нѣсколькихъ предсѣдателей, закрыть десять газетъ, низвести прессу до самаго крайняго униженія—все это плевое дѣло. Но забываютъ при этомъ, что болтуны, ратующіе въ прессѣ, неопасны. Когда такіе безобидные органы, какъ «Голосъ», должны закрыть лавочку, на сцену выступаютъ люди другого рода, люди, которые не будутъ говорить: «нельзя не сознаться, но надо признаться», люди другого болѣе твердаго закала, люди односторонніе и рѣшительные, которые начнутъ дѣйствовать. Однимъ словомъ, опять выступать на сцену тѣ подземныя силы, которыя нѣсколько разъ играли такую громадную и печальную роль въ русской исторіи.

За числомъ подписчиковъ «Голоса» можно слѣдить («Страна» перебивалась, не имѣя достаточнаго количества подписчиковъ), а за ростомъ этихъ подземныхъ силъ услѣдить невозможно. Толстой вгоняетъ болѣзнь внутрь, но еще неизвѣстно, можно ли изгнать ее совсѣмъ. Послѣ министерства *шутовства* (по выраженію Оржевскаго) наступило министерство сильное внутри и дряблѣе во внѣ. Роль Россіи въ Европѣ ничтожна. Даже Румынія какая-нибудь, и та въ Дунайской конференціи обнаруживаетъ болѣе силы и мужества. Уступаемъ мы на всѣхъ пунктахъ. И это очень крупная ошибка. Правительство можетъ быть деспотическимъ внутри только тогда, когда оно въ видѣ компенсации даетъ внѣшнее могущество. Примѣромъ могутъ служить Фридрихъ II, Наполеонъ I, Николай I. Только тогда голосъ хулителей пропадаетъ безслѣдно въ громкомъ гулѣ всякихъ внѣшнихъ успѣховъ, въ ореолѣ военной славы и національнаго могущества.

20 февраля.

Вечеромъ у Аксакова я видѣлъ Чичерина, который говорилъ о выборахъ Корфа. «Я не думалъ,—сказалъ онъ,—что Корфъ согласится быть инспекторомъ народныхъ училищъ, но когда я узналъ, что онъ согласился, то я былъ очень доволенъ. Лучшаго выбора сдѣлать нельзя. Даже статья «Московскихъ Вѣдомостей», и та повліяла въ его пользу, потому что Текинцы (такъ наз. трактирщики) и тѣ сказали, «что человѣкъ должно быть хорошій, потому что его бранятъ «Московскія Вѣдомости». Итакъ выборы бы со-

стоялись навѣрное, не будь инсинуаций со стороны «Московскихъ Вѣдомостей» и «Новаго Времени».

Говорили о прїѣздѣ Государя въ Москву, о томъ, что нѣкоторыя личности изъ охраны отъ страха передъ грозившею опасностью умерли отъ паралича сердца.

Заговорили о затѣваемыхъ Побѣдоносцевымъ приходскихъ школахъ, которыя онъ хочетъ подчинить священнику. По этому вопросу возникъ очень оживленный споръ. Двое господъ, имена которыхъ не помню, стояли горою за побѣдоносцевскій проектъ и говорили, что надо дать священнику подобающее мѣсто въ школѣ. Аксаковъ и Чичеринъ возражали. «Это разсорить духовенство съ земствомъ,—возразилъ Чичеринъ,—и, наконецъ, земство не дастъ денегъ.—Я самъ земство—я городской голова и у себя знаю, насколько наши священники небрежно относятся къ своимъ учительскимъ обязанностямъ». Повидимому, даже и для Чичерина и Аксакова новыя затѣи Побѣдоносцева показались *zu starker Tabak* и пришлось имъ не по вкусу. Про Гольцева люди, въ родѣ Бартенева, говорятъ съ пѣною у рта и называютъ всѣхъ либераловъ негодяями, но и у этихъ людей либерализмъ не совсѣмъ выдохся, потому что они находятъ слишкомъ крайними нѣкоторыя дѣйствія ретроградовъ (*Dunkermänner*).

М. М. Ковалевскій.

Съ Ковалевскимъ встрѣтился я нѣсколько разъ. Когда я пришелъ къ В. О. Миллеру, онъ пригласилъ меня отобѣдать, но мнѣ пришлось въ этотъ день провожать Досса, и я отказался отъ обѣда и прїѣхалъ къ вечеру.

Ковалевскій разсказалъ, что Гольцеву «Голось» предложилъ 3000 р. жалованья и отдѣлъ въ своей газетѣ¹⁾. Гольцевъ не принялъ и остался въ «Русской Мысли».—Такъ проговорили весь вечеръ, оживленно споря и обсуждая вопросы внутренней политики.

Когда мы уходили, то Миллеръ намекнулъ Ковалевскому, чтобы онъ проводилъ м-мъ Е. до дому. Ковалевскій сейчасъ же предложилъ этой перерзѣлой полумилліонной вдовѣ руку, и мы съ нимъ дошли до ея дома. Мы тутъ съ нею раскланялись, но она предложила намъ войти, и мы *polens-volens* поднялись за нею въ ея квартиру. Было уже поздно. Мигомъ всѣ комнаты осѣтились и насъ усадили за круглый столъ въ гостиной, и передъ Ковалевскимъ гостепріимная вдова разложила цѣлый ворохъ карточекъ. Ковалевскій въ отсутствіи хозяйки взглянулъ на

¹⁾ Юридическое Общество въ Москвѣ, по иниціативѣ Муромцева, выбрало Гольцева почетнымъ членомъ.

меня съ недоумѣніемъ. Меня разбиралъ смѣхъ. Дама, желавшая, должно быть, прельстить Ковалевскаго любезностью своего обращенія, все подкладывала ему новыя и новыя карточки. Вытащила романъ «Китай-городъ» Боборыкина, въ которомъ авторъ изобразилъ Ковалевскаго. Ковалевскій, вмѣсто того, чтобы обращаться къ ней, отвѣчалъ мнѣ и усиливалъ мой позывъ къ смѣху. Онъ мнѣ напомнилъ Джо въ романѣ Диккенса «Большія ожиданія», который на вопросы миссъ Гевисамъ отвѣчаетъ Гипу, «Дружище Гипъ...» Наконецъ, въ сосѣдствѣ зазвенѣла чайная посуда. Всякій разъ, какъ хозяйка выходила изъ комнаты, Ковалевскій обращался ко мнѣ, разставляя руки въ знакъ недоумѣнія, и приговаривалъ: «ну, Москва». Въ концѣ-концовъ, отвѣдавъ чаю съ сухариками и печеньемъ, мы все-таки ушли. Ковалевскій очень мило сказалъ, что вѣрно эта дама очень любитъ ученыхъ. Вотъ что значить быть очень «вумнымъ человѣкомъ», посмѣялся я надъ нимъ. «Voeuf à la mode на мѣсто кавалергардовъ»,—сказалъ онъ со смѣхомъ. Ковалевскій рассказываетъ всегда лучше, чѣмъ пишетъ. Разговоръ его похожъ на фейерверкъ. У него есть то, что французы называютъ verve. Смѣясь, онъ весь участвуетъ въ смѣхѣ. Вся его толстая, громадная фигура принимаетъ въ этомъ участіе. Онъ смѣется не только ртомъ, но и всѣмъ существомъ своимъ. Потомъ онъ въ высшей степени симпатиченъ и умѣетъ обращаться съ людьми. Сейчасъ же около него образуется кружокъ людей, которые, при всей его авторитетности, чувствуютъ большую симпатію къ нему. На всѣхъ лицахъ написано удовольствіе, что они имѣютъ передъ собою такую могучую, сильную, умную личность, которая говоритъ обо всемъ безъ всякаго чванства и влюбленности въ себя. Онъ имѣетъ очень общительный нравъ, и въ этомъ состоитъ его очарованіе. Онъ не замыкается въ себѣ, какъ другіе его товарищи, Миллеръ, Муромцевъ. Глядя на него, говоришь: «вотъ добродушный толстякъ, которому весело и пріятно жить, и самому весело становится на душѣ». «Я очень люблю общество женщинъ». Все это говорилъ онъ мнѣ по поводу того, что Боборыкинъ нѣсколько разъ изображалъ его. Боборыкинъ изображалъ его, но не въ его цѣлокупности, а только изображалъ всегда часть его натуры, тогда какъ натура Ковалевскаго сложная и богатая. Работаетъ онъ безъ усталости, ораторъ очень хорошій, но онъ не ушелъ въ свою специальность, онъ любитъ хорошій столъ, человѣкъ чрезвычайно мягкій и добрый, даже надъ романами плачетъ, свои занятія прерываетъ для того, чтобы прочесть какой-нибудь романъ, стихи Альфреда де Мюссе, котораго очень цѣнить; любитъ вообще стихи, готовъ помочь всѣмъ и каждому, натура самолюбивъ-

вая и кичится немного самимъ собою, но дѣлаетъ это очни-добродушно и мило, очень невоздерженъ на языкъ и рубить, говоря о какомъ-нибудь лицѣ, съ плеча всѣхъ и каждого, а особенно своихъ товарищей. Последнее обстоятельство дѣлаетъ то, что у него много враговъ, потому что всегда найдутся люди, которые донесутъ о словцѣ Ковалевскаго тому, кого это интересуетъ. Про Гольцева онъ, напр., говорить: «это Ковалевскій, разведенный въ водѣ». Про Муромцева онъ тоже отзывается иронически. «Вотъ, посмотрите,—сказалъ онъ мнѣ,—показывая на рукопись. Онъ былъ очень доволенъ, когда я уѣхалъ въ Америку. Я ему мѣшалъ, а теперь опять обращается къ моей помощи». Цитовича, когда я высказалъ, что онъ увезъ кассу и прикарманилъ 60 т., онъ защищалъ.—«Повѣрьте, все это выдумки Незлобина. Я тогда предупреждалъ Цитовича, что онъ змѣю пригрѣваетъ на своей груди».—«Такъ отчего же онъ не возражалъ противъ обвиненія Незлобина?»—«Да потому что ему было больно разочароваться въ человѣкѣ, которому онъ такъ вѣрилъ. Вотъ и я, напримѣръ, если Сев. Ѳ. Миллеръ напишетъ про меня какую-нибудь гадость,—и я не буду возражать въ газетахъ, потому что я его такъ цѣнилъ высоко. Для меня его измѣна будетъ чувствительнѣе и больнѣе, чѣмъ мнѣніе толпы». Вообще Ковалевскій очень цѣнитъ Миллера. Молчаливый, тихій, но многознающій Миллеръ, кабинетный ученый въ полномъ значеніи слова, составляетъ яркій контрастъ общительному, рѣзкому, остроумному Ковалевскому. Ковалевскій любитъ говорить о своемъ вліяніи. . . . «Впрочемъ, я теперь сказалъ имъ, что мужикъ можетъ быть глупъ, вещь, за которую въ то время, когда я былъ студентомъ, профессора освистали бы. — Пускай не думаютъ, что я, какъ Гольцевъ, подамъ въ отставку — пѣтъ, пускай они меня отрѣшатъ отъ должности». Все это, конечно, очень невинно и безобидно... Отчасти у него есть и основанія ставить себя очень высоко. Тридцати трехъ лѣтъ — онъ уже докторъ права, авторъ хорошихъ книгъ, любимецъ молодежи, другъ и пріятель съ великими людьми двухъ полушарій, — почему же ему не возгордиться немного.

Конечно, съ другой стороны, онъ никогда не тычетъ своими сочиненіями, говорить даже шутя, что они будутъ достояніемъ мышей, что они плохо расходятся, не покупаются. Онъ позволяетъ себѣ смѣяться надъ другими, но не щадитъ и самого себя, и, за неимѣніемъ другой пищи, предлагаетъ свою собственную персону на съѣденіе. Не обижается, когда надъ нимъ смѣются. Про Достоевскаго онъ, со словъ Щедрина, который Достоевскаго называетъ просто Ѳедькою, рассказалъ нѣсколько комичныхъ

анекдотовъ, но когда я ему замѣтилъ, что это неправда, и что это на Достоевскаго непохоже, онъ послѣ нѣкотораго времени согласился со мною и заговорилъ совершенно другимъ тономъ.

Кичился тѣмъ, что Тургеневъ, Щедринъ и многія перво-степенныя личности съ нимъ за панибрата. Онъ этого, положимъ, не показываетъ, но по всему видно, что онъ этими отношеніями очень дорожитъ. Про Щедрина онъ рассказывалъ мнѣ то, что я предполагалъ, не зная его лично. Щедринъ—это старый баринъ, который брезгливо относится къ плебсу. Въ семействѣ Головлевыхъ онъ изобразилъ свою собственную семью и своего брата.

Матвѣевъ, Спичаковъ, Навроцкій.

Я освѣдомился о томъ, что дѣлаетъ Матвѣевъ—директоръ юстиціи въ Восточной Румеліи. «Ахъ вы не знаете: съ нимъ былъ ударъ, и онъ теперь въ Петербургѣ».

Съ Матвѣевымъ я уже давно знакомъ и все откладывалъ его портретъ до болѣе удобнаго времени. Человѣкъ онъ очень заурядный, простой, пишетъ недурно объ обычномъ правѣ, въ литературѣ даже приобрѣлъ себѣ имя, участвуя въ «Русской Рѣчи». Человѣкъ религіозный.

По убѣжденіямъ, съ славянофильскими тенденціями, безъ всякой притязательности, *juste milieu*, онъ составляетъ полную противоположность пріятелю своему де-Роберти. Матвѣевъ цѣнитъ въ де-Роберти то, что тотъ ему о каждой книгѣ дастъ подробный отчетъ. Шумливый, рѣзкій, съ ораторскими способностями, чрезвычайно самолюбивый и, можетъ быть, честолюбивый де-Роберти является контрастомъ къ тихому, скромному, очень спокойному Матвѣеву, но вотъ фактъ, который вполне обрисуетъ Матвѣева. Это было въ то время, когда я задумалъ издавать журналъ «Земство», изданіе котораго мнѣ не разрѣшили. Получаю приглашеніе итти вечеромъ къ Матвѣеву. Я знаю, что въ Славянскомъ Комитетѣ Ламанскій шептался съ Матвѣевымъ и подбивалъ его издавать журналъ.

Прихожу къ Матвѣеву. Тамъ застаю Градовскаго, де-Роберти, Ламанскаго, Страхова, Васильева, Аристова (проф.). Между угощеніемъ пошли толки о журналѣ. Матвѣевъ сильно настаивалъ на томъ, чтобы основать предпріятіе на паяхъ (и это хорошо), но съ тѣмъ, чтобы пайщики и образовали нѣчто въ родѣ редакціонной комиссіи. Последнее было уже непрактично, потому что ни одна статья не могла бы найти одобренія всѣхъ членовъ комиссіи. Матвѣеву очень хотѣлось, чтобы я былъ главнымъ

отвѣтственнымъ редакторомъ, но я отказался, имѣя въ виду издавать свой собственный журналъ. Затѣмъ пошли разговоры о программѣ и направленіи новаго журнала, и сейчасъ же оказалось, что Градовскій и Ламанскій не могутъ писать въ одномъ журналѣ. Начались пренія. Матвѣевъ въ своемъ журналѣ хотѣлъ подражать баснѣ «Лебедь, Щука и Ракъ», а Градовскій отвелъ въ сторону Матвѣева и при мнѣ сказалъ ему: «Такъ нельзя основывать журналъ. Ты, милый другъ, пригласилъ сюда всѣхъ хорошихъ знакомыхъ и думаешь, что журналъ готовъ. Подумай только—Страховъ и де-Роберти, Ламанскій и я. Я за конституціонныя формы, а Ламанскій говоритъ, что это вздоръ». Дѣло, такимъ образомъ, разошлось въ самомъ началѣ. Послѣ этого мы видѣлись довольно часто съ Матвѣевымъ. Онъ записалъ меня въ клубъ, читалъ мнѣ свои произведенія и уже въ мое отсутствіе былъ назначенъ въ директоры юстиціи въ Восточную Румелію. Въ литературномъ дѣлѣ онъ игралъ роль «полезности», не выдаваясь особенно ни идеями, ни энтузіазмомъ, какъ и всякая хорошая посредственность. Со мною онъ былъ всегда очень ласковъ и, какъ мнѣ казалось, симпатизировалъ мнѣ, искалъ моего общества, и я про него ничего худого сказать не могу. Да и другіе врядъ ли скажутъ про него что-нибудь худое. Толковали мы съ нимъ de omni re scibili, о женщинахъ, и онъ дѣлалъ мнѣ свои confidences насчетъ той, которая за нимъ послѣдовала изъ Парижа. Онъ былъ самостоятеленъ въ сужденіяхъ. При мнѣ онъ выговаривалъ де-Роберти за его ораторскія упражненія въ клубѣ. «Къ чему,—сказалъ онъ,—изъ слова балаганъ дѣлать и толковать такъ рѣзко, оскорблять чужія мнѣнія». Всегда сознавался въ соблюденіи поста и мечталъ о созданіи *консервативной* партіи. Мнѣ это нравилось въ Матвѣевѣ. При всей своей религіозности, онъ былъ не ретроградъ, не обскурантъ,—нѣтъ, онъ предоставлялъ каждому полную свободу сужденія.

Кстати, я забылъ рассказать о личности, которая тоже стремилась создать нѣчто въ родѣ консервативной партіи, это редакторъ «Россіи»—Спичаковъ. Я видѣлъ этого высокаго, мясистаго господина у Устрялова, когда затѣвалъ свое изданіе. Не понимаю, отчего Устряловъ пригласилъ его. Онъ говорилъ много о томъ, что слѣдуетъ всѣмъ собраться, кличъ кликнуть по землѣ русской и собрать всѣхъ лучшихъ людей въ одну хранину, но говорилъ туманно, запутанно, такъ что я не понялъ, что онъ собственно хотѣлъ сказать этимъ. Не я одинъ, но и Устряловъ ничего не понялъ о намѣреніяхъ Спичакова.

Въ его рѣчи перемѣшивались въ какомъ-то ужасномъ винегретѣ слова: «Россія, кличъ кликнуть, земство, высшія сферы»,

но изъ всѣхъ словъ нельзя было извлечь, чего онъ-то собственно хочетъ. Потомъ онъ пристроился къ «Вѣстнику Краснаго Креста» Потомъ издавалъ съ такимъ же успѣхомъ «Россію», которую поддерживалъ Демидовъ-Санъ-Дonato. Но и въ газетѣ, которая была обращена къ публикѣ, царствовала та же туманность, неопредѣленность, или, сказать лучше, путаница взглядовъ, такъ что газета читалась только редакторамъ и сотрудниками. Подъ конецъ оказалось, что редакторъ обещалъ своихъ сотрудниковъ, тѣ обратились съ жалобою къ Демидову, который пополнилъ кассу, рассчитался со всѣми и прекратилъ изданіе газеты.

Такую же золотую посредственность изображалъ собою редакторъ «Русской Рѣчи». Своими стихотворными опытами онъ наводилъ тоску на читателей. Правда, въ этомъ журналѣ были хорошіе сотрудники: Марковъ, Градовскій, Матвѣевъ, статьи которыхъ читались съ интересомъ. Самъ Матвѣевъ сознавался, что у Навроцкаго какая-то путаница въ головѣ. Навроцкій рассказывалъ очень хорошо о Салиасѣ—редакторѣ «Полярной Звѣзды»: «Это самый безпорядочный смертный и гдѣ ему издавать журналъ. Лучше бы писалъ романы, за которые ему платятъ хорошо, а то затѣялъ журналъ и разорился. Издастъ журналъ и вдругъ вздумаетъ поѣхать въ Испанію, и журналъ не можетъ выйти въ срокъ». Заговорили мы о журналѣ «Слово» и о томъ, что Коробчевскій издастъ теперь «Новое Обозрѣніе». «Да,—замѣтилъ Навроцкій,—вотъ тоже гуси затѣяли издавать новый журналъ и обратились за субсидіей къ Базилевскому. Тотъ и далъ помощь журналу. Но эту помощь вмѣсто того, чтобы употребить ее на изданіе журнала, главный редакторъ употребилъ для себя, а сотрудникамъ оставилъ шишъ. Вотъ и началась перепалка. Дошло дѣло до Базилевского, который умоляетъ оставить его въ покоѣ и махнулъ рукою на свои денежки. За что купилъ, за то и выдаю, потому что я не знаю ближайшаго источника этой исторіи».

А. С. Суворинъ.

«Новое Время» изъ шипучаго напитка обратилось въ лавровишневая капли съ примѣсью воды и должно дѣйствовать успокаивающимъ образомъ на нервы русскаго общества. Газета тщательно избѣгаетъ всякаго повода къ нареканію, замазываетъ, гдѣ можно, смягчаетъ тяжелыя впечатлѣнія, которыя производятъ событія...

Въ публикѣ Суворинъ рисуется теперь какъ ретроградъ и теряетъ съ каждымъ днемъ свое значеніе.

Его обвиняли въ томъ, что его газета офиціозное изданіе гр. Игнатьева. Это обвиненіе возбуждаетъ только мой смѣхъ. Просто травля зашла слишкомъ далеко и противники кидаются на аргументы съ грязью. Что такое Краевскій? Помню сѣдѣнькаго маленькаго старичка въ Славянскомъ Комитетѣ въ 1876 г. По поводу статьи какого-то Макса въ «Голосѣ», обругавшаго Ореста Миллера, Ламанскій накинулся на Краевского и очень рѣзко высказался противъ него. «У васъ всякая б...дь пишеть,—сказаль онъ въ засѣданіи Комитета». Что было дѣлать Краевскому. Ламанскій съ видомъ диктатора потребоваль, что Краевскій долженъ оставить залу засѣданія и т. д. Я протестоваль противъ этихъ диктаторскихъ замашекъ и сказаль, что для разбора личныхъ пререканій у нихъ вѣрно найдется другое, болѣе удобное мѣсто. Къ моему мнѣнію присоединился и Миллеръ, когда я сказаль, что вмѣсто помощи сербамъ мы тутъ занимаемся дразгами и личными препирательствами. Краевскій съѣлъ пилюлю и пересталь ходить въ засѣданіе Славянскаго Комитета. Онъ ходиль въ министерство узнавать мнѣніе Мельникова, браль статьи, которыя помѣщаль въ своей газетѣ. Кто же былъ офиціозомъ въ 1876 г.? «Голосъ», конечно, а не «Новое Время», которое было впереди общества, отстаивая сербское дѣло, Краевскій и не прятался, и не скрываль своихъ сношеній съ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, напротивъ, онъ мнѣ и Сорокину высказаль, что ему слишкомъ мало даютъ свѣдѣній, какъ ему держаться въ этомъ вопросѣ. Краевскій молчаль, пока сербское дѣло было въ своемъ апогеѣ, но когда случилась Дюнишская катастрофа, то онъ разразился бранью, инсинуаціями и выливаль цѣлые ушаты помоевъ. Но кто же виновать? Конечно, Ламанскій со своими диктаторскими замашками. Не изгоняй онъ Краевского изъ Комитета по сборамъ, Краевскій остался бы до конца членомъ Комитета и не могъ, не позоря самого себя, ругать Комиссію. А теперь у него была отговорка: я тамъ не былъ, меня нарочно оскорбили, чтобы распоряжаться, какъ хотѣли. Приглашаль же Миллеръ редакторовъ враждебныхъ газетъ взглянуть на отчеты, но было уже поздно.

Теперь мнѣ смѣшно слышать, когда «Новое Время» обвиняеть «Голосъ» и называетъ газетою чиновниковъ, точно въ «Новомъ Времени» не участвовали чиновники: Пашковъ, Скальковскій и много другихъ чиновниковъ высшаго и низшаго разбору вносили свою лепту въ изданіе.

Суворовъ всегда подчинялся впечатлѣнію минуты и по временамъ для оживленія своей газеты печаталь о земскихъ соборахъ, мечталь въ 1880 г., что у насъ, когда призовутъ редакціон-

ныя комиссіи, появятся ораторы въ родѣ Мирабо. Потомъ, въ минуту хандры и нехорошаго расположенія духа, онъ говоритъ совѣмъ другое: «Нѣтъ, Соборъ невозможенъ, это будетъ Учредительное Собраніе и гибель Россіи».

Суворинъ очень часто противорѣчить тому, что говорится въ его газетѣ. Его газета бранитъ теперь тѣхъ, которые жалуются на скуку, на затишье. Онъ самъ всегда жалуется на скуку. Еще недавно онъ писалъ мнѣ, что Черное море, подобно русскому обществу, плещется на одномъ мѣстѣ. Отъ него очень часто слышалъ, какъ онъ жалуется на общественное затишье. Значитъ, не либералы выдумали скуку, тоскливое чувство, которое царитъ въ обществѣ, и самъ Суворинъ не чуждъ этого томленія, этой тоски.

Въ это время я бывалъ урывками въ Петербургѣ и въ Москвѣ... Въ Петербургѣ я видѣлся съ Суворинымъ. До этого я помѣстилъ свои корреспонденціи изъ славянскихъ земель. Послѣ 1-го марта я передалъ Суворину мою рукопись «Свободное слово о современномъ положеніи въ Россіи» и онъ напечаталъ ее у Бера, выпустивъ только историческую часть... Приблизительно къ этому времени относится моя полемика съ Боборыкинымъ, который помѣстилъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» статью: «На распутьи славянства».

Такимъ же нервнымъ, недовольнымъ собою и хандрящимъ показался мнѣ Суворинъ. Я приходилъ къ нему и сиживалъ у него подолгу. Иногда онъ высказывался очень мѣтко о нашемъ гражданскомъ строѣ. Мы съ нимъ согласились, что Цитовичъ во многомъ оказался правъ. «Я самъ повліялъ въ этомъ духѣ» (порча нравовъ)—сказалъ Суворинъ. Онъ очень высокаго мнѣнія о русскомъ народѣ. Сравнивалъ русскаго мужика съ нѣмецкимъ и удивлялся, насколько первый талантливѣе второго. «Намъ не надо конституціи,—говорилъ онъ,—въ западномъ вкусѣ. Вѣдь Аксаковъ и славянофилы въ сущности республиканцы, но этого нельзя говорить». Сожалѣлъ, что не соберется печатать о своихъ впечатлѣніяхъ во время сербской войны. Говорилъ о томъ, что Черняевъ настоящій Жюль Фавръ, когда говорить рѣчи. Глаза у него горѣли, жестъ повелительный. Но не умѣетъ окружать себя хорошими людьми. «Его нельзя трогать, его жаль трогать», сказалъ онъ по поводу моей статьи... Во многомъ мы только вторили и развивали мнѣнія, которыя намъ были по душѣ. Когда я заговорилъ о нападкахъ на него, онъ сказалъ: «Я ихъ не читаю и не хочу читать. Все это жалкая бездарность, такая подтасовка. Такъ все надоѣло, хотѣлось бы куда-нибудь уѣхать. Вотъ я благодаренъ Молчанову: знакомитъ насъ съ Россіею. Это такая нелѣпость, когда эти господа ругаются патріотомъ. Какъ же они любятъ мужика, и не любятъ Россіи. Я люблю мужика и всю».

Россію. Я соскучился объ Россіи, бывши за границу. Тамъ всѣ эти люди какъ-то холоднѣе, разсудительнѣе, но не мы. Я развѣ иду противъ свободы, противъ прессы, противъ парламентаризма? Я только хочу, чтобы это были политическіе соборы!» Разсказывалъ мнѣ про свою переписку съ Драгомановымъ... Онъ разсердился на меня за то, что я напомнилъ ему, что онъ не Герценъ, и что далеко кулику до Петрова дня.

Когда Суворинъ въ духѣ, онъ бываетъ очень интересенъ. Большею частью онъ бываетъ раздражителенъ въ обращеніи съ своими сотрудниками. Полемика съ газетами его сердить, я это видѣлъ разъ, когда онъ выговаривалъ Буренину за то, что тотъ прочелъ въ «Будильникѣ» какую-то остроту про Молчанова. «Весь свѣтъ имѣетъ корреспондентовъ,—запальчиво сказалъ онъ,—а тутъ глумятся. Охота вамъ глупости читать». Все въ редакціи стихло и поникло головами.

Одинъ изъ моихъ разговоровъ я увидѣлъ потомъ въ воскресномъ фельетонѣ.

«Что Вы не скажете ничего про Мещерскаго,—спросилъ я его.—Боюсь, книга очень либеральная. Вѣдь она въ славянофильскомъ духѣ написана», и я указалъ ему на нѣсколько мѣстъ. Онъ посвятилъ Мещерскому (гр. Обезьянинову) свой воскресный фельетонъ. Ходитъ онъ постоянно въ довольно истасканномъ бархатномъ пиджакѣ. Похожъ на нигилиста. Носитъ длинные волосы. «Что Вы не зададите трепку бр. Елисѣевымъ и т. д.?»—«Ахъ, какъ-то я совѣмъ раскисъ. Напишите, у Васъ есть нюхъ»,—сказалъ онъ мнѣ.—Я это цѣню въ васъ».

Прежде онъ совѣтовалъ мнѣ писать о русскомъ обществѣ. «Бросьте вы славянщину». Мнѣнія его измѣнчивы. То онъ находитъ, что «Улика Времени» глупая книга, то черезъ три недѣли находилъ ее замѣчательнымъ произведеніемъ. Онъ очень впечатлителенъ, у него нѣтъ установившихся взглядовъ. Онъ просматриваетъ и редактируетъ всю газету самъ... Для этого требуется масса времени, и вѣрно это отражается на его настроеніи духа. Книги, бумаги у него въ величайшемъ безпорядкѣ. Трудно себѣ вообразить подобный хаосъ. То же самое съ журналами, которые приходятъ изъ разныхъ мѣстъ въ редакцію.

При семъ прилагаются нѣкоторыя его письма.

1.

Многоуважаемый

Григорій Александровичъ!

Вы меня очень удивили своимъ письмомъ къ Мих. П—чу. Такъ вотъ Вы какой богатый. Дворцы въ Ялтѣ имѣете чуть не

изъ мрамора. Позавидовалъ я этимъ дворцамъ и думалъ себѣ: «напишу ему, чтобы высказать свое удивленіе и удовольствіе». Очень кусается Ваше предложеніе и купила у меня такого нѣтъ. Я все еще никакъ не выбьюсь на торный путь, и едва ли выбьюсь раньше конституціи или Собора, т.-е. раньше того оживленія жизни, которое должно же настать. А теперь время апатіи и лѣниваго чтенія. Похороны Достоевскаго доказали, что общество—порохъ, отъ искры загорается. Женщины особенно. Что это за прелесть русская женщина: вся изъ нервовъ, но не только на пушку полѣзетъ, но и въ пушку. Сто чертей въ ней сидитъ и все рѣшительныхъ чертей. Жаль, что не видали этой демонстраціи! Дѣйствительно грандіозно вышло. Конечно, и комизма было немало и безтактности. Смѣшно сказать, но полицію отнюдь нельзя было обвинять въ безтактности. Она была мила и любезна. Женщины доселѣ никакъ не образумятся и шлютъ ежедневно вороха прозаическихъ и стихотворныхъ статей о Достоевскомъ. Открыли. Либералы кусаютъ себѣ пальцы. Чудное дѣло. Какъ это разомъ сошлось: точно электрическая проволока всѣхъ соединила. Теперь Вы о нѣмцахъ не говорите—сами смыслимъ. Я буду беречь Ваши планы и пришлю Вамъ. Для меня очень дорого даже съ разсрочкой, которую Вы, конечно, умѣренно только сдѣлаете. На всякій случай, однако, скажите Ваши условія точно. Меня во всякомъ случаѣ больше соблазняетъ помѣщичья усадьба гдѣ-нибудь подъ Москвой съ садомъ и рѣчкой, и недорогая, гдѣ бы можно было жить лѣтомъ. Не слыхали ли чего подходящаго. Вы романъ, о которомъ писали, опять изъ нѣмецкой жизни пишите. Завидую Вамъ тройнѣ и какъ помѣщику, и какъ обладателю недостроеннаго дворца, и какъ свободному человѣку. Усталъ смертельно, отдохнуть тянетъ, а отдохнуть и некогда, и негдѣ.

5 февраля 1881 г.

Вашъ А. Суворинъ.

2.

Многоуважаемый

Григорій Александровичъ!

Еще въ началѣ іюля новаго стиля я видѣлъ Вашу книгу въ Эмсѣ, затѣмъ читалъ въ Парижѣ рецензію на нее въ «Вольномъ Словѣ». Вотъ все, что могу сказать Вамъ. Вышла также брошюра Кошелева въ томъ же духѣ. Обѣ эти брошюры едва ли будутъ допущены въ Россію, а за границей идутъ изрядно. Жму Вамъ руку. Если приѣдете въ Питеръ, зайдите. Скучно очень. Ничего не пишется и желается уѣхать туда, гдѣ солнце, море и апельсины, и чужая политика.

18 Сентября 81 г.

Вашъ А. Суворинъ.

3.

27 авг. 1882 г. Ялта.

Изъ Вашихъ мѣстъ пишу Вамъ, многоуважаемый Григорій Александровичъ. Надоѣла мнѣ Ваша Ялта ужасно. Пустяковъ много, а существенно хорошаго мало. Видѣлъ я Вашу дачу и живу возлѣ нея—на дачѣ Мейера. Говорилъ съ Вашей няней и согласенъ съ ней на Вашъ счетъ: «его Богъ наказываетъ за непослушаніе родителямъ», говоритъ она. Въ самомъ дѣлѣ, вздумали Вы строить дворецъ, ухлопали массу денегъ, и стоитъ онъ свидѣтелемъ Вашего увлеченія. Я ходилъ по этому кандидату въ руины и думалъ, что все это было бы хорошо, еслибъ было поближе къ морю и повыше. Слѣдовало строить на холмѣ, а не внизу его. Теперь море видно только изъ 2-го этажа, и то до тѣхъ поръ, пока Витмаръ, купившій у Васъ участокъ, не построитъ какого-нибудь нужника и имъ не заслонитъ Вамъ совсѣмъ вида на море. Здѣсь говорятъ, что онъ потому и купилъ участокъ этотъ, чтобы застроить Вашу дачу, заслонить ее, обезцѣнить этимъ, и купить потомъ. Ловкій онъ человѣкъ. Вообще тутъ хорошо строиться ловкимъ людямъ. Вашъ архитекторъ Шрейберъ построилъ себѣ здѣсь очень хорошій домъ. А у Васъ и деньги были, да ничего не сдѣлали. Я вчера былъ въ Гурзуфѣ, который принадлежитъ теперь Губонину. Вотъ это прелесть и куплено совсѣмъ за безцѣнокъ, за 250 т., земля, домъ, оранжереи; въ домѣ оказалось на 30 т. серебра и на 70 т. винъ. Вотъ оно, какъ Петръ Іоновичъ орудуетъ.—Имѣніе, говорятъ, теперь стоитъ полмилліона. Я тутъ высматривалъ дачи и мѣстечки и ничего подходящаго не нашель: либо дорого, либо жалко и ничтожно. Патріотическимъ же чувствомъ ни мало не одушевленъ, а пагубныя послѣдствія онаго слишкомъ ярко видны на Вашемъ примѣрѣ. Скука здѣсь неимовѣрная, дороговизна тоже. За дачу Мейера, не большую, что у дороги, а вторую, я плачу 1600 р. за сезонъ. За эту цѣну за границей дворецъ можно нанять, а тутъ 8 жалкихъ комнатокъ, кое-какъ меблированныхъ, безъ тѣхъ удобствъ, къ которымъ въ Петербургѣ мы всѣ привыкли. А море—развѣ это то движущееся море, что въ Біаррицѣ, море, то бурно надвигающееся на берегъ, то уходящее вдаль. Здѣшнее море такъ же неподвижно, какъ русская жизнь, вѣчно плещется на одномъ мѣстѣ, и если бурлитъ и пѣнится, то опять же въ предѣлахъ Божеской цензуры. Посылаю Вамъ эту болтовню, не зная, гдѣ Вы и скоро ли Вы прочтете. Впрочемъ, ничего Вы не потеряете отъ того, что прочтете поздно. Думаю пробыть здѣсь весь сентябрь.

Вашъ А. Суворинъ.

4.

28 октября 82 г.

Многоуважаемый
Григорій Александровичъ!

Не удивляйтесь тому, что я стремлюсь на попятный дворъ. Со времени нашего разговора прошло нѣсколько мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ обнаружились такіе дефекты моей издательской дѣятельности, что ее необходимо если не остановить, то приостановить. Согласитесь, что изданіе Угорскихъ пѣсенъ чистый убытокъ, а если Вы не соглашаетесь съ этимъ, то доказать это можно. Впрочемъ, я совсѣмъ не отказываюсь, но не назначаю время, когда могу издать. Вслѣдствіе этого будетъ лучше отдать Сборникъ Географическому Обществу. Если Вы драму написали въ Сухомъ, я написалъ въ Ялтѣ. Моя драма черноморская, ибо дѣло идетъ о Медеѣ и Язонѣ, которые когда-то плавали по Черному морю. Драма моя явилась результатомъ усерднаго чтенія греческихъ драматурговъ на французскомъ языкѣ, конечно. Восхитился я ими и сталъ бредить древними сюжетами. Можетъ это и глупо, но подъ старость это такъ обыкновенно; если можете, то не сердитесь.

Вашъ А. Суворинъ.

Если поѣдете въ Германію, то заѣзжайте поговорить.

5.

4 февраля 83 г.

Получилъ Ваше грозное письмо, Григорій Александровичъ, котораго, впрочемъ, половины я не разобралъ, ибо писано оно по-ассирійски, и немедленно Вамъ отвѣчаю слѣдующее: драму Вашу читалъ, читала ее и Стрепетова, и лежитъ она у меня въ исправности, пристроить ее не брался и не возьмусь. Мнѣнія о драмѣ имѣть не могу, ибо случилось такъ, что читаешь и думаешь, что она плохая, а она имѣетъ успѣхъ, и наоборотъ: въ чтеніи хорошо, на сценѣ падаетъ. По-моему, драма имѣетъ положенія счастливыя, но они крайне неразвиты, это скорѣй сценарій, чѣмъ драма. Стрепетова сказала только, что начинать драмы такъ, какъ у Васъ, невозможно—разомъ съ сильной сцены. Она тоже сдѣлать ничего не можетъ, ибо ее совсѣмъ игнорируютъ и не ставятъ для нея ничего. Во всякомъ случаѣ, если хотите броситься съ нею въ море сценическое, то необходимо представить 2 экз. въ цензуру и 2 экз. въ литературный Комитетъ, причемъ Вы должны кому-нибудь поручить ее прочесть въ Комитетѣ,

если сами читать не станете. По уставу Комитета, пьесы читаются или авторомъ, или лицомъ, уполномоченнымъ отъ него, или онъ даетъ право Комитету самому распорядиться съ чтеніемъ.

Что касается Пёсенъ, то рукопись ихъ давно переслана О. Θ. Миллеру. Затѣмъ увѣдомьте меня, что мнѣ дѣлать съ Вашей драмой: прикажете прислать, пришлю, прикажете передать кому—передамъ. Хотите—попрошу Григоровича прочесть ее и сказать свое мнѣніе частно, такъ сказать, не доводя драму до Комитета. Затѣмъ желаю Вамъ всякаго благополучія и прошу не сердиться.

Вашъ Суворинъ.

С. А. Юрьевъ.

Газеты съ ожесточеніемъ спорятъ, злословятъ, порочатъ другъ-друга напропалую и потомъ удивляются, что печатное слово теряетъ всякое значеніе въ Россіи.

Мнѣ не нравятся эти споры изъ-за личности, постоянныя инсинуаціи, но рѣшить, кто изъ нихъ честнѣе смотритъ на дѣло, я не въ силахъ. Краевскій не такъ чистъ, какъ воображаютъ либералы, и «Новое Время», не такой ужъ рыцарь безъ страха и упрека, какъ воображаетъ противоположный лагерь. Вѣрнѣе всего деморализація, царящая въ обществѣ, отражается на его дѣятеляхъ, на представителяхъ прессы, на адвокатурѣ,—однимъ словомъ, на всѣхъ, которые, такъ или иначе, принимаютъ участіе въ общественномъ дѣлѣ.

Отъ деморализаціи уходятъ только истинные ученые, весьма немногія лица, такія личности, которыя при голубиной чистотѣ могутъ почитаться не отъ міра сего. Такимъ человѣкомъ можно назвать Юрьева.

Разсѣянный, растерянный, ушедшій въ какую-то идею, этотъ добрый старикъ прославился въ Москвѣ своею разсѣянностью. Рассказываютъ про него, что онъ, выходя изъ редакціи, задумалъ купить калоши и подъ мышку взялъ статью, которую необходимо было отправить въ типографію. Вотъ онъ купилъ калоши и вернулся домой. Въ передней онъ бросилъ на полъ рукопись, а галоши отправилъ въ типографію, которая, ожидая продолженія, не знала, какъ принять эту посылку. Къ счастью, скоро все разъяснилось. А вотъ и другой анекдотъ. Онъ былъ на вечерѣ у Ольги Н. (Кирѣевой). Когда гости всѣ разошлись, О. Н. велѣла потушить лампы и готовилась лечь спать. Вдругъ среди глубокой ночи раздается потрясающій звонокъ, и въ комнату, къ изумленію хозяйки, влетаетъ Юрьевъ. «Я, кажется, у Васъ шапку за-

былъ». Морозъ стоялъ на дворѣ. Ищутъ и обшарили все углы, и хозяйка въ отчаяніи смотритъ на своего поздняго гостя. «Да что Сергѣй Андреевичъ,—шапка на Вась» (шапка была одѣта на затылокъ и темени не закрывала). Смѣхъ и прощаніе.—Вотъ и третій анекдотъ. Юрьевъ и Гиляровъ-Платоновъ идутъ къ Иловайскому и дорогою разговариваютъ о всякихъ высокихъ матеріяхъ... Когда они пришли къ Иловайскому и въ передней Юрьевъ передъ зеркаломъ приводитъ въ порядокъ свои волосы, вдругъ онъ въ зеркалѣ видитъ лицо Гилярова-Платонова и бросается къ нему съ объятіями: «Ахъ, голубчикъ, сколько лѣтъ!» Тотъ его останавливаетъ и напоминаетъ ему о томъ, что они вмѣстѣ шли на улицѣ. Но все это комическая сторона человѣка, который до старости лѣтъ сохранилъ голубиную чистоту души, искренность и свѣжесть чувства, честность убѣжденій. Въ Главномъ Управленіи по дѣламъ печати «Русская Мысль» записана на худомъ счету и тамъ говорятъ, что Юрьевъ въ «Русской Мысли» играетъ роль лампы передъ образомъ. Онъ честный, хороший, восторженный, несмотря на годы, человѣкъ. Игнатьевъ, когда пріѣзжалъ Юрьевъ въ Петербургъ, выговаривалъ ему за направленіе журнала. «Вы славянофилъ и я славянофилъ, такъ чего же Вы пишете противъ меня», сказалъ Игнатьевъ Юрьеву.

Другіе члены редакціи въ другомъ родѣ. Бахметьевъ, секретарь редакціи, благодаря безпорядочности Юрьева, кажется всему дѣлу голова. Онъ очень рѣзко выразился про Аксакова и называлъ его бѣшеною собакою.

Лавровъ—купчикъ молодой (странно, въ Москвѣ пресса вся въ рукахъ купцовъ), кажется, сѣлъ въ сѣдло, а тоже имѣетъ голосъ въ дѣлѣ. По крайней мѣрѣ въ прежнее время съ него только требовали деньги, а теперь онъ просматриваетъ беллетристику, на счетъ моего романа сдѣлалъ нѣсколько дѣльных замѣчаній. Онъ радикалъ по убѣжденіямъ. Переводитъ съ польскаго и помѣстилъ кое-что въ «Русской Мысли».

Застѣнчивый, неувѣренный въ себѣ, онъ не могъ поддаться анализу, и изъ бѣглаго свиданія съ нимъ я могъ вынести только то, что онъ кое-что читалъ, имѣетъ свое опредѣленное мнѣніе на многіе вопросы.

П. И. Бартеневъ.

Бартеневъ, какъ и всегда, служить для меня богатымъ источникомъ всякихъ историческихъ анекдотовъ изъ настоящей и прошедшей исторіи Россіи. Онъ самъ приводитъ слова гр. Л. Толстого: «Я желаю,—говоритъ знаменитый романистъ,—узнать кое-

что у Петра Ивановича, пустить маленькую струю, а онъ такъ фонтаномъ и бьетъ, и зальетъ меня»... Именно зальетъ массою фактовъ, которые хранятся его памятью. Я часто говорилъ, что ему слѣдуетъ писать мемуары, но онъ отговаривался недосугомъ. Благодаря своему журналу и работамъ по «Архиву Воронцова» онъ обставилъ себя очень хорошо въ матеріальномъ отношеніи. У него теперь хорошее имѣніе и славный барскій домъ въ Москвѣ. Онъ, должно быть, очень расчетливъ и не прочь поэксплуатировать ближняго. Редакціи у него нѣтъ въ настоящемъ значеніи слова. Работаетъ онъ самъ, и при этомъ у него одна помощница—горбатенькая Ольга Николаевна, которая и пишетъ, и переводитъ, и корректируетъ. Мы заговорили о министрѣ Толстомъ. Бартеневъ его знаетъ очень хорошо. «Я сказалъ ему,—говоритъ Бартеневъ,—назначая васъ, Государь въ первый разъ сѣлъ въ сѣдло,—и это было ему очень пріятно». Изъ другихъ словъ я могъ вывести, что Толстой втайнѣ крѣпостникъ и вообще не народникъ, въ такомъ духѣ высказался Государю: «Мы страдаемъ отъ того, что Государь Александръ II сдѣлалъ много зла помѣщикамъ, которые теперь не могутъ жить въ деревнѣ».—Я съ нимъ вполне согласился,—прибавилъ Бартеневъ».

Но Бартеневъ совсѣмъ не царедворецъ и высказалъ Владимиру Александровичу очень непріятныя истины.

Говорили о враждѣ Екатерины къ Павлу, и Бартеневъ заступился за Екатерину, высказавшись очень рѣзко насчетъ Павла. «Онъ продавалъ государственныя тайны Фридриху II¹⁾», сказалъ Бартеневъ...

Расписаться тоже не поѣхалъ. «Меня великій князь и такъ будетъ помнить», замѣтилъ Бартеневъ. Бартеневъ вообще очень высоко ставитъ прусскую политику и говорить, что мы въ славянской борьбѣ поработали для Пруссіи. Отчасти онъ правъ, но только отчасти, потому что войди мы въ Константинополь, вооружи мы всѣ славянскіе народы, то результаты были бы другіе, и Бисмаркъ остался бы въ дуракахъ. Все зависѣло отъ того, что мы къ самому концу не дерзнули закончить свое дѣло, а съ такими нерѣшительными, трусливыми политиками Бисмарку и Биконсфильду было легко выиграть партію.

Заговорили о Воронцовѣ. Я высказался противъ него, такъ какъ вообще говорили о немъ въ обществѣ, что онъ очень недалекий человекъ. Я его не зналъ лично, но Бартеневъ сильно протестовалъ противъ этого взгляда. Хвалилъ очень записку, которую подалъ Воронцовъ государю. «Вы бы удивились,—

¹⁾ Т.-е. выдавалъ ихъ Фридриху-Вильгельму II. Ред.

замѣтилъ онъ,—той concision (его слова), съ которой была составлена записка». По отношенію къ Двору Воронцовъ держалъ себя какъ истый лордъ-магнатъ, съ большимъ достоинствомъ и независимостью. «Мы были на Вашей дачѣ,—говорилъ Бартенева,—и вдругъ встрѣчаемъ Владиміра Александровича. Онъ выскочилъ изъ коляски и подошелъ къ княгинѣ. Князь тоже вышелъ.—У Васъ, кажется, князь,—замѣтилъ В. К.,—хорошее вино, я приѣду къ Вамъ обѣдать.—Да, пожалуй осталось еще нѣсколько бутылокъ,—сухо отвѣтилъ Воронцовъ,—да, пожалуй, приѣзжайте».

Другой фактъ. Въ присутствіи Бартенева Воронцова приглашаютъ на обѣдъ въ Зимній Дворецъ. Воронцовъ въ сердцахъ и съ раздражительнымъ тономъ отвѣчаетъ:—«скажите, приду». Бартенева это поразило. «Я вспомнилъ,—говоритъ онъ,—какъ при мнѣ Блудовъ отвѣчалъ на такое приглашеніе съ низкимъ поклономъ, произнося цѣлую рѣчь.—Да Вы не знаете, тамъ будетъ Юрьевская, а мнѣ это непріятно». Воронцовъ былъ на обѣдѣ и, вернувшись, сказалъ Бартенева: «Она, положимъ, не виновата, она еще молода»... Но вотъ что я узналъ отъ другихъ, а не отъ князя. Послѣ обѣда Воронцовъ вдругъ захотѣлъ подойти къ Юрьевской и сказалъ Дундукову: «пусти меня»,—подошелъ къ ней и проговорилъ съ ней часъ. Государь былъ въ восторгѣ.

В. Н. Ламсдорфъ.

Ламсдорфъ теперь сдѣланъ директоромъ канцеляріи министра иностранныхъ дѣлъ. Гирсъ его очень цѣнить и возвышаетъ не по днямъ, а по часамъ. Злые языки говорятъ, что онъ собирается за Ламсдорфа выдать свою дочку. Я его давно знаю. Познакомился я съ нимъ у м-мъ Яковлевой. Она бредила имъ сначала, но потомъ, когда на горизонтѣ появился я, то она занялась мною и немножко забыла прежнихъ друзей. Это обстоятельство сердило или нѣтъ Ламсдорфа, но онъ, по крайней мѣрѣ, всегда говорилъ объ этомъ. Онъ кончилъ курсъ въ пажемскомъ корпусѣ, сгремился въ университетъ, но вмѣсто университета попалъ въ министерство и, какъ видно, сдѣлалъ карьеру. Онъ очень религиозенъ, nature sensitive, женственная, тонкая, вся изъ нервовъ натура. Онъ очень несообщителенъ, не знаетъ еще женской ласки (такъ говорятъ его ближайшіе друзья) и ненавидитъ житейскій шумъ, чужихъ людей пуще огня.

Онъ готовъ отдаться всецѣло чувству дружбы, какъ доказываетъ его дружба съ Оболенскимъ, въ которой тотъ проявляетъ

болѣе эгоистическія чувства. Личность Ламсдорфа—для какого нибудь великаго писателя въ родѣ Достоевскаго. Онъ весь ушелъ во внутрь, очень оригиналенъ, своеобразенъ,—какъ говорить м-мъ Яковлева, но его своеобразность находится въ тѣсныхъ предѣлахъ чисто духовныхъ, нравственныхъ вопросовъ. Политику онъ не любитъ и не понимаетъ, да и знанія у него недостаточны для того, чтобы ориентироваться въ сложныхъ вопросахъ внѣшней политики. Онъ вообще не любитъ людей, шума, фразъ, политической жизни. Его натура влечетъ его къ тонкому анализу своихъ чувствъ и вопросамъ нравственнаго характера. Когда его отецъ разорился, онъ сразу скинулъ съ себя ветхаго человѣка, избалованнаго барича, поселился въ одной комнатѣ, цѣлый день посвящалъ управленію фабрикою. Маленькій, худой, блѣдный и слабый (*délicat*) онъ похожъ на нѣжное тепличное растеніе. Товарищи любятъ его за деликатность, за чувство правды, разлитой во всемъ его существѣ. Съ виду онъ не представителенъ, не производитъ впечатлѣнія на первый взглядъ, только послѣ разговора съ нимъ глазъ на глазъ, узнаешь и цѣнишь его.

Цѣнишь въ немъ нравственную чистоту, религіозность, сложную работу мысли въ сферѣ нравственныхъ чувствъ. Людей выбирать не умѣетъ: привязывается большею частью къ шлопаямъ, къ жуирамъ, къ черствымъ эгоистамъ, которые эксплуатируютъ его. Онъ, какъ истая сестра милосердія, отыскиваетъ страданія, любитъ больныхъ, несчастныхъ. Политикою, какъ я говорилъ, совсѣмъ не интересуется. Ни идей, ни программы, ни идеаловъ у него не обрѣтается. Онъ просто христіанинъ—дѣвственникъ и очень субъективная натура, къ нѣкоторымъ лицамъ онъ безъ всякой причины чувствуетъ отвращеніе, брезгливъ ко всему, что пахнетъ интригою. Какъ директоръ канцеляріи, онъ не долженъ имѣть своихъ взглядовъ, но если ему придется подняться еще выше, то онъ окажется ниже всякой критики.

Ему вообще нравятся личности въ родѣ Рылѣева, который любилъ Александра II до самоотреченія, до обожанія, какъ песь какой-нибудь лежалъ у его двери, заботился послѣ смерти его объ Юрьевской. Онъ рассказывалъ намъ, что послѣ катастрофы на Курской дорогѣ, онъ ѣхалъ вмѣстѣ съ Государемъ и во время одной остановки среди поля на дорогѣ имъ всѣмъ стало жутко. Про покойнаго Государя онъ всегда говоритъ съ чувствомъ благоговѣнія.

Булацель мнѣ говорилъ, что онъ удивлялся тому, что у Ламсдорфа нѣтъ никакихъ политическихъ взглядовъ, что вопросы политическіе, хотя онъ и пишетъ хорошимъ французскимъ язы-

комъ, для него совершенно безразличны. Конечно, и у него есть много враговъ, которые будутъ, навѣрное, бить на его слабыя стороны. Да что же тутъ удивительнаго, Ламсдорфъ можетъ быть очень хорошимъ нравственнымъ человѣкомъ и очень плохимъ политическимъ дѣятелемъ. Я бы назначилъ его на мѣсто какого-нибудь Гюне—смотрѣть за всѣми благотворительными обществами въ Красный Крестъ и былъ бы увѣренъ, что Ламсдорфъ всю душу положитъ въ это дѣло.

А у насъ такая чистая дѣвственная личность вдругъ очутится въ самомъ водоворотѣ политической борьбы и, конечно, окажется не на мѣстѣ. Изъ его товарищей я не знаю никого, который могъ бы принести пользу Россіи. Все это люди, не получившіе образованія, съ однимъ знаніемъ французскаго языка, съ внѣшнимъ лоскомъ, большею частью жуиры, поверхностные люди. Только Оболенскій былъ со мною въ университетѣ, но онъ, кажется, ничѣмъ особеннымъ не выдается. Можетъ быть я ошибаюсь, но мнѣ кажется, что новичокъ молодой гр. Бутурлинъ имѣетъ передъ собой блестящую будущность.

Онъ католикъ (кажется), воспитывался за границей у іезуитовъ и получилъ самое тщательное, изысканное воспитаніе. Онъ еще очень молодъ (нѣтъ 23 лѣтъ), но говорить превосходно по-англійски, по-французски, по-итальянски, декламируетъ наизусть Байрона, Эдгара Поэ, Данте, Леопарди. Очень живой, остроумный, съ мѣткимъ сужденіемъ о литературѣ, восторженный поклонникъ Пушкина, онъ пишетъ превосходно по-французски (по-русски говоритъ съ иностраннымъ акцентомъ) и производитъ въ наше время отрадное впечатлѣніе. Я вообще люблю талантливыхъ людей, и, прослушавъ бойкій, остроумный разговоръ, остался отъ него въ восторгѣ. Память у него изумительная: мнѣ стоило только назвать какого-нибудь поэта, и онъ сейчасъ же художественно продекламировалъ знакомое мнѣ мѣсто. Его товарищи не очень любятъ его за живость, юркость, за лъстивость и неискренность за поползновеніе къ интригамъ, за то, что кажется онъ себѣ на умѣ. Маленькій, съ очень интеллигентнымъ лицомъ, съ подвижными чертами лица, съ быстрымъ, живымъ взглядомъ, съ тонкимъ голосомъ, онъ похожъ на мальчика. Во всякомъ случаѣ, онъ одаренъ большими способностями, которыя при удачѣ доставятъ ему видное положеніе.

Гр. де-Волланъ.

Изъ воспоминаній французскихъ плѣнниковъ о Россіи 1812—1814 г. ¹⁾

6. Наказаніе кнутомъ.

Описаніе, которымъ мы дополнимъ здѣсь нарисованную въ предыдущихъ отрывкахъ картину крѣпостническихъ нравовъ Россіи, приводится де-Серангомъ со словъ вышеупомянутаго товарища его по плѣну, доктора Деламарра, слышавшаго его изъ устъ русскаго офицера-очевидца.

«Я часто слышалъ о наказаніи кнутомъ,—сказалъ г-нъ Деламарръ,—но толкомъ не знаю, что это такое; пожалуй, такъ и уѣду изъ Россіи не узнавши».—«Увѣряю васъ,—отвѣчалъ ему комендантъ,—вы можете только радоваться, что не видѣли ни одной изъ такихъ экзекуцій: мнѣ вотъ довелось увидѣть, такъ я долго послѣ этого чувствовалъ себя больнымъ».—«Если бы я не боялся злоупотребить вашей любезностью,—сказалъ Деламарръ,—я попросилъ бы васъ разсказать мнѣ въ немногихъ словахъ о томъ, что вы видѣли».—«Съ большимъ удовольствіемъ. Прежде всего напомнимъ вамъ, что смертной казни въ Россіи не существуетъ. Эго нисколько не мѣшаетъ, однако, многимъ осужденнымъ умирать отъ кнута—или во время самой экзекуціи, или позднѣе—отъ ея послѣдствій. Наказуемаго прежде всего раздѣваютъ до пояса и крѣпко связываютъ ему спереди руки, затѣмъ его кладутъ на нѣчто въ родѣ лѣстницы (*échelle*), къ верхнему концу которой привязываютъ его руки, а ноги оставляютъ висѣть, почти касаясь земли; такимъ образомъ, передняя часть тѣла опирается на лѣстницу, а спина остается открытой для ударовъ бича. Бичъ этотъ, главное орудіе наказанія, состоитъ изъ ручки дюймовъ въ 18 длины и привязаннаго къ ней наконечника въ два фута длиной и около дюйма толщиною, сдѣланнаго изъ нѣсколькихъ полосокъ мягкой бѣлой кожи; палачъ, говорили мнѣ, накануне мочитъ его въ молоко, чтобы онъ сталъ увѣсистѣе и гибче. Первый же ударъ кнута оставляетъ кровавый слѣдъ, а послѣ 15 ударовъ

¹⁾ См. «Гол. Мин.» № 6.

мясо совершенно освобождается отъ кожи и виситъ какъ бы разорванное рѣжущимъ инструментомъ. Количество ударовъ опредѣляется тяжестью преступленія. Говорятъ, что палачъ можетъ съ третьяго удара убить свою жертву, и что богатые семьи даже платятъ ему деньги за эту милость: смерть освобождаетъ ихъ родственниковъ отъ позора быть заклеяменными и сосланными въ Сибирь въ рудники, что почти всегда слѣдуетъ за наказаніемъ кнутомъ.

Послѣ бичеванія наказанный лежитъ, обыкновенно, безъ сознанія. Если онъ приговоренъ къ ссылкѣ въ рудники, то палачъ, отвязавши его отъ лѣстницы, поручаетъ держать своимъ помощникамъ, а самъ разрываетъ ему ножомъ ноздри и клеймитъ въ лобъ и щеки раскаленнымъ желѣзомъ, послѣ чего осужденнаго отправляютъ въ больницу, а по излѣченіи везутъ въ Сибирь. Здѣсь онъ работаетъ подъ землей на глубинѣ 500 футовъ, и много лѣтъ можетъ прожить, заживо погребенный такимъ образомъ въ этой могилѣ. Рассказывая вамъ объ этомъ наказаніи, я нарочно опустилъ нѣкоторыя, слишкомъ ужасныя, детали».

Выслушавъ рассказъ, докторъ замѣтилъ, что смерть кажется ему въ тысячу разъ предпочтительнѣе этихъ мученій...

7. Мученія плѣнныхъ французовъ.

Большая часть рассказовъ де-Серанга о мученіяхъ французскихъ плѣнниковъ заимствована имъ изъ разговоровъ со своими плѣнными друзьями. Многое въ нихъ, по ужасу своему, производитъ впечатлѣніе чего-то совершенно невѣроятнаго. Предвидя у читателя возможность такого рода сомнѣній Пюибюскъ снабжаетъ свои рассказы особымъ примѣчаніемъ, въ которомъ говоритъ, что «авторъ мемуаровъ, передъ отъѣздомъ изъ Россіи, лично посѣтилъ тѣ мѣста, гдѣ происходили событія—Дубровну, Красный, Вязьму, Витебскъ, Минскъ, Могилевъ, Калугу, и мѣстные жители единогласно подтвердили ему факты, сообщивъ подробности». Для русскаго читателя эта оговорка, пожалуй, и излишня: случаи, подобные тѣмъ, о которыхъ рассказываетъ въ своихъ мемуарахъ де-Серангъ, описывались на страницахъ русскихъ историческихъ журналовъ по мемуарамъ другихъ современниковъ, уже не разъ ¹⁾

Изъ трехъ, приведенныхъ ниже рассказовъ, два первые ведутся отъ имени уже извѣстнаго читателю Маковского, третій отъ имени Суркевича, рѣчь о которомъ будетъ итти ниже.

¹⁾ Ср. т. IV «Отечественная война и русское общество», а также «Французы въ Россіи. 1812 г., по воспоминаніямъ современниковъ» т. III. Во многихъ этихъ рассказахъ, конечно, есть преувеличенія.

Случай у Дубровны.

«...Подъѣзжая къ Дубровнѣ, мы (Маковскій и Лузинскій, И. Х.) еще издали увидѣли огромные костры, надъ которыми почти неподвижно стоялъ густой дымъ; въ воздухѣ была невыносимая жара. Скоро мы разглядѣли рядомъ съ кострами груды труповъ, которые одинъ за другимъ кидались солдатами въ огонь; по мѣрѣ того какъ сгорали одни, солдаты подкидывали въ костеръ другіе, и, судя по ихъ веселымъ крикамъ, работа эта доставляла имъ удовольствіе. Продолжая путь, мы встрѣтили массу телѣгъ, нагруженныхъ трупами. Крестьяне-возчики казались глубоко удрученными этою, возложенною на нихъ, печальною работою. Отъ нихъ мы узнали, что всѣ эти трупы везлись изъ дома, мимо котораго намъ предстояло ѣхать, и что то, что мы видѣли передъ собой, составляло не болѣе одной четверти всего ихъ количества. И, дѣйствительно, черезъ нѣсколько шаговъ скопленіе телѣгъ и окружавшей ихъ толпы любопытныхъ оказалось такъ велико, что намъ пришлось сойти съ экипажа; опасаясь, какъ бы нашихъ лошадей и повозку тоже не забрали для перевозки труповъ, мы послали ихъ въ объѣздъ къ противоположной заставѣ. Тѣснимые и толкаемые со всѣхъ сторонъ, мы скоро потеряли другъ-друга. Меня толпа донесла до самаго зданія, гдѣ помѣщались трупы. Во внутренней комнатѣ я увидѣлъ нѣсколько сотъ мертвыхъ французскихъ солдатъ, которые стояли тѣсно прижатые другъ къ другу съ обрывками мундировъ на плечахъ; многіе изъ нихъ были съ открытыми глазами, и судорожно искривленныя фізіономіи говорили объ испытанныхъ ими въ моментъ смерти мученійхъ; они призывали, казалось, мщеніе на головы своихъ враговъ, сохраняя какой-то грозный видъ. Это была плотно склеенная масса замороженныхъ тѣлъ. Ноги ихъ переплелись и руки стискивали порою тѣло сосѣда; это въ значительной степени увеличивало трудъ рабочихъ, занятыхъ растаскиваніемъ на части этой компактной груды; рычагами служили имъ желѣзные ломы, такъ что паденію отколотаго тѣла всегда предшествовалъ трескъ ломающихся костей. Я тиетно старался раздвинуть толпу, притиснувшую меня къ трупамъ, и избавить себя отъ муки этого зрѣлища, пока полицейскій чиновникъ, руководившій, повидимому, работою, не сжалился надо мною и не помогъ мнѣ выбраться на свободу...

...Вскорѣ я встрѣтился съ Лузинскимъ. Онъ шелъ мнѣ навстрѣчу вмѣстѣ съ однимъ мѣстнымъ помѣщикомъ, который и рассказалъ намъ, при какихъ обстоятельствахъ французскіе солдаты нашли эту ужасную смерть. Въ Дубровну прибыла пар-

тія плѣнниковъ, приблизительно, въ тысячу человѣкъ. Первую ночь ихъ оставили ночевать среди того самаго поля, гдѣ сжигали теперь ихъ останки. Близость деревни позволила нѣкоторымъ изъ нихъ бѣжать, и тогда конвойные рѣшили запереть остальныхъ. Такъ какъ морозъ доходилъ въ эту ночь до 18°, то около 150 человѣкъ оказалось уже мертвыми, и ихъ оставили лежать на землѣ (они не были еще убраны и въ этомъ моментѣ), а остальныхъ 800 втиснули въ то самое помѣщеніе, изъ котораго я только что выбрался, и въ которомъ могла бы лежать помѣститься едва четвертая часть этого количества. Чтобы загнать ихъ въ эту ужасную тюрьму, казаки приставляли имъ къ груди острія пикъ и безъ пощады тѣснили другъ на друга; въ заключеніе ихъ натискали даже въ амбразуру дверей, какъ бы нарочно, чтобы увеличить давленіе, отъ котораго большинство должно было задохнуться черезъ нѣсколько часовъ. Кто вначалѣ держалъ руку опущенною или поднятой, принужденъ былъ сохранять эту позу до самой смерти, не имѣя возможности уклоняться отъ укусовъ товарищей, отъ голоду хватавшихъ ихъ тѣло зубами, такъ какъ никому никакой пищи оставлено не было. Крики отчаянія неслись отъ мѣста заключенія на далекое пространство, и только къ концу третьяго дня окончательно смолкли. Мертвое молчаніе воцарилось тогда надъ этой могилой.

Пока стояли морозы о мертвыхъ какъ бы забыли, но когда наступила оттепель, русскія власти, боясь зараженія воздуха такой массой разлагающихся труповъ, рѣшили увезти ихъ съ мѣста происшествія и сжечь»...

По дорогѣ на Волгу.

«...У княгини Л. я видѣлъ двухъ переряженныхъ въ крестьянское платье французскихъ плѣнниковъ, ускользнувшихъ изъ послѣднихъ партій, переправлявшихся на Волгу. Партіи эти всѣ ночи проводили подъ открытымъ небомъ, на мерзлой землѣ, безъ постели и крова; разъ въ день имъ выдавали паекъ чернаго ржаного или овсянаго хлѣба, покрытаго плѣсенью и кусочками соломы, да и эта жалкая пища получалась далеко не регулярно; для удовлетворенія жажды они не смѣли рассчитывать даже на воду и ѣли грязный снѣгъ и ледъ, по которому шли, что причиняло имъ ужасныя желудочныя боли; многіе болѣли дизентеріей. Грубая ругань и палочные удары сыпались на тѣхъ, кто принужденъ былъ останавливаться по дорогѣ хотя бы за самой законной нуждой. Изъ тысячи человѣкъ, вышедшихъ изъ Ковно, уже на восьмой день осталось не болѣе 600. Тѣхъ, кото-

рые по слабости, по болѣзни или окоченѣвшіе отъ холода отставали, били прикладами или на смерть кололи штыками. Одинъ изъ упомянутыхъ французскихъ солдатъ разсказалъ мнѣ слѣдующее: какъ-то вечеромъ конвойные остановили партію на полянѣ, среди которой находился довольно обширный домъ, служившій банею для сосѣдней деревни. Раздавши плѣннымъ черные сухари, конвойные заявили, что ночевать будутъ здѣсь. Такъ какъ домъ былъ пустой и плохо запертъ, то плѣнные толпой устремились туда, видя, что солдаты имъ въ этомъ не препятствуютъ. Что касается нашего знакомаго, то онъ, по опыту недовѣрявшій солдатамъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими своими товарищами, несмотря на сильный холодъ, предпочелъ остаться подъ открытымъ небомъ. Чтобы не замерзнуть, онъ сталъ быстро ходить вокругъ дома, при чемъ замѣтилъ, что часть конвойныхъ вмѣсто того, чтобы лечь, по обыкновенію, вокругъ костровъ, стояли, оживленно разговаривая между собой. Потомъ вдругъ, какъ бы по данному сигналу, солдаты бѣгомъ бросились къ дому, заперли его, обложили со всѣхъ сторонъ вязанками хвороста и дровами, и съ разныхъ концовъ подожгли этотъ огромный костеръ. Пламя проникло скоро внутрь бани. Самыми счастливыми были тѣ, кто немедленно задохся отъ дыму. Другимъ удалось выбраться на крышу, и они испускали крики отчаянія при видѣ окружавшаго ихъ огненного кольца. Многіе бросались внизъ и погибали—одни въ пламени, другіе отъ штыка палачей, зорко слѣдившихъ, чтобы никто изъ несчастныхъ не спасся, и съ дикой радостью наслаждавшихся отчаяніемъ и страданіями своихъ жертвъ. Крыша бани обрушилась, наконецъ, подъ тяжестью оставшихся еще на ней плѣнниковъ, и въ ту же минуту изъ дома послышались болѣе громкіе крики, внезапно испугавшіе конвойныхъ солдатъ; опасаясь, повидимому, какого-нибудь отчаяннаго акта со стороны французовъ, они бросились бѣжать по направленію къ сосѣдней деревнѣ... Воспользовавшись этимъ нашъ плѣнникъ скрылся въ лѣсу и послѣ нѣсколькихъ ночей, проведенныхъ на деревьяхъ изъ страха быть съѣденнымъ волками, добрался до замка княгини Л».

Ужасный случай близъ Калуги.

«...Если бы я не боялся смутить невинныя удовольствія вашего очаровательнаго семейства (дѣйствіе происходитъ въ замкѣ графа Полусскаго. II. X.), я разсказалъ бы вамъ объ ужасномъ происшествіи, только что имѣвшемъ мѣсто въ одной изъ прилегающихъ къ Калугѣ деревушекъ... Постараюсь, во всякомъ случаѣ, быть краткимъ. Напомню прежде всего, что такъ называемая

дисциплинарныя роты (*compagnies de punition*) составляются въ Россіи изъ самыхъ испорченныхъ солдатъ-негодяевъ, на которыхъ не дѣйствуютъ самыя жестокія наказанія; таковы же и ихъ командиры: это, большею частію, лишенные всякой совѣсти и чувства чести офицеры, дворянское происхожденіе которыхъ нисколько не мѣшаетъ низости ихъ поведенія; пороки и пьянство доводятъ ихъ обычно до крайне стѣсненнаго матеріальнаго положенія и заставляютъ пускаться, для добыванія денегъ, на самыя позорныя предпріятія. Ихъ избѣгаютъ посылать въ дѣйствующую армію и употребляютъ для внутренней службы. Въ данномъ случаѣ мы находимъ ихъ въ роли конвоя при партіи плѣнныхъ. Разумѣется, они прежде всего безъ жалости ограбили ихъ, а потомъ, когда взять съ нихъ было уже нечего, вздумали продавать ихъ самихъ крестьянамъ по двѣ мелкія монеты, соотвѣтствующія четыремъ французскимъ су (т.-е. по два пятакъ *И. Х.*) за человѣка, а потомъ и по одной. Пока шли по провинціямъ бывшей Польши, покупателей на плѣнниковъ не находилось, но въ Калужской губерніи было уже не то. Здѣсь дикари, возбуждаемые своими священниками, вырыли ровъ футовъ въ 100 длиной и футовъ въ десять глубиной, яко бы для того, чтобы укрыть отъ холода купленныхъ ими у начальника конвоя плѣнниковъ. Спустивши въ этотъ ровъ французовъ, они покрыли его сверху старыми досками и сосновыми сучьями, и по данному сигналу принялись всѣ, мужчины и женщины, кидать на эту непрочную кровлю только что выкопанную изъ рва землю. Посторонній, случайный свидѣтель этой сцены, слышалъ, какъ вдругъ затрещали упавшіе подъ тяжестью земли доски и сучья, образовавшіе первый слой на днѣ этой могилы; отчаянные, раздирающіе душу крики жертвъ и радостный вой умерщвлявшихъ ихъ дикихъ звѣрей преслѣдовали его до воротъ сосѣдняго замка. Это былъ замокъ русскаго генерала, бывшаго фаворита знаменитой Екатерины, живущаго теперь уединенно въ своемъ имѣніи. Старикъ немедленно послалъ на мѣсто событія офицера съ приказомъ остановить ужасную расправу. При его приближеніи, толпа разбѣжалась по лѣсу, а одинъ, предоставленный своимъ силамъ, онъ ничего не могъ сдѣлать для спасенія обреченныхъ жертвъ. Мой знакомый, итальянскій купецъ проѣзжалъ на слѣдующій день по близости отъ этого рва и заѣзжалъ въ замокъ генерала. Отъ него онъ и узналъ всѣ подробности. Управляющій, который видѣлъ, какъ зарывали ровъ, и адъютантъ, слишкомъ поздно посланный на мѣсто драмы, дрожа отъ волненія, рассказалъ ему все, что пришлось имъ увидѣть.

— Я хотѣлъ бы сомнѣваться въ истинности ужаснаго раз-

сказа, — прибавилъ Суркевичъ, — но итальянецъ этотъ во всѣхъ отношеніяхъ заслуживаетъ довѣрія: это уважаемый всѣми хорошій, гуманный и религіозный человѣкъ...

8. Полицейско-административныя нравы.

Выше мы упоминали, что де-Серангъ принадлежалъ въ Россіи къ категоріи привилегированныхъ плѣнниковъ. Первоначально, однако, и его положеніе, въ смыслѣ полной внѣшней беззащитности, мало отличалось отъ положенія другихъ плѣнныхъ французовъ. Жизнь его, какъ и жизнь его друга Деламарра, въ буквальномъ смыслѣ слова висѣла однажды на волоскѣ и обязана была своимъ спасеніемъ чистой случайности. Во время эпидеміи тифа, разразившейся въ опустошенныхъ войною западныхъ губерніяхъ, докторъ Деламарръ заслужилъ себѣ такую широкую популярность, что былъ приглашенъ въ качествѣ врача и въ губернаторскій домъ. Такъ завязалось его знакомство съ губернаторомъ¹⁾, позволившее ему спасти отъ гибели и себя, и де-Серанга, и своихъ друзей—поляковъ.

Разсказъ обо всемъ этомъ настолько интересенъ съ чисто бытовой точки зрѣнія, что мы, несмотря на сомнительность нѣкоторыхъ его деталей, приводимъ его здѣсь почти цѣликомъ, сокращая лишь нѣкоторыя длинноты и опуская ненужныя подробности:

«...Каждое утро Деламарръ долженъ былъ присутствовать при утреннемъ туалетѣ губернатора. Будучи человѣкомъ прямымъ, лишеннымъ свѣтскихъ условностей, и понимая, съ другой стороны, насколько его присутствіе сдѣлалось для губернатора необходимымъ, докторъ вошелъ въ полное довѣріе мнительнаго больного, и между ними установились своего рода пріятельскія отношенія. Состояніе здоровья позволило вскорѣ губернатору заниматься дѣлами, если можно было назвать этимъ именемъ механическія движенія руки, царапавшей каждое утро подпись подъ тремя десятками бумагъ, по которымъ и бѣгло не скользнулъ передъ этимъ его взглядъ. Однажды утромъ полицеймейстеръ, по обыкновенію, положилъ на письменный столъ губернатора пачку бумагъ и прошелъ, въ ожиданіи подписи его превосходительства, въ сосѣднюю комнату, гдѣ работали губернаторскіе писцы. Деламарръ, разговаривая съ губернаторомъ, бросилъ случайно взоръ

¹⁾ Пюибюскъ не называетъ его по имени, но такъ какъ губернатора въ Смоленской губерніи въ это время въ сущности не было, и она считалась въ вѣдѣніи калужскаго губернатора, то возможно, что подъ именемъ «губернатора» здѣсь фигурируетъ какой-нибудь, временно командированный въ Смоленскъ чиновникъ. Ср. *Семевскій*. Волненіе крестьянъ въ 1812 году въ сборникѣ «Отечеств. война и русск. общ.» Томъ V.

на одну изъ подписанныхъ уже бумагъ, и его вниманіе привлекло имя Маковского, трижды повторенное на одной страницѣ. Онъ рѣшился обратиться съ вопросомъ къ губернатору, а тотъ въ свою очередь спросилъ его, не знаетъ ли онъ, во-первыхъ, Маковского и во-вторыхъ, не умѣетъ ли читать по-русски. Когда Деламарръ отвѣтилъ утвердительно на оба вопроса, губернаторъ протянулъ ему бумагу, прося прочесть и рассказать ему содержаніе: «если я самъ вздумаю читать эту мазню,—добавилъ онъ,—то, навѣрное, къ вечеру же снова слягу въ постель». Изумленіе, появлявшееся на лицѣ Деламарра по мѣрѣ чтенія бумаги, заинтересовало губернатора, и онъ сталъ торопить его своими вопросами. Тотъ знаками попросилъ его говорить тише и сказалъ: «Васъ обманули. Вы только что подписали смертный приговоръ надъ моими соотечественниками и приказъ о ссылкѣ врача, который спасъ вашу жизнь и объ изгнаніи въ Сибирь прекраснаго человѣка, столь же какъ вы невиннаго въ приписанныхъ ему преступленіяхъ»...

Губернаторъ выслушалъ объясненіе Деламарра, прочелъ бумагу и, слѣдуя совѣту доктора, осторожно приступилъ къ разслѣдованію дѣла. Въ кабинетъ былъ вызванъ полицеймейстеръ и между нимъ и губернаторомъ произошелъ, въ присутствіи Деламарра, слѣдующій разговоръ:

«...*Губернаторъ* (спокойнымъ и безразличнымъ тономъ). Что это за Маковский, о которомъ написано тутъ?

— *Полицеймейстеръ*. Полякъ одинъ, заклятый врагъ Россіи—изъ тѣхъ, что снабжалъ французскую армію оружіемъ и провизіей и давалъ непріятелю свѣдѣнія. Онъ пріютилъ въ своемъ домѣ французскихъ генераловъ, и всѣ его деревни полны французскихъ солдатъ, съ помощью которыхъ онъ и другіе поляки хотятъ начать возстаніе. Такъ какъ вы были больны, то я боялся доложить вамъ объ этомъ раньше.

Губернаторъ. А гдѣ у тебя доказательства?

Полицеймейстеръ. Я знаю все это отъ вѣрнаго человѣка. Вотъ и донесеніе его: по моему приказанію оно подписано имъ собственноручно.

Губернаторъ. А какъ звать этихъ генераловъ?

Полицеймейстеръ. Виновать, ваше превосходительство. Именъ я за дѣлами не упомянулъ, но ихъ знаетъ Абрамъ, который явится сюда сегодня же утромъ.

Губернаторъ. Что еще за Абрамъ?

Полицеймейстеръ. Это одинъ человѣкъ, еврей. Онъ всѣхъ дворянъ знаетъ по здѣшной округѣ, а съ семействомъ Маковского имѣетъ дѣла уже болѣе десяти лѣтъ. Его то и дѣло зовутъ къ нимъ въ замокъ: ни одна покупка безъ него не сдѣлается. Онъ же дер-

жить и кабаки въ деревняхъ Маковского, такъ что ему это все извѣстно: человѣкъ—самый для насъ полезный.

Спокойный тонъ, которымъ давалъ свои показанія полицеймейстеръ, столь рѣзко измѣнилъ настроеніе губернатора, что Деламарръ началъ считать свое дѣло проиграннымъ. Чтобы выиграть время онъ уговорилъ губернатора въ интересахъ здоровья немедленно прервать занятіе дѣлами и спокойно позавтракать, а за завтракомъ осторожно раскрылъ ему всю необоснованность обвиненія противъ Маковского и нелѣпость самой идеи вооруженнаго возстанія въ тылу разбитой и преслѣдуемой французской арміи и въ виду приближенія русскихъ войскъ. Послѣ завтрака губернаторъ продолжалъ допросъ. Абрамъ, вызванный къ нему черезъ адъютанта, уже давно дожидался въ передней.

«...Вошелъ еврей отвратительнѣйшей наружности—съ рыжими волосами и бородой, съ красными вѣками глазъ, съ короткимъ приплюснутымъ носомъ и широкимъ беззубымъ ртомъ. Кривоногій и маленькаго роста, онъ былъ одѣтъ въ особаго рода халатъ изъ черной матеріи и засаленную шубу съ сблѣзлымъ мѣхомъ; на головѣ была шапка изъ лисьяго мѣха подъ цвѣтъ бороды, а подъ ней, когда онъ снялъ ее входя въ кабинетъ, оказалась какая-то черная ермолка (calotte). На видъ ему было лѣтъ 36.

Стоя у двери, губернаторъ спросилъ Абрама, онъ ли написалъ вотъ эту бумагу (доносъ).

«Прежде чѣмъ отвѣтить вашему превосходительству,—сказалъ Абрамъ,—я позволю себѣ замѣтить, что въ комнатѣ есть посторонній, котораго необходимо удалить». Оплеуха, влѣпленная ему губернаторской рукой, отбросила его къ стѣнѣ: «Я тебя научу распоряжаться у меня въ кабинетѣ,—воскликнулъ губернаторъ,—говори сейчасъ же, мерзавецъ, все что знаешь по дѣлу Маковского». Адъютантъ ввелъ между тѣмъ полицеймейстера и поставилъ его рядомъ съ Абрамомъ. Абрамъ повторилъ все написанное въ доносѣ. «А чѣмъ ты докажешь, что все это правда?—спросилъ губернаторъ,—гдѣ у тебя свидѣтели?» Абрамъ сознался, что свидѣтелей у него нѣтъ, и что всѣ показанія его основаны на слухахъ, которые слѣдуетъ еще провѣрить. «Врешь,—сказалъ полицеймейстеръ,—ты говорилъ мнѣ, что все это сущая правда. Вотъ и подпись твоя подъ доносомъ! — «Что же мнѣ было дѣлать, — отвѣчалъ еврей, коли вы приказали мнѣ подписать. Я у васъ былъ, и не смѣлъ ослушаться приказа»...

Послѣ того какъ Абрамъ и полицеймейстеръ удалились, губернаторъ заявилъ доктору, что теперь онъ не сомнѣвается въ недобросовѣстности полицеймейстера, но что факты необходимо еще провѣрить. Въ кабинетъ губернатора былъ вызванъ затѣмъ

его довѣренный, другой еврей Ааронъ, котораго онъ встрѣтилъ, впрочемъ, не болѣе любезно, чѣмъ перваго. Ааронъ оказался въ курсѣ всѣхъ затронутыхъ доносомъ дѣлъ и, несмотря на грозные оклики губернатора, сумѣлъ убѣдить его въ полной невинности Маковского и пріютившихся въ его домѣ французовъ. Когда губернаторъ достаточно смягчился, Ааронъ замѣтилъ, что случай ложнаго доноса полицеймейстера на поляковъ уже не первый, и что онъ знаетъ другой, за который всѣ винятъ губернатора, приписывая ему корыстныя цѣли.

«... Что такое? какой другой случай?»—быстро спросилъ губернаторъ. «Утромъ, въ тотъ самый день, какъ вы захворали,—отвѣчалъ Ааронъ,—вы подписали приказъ о ссылкѣ господъ Суркевичей. Ихъ арестовали на слѣдующую ночь и немедленно отправили въ Сибирь. Я, Ааронъ, который говорю съ вами, собственными глазами видѣлъ подъ приказомъ вашу подпись и знаю, гдѣ бумага находится сейчасъ... Но это еще не все. Вмѣстѣ съ казаками, отвозившими Суркевичей, поѣхалъ и Абрамъ—это было двѣ недѣли тому назадъ. На послѣдней верстѣ передъ границей губерніи среди лѣса они остановили кибитку и дочиста обобрали арестантовъ, оставивши имъ для прикрытія отъ холода два драныхъ бараньихъ тулупа, доставленныхъ Абрамомъ. Казаки получили въ награду по два золотыхъ и ночью перевезли арестованныхъ въ сосѣднюю губернію, оставивши имъ немного пищи, чтобы они не умерли съ голоду, а чтобы они не кричали при проѣздѣ черезъ городъ, ихъ до полусмерти избили нагайками (*à coups de kautchouk*) и тупыми концами пикъ. Награбленное добро Абрамъ доставилъ полицеймейстеру, который взялъ себѣ часы господина Суркевича, а Абраму отдалъ одежду; сто золотыхъ червонцевъ подѣлили поровну, да еще раньше, во время ареста, полицеймейстеръ взялъ себѣ съ письменнаго стола Суркевича кошелекъ, полный золота. Арестованные сумѣли переслать письмо своимъ роднымъ, и тѣ готовятся отомстить вашему превосходительству, ожидая пріѣзда изъ Петербурга своего сосѣда и друга сенатора Бибикова: они надѣются, что Бибиковъ лично доложитъ объ этомъ дѣлѣ государю императору»...

Упоминаніе о придворныхъ связяхъ Суркевичей положило, очевидно, конецъ колебаніямъ губернатора. Онъ энергично продолжалъ слѣдствіе и при помощи лакея полицеймейстера Ивана, котораго пригрозилъ «до смерти заколотить палками», вывелъ всѣхъ виновныхъ на свѣжую воду. Суркевичей вернули съ дороги въ Сибирь, а Маковскій получилъ у губернатора аудіенцію, во время которой тотъ выразилъ ему свое расположеніе и сожалѣніе о происшедшемъ. Во время обратнаго визита къ Маковскому губернаторъ познакомился и съ де-Серангомъ...

9. Въ Петербургѣ.

Мы говорили уже, что посвященная Петербургу часть «Мемуаровъ де-Серанга», по своему содержанію, особенно тѣсно примыкаетъ къ «Письмамъ о русской войнѣ» Пюибюска. Это обстоятельство не уменьшаетъ однако, а скорѣй увеличиваетъ ея историческую цѣнность. Пюибюскъ зналъ петербургскую жизнь не хуже де-Серанга, и «письма» его были изданы слишкомъ на 20 лѣтъ раньше «мемуаровъ», такъ что заимствованія изъ нихъ могли внести въ «мемуары» лишь бѣольшую яркость изложенія и точность воспроизведенія пережитаго.

Отрывки, приводимые ниже, относятся какъ разъ къ числу написанныхъ по преимущественно Пюибюскомъ, хотя разсказъ ведется, конечно, и здѣсь отъ имени де-Серанга.

Путешествіе въ Петербургъ, передъ самымъ возвращеніемъ во Францію, было совершено де-Серангомъ въ компаніи съ его будущимъ тестемъ и женой—графомъ Полусскимъ и его дочерью Юліей. Ъхали на почтовыхъ и «налегкѣ», т.-е. въ сопровожденіи только двухъ лакеевъ и горничной. Де-Серангъ поразился скоростью и дешевизной этого сообщенія по сравненію съ путешествіемъ по Западной Европѣ, и объясненіе этого обстоятельства находить въ «простой и остроумной организаціи русской почты», опирающейся на натуральную повинность населенія. Поразился онъ и безпечнымъ видомъ русскихъ ямщиковъ: «во всякую погоду, какъ бы ни было холодно, они сидятъ снаружи саней и всю дорогу поютъ или ведутъ безконечную бесѣду съ лошадьми». Отмѣчаетъ онъ, наконецъ, и ихъ привычку «ухать» (въ французскомъ текстѣ сказано «кричать ура») при каждомъ подъемѣ и лихо вкатывать на вершину холма...

Свѣтская модистка.

Въ Петербургѣ остановились «въ огромной отелѣ», на Сенатской площади. Въ качествѣ чичероне ихъ выступилъ здѣсь старый знакомый графа, женевскій купецъ Дуэ (Douait), на котораго была возложена и забота о паспортахъ путешественниковъ, и пріисканіе на время ихъ пребыванія въ Петербургѣ наемной кареты и прислуги; его же попросили пригласить для Юліи лучшую петербургскую портниху.

«... Послѣ обѣда, когда всѣ стали готовиться къ театру, на улицѣ послышался стукъ экипажа, остановившагося у подъѣзда отеля. Подойдя къ окну, Юлія увидѣла элегантную закрытую коляску, запряженную парой горячихъ лошадей, съ одѣтой въ ливреи прислугой. Ей и въ голову не пришло, что визитъ этотъ

имѣть отношеніе къ ней, но черезъ нѣсколько секундъ ей доложили о пріѣздѣ Madame ***. Вслѣдъ за тѣмъ она появилась въ комнатѣ и сама въ сопровожденіи казачка (jokeu), нагруженного массой картонокъ. Это была дама, одѣтая самымъ изысканнымъ образомъ. Не дожидаясь приглашенія, она сѣла въ кресло и только послѣ этого объяснила наконецъ, что она та самая модистка, которую приглашали къ mademoiselle Полусской. Юлію очень удивили эти непривычныя для нея манеры, но изумленіе ея еще болѣе возросло, когда модистка, показывая Юліи одну изъ шляпъ, воскликнула по поводу ея удивительной красоты, что такой красавицѣ бесполезно прятать себя, что ее все равно повсюду замѣтятъ. Юлія покраснѣла и ни слова не сказала на этотъ комплиментъ, который тѣмъ менѣе польстилъ ей, что вышелъ изъ устъ женщины, бывшей въ глазахъ Юліи простой работницей.

По уходѣ Madame *** Дуэ, замѣтившій по лицу Mademoiselle Полусской, что визитъ произвелъ на нее неблагопріятное впечатлѣніе, поспѣшилъ разъяснить дѣло: «Вы кажется удивлены и даже шокированы,—сказалъ онъ,—слишкомъ свободнымъ тономъ и манерами этой дамы, но дѣло въ томъ, что особы ея положенія пользуются въ здѣшней столицѣ огромнымъ вліяніемъ среди великосвѣтскихъ дамъ, а она сама въ особенности, во всѣхъ вопросахъ ихъ жизни ей принадлежитъ послѣднее, рѣшающее слово; по ея приговору женщина становится красивой или уродливой, граціозной или смѣшной, эти приговоры повторяются, какъ оракуль, никто не смѣетъ противъ нихъ возражать, и всѣ стараются заслужить себѣ ея лестный отзывъ. Каждая почта привозитъ ей изъ Парижа всѣ послѣднія моды и всѣ указанія о новинкахъ. Дамская обувь доставляется ей изъ Парижа цѣлыми кипами и немедленно распродается. То же самое можно сказать о платьяхъ и шляпахъ. По крайней мѣрѣ двадцать мастерицъ заняты въ ея магазинѣ копированіемъ и имитаціей ежедневно прибывающихъ изъ Парижа новостей, но и онѣ не успѣваютъ удовлетворить всего спроса. Она уже и теперь очень богата, а если бы ей удалось получить все, что ей должны великосвѣтскія дамы, берущія у нея, обыкновенно, безъ счета и въ кредитъ,—она обладала бы огромнымъ состояніемъ. А когда она пріѣхала въ Петербургъ, у ней не было ничего; это—француженка,—по ея словамъ, вдова чловѣка съ виднымъ положеніемъ, имя котораго она принуждена однако, скрывать, чтобы не компрометировать его знатную родню. Это было въ эпоху эмиграціи. Она была тогда молода и красива, и скоро нашла средства устроиться въ огромномъ домѣ на самой красивой улицѣ Петербурга. Какъ вы видѣли, у нея есть теперь и экипажъ, и дворня (esclaves). Она имѣетъ роскошно мебели-

рованную квартиру, ложу на всѣ спектакли, открытый доступъ въ богатые дома и въ будуары самыхъ знатныхъ дамъ. Рабочій кабинетъ ея похожъ на бюро какого-нибудь банкира: въ немъ работаютъ трое комми, завѣдующіе ея дѣловой перепиской и отправкой товара въ крупные и второстепенные провинціальныя центры, по мѣрѣ того какъ онъ оказывается устарѣвшимъ для столицы. Чтобы руководить этимъ обширнымъ предпріятіемъ, со столь обширными связями, нужно имѣть, конечно, хорошую голову, и она, дѣйствительно, справляется съ своей задачей превосходно.

Расширять болѣе свою кліентуру ей нѣтъ никакой нужды, такъ что она уже отказываетъ многимъ заказчицамъ. Мнѣ стоило большого труда уговорить ее пріѣхать къ вамъ въ отель, такъ какъ, обыкновенно, заказчицы сами являются къ ней. Не думайте, впрочемъ, сударыня, что дама эта единственная въ своемъ родѣ: вдоль такъ называемаго Большого Проспекта вы увидите цѣлый рядъ богатѣйшихъ магазиновъ модъ, расположенныхъ въ идущихъ одинъ за другимъ дворцахъ; хозяйками всѣхъ этихъ магазиновъ являются француженки, и, повѣрьте, что ни одна изъ нихъ не ходитъ пѣшкомъ; если вѣрить имъ, все это жены, дочери и вдовы знатныхъ особъ; каждая расскажетъ вамъ свою болѣе или менѣе печальную повѣсть, непременно заключающую въ себѣ несчастія во время революціи. Само собою разумѣется, я не совѣтую вамъ ничего покупать у нихъ, кромѣ самаго необходимаго, такъ какъ за все вы заплатите гораздо дороже, чѣмъ въ Парижѣ, не говоря уже о томъ, что все купленное здѣсь окажется уже вышедшимъ тамъ изъ моды»...

Въ театрѣ.

«...Императорскій театръ находился совсѣмъ недалеко отъ отеля—на той же Сенатской площади, такъ что было рѣшено отправиться туда пѣшкомъ. Спектакль начался нѣмецкой оперой. Очень хороша была главная пѣвица, но всего лучше—съ рѣдкимъ совершенствомъ—были исполнены хоры. Юлія въ первый разъ видѣла балетъ: знаменитый Дюпоръ (Duport) удивилъ ее легкостью и смѣлостью движеній, и танцы кордебалета привели ее въ восторгъ, хотя она и была нѣсколько смущена пируэтами и короткими юбочками танцовщицъ. Отъ своего чичероне путешественники узнали, что когда императоръ и его дворъ находятся въ столицѣ, то въ одинъ и тотъ же вечеръ можно, посѣтивши одинъ за другимъ два театра, увидѣть французскую пьесу, нѣмецкую комедію, итальянскую оперу, русскую драму и балетъ, а иногда все это ставится и сразу въ одномъ театрѣ.

Русскіе танцовщики несравненно лучше итальянскихъ: балетной школой руководятъ въ Петербургѣ воспитанники Парижской оперы, но нужно сказать, что они нашли среди русскихъ великолѣпныхъ учениковъ, такъ что и по ансамблю своему, и по таланту отдѣльных исполнителей балетъ является однимъ изъ лучшихъ петербургскихъ спектаклей»...

Водоснабженіе.

...За ужиномъ, во время разговора, де-Серангъ выразилъ, между прочимъ, удивленіе, что до сихъ поръ они не встрѣтили въ столицѣ ни одного публичнаго фонтана. «Это замѣчаніе приходится слышать ото всѣхъ сколько-нибудь наблюдательныхъ иностранцевъ, при посѣщеніи ими русской столицы,—возразилъ женевецъ.—Отвѣтить на него можно однимъ словомъ—не позволяетъ климатъ: фонтаны замерзали бы на восемь мѣсяцевъ въ году, да и въ теченіе остальныхъ четырехъ мѣсяцевъ были бы, пожалуй, въ негодномъ состояніи, благодаря произведеннымъ морозами порчамъ. Обстоятельство это серьезно обсуждалось еще при постройкѣ города Петромъ Великимъ; производились всякаго рода гидравлическія изысканія, и нашли, что самымъ полезнымъ для обывателей, выгоднымъ для торговли и удобнымъ въ пожарномъ отношеніи способомъ водоснабженія является для Петербурга система каналовъ, идущихъ отъ Невы къ окраинамъ города по наиболѣе населеннымъ улицамъ, доставляя воду во всѣ кварталы. Во время навигаціи товары, прибывающіе по Невѣ, подвозятся на баржахъ къ самымъ воротамъ магазиновъ и фабрикъ, а зимой, какова бы ни была толщина льда, искусные обыватели умѣютъ дѣлать въ немъ не только отверстія для добыванія питьевой воды, но и бассейны для полосканія бѣлья: лѣстницы, высѣченныя во льду, спускаются къ самой водѣ и позволяютъ полоскать бѣлье въ постоянно смѣняющемся и прозрачномъ потокѣ. Благодаря каналамъ, жители во всякое время могутъ имѣть любое количество воды; она всегда подъ руками и на случай пожара, тогда какъ фонтаны были бы сооруженіемъ, совершенно бесполезнымъ въ теченіе цѣлыхъ двухъ третей года». Де-Серангъ вполнѣ согласился съ этими доводами и призналъ, что превосходные каналы, искусно расположенные посерединѣ улицъ, огороженные желѣзными перилами и снабженные удобными лѣстницами, ведущими къ водѣ, при суровомъ климатѣ Петербурга достигаютъ своей цѣли лучше, чѣмъ самые красивые фонтаны.

Юлія спросила послѣ этого о назначеніи огромныхъ глыбъ льда, которые цѣлое утро двигались, нагруженные въ сани,

мимо ея окна. «Это другое, весьма цѣлесообразное при мѣстныхъ условіяхъ русское изобрѣтеніе,—отвѣчалъ Дуэ,—мы наканунѣ весеннихъ оттепелей, и вотъ предусмотрительные хозяева обновляютъ въ своихъ ледникахъ (*chambres de glace*) запасы льда, пока теплый воздухъ не растопилъ его или не испортилъ его качества. Ледникъ имѣется при каждомъ домѣ. Это помѣщеніе, обложенное внутри стѣнками льда, изъ правильно вытесанныхъ кусковъ, кладущихся одинъ на другой до самаго потолка; ледяными глыбами вымощенъ въ ледникѣ и полъ. Здѣсь жители хранятъ запасы мороженой дичи и рыбы, превосходно сохраняющіеся въ теченіе восьми мѣсяцевъ; мороженое мясо (которое партиями привозится въ Петербургъ и продается всего по два су за фунтъ) имѣетъ всѣ качества свѣжаго, осетрина и другая рыба сохраняютъ въ мороженомъ видѣ качества только что пойманной. Ледники позволяютъ всѣмъ имѣть у себя обильные запасы провизіи, и расходы сравнительно съ тѣмъ, если бы каждый день приходилось покупать ихъ на рынкѣ, сокращаются, благодаря этому, по крайней мѣрѣ, на 60%...»

Петербургскіе фабрики и заводы.

...На слѣдующій день утромъ графъ Полусскій и де-Серангъ, въ сопровожденіи Дуэ и снабженные пропускомъ министра Императорскаго двора, отправились осматривать принадлежащую царю фарфоровую фабрику. Что восхитило ихъ въ производимомъ ею товарѣ, такъ это его необыкновенная прочность и огнеупорность: онъ выдерживаетъ, не теряя эмали, самую высокую температуру и годится для какихъ-угодно химическихъ опытовъ. Но, съ другой стороны, эта посуда лишена всякой прозрачности, тяжела и вообще далека отъ того совершенства, котораго она могла бы достигъ, если бы завѣдующіе фабрикой нашли приемы болѣе соотвѣтствующіе прогрессу фарфоровой техники и прекраснымъ качествамъ русской глины. Формы и образцы стары и лишены изящества, а огромное количество испорченныхъ, бракованныхъ вещей указываетъ на дѣтскій еще періодъ здѣшняго искусства. Слѣдовало бы пригласить на фабрику болѣе опытныхъ химиковъ и трехъ-четырехъ мастеровъ изъ Саксоніи, Пруссіи и, еще лучше, изъ Франціи. Очень удачна зато постройка и расположеніе фабрики: близость Невы, по берегу которой вытянулся ея фасадъ, представляетъ для фабрики огромное удобство.

Стеклянный заводъ, тоже на берегу Невы, лежитъ ближе къ городу, поставленъ на болѣе широкую ногу и производитъ

лучшіе товары. Здѣсь изготовляютъ зеркальныя стекла такихъ огромныхъ размѣровъ, какія нашимъ путешественникамъ не приходилось видѣть ни въ одной странѣ, но они далеко не такъ чисты и бѣлы, какъ на французскихъ заводахъ; производство грѣшитъ тутъ прежде всего изъяснами въ композиціи сырья; слегка фіолетовая окраска стекла указываетъ на излишекъ магнезій, а пузырьки въ стеклѣ на неоднородность сплава и на несовершенные способы отливки; погоня за быстротой и количествомъ производства, а также стремленіе удивить публику размѣрами стеколъ привели къ тому, что въ Россіи поступаютъ въ продажу такія зеркала, которыя на нашихъ заводахъ разбиваются и не выпускаются изъ склада. Путешественники съ удовольствіемъ ознакомились съ производствомъ стеклянной имитациі различныхъ видовъ мрамора — бѣлаго съ жилками, темносиняго, зеленаго, серпантина и т. д. Они идутъ на покрывку мебели — комодовъ, туалетныхъ столиковъ, консольей и пр. Полировка ихъ превосходна; зеленый и голубой цвѣтъ, примѣшанные къ композиціи, отлично скрываютъ всѣ вышеупомянутые недостатки. Нѣкоторыя вещи были удивительны, по огромной трудности ихъ производства, напримѣръ: огромнаго размѣра столъ съ тремя гнутыми ножками и круглыми грузными досками.

Въ громадномъ количествѣ приготавливаются здѣсь вазы, бокалы, кувшины, салатники и стаканы разной величины и формы. Въ мастерской для обтески хрустала занято 300 рабочихъ, при чемъ всѣ колеса двигаются паровою машиною при помощи желѣзнаго стержня, съ которымъ соединенъ ремень каждаго колеса. При помощи паровой машины производится и полировка зеркалъ и зеркальнаго стекла. Производство стакановъ составляетъ главную доходную статью завода. Это одинъ изъ главныхъ предметовъ роскоши и въ Россіи, и въ Польшѣ: нерѣдко въ концѣ большаго обѣда увидишь у каждаго прибора до дюжины стакановъ разной величины и формы, такъ какъ пьютъ за обѣдомъ много и часто мѣняютъ вино... Въ общей сложности путешественники обошли свыше 50 мастерскихъ, не считая магазиновъ съ готовымъ къ отправкѣ товаромъ...

Прогулка по Невскому.

Послѣ обѣда де-Сарангъ и графъ Полусскій съ дочерью совершили въ сопровожденіи Дуэ прогулку по Невскому проспекту. Онъ показался де-Сарангу похожимъ на три широкія улицы, идущія рядомъ одна съ другой. Между боковыми, примыкающими къ домамъ, частями проспекта идетъ еще, возвышаю-

щаяся дюймовъ на 18 надъ уровнемъ мостовой, песчаная аллея, въ нѣсколько рядовъ усаженная деревьями, которыя лѣтомъ даютъ ей тѣнь, а зимой превращаются въ снопы изъ блестящаго хрусталя. Длинный бульваръ этотъ огороженъ желѣзной баллюстрадой, отдѣляющей пѣшеходовъ отъ экипажей. Вниманіе путешественниковъ привлекла прежде всего церковь іезуитовъ, поразившая ихъ своимъ порталомъ, но войдя въ нее, они ничего замѣчательнаго въ ней не нашли. На противоположной сторонѣ возвышался Казанскій соборъ—подражаніе собору Св. Петра въ Римѣ,—а немного дальше, только что выстроенный дворецъ новаго стиля, принадлежащій великой герцогинѣ Ольденбургской. Они вошли въ нѣсколько модныхъ и ювелирныхъ магазиновъ и сдѣлали кое-какія покупки, а потомъ, увидѣвъ, что аллея наполняется публикой, двинулись вдоль ея. Повсюду вокругъ де-Серанга слышалась французская рѣчь, и онъ легко вообразилъ бы себя въ Парижѣ, если бы не шубы на плечахъ прохожихъ и не элегантные санки, быстро скользящія по гладкому снѣгу боковыхъ проѣздовъ. Онъ съ удовольствіемъ смотрѣлъ на разнообразныя и изящныя экипажи—одни открытыя, украшенныя дорогими мѣхами и изящными украшеніями, другіе, значительное меньшинство, съ закрытыми кузовами, предназначенные, по преимуществу, для пожилыхъ особъ. Молодые дѣвицы и дамы прогуливаются всегда или пѣшкомъ, или въ открытыхъ санкахъ. Въ этихъ легкихъ экипажахъ онѣ дѣлаютъ свои утренніе визиты и посѣщаютъ магазины дамскихъ новостей и модъ.

Путешественники были поражены красотою и изяществомъ лошадей. Подбираютъ ихъ другъ къ другу исключительно по росту, силѣ и быстротѣ, не считаясь съ мастью, такъ что часто запряженными парю въ дышло оказываются бѣлая лошадь съ вороной или пѣгая съ рыжей. Столь же странной и разнообразной оказывается смѣсь мастей и при упряжкахъ въ четыре лошади; фореиторъ, одѣтый по-русски, сидитъ при этомъ не на лѣвой лошади, какъ во Франціи, а на правой; онъ называется «крикуномъ» (*crieur*), такъ какъ главная обязанность его состоитъ въ крикѣ для предупрежденія встрѣчныхъ прохожихъ, не замѣчающихъ безшумно двигающагося по снѣгу экипажа. Кучера одѣты въ обитые мѣхомъ шапочки и широкія шубы; всѣ они носятъ длинную бороду и во всякую погоду имѣютъ открытый воротъ. Сани запрягаются, большею частью, парой, въ корню—очень крупный рысакъ, пристяжкой—замѣчательно красивая лошадь, такъ называемая «бѣшенная» (*furieux*); если въ дѣйствительности эта лошадь и не бѣшенная, то во всякомъ случаѣ кажется бѣшеной, такъ какъ все время взвизгиваетъ, прыгаетъ и скачетъ въ бокъ, махая

своей, иногда приставной, гривой, спускающейся къ самой землѣ. Кучеръ сидитъ на передкѣ саней, но хозяинъ ихъ, молодой человѣкъ, самъ держитъ въ рукахъ возжи и вызываетъ усиленные прыжки своей «бѣшеной» пристяжной, когда проѣзжаетъ мимо молодыхъ дамъ...

Религіозные обычаи русскихъ.

Во время легкой болѣзни Юліи, путешественники принуждены были оставаться дома, и «добрый Дуэ» развлекалъ ихъ рассказами о русскихъ обычаяхъ. Де-Серангъ заинтересовался, между прочимъ, начинавшимся въ это время рускимъ постомъ: «блѣдныя лица народа, его молчаливость и замедленность движеній, полныя молящихся церкви, пустые трактиры и закрытыя мясныя лавки, крестное знаменіе, на каждомъ шагу творимое простонародьемъ и слугами»—все это крайне возбуждало его любопытство.

«Нигдѣ постъ не соблюдался такъ строго, какъ въ Россіи, Рабочіе, занятые самымъ тяжелымъ, требующимъ сытной пищи, трудомъ, доводятъ себя воздержаніемъ до замѣтнаго истощенія силъ; передъ религіозными обязанностями отступаетъ даже страсть народа къ спиртнымъ напиткамъ, и онѣ выполняются имъ со строгостью, не отступающей ни передъ чѣмъ. Примѣръ въ этомъ отношеніи подають простому народу и высшіе классы. Русскаго, хотя бы это былъ совершенно безнравственный въ другихъ отношеніяхъ человѣкъ, почти невозможно заставить ѣсть во время поста мясо: какой-нибудь жалкій нищій, который за деньги пойдетъ, быть можетъ, на какое угодно преступленіе, ни подъ какимъ предлогомъ не нарушитъ строгихъ правилъ поста. Рассказываютъ, напримѣръ, объ одномъ извѣстномъ грабителѣ и убійцѣ, арестованномъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ окрестностяхъ Москвы, будто бы онъ, когда явившійся къ нему въ тюрьму священникъ, спросилъ его послѣ исповѣди въ самыхъ тяжелыхъ преступленіяхъ, не ѣлъ ли онъ мяса во время поста, отвѣчалъ ему съ гнѣвомъ: «За кого вы меня принимаете? Конечно, я совершилъ много преступленій и сознаюсь въ нихъ, но ѣсть въ постъ мясо—это слишкомъ ужъ гнусно, до этого я еще не дошелъ». Легко судить по этому примѣру, какъ строго соблюдаются русскими обряды религіи.

Но зато и праздновать Пасху русскихъ понукать не приходится. Послѣ строгого поста они чувствуютъ себя какъ бы возрожденными, испытывая удовлетвореніе и радость, проявляющіяся во всѣхъ ихъ поступкахъ; они встрѣчаются, какъ добрые

друзья и братья, привѣтствуютъ другъ-друга и цѣлуются, даже не будучи знакомыми. Существуетъ обычай дѣлать въ Пасху визиты по всѣмъ начальствующимъ лицамъ (autoritis), при чемъ и здѣсь говорятъ другъ-другу: «Христосъ воскрес!» и цѣлуются безъ различій ранга и званія. За этимъ слѣдуютъ визиты къ друзьямъ и простымъ знакомымъ. Въ каждомъ домѣ съ утра стоитъ накрытый столъ, уставленный разными яствами, и всюду нужно ѣсть и пить подъ страхомъ обидѣть хозяина дома; такъ какъ при этомъ не бываетъ недостатка и въ крѣпкихъ напиткахъ, то легко вообразить, каковы становятся головы поздравляющихъ къ концу дня. Къ пьянству, которое во Франціи, Италіи, Испаніи презирается и осуждается общественнымъ мнѣніемъ, въ Россіи относятся совсѣмъ иначе; по отношенію къ охмелѣвшему человѣку здѣсь всячески проявляется забота: его оберегаютъ отъ опасностей и, если нужно, вносятъ въ ближайшій домъ, гдѣ онъ и остается спокойно до вытрезвленія. По случаю Пасхи въ столицѣ организуются общественныя увеселенія, въ которыхъ главную роль играютъ горы, качели и другія изобрѣтенныя русскими игры. Восемь дней кряду народъ толпами ходитъ по площади, гдѣ помѣщаются эти игры, а дворяне объѣзжаютъ ее въ экипажахъ, это такъ сказать, петербургскій Longchamps, гдѣ всякій старается блеснуть красотой своихъ лошадей, богатствомъ экипажа и элегантностью упряжи»...

На этомъ мы кончаемъ серію извѣстныхъ изъ «Мемуаровъ де-Серанга» картинъ и картинокъ русской жизни въ началѣ XIX-го столѣтія. Въ разсказахъ этихъ заключаются естественныя въ устахъ иностранца неточности и преувеличенія, но самыя преувеличенія эти представляютъ иногда для современнаго читателя извѣстный интересъ, показывая, какія стороны русской общественной жизни особенно поражали въ то время воображеніе пріѣзжаго европейца.

Ив. Херасковъ.

Письмо М. В. Буташевичъ-Петрашевскаго къ Н. С. Кириллову.

Во второй книжкѣ «Голоса Минувшаго» 1913 г. на стр. 119—142 помѣщена была II глава біографическаго очерка М. В. Буташевичъ-Петрашевскаго, написаннаго В. И. Семевскимъ, подъ заглавіемъ «Карманный словарь иностранныхъ словъ». Этотъ словарь, изданный Ник. Серг. Кирилловымъ въ 2 выпускахъ 1845 и 1846 годовъ, возбудилъ затрудненіе въ Цензурномъ Комитетѣ вторымъ выпускомъ и, какъ доносилъ извѣстный agent provocateur Антонелли, цензоръ Крыловъ обратилъ на него вниманіе Комитета (12 марта 1846 г.) еще до окончанія печатанія книги, несмотря на успокоительныя рѣчи Петрашевскаго (стр. 127). Въ помѣщаемомъ ниже письмѣ находится нѣсколько новыхъ деталей по этому дѣлу. Это, видимо, то самое письмо, которое (говоря словами доноса Антонелли) Петрашевскій написалъ Кириллову, чтобы тотъ, въ случаѣ нужды, могъ показать, и которое его, Кириллова, совершенно отстраняло отъ дѣла, т.-е. избавляло отъ отвѣтственности. Впрочемъ, Кирилловъ этимъ письмомъ не воспользовался, замѣчаетъ В. И. Семевскій. Второй выпускъ словаря былъ отпечатанъ въ апрѣлѣ 1846 г., а постановленіе о задержаніи его выхода въ свѣтъ послѣдовало 14-го мая (стр. 138). 22-го мая Кирилловъ подалъ прошеніе о перепечаткѣ всѣхъ статей Петрашевскаго, допущенныхъ имъ въ изданіе «по безусловной довѣренности своей къ особенному цензорскому просмотру и одобренію». Пересмотръ былъ порученъ цензорамъ Никитинкѣ и Фрейгангу, а книга была окончательно запрещена къ перепечаткѣ 7 сент. 1846 г. Липранди впоследствии съ негодованіемъ говорилъ о томъ, что издатель остался безъ всякаго преслѣдованія. Кажется, изъ письма можно заключить, что Кирилловъ хотя и воспользовался въ своемъ прошеніи мыслью Петрашевскаго—свалить вину на цензора и цензурный уставъ, но прекратилъ сношенія съ Петрашевскимъ и обратно, потребовалъ данныя имъ Петрашевскому книги. Замѣчу кстати, что экземпляръ словаря (оба выпуска) находится въ библіотекѣ Импер. Александровскаго Лицея.

Милостивый Государь!

Николай Сергѣевичъ!

«Напишите три слова,—говорилъ Ришилье (sic) кажется,—и я выше достаточно матеріаловъ, *чтобъ составить на законномъ основаніи уголовный приговоръ*».—Этой поговоркѣ кажется суждено осуществиться надъ нами по изданію Словаря.—Въ немъ я слышалъ будто бы какой-то недоброжелательный глазъ нашель богъ знаетъ что,—чтобъ, можетъ быть, чрезъ это обвиненіе что нибудь выиграть... Мнѣ не вѣрится *чтобъ добросовѣстное исполненіе моихъ обязанностей* въ качествѣ писателя, т.-е. отчетливое объясненіе и изложеніе предметовъ соотвѣтствующее современному состоянію науки *могло быть поводомъ и причиною запрещенія словаря*. Это мнѣ невообразимо! Перебирая въ памяти весь словарь ничего не могу припомнить, хотъ и хочу найти что нибудь предосудительное. Впрочемъ злоба и недоброжелательство хитры на выдумки. Впрочемъ благодарю провидѣніе въ этомъ случаѣ, охраняющее личность автора цензурнымъ уставомъ и цензорами отъ всякой отвѣтственности, дѣло другое еслибъ была свобода книгопечатанія; а потому и не взирая на глупые слухи—не нахожу причинъ заботиться и беспокоиться объ этомъ дѣлѣ. Совѣтую и вамъ оставаться (sic) совершенно спокойными (sic). Если бы случилось сверхъ всякаго чаянія чтобъ отъ васъ потребовали бы разныхъ объясненій въ статьяхъ мною написанныхъ; *то объявите что я ихъ авторъ*, ибо въ качествѣ ихъ составителя я *нахожусь въ большей возможности вывести Цензурный Комитетъ отъ превратнаго пониманія и толкованія моихъ словъ*—честь имѣю быть. Вашъ покорнѣйшій слуга М. Б. Петрашевскій. 1846 года 10 мая Спб. Р. S. Требуемая книги Военн. Энцикл., Словарь синонимовъ (sic) Англійск. Словарь возвращаю чрезъ Ольхина. Мнѣ кажется сами себѣ вы повредили просивъ Крылова вторично просматривать словарь,—вините въ этомъ излишнюю (sic) Вашу мнительность.¹⁾

Проф. И. Шляпкинъ.

¹⁾ Письмо получено мной отъ покойнаго О. О. Миллера. Печатается съ соблюденіемъ орфографіи подлинника. Слова Богъ и Провидѣніе Петрашевскій писалъ съ маленькой буквы, согласно своей иррелигіозности.

Высылка изъ Москвы въ 1848—1853 годахъ.

Мнѣ попалъ въ руки «Алфавитный списокъ лицамъ, высланнымъ изъ Москвы по распоряженію его сіятельства господина московскаго генераль-губернатора ¹⁾». Съ 11 августа 1848 по 1 января 1853 года». Это подлинный историческій документъ, заботливо расположенный по алфавиту и по годамъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дополненный официальными рукописными замѣтками того же характера (самый списокъ—печатный); очевидно, это какой-нибудь официальный экземпляръ.

Прежде всего читателя поражаетъ количество высланныхъ за указанный періодъ: за это время (за 1964 дня), какъ оказывается, было выслано изъ Москвы 2323 человека, т.-е. въ общемъ, обязательно ежедневно кто-нибудь да высылался изъ Москвы, а въ нѣкоторые дни и по двое. Остракизму подвергались, само собою разумѣется, лица, не имѣющія никакого вида, или же надлежащаго, а также и проживающія по чужому паспорту. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ этимъ преступленіемъ соединялись другія, какъ, напр., крестьянинъ Тихонъ Прокофьевъ, по наказаніи розгами, высланъ по этапу на родину «за неимѣніе вида и намѣреніе подлѣзть подъ ворота Высоко-Петровскаго монастыря» (3 марта 1852 г.). Иногда же было достаточно одного намѣренія, хотя бы видъ и имѣлся. Такъ, дворовый человекъ Матвѣевъ Меркулъ также, по наказаніи розгами, былъ высланъ по этапу «за намѣреніе влѣзть черезъ окно въ квартиру старшаго чертежника Межеваго корпуса Синицына» (14 іюня 1849 г.). На ряду съ этимъ преслѣдовалось «непостоянное мѣстожителство», за что была выслана на родину черниговская мѣщанка Анна Емельянова (10 янв. 1849 г.), а Клипенигеръ Абрамъ, какъ еврей, подвергся той же участи «за недозволенное проживаниеъ въ Москвѣ, кромѣ Глѣбовскаго подворья» (14 мая 1849 г.).

Очень строго также преслѣдовалось «неимѣніе занятій», особенно, если оно соединялось съ нищенствомъ или же съ «неимѣ-

¹⁾ Это былъ гр. А. А. Закревскій, въ 1848 г. призванный на постъ моск. ген.-губернатора.

ніємъ способовъ содержать себя», за что былъ высланъ отставной поручикъ Андрей Карловъ Михаэль (23 авг. 1850 г.). Неимѣніе постоянныхъ занятій порождало въ начальствѣ сомнѣніе, и благодаря такому сомнѣнію губернскій секретарь Н. А. Бердниковъ долженъ былъ покинуть Москву для Могилева. Начальство брало на себя инициативу рѣшенія вопроса, за дѣломъ или безъ дѣла пріѣхало то или другое лицо въ Москву, и затѣмъ участь пріѣхавшаго всецѣло зависѣла отъ этого рѣшенія. Такъ отставной коллежскій секретарь Григорій Константиновъ Еленевъ былъ высланъ «за заставу» «за прибытіе въ Москву безъ всякой надобности, оставя семейство, и неимѣніе никакихъ занятій» (18 авг. 1850 г.). А спасскій мѣщанинъ Яковъ Климовъ Мелешкинъ былъ высланъ по этапу «за прибытіе въ Москву въ болѣзненномъ состояніи и принесенную неосновательную жалобу» (11 іюля 1852 г.).

Жалобы, особенно на своихъ помѣщиковъ, а тѣмъ болѣе неосновательныя жалобы, всегда влекли за собой высылку. Здѣсь интересны, между прочимъ, имена помѣщиковъ, на которыхъ приносятся жалобы. Такъ Егоровъ Данило, крестьянинъ г. Горчаковой, жалуется на г. Квашнина-Самарина за дурное съ нимъ обращеніе, за что и высылается поэтому на родину. Дворовый человѣкъ Сухово-Кобылина жалуется на отдачу его въ военную службу и на дурное съ нимъ обращеніе, правда, управляющаго имѣніемъ, и на самого помѣщика. Обычно жалобы вызываються жестокимъ обращеніемъ, но вотъ дворовый г. Самсонова человѣкъ Арсеньевъ Козьма высылается въ Воронежъ «за неправильную жалобу на своего помѣщика въ раздробленіи его семейства» (11 авг. 1850 г., и вторично за то же 30 авг. 1850 г.). Самое намѣреніе принести жалобу уже влекло за собой репрессію. Такъ крестьянинъ г. Аракчеевой, А. Феклистовъ, «взять изъ Кремля въ пьяномъ видѣ за намѣреніе жаловаться на господа свою» и, конечно, послѣдовалъ поэтому на родину (22 апр. 1849). Такой же участи подвергся дворовый Исаевъ Антипъ «за намѣреніе принести Его Сіятельству жалобу на жестокое обращеніе ихъ помѣщицы» (11 ноября 1850 г.). Дворовую же дѣвку Пелагею Агаѣонову «за жалобу на притѣсненіе со стороны титулярнаго совѣтника Руднева предписано выслать по этапу на родину, какъ женщину вредную и безпокойную» (26 мая 1849 г.). А коллежскій секретарь Михалевичъ Михайла «за обращеніе въ другой разъ съ просьбой о выдачѣ пособій выпровожденъ изъ Москвы по Кіевскому тракту до 3 станціи» (25 іюля 1849 г.). Даже написаніе жалобы не проходило даромъ. Такъ крестьянинъ Я. С. Зайцевъ «за написаніе неосновательной жа-

любы солдаткѣ Ивановой», по наказаніи розгами, былъ высланъ по этапу. Находились смѣльчаки, которые подавали или намѣревались подавать прошенія самому государю, какъ, напр., дворовые люди кн. Вадбольскаго, Матвѣй, Сергѣй и Александръ Гавриловы (22 апр. 1849 г.), а дворовый человѣкъ г. Черкасова, Сергѣй Леонтьевъ возымѣлъ «намѣреніе словесно объяснить Государю Императору о желаніи своемъ поступить въ военную службу» (31 авг. 1851 г.). Конечно, ихъ всѣхъ постигла одна и та же участь: по этапу на родину. Даже утруждать начальство просьбами было небезопасно. Такъ дворовый человѣкъ Иванъ Ермолаевъ и крестьянинъ Осипъ Никитинъ «за утружденіе г. московскаго военнаго генералъ-губернатора просьбою объ опредѣленіи ихъ въ военную службу» были высланы на родину (29 дек. 1849 г.). Подобныя просьбы, очевидно, вообще имѣютъ послѣдствіемъ высылку, иногда соединенную съ наказаніемъ розгами, хотя, въ свою очередь, вольноотпущенный гг. Черкасовыхъ, Ѳоминъ Гаврила, «за уклоненіе поступить въ рекруты за семейство крестьянина Степана Алексѣева» былъ высланъ по этапу на родину (24 янв. 1850 г.).

Неимѣніе занятій, какъ мы видѣли, наказывалось высылкой. Но и не всякаго рода занятія находили одобреніе начальства. Такъ, напр., занятіе картежной игрой, или же игрой въ лото и трынку, въ кости, въ орлянку, а также «частое хожденіе по питейнымъ домамъ» (крестьянка Иванова, 8 іюля 1851 г.) вполне естественно вызвали осужденіе. Но на ряду съ этимъ запрещались такія занятія, которыя, какъ будто, не заключаютъ въ себѣ ничего преступнаго. Такъ, напр., были высланы крестьянинъ Алексѣевъ «за покупку у поселянъ муки и овса, для продажи лавочникамъ изъ барышей» (20 сент. 1848 г.), крестьянинъ Гр. Гр. Банкетовъ «за покупку чужихъ книгъ по дешевой цѣнѣ», дворовый человѣкъ Як. Карповъ «за продажу разнаго платья изъ барыша», правда, несмотря на запрещеніе (17 окт. 1849 г.), мѣщанинъ Казариновъ «за торговлю старымъ платьемъ» (11 марта 1852 г.), вольноотпущенный Китаевъ С. П. «за игру на скрипкѣ въ пивной лавкѣ» (17 марта 1850 г.), солдатка Ѳедорова «за леченіе», правда, и «за ворожбу» (4 іюля 1852 г.), крестьянинъ гр. Шереметева Н. В. Кобылкинъ «за занятіе леченіемъ людей безъ дозволенія правительства» (5 апр. 1850 г.), датскій подданный Христіанъ Ильсень «за дѣланіе фейверковъ безъ дозволенія» (1 ноября 1851 г.).

«Занятіе стряпчествомъ и сочиненіе просьбъ» также входило въ число запрещенныхъ профессій, особенно же «сочиненіе неосновательныхъ и ябедническихъ просьбъ», или же занятіе

«кляузническими и ябедническими дѣлами». Отставные канцеляристы, коллежскіе регистраторы за такого рода способы содержать себя, конечно, высылались изъ Москвы. Такая же участь постигла и канцелярскаго служителя Павла Бѣляева «за помѣщеніе во Всеподданнѣйшей жалобѣ жены подпоручика Натальи Каменской неприличныхъ и укорительныхъ выраженій» (30 дек. 1849 г.).

Желаніе поступить въ рекруты или, наоборотъ, уклоненіе отъ такого поступленія, какъ мы уже видѣли, влекло за собой кару. Кара постигала и тѣхъ, кто выбиралъ себѣ занятіемъ «поставку охотниковъ въ рекруты» или способствовалъ при подобной поставкѣ. Такъ крестьянка Акулина Карпова «замѣчена была въ любовной связи съ мѣщаниномъ Александровымъ и за держаніе у себя на квартирѣ охотниковъ въ рекруты, поставляемыхъ Александровымъ», была, конечно, выслана по этапу на родину. Также былъ высланъ на родину Ельчаниновъ Петръ Павловъ, бывший отставной солдатъ, а нынѣ дмитровскій мѣщанинъ, «за развратную жизнь, буйный характеръ, за неимѣніе никакихъ занятій кромѣ пріискиванія охотниковъ для отдачи въ рекруты» (29 ноября 1848 г.). А вольноотпущенный Федоровъ «за торговлю охотниками въ рекруты былъ отданъ матери съ тѣмъ, чтобы она его отдала въ солдаты или удалила изъ столицы».

Ужасы крѣпостного права порождали вполнѣ естественное желаніе освободиться отъ него. Но «обращеніе съ просьбою объ освобожденіи изъ крѣпостного владѣнія», конечно, имѣло въ результатъ высылку по этапу къ помѣщику. Лица, мечтавшія о свободѣ и стремившіяся къ ея достиженію, получили на полицейскомъ нарѣчій особенное названіе: «отыскивающіе свободы». Но всѣхъ этихъ искателей свободъ ждала одна и та же участь. Такъ, крестьянка Марѳа Маркова «за принесенную просьбу объ отыскиваніи свободы изъ владѣнія помѣщика» была выслана на родину по этапу. То же постигло и крестьянина г-жи Поливановой Д. Герасимова «за явку къ г. московскому военному ген.-губернатору съ просьбой отъ всей вотчины о причисленіи въ вѣдомство государственныхъ имуществъ» (7 іюня 1849 г.).

Были причины для высылки и болѣе важныя. Такъ нѣсколько крестьянъ были высланы «за возмущеніе рабочихъ противъ хозяина на бумагошерстяной фабрикѣ купца Рябушинскаго, состоящей въ Якиманской части» (10 іюля 1850 г.), другіе—«за буйство и подстрекательство прочихъ рабочихъ у подрядч. Пирогова на принесеніе неосновательной жалобы на сего послѣдняго» (9 іюля 1850 г.) и, наконецъ, третьи «за возмущеніе рабочихъ на фабрикѣ купца Чикина противъ хозяина оной» (10 іюля

1850 г.). Высылка поэтому для нихъ соединилась съ предварительнымъ наказаніемъ розгами. Любопытно, что возмущеніе во всѣхъ трехъ случаяхъ почти одновременно, а въ двухъ такъ произошло и совершенно въ одинъ и тотъ же день.

Крестьянки Васильевы Прасковья и Екатерина, Федорова Настасья, вдова солдатка Дрогалина Дарья были высланы по этапу «за совращеніе православныхъ въ расколъ» (18 окт. 1849 г.), а крестьянинъ Девилинъ (2 марта 1849 г.) и мѣщанинъ Чернопусковъ (21 февр. 1849 г.) лишь «по подозрѣнію въ переходѣ изъ православія въ расколъ».

Отставной рядовой Дрягалинъ былъ высланъ «за способствованіе къ побѣгу неизвѣстной женщины при взятіи ея въ полицію» (19 ноября 1849 г.), а крестьянинъ Егоровъ кромѣ того былъ наказанъ и розгами «за намѣреніе отбить отъ градскаго стражи Манцурова мѣщанина Василья Кузмина» (20 окт. 1849 г.). Крестьянинъ Николаевъ и воспитанникъ московскаго воспитательнаго дома «за нападеніе на старшаго полицеймейстера Давыдова» были наказаны розгами и высланы по этапу (15 апр. 1849 г.). Гессенъ-кобургскій подданный Генрихъ Бенезе «за пьянство и нелѣпые разсказы о политическихъ дѣлахъ» былъ высланъ въ пограничное мѣстечко Таурогенъ (1 іюля 1848 г.), а дворовый челоувѣкъ Петровъ «за произнесеніе въ пьяномъ видѣ ругательныхъ словъ, относящихся до императорской фамиліи», по наказаніи розгами, высланъ по этапу на родину (28 мая 1849 г.). Дворовый челоувѣкъ А. Г. Поляковъ просто «взятъ по распоряженію высшаго начальства» и, конечно, отправленъ такимъ же порядкомъ.

Фигурируетъ также и неблагонадежность въ качествѣ причины высылки, но, повидимому, не всегда съ этимъ понятіемъ соединялся тотъ политическій оттѣнокъ, какой неизбѣжно оно носить въ наше время. Иногда вмѣстѣ съ неблагонадежнымъ поведеніемъ указывается еще «праздношатательство», а въ другомъ случаѣ—ложный извѣтъ. Высылались равнымъ образомъ «за знакомство съ предосудительными людьми» или даже за одно «подозрѣніе въ знакомствѣ».

Преступленія противъ нравственности, конечно, наказывались высылкой. Такъ крестьянинъ Власовъ высланъ по этапу «за лишеніе невинности казенной крестьянки Марьи Яковлевой» (14 авг. 1850 г.), но та же судьба постигла и крестьянскую дѣвочку Иванову Авдотью «за ложную жалобу на лишеніе ея невинности студентомъ Мартыновымъ» (8 янв. 1851 г.). Звенигородская мѣщанка Ул. Медвѣдева выслана на родину «за развратную жизнь и пляску въ трактирѣ» (24 іюля 1848 г.). Кре-

стьянинъ же Артамонъ Ерофѣевъ былъ высланъ по этапу «за намѣреніе учинить скотоложство» (30 мая 1849 г.). В. Ельцовъ— «за способствованіе къ разврату» (25 авг. 1851 г.). Но такое же наказаніе постигло крестьянина Аѳанасьева (20 дек. 1850 г.) и мѣщанскаго сына Виноградова (15 апр. 1850 г.) «за имѣніе фальшиваго двугривеннаго».

Кража «чужого» имущества имѣла часто тѣ же послѣдствія, но, несмотря на это, она не прекращалась, о чемъ свидѣтельствуеъ масса высланныхъ за кражу. Высылались за кражу серебряной ложки, даже восковой свѣчи. Но иногда въ формулировкѣ вины обнаруживается нѣкоторая, хотя, быть можетъ, и невольная, витіеватость слога. Такъ крестьянинъ Егоръ Арефьевъ высланъ къ помѣщицѣ «за снятіе шинели съ чиновника 14 кл. Бекетова» (11 авг. 1848 г.), въ чемъ ему, очевидно, помогаль сардинскій подданный Антоній Сивалли, высланный за это за границу черезъ Таурогенъ. Крестьяне: Андрей Дементьевъ—«за намѣреніе снять салопъ съ мѣщанки Соколовой» (4 дек. 1850 г.), Вас. Ивановъ—«за намѣреніе снять съ казеннаго крестьянина Лазарева сапоги» (3 іюня 1850 г.), Яковъ Тимоѣевъ—«за взятіе изъ кондитерской лавки сахару и варенья» (29 марта 1850 г.), а калужской 3-й гильдіи купеческій сынъ В. Г. Ауловъ — «за намѣреніе снять съ архіерейскихъ лошадей шлеи и возжи» (23 февр. 1849 г.). Крестьянинъ Арсеньевъ Михайла «взять по сомнѣнію съ альмавивой чернаго сукна» (30 мая 1850 г.), Максимовъ Иванъ — «за непринадлежность находившагося у него холста» (14 февр. 1849 г.), Петровъ Сафонъ и Герасимовъ Иванъ — «за продажу мокраго бѣлья, о принадлежности котораго они не представили доказательствъ» (29 ноября 1851 г.). Звенигородскій мѣщанинъ Неофитовъ Иванъ «былъ взятъ по сомнѣнію въ тулупѣ безъ рубахи и нижняго платья» (6 сент. 1851 г.), а крестьянинъ Иванъ Гавриловъ, ровно какъ и Федоровъ Акинфій, въ одинъ и тотъ же день (31 марта 1851 г.) взяты были въ 10 ч. вечера, по сомнѣнію, съ «оказавшеюся при нихъ неизвѣстно кому принадлежащею сахарницею».

Дворники за неисполненіе долга или крестьяне за отлучку отъ помѣщика высылались на родину. На ряду съ ними была выслана рижская мѣщанка Ирина Иванова «за пьянство и самовольную отлучку отъ содержательницы дѣвокъ мѣщанки Трофимовой» (28 іюня 1850 г.).

Высылали изъ Москвы «за непочтеніе къ родителямъ», «за намѣреніе лишить себя жизни», хотя бы и въ пьяномъ видѣ, какъ будто внѣ Москвы человѣкъ становится болѣе почтительнымъ къ своимъ родителямъ, или же было менѣе средствъ удавиться и утопиться.

Подъ страхомъ высылки воспрещалось ношеніе монашеской одежды, или вообще одежды, не соотвѣтствующей званію. Рядовой изъ дворянъ А. Т. Ковалевъ «за ношеніе монашеской одежды» былъ высланъ за Серпуховскую заставу (25 іюля 1849 г.). Тульскій мѣщанинъ, уволенный изъ духовнаго званія, Е. Ѳ. Богородскій «по сомнѣнію въ рубищномъ одѣянніи» отправленъ въ Тулу по этапу (21 дек. 1850 г.). Вообще, начальственное сомнѣніе играло въ этихъ случаяхъ большую роль. Такъ крестьянинъ Батуринъ «взятъ былъ по сомнѣнію съ остриженной головою» (27 марта 1851 г.), а сергіевскаго посада мѣщанинъ Бѣловъ «взятъ былъ по сомнѣнію съ обритою головою» (24 мая 1851 г.).

Зарайскій мѣщанинъ Г. М. Кулаковъ «выдавалъ себя сыщикомъ» (30 іюля 1849 г.), отставной корнетъ А. І. Сахаровъ именовалъ себя «не принадлежащимъ ему титуломъ» (18 сент. и 20 окт. 1852 г.), а одиодворецъ Матовилинъ (23 янв. 1852 г.) вздумалъ носить бронзовую медаль на шеѣ на Анненской лентѣ, и всѣ они были высланы.

Нарушеніе общественной тишины и спокойствія влекло за собой такую же кару. Надворный совѣтникъ Богдановъ былъ высланъ «за произведеніе шума въ Сокольникахъ, во время гулянья и разныя неприличныя дѣйствія въ Казанскомъ соборѣ» (25 іюля 1849 г.). Тверской мѣщанинъ Назаровъ «взятъ за безчинство во время всенощнаго бдѣнія во Страстномъ дѣвичьемъ монастырѣ» (18 окт. 1852 г.). Дворовый Моложаевъ — «за причиненіе побой градскому стражу Адьюзирову» (26 янв. 1850 г.).

Отмѣчу, наконецъ, еще три случая. Одинаковому наказанію подверглись и коломенская мѣщанка Евг. Степанова (по этапу на родину) «за уклоненіе отъ медицинскаго осмотра, по нахожденію ея въ разрядѣ дѣвокъ вольнаго обращенія» (25 окт. 1851 г.), отставной штабсъ-ротмистръ Тарасовъ (въ мѣсто жительства) «за безпокойную и вредную жизнь» (17 янв. 1849 г.) и отставной чиновникъ Дмитріевъ, высланный въ Олонецкую губернію подъ присмотръ полиціи, «за обиду, причиненную вдовѣ губ. секретаря Дубровиной» (3 сент. 1849 г.).

Но, кажется, довольно. Я извлекъ все, что мнѣ представлялось болѣе или менѣе характернымъ. Получается картина, не лишенная интереса, не требующая никакихъ комментаріевъ, тѣмъ болѣе, что она нарисована на основаніи официальныхъ документовъ добраго стараго николаевскаго времени.

Н. Кашинъ.

Изъ полемической литературы 1813 года.

(Московскіе обыватели и графъ Ѳ. В. Растопчинъ)

Исторической литературой, посвященной 1812 году, въ частности — Растопчину, были оставлены безъ вниманія двѣ не-большія книжки, вышедшія въ Москвѣ въ 1813 году. Между тѣмъ эти книжки, любопытныя во многихъ отношеніяхъ, интересны тѣмъ, что онѣ разрѣшаютъ вопросъ о взаимоотношеніяхъ обывателей Москвы и ихъ главнокомандующаго въ тотъ періодъ времени, когда разбѣжавшіеся, было, москвичи стали вновь устраниваться на опустѣлыхъ развалинахъ города.

Въ статьяхъ, касавшихся Растопчина, уже неоднократно указывалось, что отношеніе къ нему московскаго общества было явно непріязненное, при чемъ изслѣдователи въ такихъ своихъ выводахъ опирались почти исключительно на переписку и мемуары современниковъ. Нисколько не умаляя значенія этого матеріала, все же нельзя не признать, что въ немъ есть слабыя стороны.

Во-первыхъ, тѣмъ личнымъ мнѣніямъ и сужденіямъ о Растопчинѣ, которыя мы въ этомъ матеріалѣ находимъ, не хватаетъ, такъ сказать, элементовъ активности и общенародности: вѣдь передъ нами мнѣніе только одного опредѣленнаго лица, и мы не знаемъ, насколько, въ свое время, это мнѣніе высказывалось и проявлялось открыто (т.-е. насколько было активнымъ) и насколько сильно было распространено въ обществѣ (т.-е. насколько было общенароднымъ). Значитъ, для того чтобы вынести рѣшеніе общаго характера, нужно подбирать множество подобныхъ единоличныхъ выступленій. Но въ поискахъ за ними мы, конечно, натолкнемся на мнѣнія, совершенно противоположныя.

Здѣсь мы встрѣчаемся уже со второй отрицательной стороной этого матеріала — съ его субъективной окраской, которая заставляеть насъ заняться предварительнымъ изслѣдованіемъ, въ силу какихъ причинъ и побужденій каждый вызванный нами свидѣтель говоритъ такъ, а не иначе. Въ противномъ случаѣ мы

можемъ оказаться во власти случайныхъ или пристрастныхъ взглядовъ.

Двѣ книжки, о которыхъ я упомянулъ выше, представляютъ, по моему мнѣнію, вполне объективный и безошибочный критерій для рѣшенія вопроса о взаимоотношеніяхъ московскаго общества и Растопчина. Книжки эти слѣдующія: «Московскія небылицы въ лицахъ» ¹⁾ и «Толки московскаго коренного жителя» ²⁾. Обѣ онѣ анонимны, но по тождеству цѣли, по идеологій и фразеологій можно безошибочно сказать, что онѣ принадлежатъ одному автору. Есть между ними и различіе, но чисто формальнаго свойства. «Небылицы» преслѣдуютъ въ равной степени задачи и полемическаго, и апологетическаго характера; онѣ яростно нападаютъ на москвичей и защищаютъ отъ нападковъ послѣднихъ Растопчина; тонъ ихъ крайне рѣзкій, временами просто грубый. «Толки», появившіеся нѣсколько позже, написаны гораздо мягче, можно сказать, приличнѣе; полемика въ нихъ стушевуется передъ апологіей; дѣятельность Растопчина разсматривается въ болѣе широкихъ рамкахъ, на фонѣ общихъ событій 1812 года; наконецъ, тогда какъ въ «Небылицахъ» Растопчинъ хотя и не называется прямо по имени, но явно чувствуется подъ эпитетами «ока Царева», «мужа, достойнаго любви и признательности», «вельможи, поддерживающаго власть, Высочайше, ввѣренную» и т. п., въ «Толкахъ» онъ скрывается подъ безличнымъ терминомъ «правительство».

Эти книжки вызваны раздраженіемъ москвичей противъ Растопчина, выразившемся въ открытомъ и всеобщемъ ропотѣ.

Авторъ «Небылицъ» перечисляетъ по пунктамъ жалобы на Растопчина, каждую изъ нихъ сопровождаетъ опроверженіемъ, пересыпая его крупною солью по адресу москвичей. Вотъ эти жалобы:

- 1) «Возможно ли, какому подвергли насъ разоренію?»
- 2) «Для чего», продолжаютъ вопіять, «такъ увѣрять въ безопасности ³⁾ и тѣмъ приводить въ неосторожность?»
- 3) «Лучше бы», продолжаютъ съ глупою улыбкою, «не увѣрять и не писать ⁴⁾ ничего: не на что бы было и жаловаться».
- 4) «Боже мой! Какъ сожжена Москва! Даже не оставили и машинъ для потушенія пожара; для чего бы увозить ихъ — онѣ не золото» ⁵⁾.

¹⁾ «Московскія небылицы въ лицахъ», въ 8°, на 45 стр., Москва, въ Университетской типографіи, 1813 г., цензурное разрѣшеніе отъ 17 іюня.

²⁾ «Толки московскаго коренного жителя о бывшихъ бѣдствіяхъ сея столицы или нѣсколько утѣшительныхъ мыслей для разоренныхъ», въ 8°, на 41 стр., М., въ Унив. тип., 1813 г., ценз. разрѣш. отъ 10 октября.

³⁾ Т.-е., что Москва сдана не будетъ.

⁴⁾ Т.-е. афишъ и объявленій.

⁵⁾ Т.-е. Растопчинъ является главнымъ виновникомъ пожара Москвы.

Какъ можно видѣть, молва и вопли москвичей рубили подъ самый корень почти всю дѣятельность Растопчина въ предыдущемъ году, и апологія его была нелегка. Защита вышла крайне неудачною: она отдѣлывается общими фразами, грѣшитъ противорѣчіями и отсутствіемъ логики.

Изъ книжки «Толки московскаго жителя» приведу одно мѣсто.

«Главное бѣдствіе московскихъ жителей конечно произошло отъ пожара, погубившаго сокровища и достоянія двухъ столѣтій. Нѣкоторые весьма безразсудно приписываютъ начало онаго русскимъ. Но судя по всѣмъ дѣйствіямъ, таковое положеніе совершенно несправедливо... И какая же была въ томъ цѣль правительства? Непріятеля нужно было заманить въ Москву, окружить его со всѣхъ сторонъ, и какъ бы въ явномъ плѣну истреблять понемногу его силу... Зажечь же сначала Москву, значило понудить непріятеля выступить скорѣе и напасть на русскую армію, которой нужно было подкрѣпленіе и отдыхъ... Наполеонъ, оскорбляясь, что не сдѣлали встрѣчи ему, далъ волю солдатамъ грабить все, и они частію изъ злобы, частію, можетъ-быть, изъ неосторожности сожгли городъ; ибо имъ самимъ не было никакой пользы жечь съ начала вступленія дома, которые могли бы имъ дать покойное убѣжище отъ наступающей стужи»...

Анонимная защита Растопчина очень слаба. Припертая къ стѣнѣ общественнымъ недовольствомъ, она сдала всѣ свои позиціи.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что авторомъ «Небылицъ» и «Толковъ» не былъ Растопчинъ. Но нѣтъ никакого сомнѣнія и въ томъ, что, не будучи авторомъ, онъ все-таки стоялъ отъ этихъ книгъ неподалеку, и его нравственная подпись на этихъ книгахъ есть. Вѣдь касаться въ печати такихъ щекотливыхъ вопросовъ, какіе здѣсь затронуты, въ то время, когда Растопчинъ былъ еще московскимъ главнокомандующимъ, смотрѣвшимъ, по его собственному выраженію, «въ оба», никто не могъ бы за свой собственный рискъ и страхъ. Чтобы печатать такія вещи нужно было внушеніе со стороны Растопчина, или, во всякомъ случаѣ, его согласіе. Авторомъ ихъ могъ быть близкій или хорошо знакомый съ Растопчинымъ человѣкъ. Правда, мнѣ могутъ поставить вопросъ, какимъ образомъ самъ Растопчинъ одобрилъ такія слабыя вещи? На это можно отвѣтить указаніемъ на непомѣрное самоумнѣніе Растопчина. Вѣдь если Растопчинъ могъ искренно думать, что въ 12 году онъ спасъ имперію, то насколько же проще было съ его стороны признать «Небылицы» и «Толки» вещами, заслуживающими вниманія.

Въ 1812—1814 гг. при Растопчинѣ состоялъ А. Я. Булгаковъ, на обязанности котораго лежала дипломатическая и секретная переписка Растопчина. Но Булгаковъ не былъ простымъ чиновникомъ: онъ былъ, кромѣ того, другъ, поклонникъ, обожатель и единомышленникъ Растопчина, человѣкъ, причастный и къ литературѣ ¹⁾. Какъ разъ къ 1813 году относится его сочиненіе «Русскіе и Наполеонъ Бонапарте», и по идеологіи и по стилю весьма близко подходящее къ «Небылицамъ» и «Толкамъ». Но, кромѣ этихъ чисто логическихъ умозаключеній, въ анонимныхъ книжкахъ есть два мелкихъ, но чрезвычайно характерныхъ штриха, которые и позволяютъ мнѣ съ такою увѣренностію приписывать «Небылицы» и «Толки» именно Булгакову.

Во-первыхъ, говоря о тѣхъ вымогательствахъ, которымъ подвергали французы обитателей завоеванныхъ ими странъ, авторъ приводитъ любопытный примѣръ о Триестѣ.

Два обстоятельства обращаютъ здѣсь на себя вниманіе. Почему авторъ такъ свободно и такъ чрезмѣрно подробно говоритъ о всѣхъ мелочахъ этого событія, говоритъ какъ бы отъ своего лица, какъ очевидецъ, тогда какъ въ другихъ случаяхъ онъ ссылается на источники, напр.: «Въ Московскихъ Вѣдомостяхъ напечатано»... «Какъ извѣстно по словамъ плѣнныхъ и перехваченнымъ бумагамъ»... Затѣмъ, съ какой стати вздумалось ему сообщать о фактахъ, случившихся въ такомъ захолустномъ уголкѣ театра военныхъ дѣйствій, тогда какъ къ его услугамъ были примѣры наиболѣе видныхъ городовъ Европы и даже цѣлой Пруссіи, безпощадно обиравшейся Наполеономъ? Къ чему упоминать о никому неизвѣстныхъ «Шильтѣ», «Жубертѣ», когда онъ могъ сослаться на Массену, Ожеро, Вандама и др.?

Да потому, что въ мартѣ 1802 г. Булгаковъ былъ опредѣленъ къ Неаполитанской миссіи, а съ 1807 г. занималъ должность секретаря посольства. Для него было вполне естественно разсказать о томъ, что случилось по сосѣдству и о чемъ, конечно, въ посольствѣ велись нескончаемые разговоры.

Во-вторыхъ, говоря о положеніи Москвы во время пребыванія въ ней французовъ, авторъ приводитъ приказъ по французской арміи отъ 17/29 сентября. Спрашивается, какимъ образомъ этотъ документъ могъ такъ скоро попасть къ автору «Небылицъ» и «Толковъ». Отвѣтъ простъ: черезъ руки Булгакова прошли всѣ бумаги, оставшіяся послѣ французовъ въ Москвѣ. Кромѣ того въ «Русскомъ Архивѣ» за 1864 годъ этотъ приказъ на ряду съ

¹⁾ Списокъ трудовъ Булгакова, составленный В. И. Саитовымъ, см. въ примѣчаніяхъ къ перепискѣ кн. П. Вяземскаго и А. Тургенева, «Остафьевскій Архивъ», т. I, стр. 396—397.

другими документами былъ изданъ съ указаніемъ на собраніе бумагъ Булгакова.

Итакъ, «Небылицы» и «Толки» были написаны, вѣроятно, Булгаковымъ и дозволены къ печати его пріятелемъ Растопчинымъ. Въ нихъ мы имѣемъ, дѣйствительно, вполне объективное доказательство всеобщаго недовольства москвичей своимъ главнокомандующимъ. Вѣдь если бы дѣло шло о ропотѣ отдѣльныхъ лицъ или отдѣльной группы лицъ, то Растопчинъ, не прибѣгая къ анонимной литературѣ, могъ бы, несмотря на свое пошатнувшееся положеніе, просто «посмотрѣть въ оба» и тѣмъ смирить нарушителей общественной тишины и спокойствія. Но разъ «вопіялъ» цѣлый городъ, тогда на самомъ дѣлѣ у него не было другого выхода, какъ обратиться къ гласности. Это подтверждаетъ и самый текстъ книжечки, особенно, «Небылицъ»: «преступная и безумная молва шаталась дерзко и полуоткрыто»; она была на «устахъ не только невѣждъ, но даже людей, имѣющихъ просвѣщеніе»; недовольны были всѣ: и кто «разорился», и кто «потерпѣлъ потери», и кто «ничего не потерялъ»; это былъ «судъ народа», хотя, по мнѣнію Растопчина, судъ народа «всегда подобенъ крику невѣжды».

Если мы теперь поставимъ вопросъ, какъ къ Растопчину относились московскіе обыватели въ 1813 г., то отвѣтъ будетъ чрезвычайно ясенъ: да такъ относились, что Растопчину, въ цѣляхъ самозащиты, пришлось прибѣгнуть къ помощи «частныхъ изданій». И обратно — что такое были москвичи въ глазахъ Растопчина? Отвѣтъ находимъ въ «Небылицахъ»: «О ненавистныя исчадія ада, подлые соплетатели нелѣпостей, наглые разглашатели мятежныхъ слуховъ, злоумышленные внушители преступныхъ жалобъ и ропота, враги тишины и спокойствія общественнаго, враги всякаго добра!»

Въ печатной литературѣ я не нашелъ указаній на то, какъ были встрѣчены «Московскія небылицы» и «Толки московскаго жителя». Но среди бумагъ типографа С. І. Селивановскаго, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ, сохранился, въ двухъ спискахъ, любопытный отвѣтъ на «Московскія небылицы», представляющій собою памфлетъ на Растопчина. Авторъ этого памфлета занялъ очень выгодную позицію. Формально онъ нападаетъ только на сочинителя «Небылицъ» за его брань по адресу московскихъ жителей и за его защиту Растопчина: Растопчинъ-де не нуждается въ защитѣ, всякій-де и безъ того знаетъ, что онъ за человѣкъ. Но въ этомъ восхваленіи Растопчина явно слышится, хоть и скрытая, но очень злая иронія, тогда какъ на долю сочинителя «Небылицъ» достается только грубая и малоостроумная

брань, къ тому же на половину заимствованная изъ опровергаемой книги. Вотъ этотъ памфлетъ:

«Къ сочинителю «Московскихъ небылицъ въ лицахъ», изданныхъ въ 1813 году, или какъ аукнется, такъ и откликнется.

Переводъ съ греческаго.

«О ненавистный исчадіе ада! Подлый ласкатель и сплетатель нелѣпостей на жителей Москвы! Наглый разглашатель и учитель мятежныхъ слуховъ, о которыхъ никто не слыхалъ и понятія не имѣлъ! Злоумышленный выдумщикъ жалобъ и ропота, какихъ не бывало, врагъ тишины и спокойствія семействъ, врагъ всякаго добра! Почто въ изостреніи злодѣйскаго ядовитаго жала твоего на спокойныхъ жителей Москвы... ¹⁾». Ежели ты такъ проникъ о ихъ сѣтованіи на око Царево, почто не именуешь никого? Тогда бы прозорливый начальникъ взглянулъ въ оба, и, яко добрый пастырь, отдѣлилъ бы шелудивыхъ овецъ отъ стада и тѣмъ бы сохранилъ другихъ. Ты боишься, подлецъ, а ругаешься безбожно. Жители Москвы, въ какомъ бы состояніи ни были, лучше тебя знаютъ цѣнить дѣла каждаго. Ласкатель негодный! Кто далъ тебѣ право защищать начальника Москвы! Начальника съ довѣрьемъ, (о) происхожденіи котораго весь свѣтъ знаетъ, съ котораго въ Лондонѣ желали имѣть портретъ, а въ Берлинѣ дамы носили шляпки въ честь имени его! ²⁾ А ты, оправдывая его дѣла, ругаешь другихъ. Скажи, что стоило бы тебѣ къ возвышенію и хвалѣ дѣлъ начальника, вмѣсто постыдныхъ изреченій ко всѣмъ жителямъ Москвы, въ оправданіе его собрать благоумныя и высокопатріотическія изданія его, къ спасенію каждаго помѣщеннаго въ афишахъ и вѣдомостяхъ ³⁾ во время приближенія общаго врага къ столицѣ? Каждый бы въ нихъ увидѣлъ великость дѣлъ и великость ума. Тебѣ бы лучше, что къ славѣ его написать, что самъ онъ о себѣ сказалъ? Тысяча небылицъ твоихъ 1813 года не стоитъ его одной афиши 1812 года ⁴⁾.

Перестань ругать благословенныхъ жителей Москвы, исчадіе ада! Взгляни на ихъ терпѣніе, взгляни на ихъ разореніе и на проливаемые предъ Богомъ слезы въ моленіяхъ. Не мщенія они желаютъ, а молятъ о драгоцѣнномъ здравіи и благоденствіи любимаго ими царя и благоденствіи отечества своего, въ той

¹⁾ Въ текстѣ, очевидно, пропускъ.

²⁾ Эта дешевая популярность, надъ которой смѣется авторъ памфлета, какъ извѣстно, приводила въ упоеніе самого Растопчина; см. его письма къ Брокеру, «Рус. Арх.», 1868 г., стр. 1873, 1883, 1885 и др.

³⁾ Совѣтъ довольно злой, разъ даже апологету Растопчина пришлось признать его афиши «самохвальствомъ».

⁴⁾ То-есть, въ одной афишѣ Растопчина больше небылицъ, чѣмъ въ 1000 «Московскихъ небылицъ въ лицахъ».

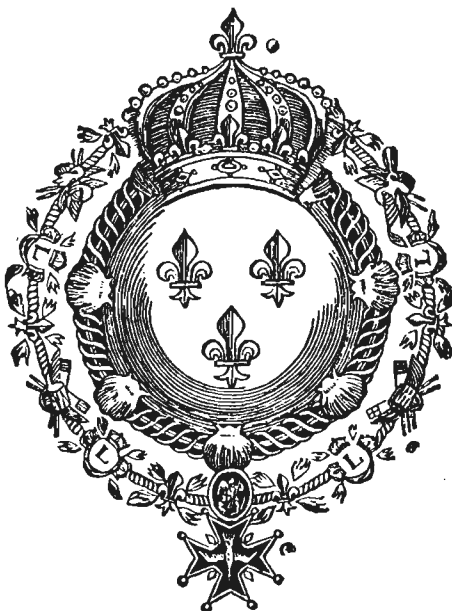
твердой надеждѣ, что Божественнымъ вдохновеніемъ и правотою богъ земной Александръ I, спасшій вселенную, рано или поздно, осушить слезы несчастныхъ, и никто уже не дерзнетъ ¹⁾ присвоивать себѣ власти въ убійствѣ семействъ. Увѣряю тебя, что прежде сгніенія вражьихъ костей жало Наполеоново при-тупится, и тогда все исчадіе ада съ сатаною возвратится въ адское жилище, и ты туда же, сочинитель «Московскихъ небылицъ въ лицахъ», съ твоимъ изданіемъ 1813 года попадешь... Гласъ народа есть гласъ Божій» ²⁾).

Авторъ и судьба этого памфлета мнѣ неизвѣстны. Но можно высказать предположеніе, что памфлетъ дошелъ по своему назначенію и не остался безъ результата.

Между «Небылицами» и «Толками» промежутокъ въ четыре мѣсяца; памфлетъ касается только первой книги; поэтому допустимо, что онъ и написанъ до появленія второй. Наличность двухъ списковъ, писанныхъ разною рукою, у одного лица говоритъ отчасти объ его распространенности.

Нельзя ли тогда именно его вліянію и приписать разницу въ тонѣ между «Небылицами» и «Толками?»

К. Покровскій.

¹⁾ То-есть, какъ «дерзалъ» Растопчинъ.

²⁾ «Гласъ народа есть гласъ Божій»—это отвѣтъ на утвержденіе автора «Небылицъ», что «судъ народа всегда подобенъ крику невольды».

Изъ иностранныхъ журналовъ.

(«Министръ-грабитель». *Lettres de cachet*. Тенденціозность французской историографіи. Дантонъ).

Все глубже и глубже вкапывается ученый изслѣдователь въ груды матеріала, скрывающаго исторію стараго порядка и революціи. Мало того, можно смѣло сказать, что документы по исторіи Франціи XVIII вѣка настолько обслѣдованы, что нынѣ выработалась своеобразная микротомія французской революціи: изслѣдуются мельчайшія детали, переоцѣниваются старыя оцѣнки, устанавливаются новыя положенія. Подъ перомъ безпристрастнаго историка мало-по-малу выступаютъ истинныя очертанія историческихъ событій, до сихъ поръ закрытыя для широкой публики либо шлакомъ пристрастныхъ сужденій современниковъ, либо неправильнымъ освѣщеніемъ тенденціознаго историка-морализатора.

Такъ извѣстный своими трудами по экономической исторіи революціонной Франціи проф. Маріонъ въ своихъ лекціяхъ (*Revue des cours et conférences*, 1914 №№ 7, 13) и журнальныхъ статьяхъ (*Revue Bleue*, 1914; 14, 21 février), на основаніи новаго мемуарнаго матеріала, выясняетъ финансовую политику ненавистнаго XVIII-му вѣку генеральнаго контролера аббата Террэ, который, по мнѣнію ученаго автора, несправедливо очерненъ и современниками и потомствомъ.

Профессоръ Маріонъ зполнѣ основательно утверждаетъ, что послѣдніе годы правленія короля Людовика XV до сихъ поръ

освѣщались весьма пристрастно. Омерзѣніе къ распутному королю невольно переносилось на всѣхъ соприкасавшихся съ нимъ лицъ. Отсюда, напримѣръ, преувеличенно мрачная оцѣнка порочности послѣдней фаворитки короля, Дюбарри, и призваннаго при ней ко власти министерства Эгильона—Мопу—Террэ: проф. Маріонъ замѣчаетъ, что многіе мемуары подчеркиваютъ корректность, воспитанность, образованность и доброту Дюбарри. Ея вѣрность роялизму во время революціи, многочисленныя услуги, оказанныя ею роялистамъ, за которыя она поплатилась смертью на гильотинѣ, подкрѣпляютъ показанія мемуаристовъ.

Неменѣе пристрастна и оцѣнка дѣйствій вышеназваннаго «триумвирата». По указанію проф. Маріона, Франція приведена была политикой герцога Шуазеля¹⁾ на край разоренія. Истощенное изнурительной и несчастной семилѣтней войной, безпорядочной финансовой политикой, государство шло вѣрными шагами къ краху и революціи, и, по мнѣнію пр. Маріона, лишь энергичныя мѣры аббата Террэ задержали полное крушеніе монархіи. Между тѣмъ Террэ былъ такъ ненавидимъ и такъ аттестованъ современниками, что представляется многимъ историкамъ прямо грабителемъ съ большой дороги, пріявшимъ власть для того, чтобы ограбить Францію. Жирондистъ Бриссо ѣдко характеризуетъ его, адвокатъ Кокро печатаетъ ядовитую біографію ненавистнаго аббата, изображая его холоднымъ, безжалостнымъ злодѣемъ и лицемеромъ, наконецъ Монтіонъ, учредившій премію за добродѣтель (и по-сейчасъ выдаваемую во Франціи), даетъ портретъ Террэ, не жалѣя черныхъ красокъ: сгорбленный, съ мрачнымъ лицомъ, со взглядомъ исподлобья, грубый, нетерпящій возраженій, развратный до цинизма, «онъ дѣлалъ добро безъ удовольствія, зло безъ отвращенія, смотря по обстоятельствамъ»... Но Бриссо лишь повторялъ слухи, Кокро мстил за судейскую корпорацию, разгромленную товарищемъ аббата Террэ, канцлеромъ Мопу, а Монтіонъ, который трижды въ теченіе 2 лѣтъ принужденъ былъ измѣнить при Террэ интендантскій постъ, вслѣдствіе своего двусмысленнаго отношенія къ судебной реформѣ Мопу, замѣнившей парламенты новыми правительственными судами,—едва ли можетъ быть безпристрастнымъ свидѣтелемъ. Таковы хулители; зато другіе свидѣтели, знавшіе хорошо Террэ, наоборотъ, свидѣтельствуютъ объ трудолюбіи неустоимомъ, искусномъ, дѣловитомъ и экономномъ отношеніи къ финансамъ. Пылкій журналистъ Ленгэ прямо указываетъ, что ненавистный министръ имѣлъ и

¹⁾ Его поддерживала предшествующая фаворитка Людовика XV, знаменитая маркиза Помпадуръ.

недостатки и достоинства: первые преувеличены, вторыхъ не замѣчали. Мало того, онъ требуетъ для Террэ мѣста рядомъ со знаменитыми своею финансовою политикою Кольберомъ и Сюлли ¹⁾. То же говоритъ съ трибуны Національнаго Собранія, 22 сентября 1790 года, Лебрень. И если закатъ стараго порядка во Франціи ознаменовался рядомъ судорожныхъ бюрократическихъ реформъ, направленныхъ къ тому, чтобы спасти сильно наклонившееся, подгнившее зданіе абсолютной бюрократической монархіи, то справедливо слѣдуетъ вести начало этихъ реформъ съ «тріум-вирата» 1769—1774 года, съ энергичнаго до дерзости Террэ и его товарищей. Сынъ бѣднаго деревенскаго нотаріуса, племянникъ лейбъ-медика регента, онъ началъ свою карьеру съ мѣста совѣтника въ парижскомъ парламентѣ. Среди своихъ товарищей онъ держался особнякомъ и не принялъ участія въ коллективной отставкѣ парламента послѣ столкновенія съ дворомъ въ 1756 г. Послѣ этого онъ выдвигается и быстро идетъ въ гору; его назначаютъ королевскимъ докладчикомъ въ парламентѣ. Проходитъ 13 лѣтъ... Финансовое положеніе Франціи самое отчаянное: огромный дефицитъ, 12%—20% бюджета; громадныя суммы задержанныхъ срочныхъ уплатъ (не менѣе 20% бюджета), до милліарда долгу (5—6 милліардовъ франковъ по нынѣшнему курсу), въ довершеніе всего доходы 1770 года и часть доходовъ 1771 года посредствомъ особыхъ финансовыхъ операцій израсходованы впередъ... «Положеніе болѣе чѣмъ ужасное», докладывалъ королю кратковременный предшественникъ Террэ, генеральный контролеръ Мэйнонь д'Энво, «дольше не выдержать. Мы дошли до того момента, когда государство будетъ повержено въ величайшія, ничѣмъ неотвратимыя бѣдствія»... И вотъ, достигнувъ власти, Террэ прибѣгаетъ къ отчаяннымъ мѣрамъ. Онъ недоволенъ бесѣдами съ королемъ объ экономіи, что дѣлали впослѣдствіи, при Людовикѣ XVI, и его знаменитые преемники Тюрго и Неккеръ. Онъ дѣйствуетъ. Въ 1770 году особымъ эдиктомъ онъ поставилъ задачей кассы погашенія—возмѣщать въ теченіе 8 лѣтъ позаймствованія, сдѣланныя за счетъ будущихъ лѣтъ, превратилъ пожизненный групповой заемъ (тонтины) въ обыкновенную ренту, понизилъ % съ нѣкоторыхъ видовъ государственной ренты. Поднялся ропотъ, но дѣло рантьеровъ не было популярно ни у народа, ни у парламентовъ, ни у теоретиковъ-экономистовъ, которые считали частичное банкротство вполне дозволенной мѣрой государственной политики. Затѣмъ Террэ превращаетъ въ 5% ренту краткосрочные заемные билеты налоговыхъ казначеевъ

¹⁾ Министры Генриха XIV послѣ религіозныхъ войнъ.

и генеральныхъ откупщиковъ. Это повлекло многочисленные банкротства частныхъ лицъ. Самъ Вольтеръ горько жаловался, что Террэ ограбилъ его на 200000 франковъ и хочетъ превратить его, Вольтера, въ настоящаго бѣдняка-капуцина. Рядъ эпиграммъ посыпался на дерзкаго девальватора. Кредитъ палъ. Но деньги были нужны до крайности. Террэ попытался устроить внутренній заемъ на 160 милліоновъ, подписка шла очень туго. Тогда ловкій министръ объявилъ, что будетъ уплачивать всѣ государственные долги бумагами новаго зѣйма и сумѣлъ добиться успѣха внутри Франціи, хотя заграничный заемъ не удался вовсе. Закрытіе парламентовъ и организація новыхъ судовъ развязали Террэ руки: онъ освободился отъ надоедливой оппозиціи. Воспользовавшись желаніемъ отставныхъ членовъ парламентовъ продать свои должности, онъ устанавливаетъ 1% сбора съ заявленной продавцомъ цѣны должности. Далѣе онъ преобразуетъ ипотеки, уничтожаетъ изъятія отъ налога при перемѣнѣ владѣнія, пускаетъ вновь въ продажу должности муниципальных чиновниковъ, сокращаетъ вдвое число казначеевъ въ военномъ, морскомъ, финансовомъ вѣдомствахъ. Затѣмъ онъ поднимаетъ пятипроцентные сборы съ недвижимостей посредствомъ строгаго контроля оцѣнки, возобновляетъ договоръ съ откупщиками на очень выгодныхъ для правительства условіяхъ.

Таковъ перечень отчаянныхъ и рискованныхъ финансовыхъ операцій Террэ, которыя уменьшили дефицитъ почти вдвое. По мнѣнію Маріона, Террэ сумѣлъ на 20 лѣтъ отсрочить паденіе стараго порядка.

Такъ опредѣляетъ ученый историкъ дѣятельность «министра-разбойника», но и самое благожелательное отношеніе къ Террэ не можетъ скрыть невѣроятной авторитарности его дѣяній, которыя справедливо заслужили ему почти всеобщую ненависть и носятъ типичный отпечатокъ невыносимаго произвола абсолютистскаго режима, безжалостно попиравшаго интересы частныхъ лицъ.

Если авторитарность стараго порядка рѣзко проявляется въ финансовой политикѣ, то не менѣе выдѣляется она и въ вопросахъ внутренней политики, въ пренебрежительномъ отношеніи къ личной свободѣ гражданина старой Франціи. Эту сторону изучаетъ г. Гаффарель въ своей статьѣ «Королевскіе приказы объ арестѣ (lettres de cachet) въ Провансѣ въ послѣдніе годы стараго порядка» («Revue Historique», mai-juin 1914). Едва ли какое изъ злоупотребленій дореволюціоннаго режима вызывало столько возмущеній и критики, какъ пресловутыя «письма за печатью», которыми король безъ суда и объясненій на неопредѣлен-

ный срокъ лишалъ свободы своего подданнаго и водворялъ его въ тюрьмѣ. Это страшное орудіе безотвѣтственнаго произвола грозило и послѣднему нищему и первому принцу крови и душевно-больному и вполне здоровому человѣку, не сразу умѣвшему уравнивать свою жизнь.

На основаніи реестра переписки прованскихъ интендантовъ съ министрами удастся г. Гаффарелю возстановить картину примѣненій королевскихъ приказовъ объ арестѣ въ Провансѣ съ 1770 по 1790 г.

Рядъ крѣпостей угрюмыхъ и мрачныхъ, рядъ укрѣпленныхъ фортовъ служили мѣстомъ заключенія мужчинъ, въ томъ числѣ знаменитый, увѣковѣченный Дюма-отцомъ (въ романѣ «Графъ Монтекристо») замокъ д'Ифъ на островкѣ близъ Марселя. Женщинъ запирали въ особо назначенные для того монастыри. Рѣдко кому удавалось спастись бѣгствомъ изъ столь гиблыхъ и неприступныхъ мѣстъ. Заключенные дѣлились на казеннокоштныхъ и своекоштныхъ. Судя по бумагамъ интендантовъ и смотрителей, кормили очень хорошо—давали по нѣскольку блюдъ и разнообразный десертъ, но сохранившіяся въ архивахъ перехваченныя жалобы заключенныхъ показываютъ, что хорошая пища часто оставалась на бумагѣ. Неоднократно жалуются арестанты и на полное отсутствіе бѣлья, запрещеніе переписки, крайнее ограниченіе прогулокъ, строгія взысканія за выраженіе неудовольствія (сырой карцеръ, оковы). О какой-либо медицинской помощи или санитарномъ надзорѣ не было и рѣчи: здоровые и душевно-больные помѣщались рядомъ. Гаффарель склоненъ считать нѣкоторыя жалобы преувеличенными, но факты говорятъ сами за себя.

По мѣрѣ приближенія къ 1789 году число государственныхъ преступниковъ въ тѣсномъ смыслѣ доходить до невѣроятнаго *minimum*'а. Въ Провансѣ таковыхъ менѣе десяти; въ томъ числѣ три подозрительныхъ авантюриста-иностранца, два знатныхъ дворянина: одинъ непослушный дипломатъ, другой—неудобный памфлетистъ (просидѣлъ 4 года). Другую категорію составляли задержанные за нарушеніе военной или религіозной дисциплины. Но огромное большинство заключено по семейнымъ дѣламъ. Власть отца была необычайно велика даже надъ взрослыми членами семьи во Франціи и приводила часто къ трагическимъ коллизіямъ.

Поссорится отецъ съ сыномъ, мужъ съ женой, мать съ дѣтьми, грозитъ дѣвушкѣ неравный бракъ,—во всѣхъ случаяхъ обращаются за *lettre de cachet* къ всемогущему интенданту или министру. Такъ архивистъ мэринъ Тьеръ проситъ (1777 г.) заточить

своего неисправимо-расточительнаго сына Пьера-Луи Тьера въ монастырь отцовъ Кордельеровъ (Сенъ-Пьеръ де Канонъ). Цѣлый годъ просидѣлъ молодой человѣкъ, затѣмъ снова сталъ бражничать на свободѣ и снова взыскательный отецъ просить посадить сынка на исправленіе. Интендантъ отказалъ (1783 г.) и былъ правъ: вскорѣ неугомонный Пьеръ-Луи одумался, удачно женился, перемѣнился, и въ 1796 году у него родился въ Марсели сынъ Адольфъ, знаменитый впослѣдствіи политическій дѣятель.

Итакъ гуманныя тенденціи вѣка проникали иногда въ среду высшей бюрократіи. Интендантъ велитъ произвести по поводу каждой просьбы тщательное слѣдствіе, не легко соглашается на выдачу приказа объ арестѣ; иногда администрація, получивъ новыя свѣдѣнія, спѣшитъ исправить свою ошибку немедленнымъ освобожденіемъ. Но несмотря на это, двери для произвола были открыты настежь и немало невинныхъ страдальцевъ томилось въ заточеніи, а вина другихъ была не всегда пропорціональна взысканію. Нерѣдко заключаютъ сумасшедшихъ, буйныхъ алкоголиковъ, идіотовъ, иногда за грубость, сказанную знатной дамѣ, смутянство, неуплату денегъ. Очевидно, руководясь крайне растяжимымъ принципомъ: изолировать лицъ, неудобныхъ для общества. Г. Гаффарель находитъ, что въ отдѣльныхъ случаяхъ такой способъ наказанія оказывалъ несомнѣнную услугу родителямъ: въ случаѣ воровства, угрозъ, скандальнаго поведенія. Но онъ принужденъ признать, что отцы постоянно злоупотребляли своею традиціонною властью: такъ молодого Боссе заперли въ сиротскій пріютъ въ Э за то, что онъ не хотѣлъ принять духовный санъ. Но особенно убѣдительный примѣръ даютъ заключенія будущей знаменитости Національнаго Собранія, молодого маркиза Мирабо, котораго отецъ преслѣдовалъ съ свирѣпымъ ожесточеніемъ. Правда, молодой человѣкъ былъ мотъ и кутила, но послѣ двукратной ссылки онъ приказомъ объ арестѣ былъ оторванъ отъ семьи, отъ умирающаго ребенка и безъ суда брошенъ въ замокъ д'Ифъ по требованію отца, который настаивалъ на самыхъ суровыхъ мѣрахъ репрессій: ходатайствовалъ о запрещеніи сыну всякаго, даже письменнаго сообщенія съ кѣмъ бы то ни было. Пришлось вступиться постороннему лицу—коменданту форта. Оттуда, по новому приказу, несчастнаго переводятъ въ Жу, на снѣжныя горы. И отецъ высказывалъ искреннее желаніе запрятать ненавистнаго сына хотя бы на голландскую каторгу. Такъ тяжелыя заточенія выковали пламеннаго борца противъ произвола.

Не одинъ Мирабо былъ жертвой родственной ненависти: такихъ примѣровъ много; но не всѣ были одарены такимъ желѣзнымъ

характеромъ. Еще болѣе суровыхъ мѣръ требовали отцы семействъ по отношенію къ легкомысленнымъ или скомпрометированнымъ дочерямъ: строптива ли дочь, сошлась ли она, безъ спросу родителей, съ любимымъ человѣкомъ,—оскорбленный отецъ вызываетъ о помощи къ интенданту. О томъ же хлопочуть обманутые мужья, которые, не имѣя возможности развестись, желаютъ потушить скандалъ. Канцелярская переписка рисуетъ отвратительные образы мегеръ, безстыдныхъ женщинъ, но она же разоблачаетъ и другія драмы: насилія надъ свободной волей дочери или сестры.

Впрочемъ, иногда «письмо за печатью» спасало отъ формальнаго преданія суду знатнаго молодого человѣка за соучастіе въ преступленіи, укрывало родовитаго молодого расточителя отъ алчныхъ кредиторовъ.

Но, несмотря на всѣ усилія интендантовъ, вопіющія злоупотребленія, связанныя съ произвольнымъ арестомъ, вооружили противъ него и общество и даже часть правительственной бюрократіи. Еще 14 апрѣля 1770 года счетная палата подъ давленіемъ Мальзерба подала королю знаменитое заявленіе, въ которомъ рѣзко осуждалась практика заключенія безъ суда. «Ни одинъ гражданинъ вашего государства, Ваше Величество, не увѣренъ въ томъ, что его свобода не будетъ принесена въ жертву мести, ибо никто ни настолько великъ, чтобы укрыться отъ ненависти министра, ни настолько незначителенъ, чтобы не быть достойнымъ ненависти мелкаго служащаго по откупу».

Сдѣлавшись министромъ, Мальзербъ попытался пересмотрѣть основанія предшествовавшихъ заточеній и гарантировать безпристрастіе учрежденіемъ особыхъ комиссій. Но зло слишкомъ вкоренилось, чтобы его можно было излѣчить полумѣрами. Преемники Мальзерба тщетно думали пресѣчь его тщательными провѣрками и контролемъ. 17 февраля 1789 года министръ королевскаго двора Вильдейль требовалъ еще отчета о состояніи заключенныхъ. Наказы въ генеральныя штаты почти всѣ ратуютъ (особенно указы духовенства) за отмѣну королевскихъ приказовъ объ арестѣ, и наконецъ 23 іюня 1789 года декларация Людовика XVI предлагаетъ генеральнымъ штатамъ изыскать мѣры для замѣны *lettres de cachet*. Но лишь въ октябрѣ 1789 года составила комиссія для рѣшенія этого вопроса. Барреръ былъ ея президентомъ, а Мирабо, самъ много пострадавшій отъ *lettres de cachets*, докладчикомъ. Лишь 16—26 марта 1790 года было навсегда покончено съ этимъ уродливымъ дѣтищемъ абсолютнаго режима. Правда, не всѣ остались во Франціи довольны отмѣной. Сохранилось письмо одного злосчастнаго отца, который, видя какъ сынъ его,

освобожденный изъ замка д'Ифъ, снова принялся за безчинства, горько сожалѣть объ утратѣ драгоцѣннаго исправительнаго учрежденія. Единственно, что можетъ его нѣсколько утѣшить, это личная отвѣтственность за преступленія, установленная Національнымъ Собраніемъ.

Таковы интересные результаты безпристрастнаго архивнаго труда и внимательнаго чтенія мемуаровъ тѣхъ историковъ, которые спокойно зрятъ на правыхъ и виновныхъ во всеоружіи своей критики. Но трудно сохранить объективность, занимаясь исторіей дорогой сердцу родины. Чѣмъ болѣе подходитъ ученый изслѣдователь къ настоящему, тѣмъ болѣе наталкиваются его больные вопросы прошлаго на зіяющія язвы современности. И даже признанный объективнымъ историкъ легко поэтому впадаетъ въ тонъ публициста. Такъ одинъ изъ этюдовъ Маріона о Террэ въ (*Revue Bleue*) даже носитъ боевое заглавіе: «Финансы прошлаго и настоящаго дня» и авторъ, намекая весьма прозрачно на современную борьбу изъ-за подоходнаго налога во Франціи, во имя блага государства рекомендуетъ нѣкоторое самопожертвованіе плательщикамъ налоговъ, проводя довольно отдаленную параллель между положеніемъ Франціи 1770 года и Франціи первыхъ годовъ XX-го вѣка. Отсюда нѣкоторый панегиризмъ безстрашному ревнителю государственной идеи во что бы то ни стало (*quand-même*)—аббату Террэ. Такъ волнующіе вопросы злободневной политики накладываютъ свою тяжелую руку на изученіе памятниковъ далекаго прошлаго. Рознь политическихъ программъ и политической тактики переносится въ область историческихъ изслѣдованій и рождаетъ тенденціозную исторію. Исторіографія Великой французской революціи имѣетъ сейчасъ и своихъ лѣвыхъ, и правыхъ, и умѣренныхъ; старые завѣты великихъ дѣятелей далекаго прошлаго воскресаютъ вновь предъ пытливымъ окомъ историка-политика, историка-гражданина, и лидеры новыхъ политическихъ партій жадно ищутъ себѣ союзниковъ въ великихъ мертвецахъ и съ ожесточеніемъ набрасываются на представителей противоположныхъ доктринъ и иной тактики, хотя тѣ ужъ давно сокрылись во тьмѣ временъ.

Мало историковъ безпристрастныхъ, въ родѣ покойнаго основателя *Revue Historique* Габріеля Моно, органъ котораго и посейчасъ остается бастиономъ серьезной, глубоко-содержательной исторической критики.

Зато всѣми партіями энергично обрабатывается исторія революціи. Правые не такъ давно выпустили серію удачно исполненныхъ листовокъ—литературныхъ портретовъ революціонныхъ дѣятелей, искусно обработавъ ихъ въ реакціонномъ духѣ. Соціа-

листическая партія, подъ руководствомъ Жореса, издала солидную «Соціалистическую исторію Франціи» (со временъ Великой революціи). Но самымъ яркимъ примѣромъ партійности французской исторіографіи является уже болѣе десяти лѣтъ тянущаяся борьба между критиками знаменитаго историка революціи Ипполита Тэна (профессоръ Оларъ и его друзья и ученики—лѣвые республиканцы) и защитниками его (ученый архивистъ Августинъ Кошанъ и его союзники—по преимуществу правые и клерикалы). Проф. Оларъ дерзновенно посягнулъ на ореолъ величія, водруженный надъ главою Ипполита Тэна реакціонными историками, обличивши его исторію французской революціи въ крайней тенденціозности и доказавши неполное, неправильное и тенденціозное пользованіе историческими документами. Это нападеніе вызвало яростную отповѣдь со стороны консервативныхъ историковъ. Но они не удовольствовались полемикой, а попытались погубить карьеру Олара, обвинивъ его въ порчѣ и подчисткѣ тѣхъ историческихъ матеріаловъ, которыми онъ пользовался въ правительственныхъ архивахъ. Самый страстный врагъ Олара—А. Кошанъ выступилъ съ ядовитымъ обвиненіемъ на страницахъ популярнѣйшей газеты «Matin». Правда, радикальная партія, стоящая у власти, спасла Олара: специально назначенная слѣдственная комиссія рѣшила дѣло въ его пользу. Но злоба его враговъ не улеглась: въ большой статьѣ, подъ заглавіемъ «Дѣло г-на Олара» (Correspondant, 10 mars 1914), Ф. Лоранти подвергаетъ детальной, кропотливой, всегда злой, нерѣдко остроумной критикѣ методъ редактированія проф. Оларомъ многочисленныхъ (около 40) сборниковъ историческихъ документовъ, старается уличить ученаго профессора въ рабскомъ слѣдованіи старымъ регистрамъ, отсутствіи самостоятельной обработки, небрежности, невнимательности, невѣжествъ и даже умышленномъ пропускѣ ряда матеріаловъ, относящихся къ экономической исторіи Террора. Авторъ щедро разсыпаетъ коварные намеки на прежнія подчистки и отмѣтки, обвиненія въ которыхъ комиссія сложила съ Олара. Все это сопровождается попутной ѣдкой критикой «революціоннаго дѣйствія» «Народа» въ 1793—1794. Выводъ ученаго архивиста простъ и сокрушителенъ: всѣ опубликованные проф. Оларомъ сборники слѣдуетъ заново передѣлать.

Понятна вражда между консерваторами и республиканцами. Но и въ средѣ самыхъ республиканскихъ историковъ жестокое разногласіе: различны ихъ политическія платформы, различны и симпатіи къ политическимъ вождямъ сѣдой старины. Они опредѣленно дѣлятся на дантонистовъ, поклонниковъ умѣренной, оппортунистической политики Дантона (здѣсь сходятся и умѣрен-

ные республиканцы и радикалы и даже радикалы-соціалисты) и робеспьеристовъ (сравнительно небольшая группа, примыкающая къ Обществу робеспьеровскихъ этюдовъ, во главѣ которой стоитъ молодой многообѣщающій А. Матье).

Въ настоящее время очень энергично работаетъ группа умѣренныхъ республиканцевъ. Одна изъ крупныхъ книжныхъ фирмъ выпускаетъ рядъ солидныхъ монографій крупныхъ политическихъ дѣятелей прошлаго; авторами монографій являются видные члены республиканскаго союза: біографія Мирабо написана недавно стоявшимъ у кормила власти министромъ-президентомъ Барту, обѣщана біографія знаменитаго умиротворителя Адольфа Тьера, которую пишетъ не кто иной, какъ президентъ Раймонъ Пуанкарэ.

Въ той же серіи вышла въ свѣтъ біографія Дантона, принадлежащая перу Л. Мадлена; большой отрывокъ ея помѣщенъ недавно въ журналъ «Revue des Deux Mondes» (1, 15 марта, 1 апрѣля 1914) подъ заглавіемъ «Послѣдніе годы Дантона (1. Нападеніе на Жиронду; 2) Комитетъ Дантона; 3) Кризисъ Дантона; 4) Политика стараго Кордельера. 5) Арестъ, процессъ и смерть»).

Кованый стиль, яркость красокъ, прекрасное знаніе мемуаровъ эпохи даютъ возможность автору съ замѣчательной экспрессіей, доходящей иногда до захватывающаго драматизма, рассказать о послѣднихъ годахъ жизни великаго трибуна. Тѣмъ труднѣе съ содержаніемъ статьи читателя знакомить. Нѣсколько театральнымъ приѣмомъ авторъ вводитъ насъ сразу *in medias res*: почти вся Европа вооружается противъ Франціи, Бельгія отнята назадъ австрійскими войсками, въ конвентѣ всеобщее смятеніе, и вдругъ неожиданно на трибунѣ появляется выразительная фигура Дантона. Затѣмъ авторъ даетъ краткій очеркъ жизни Дантона до этого момента. Сынъ прокурора изъ Арсисъ-сюр-Объ, крестьянскаго происхожденія, удачно женившійся, адвокатъ Дантонъ наканунѣ революціи былъ просто веселымъ буржуа, добрымъ малымъ, влюбленнымъ мужемъ, удачливымъ ходатаемъ по дѣламъ. Революція вызвала въ немъ народнаго трибуна. Онъ организуетъ демократическій клубъ Кордельеровъ и сразу же вступаетъ въ конфликтъ съ умѣренными революціонерами (Балли, Лафайеттомъ) «восьмидесятидевятниками». Въ промежутки между бурными выступленіями противъ нихъ онъ живетъ типичной жизнью добродушнаго, чувственнаго буржуа. Но въ началѣ 91 года его выбираютъ въ члены генеральнаго совѣта Парижскаго департамента. Демагогъ превращается въ умѣреннаго политика—типичная черта Дантона, проявляющаяся всякій разъ, какъ онъ достигаетъ поставленной себѣ честолюбивой цѣли. Но ему не

довѣряютъ; его подозрѣваютъ въ подкупѣ, говорятъ о его сношеніяхъ съ дворомъ и честолюбивымъ интриганомъ, Филиппомъ Орлеанскимъ, который мечталъ самъ о французской коронѣ. Популярность его начинаетъ падать, онъ снова становится ярымъ республиканцемъ и, послѣ неудачнаго бѣгства короля, организуеъ первую республиканскую манифестацію на Марсовомъ полѣ. Послѣ ея несчастнаго исхода онъ сходитъ съ политической арены: либо буржуа поглотилъ въ немъ снова трибуна, либо онъ съ тонкимъ расчетомъ самъ ушелъ въ изгнаніе. Возобновляется его политическая карьера въ началѣ 1792 года: его выбираютъ замѣстителемъ прокурора въ Парижской коммунѣ. Теперь онъ обѣщаетъ вѣрно служить королю: онъ втайнѣ мечтаетъ о министерствѣ, но надежды не сбываются, и Дантонъ опять въ яростной оппозиціи. Онъ становится душой «второй революціи». 10 августа рушится тронъ Людовика XVI. Дантонъ дѣлается министромъ юстиціи въ новоизбранной исполнительной комиссіи, въ сущности ея главой. Положеніе Франціи отчаянное, скоро противъ нея будетъ вся Европа. Дантонъ душа національной обороны, организуеъ армію, завязываетъ тонкую дипломатическую игру. Но тутъ раздраженные революціонеры устраиваютъ сентябрьскую рѣзню не безъ попушенія Дантона, что отталкиваетъ отъ него болѣе умѣренныхъ (жирондистовъ). Выбранный въ конвентъ, онъ покидаетъ постъ министра и энергично ратуетъ за консервативную политику примиренія. Онъ думаетъ даже спасти короля, но упорное сопротивленіе группы жирондистовъ Ролана мѣшаетъ его сближенію съ жирондистами. Утомленный борьбой, онъ испрашиваетъ командировку въ Бельгію послѣ вотума за смертную казнь короля. Тяжелое личное горе—смерть страстно любимой жены, подавляетъ его и удаляетъ на время отъ политики, но онъ оправляется и тогда-то въ теченіе 1793—1794 гг. развертывается полная жгучаго интереса трагедія Дантона: трагическій конфликтъ страстнаго, жестокаго, рѣзкаго трибуна и прозорливаго ясновидящаго, склоннаго къ великодушію политика. Разбитыя австрійцами войска отступаютъ изъ Бельгіи, и Дантонтъ пламенно призываетъ съ трибуны къ объединенію, къ забвенію личныхъ счетовъ. Партія Горы—лѣвая, съ которой онъ теперь идетъ нога въ ногу, пользуется его горячностью, чтобы добиться учрежденія революціоннаго трибунала. Между тѣмъ близкій къ Дантону человекъ, главнокомандующій Дюмурье предался на сторону враговъ. Жиронда напрасно старается воспользоваться этимъ, чтобы погубить Дантона. Поддерживаемый Горой, Дантонъ одерживаетъ побѣду и окончательно разрываетъ съ Жирондой. Создается первый комитетъ общественнаго спасенія,

душой котораго становится Дантонъ. Возстаніе Коммуны изгоняетъ Жиронду изъ конвента. Теперь Дантонъ посялъ, хотя и поздно, свою ошибочную политику по отношенію къ Жирондѣ. Онъ стремится «фиксировать» революцію, дабы успокоить испуганную Европу, успѣваетъ добиться свободы дѣйствій отъ конвента въ вопросахъ внѣшней политики. Скоро его тайные дипломатическіе агенты начинаютъ энергично дѣйствовать въ столицахъ Западной Европы; налаживаются сношенія съ Англіей и даже съ Австріей, которая желаетъ спасти Марію-Антуанетту. Но въ то же время Дантонъ провозглашаетъ принципъ національной патріотической политики и, прикрываясь демагогической фразеологіей, стремится къ примиренію враждующихъ группъ: успокаиваетъ напуганныхъ собственниковъ, спасаетъ отъ высылки священниковъ, стремится организовать образованіе. Мало того, онъ искренно желаетъ спасти эксъ-королеву. Но личное счастье снова поглощаетъ трибуна: Дантонъ женится по любви на молоденькой дѣвушкѣ и уходитъ въ личную жизнь. Ни угрозы враговъ, ни уговоры друзей не трогаютъ его. Мѣсто вождя во второмъ комитетѣ общественнаго спасенія занимаетъ Робеспьеръ. Выдвинувшаяся группа крайнихъ террористовъ съ Геберомъ во главѣ начинаетъ яростно нападать на Дантона. Онъ на время воодушевляется, чтобы потомъ на 2 мѣсяца уйти въ жизнь счастливаго, довольнаго своимъ буржуазнымъ счастьемъ мужа. Съ трудомъ друзья уговариваютъ его вернуться къ политической жизни, въ виду угрожающаго положенія Робеспьера и его группы. Терроръ въ полномъ разгарѣ: гибнетъ королева, жирондисты, Филиппъ Орлеанскій. Гебертисты торжествуютъ, и, тогда подъ вліяніемъ Дантона, Демуленъ начинаетъ свою кампанію милосердія въ «Старомъ Кордельерѣ». Робеспьеръ, несмотря на разницу темпераментовъ, поддерживаетъ Дантона: онъ рѣшилъ постепенно уничтожить тѣхъ, кто «превращаетъ свободу въ вакханку» (Гебера) и «въ проститутку» (Дантона). Вліяніе Дантона быстро возрастаетъ и въ клубахъ и въ конвентѣ. Обезпеченный Робеспьеръ уже подумываетъ опереться на военную силу, потомъ начинаетъ кампанію противъ друзей Дантона въ клубахъ и конвентѣ.

Дантонъ падаетъ духомъ. Въмѣсто того, чтобы дѣйствовать, онъ изливается въ горькихъ жалобахъ. Уже начинается втайнѣ походъ и противъ самого Дантона; но арестуютъ Гебера, и Дантонъ пламенной рѣчью, въ которой призываетъ забыть личную непріязнь, возвращаетъ себѣ авторитетъ въ конвентѣ. Онъ опять стремится стать внѣ партій, призываетъ къ объединенію. Это послѣдній успѣхъ. Попытки общихъ друзей сблизить преж-

нихъ двухъ союзниковъ, Робеспьера и Дантона, кончились неудачей. Робеспьеръ уже готовить обвинительный актъ противъ «умѣренца». Дантонъ же снова уходитъ въ мирную жизнь: онъ усталъ. 9 жерминаля по рѣшенію обоихъ комитетовъ Дантона арестовали со своими друзьями. Сторонники Дантона въ конвентѣ притихли, напуганные рѣчью Робеспьера. Начинается знаменитый процессъ дантонистовъ. Дантонъ своимъ бурнымъ краснорѣчіемъ запугалъ присяжныхъ, выбранныхъ изъ самыхъ надежныхъ. Нѣсколько разъ засѣданіе прерывалось ошеломленнымъ предсѣдателемъ. Смущенные, сбитые съ толку предсѣдатель и обвинитель обращаются за помощью къ комитетамъ. Комитету общественной безопасности удалось открыть мнимый заговоръ въ пользу Дантона и его друзей среди заключенныхъ. Послѣ этого Сень-Жюсть убѣдилъ конвентъ принять постановление, что всякій, кто надругается надъ національнымъ судомъ, будетъ исключенъ изъ преній. Судебное разбирательство было кончено, несмотря на громкіе протесты обвиняемыхъ. Но присяжные были подавлены защитой Дантона, члены комитета общ. безопасности оказали на нихъ энергичное давленіе, мало того, въ комнату присяжныхъ было представлено нѣкое письмо, адресованное изъ-за границы Дантону (неизвѣстно, подложное или подлинное), и это рѣшило участь дантонистовъ. Они были осуждены и казнены 16 жерминаля 1794 г.

Страницы, посвящаемыя Мадленомъ смерти Дантона, полны потрясающаго трагизма. До конца знаменитый трибунъ велъ себя гордо и насмѣшливо, ободряя друзей и издѣваясь надъ врагами. Послѣднимъ въ сумеркахъ подошелъ онъ къ ножу гильотины, ступая по крови своихъ друзей, и рыданіе вырвалось у него. «Дорогая моя, милая, я не увижу больше тебя»... И вдругъ, встряхнувшись: «Полно, Дантонъ, безъ слабостей»—онъ сказалъ палачу: «покажешь мою голову народу: она стоитъ этого».

Съ любовью и пылкостью живописуетъ Л. Мадлень, но при всемъ томъ это лишь блестящій этюдъ на тему: «Герой и толпа». Гигантскій обликъ «великаго буржуа» заслоняетъ предъ авторомъ роль политическихъ и социальныхъ организацій; Коммуна, клубы, политическія группы въ легислативѣ, конвентъ—либо вовсе обойдены, либо очерчены слабо и недостаточно. Рѣшившись сосредоточить вниманіе свое на личности Дантона, авторъ, конечно, оперируетъ лишь съ психологическимъ анализомъ,—соціальный анализъ отъ него далекъ, и программы враговъ Дантона вовсе не опредѣлены. Онъ довольствуется лишь психологическимъ противопоставленіемъ Робеспьера и Дантона «по темпераментамъ». Но тѣмъ ярче достигается цѣль автора: выдѣлить

въ Дантонѣ, рядомъ съ сверхчеловѣческимъ, слишкомъ человѣческое, и создать образъ «великаго оппортуниста» и примирителя, рядомъ съ которымъ «народъ безмолвствуетъ». Не стану говорить о весьма подозрительной гипотезѣ Мадлена, будто бы Дантонъ хотѣлъ сблизиться съ гебертистами противъ Робеспьера. Восторженный гимнъ во славу оппортунизма выдаетъ себя своею тенденціозностью. Авторъ, несомнѣнно, рисовалъ образъ Дантона подъ сурдинку своихъ партійныхъ политическихъ идеаловъ и, кто знаетъ, не проходила ли временами предъ его умственнымъ взоромъ тѣнь энергичнаго оппортуниста нашихъ дней, кумира умѣренныхъ республиканцевъ, Аристида Бріана?

А. Васютинскій.

Донесенія неизвѣстныхъ дипломатовъ Меттерниху о Лолѣ Монтецъ.

Въ мартовской книгѣ «Deutsche Revue» за текущій годъ помѣщены неопубликованныя до сихъ поръ нигдѣ донесенія неизвѣстныхъ лицъ австрійскому министру Меттерниху относительно знаменитой авантюристки Лолы Монтецъ ¹⁾, близость которой къ баварскому королю Людвигу послужила поводомъ къ революціи 1848 г. въ Баваріи. Авторы донесеній (ихъ было нѣсколько), повидимому, дипломаты консервативныхъ взглядовъ; въ фактической сторонѣ ихъ сообщеній мало существенно новаго, но они, тѣмъ не менѣе, представляютъ значительный интересъ, какъ исходящіе отъ очевидцевъ всего происходившаго; авторы имѣли доступъ во всѣ круги, которые недоступны для людей изъ публики, и придворный бытъ, настроеніе короля и его министровъ представлены въ ихъ донесеніяхъ ярко и выпукло; кромѣ того, интересны ихъ наблюденія надъ средними кругами мюнхенскаго общества, сыгравшими рѣшающую роль въ баварской революціи, — именно надъ бюргерами и студентами.

Въ концѣ 1846 г. король баварскій Людовигъ I, челоѣкъ уже очень пожилыхъ лѣтъ, вступилъ въ связь съ испанской танцовщицей Лолой Монтецъ. Протестантка по убѣжденію, Лола повела борьбу съ господствовавшимъ въ Баваріи клерикализмомъ, и, по ея настоянію, король далъ отставку клерикальному министерству Абеля. При другихъ обстоятельствахъ это нашло бы только сочувственный откликъ въ баварскомъ насе-

¹⁾ Судьба Лолы Монтецъ послужила сюжетомъ для историческаго романа г-жи Пименовой, печатавшагося въ текущемъ году въ журналѣ «Русская Мысль».

леніи, но въ данномъ случаѣ въ отставку Абеля увидали лишь капризъ королевской любовницы, и ему со всѣхъ сторонъ стали выражать сочувствіе. Донесенія корреспондентовъ Меттерниха и начинаются со времени отставки Абеля. Первымъ откликнулся на нее мюнхенскій университетъ. Профессоръ Лазоль, хотя и клерикаль по убѣжденіямъ, но довольно видный ученый, внесъ въ университетскій сенатъ предложеніе отправить отъ имени университета сочувственный адресъ Абелю. Университетъ отклонилъ это «неумное», по мнѣнію автора донесенія, предложеніе, но король все-таки узналъ объ немъ и уволилъ Лазоля въ отставку. Въ отвѣтъ на это студенты устроили въ честь Лазоля демонстрацію, а на слѣдующій день (2 марта 1847 г.) большая толпа студентовъ, къ которой скоро примкнуло и много мюнхенскихъ гражданъ, собралась передъ домомъ Лолы, и къ ея окнамъ полетѣли камни и куски льда. «Она сама показалась у окна,— какъ говорятъ, съ угрожающимъ жестомъ, чѣмъ толпа была раздражена еще больше. Когда король узналъ объ этомъ, то къ 5 часамъ онъ одинъ и пѣшкомъ направился къ угрожаемому жилищу; тамъ же къ 6 часамъ былъ поставленъ отрядъ кирасировъ съ нѣсколькими постами пѣхоты». Черезъ короткое время король (опять пѣшкомъ) вернулся домой, но толпа съ крикомъ и свистомъ направилась къ его резиденціи, и нѣсколько камней упало въ нижній этажъ королевскаго дворца. Только къ 10 часамъ вечера удалось очистить улицы Мюнхена съ помощью вооруженной силы отъ бушующей толпы.

Но на короля все это произвело небольшое впечатлѣніе. Романтикъ въ душѣ, насквозь пропитавшійся средневѣковыми иллюзіями о достоинствѣ королевской власти, онъ былъ вполне увѣренъ въ прочности своего трона; по словамъ Фурньера, написавшаго нѣсколько вводныхъ страницъ къ публикуемымъ матеріаламъ, онъ думалъ, что «королевское достоинство способно облагородить своимъ блескомъ и защитить отъ всякихъ нападокъ, вслѣдствіе божественности своего происхожденія, все, что онъ дѣлаетъ». Неудивительно поэтому, что уже вечеромъ этого дня при дворѣ шла обычная игра въ лото, «въ которой король принималъ участіе съ обычнымъ душевнымъ спокойствіемъ». Около того же времени король написалъ бреславльскому архіепископу письмо, въ которомъ увѣрялъ, что «его отношеніе къ Лолѣ совсѣмъ не плотское, но что склонность къ женской красотѣ для него необходимая потребность». Это письмо должно было быть сообщено въ копіяхъ всѣмъ епископамъ королевства.

Событія, между тѣмъ, продолжали развиваться. Притязанія Лолы, превратившейся скоро въ графиню фонъ Ландefeldъ,

становились все серьезнѣе. Она требовала, чтобы министры являлись къ ней на домъ; въ театрѣ, когда всѣ вставали при появленіи короля, она одна оставалась сидѣть въ своемъ креслѣ. Лола старалась изолировать даже и королеву и открыто говорила: «между мною и трономъ стоять только два глаза»; по ея желанію даже принцы удалялись отъ двора и получали командование въ провинціи. Особенно скандализированы были значеніемъ Лолы, конечно, дворянство и духовенство. Когда на одинъ придворный балъ въ самомъ началѣ 1848 г. были приглашены и сателлиты Лолы, то всѣ повернулись къ нимъ спиной, никто не хотѣлъ съ ними разговаривать, и они принуждены были сѣсть за ужиномъ за отдѣльный столъ. Постепенно слухи о поведеніи короля распространялись по всей Баваріи. «Одинъ депутатъ», пишетъ корреспондентъ Меттерниха отъ 26 сентября 1847 г., «который отнюдь не принадлежитъ къ партіи ультрамонтановъ, увѣрялъ меня, что все, происходящее относительно упомянутыхъ персонъ (короля и Лолы), извѣстно во всякой крестьянской хижинѣ Баваріи и оказываетъ свое дѣйствіе въ различныхъ направленіяхъ. Помѣщики, духовные и т. п. часто оказывались въ большомъ замѣшательствѣ, когда они наставляли людей изъ нижнихъ классовъ и получали отъ нихъ отвѣтъ: вѣдь нашъ король дѣлаетъ такъ же. Уже одно министерство (Маурера), не угодившее Лолѣ, должно было подать въ отставку, но и новое министерство (князя Валлерштейна), назначенное по желанію Лолы, начинало шататься, потому что князь Валлерштейнъ подъ разными предлогами отказывался идти къ Лолѣ. Характерно при этомъ, что о своемъ непрочномъ положеніи князь Валлерштейнъ говорилъ всѣмъ открыто; корреспондентъ Меттерниха не безъ основанія усмотрѣлъ въ этомъ очень тонкую дипломатическую хитрость, потому что, пишетъ онъ, «если бы ему удалось удержаться, то онъ заставилъ бы всѣхъ повѣрить, что, несмотря на всѣ интриги, онъ одинъ оказался въ состояніи противустоять Лолѣ; если бы онъ палъ чрезъ нее, то онъ хотѣлъ пасть, по крайней мѣрѣ, со славой». На одномъ придворномъ балу король на глазахъ у всѣхъ сдѣлалъ сцену Валлерштейну и на его оправданія рѣзко крикнулъ ему: «Вы—Наполеонъ фразъ!»

Одно изъ своихъ донесеній отъ конца января 1848 г. консервативный авторъ заканчиваетъ такими словами: «все, что здѣсь ежедневно происходитъ, похоже скорѣе на плохой фарсъ. Но когда подумаешь, что во всѣхъ уголкахъ и концахъ Европы, на сѣверѣ и на югѣ, поднимаются темныя тучи, колеблются троны, то королевскія шалости, въ которыя играютъ здѣсь съ идилли-

ческой безпечною, производятъ на серьезныхъ наблюдателей почти трагическое впечатлѣніе. Къ тому же настроеніе здѣсь дѣлается все хуже и проникаетъ какъ высшіе, такъ и нижніе слои населенія. Можно почти опасаться, что достаточно только случайнаго толчка, незначительнаго повода, и изъ подточенной почвы вырвутся губительные элементы».

Съ особеннымъ вниманіемъ авторы донесеній останавливаются на студенческихъ волненіяхъ того времени. Мюнхенскій университетъ имѣлъ репутацію строго католическаго учебнаго заведенія, и студенты его находились подъ вліяніемъ клерикальныхъ профессоровъ. Неудивительно поэтому, что корреспонденты Меттерниха относятся къ студенческимъ волненіямъ почти сочувственно, хвалятъ «спокойное, полное порядка состояніе» студенческихъ обществъ въ обычное время и съ удовольствіемъ отмѣчаютъ, что въ волненіяхъ начала февраля въ Мюнхенѣ, въ которыхъ главное участіе принимали студенты, «не было и слѣда революціоннаго настроенія, не раздавался ни разу мятежный призывъ, и всѣ хотѣли только отдѣлаться отъ ненавистой женщины». Вскорѣ послѣдовавшая затѣмъ мартовская революція въ Баваріи, сопровождавшаяся объявленіемъ свободы печати, отвѣтственности министровъ и выкупомъ феодальныхъ повинностей, доказала, что авторъ донесенія ошибался и что въ февральскихъ волненіяхъ помимо нравственнаго былъ и политическій элементъ. Но, очевидно, этотъ политическій элементъ не выступалъ тогда еще особенно ясно, и консервативно настроенные наблюдатели, вполне искренно предрасположенные не замѣчать извѣстнаго рода общественныхъ настроеній, свободно могли не обратить на него вниманія. Какъ бы то ни было, изображенію февральскихъ студенческихъ волненій въ Мюнхенѣ, которое одинъ изъ корреспондентовъ Меттерниха представилъ ему въ формѣ дневника, нельзя отказать въ яркости и картинности. Въ концѣ 1847 г. нѣкоторые изъ членовъ студенческаго общества «Palatina» завязали знакомство съ Лолой; остальное студенчество было этимъ такъ скандализировано, что не только новые сателлиты Лолы были исключены изъ общества «Palatina», но даже и самое это общество принуждено было закрыться. Но исключенные студенты не сдались и основали новое общество — «Allemania», получившее свое имя отъ самого короля, который оказывалъ его членамъ вообще всякіе знаки милости. Тѣмъ не менѣе другія студенческія общества не признали «Аллеманію» за законную студенческую корпорацію; ея члены были объявлены безчестными и даже (совершенно по-нѣмецки!) недугеспособными. Естественно, что отринутые мюнхенскимъ обществомъ,

они почти все свое время проводили у Лолы, сопровождали ее въ театръ и на прогулки и участвовали въ тѣхъ оргіяхъ, которыя Лола устраивала по ночамъ, когда король (обыкновенно около 10 часовъ вечера) оставлялъ ее. «Эта толпа здоровыхъ молодыхъ людей», пишетъ корреспондентъ Меттерниха, «числомъ отъ 12 до 14, образовала теперь родъ мужского гарема и вмѣстѣ съ тѣмъ тѣлохранителей Лолы. Ихъ старшина (Senigr), извѣстный пѣвецъ, проводилъ послѣднія недѣли каждую ночь у нея»...

Первое время послѣ образованія «Аллеманіи» въ университетѣ было спокойно только потому, что «лоланцы» не рѣшались показываться въ академическихъ аудиторіяхъ и залахъ. Но на бѣду ректоръ университета вспомнилъ правило объ обязательности посѣщенія университетскихъ лекцій, и тогда «началась исторія (ging der Tanz los)». Какъ только кто-нибудь изъ «лоланцевъ» показывался въ университетѣ, его или освистывали, или выталкивали, или, наконецъ, всѣ студенты оставляли аудиторію, и профессоръ оказывался въ ней одинъ съ двумя или тремя изъ «лоланцевъ». Скоро преслѣдованіе ихъ перешло изъ академическихъ стѣнъ и на улицу. 9 февраля студенты, встрѣтивъ на Людвигштрассе двухъ «аллемановъ», шиканьемъ и свистомъ довели ихъ до такой степени раздраженія, что одинъ изъ нихъ выхватилъ кинжалъ и не ранилъ преслѣдовавшихъ только потому, что они были довольно плотно одѣты. Вслѣдъ за тѣмъ «аллеманы» бросились въ ближайшее кафе и тамъ укрылись. Толпа осадила кафе, но прибывшіе жандармы отказались арестовать обнажившаго оружіе «аллемана» подъ тѣмъ предлогомъ, что ношеніе кинжала является только дисциплинарнымъ проступкомъ. Толпа кругомъ кафе все увеличивалась, и для его защиты пришлось вызвать новые отряды конной и пѣшей жандармеріи. Въ это время во дворцѣ былъ дневной балъ. Когда королю донесли обо всемъ происшедшемъ, онъ покинулъ дворецъ и въ бальномъ костюмѣ, пѣшкомъ направился къ университету, вызвалъ ректора, съ которымъ говорилъ въ очень рѣзкой формѣ, а на присутствовавшихъ въ университетѣ студентовъ прямо накричалъ, заявивъ имъ, что «съ королемъ Людвигомъ—плохія шутки: дѣло стоитъ такъ, какъ если бы мы были въ Турціи»... На обратномъ пути онъ повстрѣчался съ Лолой, предложилъ ей руку и довелъ до ея дома. «Я стоялъ у моего дома, когда онъ возвращался», пишетъ нашъ дипломатъ, «и никогда не забуду впечатлѣнія, какое на меня произвелъ его видъ: его лицо было покрыто мертвенной блѣдностью, взглядъ былъ дикъ и блуждалъ, все лицо дергалось»...

Между тѣмъ у кафе, гдѣ укрылись «аллеманы», разыгралась

новая бурная сцена. На этотъ разъ она была вызвана самой Лолой. Эта смѣлая женщина не хотѣла сидѣть дома даже и въ этотъ бурный день, и послѣ того, какъ король отвелъ ее домой, она, явно бравируя, направилась въ министерство внутреннихъ дѣлъ къ министру Берксу. Обрато она шла пѣшкомъ въ сопровожденіи только одного слуги прямо мимо толпы, собравшейся у осажденнаго кафе. Толпа встрѣтила ее оглушительнымъ шумомъ и дикимъ свистомъ. Одинъ студентъ схватилъ ее за шею, какъ бы намѣреваясь удушить, и отпустилъ только тогда, когда она изо всей силы ударила его кулакомъ по лицу. Вырвавшись изъ толпы, Лола бросилась въ ближайшую церковь и, выхвативъ пистолеты, приготовилась защищаться. Но къ дверямъ церкви тотчасъ же прискакали конные жандармы, подъ охраной которыхъ Лола направилась въ королевскій дворецъ къ своему высокому покровителю. Все это время толпа не переставала неистово шумѣть и свистать. Прибывшія вскорѣ войска очистили отъ бушевавшей толпы улицы, прилегавшія ко дворцу и къ дому Лолы, при чемъ, замѣчаетъ съ чувствомъ удовольствія нашъ авторъ, «хотя толпа была и свистѣла варварски», она безъ всякаго сопротивленія уступила войскамъ. «Эго было истиннымъ счастіемъ», продолжаетъ нашъ дипломатъ, «потому что настроеніе солдатъ и офицеровъ было очень ненадежно, и они были крайне раздражены, тѣмъ что ихъ выслали противъ народа «ради такой особы». Когда около 11 часовъ вечера Лола предложила стоявшимъ у ея дома солдатамъ пива, вина и жаркое, то солдаты, хотя и промерзшіе и промокшіе на дождѣ, дали ей отвѣтъ: «отъ такого человѣка мы не хотимъ ничего».

На другой день университетъ, по королевскому указу, былъ закрытъ до октября. Эго вызвало возбужденіе не только среди студентовъ, но и среди мюнхенскихъ гражданъ, значительная часть которыхъ находила себѣ подспорье отъ сдачи комнатъ въ наемъ студентамъ. Бюргеры, убѣдивъ студентовъ держаться спокойно и заявивъ, что они теперь возьмутъ ихъ дѣло въ свои руки, собрались въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ на дворцовой площади, и король послѣ нѣкоторыхъ колебаній подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія согласился открыть университетъ въ маѣ. Но граждане требовали уже большаго,—а именно совершеннаго удаленія Лолы изъ Мюнхена, и министръ Берксъ, вышедшій объявить о королевской милости, былъ встрѣченъ криками: «долой!»

Въ теченіе дня въ разныхъ мѣстахъ города происходили столкновенія горожанъ съ полиціей и войсками. На слѣдующій день настроеніе гражданъ оказалось еще рѣшительнѣе. Утромъ

они снова собрались на дворцовой площади и рѣшили, если король не уступитъ и не вышлетъ Лолу, собраться снова въ 2 часа дня, но уже при оружii, въ формѣ ландвера, съ тѣмъ, чтобы силой добиться удаленiя фаворитки. Когда директоръ полицii принесъ объ этомъ извѣстiе королю, тотъ немедленно собралъ совѣтъ министровъ, на которомъ было рѣшено, что университетъ открывается тотчасъ же и что Лола въ теченiе одного часа должна оставить Мюнхенъ, а затѣмъ и Баварiю. Эта вѣсть вызвала ликование по всему Мюнхену. Граждане обнимались и плакали отъ радости; затѣмъ всѣ направились къ королевскому дворцу, неся на рукахъ министра Валлерштейна (которому теперь въ подтвержденiе его расчета была приписана главная честь побѣды надъ Лолой), и провозгласили трижды *Lebe hoch* въ честь короля и королевы.

Свой дневникъ о февральскихъ дняхъ нашъ дипломатъ заключаетъ разсказомъ объ отъѣздѣ Лолы изъ Мюнхена. Громадныя толпы народа потянулись со всѣхъ концовъ города къ жилищу Лолы, чтобы быть свидѣтелями «отъѣзда особы, которая болѣе года была бичомъ страны и отдалила короля отъ его народа». Ворота долго не отворялись, но, наконецъ, въ 10¹/₂ часовъ изъ нихъ выѣхала хорошо извѣстная населенiю Мюнхена коляска, въ которой сидѣла Лола и стрѣлою понеслась по направленiю къ Пинакотекѣ. Толпа встрѣтила ее ревомъ и проклятiями, а студенты запѣли *Gaudeamus*. Вслѣдъ за тѣмъ толпа бросилась къ дому Лолы съ намѣренiемъ его разрушить и, такъ какъ съ фасада двери были закрыты, то погромъ начался со стороны сада. Стоявшiй здѣсь отрядъ пѣхоты спокойно смотрѣлъ на ломку дома, и командовавшiй ими капралъ говорилъ громко окружающимъ: «я здѣсь поставленъ, и пока не получу приказанiя, не тронусь съ мѣста». «Это», прибавляетъ авторъ дневника, «характеризуетъ въ общемъ настроенiе войска». Разрушенiе прекратилось только съ появленiемъ короля, который заявилъ толпѣ, что «это—его домъ», и приказалъ войскамъ очистить улицу. Авторъ снова не упускаетъ случая похвалить лойяльность мюнхенскаго населенiя, которое на этотъ разъ радостно привѣтствовало короля и, по его приглашенiю, спокойно вернулось къ своимъ обычнымъ занятiямъ. Онъ былъ вполне убѣжденъ, что на этотъ разъ порядокъ и спокойствiе уже прочно водворились въ столицѣ Баварiи.—Но всего черезъ 20 дней послѣ этого, при первыхъ извѣстiяхъ о февральской революцiи въ Парижѣ, въ Мюнхенѣ снова возобновились безпорядки, скоро перешедшiе уже въ настоящую революцiю, которая окончилась на этотъ разъ отреченiемъ короля отъ престола въ пользу его сына. Въ какой формѣ наши дипломаты донесли о ней своему принципалу—объ этомъ у насъ нѣтъ извѣстiй.

В. Перцевъ.

Критика и библіографія.

І. М. Кулишеръ. Коммунальное обложение въ Германіи въ его историческомъ развитіи. Опытъ изученія основныхъ теченій въ развитіи городскихъ финансовъ. С.-Петербургъ, 1914.

Читатель, интересующійся общимъ характеромъ германскаго коммунальнаго обложения и ходомъ его развитія въ различныя эпохи, можетъ быть вполне удовлетворенъ обширнымъ фактическимъ матеріаломъ, собраннымъ въ новомъ трудѣ г. Кулишера. Едва ли, однако, будетъ удовлетворенъ разбираемою книгою читатель, котораго въ исторіи интересуютъ не только *процессы*, но и *факторы* развитія, — который хотѣлъ бы знать не только *что*, но и *почему* произошло, — который хотѣлъ бы, пользуясь работой г. Кулишера, получить ясное представленіе о тѣхъ причинахъ и условіяхъ, въ связи съ которыми измѣнялось взаимоотношеніе различныхъ видовъ и формъ обложения — исчезали или отодвигались на задній планъ одни и появлялись или получали преимущественную важность другіе. На интересующіе такого читателя вопросы онъ въ книгѣ надлежащаго отвѣта не найдетъ, — не потому, однако, что авторъ его дать не можетъ или не хочетъ. Наоборотъ, авторъ вполне обладаетъ необходимыми для такого отвѣта данными и совершенно добросовѣстно пытается его дать, но при этомъ допускаетъ серьезную методологическую ошибку, парализующую всѣ его усилія. вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря этой ошибкѣ, читатель рискуетъ не только оказаться сбитымъ съ толку, но даже получить превратное представленіе о генезисѣ предлагаемыхъ его вниманію явленій. «Исторія нѣмецкихъ городовъ, — пишетъ г. Кулишеръ, — какъ въ политическомъ, такъ и въ экономическомъ отношеніи распадается на три періода — эпоху до конца XVI ст., эпоху XVII и XVIII ст. и эпоху XIX ст. На эти три періода мы раздѣляемъ и наше изложеніе развитія городского обложения въ Германіи» (стр. 55). Въ самомъ дѣлѣ, изъ десяти главъ своей книги авторъ первыя три посвящаетъ изложенію данныхъ, характеризующихъ городское обложение въ періодъ торгово-промышленнаго развитія и политическаго роста нѣмец-

кихъ городовъ (XIV—XVI вв.). Четвертая глава трактуетъ о коммунальныхъ налогахъ въ послѣдующій періодъ торговаго упадка городовъ и потери ими политической самостоятельности (XVII—XVIII вв.). Наконецъ, послѣднія шесть главъ отведены изученію коммунальныхъ налоговъ въ періодъ (XIX в.) превращенія городовъ въ промышленные центры и полученія ими болѣе или менѣе широкихъ правъ самоуправленія.

Если бы дѣло шло о простомъ описаніи существовавшихъ въ Германіи въ различныя историческія эпохи системъ и видовъ коммунальнаго обложенія, то противъ такого дѣленія, въ основаніе котораго положено измѣненіе экономическихъ и политическихъ судьбъ германскихъ городовъ, ничего нельзя было бы возразить, ибо въ такомъ случаѣ то или иное дѣленіе на періоды диктовались бы исключительно удобствами изложенія, какъ ихъ понимаетъ самъ авторъ со своей индивидуальной точки зрѣнія. Но трудъ г. Кулишера всего менѣе — простое описаніе системъ и видовъ обложенія. Принятое имъ дѣленіе было бы также допустимымъ и даже, если можно такъ выразиться, научно обязательнымъ, если бы авторъ задался спеціальною цѣлью — выяснитъ наличность причинной связи между коммунальнымъ обложеніемъ съ одной стороны и экономическими и политическими условіями существованія городовъ — съ другой. Но такой спеціальной цѣли у автора, хотя онъ и подчеркиваетъ мѣстами роль политическаго фактора, въ дѣйствительности нѣтъ; не ею мотивируетъ онъ свое дѣленіе на періоды, да она и исключается всѣмъ содержаніемъ его книги. Могло бы быть оправдано дѣленіе Кулишера и въ томъ случаѣ, если бы имѣлись основанія предполагать, что его періоды окажутся въ полномъ соотвѣтствіи съ этапами или стадіями развитія городскихъ финансовъ, т.-е., если бы имѣлись основанія предполагать, что признакъ, положенный авторомъ въ основаніе своего дѣленія (экономическія и политическія судьбы городовъ), является обязательно и безусловно рѣшающимъ также для этихъ финансовъ. Едва ли, однако, нужно доказывать, въ какой мѣрѣ рискованной была бы такая презумпція. Изъ нея не могъ исходить авторъ, превосходно знающій, что, помимо факторовъ экономическаго и политическаго, существуетъ еще рядъ другихъ, часто играющихъ несравненно болѣе важную роль въ области коммунальнаго обложенія. Не говорю уже о факторѣ социальномъ, первостепенная роль котораго на каждомъ шагѣ обнаруживается въ изложеніи самого же автора. А факторъ бытовой? А обычаи, навыки и традиции? А чрезвычайно важная связь коммунальнаго обложенія — главнымъ образомъ спеціальныхъ, цѣлевыхъ сборовъ — со степенью развитія коммунальнаго хозяйства, съ характеромъ его нуждъ и потребностей, наконецъ, даже съ техническимъ уровнемъ городского благоустройства. Развѣ, напр., на извѣстной стадіи развитія этого благоустройства не дѣлается невозможнымъ по чисто техническимъ условіямъ цѣлесообразное использование натуральныхъ повинностей и не становится, поэтому, неизбежнымъ переложеніе ихъ въ денежныя? Естественно, что того соотвѣтствія между періодами г. Кулишера и стадіями развитія коммунальнаго обложенія, котораго не было основанія предполагать, не оказывается и въ

дѣйствительности. Приведя всѣ данныя, относящіяся къ выдѣленнымъ имъ особю XVII и XVIII вв., авторъ самъ же находитъ ихъ свидѣтельствующими «о томъ, что этотъ періодъ, являющійся эпохой застоя въ области торговли и промысловъ нѣмецкихъ городовъ и эпохой упадка городовъ въ политическомъ отношеніи, въ общемъ почти ничего новаго не далъ и въ области городскихъ финансовъ вообще и налоговъ въ частности» (стр. 247). «Даже зачатки обложенія наслѣдства, которые мы находимъ въ это время, существовали еще раньше» (стр. 463).

Зачѣмъ же было огородъ городить? Зачѣмъ было игнорировать то простое и ясное положеніе, что въ трудѣ, трактующемъ о развитіи какого-нибудь явленія, единственно цѣлесообразною, слѣдовательно, и единственно научною представляется группировка матеріала, соответствующая самымъ стадіямъ или этапамъ изучаемаго развитія. При такой группировкѣ авторъ, переходя отъ одной стадіи къ другой, вынужденъ былъ бы предварительно обслѣдовать всѣ, по крайней мѣрѣ, наиболѣе существенныя причины, которыми обуславливается наступленіе слѣдующей очередной стадіи. А при такомъ обслѣдованіи онъ не могъ бы не замѣтить, хотя бы, того напр., что изучать «основныя теченія въ развитіи городскихъ финансовъ», не изучая параллельно основныхъ теченій въ развитіи городского хозяйства, его нуждъ и потребностей, — значить заранѣе обрекать себя на работу въ значительной мѣрѣ безцѣльную и бесплодную. Я въ особенности подчеркиваю послѣднее обстоятельство потому, что автору, судя по его книгѣ, совершенно чужда идея указанной выше причинной связи коммунальных налоговъ съ городскимъ хозяйствомъ вообще и городскимъ благоустройствомъ въ частности, — настолько чужда, что онъ не замѣчаетъ этой связи даже тогда, когда о ней вопіютъ имъ же приводимые факты.

За всѣмъ тѣмъ, однако, богатое фактическое содержаніе книги, являющееся продуктомъ большой и добросовѣстной работы, дѣлаетъ ее серьезнымъ вкладомъ въ довольно скудную русскую литературу о городскихъ финансахъ.

Гр. Шрейдеръ.

G. C a s a n o v a: Il duello. Episodio autobiografico con prefazione di G. Pollio. Genova. 1914.

C h. S a m a r a n: Э. Casanova Venitien. Une vie d'aventurier au XVIII s. Paris. 1914.

За послѣднее время взоры изслѣдователей XVIII вѣка все чаще обращаются на личность Казановы. Каждый годъ приноситъ новое интересное изслѣдованіе о знаменитомъ авантюристѣ, какое-нибудь новое цѣнное «открытіе».

Передъ нами двѣ новинки, вышедшія въ нынѣшнемъ году.

Дж. Полліо посчастливилось найти въ библиотекѣ Querini-Stampali въ Венеціи неизданное произведеніе Казановы «Il duelli. Saggio sulla vita di G. C. veneziano». Это разсказъ (въ третьемъ лицѣ) о дуэли авантюриста съ граф. Браницкимъ, изложенный болѣе ясно и стройно, чѣмъ потомъ въ «Мемуарахъ» (кн. VII, гл. 2 изд. Garnier). Казанова очень гордился, какъ извѣстно,

этой дуэлью, уравнившей его, какъ ему казалось, въ правахъ съ аристократическимъ обществомъ, гордился ею не менѣе, чѣмъ своимъ бѣгствомъ изъ венеціанской тюрьмы. И потому неудивительно, что онъ еще задолго до мысли написать свои «Мемуары» повѣдалъ о ней, какъ и о своемъ бѣгствѣ, всему міру. Какъ «Histoire de ma fuite», такъ и «Il duello» являются такимъ образомъ двумя источниками его будущихъ «Мемуаровъ». Изданный Полліо «автобіографическій эпизодъ» представляетъ, впрочемъ, еще и другой интересъ. Это было (на ряду съ Confutazione) однимъ изъ тѣхъ «покаянныхъ» сочиненій, которыми Казанова хотѣлъ себѣ купить право вернуться въ Венецію (въ качествѣ confidente, шпіона инквизиторовъ). Казанова предстаетъ здѣсь передъ нами въ необычной для него роли, или, выражаясь словами издателя, подъ маской Тартюфа.

Большой интересъ представляетъ и книга Samaran'a. Правда, она разсматриваетъ подробно только пребываніе Казановы въ Парижѣ (1750—52; 1757—60), и хотя на эту тему вышла въ прошломъ году книга другого французскаго изслѣдователя (Caron: Casanova à Paris) но все-таки изслѣдованіе Samaran'a отнюдь не лишнее, такъ какъ основано не на словахъ только самого авантюриста, а, главнымъ образомъ, на архивномъ матеріалѣ. Это превосходный историческій комментарий къ «мемуарамъ» Казановы, устраняющій многочисленныя его неточности, дополняющій его рассказъ новыми фактами, дорисовывающій образы, мелькающіе на страницахъ его воспоминаній. Правда, для нѣкоторыхъ парижскихъ эпизодовъ Samaran могъ воспользоваться новыми данными, добытыми его предшественниками (напр. для романа Казанова съ Манонъ Баллетти, изданнымъ два года назадъ Aldo Ravà: Lettere di donne à G. Casanova). Обычно авторъ опирается на собственные изысканія. И сообщаетъ онъ много новаго. Правда, нѣкоторыя личности, фигурирующія въ «Мемуарахъ» и теперь еще остаются загадочными (напр. Генріетта или m-lle de Menge). Зато приведено много данныхъ относительно цѣлаго ряда другихъ лицъ, отъ свѣтскихъ дамъ вплоть до мошенниковъ и авантюристовъ. Нѣкоторыя заявленія Казановы не находятъ себѣ оправданія въ документахъ и должны, быть можетъ, быть отнесены къ категоріи вымысловъ, придуманныхъ ради эффекта (напр., его заявленіе о томъ, что онъ придумалъ знаменитую лотерею или рассказъ о фабрикѣ шелковыхъ издѣлій). Зато другіе эпизоды подтвердились новыми данными, найденными Samaran'омъ (напр., эпизодъ съ маркизой д'Юрфе и др.). Въ особенности интересны въ книгѣ французскаго автора, конечно, тѣ страницы, гдѣ на основаніи архивнаго матеріала онъ дополняетъ «мемуары» Казановы новыми главами (напр. Une affaire de jeu). Наконецъ, Samaran'у удалось установить истинную причину, побудившую Казанову покинуть Парижъ въ 1760 г., а именно грозившій ему арестъ за подложный вексель.

Въ одномъ недавно найденномъ отрывкѣ письма Казановы къ губернатору Барселоны (опуб. Gugitz-Ravà въ XV т. изд. Conrad) авантюристъ восклицаетъ съ пафосомъ: «Если вы найдете въ Генуѣ, Туринѣ, Ливорно, Римѣ, Неаполѣ, Женевѣ, Вѣнѣ, Польшѣ, Россіи, Германіи и Испаніи хоть одного банкира, котораго я

обманулъ мошенническимъ векселемъ, то я готовъ умереть на эшафотѣ».

Какъ видно: въ этомъ перечнѣ осмотнительно выпущенъ— Парижъ. Въ нынѣшнемъ году предвидится еще рядъ изслѣдованій о венеціанскомъ авантюристѣ, фигура котораго такъ характерна для XVIII в. Уже печатается книга Полліо съ новыми о немъ матеріалами (*Autour de Casanova*). Aldo Ravà и Tage Bull готовятъ большую библиографическій трудъ съ характеристикой всего, что написано о Казановѣ, и всего, что написано имъ. Недалеко то время, когда мы будемъ знать доподлиннаго автора «Мемуаровъ», хотя для этого, между прочимъ, разумѣется необходимо, чтобы наконецъ былъ опубликованъ и самый текстъ этихъ «Мемуаровъ».

В. Фриче.

А. В. Амфитеатровъ. 1812 годъ. Очерки изъ исторіи русскаго патріотизма. Спб. Изд. «Просвѣщеніе». Ц. 1 р. 50 к.

Очерки г. Амфитеатрова, печатавшіеся первоначально въ «Современникѣ», должны представить для широкихъ круговъ читателей большой интересъ. По связи съ романомъ Толстого «Война и Миръ» авторъ разсматриваетъ общественныя отношенія въ эпоху отечественной войны. Удачно скомбинировавъ многочисленныя мемуарныя выдержки, авторъ даетъ яркія картины быта въ 1812 г. и вноситъ существенныя коррективы въ освѣщеніе Толстымъ этой эпохи. Последнее представляется особенно нужнымъ, ибо до сихъ поръ еще держится, въ кругахъ даже специалистовъ, мнѣніе, что «Война и Миръ» Толстого даетъ совершенно правильное историческое освѣщеніе эпохи (такую точку зрѣнія высказывали А. К. Бороздинъ и А. А. Корниловъ). Но помимо того, что Толстой не могъ въ свое время располагать матеріаломъ, имѣющимся въ наше время, историческому воспроизведенію эпохи во многомъ помѣшали нѣкоторыя предвзятія точки зрѣнія Толстого въ періодъ, когда писался романъ. (По этому поводу см. сборникъ «Война и Миръ», вышедшій въ прошломъ году подъ редакціей Т. И. Полнера). Очерки г. Амфитеатрова — одна изъ немногихъ попытокъ отнестись критически къ историческому матеріалу «Война и Миръ», и притомъ попытка очень удачная. Въ очеркахъ «Наполеонъ—Пугачевъ», «Левъ Толстой и Александрово воинство», «Офицерство», «Рыцари 1812 года» авторъ на основаніи весьма обильнаго мемуарнаго матеріала, разбросаннаго въ нашихъ журналахъ, показываетъ, что Толстой не далъ въ своемъ романѣ alexandrovskaго крѣпостного мужика и мученика-солдата, идеализировалъ дворянство и высшіе классы и т. д., но надо сказать, что очерки г. Амфитеатрова, и помимо своего отношенія къ знаменитому роману Толстого, заслуживаютъ вниманія: данная г. Амфитеатровымъ страничка изъ исторіи русскаго патріотизма весьма поучительна. И какъ рѣзко они расходятся съ традиціоннымъ освѣщеніемъ эпохи, до сихъ поръ еще находящимъ адептовъ среди историковъ! У г. Амфитеатрова нѣтъ новыхъ матеріаловъ, далеко не все использовано имъ изъ того, что должно было бы находиться въ рукахъ автора, но и то, что

выбралъ авторъ изъ мемуаровъ, даетъ яркую картину настроеній. Жаль только, что, издавая свои статьи отдѣльно, г. Амфитеатовъ не потрудился дополнить ихъ хотя бы тѣми данными, которыя появились въ столѣтнюю годовщину войны съ Наполеономъ. Здѣсь онъ нашелъ бы немало новыхъ интересныхъ фактовъ.

С. Мельгуновъ.

И. И. Проходцевъ. Рязанская губернія въ 1812 году преимущественно съ бытовой стороны. Матеріалы для исторіи Отечественной войны, ч. I. Изданіе Рязанск. Губ. Уч. Арх. Комиссін. Рязань, 1913 г., 636 стр.

Столѣтняя годовщина Отечественной войны вызвала не только попытки пересмотрѣть вопросъ о ней въ ея цѣломъ и дать ея общую характеристику, но, и это можетъ быть еще важнѣе, дала толчокъ къ разработкѣ мѣстной исторіи этой достопамятной эпохи. Районъ, охваченный войною былъ очень великъ; еще шире покажется онъ, если вспомнить, что помимо полосы, служившей непосредственно театромъ военныхъ дѣйствій, почти во всей имперіи дѣлались военныя приготовленія, формировалось ополченіе, а позднѣе доставлялись и расквартировывались плѣнные. Вышедшіе за послѣднее время новые матеріалы, изданные Императорскимъ русскимъ историческимъ Обществомъ, Виленскою Комиссіею для разбора древнихъ актовъ и Смоленскою Ученною Архивною Комиссіею, проливаютъ яркій свѣтъ на мѣстную жизнь западныхъ областей Россіи во время войны и даже подъ временнымъ владычествомъ врага; нѣсколько позднѣе, чѣмъ указанная сейчасъ изданія, появилось изданіе Рязанской Архивной Комиссіи, знакомящее насъ съ мѣстною жизнью губерніи, непосредственно войною не затронутой, но дѣятельно къ ней готовившейся и территориально соприкасавшейся съ театромъ войны. Изданный нынѣ обширный матеріалъ позволяетъ судить о томъ, что дѣлалось на второмъ планѣ, въ русской провинціи, готовившейся вести войну и опасавшейся, что врагъ, въ концѣ концовъ, не пощадитъ и ее. Значительная часть опубликованнаго матеріала заимствована изъ различныхъ архивовъ Рязанской губерніи; въ изданіи отведено много мѣста приготовленіямъ къ войнѣ и формированію рязанскаго ополченія. Лишь нѣсколько десятковъ страницъ въ концѣ книги содержатъ свѣдѣнія о кратковременной службѣ рязанскаго ополченія, заключавшейся, главнымъ образомъ, въ охранѣ Рязанской губерніи отъ мѣстностей, занятыхъ французами, и одиночныхъ столкновеній рязанскихъ ополченцевъ съ мародерами. Въ общемъ количество историческаго матеріала, ставшаго доступнымъ, благодаря стараніямъ Рязанской Архивной Комиссіи и трудамъ составителя сборника, очень велико; матеріалъ этотъ очень цѣненъ и остается только пожелать, чтобы и другія губерніи такъ же поманули свое участіе въ Отечественной войнѣ, какъ это сдѣлала Рязанская. Однако, съ разработкой матеріала въ разбираемомъ трудѣ едва ли можемъ согласиться безъ оговорокъ. Весь матеріалъ расположенъ въ видѣ самостоятельныхъ отдѣловъ — главъ, гдѣ пересказъ документовъ, иногда приводимыхъ полностью, чередуется съ заключеніями составителей; въ результатъ полу-

чается нѣчто среднее между сборникомъ документовъ и изслѣдованіемъ, или вѣрнѣе ни то ни другое; не лучше ли было бы опубликовать документы въ ихъ подлинномъ видѣ, сопроводивъ ихъ обширной вводной статьей, гдѣ бы читатель могъ найти сжатый, но точный обзоръ всего печатнаго матеріала?

Ю. Гомъе.

П. И. Ковалевскій. проф. Кавказъ, т. I, Народы Кавказа. С.-Пб., стр. 1—343.

Недавно мы уже писали о другой исторической работѣ проф. Ковалевскаго, далеко не отличающейся научными достоинствами. Новая публикація также не можетъ похвалиться своими учеными качествами; это весьма скверная публицистика. Авторъ исходитъ изъ того правильнаго положенія, что «нужно знать хорошо всѣ націи, населяющія Россію, ихъ историческія судьбы и права. Безъ этого трудно управлять въ Россіи»; предлагаемый орус долженъ, по мнѣнію проф. К-аго, нѣсколько облегчить это необходимое познаніе составныхъ частей Россіи. Къ прискорбію, новый трудъ профессора ни въ какомъ случаѣ не можетъ удовлетворить самымъ элементарнымъ требованіямъ научной работы; прежде всего — это нагроможденіе случайныхъ свѣдѣній историко-этнографическаго характера безъ критической провѣрки предлагаемаго читателю матеріала. Авторъ черпаетъ свои свѣдѣнія изъ весьма мутныхъ источниковъ, между тѣмъ какъ классическіе труды такихъ извѣстныхъ Кавказовѣдъ, какъ покойный проф. В. О. Миллеръ, Н. Я. Марръ обходятся молчаніемъ; вся обширная этнографическая литература по Кавказу осталась совершенно невѣдомой проф. Ковалевскому; такимъ образомъ, научный аппаратъ книги крайне слабъ; въ вопросахъ исторіи и этнографіи Кавказа авторъ проявляетъ непостижимую неосвѣдомленность и потому повторяетъ свѣдѣнія, которыя давно оставлены наукой; лингвистическія изысканія В. О. Миллера, Гоммея, М. Миллера и др., новѣйшія изслѣдованія академика Н. Я. Марра, открывшія новую эру въ изученіи языковъ Кавказа, совершенно неизвѣстны проф. Ковалевскому. Несмотря на вопіющую неподготовленность автора по элементарнымъ вопросамъ Кавказовѣдѣнія, послѣдній съ большимъ апломбомъ говоритъ обо всемъ. Сужденія проф. К-го крайне рѣшительны и ничѣмъ не обоснованы, напримѣръ: «поводомъ къ... враждебному отношенію (черкесовъ къ русскимъ) послужило нѣсколько *неумѣстное вмѣшательство русскихъ въ взаимную ссору* черкесскихъ племенъ между собою. Съ тѣхъ поръ (съ какихъ?) началась безконечная, кровопролитная война, которая закончилась только въ 60-хъ гг. прошлаго столѣтія полнымъ покореніемъ Кавказа». Такимъ образомъ, война, знаящая 50 л., сопровождавшаяся упорною борьбой, объясняется столь элементарно, что показываетъ полную неосвѣдомленность автора въ тѣхъ сложныхъ историческихъ условіяхъ, которыя породили Кавказскія войны. Знакомство съ современнымъ положеніемъ народностей Кавказа у автора крайне недостаточное. Совершенно неправдоподобно другое утвержденіе: «теперь черкесы не тѣ... Почти всѣ они хорошо говорятъ по-русски. Почти всѣ они усвоили

русскую культуру (?), живутъ безбѣдною жизнью... во всемъ они стали русскими»; такъ можетъ писать человѣкъ, никогда не видавшій черкесовъ, незнакомый съ современнымъ ихъ положеніемъ. Это безнадежно фальшивая утопія, нужная автору для апологіи опытовъ административнаго управленія русской бюрократіи. Этнографическія свѣдѣнія не идутъ далѣе слѣдующихъ обобщенныхъ положеній: «проявляются между ними (осетинами) разбойники, но это рѣдко, чаще у нихъ проявляются(?) воры»; «въ борьбѣ съ конкуренціей эти лица (армяне) не пренебрегаютъ никакими средствами, не исключая — лжесвидѣтельства, наемнаго убійцы и пр.»; «многія еврейки очень красивы и не отличаются особенно строгой нравственностью. Деньги для нихъ — важнѣйшій идолъ» и т. д.

Ученый жаргонъ, пестрящій изысканными выраженіями и словами, въ родѣ «жидовскій», «разбойники» и т. д., производитъ гнетущее впечатлѣніе. Вся книга дышитъ ненавистью, нелюбовью, какой-то исключительной непріязнью къ народностямъ Кавказа. Грустно читать такія произведенія, а еще печальнѣе, когда подобныя изданія принадлежатъ лицамъ, принадлежащимъ къ ученой коллегіи.

С. Аваліани.

И. М. Соловьевъ. Русскіе университеты въ ихъ уставахъ и воспоминаніяхъ современниковъ. Вып. 1-й: Университеты до 60-хъ годовъ. Спб. 1914. 8°. 206 стр. Ц. 1 р. 25 к. (Культурно-историческая бібліотека подъ ред. Историч. Комиссіи Учебнаго Отдѣла О-ва распростр. техн. знаній).

Дать историческую картину жизни нашихъ университетовъ — безспорно благодарная задача, потому что судьбы русскихъ университетовъ представляютъ особенно краснорѣчивыя страницы въ исторіи нашей культуры. Самый пріемъ работы составителя нельзя не признать удачнымъ: книга г. Соловьева представляетъ родъ сборника, въ который вошли, съ одной стороны, важнѣйшіе официальные документы (университетскіе уставы, инструкціи, циркуляры, записки и пр.), съ другой — воспоминанія современниковъ. Пріемъ такого рода имѣетъ, конечно, свои преимущества, но представляетъ и значительныя трудности, въ смыслѣ удачнаго подбора и полноты матеріала. Совершенно естественно, что составитель опасался перегрузить книгу обиліемъ официальныхъ документовъ, такъ какъ это придало бы ей слишкомъ специальный и скучный характеръ. Поэтому официальные документы занимаютъ довольно скромное мѣсто въ книгѣ (всего 43 стр.), центральную же часть сборника составляютъ «воспоминанія современниковъ». Вполнѣ понимая точку зрѣнія составителя, имѣвшаго, вѣроятно, въ виду широкіе круги читателей, мы все же считали бы возможнымъ, въ цѣляхъ большей полноты картины, расширить первый отдѣлъ сборника. Правда, въ числѣ приведенныхъ г. Соловьевымъ матеріаловъ есть очень интересные документы, характеризующіе отношеніе правительства къ университетамъ, въ особенности въ

эпоху реакціи; но среди этихъ матеріаловъ мы очень мало находимъ такихъ, которые говорили бы намъ болѣе конкретно о внутреннемъ строѣ и организаціи университетовъ. Такъ, напротивъ, мы считали бы не лишнимъ включить въ эту часть сборника выдержки изъ «Объявленій о публичныхъ ученіяхъ», которыя періодически публиковались московскимъ университетомъ почти съ первыхъ лѣтъ его существованія. Можно было бы даже воспользоваться нѣкоторыми архивными дѣлами, имѣющимися въ библіотекѣ московскаго университета, а именно. дѣлами конференціи московскаго университета за 60-е и 70-е годы XVIII ст., гдѣ найдутся любопытные бытовые матеріалы. Наконецъ, нѣкоторыя статистическія данныя изъ университетскихъ отчетовъ, напримѣръ, о количествѣ студентовъ въ университетахъ за опредѣленный періодъ времени, тоже могли бы найти себѣ мѣсто въ этой книгѣ.

Зато главная часть сборника, заключающая въ себѣ воспоминанія современниковъ, составлена съ большою полнотою и заботливостію и въ значительной степени пополняетъ собой нѣкоторые недочеты первой части книги. Сюда вошло 37 статей разныхъ авторовъ: расположенныя въ хронологическомъ порядкѣ, онѣ рисуютъ передъ читателемъ живую картину университетской жизни, какъ она отражалась въ переживаніяхъ современниковъ.

Въ началѣ книги помѣщена вступительная статья г. Соловьева («Судьбы русскихъ университетовъ») сжатая, но очень содержательная и живая. Въ общемъ, книга г. Соловьева—очень полезный вкладъ въ исторію нашего просвѣщенія.

А. Калишевскій.

Московскій театръ при царяхъ Алексѣѣ и Петрѣ. Матеріалы, собранныя С. К. Богоявленскимъ.

Съ такимъ же рвеніемъ, съ какимъ когда-то на школьной гимназической скамьѣ читалъ я статьи Бѣлинскаго о театрѣ, Шекспирѣ, Мочаловѣ въ роли Гамлета, зачитывался я впоследствии на университетской скамьѣ статьями Тихонравова о начальной судьбѣ русскаго театра.

Впечатлѣніе оставалось какое-то радужное, подогрѣвавшееся еще комедіей Островскаго: «Комикъ XVII столѣтія». По словамъ Тихонравова выходило, будто бы нетерпѣніе Алексѣя Михайловича видѣть театральное представленіе было такъ велико, что едва фонъ-Стаденъ, которому, какъ извѣстно, было поручено нанять людей, «которые-бъ умѣли всякія комедіи строить», успѣлъ выѣхать въ Курляндскую землю за комедіантами, какъ царь уже указалъ пастору Я. Г. Грегори учинить комедію. 17 октября 1672 г. состоялся желанный спектакль, представлена была «Эсвиръ» или «Артаксерксово дѣйство». Царь спѣшитъ наградить пастора Грегори за его труды соболями, а самую пьесу переплести въ роскошный переплетъ.

Но оказывается, что фонъ-Стадена не очень-то торопили съ его

поѣздкой за границу, какъ это явствуется изъ документовъ, напечатанныхъ С. К. Богоявленскимъ въ книгѣ, заглавіе которой приведено выше. «Вотъ точныя даты: указъ о поѣздкѣ Стадена 15 мая, указъ пастору Грегори о постановкѣ Артаксерксова дѣйства и о постройкѣ театра въ Преображенскомъ 4 іюня, Стаденъ же проѣхалъ черезъ Псковъ по пути въ Курляндію только 2 іюля», а грамота въ Псковъ объ ожидаемомъ приѣздѣ Стадена была получена тамъ только 29 іюня.

Затѣмъ Стадену поручено было пригласить не цѣлую труппу артистовъ, а только двухъ режиссеровъ: Тихонравовъ почему-то не обратилъ вниманія на цифру 2, ясно написанную, по словамъ С. К. Богоявленскаго, въ подлинникѣ указа Стадену.

Царь какъ будто тоже не очень-то спѣшилъ выразить свою радость и одобреніе. По крайней мѣрѣ, награда пастору Грегори за его труды соболями на сумму въ 108 руб. была выдана только 21 января 1673 года, т.-е. черезъ три мѣсяца послѣ перваго представленія.

Уже приведенныхъ мною подробностей достаточно, чтобы видѣть, насколько документы, напечатанные С. К. Богоявленскимъ, важны для правильнаго представленія о зарожденіи нашего театра, дополняя или видоизмѣняя то, что намъ было извѣстно объ этомъ раньше. У Н. С. Тихонравова, болѣе всѣхъ ученыхъ трудившагося надъ изученіемъ архивнаго матеріала, сосредоточеннаго въ дѣлахъ Посольскаго приказа и соединенныхъ съ нимъ Владимірской и Галицкой четвертей, въ сдѣланныхъ имъ выпискахъ, служившихъ ему матеріаломъ для его статей, можно, какъ было указано, замѣтить неточность. Не говорю уже о томъ, что Н. С. Тихонравовъ «не имѣлъ въ рукахъ, да и не могъ имѣть, цѣлаго ряда документовъ, хранившихся въ неразобранныхъ еще столбцахъ».

Я не буду перечислять всѣхъ исправленій, вносимыхъ настоящими документами въ наши прежнія свѣдѣнія о началѣ нашего театра. Я отмѣчу только, что въ нихъ мы находимъ массу интересныхъ деталей, напр. о размѣрахъ театра, которые были довольно велики (площадь зданія была около 90 кв. сажень), о костюмахъ, подчасъ изъ дорогихъ матерій, о жалованьѣ актерамъ, уплачивавшемся очень неаккуратно, о постановкѣ «болѣтовъ», которою завѣдывалъ инженеръ Николай Лима, «вѣроятно такъ же неожиданно попавшій въ балетмейстеры, какъ пасторъ Грегори въ директоры театра», затѣмъ находимъ бытовыя подробности, какъ напр., отношеніе Головина, завѣдывавшаго театромъ при Петрѣ, къ комедіантамъ, вылившееся въ очень характерную форму въ такой его фразѣ: «А если онъ (т.-е. Кунштъ) комедіи не исправитъ, то здѣсь управятся по здѣшнему обыкновенію и лишніе-бъ запросы оставилъ», и т. д., и т. д.

Опытною рукой группируетъ С. К. Богоявленскій данныя его матеріала въ интересномъ предисловіи, представляющемъ собою очеркъ исторіи русскаго театра при царяхъ Алексѣѣ и Петрѣ.

Насколько мнѣ извѣстно, С. К. Богоявленскій давно уже работаетъ надъ собираніемъ напечатанныхъ имъ теперь матеріа-

ловъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ предполагалось изданіе его труда дирекціею Императорскихъ театровъ, но оно почему-то не состоялось, и «Московскій театр» появился въ «Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ» (1914 г., кн. 2). Отъ всей души привѣтствую автора, подарившаго науку цѣннымъ изданіемъ.

Н. Кашинъ.

Архивъ В. А. Гольцева. Т. I. К-во писателей въ Москвѣ. 1914, стр. 315, ц. 1 р. 50 к.

Архиву покойнаго редактора «Русской Мысли» уже была посвящена статья въ «Голосѣ Минувшаго» (см. XI кн. за 1913. Н. К.—овъ «Матеріалы для исторіи русской журналистики»). Въ настоящее время вышелъ изъ печати первый томъ собранія писемъ, хранившихся въ архивѣ В. А. Гольцева. Обыкновенно со словомъ «архивъ» связывается представленіе о чемъ-то интересномъ и доступномъ лишь для ученыхъ-спеціалистовъ. «Архивъ В. А. Гольцева», заключающій письма Гл. Успенскаго, Вл. Короленко, Михайловскаго, Салтыкова, Якубовича, Анненскаго, Лесевича, Шелгунова, Скабичевскаго, Мамина-Сибиряка, этому представленію не отвѣчаетъ: онъ интересенъ не только для изучающихъ исторію журналистики и литературы, но и для всѣхъ, кто любитъ литературу. Письма Глѣба Успенскаго къ редактору «Русской Мысли» и по количеству (они составляютъ $\frac{1}{3}$ тома, и по интересу занимаютъ первое мѣсто въ архивѣ. Обнимая періодъ съ 1882 по 1893 г., они раскрываютъ передъ читателемъ картину условій, въ которыхъ работалъ этотъ писатель, совершенно неприспособленный къ практикѣ жизни, не умѣющій устраивать своихъ матеріальныхъ дѣлъ. Непрекращающееся безденежье и все возрастающая усталость отъ работы безъ отдыха — вотъ на что жалуется онъ въ своихъ письмахъ. «Я ужъ утомленъ *безпрерывной работой* во всѣ 25 лѣтъ. Не укажете мнѣ ни одного мѣсяца въ эти 25 лѣтъ, когда бы я гдѣ бы то ни было не работалъ. Положительно, я не имѣлъ отдыха ни одного мѣсяца и если не печаталъ, то постоянно долженъ былъ писать и писать. Я усталъ, и писать теперь *одновременно* въ двухъ журналахъ я не могу. Съ *величайшимъ усиліемъ* я сдѣлаю въ нынѣшнемъ году послѣднюю попытку въ этомъ родѣ... Такъ писалъ Успенскій въ 1887 г., а слѣдующій годъ не только не принесъ ему отдыха, но былъ еще тяжелѣе. «Я теперь такъ утомленъ, что силъ моихъ нѣтъ», пишетъ Успенскій въ 1888 г.: «примите жъ во вниманіе, что этотъ годъ для меня исключительный во всѣхъ отношеніяхъ, изнурительный. Въ «Русской Мысли» написано не менѣ 7 листовъ да переработано около 7 л. Въ «Рус. Вѣд.» $2\frac{1}{2}$ листа. Въ «Недѣлѣ» 1 л. Въ «Сѣв. Вѣстникѣ» не менѣ 12 печатныхъ листовъ, а съ цензурными номерами и всѣ 15. Кромѣ того я перечиталъ и исправилъ къ изданію 250 листовъ или 10-ть томовъ, — это работа не маленькая... Я забылъ еще сказать, что 2 переработки изъ старыхъ газетъ даны мною въ «Недѣлю», листа два. Сосчитайте, и скажите, пожалуйста, чьи это силы вынесутъ?» Подсчитавъ сдѣланное за годъ Успенскимъ, мы видимъ, что, дѣйствительно, это непосильная изнурительная для писателя-художника работа.

Читая переписку Успенскаго съ Гольцевымъ, переписку, оборвавшуюся лишь съ душевной болѣзью и литературной смертью писателя, мы видимъ, какъ, до какой степени замученъ онъ былъ работой и жизнью вообще. Иныя изъ тѣхъ писемъ — настоящий стонъ, крикъ боли. Рѣзкимъ контрастомъ съ письмами Успенскаго являются бодрья, жизнерадостныя письма Вл. Г. Короленко, которыя по количеству занимаютъ второе мѣсто въ «Архивѣ Гольцева». Самое интересное изъ нихъ (11 марта 94 г.) большое посланіе, въ которомъ Короленко излагаетъ предполагаемое продолженіе неоконченной повѣсти «Прохоръ и студенты», было уже раньше опубликовано въ сборникѣ «Памяти В. А. Гольцева», но и другія, впервые печатаемыя письма прочтутъ съ интересомъ и тѣ, кто изучаетъ творчество Вл. Короленко, и тѣ, кто просто любитъ этого писателя. Я не буду останавливаться на письмахъ Михайловскаго, Шелгунова, Якубовича, потому что о нихъ уже говорилось въ упомянутой статьѣ г. Н. К-ова, и отмѣчу еще письма В. В. Лесевича, относящіяся къ началу 900-хъ годовъ. Письма эти говорятъ о томъ, съ какимъ негодованіемъ смотрѣлъ старый русскій позитивистъ на увлеченіе идеализмомъ и мистицизмомъ русскихъ философовъ:

«Нашихъ философовъ надо бы запрятать въ лѣчебницу, въ отдѣленіе слабоумныхъ. Выбираютъ они европейскіе отбросы и ими питаются, а о большой дорогѣ современной философіи — ни въ зубъ. Въ Европѣ совершается величайшій переворотъ въ мышленіи, какой когда-либо былъ: философія разрываетъ съ умозрѣніемъ и примыкаетъ къ совсѣмъ другому эволюціонному ряду — къ ряду опыта и наблюденія, а у насъ именно въ это время настаётъ эпоха пророковъ, имеряковъ, теософовъ, юродивыхъ»... Не лишены интереса и письма Д. Н. Мамина-Сибиряка.

Л. Козловскій.

В. И. Срезневскій. Описаніе рукописей и книгъ, собранныхъ для Императорской Академіи Наукъ въ Олонецкомъ краѣ. Петербургъ, 1913 г. Цѣна—3 р. 60 к.

Трудъ г. Срезневскаго произведенъ съ большою тщательностью и съ большимъ умѣніемъ. Громадный цѣнный матеріалъ прекрасно классифицированъ, а въ подробномъ предисловіи дана и очень полезная предварительная оцѣнка его. Кое-что изъ собраннаго матеріала напечатано въ приложеніяхъ. Мы видимъ въ собраніи много интересныхъ рукописей по сарообряпчесову, много житій святыхъ. Очень важны списки извѣстныхъ памфлетовъ Ивашки Пересвѣтова, которыми немало пользовался изслѣдователь Ржиги въ своей работѣ объ этомъ писателѣ. Изъ рукописей лѣтописнаго характера надо отмѣтить «Костромской лѣтописецъ» съ мѣстными свѣдѣніями, особую редакцію житія Дмитрія Донскаго, особыя лѣтописныя статьи о разныхъ событіяхъ, изложеніе которыхъ несходно съ изложеніемъ извѣстныхъ лѣтописей, и пр. Важенъ посольскій наказъ, данный царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, 30 іюня 1613 г., при отправленіи посольства къ англійскому королю; любопытна статья о происшествіяхъ и явленіяхъ природы въ Крыму въ 1614 г., въ бытность тамъ русскаго посольства.

Интересна компиляція 1686 г., составленная жителемъ «Аустрійской и Венгерской земель» и посвященная описанію Московскаго государства; судя по отрывкамъ, напечатаннымъ въ приложеніи, авторъ ея былъ человѣкомъ наблюдательнымъ и освѣдомленнымъ. Богатъ и подборъ рукописей литературнаго содержанія. Отмѣчу сборникъ заговоровъ, цѣнный по содержанию и замѣчательный тѣмъ, что приурочивается къ опредѣленному времени: къ царствованію царя Михаила Ѳеодоровича; сверхъ того въ этомъ сборникѣ есть рядъ текстовъ на древнемъ веськомъ нарѣчій. Много духовныхъ стиховъ бѣгуновъ, псалмовъ и духовныхъ стихотвореній; заслуживаетъ особеннаго вниманія оригинальное свѣтское стихотвореніе женщины. Среди коллекціи памятниковъ отреченной литературы встрѣчаются большія рѣдкости; много важнаго и въ собраніи свѣтскихъ повѣстей. Всего, достойнаго примѣчанія, здѣсь не перечесть.

Особенностью собранія является обиліе помѣтъ на рукописяхъ. Эти помѣты знакомятъ насъ съ писцами и съ владѣльцами рукописей, даютъ намъ понятіе о книжныхъ цѣнахъ, объ интересѣ къ книгѣ, о книгохранилищахъ частныхъ и церковныхъ. Этотъ матеріалъ очень внимательно проработанъ въ предисловіи. Особенно любопытна запись по листамъ сказанія о Гришкѣ Отрепьевѣ, гласящая, что рукопись передана Андрею Клину, его роду и племени и окрестнымъ его сусѣдамъ, «читати давати для прокормленія книжнаго и насыщаться сего чтенія библейскаго и напитися меду». Читатели помѣчали послѣ слова о второмъ пришествіи, что эту книгу надо читать часто, потому что она зѣло душеполезна, ведетъ человѣка ко спасенію. Сборникъ духовнаго содержанія читается «со страхомъ Божиимъ».

Однимъ словомъ, образцовое описаніе г. Срезневскаго знакомитъ съ очень цѣннымъ собраніемъ матеріаловъ и будетъ имѣть очень большое значеніе при самыхъ разнообразныхъ ученыхъ работахъ: богословскихъ, историческихъ, словесныхъ и пр.

М. Островская.

Э ж е н ь Ф р о м а н т э н ь.—*Старые мастера* (Бельгія—Голландія). Пер. Н. Соболевскаго съ 21-го французскаго изданія, подъ ред. М. С. Сергѣева. Кн-во «Проблемы Эстетики» М. 1914 г. Ц. 3 р. 25 к.

Ф р о м а н т э н ь.—*Старинные мастера*. Пер. съ франц. Т. Кепинова. Изд. «Грядущій День». Спб. 1914 г. Ц. 3 р.

Вышедшая, почти одновременно, двумя изданіями книга Фромантена написана въ концѣ 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія. У себя на родинѣ, во Франціи, она теперь имѣетъ значеніе, какъ *введеніе* для изученія нидерландцевъ, фламандцевъ и голландскихъ живописцевъ. Но для насъ появленіе этой книги будетъ имѣть большое значеніе. Эти бесѣды о живописи, изложенныя въ видѣ отдѣльныхъ очерковъ, написаны съ большимъ увлеченіемъ. Авторъ любитъ одинаково и «чудеснагс» Рубенса, и «воспламеняющагося, скорѣе чувственнаго, но великаго художника» Ванъ-Дейка; ему кажется роднымъ и очень дорогимъ Рембрандтъ, съ его «мучительными исканіями, которыя исходили отъ его

живого и свободного духа»; онъ преклоняется предъ «дѣвственнымъ» Мельлингомъ, чье творчество представляется ему убѣжищемъ, «гдѣ возносятся благословѣнныя молитвы, гдѣ какъ лиліи расцвѣтають неземная чистота, милосердіе и кротость». Опредѣляя искусство живописи, Фромантэнъ говоритъ, что это «есть не что иное, какъ искусство выражать невидимое посредствомъ видимаго». И къ чести своей онъ съ рѣдкой чуткостью и большимъ умѣніемъ разбирается и въ невидимомъ, и въ видимомъ. Его сужденія мѣстами пріятно поражаютъ своей оригинальностью. И тамъ, гдѣ онъ касается техническихъ особенностей рисунка, красокъ; гдѣ онъ вскрываетъ методъ того или иного художника, — онъ очень интересенъ и содержателенъ. Образный и живой языкъ, искренность, которая заражаетъ съ первыхъ же словъ, дѣлаетъ эту книгу достойной своего назначенія: «научить публику лучше понимать художниковъ и живопись».

С. Давыдовъ.

И. Грабарь. Валентинъ Александровичъ Сѣровъ. Москва. 1914.

Н. Э. Радловъ. Сѣровъ. Спб. 1913.

Marie Kovalensky. Valentin Sièrff. Paris & Bruxelles.

Въ связи съ посмертной выставкой произведеній В. А. Сѣрова на книжномъ рынкѣ появились три монографіи, посвященныя его творчеству.

Самою капитальною и важною работою среди нихъ является книга И. Грабаря, связаннаго близкими дружественными отношеніями съ покойнымъ Сѣровымъ. По труду и знанію, вложеннымъ въ эту работу, и по любви къ покойному и его таланту, проглядывающей всюду, книга Грабаря представляетъ собою лучшій памятникъ, который могъ быть созданъ товарищемъ-другомъ своему собрату по искусству. Его значеніе книги въ значительной степени обуславливаетъ собою и характеръ самаго содержанія ея.

Въ біографической части своей книги И. Грабарь, помимо уже извѣстныхъ отрывковъ, помѣщенныхъ въ «Аполлонѣ», даетъ много характерныхъ подробностей и цѣнныхъ свѣдѣній изъ жизни Сѣрова по личнымъ воспоминаніямъ, важныхъ для характеристики самой личности Сѣрова, какъ человѣка и художника. Въ дальѣйшемъ изложеніи авторъ, главнымъ образомъ, преслѣживаетъ развитіе творчества Сѣрова — съ дѣтскихъ лѣтъ, когда онъ учился у Рѣпина, до поступленія въ Академію, которую Сѣровъ покинулъ уже въ 1885 году, т.-е. почти 20-ти лѣтъ; подробно останавливается на значеніи школы Чистякова, у котораго работалъ Сѣровъ во время пребыванія въ Академіи. Вполнѣ естественно И. Грабарь придаетъ большое значеніе Періодической выставкѣ 1888 г., гдѣ появились извѣстныя картины Сѣрова: «Дѣвочка съ перенками», «Дѣвушка, освѣщенная солнцемъ» и пейзажъ «Прудъ». Эти работы, принадлежащія къ лучшимъ произведеніямъ Сѣрова, сразу обнаружили и крупный талантъ и большое мастерство молодого художника. Большое мѣсто въ книгѣ Грабаря уделено работамъ того періода, когда Сѣровъ сталъ искать формы и характеристики въ портретѣ, а также въ высшей степени интереснымъ послѣднимъ 5—6 годамъ безвременно прерванной жизни художника, когда

онъ началъ сразу раздвигать вширь свой талантъ, начинаетъ стремиться къ стилю и къ *grand art* въ портретѣ, къ разрѣшенію задачъ декоративной живописи, къ обогащенію своего колорита, показываетъ себя прониновеннымъ историкомъ и превосходнымъ анималистомъ. Всѣ эти стадіи развитія творчества Сѣрова находятъ себѣ у автора изложеніе, которое возможно только при отличномъ знаніи предмета вообще и исключительномъ знаніи самаго матеріала. Но такъ какъ книга И. Грабаря является прежде всего тѣмъ памятникомъ, который долженъ выяснитъ и увѣковѣчитъ личность художника, опредѣлитъ его величину и значеніе въ глазахъ широкой публики, то авторъ, естественно, выдвигаетъ на первый планъ опредѣленные стороны личности и тѣ большія художественныя достоинства, которыя, дѣйствительно, составляли силу Сѣрова. Вполнѣ понятно, что при этомъ авторъ книги воздерживается отъ всесторонней критики творчества Сѣрова, только вскользь упоминая о нѣкоторыхъ слабыхъ произведеніяхъ Сѣрова и почти не затрагивая слабыхъ сторонъ его техники. Объ этомъ можно пожалѣть по двумъ причинамъ. Во первыхъ, Сѣровъ принадлежитъ къ тѣмъ крупнымъ художественнымъ личностямъ, на которыхъ многому можно научиться, а при этомъ важны не только достоинства, но сопровождающіе ихъ недостатки. Во вторыхъ, Игорь Грабаръ является въ настоящее время однимъ изъ самыхъ образованныхъ, наиболѣе компетентныхъ и знающихъ лицъ въ вопросахъ современнаго русскаго искусства и особенно того времени, къ которому принадлежалъ Сѣровъ.

Тѣмъ не менѣе, книга И. Грабаря принадлежитъ къ числу наиболѣе серьезныхъ и наиболѣе интересныхъ и отлично написанныхъ работъ по русской живописи. Почти исчерпывающій списокъ работъ Сѣрова, возможно точная датировка ихъ и свѣдѣнія о всѣхъ сколько-нибудь значительныхъ его произведеніяхъ дѣлаютъ книгу И. Грабаря совершенно неизбѣжнымъ пособіемъ для занимающагося такъ или иначе Сѣровымъ.

Небольшая книжка Н. Э. Радлова о Сѣровѣ можетъ быть рекомендована самымъ широкимъ слоямъ публики, интересующейся русскимъ искусствомъ, такъ какъ она не только даетъ очеркъ творчества Сѣрова, но окидываетъ общимъ взглядомъ въ очень популярной формѣ теченіе русской живописи въ шестидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ.

Вполнѣ понятно, что въ этой небольшой книжкѣ, предназначенной для большой публики и носящей характеръ *Nachruf'a*, авторъ выдвигаетъ исключительно положительныя стороны мастерства Сѣрова, но, увлекаясь своею задачею, онъ иногда видитъ большія достоинства тамъ, гдѣ ихъ, можетъ быть, менѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Такимъ представляется намъ вопросъ о колоритѣ Сѣрова, который ни богатымъ, ни сильнымъ назвать нельзя. Когда Сѣровъ говорилъ ученикамъ: «Въ краскахъ я не силенъ, обратитесь къ Коровину», — онъ, какъ всегда, честно и прямо высказывалъ самъ о себѣ, хотя и черезчуръ рѣзкое, но близкое къ истинѣ мнѣніе. Только въ послѣдніе годы свей жизни Сѣровъ сталъ работать надъ своимъ колоритомъ, въ частности надъ обогащеніемъ его болѣе яркими и чистыми тонами.

Общес впечатлѣніе книжки Н. Э. Радлова очень благопріятное. Написана она просто, ясно, убѣдительно, и читается хорошо. Рисунки подобраны удачно и исполнены для такого изданія отлично. Воспроизведеніе портретовъ Левитана, Южина и Ленскаго, а также Нобеля можно было и не дѣлать безъ ущерба для показательной стороны творчества Сѣрова.

Изящно изданная книжка Маріи Коваленской предназначена, очевидно, для ознакомленія французской публики съ творчествомъ Сѣрова. Книжка составлена нѣсколько легко и не особенно послѣдовательно, но даетъ представленіе о творествѣ Сѣрова съ его лучшей стороны; написана живо на хорошемъ французскомъ языкѣ, если не просто переведена съ русскаго.

Е. Коршъ.

Русская Икона. Вып. I.

Послѣ долгихъ ожиданій, въ мартѣ вышелъ, наконецъ, первый номеръ или, вѣрнѣе, выпускъ «Русской Иконы». Сборникъ открывается интересною статьею П. П. Муратова: «Ближайшія задачи изученія иконописи», которая авторъ совершенно правильно усматриваетъ прежде всего въ накопленіи матеріала, въ группировкѣ уже накопленнаго и его научной классификаціи.

Первая задача осуществляется государственными хранилищами и частными собраніями путемъ приобрѣтенія новаго матеріала и соотвѣтственной расчистки уже имѣющагося. Вторая задача должна всецѣло лежать на наличныхъ и будущихъ научныхъ силахъ. Несомнѣнно, что участіе ихъ и въ первой задачѣ въ высшей степени желательно, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и необходимо.

Въ тѣсной связи съ указанными выше задачами должно стоять и изданіе сборниковъ, подобныхъ «Русской Иконѣ». Благодаря усиленному собиранію иконъ въ послѣдніе года, главнымъ образомъ со стороны частныхъ лицъ, является постоянный притокъ еще совершенно неизвѣстнаго матеріала, остающагося малодоступнымъ; съ другой стороны, усиленная расчистка среди давно имѣющихся иконъ открываетъ совершенно неожиданныя въ высшей степени интересныя вещи.

Изданіе этого періодически появляющагося новаго матеріала и должно быть первою задачею «Русской Иконы». Насколько можно судить по первому выпуску и по проспекту, редакція ея сама держится приблизительно такой точки зрѣнія. Но издать памятникъ не значитъ, какъ извѣстно, помѣстить его воспроизведеніе, оно должно сопровождаться текстомъ. И вотъ относительно того, какой долженъ быть текстъ, какія должны быть поставлены въ первую очередь теоретическія задачи, редакція «Русской Иконы» не выработала еще себѣ опредѣленной программы и объединяющаго начала или принципа. Надо думать, что это явленіе только временное, первоначальное, вызванное вполне возможнымъ замѣшательствомъ или задержкою въ матеріалѣ, но, какъ бы то ни было, настоящій текстъ перваго выпуска имѣетъ пестрый и, во всякомъ случаѣ, двойственный характеръ: въ одномъ случаѣ—серьезное, научное отношеніе къ предмету, въ другомъ—меньшее пониманіе главныхъ задачъ и самаго метода изученія иконописи.

Къ числу первыхъ относятся вышеупомянутая статья П. П. Муратова, замѣтка А. И. Соболевскаго о времени церковныхъ вратъ изъ собранія Лихачева на основаніи палеографическихъ данныхъ и статья Нерадовскаго объ очень интересной и рѣдкой иконѣ Бориса и Глѣба, которая представляетъ собою описаніе памятника и его возможное обслѣдованіе, въ данномъ случаѣ прежде всего нужное, хотя оно мѣстами и нѣсколько суховато.

Другой характеръ носятъ статья г. Пунина и письмо г. Рѣриха. Статья г. Пунина имѣетъ своею задачею обзорѣніе собранія Лихачева. Но, надо сказать, что для серьезныхъ цѣлей, будь онѣ чисто научныя или художественныя, по этому обзору составить себѣ собственное представленіе о художественныхъ богатствахъ этого собранія довольно трудно. Г. Пунинъ, можетъ быть, хорошо чувствуетъ живописную красоту, и его статья могла бы вылиться въ форму талантливаго и очень интереснаго фельетона или бѣглаго обзора въ періодическомъ изданіи для большой и поверхностно читающей публики, но въ спеціальномъ органѣ, который долженъ ставить себѣ цѣлью серьезное изученіе предмета, можно искать и другого «подхода», кромѣ хорошаго «чувствованія» и его картинной передачи. Съ какой бы точки зрѣнія ни обращаться къ изученію русской иконописи, всякое изслѣдованіе отдѣльнаго памятника, а тѣмъ болѣе однороднаго ряда ихъ, требуетъ вполне опредѣленнаго метода. Безъ этого остаются «безотвѣтственными» словами всѣ характеристики или опредѣленія, въ родѣ: «горячій потокъ красокъ», «свѣтлые памятники», «композиція, запечатлѣнная чувствомъ меланхоліи», «Новгородъ это то, что обыкновенно называется золотымъ вѣкомъ», «нѣтъ болѣе великолѣпнаго, болѣе характернаго, болѣе національнаго произведенія, чѣмъ эта икона» и т. п. въ томъ же духѣ. Идя этимъ опаснымъ путемъ, можно отъ такого не имѣющаго прочной основы субъективизма и лиризма незамѣтно впасть въ нежелательный и поверхностный дилетантизмъ.

На письмѣ Рѣриха останавливаться не приходится, хотя оно исходитъ отъ уважаемаго художника и продиктовано, можетъ быть, лучшими намѣреніями, но написано оно односторонне и безъ достаточнаго представленія о томъ, противъ чего написано.

Все выше сказанное, ни въ какомъ случаѣ, не можетъ разсматриваться, какъ отрицательное отношеніе къ «Русской Иконѣ». Изданіе ея слѣдуетъ привѣтствовать, какъ очень почтенное и трудное дѣло, которое, при должной постановкѣ, можетъ стать въ высшей степени интереснымъ и полезнымъ для русской археологической науки и искусства.

Е. Коршъ.

Ив. Лазаревскій. Среди коллекціонеровъ. Изд. Грамматикова. Спб. 1914. Ц. 2 р.

Эта прекрасно изданная книга, которая могла бы по своимъ заданіямъ имѣть несомнѣнный интересъ, производитъ странное впечатлѣніе. Написанная безъ всякаго плана, она представляетъ собою хаотическіе литературные наброски любителя, изъ которыхъ можно вынести очень мало интереснаго и полезнаго, тѣмъ болѣе, что любительство слишкомъ очевидно проявляется во всѣхъ набро-

скахъ г. Лазаревскаго, и особенно въ первыхъ очеркахъ, посвященныхъ рѣдкимъ русскимъ изданіямъ. На девяти страничкахъ, касающихся, напр., масонскихъ изданій, авторъ обнаруживаетъ полное пезнакомство съ предметомъ, о которомъ пишетъ, и потому только разсуждаетъ объ «единственномъ оригинальномъ сочиненіи одного изъ русскихъ масоновъ восемнадцатаго вѣка», именуемомъ «Духовный рыцарь». Это—извѣстнѣйшій трактатъ И. В. Лопухина. Онъ почему-то убѣжденъ, что всѣ частныя типографіи при Екатеринѣ II печатали книги тайно, и къ такимъ полулегальнымъ произведеніямъ относитъ, напр., очень извѣстныя изданія Струйскаго и т. д.

За отсутствіемъ свѣдѣній справочнаго характера эта книга, по нашему мнѣнію, имѣетъ весьма малую цѣну.

С. Мельгуновъ.

Изъ текущей литературы.

Иностранные дипломаты о Россіи при Александрѣ I.

(По поводу новаго изданія вел. князя Николая Михайловича «Донесенія австрійскаго посланника при русскомъ дворѣ Лебцельтерна за 1816—1826 годъ». С-Пб. 1913).

Исслѣдователи русской исторіи многимъ уже обязаны плодотворной дѣятельности вел. кн. Николая Михайловича, выпускающаго одно за другимъ собранія цѣнныхъ документовъ, освѣщающихъ ту или иную сторону интересной, но далеко не во всемъ ея объемѣ изученной эпохи Александра I. Къ этимъ работамъ великаго князя примыкаютъ и вышедшія въ концѣ пршлаго года «Донесенія австрійскаго посланника при русскомъ дворѣ Лебцельтерна за 1816—1826 годы». Новое изданіе, прежде всего, служить интересамъ лицъ, работающихъ въ области внѣшней исторіи Россіи, ея дипломатическихъ сношеній съ Австріей и прочими европейскими державами, но, какъ мы покажемъ въ дальнѣйшемъ, историки общественныхъ движеній при Александрѣ I найдутъ въ этихъ донесеніяхъ немало любопытныхъ и во всякомъ случаѣ заслуживающихъ вниманія данныхъ.

Графъ Людовикъ Лебцельтернъ занималъ постъ посланника при русскомъ дворѣ съ 1816 до 1826 г., т.-е. въ эпоху политики Священнаго союза; онъ пережилъ и торжество союза на аахенскомъ, веронскомъ и лайбахскомъ конгрессахъ и крушеніе его политики въ годъ смерти Александра I. Лебцельтернъ служилъ, какъ нельзя лучше, интересамъ своего отечества, внѣшней политикой котораго руководилъ такой искусный, хитрый и беззастиѣнчивый дипломатъ, какъ кн. Меттернихъ. Да и самъ Лебцельтернъ, добросовѣстно исполнявшій свсю миссію, не былъ лишенъ дипломатическихъ дарованій. Онъ умѣлъ завоевывать симпатіи людей, снискалъ, какъ увидимъ ниже, расположеніе императора Александра, былъ, однимъ словомъ, достойнымъ исполнителемъ и истолкователемъ распоряженій своего руководителя. Доне-

сенія Лебцельтерна въ Вѣну были составлены умѣло, о чемъ свидѣтельствуя отзывы о нихъ въ письмахъ Меттерниха къ Лебцельтерну, занимающихъ значительное мѣсто въ настоящемъ изданіи.

Какъ уже было указано, Александръ I относился къ австрійскому посланнику съ большимъ довѣріемъ. Назначеніе его въ Петербургъ послѣдовало по желанію государя, который зналъ его раньше: Александръ I успѣлъ оцѣнить его еще въ 1811 и 12 гг., когда Лебцельтернъ, въ качествѣ совѣтника посольства въ Петербургѣ, велъ переговоры съ государемъ помимо непосредственнаго начальника, посланника гр. С-тъ Жюльена. Въ 1813 г. на Лебцельтерна, находившагося въ качествѣ представителя Австріи при русскомъ императорѣ въ Калишѣ, выпала довольно щекотливая миссія, и здѣсь личныя симпатіи Александра I къ австрійскому дипломату еще болѣе упрочились. Такимъ образомъ, когда Лебцельтернъ послѣ недолговременнаго пребыванія на посту посланника въ Римѣ, получилъ въ 1816 г. назначеніе въ Петербургъ, онъ нашелъ здѣсь самыя благопріятныя для дипломата условія — расположеніе императора, уже ему знакомую обстановку, большія связи. Женившись на гр. Лаваль, сестра которой была замужемъ за декабристомъ кн. Трубецкимъ, Лебцельтернъ породнился съ русской знатію, что немало способствовало его успѣхамъ въ сѣверной столицѣ. Меттернихъ считалъ этотъ бракъ весьма выгоднымъ съ точки зрѣнія австрійскихъ интересовъ.

Въ 1818 г. на маневрахъ въ Царствѣ Польскомъ присутствовали два австрійскихъ военныхъ: фельдмаршалъ-лейтенантъ принцъ Филиппъ Гессенъ-Гомбургскій и майоръ графъ Клама-Мартиницъ. Приѣздъ этихъ лицъ, приуроченный ко времени открытія перваго сейма Царства Польскаго, имѣлъ извѣстное политическое значеніе, и, надо отдать справедливость Меттерниху, онъ сумѣлъ и для даннаго случая подыскать подходящихъ людей. Это были выдающіеся офицеры, выдвинувшіеся въ эпоху наполеоновскихъ войнъ. Кромѣ боевого опыта, они обладали и недюжинными умственными качествами, легко освоивались въ новыхъ положеніяхъ, съ необычайной зоркостью проникали во внутреннія условія чужой, незнакомой имъ страны. Донесенія принца Гессенъ-Гомбургскаго и записка графа Клама о положеніи Россіи, включенныя въ настоящее изданіе, представляютъ значительный интересъ, и на ряду съ донесеніями самого Лебцельтерна показываютъ, какъ понимали наблюдательные иностранцы русскую дѣйствительность, какъ рисовали они себѣ русское правительство.

Вниманіе австрійцевъ, естественно, обращено было прежде всего на отношеніе государя къ польскимъ дѣламъ. Рѣчь, которую Александръ открылъ сеймъ, вызвала, какъ извѣстно, оживленные толки въ Россіи и за границей. Принцъ Гессенъ-Гомбургскій отмѣчаетъ, наприм., «большую сенсацію», которую произвела «замѣчательная рѣчь» Александра среди русскихъ и поляковъ. «Императоръ произнесъ ее съ большимъ достоинствомъ и нѣкоторыя мѣста съ прекраснымъ выраженіемъ. Замѣчено было, что государь не покрывалъ головы и не садился на тронъ во время

произнесенія рѣчей президентомъ и маршаломъ; русскіе говорили, что ему было неловко сидѣть при этомъ». Далѣе принцъ сообщаетъ (и это подтверждается другими источниками), что гр. Каподистрія «увѣряя, какъ впрочемъ и всѣ окружающіе, что рѣчь сочинена государемъ самимъ, не преминулъ сказать ему, что государь и онъ взвѣшивали вмѣстѣ каждое слово и оцѣнивали смыслъ каждаго мѣста». Вмѣстѣ съ тѣмъ принцъ, однако, подчеркиваетъ, что «вопросъ, заданный ему (Каподистрію) вчера за столомъ о томъ, будетъ ли рѣчь обнародована по-русски, не встрѣтилъ въ немъ, повидимому, сочувствія; онъ отвѣтилъ, подумавши немного: *Mais oui, avec le temps*». До открытія сейма, во время парада, Александръ далъ понять принцу, каковъ будетъ характеръ его рѣчи, ознакомилъ его съ либеральными идеями, «которымъ сочувствуетъ, однако, въ разумномъ и умѣренномъ ихъ осуществленіи». «Порядокъ и дисциплина, — передаетъ принцъ мысль государя, — должны господствовать во всѣхъ дѣлахъ. При этомъ условіи онъ съ удовольствіемъ отдается либеральнымъ идеямъ и предлагаетъ мнѣ передать Его Величеству, моему монарху, объ этихъ его воззрѣніяхъ».

Александръ живо интересовался впечатлѣніемъ, которое должны были произвести въ Европѣ его либеральные взгляды. «Его, повидимому, — пишетъ принцъ Гессенъ-Гомбургскій, — глубоко занимала мысль показать неосновательность опасеній, которыя, — внушали его воззрѣнія, и доказать, что онъ располагаетъ въ противовѣсъ слишкомъ внушительной силой, и слишкомъ хорошо умѣетъ ею пользоваться, чтобы когда либо либеральныя учрежденія могли выродиться и привести къ опасному для него злоупотребленію данными преимуществами. Эта сила, которую Александръ противопоставляетъ либерализму, — строгая дисциплина арміи». Государь заявилъ, между прочимъ, принцу: «Въ Берлинѣ и еще болѣе у васъ меня, очевидно, плохо поняли; нѣкоторые изъ пруссаковъ не умѣютъ, повидимому, читать; одни находятъ, что я сказалъ слишкомъ много, другіе желали бы большаго». Въ высшей степени интересно сообщеніе принца о томъ, что онъ нашелъ императора замѣтно взволнованнымъ докладомъ русскаго посланника въ Берлинѣ Алопеуса, что онъ указалъ Александру, какое сильное вліяніе можетъ имѣть его опрометчивое сужденіе на мнѣніе Европы; по этому поводу государь поручилъ принцу завѣрить австрійскаго императора, что «онъ ничуть не намѣренъ открыть доступъ крайнимъ либеральнымъ идеямъ, но убѣжденъ, что никогда нельзя успѣшно бороться съ духомъ времени; вотъ почему онъ и хотѣлъ взять инициативу на себя».

Далѣе государь просилъ передать, что «не поступится своимъ правомъ и властью и что лишь съ этимъ ограниченіемъ беретъ подъ свою защиту либеральныя идеи». Императоръ полагалъ, что его рѣчь неправильно поняли, такъ какъ «расширеніе дарованныхъ полякамъ свободъ имѣетъ въ виду не что иное, какъ воссоединеніе старыхъ провинцій съ Царствомъ Польскимъ». Такое узкое толкованіе «польскихъ свободъ» принцу Гессенскому казалось, однако, страннымъ, тѣмъ болѣе, «что мѣсто, гдѣ вполнѣ ясно рѣчь идетъ о конституціонномъ строѣ для Россіи не только

правильно понято всѣми окружающими, но именно превозносится до небесъ, какъ благодѣяніе, проистекающее изъ свѣтлаго ума государя и изъ его великихъ замысловъ относительно Россіи (*grosse Weltansichten für Russland*).

Въ то время, какъ принцъ Гессенъ-Гомбургскій ограничивается передачей мнѣній и афоризмовъ Александра I безъ критической ихъ оцѣнки, графъ Кламъ даетъ въ своей запискѣ основанную на собственныхъ наблюденіяхъ характеристику государя, обнаруживающую рѣдкую проницательность и зрѣлость ума въ сравнительно молодомъ еще австрійскомъ маіорѣ, который во время четырехмѣсячнаго пребыванія въ Россіи (записка составлена въ іюлѣ 1818 г.) успѣлъ уловить существенныя черты Александра I. Личность государя для него сложная психологическая проблема, къ рѣшенію которой онъ подступаетъ съ искусной методичностью. Разсматривая государя, какъ воплощеніе всей Россіи, отождествляя и сводя знаніе страны къ ознакомленію съ личностью государя, гр. Кламъ прежде всего подчеркиваетъ, что «Александръ автократъ въ полномъ смыслѣ слова». Отношенія государя къ Россіи, къ ея славѣ и призванію, отношенія его къ другимъ европейскимъ государствамъ проникнуты идеей самодержавія, сознаніемъ неограниченной власти. Любовь къ Россіи выражается у государя въ стремленіи поднять свое отечество на высоту, достойную ея могущества. Ни религіозные, ни нравственные, ни либеральные принципы, провозглашаемые государемъ, не могутъ ослабить или поколебать это стремленіе, объ руку съ которымъ идетъ «самое горячее желаніе» добиться господства въ Европѣ.

Гр. Кламъ, проникая въ намѣренія и побужденія, угадываетъ въ миролюбіи государя больше, чѣмъ сердечную доброту. Роль миротворца, въ которой выступаетъ русскій императоръ, продиктована соображеніями государственной мудрости. Для того, кто смотритъ «австрійскими глазами», слишкомъ явно властолюбіе Александра, и отъ такого наблюдателя не ускользнетъ, что величіе государя измѣряется въ Россіи ничѣмъ инымъ, какъ вліяніемъ на другія державы. Эти разсужденія иностранца, плодъ личныхъ наблюденій, объясняютъ многое въ «неразгаданномъ сфинксѣ», которымъ является для потомковъ Александръ I. Они освѣщаютъ наиболѣе интересный моментъ въ царствованіи Александра, показывая, что въ измѣнѣ конституціоннымъ мечтаніямъ и обѣщаніямъ не слѣдуетъ видѣть коренного переворота въ убѣжденіяхъ императора Александра I, который, очаровывая многихъ современниковъ либеральными взглядами, въ глубинѣ души всегда оставался вѣренъ самодержавной идеѣ.

Политика государя по отношенію къ Польшѣ находитъ всестороннее освѣщеніе въ документѣ настоящаго изданія, озаглавленномъ: «*Conduite remarquable et énigmatique de l'Empereur envers la Pologne. Observations et conjectures à cet égard*». Авторъ неодобрительно отзываясь объ этой политикѣ Александра, «явныя симпатіи котораго къ Польшѣ вызываютъ нерасположеніе и отчужденіе въ русскихъ»; между тѣмъ «онъ слишкомъ много сдѣлалъ для поляковъ, чтобы не итти дальше: остановиться теперь значило бы

уничтожить прошлыя благодѣянія и навлечь на себя ихъ недовольство. Толчокъ былъ данъ неосмотрительно, теперь трудно не слѣдовать ему, и это пріобрѣтеніе, столь непріятное истиннымъ русскимъ людямъ, послужить, повидимому, для ослабленія ихъ отечества или для грандіознаго увеличенія этого государства, уже безъ того столь обширнаго». Однако, двойственность Александра не преминула сказаться. Симпатіи къ Польшѣ оказались непрочными. Непосредственно послѣ открытія сейма императоръ счелъ возможнымъ въ бесѣдѣ съ австрійскими офицерами ограничить смыслъ своей рѣчи и заявить Лебцельтерну, что польскимъ вольностямъ будетъ положенъ конецъ, а въ 1819 г. австрійскій дипломатъ уже сообщаетъ своему правительству о натянутости отношеній въ Царствѣ Польскомъ, о непопулярности Константина Павловича въ польскомъ обществѣ, объ усиленіи оппозиціоннаго настроенія, и выражаетъ при этомъ надежду, что эти недоразумѣнія охладятъ великодушныя порывы государя. Въ противоположность гр. Кламу Лебцельтернъ все еще продолжалъ подозрѣвать русскаго императора въ либеральныхъ убѣжденіяхъ, несмотря на приверженность Александра къ политикѣ Св. союза.

Объ общественныхъ движеніяхъ въ Россіи, о броженіи умовъ, объ отдѣльныхъ проявленіяхъ недовольства существующимъ положеніемъ вещей донесенія Лебцельтерна даютъ меньше, чѣмъ, напр., реляціи французскаго посла гр. де ла Ферронэ, опубликованныя вел. кн. Николаемъ Михайловичемъ во второмъ томѣ его труда: «Императоръ Александръ I». Укажемъ для примѣра волненіе Семеновскаго полка въ 1820 г. Этому яркому событію во внутренней жизни Россіи не удѣлено мѣста въ настоящемъ изданіи, что объясняется отсутствіемъ Лебцельтерна, который въ то время находился на конгрессѣ въ Троппау. Да и вообще за періодъ времени отъ іюля 1820 г. по іюль 1821 г. донесенія Лебцельтерна прерываются. Являющийся, такимъ образомъ, пробѣлъ незаполненъ реляціями лица, временно исполнявшаго обязанности австрійскаго представителя при русскомъ дворѣ. Между тѣмъ въ вышеупомянутое собраніе французскихъ депешъ вел. князь включилъ и донесенія лицъ, замѣнявшихъ гр. де ла Ферронэ.

Перу временно исполнявшаго обязанности послѣдняго и принадлежитъ подробное описаніе возстанія семеновскаго полка. Лебцельтернъ касается этого событія попутно лишь два года спустя по поводу проектируемой поѣздки государя въ Италію. «Думають,—сообщаетъ посланникъ,—о громадномъ ущербѣ для дѣлъ въ Россіи, которое причинило бы слишкомъ длительное отсутствіе императора, безъ котораго ничто не рѣшается. Не безъ опасенія взирають на возвращеніе гвардіи въ столицу наканунѣ, такъ сказать, отъѣзда Его Величества и вспоминають, что во время его послѣдняго отсутствія бунтъ одного батальона чуть было не послужилъ сигналомъ ко всеобщимъ серіознымъ безпорядкамъ». Лебцельтернъ не упоминаетъ также и о смѣломъ выступленіи Лабзина на засѣданіи Академіи Художествъ противъ выбора въ «почетные любители» графовъ Гурьева, Аракчеева и Кочубея. Въ донесеніяхъ же графа де ла Ферронэ, съ которыми мы имѣли возможность ознакомиться въ парижскомъ архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, мы нашли отчетъ объ этомъ событіи. Лаб-

зинъ, по словамъ французскаго дипломата, заявилъ, «что не постигаетъ, какъ можно было думать о допущеніи въ лоно академіи людей, которые были способны дать императору столь опасный, столь вѣроломный совѣтъ относительно упраздненія тайныхъ обществъ — мѣры, которую Его Величество принужденъ будетъ отмѣнить ранѣе шести мѣсяцевъ. На предупрежденіе предсѣдателя, что слова Лабзина попадутъ въ офиціальныи отчетъ, послѣдній отвѣтилъ настоятельной просьбой непременно занести ихъ въ него».

Пробѣлы, допущенные въ донесеніяхъ австрійскаго посланника, о которыхъ свидѣлствуютъ приведенные примѣры, вознаграждаются подробной реляціей о паденіи кн. Голицына и упраздненіи Министерства Духовныхъ Дѣлъ. Вотъ какъ пишетъ объ этомъ событіи Лебцельтернъ 24/12 іюня 1824 г.: «Монахъ, по имени Фотій, начинающій играть значительную роль, скрывающій подъ самымъ аскетическимъ и строгимъ обликомъ, какъ мнѣ кажется, честолюбивые замыслы, которые могутъ осуществиться очень легко, превознесенный богомольными столичными дамами и располагающій, между прочимъ, неограниченнымъ вліяніемъ на богатую графиню Орлову, у которой онъ имѣлъ случай встрѣчаться съ императоромъ, воспользовался этими свиданіями, чтобы оклеветать сочиненіе Госнера. Его Величество приказалъ немедленно провѣрить этотъ фактъ, который нетрудно было доказать, и непосредственно вслѣдъ за тѣмъ Госнеру былъ посланъ приказъ о выѣздѣ въ 48 часовъ съ приложеніемъ 500 дукатовъ на дорогу. Этотъ случай окончательно подорвалъ довѣріе къ кн. Голицыну, который до послѣдней минуты горячо защищалъ этого проповѣдника. Фотій объединился съ Магницкимъ, креатурой министра, который сталъ дѣйствовать противъ своего начальника. Фотій удостоился чести быть принятымъ императоромъ въ частной аудіенціи. Дней черезъ восемь послѣ высылки Госнера былъ изданъ указъ объ упраздненіи Министерства Духовныхъ Дѣлъ и о назначеніи адмирала Шишкова Министромъ Народнаго Просвѣщенія на мѣсто кн. Голицына, которому оставили, однако, управленіе почтой, весь его окладъ и домъ, въ которомъ онъ живетъ. Тургеневъ, правая рука прежняго министра и глава Департамента Иностранныхъ Исповѣданій (соединеннаго нынѣ съ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія) получилъ отставку безъ какого бы то ни было удовлетворенія. Его обвиняють въ томъ, что онъ принималъ слишкомъ активное участіе въ нѣкоторыхъ мѣрахъ, теперь порицаемыхъ, но мнѣ думается, что его скорѣе могутъ упрекнуть въ большой долѣ легкомыслія, чѣмъ въ дурныхъ намѣреніяхъ. Какъ бы то ни было, люди разсудительные болѣе всего жалѣють, что его отставка вызвана дамскими сплетнями; гр. Орлова, сбитая съ толку Фотіемъ, передала императору, что Тургеневъ посмѣялся надъ Фотіемъ. Впослѣдствіи, по рѣшенію Его Величества, этому чиновнику возобновлена была уплата его жалованья... Увѣряють, что императоръ посвящаетъ особая заботы упорядоченію управленія дѣлами Исповѣданій и Народнаго Просвѣщенія, но до сихъ поръ неизвѣстно, поручилъ ли онъ работы въ этой области способнымъ людямъ. Отдѣльныя личности, орудія всякихъ злоупотребленій, были устранены или

наказаны, но система измѣнена не была, а въ ней, именно, и коренится зло, распространившееся болѣе или менѣе на современное поколѣніе».

Нечего говорить, что событія, разыгравшіяся въ Петербургѣ послѣ полученія вѣсти о смерти Александра I, подробно описаны Лебцельтерномъ, за исключеніемъ, правда, возстанія 14 декабря. Последнее донесеніе помѣчено 13 декабря 1825 г. Между тѣмъ австрійскій посланникъ оставался въ Петербургѣ еще около года, но положеніе его пошатнулось вслѣдствіе того, что декабристы кн. Трубецкой, его шурина, былъ арестованъ въ его домѣ. Нельзя не пожалѣть, что донесенія обрываются въ настоящемъ изданіи наканунѣ декабрьскаго возстанія. Несомнѣнно, Лебцельтернъ продолжалъ освѣдомлять свое правительство и далѣе. Одно такое сообщеніе приведено въ депешѣ французскаго посланника графа де ла Феррона отъ 9 іюня 1826 г., найденной мною въ Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ въ Парижѣ. Оно касается Николая Ивановича Тургенева. Императоръ Николай I сказалъ, между прочимъ, австрійскому посланнику: «За исключеніемъ Ник. Тургенева, который скрылся въ Шотландію и котораго я передъ всѣми европейскими дворами объявлю виновнымъ въ государственной измѣнѣ противъ меня, всѣ вожди въ моихъ рукахъ».

Большой интересъ представляютъ письма кн. Меттерниха къ Лебцельтерну, занимающія почти половину разбираемаго изданія. Какъ отмѣчаетъ великій князь, мы находимъ въ нихъ «то смѣлыя характеристики Александра I и Наполеона, то мастерски изложенныя резюме событій на политической аренѣ, то колкія замѣтки о промахахъ другихъ, то ехидные совѣты Лебцельтерну, какъ выгоднѣе использовать эти промахи».

М. Вишицеръ.

Мемуары Бебеля ¹⁾.

Третья часть мемуаровъ Бебеля обнимаетъ эпоху дѣйствія исключительнаго закона до 1882 года. Такимъ образомъ, она касается самаго интереснаго «героическаго» періода въ исторіи германской социаль-демократіи, когда партія, сначала какъ бы растерявшись отъ нанесеннаго ей удара, быстро оправилась, удачно приспособилась къ новымъ обстоятельствамъ и сумѣла заложить основы организации, постепенно превратившей социалистическую партію въ сильнѣйшую изъ нѣмецкихъ политическихъ партій. Главную роль въ этомъ дѣлѣ сплоченія соц. силъ и въ выработкѣ соотвѣтствующей новымъ условіямъ тактики игралъ именно Бебель, и никто другой лучше его не сумѣлъ бы передать намъ настроеніе и чаянія тогдашнихъ партійныхъ дѣятелей. Въ разсматриваемой части своихъ мемуаровъ Бебель встаетъ предъ нами со всѣми своими достоинствами, какъ ловкій стратегъ и незаурядный парламентскій тактикъ, какъ прирожденный поли-

¹⁾ «*Aus meinem Leben*» von August Bebel. Dritter Teil, herausgegeben von Karl Kautsky. Stuttgart 1914. Verlag von Dietz Nachf. Ss. VIII+270.

тическій вождь, не увлекающійся достигнутыми успѣхами, но и не падающій духомъ отъ временныхъ неудачъ, всегда умѣющій найти подходящій тонъ и выбрать вѣрнѣйшій путь къ побѣдѣ. При этомъ, какъ настоящій крупный дѣятель, этотъ человѣкъ, уже тогда игравшій выдающуюся роль въ нѣмецкой политикѣ и стоявшій во главѣ рабочей партіи, не брезгаетъ самой мелкой, кропотливой работой и умѣетъ не отрываться отъ массъ, а идти съ ними нога въ ногу, оставаясь съ ними все время въ интимномъ общеніи, почерпая изъ этого общенія духовную энергію и увѣренность въ конечномъ торжествѣ и съ своей стороны поддерживая въ нихъ эту энергію и вѣру. Идеальный образецъ отношеній между вождемъ и массой, между «героемъ» и «толпой»! И недаромъ Марксъ и Энгельсъ, вообще скупые на похвалы, признавали Бебеля самой свѣтлой головой въ нѣмецкомъ рабочемъ движеніи и, когда распространился ложный слухъ о его смерти, считали ее величайшей потерей для с.-д. партіи.

Для насъ, русскихъ, третья часть мемуаровъ Бебеля особенно интересна. Не говоря о томъ, что она содержитъ массу весьма поучительнаго матеріала для новѣйшей исторіи Германіи, она описываетъ политическую обстановку, во многихъ (но, конечно, далеко не во всѣхъ отношеніяхъ) напоминающую ту, которая создалась у насъ за послѣднее время. Какое сходство и въ то же время какое различіе! Преслѣдованія, обрушившіяся на нѣмецкую соц. партію послѣ введенія въ дѣйствіе исключительнаго закона на европейскій масштабъ, были весьма суровыми и даже вырвали у столь сдержаннаго человѣка, какъ Бебель, такіа слова: «то, что насъ выслали, какъ бродягъ и преступниковъ, и безъ суда оторвали отъ женъ и дѣтей, я почувствовалъ, какъ смертельную обиду, за которую я отомстилъ бы, еслибъ имѣлъ возможность». Но вмѣстѣ съ тѣмъ на нашу русскую мѣрку это была настоящая идиллія. И тамъ полиція производила обыски и иногда аресты, и тамъ людей высылали административно, и тамъ устраивали тенденціозные политическіе процессы, но все это дѣлалось въ совершенно минимальныхъ на нашъ взглядъ размѣрахъ. И при чтеніи мемуаровъ Бебеля русскій читатель тамъ, гдѣ нѣмецкій авторъ негодуетъ и возмущается, почувствуетъ лишь глубокую зависть...

Мемуары Бебеля это школа политическаго такта и вмѣстѣ съ тѣмъ политической выдержки. Бебелю тоже приходилось бороться съ партійнымъ (или, если угодно, антипартійнымъ) оппортунизмомъ, во главѣ котораго уже тогда стоялъ Э. Бернштейнъ. Посреди всеобщаго разброда и шатаній, Бебель былъ однимъ изъ тѣхъ, кто сумѣлъ взять надлежащую ноту, равно далекую и отъ малодушнаго унынія, и отъ истерической крикливости. Этимъ-то людямъ, ставшимся высоко держать старое знамя, но вмѣстѣ съ тѣмъ ни на минуту не теряя контакта съ массами, и удалось положить основаніе нынѣшнему могуществу германской социалъ-демократіи. И удалось это имъ потому, что они сумѣли сочетать теоретическую непримиримость съ практической терпимостью, легальную дѣятельность съ нелегальной, легализмъ съ «подпольемъ».

Для насъ интересно отмѣтить одну частность. Борьба съ анар-

хическими увлеченіями Моста настроила тогдашнихъ нѣмецкихъ соц.-демократовъ весьма подозрительно по отношенію къ выступленіямъ русскихъ революціонеровъ, которыя въ 70-хъ годахъ окрашены были, правда, въ теоріи, анархическимъ цвѣтомъ (именно бакунистскимъ), но къ концу 70-хъ и въ началѣ 80-хъ годовъ только по нѣкоторымъ внѣшнимъ приемамъ («терроръ») напоминали методы анархистовъ. Съ другой стороны, здѣсь дѣйствовали воспоминанія о покушеніяхъ Геделя и Нобилинга, которыя дали нѣмецкой полиціи въ руки оружіе для борьбы съ социалистической партіей. Этимъ объясняютъ отрицательное отношеніе тогдашнихъ нѣмецкихъ соц.-демократовъ къ дѣятельности русскихъ «нигилистовъ». Когда реакціонеръ фонъ Кардорфъ заговорилъ въ рейхстагѣ о мнимыхъ связяхъ Бебеля съ русскими террористами, послѣдній, намекая на дворянское происхожденіе многихъ русскихъ революціонеровъ, заявилъ 4 мая 1880 г. въ своей бюджетной рѣчи: «Я могу лишь отвѣтить депутату фонъ Кардорфу, что никакихъ связей въ Россіи у меня нѣтъ, и что въ Россіи нигилисты вербуются изъ совершенно другихъ круговъ, чѣмъ социаль-демократы въ Германіи. Тамъ это общественные круги г. фонъ-Кардорфа» (*Смѣхъ*). Эти слова вызвали протестъ со стороны бывшаго лассальянца Гассельмана, который передъ всѣмъ рейхстагомъ отрекся отъ своихъ сотоварищей, заявивъ, что здѣсь дезавуировали русскихъ нигилистовъ, тогда какъ онъ причисляетъ себя къ нимъ; пора парламентской болтовни прошла, и наступило время дѣла. Это выступленіе Гассельмана послужило поводомъ къ его исключенію изъ партіи, но причиной было не это заявленіе солидарности съ русскими революціонерами, а обвиненіе его въ интригахъ противъ партіи. Этотъ инцидентъ все-таки характеренъ для тогдашняго отношенія нѣмецкихъ социалистовъ къ русскимъ революціонерамъ, отношенія, сложившагося послѣ борьбы съ Бакунинымъ и нечаевской исторіи.

Другой славянскій мотивъ изъ мемуаровъ Бебеля также заслуживаетъ упоминанія. Рассказывая о компаніи, сгруппировавшейся вокругъ цюрихской экспедиціи нелегальнаго органа «Социаль-Демократъ», Бебель упоминаетъ, между прочимъ, портного Бека. Этотъ Бекъ былъ также «придворнымъ портнымъ» цюрихскаго студента Петра Карагеоргіевича, впослѣдствіи сербскаго короля Петра. Въ тѣ времена Петръ былъ веселымъ студентомъ, вращавшимся среди соц.-демократовъ, и очень нуждался въ деньгахъ. По его просьбѣ шившій на него Бекъ ставилъ ему двойные счета, которые оплачивались его сторонниками, при чемъ лишняя сумма выдавалась на руки нуждавшемуся претенденту. И Бебель иронически прибавляетъ: «Во время балканской войны король Петръ признался интервьюеру «Новой Цюрихской Газеты», какъ хорошо жилось ему въ молодости въ Цюрихѣ и какіе широкіе планы народнаго блага и народнаго счастья тогда строились. Мечты, мечты, гдѣ ваша сладость? На Балканахъ имѣется еще немало государственныхъ мужей и сановниковъ, которые въ молодости были горячими марксистами и примыкали къ Интернаціоналу. Упрекать ихъ въ этомъ не слѣдуетъ. Я ставлю ихъ выше тѣхъ прусскихъ юнкерскихъ сынковъ—въ томъ числѣ нѣкоторыхъ и изъ столбового дворянства,—которые въ то время

также учились въ Цюрихѣ, но вернулись домой такими же ограниченными людьми, какими пріѣхали въ Цюрихъ»...

Смерть не позволила Бебелю довести свои мемуары до задуманнаго конца. Но и то, что онъ успѣлъ дать «старымъ людямъ на послушеніе, молодымъ на поученіе», достаточно обогатило сокровищницу исторической науки. Первые двѣ части его воспоминаній уже имѣются въ русскомъ переводѣ. Пожелаемъ же, чтобы поскорѣе появился русскій переводъ и послѣдней части мемуаровъ, въ которой русскій читатель найдетъ для себя столь много поучительнаго и бодрящаго душу.

Ю. Стекловъ.

Новая книга гр. С. Ю. Витте.

(«По поводу непреложности законовъ государственной жизни»).

Книга эта, въ сущности, не новая. Она хорошо извѣстна широкимъ кругамъ читателей, такъ какъ была уже напечатана подъ заглавіемъ «Самодержавіе и Земство» сначала (въ 1901 г.) заграницею, а затѣмъ (въ 1907 г.) и въ Петербургѣ. По свидѣтельству гр. Витте, оба эти изданія появились въ печати безъ его вѣдома. Нынѣ самъ авторъ выпустилъ въ свѣтъ свое произведеніе подъ выписаннымъ выше названіемъ, при чемъ исправилъ имѣющіяся въ первыхъ двухъ изданіяхъ книги неточности и снабдилъ ее нѣкоторыми весьма малоцѣнными дополненіями. Благодаря выходу книги въ свѣтъ съ именемъ автора, теперь уже нельзя, читая книгу, относиться съ сомнѣніемъ, точно ли передана въ ней та или иная мысль автора, въ чемъ, въ сущности, и состоитъ со стороны содержанія книги единственное преимущество настоящаго ея изданія сравнительно съ изданіями прежними. Теперь можно говорить не по поводу «приписываемаго» графу Витте произведенія, а о самомъ произведеніи, за каждую мысль котораго отвѣтствененъ авторъ, самимъ фактомъ выпуска книги въ свѣтъ отдавшій ее на судъ читателей. Имѣя въ виду лишь эту «новую» сторону дѣла, мы и хотимъ сдѣлать о произведеніи гр. Витте нѣсколько замѣчаній.

Какъ уже отмѣчено, своему произведенію гр. Витте далъ названіе «По поводу непреложности законовъ государственной жизни». Бросивши взглядъ на такое названіе, читатель въ правѣ подумать, что предъ нимъ соціологическій трактатъ, въ которомъ идея «непреложности законовъ государственной жизни», — при чемъ даже и не тѣхъ или другихъ законовъ, не нѣкоторыхъ только изъ нихъ, а вообще законовъ, — подвергается болѣе или менѣе тщательному анализу, послѣ котораго авторъ и приходитъ къ тѣмъ или инымъ опредѣленнымъ по поводу такой «непреложности» заключеніямъ. Но, прочтя книгу, читатель долженъ будетъ совершенно во всемъ этомъ разочароваться. Не только о «непреложности законовъ государственной жизни» во всемъ объемѣ этого понятія читатель не узнаетъ изъ книги гр. Витте ровно ничего, но онъ придетъ къ заключенію, что и та гораздо

болѣе практическая, чѣмъ научно-теоретическая, и потому совершенно не отвѣчающая широковъщательному заглавію книги, задача, которую поставилъ себѣ гр. Витте, исполнена имъ далеко неудовлетворительно. Читая въ книгѣ многочисленные отзывы о «самоуправленіи» разныхъ европейскихъ въ этой области авторитетовъ, видишь, что это не болѣе, какъ привѣсокъ къ книгѣ, нѣчто, служащее автору не для подкрѣпленія его мысли, а для «красоты слога», а можетъ быть и для «впечатлѣнія», которое хотѣлъ онъ произвести своею ученостію на г. Горемыкина, какъ произвелъ онъ его на А. С. Суворина, письмо котораго по этому поводу гр. Витте и счелъ нужнымъ, уже совершенно некстати, приложить къ своей книгѣ.

Апеллируя къ «непреложности законовъ государственной жизни», гр. Витте стремится доказать, что «самоуправленіе въ той формѣ, въ какой оно выражается въ нашемъ земствѣ, т.-е. не въ формѣ узко-сословной или корпоративной, а въ видѣ всесословнаго народнаго представительства въ сферѣ мѣстнаго государственнаго управленія, не соотвѣтствуетъ самодержавному строю государства» (стр. 4). Въ подкрѣпленіе этой-то своей мысли гр. Витте и приводитъ свидѣтельства разныхъ европейскихъ ученыхъ, набирая ихъ отзывы курсивомъ, но тѣмъ не сообщая имъ большей для цѣли, для которой они приводятся, убѣдительности.

Чтобы не быть голословнымъ, возьмемъ одинъ изъ многихъ примѣровъ.

На стр. 230—231 гр. Витте пишетъ:

«По поводу реформы Kreis-Ordnung 1872 г. прусскій проф. Шульце замѣчаетъ въ своемъ учебникѣ государственнаго права, что существовавшее до этого времени устройство уѣздовъ соотвѣтствовало воззрѣніямъ абсолютнаго сословнаго государства, а не конституціонному правовому порядку, такъ какъ оно, съ одной стороны, благодаря перевѣсу голосовъ дворянства, не допускало городовъ и земствъ до соотвѣтствующаго вліянія, а съ другой, едва существовавшее въ слабomъ зародышѣ самоуправленіе уѣздовъ почти исчезло передъ бюрократическимъ всемогуществомъ профессиональнаго чиновничества. Если уѣздное устройство уже во время своего возникновенія отжило свой вѣкъ, то съ введеніемъ конституціи неустранимое противорѣчіе между конституціоннымъ правовымъ порядкомъ въ центрѣ и полнымъ бюрократическимъ управленіемъ на периферіи давало себя знать самымъ опаснымъ образомъ въ постоянныхъ столкновѣніяхъ между различными государственными факторами, сословіями и интересами. (Курсивъ здѣсь и далѣе гр. Витте. Рекомендуются, значитъ, обратить на эти мѣста особое вниманіе. В. Б.). Даже самому ослѣпленному приверженцу старины при спокойномъ размышленіи становилось ясно, что возвратъ къ абсолютизму, отказъ отъ конституціоннаго правленія въ XIX столѣтіи былъ невозможенъ. Такъ что, если желали уничтожить несомнѣнный диссонансъ въ прусскомъ государственномъ устройствѣ, то не оставалось никакого другого пути, какъ распространить конституціонный принципъ изъ государственнаго устройства на государственное управленіе, изъ центра на периферію, т.-е. народъ, который

уже былъ призванъ черезъ своихъ представителей къ участию въ центрѣ въ важнѣйшихъ функціяхъ государственной власти, въ особенности въ законодательствѣ, также приобщить въ организованной формѣ къ приведенію въ исполненіе законовъ».

Мы не знаемъ, какое впечатлѣніе произвела эта цитата изъ учебника прусскаго профессора на г. Горемыкина, но увѣрены, что многіе, будучи на мѣстѣ оппонента гр. Витте, отвѣтили бы ему такъ: зачѣмъ вы привели эту цитату, какъ не для «красоты слога»? Вѣдь, Шульце говоритъ, что разъ *центральное управленіе* государствомъ сдѣлалось конституціоннымъ, то нельзя оставлять, построенными на бюрократическихъ началахъ, учрежденія и на мѣстахъ. Но вы-то, — развѣ *эту* мысль вы хотите доказать? Вѣдь, вы стремитесь къ обратному: вы говорите, что разъ существуетъ *мѣстное самоуправленіе*, базирующееся на той основѣ, на которой оно построено въ нашихъ земствахъ, то оно должно привести къ устраненію неограниченной монархіи. Правы вы или нѣтъ, — другой вопросъ, но зачѣмъ же вы потревожили Шульце, который *по этому поводу* въ приводимой вами цитатѣ ровно ничего не говоритъ? Зачѣмъ сказали вы это, какъ не для «впечатлѣнія»?...

И примѣровъ такихъ неудачныхъ «козыряній» со стороны автора европейскими именами въ книгѣ гр. Витте находится сколько угодно.

Какой практическій выводъ дѣлаетъ гр. Витте изъ той «непредложности», которой онъ, выражаясь грубо, «втираетъ очки» своему оппоненту?

Авторъ говоритъ, что такъ какъ неограниченная монархія и земское самоуправленіе несовмѣстимы, то надо привести то и другое въ гармонію. Казалось бы, что вслѣдъ за этимъ гр. Витте и долженъ былъ бы сказать ясно и опредѣленно, къ чему именно надо стремиться для созданія такой гармоніи. Вѣдь для осуществленія ея получилось *или—или*: или земское самоуправленіе должно быть совершенно упразднено, или центральное управленіе должно перестать воплощать въ себѣ тотъ принципъ, который оно во время составленія графомъ Витте его произведенія воплощало. Какъ же рѣшаетъ эту дилемму нашъ авторъ? Мы сейчасъ объ этомъ скажемъ, но сначала приведемъ взглядъ на тотъ же предметъ оппонента гр. Витте г. Горемыкина, не опасавшагося вредности земскихъ учреждений, ратовавшаго за «дальнѣйшее территориальное расширеніе земства» и, казалось бы, стоявшаго, поэтому, на болѣе «либеральной» точкѣ зрѣнія, чѣмъ гр. Витте. Но... читателю, можетъ быть, попался ходившій по рукамъ въ то именно время, когда министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ г. Горемыкинъ, стишокъ:

Другъ, обманчивой надеждѣ
Понапрасно ты не вѣрь:
Горе мыкали мы прежде,
Горе мыкаемъ теперь!..

Тѣ два начала, которыя, по мнѣнію гр. Витте, несовмѣстимы, по мнѣнію г. Горемыкина, совмѣстимы вполне, «но, — пояснялъ свое отношеніе къ предмету спора г. Горемыкинъ, — если призваніе

мѣстныхъ жителей къ самостоятельному завѣдыванію своимъ общественнымъ хозяйствомъ и отправленію, въ предѣлахъ закона поддающихся мѣстному ограниченію, задачъ управленія, влечетъ за собою возникновеніе возрѣній, строя и привычекъ и укрѣпленіе началъ, способныхъ, *хотя бы и въ отдаленномъ ихъ развитіи*, колебать и ослаблять нравственныя основы самодержавія, то мѣстное самоуправленіе во всѣхъ его видахъ *не можетъ быть терпимо ни одной минуты*. Оно должно быть, *чего бы это ни стоило*, немедленно и повсемѣстно упразднено и замѣнено строжайшею іерархическою централизаціею всѣхъ отраслей управленія».

Въ такой, недопускающей никакихъ лжетолкованій, формѣ высказался по данному вопросу оппонентъ гр. Витте... Точка зрѣнія его ясна: она отбрасываетъ насъ прямо къ временамъ гр. Уварова, гр. Бенкендорфа и т. п. знаменитыхъ мужей отечественной государственной мудрости. «Политическая религія, — поучальнѣюгда исполнителей его «предначертаній», россійскихъ цензоровъ, гр. Уваровъ, — имѣетъ свои неприкосновенныя догматы, какъ и религія христіанская. У насъ ихъ два: самодержавіе и крѣпостное право. Зачѣмъ же ихъ касаться, если, *къ счастью Россіи*, они установлены твердою рукою». Гр. Уваровъ и его «сподвижники» не могли себѣ и представить, «хотя бы и въ отдаленномъ развитіи» общественно-политическихъ отношеній въ Россіи, не только 17 октября 1905 г., но даже и 19 февраля 1861 года... По прямой линіи отъ нихъ, несмотря на то, что онъ долженъ былъ бы быть опытиѣе своихъ предковъ, ведетъ, очевидно, свою духовную генеалогію и оппонентъ гр. Витте.

Но самъ гр. Витте, если составлять о немъ понятіе исключительно по той его «запискѣ», о которой у насъ идетъ рѣчь, — онъ, что собою представляетъ? Конечно, онъ не такъ откровененъ, какъ его оппонентъ, онъ «лукавый царедворецъ», но, въ сущности, его основная точка зрѣнія весьма недалеко отъ точки зрѣнія его оппонента. Онъ, — изволите ли видѣть, — тоже не врагъ земскихъ учрежденій, но такъ какъ они «не соотвѣтствуютъ самодержавному строю государства», то... гр. Витте не ставитъ здѣсь точекъ надъ і, но силлогизмъ отсюда совершенно опредѣленный, ибо въ «посылкѣ», касающейся самодержавія, разногласія между авторами обѣихъ «записокъ» нѣтъ. Вотъ что пишетъ гр. Витте въ главѣ «отношеніе земства къ правительству, и его конституціонная тенденція»: «можетъ быть центральная власть, дѣйствительно, проявляла иногда излишнюю подозрительность, можетъ быть дѣйствія отдѣльныхъ губернаторовъ были слѣдствіемъ «личныхъ самолюбіи»; но могло ли вообще правительство измѣнить свою политику по отношенію къ земству, не было ли въ дѣятельности самихъ земствъ такихъ проявленій, которыя свидѣтельствовали не объ однихъ оскорбленныхъ самолюбіяхъ, а ясно показывали, что основная мысль закона 1864 г. *стала весьма быстро осуществляться, что земство явилось хорошею школою представительныхъ учрежденій и что правильной постановки и надлежащаго развитія ему дать нельзя безъ измѣненія всего государственнаго строя* (курсивъ гр. Витте). *Къ сожалѣнію*, (курсивъ нашъ) отвѣтъ приходится дать утвердительный» (стр. 93).

Гр. Витте съ сожалѣніемъ указываетъ на то, что «основная мысль закона 1864 г. стала быстро осуществляться» и что «земство явилось хорошею школою представительныхъ учреждений»... Спрашивается: чѣмъ же гр. Витте отличается отъ другихъ чистокровныхъ отечественныхъ бюрократовъ?..

Во свидѣтельство справедливости своего мнѣнія о земствѣ, какъ учрежденіи весьма нежелательномъ, гр. Витте пишетъ далѣе такіа строки:

«Я не хотѣлъ будить воспоминанія смутной эпохи конца 70-хъ и начала 80-хъ годовъ, не хотѣлъ говорить о той роли, которую играло въ ней земство. Я считалъ, что вся исторія конституціонныхъ земскихъ заявленій ближе, чѣмъ мнѣ, извѣстна министру внутреннихъ дѣлъ. Кромѣ того, я не желалъ получить незаслуженный упрекъ въ обвиненіи земскихъ дѣятелей въ политической неблагонадежности, ибо лично глубоко увѣренъ, что, если земцы довольно дружно шли за отдѣльными агитаторами въ пользу конституціи, то шли вовсе не съ намѣреніемъ ограничить Самодержавную Власть, а только потому, что остро чувствовали всю ненормальность положенія земскихъ учреждений... Иначе говоря, я глубоко увѣренъ, что большинство земцевъ шло къ конституціи, но шло безсознательно». ... (стр. 94).

Гр. Витте не хочетъ навлечь на себя «незаслуженнаго упрека въ обвиненіи земскихъ дѣятелей въ политической неблагонадежности» и для отраженія такого изъ его «записки» заключенія изображаетъ земскихъ дѣятелей въ качествѣ толпы какихъ-то политическихъ несмышленишей, шедшихъ «довольно дружно за отдѣльными агитаторами въ пользу конституціи», но шедшими по этому пути «безсознательно».. Не знаемъ, какое «обвиненіе» предпочли бы земскіе дѣятели: въ «политической неблагонадежности» или въ ... Это, конечно, дѣло вкуса...

Но послушаемъ гр. Витте далѣе:

«Вотъ почему, повторяю, я не хотѣлъ касаться указанной стороны вопроса; но разъ записка министра внутреннихъ дѣлъ категорически утверждаетъ, что приписываемыя земству конституціонныя стремленія были лишь призракомъ, который видѣлъ въ своемъ увлеченіи М. Н. Катковъ, то я волей-неволей долженъ коснуться и этой *темной стороны дѣла*». (Ibid.).

Въ изображеніи затѣмъ этой «темной стороны дѣла» гр. Витте и становится на защиту справедливости мнѣній Каткова, для чего онъ и разрисовываетъ тенденціознѣйшимъ образомъ проявившееся въ концѣ 70 хъ и началѣ 80-хъ годовъ въ очень немногихъ земствахъ политическое движеніе, не уступая въ густотѣ налагаемыхъ на это движеніе красокъ въ смыслѣ его вредоносности самому г. Тихомирову. Мы не имѣемъ возможности останавливаться здѣсь сколько-нибудь подробно на манерѣ гр. Витте описывать «земское движеніе» и потому ограничимся лишь немногими по этому поводу строками.

Указавши на то, что уже въ 1867 г. петербургское земство заговорило о необходимости «центрально-земскаго учрежденія» (въ чемъ оно ни въ малѣйшей мѣрѣ не было поддержано тогда

ни однимъ земствомъ В. Б.), а также на ходатайство въ 1872 году владимірскаго земства, проектировавшаго «организовать общій съѣздъ всѣхъ земствъ, который долженъ былъ имѣть официальное значеніе, дѣйствуя по программѣ заранее составленной» (въ чемъ, конечно, владимірскому земству было отказано. В. Б.), гр. Витте, — соображая должно быть и самъ, что, если на пространствѣ *пятнадцати лѣтъ* (1864—1879 г.) въ дѣятельности *тридцати четырехъ* губернскихъ (не говоря уже объ уѣздныхъ) земствъ можно назвать лишь *два* факта, указывающіе, съ грѣхомъ пополамъ, на гнѣздившуюся среди земствъ конституціонную заразу, то это, пожалуй, для доказательства справедливости мнѣнія о земствѣ автора «записки» ужъ слишкомъ маловато, — начинаетъ далѣе иллюстрировать свою мысль соображеніями прямо-таки комическими: въ 1872 г. владимірское земство думало «организовать общій съѣздъ всѣхъ земствъ», — ему въ этомъ было отказано. Что же земцы успокоились? Поняли они послѣ этого всю преступность подобныхъ «превратныхъ идей»? Какъ бы ни такъ. Положимъ, въ теченіе *семи лѣтъ* (съ 1872 по 1879 г.) ни на одно преступное ходатайство земствъ указать нельзя и поэтому эти года графу Витте пришлось обойти молчаніемъ, но развѣ такое безмолвіе земствъ можетъ служить доказательствомъ, что земства поняли свои заблужденія? Нисколько. Они стали только хитрѣе дѣйствовать, и съ этою цѣлью, пишетъ гр. Витте, «попытались добиться сначала разрѣшенія съѣздовъ земствъ не всѣхъ, а только нѣсколькихъ губерній, и съѣздовъ нерегулярныхъ, а лишь для обсуждения отдѣльныхъ важнѣйшихъ вопросовъ сосѣднихъ губерній». (стр. 97). Но въ какихъ же именно фактахъ гр. Витте видитъ проявленіе этой новой тактики земствъ въ ихъ хотя бы и «безсознательномъ» стремленіи къ конституціи и съ какого времени стали обнаруживаться указываемый авторомъ «записки» — злостный макіавелизмъ тѣхъ «отдѣльныхъ агитаторовъ въ пользу конституціи», за которыми «довольно дружно шли земцы»? Отвѣты на оба эти вопроса гр. Витте даетъ въ такихъ словахъ:

«Такъ, въ 1879 г. Новгородское губернское собраніе постановило ходатайствовать передъ правительствомъ о разрѣшеніи съѣзда лицъ, *завѣдывающихъ земскимъ страховымъ дѣломъ* нѣсколькихъ смежныхъ губерній. Московское и Рязанское просили о созывѣ представителей отъ земствъ нѣсколькихъ губерній *для обсуждения мѣръ противъ эпидемій*». (стр. 97—98).

Предъ лицомъ такихъ крамольныхъ дѣяній земствъ, происшедшихъ притомъ *всего черезъ семь лѣтъ* послѣ того, какъ въ ходатайствѣ о созывѣ общеземскаго съѣзда владимірскому земству было отказано, разумѣется, должны смолкнуть голоса всѣхъ тѣхъ, кому занятіе, подобное тому, какому предавался въ своемъ сочиненіи «По поводу непреложности законовъ государственной жизни» его авторъ, можетъ показаться чѣмъ угодно, но только не серьезнымъ произведеніемъ серьезнаго государственнаго мужа...

Далѣе... Далѣе гр. Витте, дѣлая видъ, что онъ совершенно довѣряетъ всей той баснѣ о «Земскомъ Союзѣ», которая рассказана въ опубликованной въ № 54 заграничнаго журнала «Общее Дѣло» за 1883 годъ (характеризуя, — замѣтимъ въ скобкахъ, — послѣд-

ній, какъ «органъ революціонной соціалъ-демократической партіи»!!..) извѣстной нелѣпой «запискѣ о противоправительственныхъ сообществахъ не столь вредныхъ», рассказываетъ объ этомъ «Союзѣ» всякаго рода небылицы. Можно, впрочемъ, подумать, что въ этомъ случаѣ гр. Витте заблуждается bona fide, ибо, утверждая, напр., что въ 1881 г. Земскій Союзъ «имѣлъ уже вполне устроенную организацію и свои исполнительные органы», что въ томъ же году «Земскій Союзъ приступаетъ къ изданію своего органа «Вольное Слово» въ Женевѣ», что, «распространивъ свою дѣятельность на всю земскую Россію, имѣя за границей свой печатный органъ, номера котораго успѣшно проникали контрабанднымъ путемъ въ предѣлы Имперіи, Земскій Союзъ весьма скоро успѣлъ, повидимому, установить нѣкоторую связь между земствами и организовать въ нихъ довольно дружное движеніе въ пользу введенія конституціоннаго образа правленія» и т. д.,—можно подумать,—говоримъ мы,—что, утверждая все это, гр. Витте лишь повторяетъ мнѣніе, укоренившееся было въ нашей исторической литературѣ весьма прочно, и потому ни въ чемъ, кромѣ неумѣнія относиться сколько-нибудь критически къ источникамъ, которые онъ цитировалъ, его, гр. Витте, упрекнуть нельзя. Но это такъ можетъ показаться лишь съ перваго взгляда. Гр. Витте цитируетъ многократно «Вольное Слово», но трудно допустить, чтобы ему была совсѣмъ невѣдома роль редактора этого журнала Аркадія Мальшинскаго въ качествѣ агента Свящ. Дружины, т.-е. той самой организаціи, членомъ, а по словамъ г. Р—ва (въ «Русскомъ Словѣ»), даже основателемъ которой былъ гр. Витте... Трудно допустить это тѣмъ болѣе, что въ концѣ 90-хъ годовъ тотъ же Мальшинскій издавалъ въ Петербургѣ субсидировавшуюся властями газету «Народъ», т.-е. велъ это дѣло въ то время, когда министромъ финансовъ былъ С. Ю. Витте... А если автору книги «По поводу непреложности законовъ государственной жизни» извѣстно, — какъ надо думать, — многое, касающееся постановки въ началѣ 80-хъ годовъ такъ называемымъ «Земскимъ Союзомъ» за границу «своего» органа «Вольное Слово», роли въ этомъ дѣлѣ Мальшинскаго и т. д., то гр. Витте сдѣлалъ бы куда лучше, если бы, вмѣсто наполняющихъ его книгу сказокъ и совершенно безсодержательныхъ умствований «по поводу непреложности законовъ государственной жизни», рассказалъ бы о томъ, какъ *дѣйствительно* происходили событія въ 1881—83 годахъ, рассказавъ кстати и о своемъ собственномъ участіи въ «Св. Дружинѣ», равно какъ и ея роли въ этихъ событіяхъ. Тогда можно было бы сказать, что трудъ гр. Витте имѣетъ какую-либо цѣнность,—теперь этого сказать рѣшительно нельзя.

Въ заключеніе любопытная подробность, сообщаемая гр. Витте въ предисловіи къ его книгѣ: «печатаемая настоящую записку подъ заглавіемъ «По поводу непреложности законовъ государственной жизни», — пишетъ гр. Витте,—я не могу не вспомнить моихъ сотрудниковъ по составленію ея: прежде и больше всего А. И. Путилова и затѣмъ Н. Н. Кутлера. Въ работѣ этой мнѣ такъ же помогали и покойный профессоръ П. П. Цитовичъ. Я еще долженъ оговориться, что лица эти, исполняя талантливо и усердно по долгу службы мои предначертанія, *выражали исключительно*

мои взгляды и мысли. Пользуюсь случаемъ принести моимъ бывшимъ сослуживцамъ сердечную благодарность» (стр. IV).

П. П. Цитовичъ — редакторъ знаменитаго въ свое время «частнаго изданія», носившаго имя «Берегъ» и увѣковѣченнаго Щедринымъ подъ именемъ «Помоевъ». Ясно, что такой человѣкъ, каковую-бы «работу» ему ни дало начальство, ничего другого и не могъ дѣлать, какъ «по долгу службы» стараться изъ всѣхъ силъ «выражать исключительно взгляды и мысли» своего «милостивца».

А. И. Путиловъ хорошо извѣстенъ въ мірѣ финансовомъ, но, кажется, человѣкъ совершенно невѣдомый за предѣлами этого міра. Во всякомъ случаѣ участіе его въ дѣлѣ, за которое онъ нынѣ получить отъ гр. Витте публично «сердечную благодарность», едва ли вызоветъ у кого-нибудь недоумѣніе.

Но Н. Н. Кутлеръ? Помогая «по долгу службы» графу Витте въ его походѣ на земство, онъ тоже «выражалъ исключительно взгляды и мысли» своего «сослуживца»? На этомъ вопросѣ мы и можемъ къ нашимъ замѣчаніямъ по поводу книги гр. Витте поставить точку.

В. Богучарскій.

Новое о Львѣ Толстомъ.

По смерти Толстого въ теченіе года-двухъ наблюдался совершенно исключительный, приподнятый интересъ читателей ко всему, что было связано съ его именемъ. И тогда было написано и напечатано такъ много, что теперешнія новыя книги, посвященныя Толстому, кажутся уже рѣдкими. Но въ противоположность прежнему повальному увлеченію, когда зря писалось и говорилось такъ много лишняго и ненужнаго въ удовлетвореніе любопытства и сенсаціи, новыя книги о Толстомъ большею частью отличаются и содержательностью, и внутреннею необходимостью ихъ появленія.

На первомъ мѣстѣ по богатству и разнообразію содержанія должно назвать «Переписку Л. Н. Толстого съ Н. Н. Страховымъ». Она печаталась въ теченіе прошлаго года въ приложеніяхъ къ журналу «Современный Міръ» и теперь выпущена отдѣльною книгою (изданіе Толстовскаго О-ва въ Спб., цѣна 3 рубля). Это тщательно проредактированное Б. Л. Модзалевскимъ изданіе, со множествомъ детальныя комментаріевъ бібліографическаго и біографическаго характера, составляетъ превосходный и научно цѣнный вкладъ въ литературу о Толстомъ. Книга содержитъ свыше 70 писемъ и записокъ Толстого за 1870—1892 гг. и около 200 писемъ Страхова за 1881—1894 годы. При этомъ, однако, не перепечатаны письма Толстого къ Страхову, вошедшія во второй томъ бирюковской біографіи Толстого, и значительная часть переписки остается до сихъ поръ неизвѣстною.

Самъ Л. Н. признавалъ свою переписку со Страховымъ особенно интересною для тѣхъ, кто интересуется имъ самимъ. Ихъ связывала 25-лѣтняя дружба. Страховъ былъ полонъ настоящаго, всегда неизмѣннаго преклоненія предъ личностью и творче-

ством Толстого. Онъ одинъ изъ первыхъ, если не первый, опредѣлилъ міровое значеніе Толстого, и не безъ основанія гордился своей осмѣянной въ свое время «критической поэмой» о «Войнѣ и мирѣ». Эта преданность въ свою очередь вызывала со стороны Толстого чувства рѣдкаго, по прочности, расположенія и серьезнаго уваженія къ Страхову, какъ это и видно изъ всей переписки.

Содержаніе ея—обмѣнъ мнѣній по разнообразнѣйшимъ вопросамъ моральной, религіозно-философской, социальной и общественно-политической жизни. Здѣсь, начиная отъ самаго перваго письма Толстого (1870 г.), въ которомъ онъ говоритъ о проституткахъ, какъ «магдалинахъ»—спасительницахъ семьи отъ разложенія («мнѣ кажется, что этотъ классъ женщинъ *необходимъ* для семьи, при теперешнихъ усложненныхъ формахъ жизни»), можно прослѣдить всѣ уклоны и порывы безпокойной, бросающейся въ разныя стороны мысли Толстого.

Письма Страхова, помимо рѣчи о произведеніяхъ Толстого и о немъ самомъ, богаты разнообразными свѣдѣніями о текущей литературной и частью общественно-политической жизни, не говоря о матеріалѣ для изученія самого Страхова, общей и безпристрастной оцѣнки котораго, какъ публициста и критика, у насъ пока нѣтъ. Кажется, надо признать наиболѣе справедливымъ самоопредѣленіе въ одномъ изъ писемъ Страхова: «Не имѣя почти вовсе творчества, я имѣю очень большую способность пониманія».. «Но все, писанное Страховымъ, прошло безслѣдно, такъ какъ это была только *критика*, только анализъ, а положительнаго тутъ ничего не было, не было—*проповѣди*» (письмо 10). Эта холодность писательскаго темперамента мѣшала въ значительной степени Страхову при опредѣленіи иныхъ людей и явленій. О Некрасовѣ онъ, напр., пишетъ, что не хотѣлъ бы, чтобъ Л. Толстой отдалъ ему въ «Отечественныя Записки» «Анну Каренину»: «никакъ не могу желать усиливать то направленіе, которому онъ (Некрасовъ) служить отчасти по личному настроенію, но большей частью по лукавству и невѣжеству» (письмо 17). Въ этомъ же письмѣ Страховъ очень возмущается тѣмъ, что тогдашней молодежи (1874-й годъ: студенческія волненія, движеніе «въ народъ») «внушенъ фанатизмъ и энтузіазмъ нелѣпѣйшій».

По письмамъ Страхова можно шагъ за шагомъ слѣдить о впечатлѣніяхъ, какія производила, напр., «Анна Каренина» по мѣрѣ печатанія романа въ журналѣ «Русскій Вѣстникъ», и подобныя литературныя событія времени всѣ болѣе или менѣе ярко отразились въ перепискѣ.

Очень интересенъ, напр., и характеренъ для обоихъ корреспондентовъ обмѣнъ мнѣній по поводу смерти Некрасова. Она «поразила» Толстого: «мнѣ жалко было его не какъ поэта, тѣмъ менѣе какъ руководителя общественнаго мнѣнія, но какъ характеръ, который и не попытаюсь выразить словами, но понимаю совершенно и даже люблю не то, что любовью, а любованьемъ». Изъ другихъ источниковъ извѣстно, что Толстой очень цѣнилъ въ Некрасовѣ полное отсутствіе желаній себя прикрашивать предъ кѣмъ бы ни было. Похороны Некрасова показались Страхову «странными», малолюдными (?), въ рѣчахъ и во всемъ полными

фальши, и такими же издали казались они и Толстому: «какъ будто не только некрасовская слава, но слава всѣхъ великихъ людей, собранная на одну голову, могла бы быть прилично упомянута надъ трупомъ!» и онъ добавляетъ: «о Некрасовѣ я недавно думалъ. По-моему его мѣсто въ литературѣ будетъ мѣсто Крылова. То же фальшивое простонародничанье и та же счастливая карьера—потрафилъ по вкусу времени—и то же невыработанное и немогущее быть выработаннымъ настоящее присутствіе золота, хотя и въ малой пропорціи и въ неподлежащей очищенію смѣси».

Это же письмо (28 янв. 1878 г.) посвящено крайне характерной исповѣди Толстого о томъ, почему онъ принималъ въ тотъ моментъ всю религіозную традицію массъ въ одномъ, а въ другомъ рѣшительно боролся во имя того же голоса сердца, который заставлялъ сперва принимать традицію, а потомъ заставилъ и вполне разорвать съ нею. Въ сравненіи съ этимъ небрежно, темно набросаннымъ, но проникновенно взволнованнымъ письмомъ, характеризующимъ переломный моментъ настроеній Толстого, разсужденія Страхова, обычно впадающаго въ тонъ собесѣдника, вялы, безжизненны и ненужны... Очень сурово, но вѣрно говорить Толстой, что онъ все время ждетъ, что Страховъ куда-то ушелъ далеко по имъ же намѣченной дорогѣ, а при свиданіи или при новомъ письмѣ «къ удивленію, нахожу васъ на томъ же мѣстѣ»... (письмо 75).

Въ дальнѣйшихъ письмахъ конца 70-хъ годовъ много говорится о приготовленіяхъ Толстого къ роману изъ временъ Петра Великаго. Иногда весьма любопытны замѣтки и сообщенія Страхова объ разныхъ общественно-политическихъ явленіяхъ и отдѣльных лицахъ.

«Когда я являлся къ Делянову (будущему министру народнаго просвѣщенія),—разсказываетъ, напр., Страховъ въ 179 письмѣ,—онъ выразилъ мнѣніе о необходимости вѣшанія. Я попробовалъ обратиться къ его христіанскимъ чувствамъ; отвѣчая мнѣ, онъ сказалъ, что, подписывая приговоръ Верховнаго суда (надъ Соловьевымъ), онъ не чувствовалъ ни малѣйшаго затрудненія, и показалъ рукою, какъ онъ легко сдѣлалъ подпись. «Нѣтъ у него живого воображенія Льва Николаевича,—подумалъ я». Черезъ Страхова шло извѣстное письмо Льва Толстого къ императору Александру III о помилованіи убійцъ Александра II. «Казнь и слухи о ней были очень тяжелы,—замѣчаетъ, между прочимъ, Страховъ.—Сегодня я случайно заглянулъ въ газеты и, признаюсь, разсердился на безсердечную наглость, съ которою эксплуатируется событіе 1 марта. Нѣтъ, добра ждать невозможно» (156). Однако, въ своемъ отвращеніи къ «нигилизму», обличаемому съ точки зрѣнія «народныхъ идеаловъ», Страховъ не нашелъ сочувствія со стороны Толстого. Отказываясь стать на точку зрѣнія этихъ «идеаловъ», Л. Н. писалъ, между прочимъ: «богачу—красть, старому—лгать, недолго мнѣ осталось жить, чтобы не говорить прямо всю правду людямъ, которыхъ я люблю и уважаю, какъ васъ»...

Въ письмахъ 182 и 183 отъ 28 ноября и 12 декабря 1883 года Страховъ далъ всѣмъ уже извѣстный (по безчисленнымъ цитатамъ

въ газетахъ) портретъ Достоевскаго съ его изнанки, портретъ, въ которомъ собрано все, что только можно было собрать оскорбительнаго и грязнаго объ авторѣ «Карамазовыхъ». Здѣсь Страховъ точно отвелъ душу послѣ своей статьи о Достоевскомъ, въ которой намѣренно говорилъ только о достоинствахъ его. Это совершенно искусственное раздѣленіе внесло и въ ту, и другую характеристику Достоевскаго рѣзкое внутреннее противорѣчіе, непримиренное въ цѣльномъ живомъ образѣ человѣка. При оцѣнкѣ этихъ, ставшихъ скандально извѣстными, писемъ Страхова, должно еще имѣть въ виду, что Висковатовъ, передававшій Страхову гнусную похвалу Достоевскаго, сколько намъ извѣстно, не пользовался репутаціей человѣка безупречной правдивости...

Начиная съ конца семидесятыхъ и чрезъ восьмидесятые годы, въ письмахъ Страхова проходитъ вся исторія писаній Толстого, съ точки зрѣнія впечатлѣній, произведенныхъ ими на самого Страхова и на разныхъ близкихъ ему людей, что даетъ много матеріала для сужденій о вліяніи и впечатлѣніи этихъ произведеній на общество. Очень интересны и свѣдѣнія объ отношеніяхъ къ Толстому въ высшемъ правительственномъ кругу, съ которыми Страховъ имѣлъ кое-какія точки соприкосновенія. «Почти первое слово объ Васѣ,—сообщаетъ Страховъ въ письмѣ отъ 14 іюня 1891 года:—«Какъ онъ смѣетъ проповѣдывать!» У васъ отнимаютъ самое неотъемлемое и самое простое и невинное право каждаго человѣка».

Въ письмахъ Толстого послѣднихъ лѣтъ переписки, на ряду съ настроеніями мудреца-созерцателя, все время рѣзко пробиваются тѣ чувства, которыя заставили его съ головою броситься на борьбу съ голодомъ и диктовали ему протесты политическаго характера. Таково, напр., письмо 26 апрѣля 1892 изъ Бѣгичевки, въ которомъ Толстой даетъ своего рода политическую программу-минимумъ для подъема народнаго благосостоянія: «Да только перестаньте хоть на одинъ годъ спаивать его, одурять его, грабить и связывать его, и посмотрите, что онъ сдѣлаетъ и какъ онъ достигнетъ того благосостоянія, о которомъ вы и мечтаете не смѣете. Уничтожьте выкупные платежи, уничтожьте земскихъ начальниковъ и розги, уничтожьте... государственную, т.-е. дайте полную свободу вѣры, уничтожьте обязательную воинскую повинность, а набирайте вольныхъ, если вамъ нужно, уничтожьте, если вы правительство и заботитесь о народѣ, водку, запретите—и посмотрите, что будетъ съ русскимъ народомъ черезъ 10 лѣтъ»...

Нельзя не пожелать скорѣйшаго разысканія недостающихъ частей этой любопытнѣйшей переписки.

Какъ дополненіе къ перепискѣ Толстого и Страхова должно мимоходомъ отмѣтить первый томъ книги «Литературные изгнанники» В. В. Розанова (Спб.). Большая часть книги состоитъ изъ писемъ Страхова и нѣсколькихъ замѣтокъ о немъ г. Розанова. Въ письмахъ Страхова говорится не разъ о Толстомъ. Всѣ письма сопровождаемы обширными примѣчаніями г. Розанова, представляющими весьма своеобразный интересъ ругательной сводки счетовъ съ непріятными г. Розанову лицами, писателями

и даже съ учрежденіями («университетъ Шанявскаго съ $1\frac{1}{2}$ нигилистами, читающими тамъ «всѣ науки». Стр. 317). Но этого добра лучше, пожалуй, не касаться. Одно-два письма Страхова очень интересны, какъ изображеніе людей, ратовавшихъ правдами и неправдами противъ Л. Толстого. Вотъ, напр., отзывъ въ одномъ письмѣ о К. Леонтьевѣ, полемизировавшемъ съ Толстымъ. Страховъ пишетъ 22 апр. 1892 г.: «О Леонтьевѣ я все (въ примѣчаніи г. Розановъ поясняетъ, что рѣчь о приверженности къ содоміи, будто бы «личной особенностями первыхъ геніевъ человѣчества») очень хорошо зналъ, но не хотѣлъ говорить Вамъ; знаете: *de mortuis etc.* Вотъ онъ Васъ обольстилъ своимъ умомъ и своею эстетичностью; между тѣмъ это одно изъ отвратительныхъ явленій. Религія, искусство, патріотизмъ,—самые высокіе предметы вдругъ подчиняются самымъ низменнымъ стремленіямъ, развратной жаждѣ наслажденія и услажденія себя. И все это получаетъ особый оттѣнокъ; въ религіи—«священное волшебство», какъ прекрасно выразился арх. Антоній, и сладострастная борьба между грѣхомъ и страхомъ; въ наукѣ—диллетантизмъ съ подчиненіемъ любимымъ цѣлямъ; въ искусствѣ—услажденіе всякою пакостью, мужеложствомъ, роскошью, всякою внѣшнею красотою; въ патріотизмѣ—мечтанія объ аристократіи, о всякой власти и гордости и т. п.—Мнѣ извѣстно не мало людей подобнаго направленія; таковы—процвѣтающіе до сихъ поръ кн. Мещерскій, поэтъ Апухтинъ и пр. Другіе идутъ въ эту же сторону, но на полпути удерживаются совѣстью и умомъ. Лучше не буду никого называть. Меня очень возмущаетъ это нравственное уродство, и я съ нимъ никакъ не въ силахъ помириться. И подобные господа осмѣливаются нападать на Л. Н. Толстого и выставять его заблудившимся и вреднымъ. Эти сгнившіе сифилитики приходятъ въ ужасъ отъ человѣка, у котораго иногда на полчаса высыпаетъ крапивная лихорадка».

Какъ видно изъ переписки, Страховъ протестовалъ противъ нашумѣвшей въ свое время статьи г. Розанова, обращенной къ Л. Толстому на «ты» и требовавшей отъ него въ навязчивомъ тонѣ отчета въ его вѣрованіяхъ... Объ отношеніяхъ къ Толстому Страхова говорится и въ заключительной главѣ книги. Кромѣ Страхова, она посвящена письмамъ Ю. Н. Говорухи-Отрока.

Содержательную и вдумчивую попытку дать цѣльный образъ духовной личности Толстого сдѣлалъ г. Н. Тимковскій въ книгѣ «*Душа Л. Н. Толстого*» (Книгоиздательство писателей въ Москвѣ стр. 178, ц. 1 р.). Вполнѣ правильно поставленная авторомъ задача,—показать, какъ въ живой личности Толстого боролись и примирялись противорѣчивыя начала,—потребовала тщательнаго и внимательнаго изученія всѣхъ писаній Толстого. Тонъ книги показываетъ, что эта задача захватила автора, какъ личное душевное дѣло, какъ исканіе въ загадкѣ души великаго писателя и человѣка рѣшеній вѣчныхъ вопросовъ человѣческой души. Личное знакомство и обаяніе Толстого было для г. Тимковскаго лишь однимъ изъ стимуловъ къ болѣе вдумчивому отношенію къ вопіющимъ противорѣчіямъ міропониманія и міроотношенія Толстого. Объясненіе имъ авторъ нашелъ въ признаніи, что корни жизни, вообще, лежатъ не въ разсудочномъ

сознаніи человѣка, а въ подсознательномъ, въ органическихъ стремленіяхъ, симпатіяхъ и антипатіяхъ личности. «Въ живомъ образѣ Толстого, кромѣ мыслей, составившихъ его ученіе, я чувствую глубокую, далеко не вполне проявленную душу; вижу, какъ всю жизнь порывается она раскрыться, и передъ этими упорными, героическими усиліями забываю о всѣхъ ошибкахъ и пробѣлахъ его ученія... Если Л. Толстой училъ, какъ рационалистъ, то жилъ... чувствовалъ и дѣйствовалъ, какъ человѣкъ интуиціи, вѣры... Да, намъ дорога самая живая индивидуальность Л. Толстого, формулы котораго получаютъ свой надлежащій смыслъ только при свѣтѣ ея» (стр. 150—151). Съ увлеченіемъ и убѣжденностью, переплетая цитаты съ личными воспоминаніями, г. Тимковскій и читателя заражаетъ своимъ увлеченіемъ творческою и неустанно напряженною духовною работою Л. Толстого. Превосходно написанная глава воспоминаній «Мое личное знакомство съ Л. Н. Толстымъ» (опубликованная, впрочемъ, уже нѣсколько лѣтъ назадъ) замѣчательна, между прочимъ, рѣзкою характеристикой пропасти между анемичнымъ и вялымъ толстовствомъ и самимъ Толстымъ, къ счастью никогда вполне не покорявшимся собственному уклону въ это «толстовство». Въ общемъ, видимо, г. Тимковскому, упорно и много думавшему о Толстомъ, нужно было написать эту книгу столько же для себя, сколько для другихъ, и это придаетъ ей особую интимность и трепетъ настоящаго живого слова о живомъ человѣкѣ, о живыхъ и нужныхъ вопросахъ человеческой души и жизни.

Въ послѣднія 25 лѣтъ жизни Толстого, она проходила, можно сказать, подъ стекломъ, подъ взорами всего свѣта, и въ этомъ общемъ вниманіи немалая доля его падала на его семейную жизнь. Недавно намъ пришлось рецензировать его переписку съ женою, вводящую читателя въ этотъ кругъ семейныхъ отношеній. Книга графа Ильи Л. Толстого «Мои воспоминанія» (М.Ц. 1 р. 50 к., съ мн. иллюстрац.) также вводитъ насъ въ интимную обстановку семьи Толстыхъ. Эти воспоминанія, первоначально появившіяся въ одной газетѣ, очень живо и тепло рисуютъ семейный уютъ дома въ Ясной Полянѣ. Помимо дѣтскихъ воспоминаній автора собственно о себѣ, интересныхъ, какъ отраженіе строя созданнаго въ домѣ, здѣсь много подробностей домашней жизни Толстого, частью, правда, уже извѣстныхъ по другимъ источникамъ, но многое появляется въ печати впервые. Очень оригинальна и жива глава «Почтовый ящикъ»: здѣсь приведены многія шуточные произведенія Толстого, стихи и пр. все, что писалось для забавы домашнихъ, сообща, и что рисуетъ Л. Н. съ мало извѣстной стороны, какъ юмориста. Въ книгѣ далѣе собираются отрывочныя мелочи, лишь иногда новыя, о крупныхъ людяхъ, въ разное время близкихъ Л. Н.—чу, о Фетѣ, Страховѣ, Ге, Тургеневѣ, Гаршинѣ.

Болѣе связныя воспоминанія начинаются съ періода восьмидесятихъ годовъ, перемежаемая письмами Л. Толстого къ сыну. Эта часть книги болѣе интересна и жива, и образъ Л. Н., его трудное положеніе въ семьѣ, катившейся по неуклонно налаженнымъ рельсамъ, встаетъ обвѣянный теплымъ и любовнымъ чувствомъ. Трогательны нѣкоторыя подробности о дочери Л. Н., Маріи Львовнѣ, со смертію которой, по замѣчанію гр. И. Л. Тол-

стого, Л. Н. «лишился единственного источника тепла, которое под старость лѣтъ становилось для него все нужнѣе и нужнѣе... Когда я узналъ о томъ, что мой отецъ 28 октября ушелъ изъ дому, я прежде всего подумалъ: «Если бы жива была Маша!»... Въ этой же главѣ упоминается о тайномъ дневничкѣ, который Л. Н. послѣдній годъ жизни велъ «только для себя» и никому его не показывалъ, пряча ото всѣхъ... въ голенищѣ сапога. «Всѣ остальные его дневники, въ которыхъ онъ записывалъ свои отвлеченныя (не личные) мысли и переживанія, имъ не убирались и лежали открыто на его столѣ. Ихъ читали всѣ, кто хотѣлъ, и не только читали, но нѣкоторые «друзья» увозили ихъ къ себѣ и переписывали. Изъ-за этого между моей матерью и «друзьями» возникла глухая и тяжелая борьба, кончившаяся тѣмъ, что отецъ завелъ себѣ этотъ новый, «свой дневничокъ». «Послѣ смерти отца—замѣчаетъ еще гр. И. Толстой,—я видѣлъ эту книжечку. Нельзя читать ее безъ слезъ»...

Послѣдній знаменитый «уходъ» Льва Николаевича его сынъ связываетъ въ своемъ разсказѣ непосредственно съ борьбою, въ которую Л. Н. былъ втянутъ изъ-за правъ на его сочиненія и завѣщаніемъ: «Не для того отецъ ушелъ изъ дому, чтобы осуществить свою мечту, а онъ ушелъ только для того, чтобы меньше было грѣха» (курсивъ гр. И. Тол.)... Но вся исторія послѣднихъ лѣтъ и дней жизни Л. Н. вскроется только въ будущемъ.

Изъ толстовской литературы за послѣдніе полгода обиліемъ сырого матеріала выдается «Толстовскій Ежегодникъ 1913 года», издание Общества Толстовскаго Музея въ С.-Петербургѣ и Толстовскаго Общества въ Москвѣ (Спб., цѣна 3 р.).

Книга открывается отдѣломъ «Писанія Л. Толстого». На первомъ мѣстѣ помѣщенъ законченный отрывокъ, представляющій первую схему «Крейцеровой сонаты», короткій и сжатый разсказъ, въ которомъ только намѣчены въ рѣзкой формѣ основныя черты повѣсти: женитьба по чисто животному мотиву, дисгармоничныя черты домашней жизни, сложившейся въ такомъ бракѣ, неизбежная животная ревность и дикая развязка ея. Въ этомъ вариантѣ выдвинутъ только самъ Позднышевъ, остальные лица едва намѣчены, но очень опредѣленны, какъ Позднышева—«звѣрь, какъ звѣрь, и хорошій звѣрекъ: ласковый, хитрый, красивый и умный. И вмѣстѣ жалкій звѣрекъ!»—и художникъ (замѣненный въ повѣсти музыкантомъ) «милый такой мальчикъ, одинъ изъ тѣхъ, которые поумнѣе, тѣ, которые и безъ женитьбы устраиваются»...

«Крейцеровой сонатѣ» въ той же книжкѣ «Ежегодника» въ отдѣлѣ «Статьи и матеріалы» посвящена любопытная замѣтка проф. И. Оршанскаго. Толстой не смотритъ на своего героя, какъ на человѣка ненормальнаго. Авторъ замѣтки, кратко анализируя поведение Позднышева и его психику, показываетъ, что «трудно найти въ исторіи преступленій, совершенныхъ въ состояніи болѣзненнаго аффекта, картину болѣе полную, болѣе яркую». Какъ во многомъ другомъ, борьба въ Толстомъ между гениальнымъ, непосредственно воспринимающимъ жизнь художникомъ, и мыслителемъ, рационализирующимъ жизненныя явленія, сказалась въ «Крейцеровой сонатѣ» съ особою яркостью. Схематическій разсказъ въ драмѣ Позднышева, данный въ вариантѣ «Крейцеровой

сонаты», въ сухихъ своихъ чертахъ довольно рѣзко подчеркиваетъ то же противорѣчіе. Очень интересно письмо о «Крейцеровой сонатѣ», принадлежащее извѣстной поэтессѣ А. П. Барыковой и помѣщенное въ одномъ изъ новыхъ томиковъ собранія сочиненій Толстого, которое выходитъ подъ редакціей А. М. Хирьякова (изданіе «Просвѣщенія» въ Спб.); въ изданіи этомъ, кстати сказать, въ примѣчаніяхъ редактора попадаются кое-какія новыя данныя о Толстомъ и его сочиненіяхъ. «Это не повѣсть, а обида,—писала Барыкова,—конечно, вполне заслуженная нами, скотами,—но все-таки немилосердная обида... Позднышевъ въ своей злобной и безпощадной къ себѣ и другимъ исповѣди умышленно выпустилъ изъ своего разсказа все, чѣмъ люди живы, несмотря на свою скотоподобность, все *человѣческое*, что не премѣнно и въ его скотоподобной жизни было (такъ, вѣроятно, было нужно автору, чтобы сильнѣе подѣйствовать на души читателей?). Вотъ отъ этого и вышла обида... А только мнѣ кажется, что можно было бы проповѣдывать христіанскую чистоту нравовъ и стремленіе къ дѣвственности и непорочности какъ-нибудь милостивѣе: «блаженъ иже и скоты милуетъ». Очень много ненависти и злобы въ этомъ разсказѣ, жалости и любви вовсе нѣтъ. Оттого и больно».

Въ отдѣлѣ «писаній» даны еще тексты завѣщаній Л. Толстого 1909—10 гг.; кромѣ того, исторія писанія завѣщанія разсказана въ отдѣлѣ воспоминаній въ замѣткѣ А. П. Сергѣенка. Разсказъ этотъ долженъ быть сопоставленъ съ тѣмъ, что сообщено въ книгѣ гр. Ильи Л. Толстого «Мои воспоминанія». Представляя собою одну изъ сторонъ, боровшихся около Л. Н. въ послѣдніе годы его жизни, г. Сергѣенко увѣряетъ, что онъ «ясно увидѣлъ по выраженію лица Л. Н.—ча, что хотя ему и тяжело было все это дѣло, но дѣлалъ онъ его съ твердымъ сознаніемъ нравственной необходимости. Въ Л. Н.—чѣ не видно было колебанія». Гр. И. Толстой справедливо указываетъ, что вся исторія конспиративнаго составленія завѣщанія сама по себѣ производитъ крайне тяжелое впечатлѣніе. Повидимому вѣрно, что въ глубинѣ души Л. Н. считалъ до конца это обращеніе къ суду и закону не только тяжелымъ, но и не нужнымъ дѣломъ...

Слѣдующій отдѣлъ «Ежегодника» составляютъ письма Толстого. Подборъ ихъ въ настоящемъ выпускѣ весьма односторонній. Больше всего мѣста занимаютъ письма къ В. Г. Черткову и П. И. Бирюкову за время 1884—1894 годовъ. Но это не полныя письма Толстого къ этимъ лицамъ за данный періодъ, а лишь извлеченія, касающіяся участія Л. Н. въ издательствѣ «Посредникъ», и примѣчанія къ нимъ. Извлеченія даютъ много матеріала для исторіи издательства, конечно, имѣвшаго нѣкоторое историческое значеніе въ ряду другихъ культурныхъ явленій 1880-хъ г.г. Много интереснаго извлеченія даютъ и для характеристики взглядовъ Л. Н. на народныя изданія. Но остается вопросомъ, не было ли бы предпочтительнѣе читателямъ прочесть письма полностью, а не въ извлеченіяхъ. Къ письмамъ приложены также кое-какіе матеріалы для характеристики «Посредника» въ періодъ участія въ дѣлѣ Л. Толстого, и снимки съ иллюстрацій Рѣпина и Кившенка и др., которыя печатались на обложкахъ толстовскихъ книжечекъ «Посредника».

Въ томъ же отдѣлѣ напечатано еще нѣсколько незначительныхъ писемъ Толстого къ разнымъ лицамъ, раздѣлявшимъ или пытавшимся на дѣлѣ осуществлять его воззрѣнія. Такимъ образомъ этотъ отдѣлъ носить довольно опредѣленный характеръ, выдержанный и въ слѣдующемъ отдѣлѣ: все связано съ опредѣленнымъ кругомъ «толстовствовавшихъ» друзей Л. Н. Таковы довольно обширныя воспоминанія Ю. О. Якубовскаго: «Л. Н. Толстой и его друзья. За 25 лѣтъ (1886—1910)», выдержки изъ дневника В. Г. Черткова, упомянутая замѣтка г. А. Сергѣенка.

Въ отдѣлѣ «Статьи и матеріалы», кромѣ вышеотмѣченной статьи проф. Оршанскаго, на первомъ мѣстѣ находимъ обстоятельныя статьи г. К. Шохоръ-Троцкаго о Сютаевѣ и Бондаревѣ, извѣстныхъ сектантахъ, съ которыми былъ близокъ Толстой, и матеріалы для характеристики этихъ лицъ (въ томъ числѣ нѣсколько писемъ Толстого къ Бондареву). Отмѣтимъ еще замѣтку г. Хирьякова, который знакомитъ съ нѣкоторыми результатами предпринятой имъ анкеты «о вліяніи Л. Н. Толстого». Мысль этой анкеты, конечно, заслуживаетъ большого вниманія: при оцѣнкѣ литературныхъ вліяній на жизнь всегда руководятся преимущественно субъективными взглядами критики, желателенъ по возможности точный учетъ объективныхъ фактическихъ данныхъ. Г. Хирьяковъ и надѣется собрать такія объективныя данныя въ видѣ признанія разнообразныхъ читателей о положительномъ или отрицательномъ вліяніи на нихъ чтенія произведеній Толстого. По настоящее время получено нѣсколько сотъ писемъ. Изъ нихъ приведены два-три письма, дѣйствительно, любопытныхъ, характеризующихъ сердечные отклики на проповѣдь Толстого въ низахъ. Анкета не закончена, и г. Хирьяковъ общааетъ свести результаты ея въ отдѣльной книгѣ. Общаемая книга можетъ имѣть значеніе не только для оцѣнки вліянія Толстого, но и для характеристики пробуждающейся въ разныхъ общественныхъ слояхъ умственной и моральной работы сознанія.

Заключительный отдѣлъ книги «Хроника и библіографія», какъ въ прежнихъ выпускахъ «Ежегодника», довольно богатъ. Въ общемъ, при несомнѣнномъ интересѣ этого выпуска, можно высказать пожеланіе, чтобы послѣдующіе составлялись съ болѣе широкимъ разнообразіемъ: художественная литературная дѣятельность Толстого затронута въ выпускѣ на 1913 г. слишкомъ мало сравнительно со вниманіемъ къ Толстому, какъ къ моралисту и учителю.

Отмѣтимъ въ заключеніе путеводитель по Ясной Полянѣ, только что выпущенный Толстовскимъ Обществомъ въ Москвѣ («Ясная Поляна. Краткое описаніе и свѣдѣнія для посѣтителей»). Съ картой, 4 планами и 5 фототипіями, 64 стр. въ переплетѣ, цѣна 60 коп.). Книжечка содержитъ необходимыя для туристовъ указанія для поѣздки въ Ясную Поляну и даетъ подробныя свѣдѣнія объ имѣніи, домѣ Л. Толстого, его библіотекѣ, о деревнѣ и окрестностяхъ Ясной Поляны и могилѣ Л. Н., мѣстѣ паломничества. Это полезное и довольно изящное изданіе заканчивается справедливымъ напоминаніемъ, что обязанность сохранять въ цѣлости то мѣсто, гдѣ жилъ и похороненъ Левъ Толстой, лежитъ на всемъ русскомъ обществѣ.

Ч. Вятринскій.

1794 годъ.

Владиславъ Реймонтъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ИНСУРРЕКЦІЯ.

ГЛАВА I.

Домъ Зарембовъ въ Грабовѣ еще спалъ.

Но въ людской уже былъ свѣтъ и слышалось пѣніе.

Громадная низкая комната, вся черная отъ копоти, была залита золотымъ сіяніемъ. Въ каминѣ ярко пылалъ огонь, еловая полѣнья весело трещали, искры сыпались у полукруглой скамьи, гдѣ за жужжащими веретенами сидѣли пряжи, суча льняныя нитки. Панна Бися въ бѣломъ чепчикѣ съ голубыми оборками, въ роговыхъ очкахъ на большомъ носу, утопая въ глубокомъ креслѣ, монотонно пѣла ектинію Богородицѣ, а визгливый хоръ дѣвушекъ сонно повторялъ:

«Помилуй насъ».

Въ сосѣдней комнатѣ плакалъ ребенокъ, лежавшій передъ огнемъ собаки протяжно зѣвали, а веретена гудѣли, вертясь по полу.

— Юранка, нитка пухнетъ, — замѣтила панна Бися, не переставая пѣть.

Босой, взѣрошенный работникъ въ тулупѣ съ размаха бросилъ передъ каминомъ вязанку дровъ и сѣлъ на его кирпичномъ выступѣ.

Скучно и долго, какъ песчаная дорога въ знойный полдень, тянулось пѣніе. Огонь разливалъ пріятную теплоту, а мухи такъ

сонно жужжали среди подвѣшенныхъ къ потолку пучковъ чернобыльника, что сонъ овладѣвалъ пряжами и то одна, то другая тыкала носомъ въ пряжу.

— Что вы ночью дѣлали, коли теперь засыпаете? — раздался грозный окликъ.

Парень заржалъ, у пряжъ быстрѣе завертѣлись веретена, а старая стряпуха Матвѣиха, бой-баба, любившая уколоть всякаго, прошептала:

— По ночамъ мѣсяцъ свѣтитъ, всякой хочется наглядѣться на него вдоволь.

Панна Бися строго взглянула на нее, но вмѣсто того, чтобы прикрикнуть, сказала:

— Бѣги которая-нибудь поглядѣть, не всталъ ли старшій паничъ. Пусть Викто идетъ, — рѣшила она, такъ какъ сразу вскочило нѣсколько дѣвушекъ.

— Всѣмъ меду хочется, — прошипѣла Матвѣиха. — Да не про васъ писано.

Съ какой-то особенной торжественностью Викто доложила, что въ комнатѣ панича еще тихо.

— А хорошо ли ты прислушалась? — недовѣрчиво допрашивала панна Бися.

— Она за десять деревень солдата почуетъ.

— Малгося, приналягъ, а то поешь точно изъ милости, не обманывай Бога, — замѣтила панна Бися, строго взглянувъ изъ-подъ очковъ. — Сидоръ, не спи, лѣнтяй этакій, пой и ты.

Работникъ такъ заревѣлъ, что куры гдѣ-то закудахтали, а пряжи расхохотались.

— Ты такъ же годишься въ пѣвчіе, какъ козій хвостъ въ трубаки, — заявила стряпуха.

— А ты столько же смыслишь въ этомъ, какъ старая кочерга въ богослуженіи, — отрѣзалъ Сидоръ.

— Тише, — крикнула панна Бися и продолжала славословить Богородицу.

— Помилуй насъ, — отвѣчалъ хоръ.

Изъ-подъ потолка выпорхнула сорока и стала тыкать носомъ въ жужжавшія веретена, откуда-то появилась рыжая бѣлка и, вскочивъ на плечо паничъ Бисѣ, начала вытирать мордочку объ ея чепчикъ, вслѣдъ за ней выползла ручная выдра, извиваясь, подкралась къ ногамъ панны и, дождавшись, чтобы ее приласкали, бросилась на одну изъ собакъ и среди ужаснаго воя, визга и смѣха выѣхала на ней въ сѣни.

Такъ какъ въ окнахъ уже поблѣло отъ разсвѣта, панна

Бися, оставивъ вмѣсто себя Матвѣиху, пошла хозяйничать съ бѣлкой на плечѣ.

Домъ былъ большой, со множествомъ пристроекъ и каморокъ. Въ сѣняхъ и большихъ комнатахъ пахло лавендой и было еще темно. Она шла ощупью, попадая безошибочно къ нужнымъ ей дверямъ, въ однѣ она осторожно стучала, у другихъ желала добраго утра, или журила за позднее вставаніе, сообщая, что «капуцинъ» предсказываетъ хорошую погоду. По пути она выбранила буфетчика, попало и псарю на крыльцѣ. Затѣмъ, послѣ продолжительнаго совѣщанія съ поваромъ относительно сегодняшняго обѣда, она заглянула въ комнату панны, завѣдывавшей буфетомъ.

Неубранная постель была еще тепла, но дѣвушки не было. Панна Бися грозно нахмурилась.

— Доиграется она! Ну, а если панъ мечникъ узнаетъ объ этомъ, Господи, Боже мой, — она даже руки подняла кверху, — вѣдь говорила же я ей, увѣщевала ее, какъ порядочную, — шептала она, какъ бы оправдываясь уже передъ мечникомъ, и тяжелыми шагами направилась во второй этажъ, къ двери угольной комнаты, которую занималъ Северъ.

Съ бьющимся сердцемъ стала она прислушиваться, но, ничего не услышавъ, перекрестила дверь и отошла на цыпочкахъ, чтобы не разбудить своего любимца, который былъ ей дороже всего на свѣтѣ, дороже зеленого попугая изъ саксонскаго фарфора, подареннаго крестной матерью, дороже флорентинской соломенной корзинки, полученной въ день ангела отъ жены мечника, дороже даже серебрянаго крестика, единственнаго наслѣдія послѣ родителей.

— Пусть мальчикъ отдыхаетъ, — вздохнула она и направилась въ кладовую, чтобы отпустить ожидавшему у запертой на замокъ двери поваренку необходимые припасы.

Между тѣмъ Северъ давно уже сидѣлъ передъ конюшней и курилъ трубку.

Петрокъ свѣтилъ, держа фонарь, а Матвѣй чистилъ привязанныхъ къ столбу лошадей, и рассказывалъ чудеса про своихъ жеребцовъ, то и дѣло вытягиваясь во фронтъ и подымая къ виску руку со скребницей.

Было еще темно, утро было холодное и тихое. На лугахъ лежала сѣрая пелена тумана, на холмахъ виднѣлись темныя очертанія лѣса, на безконечныхъ поляхъ изрѣдка торчали деревья, похожія на застывшіе столбы чернаго дыма. Но на востокѣ небо уже казалось стекляннымъ, оно позеленѣло, покрылось фіолетовыми полосками, и наконецъ залилось горячимъ заревомъ

приближавшагося солнца. Во дворѣ началось движеніе, люди сутились, носили зеленый кормъ коровамъ, колодцы и двери сараевъ скрипѣли, слышался могучій басъ эконома: — Выходи, выходи! — На рѣчкѣ, еще окутанной мглою, стучала мельница, изъ деревни доносились голоса и долетали струйки дыма.

— Смѣю спросить, господинъ поручикъ, лошадей подковать?

— Подковать. Выѣдемъ завтра чуть свѣтъ. Жаль тебѣ уѣзжать, а?

— Э—э, — вытянулся онъ во весь ростъ, сдѣлавъ презрительное лицо, — смѣю доложить, я готовъ итти хоть сейчасъ.

— Что такъ торопишься? Говорятъ, Викто тебѣ тутъ приглянулась. — Заремба свистнулъ на собакъ.

Цѣлая свора выпущенныхъ изъ псарни гончихъ подбѣжала къ нему съ радостнымъ визгомъ.

— Солдату во время передышки всякая юбка хороша, — отвѣтилъ тотъ, заплетая гривы жеребцамъ. — Но, что бы ни было, на войнѣ все же лучше, чѣмъ за плугомъ и волами, подъ кнутомъ эконома. Я это понялъ и такъ полагаю...

— Какъ бы ты, такъ полагая, не получилъ по шеѣ отъ управляющаго.

— Смѣю доложить, онъ ужъ грозитъ намъ, что, какъ только вернемся съ войны, заставить насъ пахать и палкой выбьетъ изъ насъ солдатскую дурь. Какъ же это возможно? Вѣдь мы же солдаты и у насъ есть своя солдатская честь.

Онъ глядѣлъ испуганно.

— Кто служитъ Рѣчи Посполитой, тотъ свободенъ, — я ужъ говорилъ тебѣ это.

Цѣлуя его руку Матвѣй, прошепталъ:

— По нашимъ деревнямъ многіе просятся въ кантонисты. Они по глупости проболтались эконому и получили плети, управляющій же объявилъ, что всякаго, кто уйдетъ, онъ разыщетъ и велитъ избить... А хороши они были бы въ нашей батарее, отборный народъ! Сегодня ночью опять приходили къ Кацперу ходаки изъ-подъ самаго Люблина узнать насчетъ свободы, правда ли это?

— Правда. Кто по доброй волѣ пойдетъ въ солдаты, тому навѣки вѣчные будетъ дана свобода и земля. Уже сколько разъ я говорилъ тебѣ это.

— Значитъ, будетъ такъ, какъ теперь во Вронкахъ или Семятычахъ.

— И какъ, дасть Богъ, будетъ во всей Рѣчи Посполитой.

— Слушаю! — выпрямился онъ, хлопнулъ рукой въ високъ, но продолжалъ стоять передъ Зарембой.

— Что еще? Говори смѣло!

— Значить къ примѣру тѣ пятнадцать морговъ, которые пахаль мой отецъ...

— Будутъ твои.

Лицо Матвѣя радостно засіяло, глаза засверкали, отойдя по правиламъ, онъ продолжалъ чистить лошадей, а по толстому, скуластому лицу его одна за другой текли слезы.

Северъ всталъ и, окруженный собаками, направился къ дому.

День уже наступилъ, туманы поднялись съ луговъ и, какъ дымомъ заволокли землю, рѣдкой, сѣрой пеленой, такъ что съ трудомъ можно было различить темные силуэты деревьевъ и строеній. Вереницей тянулись на пашню волы съ плугами, ревъ скота наполнялъ воздухъ, гдѣ-то въ туманѣ блеяли овцы и отрывисто лаяли овчарки.

Медленно шелъ Северъ. Встрѣчные рабочіе и крестьяне покорно кланялись ему, цѣловали его рукавъ, и обнимали колѣни. Онъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ и любовью. На него всѣ смотрѣли съ благоговѣніемъ, всѣ дворовыя дѣвки были въ него влюблены, рабочіе пошли бы за нимъ на край свѣта. Онъ не былъ слишкомъ доступенъ и сентименталенъ, наоборотъ былъ даже строгъ и требователенъ, но всѣ эти массы людей, жившихъ въ постоянномъ трудѣ, знали, что онъ никогда никого не обидѣлъ и ихъ благодарные взгляды съ нѣмымъ благословеніемъ ложились къ его ногамъ. Кромѣ того по всему Грабову ходили о немъ всевозможные слухи, фантастическіе рассказы о его военныхъ подвигахъ, и о томъ, какъ его цѣнилъ самъ король, наконецъ шопотомъ передавались радостныя вѣсти объ отмѣнѣ крѣпостного права, благодаря его настояніямъ. За него всѣ горячо молились, онъ былъ ихъ убѣжищемъ, ихъ единственной надеждой на лучшее будущее.

А Заремба, глядя на ихъ радостныя лица и встрѣчая преданные взгляды, мечталъ о всеобщемъ счастьи, о жизни, согласной съ законами природы и принципами гуманности, объ увеличеніи числа гражданъ и защитниковъ Рѣчи Посполитой. Онъ съ улыбкой встрѣчалъ всякаго крестьянина, для женщинъ же у него всегда находились добрыя слова о ихъ дѣтяхъ, хозяйствѣ и заботахъ. Онъ шелъ все медленнѣе, радуясь своимъ надеждамъ и ожиданіямъ и наслаждаясь этимъ сентябрьскимъ днемъ.

Изъ-за лѣсовъ уже выглянуло солнце и залило весь міръ своими красными лучами, птицы подняли крикъ, ласточки заметались въ воздухѣ, а съ полей, еще покрытыхъ туманами, доносилось пѣніе рабочихъ и ревъ скота. Прохладный вѣтерокъ коснулся

его разгоряченнаго лица, деревья осыпали его каплями росы какъ дождемъ, а солнце заглянуло ему въ глаза.

— До завтра! — подумалъ онъ, — и, можетъ быть, уже никогда глаза мои не увидятъ этихъ мѣстъ. Можетъ быть, никогда!

Онъ вздрогнулъ, неожиданно явившіяся мысли затмили передъ нимъ все окружающее и наполнили душу его безпокойствомъ. Онъ быстро повернулъ домой.

Громадныя ворота, всегда открытыя настежъ, вели въ большой дворъ, поросшій травой и обсаженный высокими пирамидальными тополями. Посреди зеленаго ковра подымался цѣлый холмъ необыкновенно высокой бѣлой сирени. Съ другой стороны на небольшомъ возвышеніи стоялъ домъ. Шесть толстыхъ столбовъ подпирали крыльцо и нависшій надъ нимъ мезонинъ. Низкія бѣлыя стѣны были прорѣзаны длинными рядами оконъ, крыша поднималась уступами, какъ гора, и была покрыта мохомъ и новыми заплатами изъ гонта. По бокамъ дома тянулись длинные флигеля, почти совсѣмъ скрытые отъ глазъ низкими вѣтвями липъ, росшихъ передъ окнами. Въ одномъ флигелѣ помѣщалась кухня и людская, другой былъ предназначенъ для домочадцевъ и гостей. Туда помѣстили и Кацпера на время болѣзни.

Ветхое, ободранное крыльцо вело въ большія, темныя сѣни, наполненныя всевозможной рухлядью.

Старыя слѣпыя собаки бросились къ Северу съ радостнымъ визгомъ. Въ то же время одна изъ дверей заскрипѣла, мелькнула юбка и исчезла раньше, чѣмъ Северъ успѣлъ что-либо разглядѣть. Онъ выглянулъ въ садъ; задѣтая на бѣгу вѣтви яблони еще колебались, но уже никого не было видно.

— Бонжуръ, государь мой, — крикнулъ изъ первой комнаты направо отецъ Гіацинтъ, монахъ ордена реформатовъ, домашній священникъ, жившій у Зарембовъ. Онъ стоялъ у окна и съ необыкновенной сосредоточенностью разбиралъ и сортировалъ рыжики, только что принесенные изъ лѣсу. Вокругъ стояли глиняные горшки.

— *In saecula saeculorum. Amen!* Я говорю тебѣ отборнѣйшіе изъ отборныхъ, погляди, потыкай носомъ. Будешь Бога благодарить. Панна Бися будетъ внѣ себя отъ радости. Не ожидаетъ она такого сюрприза. Хе, хе, хе—засмѣялся онъ, и его большое, бѣлое лицо, покоившееся на трехъ подбородкахъ, затряслось вмѣстѣ съ громаднымъ, свисшимъ до колѣнъ, животомъ.

Его брови были похожи на покрытые инеемъ кусты, носъ — на трубу, губы его были сжаты, голубые глаза выпуклы, а на лысой головѣ, надъ самой шеей, похожей на ряды толстыхъ колбасъ, виднѣлась едва замѣтная тонзура. Говорилъ онъ въ носъ,

какъ всѣ монахи — реформаты, употреблялъ множество латинскихъ словъ, былъ большой знатокъ винъ и, какъ никто, приготавлилъ медъ. Почетомъ онъ пользовался также за свое краснорѣчіе и образованность.

— Возьми-ка табакъ съ камина и понюхай, — снова заговорилъ онъ, — я уже подлилъ капель, и онъ ничѣмъ не хуже купленного у Страйкины въ Варшавѣ. Бартекъ, увалень, подай поручику стулъ. Вы тамъ, живо готовьте сѣти, — крикнулъ онъ въ сосѣднюю комнату. — Щуки вчера такъ прыгали у мельницы, что надо ихъ переловить. Что, хорошій денекъ? Пахнетъ, какъ хорошая водочка! Погляди-ка, сударь, на полки, какая батарея бутылочекъ стоитъ, наливочка на сливахъ, хе, хе, хе!

— Отецъ, у васъ только что была дворовая дѣвка?

— *Ex fructibus eorum cognoscetis eos*, — нахмурился монахъ и сталъ внимательно пересыпать рыжики солью и вдавливать ихъ руками въ горшки.

Вдругъ въ глубинѣ дома загремѣли тромбоны.

— Болванъ этотъ упражняется, — простоналъ отецъ Гіацинтъ. — Эй, сударь, перестаньте, а то трубы переломаю, — крикнулъ онъ.

— Видно готовится къ воскресному богослуженію.

— Пусть его черти возьмутъ на свою мессу. У меня отъ этой музыки печенка вспухла. Столько есть въ жизни благородныхъ занятій, а этотъ фармазонъ только и дѣлаетъ, что на трубѣ играетъ. Сомнѣваюсь, чтобы труба могла придать богослуженію великолѣпіе и доставить удовольствіе Господу Богу. Но панъ мечникъ любитъ этотъ вой и не мало денегъ тратитъ на это. *De gustibus...* — жаловался онъ, такъ какъ терпѣть не могъ пана Тшаску, учителя и мѣстнаго капельмейстера, съ которымъ расходился въ политическихъ убѣжденіяхъ.

— Значитъ, ты уѣзжаешь завтра?

— Отъѣздъ уже рѣшенъ, поѣду проститься съ дядей.

— А какъ же отецъ насчетъ отъѣзда? Не возражаетъ?

— Я подчиняюсь велѣніямъ родины, — твердо отвѣтилъ Заремба.

— *Dixi et animam salvavi*, — иронически проворчалъ монахъ.

Недовольный этимъ замѣчаніемъ, Северъ ничего не отвѣтилъ и перешелъ къ Кацперу на другую сторону сѣней.

Чистая, небольшая комнатка была плохо омеблирована. Въ воздухѣ пахло лѣкарствами. Лицо лежавшаго на подушкахъ Кацпера сіяло, глаза радостно свѣтились, на исхудалыхъ щекахъ

играль румянецъ, на головѣ бѣлѣла чистая повязка, за висѣвшую на стѣнѣ саблю были воткнуты какіе-то цвѣточки.

— Ну, какъ твоѣ здоровье? Не двигайся! — Заремба присѣлъ на кровать.

— Смѣю доложить, я уже пробовалъ ходить, но голова еще кружится.

— Какъ не кружиться послѣ такого удара, еще удивительно, какъ она у тебя на плечахъ держится.

— А мой противникъ уже землю ѣстъ, — похвастался Кацперъ.

— Я получилъ письмо и завтра уѣзжаю въ Варшаву. Срокъ возстанія перенесенъ на ноябрь, и это меня очень беспокоить.

— Тише ѣдешь, дальше будешь, — прошепталъ Кацперъ, поглядывая на цвѣты.

— Благопріятныя обстоятельства могутъ измѣниться, а ты лѣчись, чтобы скорѣй пріѣхать ко мнѣ.

— Я хотѣ сейчасъ готовъ ѣхать.

— Не ври, братъ, — засмѣялся Заремба, — ты бы радъ былъ остаться тутъ навѣкъ. Вѣдь тебя здѣсь балуютъ, вижу вотъ, что ксендзъ Гирсъ даже цвѣты тебѣ приносить.

Больной покраснѣлъ, какъ дѣвушка, и испуганно взглянулъ на Зарембу.

— Высоко, братъ, мѣтишь, но не въ томъ дѣло, только бы бабы сплетни не дошли до пана мечника. Въ этомъ я тебя защитить не смогу. Дося тебя любить? — спросилъ онъ напрямикъ.

Кацперъ вмѣсто отвѣта припалъ къ его рукѣ горячими губами.

— Не легко вамъ будетъ, да и не время теперь для любви, ты вѣдь знаешь, что насъ ждетъ. А кто служить дѣлу, для того оно должно замѣнить и мать, и отца, и возлюбленную. Тяжелъ и тернистъ путь защитника польской свободы. Надо итти безъ отдыха, не ослабѣвая. Помни это.

— Слушаю, господинъ поручикъ, — глаза его стали похожи на бездонную глубь.

Но Северъ перемѣнилъ разговоръ и, рассказавъ ему про рабочихъ, о которыхъ упоминалъ Матвѣй, пошелъ навѣстить старѣйшаго изъ Грабовскихъ домочадцевъ ротмистра Наленча, который занималъ двѣ комнаты со стороны сада.

Ротмистръ сидѣлъ передъ зеркаломъ въ бѣломъ халатѣ, совершая свой туалетъ. Долговязый парень въ ливрейной курткѣ, закинувъ гребень за ухо, натягивалъ на его лысую голову громадный сѣдой парикъ. Какой-то мальчуганъ чистилъ передъ печкой длинную саблю.

— Ротмистру мое нижайшее почтеніе, какъ здоровье?

— Хорошо, но языкъ бѣлый, и представь себѣ, оказывается, что это очень дурная примѣта, а Пирмонтской воды у меня больше нѣтъ, и пилюли всѣ вышли. Вотъ и горе.—Говорилъ я тебѣ, осель ты этакій, чтобы букли не развѣвались, какъ еврейскіе пейсы, заревѣлъ онъ на обомлѣвшаго отъ страха парикмахера, — видно, захотѣлъ опять плетей отвѣдать. А косичку заплети покрѣпче, теперь побрей меня и убирайся вонъ. Сегодня къ обѣду у насъ будутъ гости.

— Кто жъ это осчастливитъ своимъ посѣщеніемъ Грабовъ?

— Мщоновскій староста Пражмовскій съ женой и поручикомъ національной кавалеріи Рымкевичемъ. Я думаю, что это насчетъ Марыни.

— Но вѣдь отецъ рѣшилъ выдать ее за Петроконскаго? А что жена старосты, по прежнему, красивая парижская куколка?

— Прямо, какъ съ картинки, конфетка. — Скотина, вскрикнулъ онъ вдругъ отъ порѣза бритвой.

Парикмахеръ во-время отскочилъ въ сторону.

— Съ завтрашняго дня пойдешь навозъ ворочать, тебѣ свиней палить и скоблить, а не людей, — злился онъ, заклеивая порѣзанное мѣсто бумажкой, — Ясекъ, чисти, чтобы какъ зеркало блестѣла, — повернулся онъ къ мальчугану. — Ну, продолжай, осель, — проворчалъ онъ, подставляя щеки.

— Значитъ, парикъ, фіолетовый, расшитый золотомъ фракъ, атласные кюлоты съ лампасами, парчевый камзолъ, ленты и ордена — все это угрожаетъ добродѣтели жены старосты. Вы еще доиграетесь до чего-нибудь съ этими амурами. Староста-то вѣдь ревнивъ, какъ тигръ, — подшучивалъ Заремба, а старикъ отъ удовольствія сопѣлъ, хорохорился и хлопалъ руками по ляшкамъ.

— Онъ ужъ давно на меня дуется, еще съ тѣхъ поръ, какъ мы съ сыномъ воеводы Гоздзкаго оспаривали другъ у друга въ Люблинѣ какую-то хорошенькую мѣщаночку.

— Вы знали Гоздзкаго? О немъ рассказываютъ прямо невѣроятныя исторіи.

— Я съ нимъ много лѣтъ былъ очень друженъ; у меня есть его выточенный на кости портретъ и цѣлый сундукъ писемъ. Я бы могъ о немъ рассказать сотню необыкновенныхъ исторій. Это былъ первый рыцарь въ Польшѣ, а, можетъ быть, и послѣдній. Развѣ могутъ сравниться съ нимъ вашъ любимый князь Пепи, или Казимиръ Сапѣга, или Жевускій? Мерины, прикидывающіеся жеребцами. Одинъ только кастеланъ Понятовскій, отецъ Его Величества, могъ съ нимъ кое въ чемъ потягаться, но не былъ выше его. Гоздзкаго всѣ обожали, желаннымъ гостемъ былъ онъ

въ королевскихъ дворцахъ, многихъ женщинъ увлекъ онъ, многихъ мужей вызвалъ на поединокъ и убилъ, много бочекъ выпилъ, много ловкихъ штукъ выкинулъ, а сколько золота расшвырялъ, того и счесть невозможно. Теперь, говорятъ, онъ гдѣ-то около Перемышля лежитъ на теплой печи и Богу молится. *Sic transit gloria mundi*. А я безъ хвастовства и сейчасъ еще готовъ на все — засмѣялся онъ, подымаясь съ мѣста и, сбросивъ туалетный халатъ, съ гордостью показалъ Зарембѣ всю свою стройную фигуру. Этотъ почти столѣтній старикъ держался прямо, движенія его были упруги и гибки, его худое лицо съ большими темно-голубыми глазами было красиво. Въ свое время ротмистръ кирасировъ при дворѣ Августа III, онъ былъ извѣстнымъ кутилой и безобразникомъ, мастерски владѣлъ саблей и громче всѣхъ кричалъ въ Рѣчи Посполитой. И теперь еще, несмотря на старческій возрастъ, онъ умѣлъ хорошо выпить, затѣять ссору или приударить за первой попавшейся красивой женщиной. Онъ былъ какимъ-то дальнимъ родственникомъ Зарембовъ и, приѣхавъ съ визитомъ тридцать лѣтъ тому назадъ, такъ и остался у нихъ навсегда. Ему было хорошо въ Грабовѣ, а такъ какъ онъ одолжилъ мечнику большую сумму денегъ и всегда готовъ былъ одолжить всякому нуждающемуся подъ вѣрный залогъ и за хорошіе проценты, и такъ какъ онъ обладалъ свѣтскими манерами, былъ довольно образованъ, остроуменъ и состоялъ въ родствѣ съ лучшими домами, то онъ и пользовался всеобщимъ уваженіемъ, считаясь своимъ человѣкомъ въ домѣ Зарембовъ. Его называли вольтеріанцемъ и фармазономъ, потому что при случаѣ онъ любилъ пошутить надъ ксендзами и рассказать анекдотъ о чудесахъ. Но ему все это прощали, считаясь съ его возрастомъ и боясь колкостей, которыми онъ умѣлъ отдѣлать своихъ противниковъ.

Въ свое время онъ нагишомъ разъѣзжалъ по Люблину вмѣстѣ съ Грановскимъ на громадной бочкѣ пива, въ виноградномъ вѣнкѣ Вахха. Но онъ не любилъ вспоминать объ этомъ.

— Что у насъ сегодня, пятница? — воскликнулъ онъ вдругъ, поглядѣвши въ зеркало. — Надо одѣться соответствующимъ образомъ. Будетъ что-нибудь постное, въ родѣ, шуки въ шафранѣ.

— Сегодня будутъ караса въ сметанѣ. Мнѣ это сообщила по секрету тетка Бися, — объявилъ Северъ, и взглянулъ со скрытымъ злорадствомъ на его озабоченное лицо.

— Скажи на милость, да вѣдь это совсѣмъ мѣняетъ цвѣтъ... Карась въ сметанѣ! — раздумывалъ онъ, щелкая пальцами, — Гм., трудный выборъ! Адамъ, давай желтый фракъ съ фіолетовыми полосками. Живо, каналья! Можно бы, впрочемъ, и розовый и

съ зелеными полосками, а жилеть съ золотистымъ отливомъ, — онъ суетился, — Адамъ!

Северъ вышелъ, такъ какъ старый модникъ иногда до самаго обѣда обдумывалъ, какъ лучше нарядиться и подчасъ, не выбравъ ничего подходящаго, совсѣмъ не являлся къ столу, въ особенности, если были гости.

Северъ заглянулъ въ сосѣднюю комнату, къ пану Сулицкому, барскому конфедерату и товарищу извѣстнаго полковника Зарембы. Сулицкаго когда-то взялъ въ плѣнъ прославившійся своей жестокостью Древичъ и подвергъ его такимъ пыткамъ, что тотъ послѣ не могъ оправиться и былъ не совсѣмъ нормаленъ. Когда Заремба вошелъ, онъ стоялъ на колѣняхъ посреди комнаты, увѣшанной образами. Заремба тихо вышелъ и побѣждалъ въ садъ за рыбаками, выходившими на рыбную ловлю подъ командой отца Гіацинта.

За домомъ былъ садъ, окруженный на итальянскій манеръ грабовыми шпалерами и раздѣленный на правильные участки рядами подстриженныхъ буковъ. Посреди сада блестѣлъ длинный поросшій тростникомъ и аиромъ прудъ, похожій на мутное истертое заркало. Въ цвѣтникахъ увядали послѣдніе, уже захваченные морозомъ, георгины, стройныя мальвы, низкорослыя астры и разныя пахучія травы.

Дорожки, посыпанныя желтымъ пескомъ, красивыми узорами извивались по всему саду, въ воздухѣ пахло мятой и буками, по дорожкамъ бѣгали сороки, вдоль берега пруда ползала выдра панны Биси; увидѣвъ людей съ сѣтями и ведрами, она прыгнула въ одно ведро, затѣмъ въ другое, но, обманувшись въ своихъ надеждахъ, бросилась въ чашу, а за ней понеслись собаки.

— Догонять, пожалуй, — забеспокоился Северъ, прислушиваясь къ ихъ отрывистому лаю.

— Заведеть ихъ въ противоположную сторону, а сама явится туда, гдѣ будетъ рыба, — успокоилъ его отецъ Гіацинтъ.

По выходѣ изъ сада имъ пришлось пробираться сквозь дикія заросли и болото. Солнце золотило только верхушки деревьевъ, внизу было еще темно, холодно и сыро, кое-гдѣ пятна воды свѣтились, какъ разноцвѣтные глаза, прикрытые рѣсницами изъ рыжаго папоротника. Дороги никакой не было, ноги мѣстами вязли въ тинѣ топкаго болота, путь преграждали стволы поваленныхъ бурею деревьевъ и непроходимыя чащи дикаго хмеля и ежевики. Въ глубокихъ оврагахъ шумѣли торопливые ручейки, надъ ними подымались высокія, прекрасныя, бѣлыя березы, шумѣвшія пожелтѣвшими уже листьями. Кое-гдѣ, опираясь на

могучіе корни, высился вѣковой дубъ, изборожденный молніями, громадный символъ одиночества и сопротивленія стихіямъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сквозь гущу вѣтвей едва проникалъ блѣдный свѣтъ, какъ сквозь окна старинныхъ костеловъ. Но вдругъ зеленныя стѣны разступились и глазамъ открывался видъ на низкіе сырые луга, покрытые осокой и оглашавшіеся криками дикихъ птицъ. Точно готическія башни, гордо подымались къ небу ели, развернувъ зеленныя крылья вѣтвей. Толстые, кривые стволы ивъ кокетливо заглядывали въ серебристую, тихую воду. Лиственницы въ своемъ золотистомъ осеннемъ нарядѣ колебались, какъ танцовщицы, которыя не могутъ устоять на мѣстѣ. На холмахъ пріютились сонныя сосны, окруженныя печальной толпой кустовъ можжевельника.

— Чортъ бы побралъ эти дебри, — потерявъ терпѣніе воскликнулъ Северъ.

— Панъ мечникъ не позволяетъ прочищать; хотъ бы прокопать рвы да спустить воду, а то отъ этой гнили постоянная лихорадка въ домѣ.

— Здѣсь нужно много перемѣнъ, — печально молвилъ Заремба, — а что сталося съ голландскимъ клеверомъ, который я прислалъ весной?

— Выросъ великолѣпно, накосили три стога, но панъ мечникъ запретилъ употреблять. Говорить, что лошади подохнуть отъ этихъ заграничныхъ выдумокъ.

— Велю сегодня на ночь дать выѣзднымъ и посмотримъ, — упрямо проворчалъ Заремба.

Наконецъ они вышли на просторъ. Широкая полоса луговъ, сплошь усыянныхъ стогами сѣна и купами деревьевъ, тянулась въ безконечную даль, тутъ же медленно текла рѣка, образуя заливы, озера и болота, поросшіе тростниками. Лѣниво протекала вода, сверкая на солнцѣ мелкой рябью. Острый запахъ болотъ шекоталъ ноздри. Изъ камышей поднялось стадо дикихъ утокъ, раздался выстрѣлъ и двѣ изъ нихъ, перевернувшись въ воздухѣ, тяжело упали въ воду. Отецъ Гіацинтъ свистнулъ особымъ образомъ, что-то плеснуло въ камышахъ, и вскорѣ выползла выдра, держа въ зубахъ утокъ.

— Ну, вотъ, говорилъ я вамъ, что вернется, — замѣтилъ съ торжествомъ монахъ, — умная Бася, добрая Бася, хорошая Бася, — и онъ гладилъ ее по широкой спинѣ, — закинемъ теперь сѣти, въ этихъ ямахъ попадаютъ хорошіе экземпляры. Хочешь съ нами?

— Я лучше пойду стороной, можетъ быть, подстрѣлю еще кого—нибудь, — онъ зарядилъ длинное ружье. Выдра, извиваясь,

какъ змѣя, вертѣлась у него въ ногахъ, но когда онъ попытался ее погладить, она оскалила мелкіе крючкообразные зубы и грозно заворчала.

Длинные плоскодонки тихо спустились на рѣку, сѣть погрузилась въ воду, на поверхности виднѣлся лишь полукругъ поплавковъ.

Рыбаки медленно подвигались противъ теченія, отталкиваясь длинными шестами. Илистое дно заросло водорослями.

— Северъ, — слышался сзади чей-то голосъ.

Онъ обернулся. Изъ чащи показалась Марыня.

— Я едва догнала тебя, — запыхавшись, сказала она брату.

— Ужъ очень ксендзъ торопился и подгонялъ всѣхъ, онъ хочетъ еще къ завтраку наловить рыбы.

— Пойдемъ къ прудамъ. Баська, пошла прочь, — гнала она выдру, отбиваясь отъ ея ласкъ.

Они пошли къ мельницѣ, находившейся за паркомъ. Покрытая мукой крыши бѣлѣли среди громадныхъ деревьевъ. Пруды были нѣсколько ниже среди луговъ и блестѣли, какъ оконныя стекла на солнцѣ. Мѣстами на поверхности воды туманъ еще дымился синими столбами.

— Тетка Бися увѣрена, что ты еще спишь.

— Я всталъ до свѣту, но почему ты разгуливаешь такъ рано.

— Хотѣла попросить тебя кое о чемъ, — прошептала она нерѣшительно.

— Говори, сестра, я для тебя готовъ сдѣлать все, что угодно.

— Ну, тогда скажи мнѣ всю правду объ Изѣ, — потребовала она.

— О камергершѣ? Ничего не могу сказать.

— Мнѣ ее ужасно жаль, — настаивала Марыня, — говорятъ, она такая несчастная. Дядя писалъ мамѣ... Камергеръ такой ужасный тиранъ.

— Можетъ быть. Но она не стоитъ твоего сочувствія.

— А я думала, что тебя это еще болѣе мучить.

— Не воображай Богъ знаетъ чего — онъ выстрѣлилъ въ чайку, но промахнулся, — не стоитъ объ этомъ говорить, сестра, расскажи лучше о себѣ.

— Ты будешь сегодня у дяди?

— Да, поѣду послѣ обѣда, надо показаться ему и проститься.

— Можетъ быть, застанешь еще тамъ «сиротку».

— Цесю Кобежицкую? Давно я ее не видалъ, должно быть, ужъ выросла.

— Выросла, настоящее чучело! Мама пригласила ее къ намъ, потому что неприлично молодой паннѣ жить въ домѣ холостяка.

— Да вѣдь дядѣ восемьдесятъ лѣтъ! Вотъ такъ холостякъ!

— Все равно, неприлично, — убѣжденно отвѣтила Марыня, — пробыла она у насъ недѣли двѣ, обожали ее, баловали такъ, что противно было смотрѣть, но она этого точно не замѣчала, ходила, насупившись, а ротмистру, который засыпалъ ее комплиментами, прямо въ глаза отрѣзала, что онъ корчится, какъ обезьяна передъ шарманкой. Ну, и манеры! А потомъ ночью удрала къ дядѣ, поймавъ на выгонѣ рабочую лошадь.

— Должно быть, отецъ ей насолилъ по-своему.

— Ничуть! Отецъ въ ней души не чаялъ и ставилъ ее всѣмъ въ примѣръ. Но такое чучело предпочитаетъ водиться съ просто-народьемъ. Ей по себѣ только въ мужицкихъ избахъ.

— Да, она еще въ дѣтствѣ скорѣй любила мальчишескія игры. Сирота вѣдь, некому было ее воспитывать, вотъ и выросла дикаркой.

— Я ровно ничего противъ нея не имѣю, упаси Боже, но мнѣ хочется только, чтобы ты все зналъ, потому что у отца есть нѣкоторый планъ, — она заглянула ему въ глаза.

Притворившись, что не понялъ ее, онъ улыбнулся и сказалъ:

— Не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ.

— У дяди ей въ самый разъ: лошади, собаки, охота, кумовья, съ которыми, она говорятъ, въ кости играетъ и чокается. Объ этомъ ужъ всѣ кругомъ знаютъ.

— Портретъ незаманчивой.

— Спроси маму, она тебѣ еще кое-что расскажетъ, — добавила, не унимаясь, Марыня.

— Ну, это мнѣ совсѣмъ не интересно.

— Они остановились надъ прудомъ, гдѣ заткнувъ полы рясы за поясъ, весь измазанный тиной, стоялъ надъ вытащенной изъ воды сѣтью отецъ Гіацинтъ и крѣпкими словами ругалъ рыбаковъ за плохой уловъ.

— Марыня, скажи, голубушка, матери, что сегодня обѣдни не будетъ, закинемъ еще разъ сѣти съ другой стороны. Вѣдь я самъ видѣлъ: щуки, что твой боровъ и цѣлыя стаи окуней. Баська, брось, Баська! — закричалъ онъ на выдру, удиравшую съ рыбой въ зубахъ.

Не дослушавъ его сѣтованій, они повернули въ фруктовый садъ, тянувшійся отъ мельницы до самаго дома. Садъ былъ громадный, содержался хорошо и давалъ большой урожай. Безконечными рядами стояли деревья, покрытыя румяными яблоками, блестящими фіолетовыми и синеватыми сливами, и висящими, какъ тяжелыя серьги, грушами.

Мѣстами встрѣчались деревья во всей красѣ осенняго увяданія и золотистые листья безшумно ложились на увядшую, вытопанную траву; иногда слышно было, какъ тяжело падаетъ на землю яблоко, или какъ жужжить пчела. Солнце свѣтило, не грѣя, тихій воздухъ былъ пропитанъ ароматомъ яблокъ. Надъ деревьями проносились крикливыя стаи воробьевъ.

Они встрѣтили Досю съ полнымъ фартукамъ фруктовъ.

— А я какъ разъ собиралась звать васъ къ завтраку, — крикнула она звонкимъ голосомъ, сверкая бѣлыми зубами изъ-подъ полныхъ, красныхъ губъ. Крѣпко сложенная, красивая, бѣлолицая она дышала здоровьемъ, молодостью и весельемъ. Подъ пристальнымъ взглядомъ Севера она покраснѣла и отвела глаза въ сторону.

— Съ каждымъ днемъ хорошѣетъ, — замѣтилъ Северъ, когда они нѣсколько отошли.

— Вотъ къ ней и сватаются женихи одинъ за другимъ.

— А она всѣмъ отказываетъ?

— Точно королевича ждетъ. Многіе начинаютъ даже удивляться.

— А можетъ быть, у нея есть какая-нибудь тайная зазноба? — замѣтилъ Северъ.

— Куда тамъ! Она надо всѣми смѣется и всѣхъ передразниваетъ.

Довольный тѣмъ, что объ ея любви къ Кацперу, очевидно, не догадываются, Заремба перевелъ разговоръ на ожидаемыхъ гостей, осторожно намекнувъ на поручика Рымкевича. Марыня краснѣла, смущалась, но не рѣшалась открыться. Когда они уже совсѣмъ подходили къ дому, онъ спросилъ напрямикъ:

— И ты бы рѣшилась воспротивиться волѣ отца?

— Лучше въ монастырь, чѣмъ идти за насильно навязаннаго, — воскликнула она съ отчаянной рѣшимостью, но, спохватившись, испуганно взглянула на брата.

— Я тебя не выдамъ, сестра, будь откровенна со мной. Не бойся.

Она довѣрчиво прижалась къ нему и тихо, со страхомъ и слезами, краснѣя и вздыхая, заговорила о своей любви и сердечныхъ страданіяхъ.

— Мать писала о Петроконскомъ, я думалъ, что ты его сама себѣ избрала.

— Я видѣла его два года тому назадъ въ Бѣлжыцахъ, у жены старосты Коссовскаго, но онъ мнѣ вовсе не понравился, хотя онъ и вѣжливый, и красивый и, говорятъ, очень образованный кавалеръ. Но другіе были интереснѣе.

— Напримѣръ, Рымкевичъ. Не правда ли?—улыбнулся Заремба.

— Ты угадалъ, онъ — офицеръ, да такой красивый. Но что дѣлать? Адамъ бѣденъ, а Петроконскій почти магнатъ, за него у отца хлопоталъ самъ Сѣрадзскій, воевода, Валеваскій. Но я не пойду за него, ни за что не пойду. Отецъ даже не посовѣтовался съ матерью и принялъ предложеніе. Къ счастью, день свадьбы еще не назначенъ.

Зазвенѣлъ звонокъ, призывавшій къ завтраку.

— И не скоро будетъ назначенъ, — отвѣтилъ Северъ, — приближается бурное время и неизвѣстно, что кому сулить война.

— Война? Значить, и Адамъ долженъ итти? И ты, и Петроконскій? — она задрожала.

— Всѣ должны, кому дорога честь и родина. Не говори никому, но знай, что очень скоро начнется движеніе.

— Такъ вотъ почему ты такъ торопишься ѣхать! Ты ужъ говорилъ съ отцомъ?

— Онъ злится и не говорить со мной, — вздохнулъ Северъ.

— А мать огорчается этимъ, вчера она опять поссорилась изъ-за тебя.

Они вошли на террасу, окруженную низкими перилами и обвитую дикимъ краснымъ виноградомъ. Стеклянная дверь вела прямо въ столовую. Тамъ всѣ ждали мечника. Дося вмѣстѣ съ другими паннами-шляхтянками, принятыми въ домъ мечника, суетились вокругъ стола, воздухъ былъ пропитанъ запахомъ кофе. Въ громадной комнатѣ съ четырьмя выходящими въ садъ окнами было темно, такъ какъ почернѣвшій отъ старости потолокъ тучею нависъ надъ нею. По угламъ на мѣдныхъ ножкахъ стояли двѣ круглыя печки изъ зеленаго данцигскаго изразца. На стѣнахъ, затянутыхъ давно уже выцвѣтшими малиновыми сукнами, висѣлъ длинный рядъ портретовъ членовъ рода Зарембовъ. На вѣковыхъ полотнахъ туманно обрисовывались какія-то головы въ шлемахъ, какія-то дамы въ брыжжахъ и монашескихъ чепцахъ, напоминавшихъ эпоху Сигизмундовъ. Такихъ портретовъ было множество, нѣкоторые были очень удачны, лица на нихъ казались живыми, на другихъ же они были похожи на страшныя маски и призраки въ красныхъ одеждахъ, съ пустыми впадинами глазъ. Затѣмъ тянулся рядъ портретовъ изъ слѣдующей эпохи, гдѣ суровыя фигуры рыцарей были одѣты въ блестящіе панцири и рысьи шкуры, а матроны въ пышныхъ платьяхъ и гофрированныхъ головныхъ уборахъ держали въ рукахъ четки. Надъ головами ихъ были гербы, а на извивавшихся внизу лентахъ красными буквами были начертаны возвышенныя изреченія.

Но больше всего было портретовъ изъ эпохи саксонской династїи. Съ нихъ дерзкимъ, пронзительнымъ взглядомъ глядѣли полныя жизни, разгульные люди либо, въ громадныхъ парикахъ, атласѣ и орденахъ, либо съ бритыми головами, въ широкихъ контушахъ и поясахъ. У мило улыбавшихся, украшенныхъ мушками, дамъ были высокія прически и сильно обнаженные груди.

Портретовъ было много, такъ какъ старинный родъ Зарембовъ въ первые вѣка существованія Польши былъ силенъ, вліятеленъ и знатенъ. Позднѣе онъ пришелъ въ упадокъ, разбился и уже не смогъ больше выдвинуться на первыя государственныя мѣста, вернуть утраченное вліяніе и скопить богатства. Однако въ бояхъ, въ совѣтѣ и въ дѣлахъ вѣры онъ доблестно служилъ Рѣчи Посполитой и былъ извѣстенъ своей честностью.

И теперь въ домѣ мечника на всемъ лежалъ отпечатокъ старины и строгости нравовъ. Мечникъ любилъ все старое и, какъ бы наперекоръ эпохѣ и людямъ, наполнялъ свой домъ всѣмъ тѣмъ, что другіе выбрасывали въ кладовыя, какъ устарѣвшій хламъ. Въ Грабовѣ все было старомодно: и мебель, и костюмы, и обычаи, и домочадцы, въ немъ царили старинное послушаніе, строгость и добродѣтели. Но въ то же время мечникъ очень заботился о томъ, чтобы въ домѣ былъ полный достатокъ, даже роскошь. Дубовыя полки на стѣнахъ столовой были сплошь уставлены серебряными вазами, чашами, бокалами, блестящей, какъ мѣсяцъ въ лунную ночь, мѣдью, серебромъ аугсбургской чеканки и разнымъ фарфоромъ. Были въ домѣ итальянскіе столики розоваго дерева съ прекрасными орнаментами, дубовыя кресла съ высокими рѣзными спинками, обитыя тисненой золотыми узорами кожей, между окнами были зеркала. Было множество приживальщиковъ и прислуги.

Северъ, войдя изъ сада въ столовую, вѣжливо поцѣловалъ руку дамамъ. Ихъ было пять, одна старше другой, всѣ онѣ, казалось, поросли мохомъ, какъ вѣковые камни. Это были сироты изъ очень солидныхъ домовъ, состоявшихъ въ свойствѣ съ Зарембами. Въ Грабовѣ онѣ проживали съ незапамятныхъ временъ. Сегодня по случаю прїѣзда гостей онѣ были особенно нарядно одѣты. Окруживъ Зарембу, онѣ стали сокрушаться о нездоровіи хозяйки дома и рассказывать ему по секрету разныя свои огорченія. Северъ слушалъ съ должнымъ почтеніемъ, нетерпѣливо ожидая спасенія. Но ротмистра не было, очевидно, онъ еще не рѣшилъ какого цвѣта фракъ надѣть. Сулицкій, стоя у окна, глядѣлъ, по своему обыкновенію, въ одну точку. Тшаска вертѣлся около шляхтянокъ, разсыпаясь въ нѣжныхъ комплиментахъ и такъ

отчаянно закручивая подкрашенные усы, что тѣ покатывались со смѣху. Наконецъ Корабъ-Бжозовскій, правая рука мечника, подошелъ къ старушкамъ, попотчивалъ ихъ табакомъ и, основательно чихнувъ, отвелъ Севера въ сторону.

— Ъдешь, сударь, къ Онуфрію?—прошепталъ онъ.—Что?А?— онъ былъ немного тугъ на ухо.

— Можетъ быть и вы, дядя, поѣдете со мной? — Его всѣ въ домѣ звали дядей.

— Хотѣла бы душа въ рай, сударь мой, да, какъ на зло, сегодня тамъ гости, — прогудѣлъ онъ. — Что? А? Онуфрій устраиваетъ увеселеніе съ дамами! Потѣшатся они, подлецы, сударь мой! Что? А? — Онъ громко шелкнулъ языкомъ и вздохнулъ. — А мечникъ осуждаетъ это, говорить: — грѣхъ! Оно и правда, сударь мой, что? А?

И, снова шелкнувъ языкомъ, онъ подмигнулъ паннамъ и тихо засмѣялся.

Это былъ родственникъ изъ болѣе знатныхъ. Онъ получилъ хорошее образованіе у іезуитовъ въ Вильнѣ. Свое большое состояніе онъ потерялъ во время Барской Конфедерации, но, несмотря на жизненныя неудачи и года, онъ былъ еще силенъ, подвиженъ, очень строенъ, обладалъ богатой фантазіей и говорилъ такъ красиво и увлекательно, что подлясская шляхта на сеймикахъ носила его на рукахъ и по его совѣту готова была подать голосъ хоть за самого дьявола. Къ тому же онъ любилъ выпить, не брезгалъ компаніей, любилъ играть въ кости, но въ дѣлахъ былъ такъ порядоченъ и честенъ, что мечникъ довѣрялъ ему веденіе всего хозяйства, занимаясь самъ лишь чтеніемъ старыхъ книгъ и молитвами.

— Взгляни, сударь, на Пеласю Дмовскую, я расскажу тебѣ кое-что интересное, — заговорилъ онъ, поглядывая на одну красивую, какъ роза, и великолѣпно сложенную панну-шляхтянку. Но онъ не успѣлъ ничего рассказать, такъ какъ вошелъ мечникъ въ сопровожденіи своего Филиппа.

Онъ милостиво поздоровался со всѣми, поцѣловалъ Марыню въ лобъ, сыну далъ поцѣловать руку и, прочитавъ вполголоса короткую молитву, сѣлъ самъ въ высокое кресло и пригласилъ всѣхъ садиться. Филиппъ подвязалъ ему салфетку, подаль на серебряномъ подносѣ вазу съ винной похлебкой и сталъ за его кресломъ. Остальные мужчины должны были удовольствоваться грѣтымъ пивомъ, дамамъ подали кофе.

Завтракъ, какъ священнодѣйствіе, проходилъ въ торжественномъ молчаніи.

На пустовавшемъ мѣстѣ хозяйки сидѣла бѣлая кошка.

Всѣхъ тяготило это молчаніе, нарушить его никто не рѣшался.

Попытался сказать что-то Бжозовскій, но строгій взглядъ мечника остановилъ его. Старая дочь чашника Кишвицкаго заговорила было о чудесной погодѣ, но испуганно замолкла подъ тѣмъ же взглядомъ.

Северъ, сидя въ концѣ стола, поглядывалъ украдкой на отца, но ничего не могъ прочесть на его лицѣ. Оно казалось запечатаннымъ семью печатями, и было непроницаемо сурово. Нѣсколько разъ почувствовалъ онъ на себѣ его пронизательный взглядъ и вздрогнулъ отъ страха. Ему вспомнились дѣтскіе годы, проступки и строгія наказанія, о которыхъ онъ и сейчасъ не могъ подумать безъ внутренней дрожи.

Мечникъ держалъ всѣхъ въ ежовыхъ рукавицахъ и не допускалъ ни малѣйшихъ отклоненій отъ заведеннаго порядка. Онъ былъ замкнутъ и неразговорчивъ, порой онъ по цѣлымъ недѣлямъ не говорилъ никому ни слова.

— Сегодня вечеромъ ты выступишь съ оркестромъ, обратился онъ вдругъ къ Тшаскѣ, — смотри, сударь, не оплошай. Слушать будетъ большой музыкантъ. А ты подожди меня въ библіотекѣ, — обратился онъ къ сыну, — я загляну еще къ матери.

Послѣ его ухода всѣ съ облегченіемъ вздохнули, завязался непринужденный разговоръ; Дося подливала нѣкоторымъ вина и шутила съ Тшаской.

— Староста Пражмовскій—замѣтилъ Бжозовскій—извѣстный музыкантъ, онъ игралъ когда-то на королевскихъ вечерахъ въ Версалѣ, то-то удовольствіе доставятъ ему ваши трубы.

Северъ пошелъ въ комнату отца на другомъ концѣ дома. Это была простая, выбѣленная известью комната, со сборной мебелью. Посрединѣ стоялъ столъ, покрытый краснымъ сукномъ и заваленный книгами. На низкихъ полкахъ вдоль стѣнъ лежали также книги, кипы бумагъ, свернутыя въ трубки географическія карты и тетради. На стѣнахъ висѣли рядами гравированные портреты королей и великихъ людей Польши, а также громадное, сильно истертое и оборванное генеалогическое дерево. Въ углу за круглой печью стояла кровать, отгороженная ширмами изъ зеленой китайки, надъ кроватью висѣлъ крестъ, восковая свѣча, приготовленная для смертнаго часа и немного стариннаго оружія.

Заремба переходилъ отъ окна къ окну, нетерпѣливо поглядывая на пустой дворъ. Его удручали тяжелыя воспоминанія, связанныя съ этой комнатой, тѣмъ болѣе, что и сегодня надвигалась гроза. Ни германское владычество, ни королевское величіе не наполняли его такимъ страхомъ, какъ ожиданіе отца.

Въ комнату вошелъ старый Филиппъ съ трубками и зажженной свѣчей.

— Должно быть, Северъ что-то напроказилъ и по-старому будетъ порка, — пошутилъ старикъ, носившій его еще на рукахъ и прослужившій всю жизнь въ домѣ Зарембовъ.

— Вздоръ городишь, — разозлился Северъ.

Появился мечникъ. Закуривъ трубку, онъ сталъ шагать по комнатѣ. Северу очень хотѣлось закурить, но онъ не посмѣлъ безъ разрѣшенія отца. Онъ ждалъ, стоя у печки, вытянувшись, какъ на парадѣ. Старикъ долго ходилъ, не глядя на него, наконецъ проговорилъ язвительно:

— Кастаньянъ писалъ мнѣ о твоихъ гродненскихъ подвигахъ.

— Я не сдѣлалъ ничего безчестнаго, — отвѣтилъ довольно рѣшительно Северъ.

— Я тебя не спрашиваю, — строго оборвалъ его старикъ. — Кастаньянъ донесъ мнѣ обо всемъ подробно, — продолжалъ онъ, — и выводъ изъ этого тотъ, что ты вель себя тамъ, какъ послѣдній дуракъ. Какъ дуракъ, говорю тебѣ, — повторилъ онъ, подчеркивая послѣднее слово и остановился передъ Северомъ.

Тотъ съежился подъ его пронзительнымъ взглядомъ и молчалъ.

— Епископа Коссаковского ты вооружилъ противъ себя, напалъ на союзныя войска и перебилъ ихъ солдатъ. Правда это?

— Правда, но епископъ — измѣнникъ и я, если бы могъ, отдалъ бы его въ руки палача.

— Молчи, дуракъ, не тебѣ судить епископовъ, — прикрикнулъ на него отецъ.

Северъ снесъ и это, хотя возмущеніе уже кипѣло въ немъ.

— Пьяный нахаль подвернулся, или ты самъ затѣялъ съ союзниками драку?

— Московскіе вербовщики схватили Кацпера, а я отбилъ его, и если при этомъ кому-нибудь попало, такъ вѣдь это дѣло военное. А затѣмъ меня какъ, вора, взяли ночью изъ дому, посадили въ кибитку и повезли. Я вырвался, охладивъ ударомъ сабли пылъ конвойнаго офицера. Развѣ я могъ позволить везти себя, какъ барана! А меня вѣдь хотѣли отправить въ Сибирь.

— Видно Кацперъ тебѣ очень дорогъ, если ты изъ-за него рисковалъ головой.

— Онъ спасъ мнѣ жизнь на прошлой войнѣ, и я думалъ...

— Я на то тебѣ его и далъ, чтобъ онъ голову за тебя отдалъ, если понадобится. Это его собачья обязанность.

— И онъ твердо исполнилъ свою обязанность. Онъ доблестный солдатъ, получилъ за храбрость орденъ и самъ князь обѣщалъ

ему, что онъ послѣ войны получить шляхетство и будетъ произведенъ въ офицеры.

— Получить, только не шляхетство, а плети отъ эконома! Онъ хамъ и мой крѣпостной мужикъ! Розгами велю я написать ему на спинѣ шляхетство! — Старикъ былъ страшно золъ.

Северъ впился въ лицо отца возмущеннымъ взглядомъ, но сдержалъ себя, боясь повредить Кацперу.

— Почему ты послѣ окончанія войны подписалъ манифестъ и вышелъ въ отставку?

— Такъ велѣлъ мнѣ мой долгъ передъ родиной и моя честь.

— А гдѣ же ты путешествовалъ послѣ этого и зачѣмъ? — неутомимо допрашивалъ старикъ.

— Это не моя тайна, и я не могу ее открыть.

— Я приказываю тебѣ.

— Я далъ честное слово и сдержу его, — непоколебимо отвѣтилъ поблѣднѣвшій Заремба.

Мечникъ сдѣлалъ гнѣвное движеніе и окинулъ его яростнымъ взглядомъ. Лицо его налилось кровью. Видно было, что онъ старается сдержать свой гнѣвъ. Сѣвъ за столъ, онъ весь утонулъ въ облакахъ дыма и только послѣ долгаго молчанія, спросилъ:

— Куда же ты собираешься теперь ѣхать?

— Я получилъ письмо изъ Варшавы, начальникъ требуетъ немедленнаго возвращенія на службу.

И онъ разсказалъ, что, благодаря стараніямъ Дялынскаго, король снова принялъ его на службу въ прежнемъ чинѣ. Мечникъ сталъ разспрашивать про разныхъ дѣла, въ особенности же онъ интересовался кастеляномъ. Северъ отвѣчалъ кратко, ни словомъ не упомянувъ о заговорѣ; о кастелянѣ же старался говорить неопредѣленно, но, прижатый отцомъ къ стѣнѣ, передалъ все, что зналъ о дядѣ, изобразивъ его такимъ, каковъ онъ былъ въ дѣйствительности. Старикъ хватался за голову, нѣкоторыя подробности велѣлъ повторять два раза, но было ясно, что этотъ портретъ кастеляна въ черныхъ тонахъ ему пріятенъ. Онъ язвительно замѣтилъ:

— У него всегда были высокіе принципы на показъ. Не разсказывай о немъ матери, это ее убьетъ. А кастеляншу ты видѣлъ въ Гроднѣ? — спросилъ онъ, глядя въ сторону.

Северъ очень искренно сталъ восхищаться ея добрымъ сердцемъ и великодушіемъ.

Старикъ оживился, глаза его загорѣлись, все лицо засіяло. Северъ умолкъ, пораженный этой необыкновенной перемѣной.

Мечникъ молча шагалъ по комнатѣ, потягивая трубку, то улыбаясь, то останавливаясь и глядя въ окно. Въ этотъ моментъ

онъ показался Северу какимъ-то особенно почтеннымъ, совершенно непонятнымъ и новымъ. Немного погодя, онъ спросилъ:

— Ну, а какъ же ты задалъ трепку союзникамъ?

Заремба подробно разсказалъ, старикъ остался очень доволенъ и воскликнулъ:

— Ну, и задалъ же ты перцу такимъ сякимъ дѣтямъ! Молодецъ, мой мальчикъ!

Разговоръ перешелъ на политическія темы, старикъ велѣлъ сыну разсказать о гродненскомъ сеймѣ, о политическихъ событіяхъ и о людяхъ, но онъ то и дѣло возражалъ противъ выводовъ сына, такъ какъ былъ врагомъ конституціи 3-го мая хоть и по совершенно инымъ мотивамъ, и былъ солидаренъ съ Северомъ только въ его враждебномъ отношеніи къ королю и его ставленникамъ:

— Компанія эконома! — презрительно заявилъ онъ.

— А Рѣчь Посполитая для нихъ — только средство для возвышенія ихъ родовъ!

— А какіе же это роды: Коссаковскіе, Анквичъ, Деконскіе! Вельможи по милости сосѣднихъ державъ! Мелкота, сбродъ!

— Тарговицкое *trifolium*, роды сильные, первые въ предательствѣ.

— Къ чему стремятся Коссаковскіе? — спросилъ старикъ, останавливаясь передъ Северомъ.

— Къ отторженію Литвы отъ Польши, къ уніи съ Россіей и къ власти подъ ея покровительствомъ.

— Не говори вздора! — разсердился мечникъ.

Северъ разсказалъ все, что было извѣстно о Коссаковскихъ, перечислилъ всѣ ихъ мошенничества, грабежи, насилія и доказалъ совершенно явное предательство.

Старикъ выслушалъ, не перебивая, но затѣмъ строго замѣтилъ:

— Всему причиной этотъ несчастный революціонный сеймъ.

Северъ не зналъ, что сказать отъ удивленія и глядѣлъ, не вѣря ушамъ своимъ.

— Да, день третьяго мая былъ днемъ преступленія противъ Рѣчи Посполитой и противъ свободы. Это былъ заговоръ враговъ Бога и родины, цѣпи деспотизма позорны, это поруганіе нашихъ польскихъ свободъ и республиканскихъ идеаловъ! — онъ страстно нападалъ на конституцію и реформы восхваляя прежнія времена и золотую шляхетскую свободу.

— Знаемъ мы эту свободу! — воскликнулъ, не сдержавшись, Северъ, — знаемъ! Въ Польшѣ золотая свобода имѣетъ свои границы: вельможѣ все можно, мелкую шляхту сажаютъ подъ замокъ, а мужика на колъ.

Но онъ сейчасъ же раскаялся въ своей горячности, такъ какъ мечникъ гнѣвнымъ взглядомъ пригвоздилъ его къ мѣсту и надолго замолчалъ.

Северу казалось, что время тянется необыкновенно медленно, хоть онъ и былъ раздраженъ и выведенъ изъ терпѣнія, но тѣмъ не менѣе онъ продолжалъ стоять около печки, не смѣя двинуться съ мѣста. Гдѣ-то часы съ кукушкой отсчитывали каждую четверть часа, пробило десять, потомъ четверть, а старикъ, какъ бы забывъ о сынѣ, курилъ трубку, то перебирая какія-то рукописи, то погружаясь въ дремоту или задумчивость.

— Тебѣ нравятся якобинскія теоріи, — вдругъ заговорилъ онъ, — я знаю, съ какими фармазонами и клубистами ты водилъ компанію въ Гроднѣ.

— Если вы вѣрите доносамъ кастеляна...

— Дуракъ! — грозно перебилъ старикъ. — Вижу, что ты въ новомъ мундирѣ, — продолжалъ онъ, смягчившись и указывая трубкой на его зеленую артиллерійскую куртку. — А что это за крестъ у тебя на груди?

— Я получилъ его за бой подъ Зеленцами.

— Значитъ ты велъ себя по-рыцарски. Такъ и надо, ты долженъ такъ поступать, чтобы поддерживать честь своего рода. При какихъ же обстоятельствахъ ты получилъ такое отличіе?

Северъ просто, по-военному рассказалъ о трехъ атакахъ на его пушки, и о томъ, какъ онъ отразилъ враговъ, при чемъ особенно подчеркнул мужественное поведеніе Кацпера.

— И князь самъ повѣсилъ тебѣ крестъ на грудь? — спросилъ старикъ, какъ бы не слыша о Кацперѣ.

— Самъ, въ присутствіи всего офицерскаго состава.

— А ты вышелъ невредимымъ изъ этихъ атакъ?

— Скользнула только пуля по ребрамъ, обыкновенное военное приключеніе.

— Могло быть хуже! Слава Богу! — старикъ облегченно вздохнулъ.

— Многіе болѣе достойные, чѣмъ я, погибли тогда.

— *Номо non sibi natus, sed patriae!* — угрюмо произнесъ мечникъ, окидывая его безпокойнымъ взглядомъ и перешелъ на другія темы. Наконецъ онъ мягко сказалъ:

— Загляни къ матери и поѣзжай къ Онуфрію. Положимъ, сюда пріѣдетъ староста Пражмовскій съ женой и съ какимъ-то вертопрахомъ, но я думаю, что послѣ моего отвѣта они, можетъ быть, сегодня же уѣдутъ, — онъ ядовито улыбнулся.

Северъ поцѣловалъ отцу руку, но не рѣшился спросить его о судьбѣ Марыни.

— Да, — крикнулъ старикъ, когда онъ уже уходилъ, — въ Стокахъ сейчасъ находится Цеся Кобежицкая... Ты помнишь ее?

— Какъ же! Мало ли я штановъ изорвалъ, лазая для нея по деревьямъ за птицами.

— Теперь она уже взрослая, скромная и прекрасная, какъ разъ подходитъ тебѣ.

— Мнѣ теперь не время думать о себѣ, — отвѣтилъ Северъ недовольнымъ тономъ.

— Я тебя не неволю, но разсуди самъ—голосъ его звучалъ какъ-то особенно мягко: — Родъ извѣстный въ Великопольшѣ и состояніе большое. Она еще получить Стоки. Онуфрій самъ мнѣ говорилъ, что завѣщаніе уже подписано въ Брестѣ. Наше состояніе увеличилось бы. Если владѣть Грабовомъ и Стоками вмѣстѣ, то можно занять первое мѣсто въ воеводствѣ и держать въ рукахъ сеймики всего Подлясія. Тысячи голосовъ и сабель имѣлъ бы ты всегда въ своемъ распоряженіи. Вѣдь въ Стокахъ одна лѣсная граница тянется миль на десять, лѣсъ нетронутый и Бугъ подъ самымъ носомъ. Чудесный кусокъ земли, порядка только не хватаетъ, хозяина нѣтъ. Онуфрій совсѣмъ распустилъ мужиковъ, землей не занимается, и всѣ доходы уходятъ на охоту и раздаются кумовьямъ. Ввести бы тамъ военный порядокъ. А, можетъ быть, ты ужъ кѣмъ-нибудь занять?

— Я объ амурахъ не думалъ, да и не было подходящаго случая.

— Правда ли, что Иза расходится съ камергеромъ?—спросилъ вдругъ отецъ, испытующе взглянувъ на Севера.

— Да, потому, что онъ мѣшаетъ ея любовнымъ интрижкамъ, а дядя мечтаетъ о зятѣ съ княжескимъ титуломъ, о почестяхъ и протекціи въ Петербургѣ.

Заремба упомянулъ лишь объ этомъ, но старикъ сталъ допрашивать и онъ долженъ былъ рассказать все подробно.

— А не говорить ли въ тебѣ предубѣжденіе, обманутая любовь?

— Говорить и чистѣйшая правда, — увѣренно отвѣтилъ Заремба.

— Невѣроятно! — прошепталъ старикъ, глубоко задѣтый его рассказомъ. — Я уже старъ, но мнѣ стыдно слушать о такомъ торгѣ женской добродѣтели. Вотъ къ чему приводитъ модная жизнь, французскіе романы и презрѣніе къ стариннымъ обычаямъ, — онъ негодовалъ. Я бы этихъ голодныхъ мудрецовъ выпоролъ розгами, а ихъ развращающія общество сочиненія сжегъ бы на кострѣ. Ужасное время! Добродѣтель поругана, вѣра считается чѣмъ-то постыднымъ, безбожіе стало модой. Въ мірѣ царятъ развратъ и подлый эгоизмъ. На помазанниковъ

божьихъ святотатственно поднимаются руки. Бога отвергають, оскверняютъ костелы. Право, нуженъ потопъ на всѣ эти безчинства, — гнѣвно закончилъ онъ.

— И будетъ потопъ, — горячо воскликнулъ Северъ, — уже первыя волны ударяются о берегъ, уже подлость испуганно притихла, тиранія доживаетъ послѣдніе дни, уже надъ несправедливостью и эгоизмомъ виситъ топоръ, уже восходитъ солнце гуманности, начинается эпоха Природы, эпоха истинной свободы, братства и равенства. — Онъ говорилъ такъ горячо, что ошеломленный мечникъ не успѣлъ разобрать смысла его словъ, одобрительно улыбнулся и очень милостиво отпустилъ его.

Северъ вышелъ въ радостномъ настроеніи. Марыня ждала его въ коридорѣ.

— Ну, что? Онъ очень сердился на тебя? — спросила она съ беспокойствомъ.

— Мы разстались очень дружелюбно.

— Слава Богу! Мама съ дочерью чашника ужъ молились за тебя. А я такъ боялась. Онъ обо мнѣ не вспоминалъ? — тихо спросила она.

— Хочетъ отказать Пражмовскимъ.

— Отказать! — простонала она и слезы, какъ горошинки, покатались изъ ея глазъ. — Я все еще надѣялась, а теперь...

Она закрыла лицо руками и горько заплакала.

Северъ увелъ ее въ тихую комнатку.

— Не плачь, еще не все погибло. Тише ѣдешь, дальше будешь. И мнѣ грозила бѣда, отецъ насѣлъ на меня, какъ на мальчугана, я думалъ, что онъ прогонитъ меня изъ дому. И какихъ нѣжныхъ словечекъ пришлось послушаться! Я бы не стерпѣлъ, если бы не боялся огорчить мать. Но какъ сталъ сватать мнѣ Цесю, такъ сразу смягчился. Да развѣ мнѣ теперь время думать о женитьбѣ, еще ради его видовъ! Должно быть, дядя уговорилъ его.

— Нѣтъ, они уже годъ, какъ не видятся. А о Рымкевичѣ онъ сказалъ напрямикъ?

— Сказалъ, что дастъ Пражмовскимъ такой отвѣтъ, что они сегодня же уѣдутъ.

— Все равно, не заставитъ ему меня выйти за того! — рѣшительно заявила она, вытирая заплаканное лицо.

— А мать не заступилась за тебя?

— Заступилась, а онъ за это цѣлый мѣсяцъ не сказалъ съ ней ни слова.

— Всегда одно и то же. Мнѣ говорили, что онъ жестокъ съ крестьянами?

— Хуже имъ быть не можетъ. Въ деревняхъ плачь и жалобы.

Экономы дѣлають, что хотять. Бжозовскій еще ихъ наускиваетъ, а отецъ ему одному вѣрить. Въ Гуркахъ почти всѣ мужики разбѣжались, отецъ велѣлъ разнести пятнадцать избъ и запахать это мѣсто. Бжозовскій ловить бѣглецовъ и подвергаетъ ужаснымъ пыткамъ.

— Изъ-за чего отецъ поссорился съ дядей? — перебилъ Заремба, не выдержавъ мучительнаго разсказа сестры.

— Изъ-за мамы. Дядя совѣтовалъ пригласить Гольца, потому что мама чувствуетъ себя все хуже. А отецъ не хотѣлъ, онъ терпѣть его не можетъ за то, что Гольцъ въ своихъ Вронкахъ освободилъ крестьянъ и надѣлилъ ихъ землей на чиншевомъ основаніи.

— Часъ отъ часу не легче! — Северъ былъ глубоко огорченъ.

Они перешли на другую сторону дома къ матери. Въ своей комнатѣ, выходявшей окнами въ садъ, сидѣла она въ низкомъ креслѣ, обложенная подушками, и молилась, перебирая четки. Тревожно взглянула она на дѣтей, но, встрѣтивъ улыбку сына, успокоилась. Едва замѣтный румянецъ покрылъ ея прозрачное, увядшее лицо, обрамленное лиловымъ чепчикомъ.

Северъ сѣлъ у ея ногъ на маленькой скамеечкѣ. Марыня стала что-то прибирать въ комнатѣ, готовая откликнуться на первый ея зовъ. Она долго сидѣла, не сводя нѣжнаго материнскаго взгляда съ изнуреннаго лица сына и приглаживая легкимъ прикосновеніемъ пальцевъ его солдатскій галстукъ на шеѣ.

— Ты исхудалъ! — голосъ ея былъ мягокъ и какъ бы пропитанъ осеннимъ запахомъ травъ. — Бися радовалась, что ты хорошо выступишь, а ты, говорятъ, всталъ съ разсвѣтомъ.

— Въ обычное время, мамочка, — онъ сталъ цѣловать ея бѣлыя, худыя руки.

— Какъ же здоровье Кацпера?

— Я думаю недѣли черезъ двѣ онъ уже сможетъ ѣхать за мной.

— Ну, вотъ, а Дося мнѣ наговорила, что онъ долженъ лежать еще нѣсколько мѣсяцевъ.

Вдругъ какое-то подозрѣніе мелькнуло у нея въ глазахъ. Она обратилась къ Марынѣ:

— Попроси тетю ко мнѣ.

Потомъ она велѣла ему разсказать о разговорѣ съ отцомъ. Но когда онъ неосторожно выразился о деспотизмѣ старика, она закрыла ему ротъ ладонью:

— Онъ — твой отецъ, сынокъ! Онъ желаетъ вамъ добра.

— Онъ хочетъ осчастливить насъ противъ нашей воли, — вскипѣла Марыня.

Мать строго поглядѣла на нее и начала спрашивать сына о кастелянѣ.

Северъ сталъ осторожно рассказывать, умалчивая обо всемъ, что могло ее огорчить, и быстро перешелъ къ своимъ путешествіямъ. Онъ рассказывалъ такъ ярко и красиво, что передъ глазами, какъ живые, вставали чужіе края, города, полные чудесъ и всевозможныя приключенія.

— Боже мой! — вздохнула мать, — я столько лѣтъ мечтала о томъ, чтобы увидѣть этотъ далекій міръ. — Тоска наполнила ея сердце, цѣликомъ отданное другимъ.

Это была женщина стараго склада, знавшая только свою семью, свои обязанности и молитвы, скорбѣвшая о всѣхъ несчастныхъ и всѣми любимая. Она глубоко сочувствовала людямъ, и была единственнымъ прибѣжищемъ многочисленныхъ крѣпостныхъ, стонавшихъ подъ тяжелой рукой мечника. Несмотря на слабое здоровье, частыя болѣзни и постоянный гнетъ мужняго деспотизма, душой она была молода и всегда была готова защищать слабыхъ и обиженныхъ. Ее терзала тайная печаль, но никто никогда не видѣлъ ея слезъ и не слышалъ отъ нея жалобъ. Она встрѣчала всякаго радостнымъ лицомъ и добрымъ словомъ, всякій находилъ у нея поддержку. И теперь, хотя старая, неосуществленные мечты и вскрыли рану ея сердца, она сейчасъ же подавила въ себѣ тоску и въ ея прозрачныхъ, заплаканныхъ глазахъ засвѣтилась любовь и забота о другихъ.

Тихо вошедшая тетка Бися пріютилась, какъ мышь, въ какомъ-то уголкѣ и горько плакала, не сводя глазъ со своего любимца, хотя онъ въ этотъ моментъ рассказывалъ о французскихъ дилижансахъ.

— Тетя, да вѣдь съ нимъ ничего дурного не случилось, — успокаивала ее Марыня.

— Но они могли убить его, какъ убили своего святого короля, Господи, упокой его душу, вѣдь это разбойники, антихристы, душегубы, — шептала она.

Северъ улыбнулся и продолжалъ рассказывать.

По стѣнамъ чернѣли строгіе лики святыхъ и сіяли глаза мучениковъ, подвергаемыхъ пыткамъ, а въ окна врывалось солнце и заглядывали одѣтыя въ осенній разноцвѣтный нарядъ деревья. Три женщины съ напряженнымъ вниманіемъ слушали его рассказъ. То и дѣло Марыня, тетка Бися, и даже сама мать прерывали его, закидывая вопросами о нарядахъ, о костелахъ и богослуженіяхъ, о людяхъ и обычаяхъ. Въ особенности мать, такъ долго не выдавшая своего единственного сына, затягивала рассказъ.

чтобы подольше удержать его при себѣ и насладиться его присутствіемъ.

Послѣ столькихъ лѣтъ разлуки имъ хотѣлось безконечно много сказать другъ другу. Северъ сидѣлъ у ногъ матери, какъ сиживалъ въ дѣтствѣ, ему было такъ хорошо впитывать въ себя, какъ прежде, покой и счастье домашняго очага. Онъ, солдатъ, испытанный въ жестокихъ бояхъ, якобинецъ, готовый собственноручно разить враговъ родины и человѣчества, — здѣсь, въ этой комнатѣ, гдѣ онъ впервые увидѣлъ свѣтъ, среди старыхъ стѣнъ и предметовъ, среди любящихъ сердецъ, онъ какъ бы снова почувствовалъ себя беззаботнымъ и довѣрчивымъ ребенкомъ.

Онъ рассказывалъ обо всемъ подробно, но вдругъ среди рассказа вскакивалъ и бѣжалъ взглянуть на данцигскій шкафъ, который скрипѣлъ, какъ и раньше, и былъ полонъ запаха лавенды и мяты; или тянулъ за мѣдныя подвѣски стоявшіе въ углу часы и тѣ, какъ всегда, хрипѣли и начинали отсчитывать безконечные удары. Въ нишѣ за зелеными выцвѣтшими занавѣсками стояла кровать, а рядомъ съ ней аналой съ толстой книгой и двумя восковыми свѣчами, надъ нимъ передъ иконой Ченстоховской Богоматери, какъ всегда, горѣла лампада. Онъ съ восторгомъ глядѣлъ даже на этихъ святыхъ, мрачно смотрѣвшихъ со стѣны и такъ же, какъ нѣкогда въ дѣтствѣ, почувствовалъ страхъ передъ изображеніемъ ада, гдѣ ужасные, красные черти жарили грѣшниковъ въ кипящей смолѣ и кололи ихъ вилами. За шкафомъ онъ нашелъ вырѣзаннаго изъ кожи петрушку и потянулъ за шнурокъ.

— Пляшетъ, мамочка, пляшетъ! — закричалъ онъ, обрадовавшись, когда петрушка сталъ дѣлать смѣшные прыжки, трясти головой и подбрасывать длинныя ноги. Зіремба смѣялся, какъ ребенокъ, надъ его забавными кривляніями. Онъ заглянулъ и за круглую печку, гдѣ въ дѣтствѣ онъ хранилъ свои сокровища и онѣмѣлъ отъ радостнаго волненія. Все было на своемъ мѣстѣ въ величайшемъ порядкѣ: и деревянная лошадь, обшитая кожей, и игрушечная телѣга, и мячики, сдѣланные изъ облитыхъ смолой шерстянныхъ клубковъ, и дѣтскія сабли, и бумажные шлемы съ перьями, и сильно поношенный первый кадетскій мундиръ съ полнымъ вооруженіемъ, и всевозможныя поломанныя игрушки.

У него навернулись слезы, сердце преисполнилось нѣжностью.

— Мамочка! — прошепталъ онъ, кидаясь къ ея ногамъ. Она прижала его къ себѣ, хотѣла бы, какъ нѣкогда взять на руки и ласкать, а ему не хватало словъ, и онъ только поцѣлуями выражалъ ей свою любовь, свою благодарность и безграничную преданность.

— Останься съ нами, сынокъ! — сорвалось съ ея устъ тайное желаніе.

Миражъ счастья сразу разсѣялся. Въ немъ проснулся воинъ и гражданинъ.

— Пока родина въ позорѣ и рабствѣ, мнѣ нельзя думать о домѣ, о счастья и покоѣ. Нельзя! — заговорилъ онъ суровымъ голосомъ долга.

— Я знаю, сынокъ... я знаю... знаю... — повторяла она все тише, медленнѣе и печальнѣе. Ея лицо поблѣло, какъ полотно, и слезы заблестѣли въ глазахъ, но она овладѣла собой, не дала воли чувству и мужественно произнесла.

— Богъ мнѣ еще вернетъ тебя, сынокъ, вернетъ... — и вдругъ замолчала.

Въ углу тихо всхлипывала тетка Бися, а Марыня, спрятавъ голову въ занавѣску, плакала навзрыдь.

Къ счастью въ комнату вбѣжалъ мальчикъ съ докладомъ, что лошадь уже осѣдлана, а вслѣдъ за нимъ вошелъ Филиппъ и сообщилъ, что на люблинскомъ трактѣ видны какіе-то экипажи.

— Эго навѣрно староста ѣдетъ, надо предупредить пана мечника.

— Панъ мечникъ уже одѣвается и велѣлъ Северу встрѣтить гостей.

— Господи, а обѣдъ-то еще не готовъ! — воскликнула тетка Бися и убѣжала.

Растроганный ушелъ Северъ отъ матери. Послѣднія слова ея звучали, какъ радостное пророчество, въ его душѣ.

— А можетъ быть вернусь! Можетъ быть! — думалъ онъ, идя по комнатамъ, гдѣ уже началась суматоха; по полу шлепали босыя ноги дворовыхъ дѣвокъ и стучали каблучки шляхтянокъ, пролетающихъ, какъ вихрь, съ крахмальными юбками, шарфами и нарядными платьями, такъ какъ жена мечника, несмотря на болѣзнь, велѣла себя одѣть, Марыня тоже, а панны, хотя были готовы съ утра, теперь пополняли свои наряды. Въ парадномъ залѣ лакеи снимали съ мебели чехлы и оправляли свѣчи въ люстрахъ и канделябрахъ, а полотеръ такъ ревностно ѣздилъ на щеткахъ, что то и дѣло наталкивался на разную мебель и отчаянно ругался.

На крыльцѣ уже стояли Бжозовскій, Тшаска и Сулицкій, глядя на дорогу, гдѣ ничего еще не было видно.

— Не знаете ли, господа, ротмистръ еще не готовъ?

— Онъ сегодня, должно быть, совсѣмъ не появится, у него лопнули кюлоты и онъ проклиная весь міръ.

— Какъ же вамъ посчастливилось, отецъ? — обратился Заремба къ подошедшему Гіацинту.

— Не дай Богъ! Какъ пошла рыба, такъ разорвалась сѣть, и все черти взяли. Такой ужъ несчастный день! — вздохнулъ онъ, подавая табакерку.

— Да, день несчастный, и Эмиръ сегодня протянулъ ноги, — заявилъ Бжозовскій.

— Ахъ, какъ огорчится отецъ! Да что же съ нимъ случилось?

— Старость. Жеребцу было за двадцать лѣтъ, ну и пришелъ конецъ. Что! А?

На дорогѣ, обсаженной тополями и тянувшейся прямо отъ дома, вдругъ заигралъ рожокъ.

— Что за чортъ? Экстренная почта, что ли?

Они стали всматриваться въ тучу пыли, взвившейся надъ тополями. Вскорѣ появился красный всадникъ, который, не переставая трубить, доскакалъ до открытыхъ воротъ, пролетѣлъ вскачь черезъ весь дворъ и, осадивъ лошадь передъ крыльцомъ, прокричалъ:

— Ясновельможный староста Мщоновскій съ супругой! Сейчасъ здѣсь будутъ!

И дѣйствительно, не прошло и двухъ минутъ, какъ засіяла на солнцѣ громадная, золотисто-красная карета на поясахъ, запряженная шестеркой черныхъ лошадей съ форейторами и лакеями въ парикахъ. Зеленый егеръ, опоясанный мѣдной трубой, скакалъ рядомъ съ дверцей кареты, ведя цѣлую свору борзыхъ.

— Ъдутъ, какъ въ королевскій замокъ, — проворчалъ Заремба.

— Уже много лѣтъ такъ ѣздить, сударь мой. Въ корчмѣ принарядились, теперь катятъ прямо на мѣсто.

Карета вкатилась во дворъ. За зеркальными стеклами уже были видны высокіе бѣлые парики. Фореиторы начали хлопать въ воздухъ кнутами, лошади, обученныя спеціальнымъ образомъ, выкидывали ноги впередъ и трясли красными султанами, а егеръ такъ громко трубилъ, что всѣ собаки въ усадьбѣ подняли громкій лай. Съ большой торжественностью совершился и выходъ изъ экипажа. Лакеи подбѣжали къ дверцамъ и почти вынесли жену старосты. А самъ староста сходилъ по ступенькамъ, какъ бы съ триумфальной колесницы, прижимая къ груди ящикъ со скрипкой, съ которой онъ никогда не разставался. Одинъ только Рымкевичъ просто и живо выскочилъ изъ кареты.

Заремба отъ имени отца встрѣтилъ гостей краткимъ привѣтствіемъ и, предложивъ женѣ старосты руку, повелъ всѣхъ въ гостиную, гдѣ ихъ уже ожидала жена мечника, окруженная

всѣмъ своимъ женскимъ придворнымъ штатомъ. Послѣ весьма церемонныхъ привѣтствій и представленій все общество размѣстилось въ гостиной и началась бесѣда.

Староста и его супруга обладали преувеличенно придворными манерами. Оба были такъ стройны, что производили впечатлѣніе восковыхъ фигурокъ, одѣтыхъ великолѣпно по парижской модѣ, фигурокъ, которыя французскіе торговцы шелковыми матеріями развозили по усадьбамъ, для вящаго искушенія модницъ. Оба были одинаково надушены, лица у обоихъ были усыпаны мушками, а фигуры, несмотря на старость, тщательно вылощены. Прическа пани старостины была съ добрый локоть величиной. Ея платье съ большимъ декольте, тѣсно стянутое въ таліи, застегнутое на бокахъ и приподнятое спереди, было изъ шелковой матеріи цвѣта спѣлыхъ сливъ, затканной великолѣпными цвѣтами. Руки ея, затянутыя въ фіалковыя шитыя золотомъ перчатки, играли вѣеромъ. Увѣшанная драгоценностями, размалеванная, какъ мумія, она сидѣла неподвижно, поводя вокругъ мутными глазами, и бессмысленно щебетала, повторяя, какъ попугай, заученныя слова, улыбки, жесты.

Староста щеголялъ во фракѣ соломеннаго цвѣта, затканномъ голубыми цвѣточками, въ бѣломъ, шитомъ золотомъ жилетѣ, въ бѣлыхъ брюкахъ съ пряжками у колѣнъ и въ бѣлыхъ чулкахъ. Высокаго роста, съ сѣрыми глазами, римскимъ носомъ, съ очень выразительнымъ лицомъ, несмотря на слишкомъ подведенныя брови, придававшія ему выраженіе какого-то постоянного удивленія, староста носилъ бѣлый парикъ съ густыми буклями, охваченный сѣткой, щедро усыпанной брилліантами. Лѣвой рукой онъ опирался на рукоять великолѣпной шпаги, а въ правой держалъ шляпу съ перьями, которыми заметалъ полъ передъ дамами въ знакъ своего глубокаго къ нимъ почтенія.

Староста разыгрывалъ роль маркиза временъ Людовика XV, и до такой степени проникся этой ролью, что потѣшалъ все любельское староство. Шляхта отъ всего сердца насмѣхалась надъ его заграничными повадками и надъ хозяйствомъ, которое велось на французскій ладъ. Тысячи анекдотовъ рассказывались на эту тему по всему краю.

Теперь хозяева обращали на него мало вниманія. Взоры всѣхъ привлекалъ, главнымъ образомъ, поручикъ Рымкевичъ. Марыня, сидя рядомъ съ матерью, то краснѣла, то блѣднѣла, и несмотря на свой характеръ, не рѣшалась поднять глазъ и вымолвить слово. Даже вѣчныя приживалки, сидѣвшія по диванамъ у стѣнъ, смотрѣли на поручика съ трогательнымъ удивленіемъ.

И, дѣйствительно, Рымкевичъ былъ кавалеръ хоть куда: стройный, въ мѣру высокій, ловкій, съ открытымъ лицомъ, съ черными волосами, откинутыми со лба и густыми волнами, падавшими на плечи, съ блестящими, ласковыми глазами, правильнымъ носомъ и съ губами свѣжими, какъ малина. Олѣтъ онъ былъ великолѣпно, по модѣ парижскихъ «incroyables», какъ будто онъ вошелъ въ комнату прямо изъ «Palais-Royal'я»: фракъ съ длинными фалдами ярко-небеснаго цвѣта, съ высокой таліей, совершенно закрытый спереди, сидѣлъ на немъ, какъ влитой; бѣлый шарфъ закрывалъ ему шею и полъ-подбородка, трость съ золотымъ набалдашникомъ онъ держалъ у самыхъ зубовъ; подъ мышкой у него была шляпа; тонкая шпага съ золотой рукояткой болталась у его ногъ, а панталоны его были жемчужнаго цвѣта.

Но Рымкевичъ не внушалъ довѣрія, несмотря на свой видъ ласковаго лакомки. Зарембѣ сразу не понравились его шупающіе взгляды, которыми онъ старался осмотрѣть всѣхъ и все. Воспользовавшись удобной минутой, Заремба началъ его разспрашивать о томъ и о семъ.

Но Рымкевичъ говорилъ только о томъ, что могло его выставить въ лучшемъ видѣ,—онъ рассказывалъ о своихъ имѣніяхъ, находящихся на русской территоріи, о своихъ скитаніяхъ по свѣту. Ни слова не сказалъ онъ о Марынѣ и о цѣли сегодняшняго визита, не высказалъ онъ также и своихъ политическихъ убѣжденій. Заремба, увидѣвъ, что имѣетъ дѣло со старымъ воробьемъ, перевелъ разговоръ на текущія мелочи. И тутъ онъ ничего не добился. Рымкевичъ началъ сыпать анекдотами, рассказывалъ разныя происшествія и давалъ прозвища разнымъ важнымъ особамъ, чѣмъ еще больше обратилъ на себя всеобщее вниманіе. Марыня подняла на него полные восторга глаза.

Тѣмъ временемъ Бржозовскій, пристроившись къ старостѣ, серьезно спросилъ его:

— Ну, что, пане благодѣтель, какъ уродились ананасы? Что?

— Очень хорошо. Въ этомъ году было уже штукъ шесть-десять.

— И для салата нынѣшній годъ былъ теплый и урожайный,—подшучивалъ надъ старостой Бржозовскій.

Староста, принявшій его разспросы за чистую монету, горячо ему рассказывалъ о своихъ послѣднихъ нововведеніяхъ въ хозяйствѣ, надъ которыми особенно трунили его сосѣди.

— Тяжело бороться съ темнотой,—началъ онъ жаловаться.—Какъ вашей милости извѣстно, я перевелъ своихъ крестьянъ на чиншъ, на свой счетъ построилъ имъ избы и основалъ школу; потомъ, чтобы они пріобрѣли видъ просвѣщенный, я велѣлъ

имъ переодѣться въ суконныя куртки, короткіе штаны, чулки и надѣть сабо на деревянныхъ подошвахъ. Въ этомъ костюмѣ они имѣли великолѣпный видъ. Но бабы подняли такой бунтъ, что не помогли ни просьбы, ни угрозы. Не хотятъ—и баста.

— Можетъ быть, имъ бы больше понравились шитые золотомъ фраки и парики. Что?

— Всякому новому самому полезному мѣропріятію они даютъ непреодолимый отпоръ. Въ видахъ чистоплотности я построилъ при избахъ небольшія будочки. Но они продолжаютъ по-старому...

— На чистомъ воздухѣ, за сараями, мой пане? Подлые неблагодарные хамы!—Бржозовскій уже задышался отъ смѣху, но еще сдерживался; онъ шепнулъ, лукаво улыбаясь:

— Если бы имъ поставить посудины для надобности, они бы въ концѣ-концовъ привыкли...

— Вотъ именно,—я приказалъ кузнецу надѣлать жестяныхъ и раздать. Что же вы думаете, ваша милость, какъ-то разъ захожу въ одну избу—баба варить въ посудинѣ кашу. Я руками всплеснулъ отъ огорченія.

— Господи, Иисусе Назарейскій, не могу больше. Ха, ха, — загрохоталъ Бржозовскій, да такъ, что всѣ къ нему обернулись, а староста покраснѣлъ, какъ ракъ.

Въ эту минуту въ гостиную вошелъ мечникъ въ парадномъ красномъ кунтушѣ. Крутя усы, онъ поспѣшно подошелъ къ ручкѣ пани старостины, извиняясь за опозданіе.

Этимъ моментомъ воспользовался Заремба, чтобы незамѣтно ускользнуть изъ комнаты. Захвативъ въ своей комнатѣ бурку и карманные пистолеты, онъ вскочилъ на коня, привязаннаго у крыльца, и, выѣхавъ за ворота, свернулъ на дорогу, ведущую черезъ село къ Стокамъ.

Была обѣденная пора и улицы села были переполнены возвращающимся съ пастбища скотомъ. Быки, овцы, свиньи, группы людей—все это двигалось къ хатамъ. Заремба медленно ѣхалъ, внимательно осматривая избы. Аккуратно, вдоль дороги, стояли онѣ, какъ старые засохшіе грибы, покосившіяся отъ старости, убогія, ободранныя, отдѣленныя другъ отъ друга садами. Нигдѣ не было видно цѣлаго плетня; трубы отсутствовали—дымъ выходилъ или черезъ отверстія, продѣланныя въ крышѣ, или просто вырывался изъ оконъ. Дорога, несмотря на сухую погоду, была вся изрыта глубокими колеями. Какія-то деревья съ ободранной корой протягивали вдоль улицы свои исковерканныя вѣтви. И люди выглядѣли не лучше: малорослые, съ землистымъ цвѣтомъ лица, босые, въ убогихъ полотняныхъ рубахахъ, подпоясан-

ные красными поясами, они угрюмо двигались, склонивъ свои пораженные колтуномъ головы. Кое-гдѣ подъ избами расположились обѣдать. При видѣ панича всѣ вскакивали съ мѣстъ и, казалось, солнечный лучъ сразу освѣщалъ всѣ лица. Зарембу встрѣчали радостными улыбками, ему вслѣдъ летѣли горячія привѣтствія. Иногда кто-нибудь припадалъ губами къ его сапогамъ и колѣнамъ. Какой-то столѣтній старикъ низко склонился, привѣтствуя его. Бабы съ грудными младенцами на рукахъ преграждали ему дорогу. Мальчишки съ собаками бѣжали за нимъ слѣдомъ. Заремба пришпорилъ коня. Онъ былъ очень тронутъ такимъ расположеніемъ крестьянъ. Это расположеніе, казалось, подкрѣпляло всѣ его новостанчискіе замыслы и намѣренія.

Заремба остановилъ коня только у послѣдней избы за селомъ.

— Какъ здоровье, Шимкова?—обратился онъ къ женщинѣ, доившей у дома корову.

Мать Кацпера сейчасъ же отставила подойникъ съ молокомъ, обтерла губы подоломъ рубахи и низко поклонилась Зарембѣ. Это была женщина уже въ лѣтахъ, высокая, съ морщинистымъ лицомъ, съ сѣрыми быстрыми глазами, но очень еще крѣпкая. На Зарембу она смотрѣла, какъ на святую икону.

— Видѣли сегодня Кацпера?

— Слава Богу, паничъ, ему теперь гораздо лучше.

— Недѣли черезъ двѣ онъ уже будетъ въ состояніи ѣхать со мной.

— На войну?—Глаза старухи засверкали огнемъ, но голосъ былъ спокоенъ.

— Какъ Богъ дастъ, мать,—отвѣтилъ Заремба и сунулъ ей въ руку нѣсколько дукатовъ.—Сохранили это на всякій случай: неизвѣстно, когда мы вернемся.

— На что мнѣ это, паничъ? Мало ли мнѣ надавали уже Кацперъ и панна Дося!

— Спрячьте. А гдѣ Юзекъ и дѣвушка?

— Хлопецъ съ другими повезъ на перевозъ панское жито; а дѣвушка въ усадьбѣ. помогаетъ паниѣ Досѣ. Сегодня, вѣдь, тамъ гости.

— Если бы съ вами приключилась какая бѣда, идите прямо къ матери: она васъ не оставитъ. Вашъ Кацперъ мой другъ и товарищъ...

— О, паничъ мой золотой!—всхлипнула старуха, обнимая колѣни Зарембы. —Послѣдній вздохъ можно отдать за всю вашу доброту къ народу. Всѣ это готовы сдѣлать, Иисусе Сладчайшій,—закончила она прачитаньемъ.

— Оставляйтесь съ Богомъ,—крикнулъ Заремба, трогаясь съ мѣста короткимъ галопомъ. Миновавъ корчму надъ рѣкой и еврея, кланявшагося ему до земли, Заремба направился по широкой, обсаженной деревьями дорогѣ къ темной опушкѣ лѣса.

День былъ чудный. Солнце ярко свѣтило; было тихо, воздухъ былъ полонъ осеннихъ красокъ; пахло вспаханной землей и увядшими листьями. Жнивья, опутанныя паутиной, искрились на солнцѣ, какъ будто покрытыя брилльянтовой пылью. Стоги хлѣба казались золотыми. По межамъ и крестьянскимъ полямъ виднѣлись раскидистыя грушевыя деревья, какъ бы одѣтыя уборомъ изъ позолоченныхъ амарантовъ. Надъ самой дорогой склонялись бѣлыя березы съ желтой, какъ воскъ, листвою; кое-гдѣ поднимался дубъ и казался выкованнымъ изъ мѣди; тамъ виднѣлся пурпурно-золотой кленъ; здѣсь купы терновника, покрытаго фіолетовыми плодами. Казалось, весь свѣтъ замеръ въ своей осенней красѣ; неизъяснимая мягкость чувствовалась въ воздухѣ, въ этомъ спокойствіи деревьевъ, въ низкомъ лазоревомъ небѣ, кое-гдѣ покрытомъ бѣлыми облаками. Широкая, холмистая равнина была покрыта голубоватой мглой, изъ которой слабо выступали темныя пятна сосновыхъ лѣсовъ, небольшія села, колокольни костеловъ и фольварки среди желтѣющихъ деревьевъ. Пусто было на дорогахъ: изрѣдка скрипѣла крестьянская телѣга или тащился плугъ, запряженный парой сѣрыхъ воловъ; порой слышалось мычанье коровъ на пастбищахъ. И было тихо, тихо, какъ въ Божьемъ храмѣ, наполненномъ видимыми чудесами и ласковымъ величіемъ.

Заремба зналъ этотъ край съ дѣтства: онъ помнилъ его и покрытымъ глубокими сугробами снѣга, и въ разгарѣ весны, и въ лѣтній палящій зной, и при позднихъ осеннихъ ливняхъ. Сегодня видъ этихъ полей наполнялъ его сердце какой-то жалостью, невольная дрожь пробѣгала по его членамъ, и непрошенныя слезы навертывались на глаза, а въ сердцѣ зарождалась какая-то непонятная тревога.

Все чаще прищипоривалъ Заремба коня; скакунъ летѣлъ, какъ на крыльяхъ, только играла селезенка и весь онъ покрылся пѣной.

Послѣ часовой скачки Заремба поднялся на лѣсистое взгорье, съ котораго въ долину спускалась широкая утрамбованная дорога,—тамъ находились дядюшкины Стоки. Огромные пруды, обсаженные по берегамъ стройными тополями и соединенные каналами, блестѣли, какъ серебряные полированные щиты; надъ прудами расположилась усадьба съ двухъэтажнымъ домомъ и высокими башнями; дальше тянулись сады, пахотныя поля и виднѣлись разбросанные поселки.

Откуда-то съ полей вѣтромъ донесло звуки трубъ и собачій лай.

— Забавляется съ ружьемъ, какъ всегда,—проворчалъ Заремба, въѣзжая въ село, раскинувшееся надъ прудами. Отъ какой-то бабы Заремба узналъ, что весь дворъ съ утра уже на охотѣ. Онъ только что направился къ воротамъ, рѣшивъ поджидать дядю, какъ вдругъ конь его захрапѣлъ и сталъ на дыбы. Въ воротахъ сидѣлъ старый медвѣдь; замѣтивъ чужихъ, онъ грозно заворчалъ. Заремба въѣхалъ во дворъ черезъ другія ворота; но никто не показывался, только цѣлая свора собакъ съ лаемъ и визгомъ бросилась ему навстрѣчу.

Долго пришлось ему кричать, пока появился какой-то оборванный мужикъ.

— Никого нѣтъ дома?—спросилъ Заремба, окидывая взглядомъ окна.

— Я не знаю, я не комнатный,—пробурчалъ мужикъ, принимая коня.

По широкимъ деревяннымъ ступенямъ вошелъ Заремба въ первый этажъ—весь домъ былъ поставленъ на фундаментъ стараго, когда-то уничтоженнаго, замка и подъ первымъ этажомъ было каменное основаніе, съ обшитыми тесомъ бойницами; остатки глубокаго рва виднѣлись еще подъ стѣнами. Постройка итальянской архитектуры была страшно запущена и разрушена. Въ сѣняхъ, высокихъ, какъ костель, и увѣшенныхъ по стѣнамъ охотничьими трофеями, на медвѣжьихъ и волчьихъ шкурахъ лежали больныя и издыхающія собаки; по угламъ были навалены сѣти и западни для разнаго звѣрья и кучи желѣза и упряжи.

Въ обширныхъ богатыхъ покояхъ съ мозаичными стѣнами, на которыхъ еще виднѣлись остатки гобеленовъ, съ изображеніемъ сценъ изъ мифологіи, царилъ невѣроятный безпорядокъ. Собаки валялись на диванахъ и креслахъ, обтянутыхъ позолоченной испанской кожей. Мѣстами штукатурка обвалилась и много выбитыхъ стеколъ было заклеено бумагой. На полу валялись какіе-то свитки и выдранныя изъ переплета книги. Всюду по стѣнамъ висѣло много холоднаго и огнестрѣльнаго оружія, сѣделъ съ чепраками, головныхъ уборовъ и панцирей.

Заремба зналъ своего дядю за человѣка, отрицающаго какой бы то ни было порядокъ, и потому не удивлялся тому, что видѣлъ. Онъ бродилъ по комнатамъ, разсматривая то да се, какъ вдругъ попалъ въ башню, гдѣ витая лѣстница вела на крышу, съ которой открывался видъ на все окрестности. Башня была круглая и въ каждомъ этажѣ въ ней было по комнатѣ. Заремба очень удивился, когда увидалъ, что она приведена въ полный поряд-

докъ и какъ будто обитаема. Онъ помнилъ, что прежде это была чуть не развалина, обиталище совъ, летучихъ мышей и крысъ, о которыхъ съ ужасомъ говорила дворня.

Заремба быстро взбѣжалъ на антресоли,—каково же было его удивленіе, когда навстрѣчу ему поднялась высокая блондинка, у ногъ которой лежала бѣлая борзая. Панна взглянула на него небесно-голубыми глазами и вѣжливо усмѣхнулась.

Смущенный неожиданнымъ сюрпризомъ, Заремба началъ усердно извиняться.

Незнакомка разсмѣялась веселымъ смѣхомъ и посмотрѣла ему рѣшительно въ глаза.

— Неужели панъ не узнаетъ меня?—Что-то знакомое было въ этомъ голосѣ.

— Ей-Богу, не имѣю чести...—бормоталъ Заремба, роясь въ памяти.

— Неужели панъ не узнаетъ Цеськи?—Голосъ ея задрожалъ отъ волненія.

— Когда-то я зналъ ее маленькой дѣвочкой, а теперь стою какъ передъ какой-то Діаной, какъ же мнѣ несчастному узнать,—началъ Заремба высокимъ слогомъ.

— А вы, ваша милость, не измѣнились, только шрамъ прибавился надъ глазомъ.

— Это моя квартира,—прибавила она, видя, что Заремба осматривается.—Дядя мнѣ разрѣшилъ, а то внизу не выдержишь, а онъ, вѣдь, ничего не позволяетъ перемѣнить. Садитесь,—и она пододвинула ему стулъ и сама сѣла напротивъ.

— Цеська, панна Цеся, будь я проклятъ, если ждалъ такой перемѣны!—дивился Заремба, озираясь по солдатской привычкѣ.

Дѣвушка была красива: взоръ ея былъ смѣлъ, рѣчь рѣшительна, а осанка, несмотря на болѣе чѣмъ простой костюмъ, внушала уваженіе. Она даже ничуть не покраснѣла подъ любопытнымъ взоромъ Зарембы, а сидѣла спокойно, прижимая къ себѣ голову борзой и серьезно отвѣчая на всѣ вопросы. Лицо, бронзовое отъ солнца, полныя красныя губы, брови, сомкнутыя надъ правильнымъ носомъ, высокая грудь, быстрыя рѣшительныя движенія, низкій вибрирующий голосъ—всѣ эти черты создавали образъ, полный здоровья, силы, благожелательства и искренности. Она тихо смѣялась и въ ея умныхъ глазахъ, отѣненныхъ густыми рѣсницами, таился умъ. Чѣмъ больше Заремба смотрѣлъ на нее, тѣмъ увѣреннѣе въ себѣ казалась она ему и тѣмъ проще казались ея деревенскія манеры. Далеко ей было даже до дѣвицъ гродненскаго общества.

«Вотъ простая дѣвка изъ засцянка ¹⁾ и притомъ рыжая, какъ бѣлка», думалъ Заремба, глядя на ея голову, обвитую густыми косами цвѣта чистаго золота.

— Что жъ, панна не боится одна въ башнѣ?

— Противъ страха у меня есть заряженный пистолеть,—она указала на цѣлый арсеналъ надъ кроватью.—Какъ-то нашъ капелланъ пробовалъ подшутить надо мной и ночью въ бѣлой одеждѣ, гремя кандалами, съ горячимъ углемъ въ зубахъ вошелъ сюда. Сперва я испугалась, а потомъ выпалила изъ ружья; къ счастью, я промахнулась, а все же его милость слетѣлъ со ступенекъ и два дня его обкладывали разными зельями.

— У панны кавалерскія фантазіи?

— Я сирота, и должна сама себя опекать,—просто отвѣтила она.

Они сошли во дворъ, откуда открывался видъ на пруды, село и лѣсистые холмы. Панна Цеся начала съ удовольствіемъ вспоминать прошлыя совмѣстныя шалости, вспомнила о какомъ-то происшествіи въ буфетѣ, когда тетка захватила ихъ на воровствѣ сахара.

— Я и сейчасъ съ удовольствіемъ былъ бы тамъ: у меня въ кишкахъ бьютъ барабаны,—живо прервалъ ее Заремба.

— А мнѣ это и въ голову не пришло,—воскликнула она и, схвативъ его, какъ прежде, за руку, побѣжала на другую сторону дома, гдѣ была столовая.

Тамъ подъ окномъ сидѣла тетка Марковская, старая, толстая и глухая пани, исполнявшая въ Стокахъ Богъ вѣсть какія обязанности: чаще всего она бормотала молитвы, вязала чулки, гадала на картахъ и раскладывала пасьянсы.

И теперь она сидѣла за картами и, поздоровавшись съ Зарембой, какъ будто разсталась съ нимъ только вчера, она начала по порядку рассказывать:

— Девятка червей, бубновый король и трефовая девятка: сильная любовь, кавалеръ въ дорогѣ и несчастье. Разъ, два, три,—она выкладывала карты, мусоля ихъ толстымъ пальцемъ.—А какъ себя чувствуетъ твоя мать, кашляетъ, какъ овца? Это что за сюрпризъ? Пиковый король! То, то, валетъ червовый съ сердечными чувствами къ трефовой дамѣ. О, Боже, снова десятка трефъ. Поздравляю, Цеська, при тебѣ брюнетъ и червовая девятка. Разъ, два, три. Деньги и важныя новости.—Старуха такъ погрузилась въ комбинаціи картъ, что не замѣтила, какъ Заремба, наскоро перекусивши, вышелъ во дворъ.

¹⁾ Село, населенное безземельной шляхтой.

Панна Цеся начала спрашивать Зарембу объ общественныхъ дѣлахъ. Онъ отвѣчалъ ей шуточками, такъ что она даже обидѣлась.

— Вы обращаетесь со мной, какъ съ надоѣдливой мухой.

— Я думалъ, вамъ, какъ невѣстѣ, интереснѣе всего новости о нарядахъ...

— При нуждѣ я умѣю ухаживать за курами и доить коровъ, но интересуюсь и другими вопросами.

— Спрашивайте, панна, я готовъ отвѣчать.

Она покраснѣла, какъ будто кто-то осыпалъ ее огнемъ.

— Вы обращаетесь со мной, какъ съ дѣвчонкой,—уже гнѣвно воскликнула Цеся.

— Извиняюсь усердно передъ панной хорунжанкой.

Цеся пронизала Зарембу острымъ взглядомъ и, посвиставши собакамъ, сбѣжала съ ними къ медвѣдю. Мишка поднялся на заднія лапы, обнялъ ее и сталъ лизать ея лицо и шею, а она отвѣчала ему ласками.

«Запальчивая штучка», думалъ Заремба, глядя на ея игру съ медвѣдемъ, и мысленно разсмѣялся надъ проектами отца.

Какъ разъ въ этотъ моментъ со стороны села загремѣли трубы. Около прудовъ въ густой тучѣ пыли показалась многочисленная кавалькада охотниковъ. Впереди летѣлъ запряженный четверней возъ, а сзади скакала группа всадниковъ. Какъ буря, влетѣли они въ ворота и при звукахъ трубъ, шелканьи бичей и визгѣ собакъ остановились подъ навѣсами двора.

Заремба бросился привѣтствовать дядю, который послѣ жаркихъ объятій, передалъ его своимъ кумовьямъ, какъ онъ называлъ всѣхъ своихъ неразлучныхъ товарищей и завсегдатаевъ. Заремба сразу попалъ въ объятія Домарацкаго, мужчины саженаго роста, извѣстнаго со временъ Барской конфедераціи, правой руки блаженной памяти Мальчевскаго; затѣмъ Севера прижалъ къ своему сердцу Тржчинскій, шляхтичъ, обладавшій огромной силой, ходившій съ рогатиной на медвѣдя, первый рубака въ подляскомъ воеводствѣ, буянь, забіяка и картежникъ; у него была совершенно лысая голова, покрытая рубцами, какъ колода для рубки мяса; усы его торчали, какъ пуки соломы, а носъ бураковаго цвѣта былъ усыпанъ бородавками. Далѣе протягивалъ къ Зарембѣ свои длинныя руки Хмелинскій, съ бритымъ, какъ у ксендза, лицомъ, сладкимъ голосомъ и чувствительнымъ сердцемъ, готовый проливать слезы по всякому поводу и въ то же время извѣстный своей жестокостью, несравненный стрѣлокъ и горчайшій пьяница. Четвертымъ къ Зарембѣ подступалъ Богатко, человѣкъ со знойными страстями, до глазъ заросшій

пучковатой бородой и съ кривыми ногами. Наконецъ, раскрылъ свои объятія, какъ ворота, францисканскій монахъ, высокій, какъ жердь, и худой, какъ скелеть, съ впалымъ животомъ, но съ румянымъ, жирнымъ и лоснящимся лицомъ.

— Боже-Спаситель!—восклицалъ онъ, сердечно обнимая Зарембу.—Смотрите, люди добрые, какой молодець! Какой солдатъ! Ну-ка, дай еще разъ тебя поцѣловать!

И снова сталъ Северъ переходить изъ рукъ въ руки, какъ бокаль съ виномъ. Вся компанія не знала, какъ и выразить ему свое расположеніе. Всѣ они были сироты, старые, бездомные волки. Судьба послала имъ много испытаній, и ея удары сурово разражались надъ ихъ головами. Къ счастью, они нашли пріютъ въ Стокахъ. Старый Заремба любилъ необыкновенныхъ людей, а за каждымъ изъ нихъ числились кое-какія недоразумѣнія съ закономъ, надъ каждымъ нависли разные приговоры и взысканія и каждый изъ нихъ радъ былъ отблагодарить своей опытностью въ разнаго рода специальностяхъ за пріютъ и ласку. Домарадзскій былъ рѣдкій знатокъ лошадей; Тржцинскій—специалистъ во всѣхъ вопросахъ охоты, его областью были еще луга и засѣки; Богатко особенно любилъ птицъ и у него былъ особый даръ такъ искусно играть на дудочкѣ, съ которой онъ никогда не разставался, что пернатая голытьба, вся, даже хищники, шла прямо ему въ руки, когда онъ свистѣлъ въ свою дудку; Хмелинскій болталъ по-еврейски и великолѣпно умѣлъ копировать каждого голосомъ и жестами, онъ былъ, кромѣ того, знатокъ вишъ и великолѣпно готовилъ бигосъ¹⁾. Францисканецъ былъ прекраснымъ ружейнымъ мастеромъ и не только могъ чинить оружіе, но умѣлъ и самъ отливать новыя вещи; кромѣ того, онъ зналъ заговоръ отъ колтуна и выдумывалъ всевозможныя лѣкарства противъ всякихъ другихъ болѣзней. Старые это были «дѣды»—самый младшій, капелланъ, насчитывалъ шестьдесятъ съ хвостикомъ,—но они были еще крѣпки и во всякое время готовы на охоту и выпивку, а подчасъ ими, напримѣръ Богатко, еще овладѣвали грѣшныя страсти, такъ что не разъ избы оглашались плачемъ и не одна корова уходила съ панскаго двора на удовлетвореніе поруганной нравственности. Самъ Онуфрій Заремба, двоюродный братъ пана мечника, много служилъ за границей въ войскахъ, потомъ во времена Барской конфедераціи стоялъ подъ Ченстоховской хоругвью и, въ концѣ-концовъ, покрытый ранами, пресыщенный приключеніями, поселился въ Стокахъ, доставшихся ему по наслѣдству отъ матери, урожденной Грод-

¹⁾ Колбаса съ капустой.

зицкой, кастелянши Велуньской. Восьмой десятокъ считаль у себя за плечами старый Заремба, а было еще въ немъ столько силы, столько удали, что никто не далъ бы ему больше шестидесяти; огромнаго роста, съ орлинымъ профилемъ и сухимъ лицомъ, мускулистый, съ громовымъ голосомъ, панъ Онуфрій коротко стригъ усы и бороду въ видахъ чистоплотности; онъ носилъ красную бархатную конфедератку съ сѣрымъ околышемъ; всегда въ зеленомъ кунтушѣ съ золотыми кантами, въ такихъ же шароварахъ и черныхъ сапогахъ, старикъ носилъ простую саблю въ черныхъ кожаныхъ ножнахъ съ офицерскимъ темлякомъ. Слылъ онъ за чудака и считался первымъ охотникомъ края, такъ какъ охотился круглый годъ и на своихъ и чужихъ угодьяхъ, результатомъ чего была непрерывная свара съ сосѣдями, пени и потравы. Взгляды его были независимы и открыты, и его прямота и откровенность вошли въ поговорку. Ни съ кѣмъ въ окрестности не водился онъ, исключая своихъ кумовьевъ; къ крестьянамъ былъ добръ и ласковъ, а они отвѣчали тѣмъ, что охотно шли на облавы, не истребляли понапрасну дичи и стерегли собакъ. Не успѣлъ онъ еще хорошенько поздороваться съ Северомъ, какъ захопоталъ о какой-то борзой, и голосъ его гремѣлъ такъ, что окна задребезжали.

— Пятьдесятъ батоговъ, если не найдется!—съ жаромъ посулилъ старикъ.—Что, видѣлся съ Цесъкой?—обратился онъ къ Северу, провожая его въ комнаты.

— Она ужъ даже успѣла на меня разсердиться.

— Можетъ, сказалъ ей что-нибудь неприличное?

— О, она не позволитъ сѣсть себѣ въ кашу: чопорна страшно.

— И единственная въ своемъ родѣ, скажу тебѣ, и на конѣ; и въ туза попадаетъ изъ пистолета на сорокъ шаговъ; голова ея не запаскужена разными фиглями-миглями и романсами, какъ у другихъ. И посовѣтоваться съ ней можно, есть толкъ. Молодецъ дѣвка!

Когда они пришли въ собственную комнату хозяина, гдѣ, какъ и во всемъ домѣ, царилъ полный беспорядокъ и собаки валялись и на кровати, и на большомъ столѣ, старый Заремба растянулся на лавкѣ, покрытой медвѣжьей шкурой, закурилъ трубку и началъ исповѣдывать племянника. Северъ охотно отвѣчалъ на разспросы, ничего не утаилъ и подробно распространился о планахъ инсurreкціи,—онъ надѣялся привлечь дядю на свою сторону. Не успѣлъ онъ опомниться, какъ старикъ загорѣлся вдругъ, какъ трутъ на вѣтрѣ, и рѣшительно заявилъ:

— Кавалерское слово, я съ кумами и челядью иду въ дѣло! Хотя бы я голову положилъ, а я буду тамъ,—кричалъ онъ

въ азартѣ.—Боже Единый, а я усомнился въ твоёмъ милосердіи и думалъ, что послѣдніе часы пробили для Рѣчи Посполитой, что всему капуть! О, Иисусе распятый, въ третій день воскресшій!..—И съ этими словами старикъ упалъ на колѣни и громко молился съ такимъ жаромъ и воодушевленіемъ, что у Севера слезы ручьемъ хлынули изъ глазъ.

— На коня, и гайда на песьихъ сыновъ!—вдругъ вскричалъ старый Заремба, вскакивая съ колѣнъ.—Постой, кобылки дѣти, мы вамъ пропишемъ на лбахъ гарантіи и дружбу! Бери моихъ хлоповъ, бери все, что пригодно для дѣла. Ахъ, если бъ мнѣ годовъ шестьдесятъ съ плечъ! Еще со временъ Барской конфедераціи у меня оскомины,—и старикъ ударилъ молоткомъ по щиту, висѣвшему на стѣнѣ. Раздался громкій звонъ. Вбѣжалъ казачокъ.

— Я покажу тебѣ что-то особенное. Эй, Костя, свѣту и отца Альбина ко мнѣ!

Появился факелъ, вбѣжалъ безпokoенный францисканецъ.

— Поищемъ-ка какую-нибудь флягу для сегодняшнихъ священнодѣйствій.

— Отъ сивухи на заутреню, до мальвазіи на вечерню—все готово.

— Ну, въ виду особо важнаго случая выпьемъ чего-нибудь получше.

— Тутъ кумъ Хмелинскій лучше бы посовѣтовалъ. Какъ бы онъ не обидѣлся.

— Нѣтъ, теперь частное дѣло—нужно быть только втроемъ.

Старикъ повелъ Севера и ксендза въ погребъ. Туда приходилось спускаться изъ большихъ сѣней по крутой и темной лѣстницѣ. Казачокъ съ смолянымъ факеломъ свѣтилъ впереди. Подземелья замка были очень обширны. Много тамъ было камеръ со сводами, низкихъ пороховыхъ погребовъ, крытыхъ переходовъ, и все это освѣщалось лучами свѣта, падавшего изъ бойницъ.

Какъ только наши путники остановились передъ желѣзными дверьми, ведущими въ винный погребъ, вдругъ появилась запыхавшаяся панна Цеся.

— Отыди, сатана!—вскричалъ ксендзъ, загораживая ей дорогу.—Не пускай ее, ваша милость.

— Уходи, Цеська! Въ этомъ погребѣ не должно быть твоей ноги.

— Пустить волка въ овчарню!—добавилъ капелланъ.

— Дядюшка, я только посмотрю, только понюхаю и уйду.

— Не разъ вѣдь я тебѣ говорилъ, что дыханіе невѣсты превращаетъ вино въ квасъ,—строго сказалъ старый Заремба.

Раздосадованная панна Цеся удалилась, а они поспѣшно вошли въ погребъ и заперли за собой дверь на ключъ. Погребъ

представлялъ изъ себя длинный склепъ, раздѣленный дубовыми стѣнами на отдѣльныя помѣщенія. Въ каждой комнатѣ сохранялись напитки опредѣленнаго происхожденія: первая называлась Венгерія; здѣсь въ бочкахъ и боченкахъ терпѣливо ожидали освобожденія стоялыя токайскія вина; другая прозвана была Иберія и заключала въ себѣ сокровища полуденныхъ странъ: сладкій аликантъ, мускатель, мальвазію и чудеса далекаго Кипра; самая обширная комната носила названіе Республики—въ ней въ строгомъ порядкѣ стояли бочки медовъ, наливкоъ и старой водки; воздухъ въ ней былъ полонъ опьяняющаго прянаго запаха. Наконецъ, въ послѣдней комнатѣ, безъ названія, охраняемой двойной броней перегородокъ, какъ въ святилищѣ, сохранялись чудеснѣйшіе напитки, не имѣющіе цѣны, предназначенные каждый для какого-либо особаго случая. На дубовыхъ столахъ лежали пузатые, какъ будто сросшіяся фляги, покрытыя толстымъ слоемъ паутины. На стѣнахъ то здѣсь, то тамъ виднѣлись сдѣланныя смолой надписи, обозначающія даты происхожденія напитковъ, восходившія порой до временъ Собѣскаго. Наши герои съ почтеніемъ стояли передъ этимъ полчищемъ ветерановъ. Старый Заремба долго и глубокомысленно думалъ, наконецъ, взялъ флягу вмѣстимостью въ гарнецъ и сказалъ:

— Вотъ этотъ, мнѣ кажется, какъ разъ годится. Anno Domini 1707, медъ отъ каштеляна Свирскаго. Эй, Костя, снеси, да осторожно, не болтай и не лижи, а не то отвѣдаешь плетей.

— Я самъ отнесу, что онъ понимаетъ,—сказалъ капелланъ и, взявши флягу въ объятія, онъ понесъ ее, какъ дароносицу.

— Возвращайся же, мы еще себѣ кое-что выберемъ, а Костю оставь наверху.

Какъ только ксендзъ возвратился, старикъ зажегъ фанель и повелъ всѣхъ боковымъ коридоромъ.

— Да вѣдь тамъ нѣтъ выхода,—сказалъ Северъ.

— Посмотримъ. Осторожнѣй!

Подошли къ концу коридора и остановились передъ замурованнымъ выходомъ въ ровъ. Старикъ отсчиталъ съ лѣвой стороны на стѣнѣ пять камней и, упершись плечами въ шестой, всей силой налегъ на него. На помощь ему поспѣшилъ отецъ Альбинъ. Загрохотало заржавѣвшее желѣзо и камень повернулся на своемъ основаніи, открывая глубокій, освѣщенный круглыми окошечками проходъ.

— Во имя Отца и Сына,—какъ въ сказкѣ, вскричалъ Северъ. Онъ съ дѣтства зналъ наизусть подземелье и не воображалъ, что можетъ существовать такой тайникъ.

— Погоди удивляться,—шепнулъ ему дядя и сталъ спускаться

по желѣзной лѣстницѣ въ низкій казематъ, сдѣланный изъ тесаннаго дикаго камня, съ желѣзными балками. Двѣ двери вели въ огромныя камеры. Въ одной стояли бочки съ порохомъ и лежали груды свинца; а въ другой, побольше, на стѣнахъ висѣли карабины и сабли, а на деревянныхъ кобылахъ лежали сѣдла и самая разнообразная упряжь.

— Всего этого было на двѣсти человѣкъ.

— Такъ оно и есть; я самъ все переносилъ,—подтвердилъ ксендзъ.

— Ни одного ржаваго пятна нѣтъ на карабинахъ: я облилъ ихъ растопленнымъ саломъ, какъ колдуны. Смотри, смотри, бьюсь объ закладъ, что ни пятнышка не найдешь.

— Право, собственнымъ глазамъ не вѣришь!—воскликнулъ Северъ, осматривая оружіе.

— Ремни истлѣли въ конецъ, сабли затупѣли и заржавѣли; ну, это пустяки: въ одинъ день очистимъ и отточимъ до блеску.

— Вотъ все, что мы сохранили отъ Барской конфедерациі. Есть еще немного серебрянаго лому.

Старикъ открылъ тяжелый сундукъ, окованный толстыми желѣзными полосами. Въ немъ лежала куча серебрянаго лому, остатки заставокъ, дароносицъ, крестовъ и разной другой церковной утвари.

— Все это отнято у бестіи Древича, грабителя костеловъ. Бери. На дѣло, и эта мелочь пригодится. Когда-то хотѣлъ пожертвовать въ Ченстоховъ, да святой отецъ не позволилъ.

— Еще бы, Матерь Божія и такъ вся въ золотѣ и серебрѣ. Ну, для вѣрности такой ломъ можно перевозить въ смолѣ. Потомъ водкой можно все обмыть.

— Я пришлю Кацпера. Онъ изобрѣтетъ самый лучший способъ.

— Оружіе нужно осмотрѣть и вычистить? Но въ чемъ же дѣло?

— Правда, вѣдь святой отецъ ничего не знаетъ.

И старый Заремба въ короткихъ словахъ разсказалъ ксендзу все, что узналъ отъ Севера.

— Скоро придетъ время и мы, куманекъ, пойдемъ въ дѣло.

— Вашей милости о спасеніи души надо думать. Восьмой десятокъ за плечами, а въ головѣ еще вѣтеръ свищетъ. Боже Великій, смилуйся надо мной!

— Я вижу, святому отцу жаль теплаго угла, перины и бабы. Ха, ха!

— Зачѣмъ оскорблять меня въ моихъ лучшихъ чувствахъ!—воскликнулъ глубоко обиженный патеръ.

Когда компанія поднялась наверхъ, францисканецъ началъ подробно спрашивать Севера обо всемъ, что касалось дѣла возстанія Изъ разспросовъ для Зарембы стало ясно, что ксендзь очень хорошо освѣдомленъ о всѣхъ общественныхъ дѣлахъ, что онъ сочувствуетъ несчастью отечества и съ тревогой смотритъ въ будущее.

— Пока крестьянство въ неволѣ,—запальчиво доказывалъ патерь,—до тѣхъ поръ оно добровольно не станетъ на защиту отечества, а безъ народа вы съ непріятелемъ не справитесь.

По поводу этого заявленія загорѣлся горячій споръ между старымъ Зарембой и капелланомъ; оба были горячіе спорщики и кричали, какъ безумные.

Северъ не вмѣшивался въ споръ. Онъ сдерживался, не желая открыть дядѣ своего образа мыслей, съ удивленіемъ замѣчая, что старикъ является горячимъ защитникомъ всякихъ привилегій и слышать не хочетъ ни о какихъ реформахъ, а въ особенности объ уничтоженіи крѣпостного права.

— Объявляю «veto», — раздраженно гремѣлъ старикъ. — И если бы кто вздумалъ волновать моихъ крестьянъ какими-то «правами человѣка» или универсалами о вольностяхъ, я бы высыпалъ ему сто батоговъ, будь онъ хоть ясновельможный панъ, и связаннаго отправилъ бы въ городъ!

— А, вотъ въ чемъ дѣло,—ядовито возражалъ ксендзь.—Заговорилъ шляхетскій гоноръ. Ничто имъ весь народъ и благо общества. Пусть погибаетъ отчизна, лишь бы моя привилегія была цѣла!

— Довольно, мудрецъ! — гнѣвно прервалъ его старый Заремба.—Я не лютый звѣрь, уничтожающій невинныхъ овецъ, а твои поученія мнѣ надоѣли; наплевать мнѣ на твою якобинскую вѣру!

Съ этими словами старикъ хлопнулъ дверью и вышелъ.

— Всеобщая шляхетская болѣзнь,—проворчалъ ему вслѣдъ ксендзь.

— Однако, онъ своихъ крестьянъ перевелъ на чиншъ...

— Онъ радъ это сдѣлать хотя бы на зло твоему отцу, который скорѣе готовъ бить поклоны дьяволу, чѣмъ признать хлопа своимъ ближнимъ. Не онъ ли съ подкоморіемъ Длускимъ протестовалъ противъ конституціи 3-го мая.

— А все же отецъ не согласился на Тарговицкія правила,—пытался защищать отца Северъ.

— Да, и не поѣхалъ на генеральный съѣздъ въ Брестъ, это правда. Какъ-то въ концѣ іюня Хрущевъ изъ Ливы пригласилъ его на балъ. Мечникъ отказался, несмотря на то, что генералъ

могъ ему поставить за отказъ казаковъ на постой. Онъ не позволилъ себя запугать. А балъ былъ пышный. Съѣхались на него вся земля Ливская, Дрогицкая и Холмская, много знати прибыло и изъ Любельскаго воеводства. Торжество началось представленіемъ комедіи на русскомъ языкѣ; затѣмъ Хрущевъ открылъ балъ въ парѣ съ пани Оссолинской, женой Дрогицкаго старосты. Ужинали въ саду въ шатрахъ. Игралъ духовой оркестръ. Потомъ прогулки, потѣшныя огни и подъ конецъ на каналѣ сожженъ былъ фейерверкъ подъ заглавіемъ «Храмъ дружбы». Въ заключеніе пѣніе и пляска казаковъ и гренадеровъ...

— Вотъ ужъ поистинѣ трогательная дружба. По какому же поводу такое торжество?

— Генераль Хрущевъ публично огласилъ передъ холмской шляхтой всемилостивѣйшій отвѣтъ императрицы на ихъ всеподданнѣйшій адресъ... Въ отвѣтъ клики ликованія. Залпы карабиновъ и звонъ бокаловъ до самаго утра...

— Шуты гороховые! Что, святой отецъ, не знаете ли вы именъ составителей адреса?

— Какъ же не знать такихъ важныхъ господъ. Я даже помню текстъ адреса, въ которомъ шляхта Холмской земли и Красноставскаго повѣта «обращается къ Вашему Императорскому Величеству съ всеподданнѣйшей просьбой, дабы Ваше Величество, согласно Вашей, всему міру извѣстной благодти, разрѣшили намъ въ случаѣ отпаценія отъ Рѣчи Посполитой найти пріютъ подъ сѣнію свободъ во владѣніяхъ Вашего Величества». Видишь, какой великолѣпный стиль. Самъ епископъ Скаржевскій составлялъ его, ну, а этотъ охулки на руку не положить.

Разсказъ ксендза взволновалъ Зарембу. Онъ тихо и быстро сказалъ:

— Пожалуйста, святой отецъ, сообщите мнѣ имена авторовъ адреса. При случаѣ надо будетъ придумать имъ достойную награду. Они ее вполне заслужили.

— Они достойны быть побитыми камнями!—воскликнулъ ксендзъ.—Но кто имъ можетъ помѣшать? Развѣ они не господа въ Рѣчи Посполитой? Развѣ у насъ есть судъ и право на такіе поступки?

— Ну, тутъ уже не мѣсто для суда, а только для карающей десницы!

— Святыя слова! Поднимай же, сынъ мой, этотъ топоръ на предателей, подрубай имъ это ядовитое древо, пока есть время. Я молю Бога объ немъ, объ этомъ топорѣ и жду его, какъ евреи Мессію.

— Я вижу, святой отецъ—совершенный якобинецъ!—какъ-то невольно воскликнулъ Заремба.

— Боже сохрани,—испуганно вскричалъ ксендзъ.—Я только чутко отношусь къ несчастіямъ отечества. Я обыкновенный человѣкъ. Гдѣ мнѣ судить о высокихъ матеріяхъ и осуждать чужіе поступки! Языкъ мой—врагъ мой.

И ксендзъ вдругъ началъ выпутываться, стараясь затушевать свою недавнюю вспышку. Северъ, не будучи въ состояніи понять такой рѣзкой переменѣны, началъ ему ставить вопросы ребромъ, но ксендзъ какъ будто не понималъ ихъ.

— Ну, мнѣ уже пора. У насъ сегодня богослуженіе и кумы ждутъ меня. Будь здоровъ, сынъ мой! А можетъ быть, ты бы еще остался, еще бы поговорили?

— Нѣтъ, надо сейчасъ ѣхать. Завтра рано утромъ ѣду въ Варшаву.

— Жаль!—Ксендзъ горячо обнялъ Зарембу и шепнулъ ему: оружіе будетъ готово въ два дня, я самъ доставлю его въ Варшаву,—и загадочно улыбнувшись, капелланъ поспѣшно вышелъ.

Северъ хотѣлъ попрощаться съ дядей. Наступалъ вечеръ, пора было вернуться домой. Но дяди нигдѣ не было. Комнаты были пусты, только въ столовой, освѣщенной послѣдними лучами заката, какъ догорающимъ заревомъ, подъ окномъ сидѣла тетка Марковская и все гадала на картахъ. На вопросъ: гдѣ дядя—она проворчала, не поднимая глазъ:

— Тамъ гдѣ-то, на богослуженіи. Старый грѣшникъ набѣдокурилъ, а теперь душа уходитъ въ пятки. Разъ, два, три... Что, будешь ѣсть на ужинъ: гречневые клецки съ простоквашей? Ахъ, проклятый трефовый валетъ! Цеська,—вдругъ закричала старуха,—опять на выгонѣ съ лошадьми. Три туза. Разошелся, понимаешь, пасьянсъ разошелся. Разъ, два...

Тѣмъ временемъ Северъ спѣшилъ на выгонъ, гдѣ Цеська съ длиннымъ бичемъ въ рукѣ занималась тѣмъ, что гоняла на кордѣ великолѣпнаго бураго жеребца. Панна, разгоряченная, съ распущенными волосами, слѣдила глазами за скакуномъ, хлопала бичемъ и отчетливо командовала.

— Рысью, рысью, такъ, великолѣпно, спокойно, ровно...

— Славный конь будетъ подъ сѣдло. Что-то онъ играетъ задомъ.

А тѣмъ временемъ скакунъ по командѣ совершалъ всевозможныя экзерциціи.

— Ага, панна играетъ имъ, какъ хочетъ. Поздравляю!

Панна Цеська радостно улыбулась и крикнула:

— «Грачъ»! Стопъ на мѣстѣ!

Скакунъ сорвался съ мѣста и сталъ передъ ней, какъ вкопанный.

— Какой послушный,—искренно хвалилъ скакуна Северъ.

— Смѣлъ бы онъ послушаться,—сказала Цеся, грозно сдвигая брови и глядя «Грача» по ноздрямъ и по головѣ. Скакунъ поднялся на дыбы, танцевалъ на заднихъ ногахъ и пробовалъ положить переднія ноги на плечи Цеси, какъ онъ это дѣлалъ, когда былъ жеребенкомъ. Но панна Цеся уклонилась отъ такихъ ласкъ и, спустивши скакуна съ привязи, протяжно свистнула. Скакунъ, какъ вихрь, понесся по выгону. Цѣлая свора собакъ помчалась за нимъ.

— Молодчина! Если бы его еще приучить къ выстрѣламъ...

— Можно стрѣлять у него между ушей: не дрогнетъ,—задумчиво сказала панна Цеся.

— По правдѣ сказать, вы мнѣ кажетесь настоящей амазонкой.

— А вѣдь вы хотѣли усадить меня за прялку,—съ усмѣшкой сказала панна Цеся.

— Отъ всего сердца прошу забыть это. Въ знакъ примиренія продайте мнѣ коня.

— Нѣтъ, «Грачъ» не продается. Уже воевода Валевскій хотѣлъ помѣняться на пару великолѣпныхъ упряжныхъ лошадей. Тоже нашелъ дурочку. Есть у меня еще четверка гнѣдыхъ однолѣтковъ. Можетъ быть, желаете посмотрѣть...

Северъ отговорился неимѣніемъ времени и просилъ провести его къ дядѣ.

— Ну, его скоро не увидишь. Богослуженіе уже началось.

Северъ началъ ее спрашивать, что это за богослуженія. Вмѣсто отвѣта панна Цеся повела его къ башнѣ, къ рѣшетчатому окну. Северъ съ любопытствомъ заглянулъ во внутрь. Комната въ видѣ sklepa имѣла форму плоской миски, перевернутой вверхъ дномъ. По голымъ стѣнамъ горѣли факелы, воткнутые въ огромныя вилки. Посрединѣ стоялъ столъ, покрытый бѣлой скатертью, заставленный канделябрами съ пылающими свѣчами. Вокругъ стола сидѣла цѣлая компанія.

— Что это за шабашъ они справляютъ?—воскликнулъ Северъ.

— Ого, снова сегодня пойдутъ въ ходъ ремни.

И панна Цеся указала на пукъ плетей висѣвшихъ на стѣнѣ.

— Тише, тише...

Отецъ Альбинъ въ облаченіи, въ роговыхъ очкахъ, съ трепникомъ въ рукахъ началъ пѣть какой-то унылый гимнъ. Старый Заремба и всѣ кумы начали ему вторить, а заунывная пѣснь полилась подъ сводами, похожая на напрасные вопли о помощи утопающихъ, доносящіеся изъ далекой пучины морской.

— Что они подвергаются и бичеванію?—спросилъ Северъ глухимъ голосомъ.

— Если дядѣ придетъ фантазія, онъ не жалѣетъ ни себя, ни другихъ. Операція эта кумамъ не нравится, а ксендзъ не смѣетъ противорѣчить. Потомъ нѣсколько дней приходится мазать бока, избитые въ котлету.

— Слава Богу, хоть онъ васъ щадить!

Какая-то тѣнь прошла по всему лицу панны Цеси; въ глазахъ блеснула тревога.

— Идемъ. Въ постъ они носятъ власяницы.

— Съ какой же цѣлью такое умерщвленіе плоти? Или за какую вину?

— Они думаютъ, что дѣлаютъ это для спасенія отчины.

Это заявленіе показалось Северу такимъ удивительнымъ, что онъ невольно усмѣхнулся.

— Не смѣйтесь. Это не варшавское шутовство.

Северъ долго извинялся. Наконецъ, Цеся повѣрила и воскликнула съ искреннимъ порывомъ:

— Теперь въ Польшѣ такая мода, что стоитъ какому-нибудь вертопраху побывать за границей, одѣться во фракъ, и онъ сейчасъ же начинаетъ насмѣхаться надъ всѣмъ, что дѣлается дома. Я бы научила такихъ господъ свистать въ костелъ: я бы его собаками затравила.

Лицо Цеси покрылось яркимъ румянцемъ. Глаза метали молніи.

— Ого, панну опасно трогать.

— Вѣрно, своего не подарю и возвращу съ лихвою.

Северъ позвалъ казачка и приказалъ ему подавать коня.

— Вы до ужина не уѣдете,—рѣшила Цеся.

— Незавидный ужинъ: гречневая клецки съ простоквашей, какъ общала тетка.—пошутилъ Северъ.

Замѣтивъ, что Цеся смутилась, и не зная, что ему отвѣтить, Северъ поспѣшилъ объяснить, что ему необходимо ѣхать.

— Если бы просила Тереня или Иза, вы бы остались,—вскрикнула Цеся, но когда замѣтила, что Северъ обидѣлся, смущенно сказала:

— Ну, Богъ съ вами. Опять я что-то неладно сказала.

— Вашу ручку въ знакъ примиренія.

Цеся съ чувствомъ протянула ему руку и тихо и необыкновенно ласково сказала:

— Я провожу васъ во дворъ!

Казачокъ велъ за ними коня. Уже стемнѣло. Съ минуты на минуту становилось темнѣе. Пахло дождемъ. Небо покрылось

сѣрыми тучами. Стало очень тихо. Густой туманъ стелился между деревьями.

— Я имѣю къ вамъ просьбу: возьмите «Грача».

Северъ не принялъ подарка, но сердечно благодарилъ Цесю.

— Конь крѣпкій и послушный. Вынесетъ изъ всякой сумятицы. Обученъ военнымъ упражненіямъ. Можно бросить поводъ и ни на линію не выйдетъ изъ строя,—упорно настаивала Цеся.— Возьмите, ради Бога!

Когда Северъ, несмотря на настойчивыя предложенія, все-таки отказался, Цеся шутя пригрозила:

— Вотъ я спущу Мишку, пусть выпуститъ кишки вашему коню.

— А я потяну васъ къ судѣ за покушеніе на мою жизнь, а это пахнетъ висѣлицей. Законъ не дѣлаетъ разницы для прекраснаго пола.

— Что мнѣ тамъ законъ. Гораздо хуже, что вы упрямы, какъ козелъ. Ну, что жъ, коли мое не въ ладъ, я со своимъ назадъ,—Цеся насильно засмѣялась.

— Собирается дождь. Овечкамъ пора подъ крышу. Какъ бы чего не случилось...

— Не боюсь и волка, хотя бы ихъ и нѣсколько было. У меня на всякій случай пистолетъ. Ну, съ Богомъ,—промолвила Цеся сквозь слезы.

Северъ хотѣлъ еще что-то сказать, но конь, испуганный ворчаніемъ медвѣдя, бросился въ сторону и понесся надъ прудами. Северъ его не сдерживалъ и поскакалъ домой.

Дома онъ засталъ яркое освѣщеніе; гремѣла музыка. Въ сѣняхъ цѣлая толпа челяди.

— Сейчасъ переодѣнусь и спущусь внизъ,—сказалъ Северъ старому Филиппу.

— Не надо, никого въ комнатахъ нѣту.

— А наши гости: староста и поручикъ Рымкевичъ?

— Сейчасъ послѣ полдника уѣхали. А панъ мечникъ приказалъ музыкѣ играть для себя.

— Что сватовство было?

— Да. Марыня плачетъ гдѣ-то въ углу. Панъ мечникъ поспорилъ съ супругой. Она ушла къ себѣ, всѣ остальные попрятались, какъ мыши. Осторожно, Северъ. Панъ мечникъ въ гнѣвѣ, такъ что ни приступу.

— Не спрашивалъ обо мнѣ?

— Спрашивалъ и велѣлъ притти къ нему. Ужинъ вамъ приготовленъ въ вашей комнатѣ. Въ довершеніе всего поваръ запьянствовалъ.

Не слушая дальнѣйшихъ сообщеній, Северъ вошелъ въ залу, залитую огнями стѣнныхъ люстръ. Оркестръ, подъ управленіемъ Тржаски, игралъ какія-то чувствительныя аріи изъ оперъ, а мечникъ въ парадномъ красномъ кунтушѣ самъ одинъ гулялъ въ огромной залѣ съ вылощеннымъ поломъ. Мечникъ былъ задумчивъ; онъ то крутилъ усь, то приглаживалъ сѣдые волосы, то хватался за рукоять сабли, какъ будто ожидая нападенія.

Северъ около часу ожидалъ, пока отецъ успокоится, не отваживаясь прервать его размышленій. Потомъ отправился во внутренніе покои, но никого не отыскалъ: мать уже легла спать; Марыню забрали въ свое помѣщеніе приживалки; тетка Бися спала, и весь домъ погруженъ былъ во мракъ. Северъ заглянулъ еще къ Кацперу, далъ какое-то порученіе Матвѣю и затѣмъ, поужинавъ, снова вернулся въ залу. Мечникъ еще прогуливался по пустой комнатѣ, несмотря на то, что свѣчи уже догорали и гасли одна за другой, а музыканты такъ истомились, что въ буквальномъ смыслѣ слова инструменты выпадали у нихъ изъ рукъ; все же они продолжали играть черезъ силу, побуждаемые пинками Тржаски и боязнью получить плети.

— Я ждалъ тебя,—сказалъ мечникъ и вмѣстѣ съ Северомъ отправился въ свою комнату. Здѣсь онъ приказалъ сыну громко читать газеты, только что полученныя съ почты. Мечникъ ни слова не спросилъ ни про брата, ни о Цеськѣ, самъ ни словомъ не обмолвился о Пражмовскихъ, а усѣлся въ глубокое кресло и, закуривъ трубку, внимательно слушалъ чтеніе. Когда Северъ прочелъ всего «Корреспондента» съ приложеніемъ, отецъ вдругъ коротко отрѣзалъ:

— Ступай спать!

И, не давши ему даже поцѣловать руку, началъ вполголоса читать ту же самую газету сначала.

Северъ на цыпочкахъ вышелъ, прошелъ въ свою комнату и легъ, но долго не могъ заснуть. Въ головѣ толпились разныя размышленія и воспоминанія, а въ концѣ-концовъ, какъ буравомъ, начала ему сверлить мозгъ мысль: возвратится ли онъ когда-нибудь подъ отчій кровъ? И тихая грусть наполнила ему сердце и, уткнувшись въ подушку, онъ горько зарыдалъ.

Пошелъ сильный дождь; ручьи воды барабанили по стекламъ оконъ; глухо отзванивали свои удары часы, проходящіе безслѣдно, какъ заблудившіеся путники. Северъ лежалъ съ открытыми глазами и, охваченный безысходной тоской, весь погрузился въ пучину какихъ-то сомнѣній, тревогъ и смутныхъ опасеній. Наконецъ, не будучи въ состояніи успокоиться, онъ всталъ, одѣлся и пошелъ будить своихъ людей, съ приказомъ готовиться

въ дорогу. Вдругъ онъ остановился пораженный: въ комнатѣ отца горѣлъ огонь и сквозь полуоткрытую дверь онъ увидѣлъ мечника за столомъ, съ трубкой въ зубахъ и съ газетой въ рукахъ, точь-въ-точь, какъ онъ оставилъ его вечеромъ.

Северъ раздумывалъ, какъ бы ему незамѣтно проскользнуть, какъ вдругъ услышалъ отцовскій голосъ:

— Ты тоже не спишь?

— Я иду разбудить людей, прикажу вычистить лошадей и быть готовыми въ дорогу; на разсвѣтъ выѣду. Что же это, отецъ, вы такъ не бережете своего здоровья?

— Да вотъ, разсуждалъ надъ важными матеріалами и не замѣтилъ, какъ и время пролетѣло. Что, идетъ дождь?

— Какъ на бѣду, льетъ, какъ изъ ведра. Боюсь потопить лошадей въ болотѣ.

— Слыхалъ ли ты, что Тарговицкая конфедерація распущена?—съ радостью воскликнулъ мечникъ.

— Болтали объ этомъ въ Гроднѣ.

Это извѣстіе не по сердцу было Северу.

— Объ этой перемѣнѣ напечатано въ номерѣ «Корреспондента» отъ 24 сентября. Я еще этого номера не читалъ. Сказано, что 15 числа того же мѣсяца сеймъ постановилъ распустить Тарговицкую конфедерацію, а всѣ ея постановленія утвердить со внесеніемъ въ Метрику. Постановленія считать дѣйствующимъ закономъ, но сейму настоящему и будущему разрѣшено вносить проекты измѣненій и отмѣны этого закона. Очень важное рѣшеніе!

— Карьера Коссаковскихъ рухнула. Сиверсъ торжествуетъ, но бѣда въ томъ, что и за то, и за другое придется расплачиваться Рѣчи Посполитой!

— А что, развѣ ты не придаешь никакого значенія тому, что кончилось время господства Трифоліума?

— Велика польза, что щенный Потоцкій гдѣ-нибудь въ берлогѣ дотянетъ свой никчемный вѣкъ, что Браницкій, купленный жидовскимъ золотомъ, отдастъ свою душу черту, что долго потомство будетъ вспоминать Ржевусскаго и проклинять его за его гнусную политику, создавшую корыстную дружбу императрицы и господство прусскаго короля въ Великой Польшѣ!

— Ну, не въ такихъ еще передѣлкахъ бывала Рѣчь Посполитая. Богъ дастъ, образуется.

— Образуется,—повторилъ Северъ, подавляя зѣвоту. Ему долго пришлось еще слушать съ притворнымъ интересомъ отцовскія разсужденія: Богъ, вѣра, костель, золотая вольность, «liberum veto», и единственное средство противъ враговъ—посполитое.

рушеніе—вотъ символъ вѣры стараго мечника. Онъ излагалъ его, какъ катехизисъ, и требовалъ слѣпой вѣры этому катехизису. Северъ не возражалъ ни слова; ему не хотѣлось поднимать споръ, да къ тому же и сонъ одолѣвалъ.

— Ну, а какъ тебѣ понравилась Цеська?—внезапно перемѣнить тему разговора мечникъ.

— О, панна достойна восхищенія! Какъ она выѣзжаетъ лошадей!—разсыпался Северъ въ похвалахъ.

— Ну, что, развѣ я не говорилъ тебѣ, что это сокровище?—прервалъ его мечникъ, очень довольный похвалами сына.

— О, она могла бы обучить лошадей для всей кавалеріи!—И Северъ началъ рассказывать о всѣхъ штукахъ и фокусахъ, которые продѣлывалъ «Грачъ».

— Что тутъ долго размышлять. Выходи въ отставку и женись на ней; я отдѣлю тебѣ «Ключъ Каменскій». Хочешь, завтра же поѣду сватать...

— Ну, надо подумать, а тамъ ужъ попрошу васъ, отецъ, быть сватомъ,—сказалъ Северъ, цѣлуя у мечника руку.—Время теперь неспокойное. Ну, а что, если Рѣчи Посполитой придется выпроваживать непрошенныхъ друзей и покровителей. Каково будетъ разставаться съ женой? Не спорю, панна прелестна и вполне мнѣ подходитъ, но мнѣ совершенно неизвѣстны ея чувства ко мнѣ, да и молода она очень. Не время мнѣ начинать строить куры, когда меня зоветъ мой генераль...

— Эй, смотри, упустишь! Пойдетъ за другого...—вскричалъ отецъ, недовольный противорѣчіемъ сына.

— Мало ихъ развѣ въ Польшѣ?—весело усмѣхнулся Северъ.

— Дуракъ, кто не пользуется случаемъ и гонится за вѣтромъ!—гнѣвно вскричалъ мечникъ и повернулся къ сыну спиной.

Северъ подождалъ нѣсколько минутъ, но не дождавшись отъ отца больше ни слова, возвратился въ свою комнату и, не раздѣваясь, упалъ на кровать и заснулъ, какъ убитый.

Солнце стояло уже высоко, когда тетка Бися разбудила Севера. Она стояла надъ нимъ смущенная, ломая руки и со слезами что-то кричала.

— Что случилось?—сквозь сонъ еще спросилъ Северъ.

— Несчастье!—завизжала тетка Бися.—Содомъ и Гоморра. Я знала, что это добромъ не кончится. Сколько разъ я предупреждала; а теперь тамъ мечникъ творить судъ и расправу и велѣлъ его забить палками. Боже, Боже милосердный!..

— Да скажи, тетка, толкомъ. Какой судъ? Кого тамъ собираются забить палками?—съ нетерпѣніемъ воскликнулъ Северъ.

— Да того фармазона, суди его Богъ, твоего Кацпера...

— Кацпера!—Северъ моментально вскочилъ съ кровати, опоясая саблей, всунулъ пистолеты въ карманы шароваръ и, какъ буря сбѣжавши съ лѣстницы, понесся по пустымъ комнатамъ. Онъ выбѣжалъ въ сѣни, откуда неслись крики, и окаменѣлъ на порогѣ.

По срединѣ сѣней Кацперъ вырывался изъ рукъ схватившихъ его паробковъ; повязка на головѣ его пропиталась кровью, кровь струилась по лицу и по одеждѣ. Лицо посинѣло, глаза выкатились изъ орбитъ и хриплый голосъ съ трудомъ вырывался изъ груди.

— Я солдатъ... Я вольный человѣкъ! Пустите меня!—бормоталъ онъ, теряя послѣднія силы.

— Молчать, негодяй! Я покажу тебѣ твою вольность!—кричалъ разъяренный мечникъ, грозя Кацперу небольшимъ топорикомъ.—Тебѣ ли, хаму, разводить амуры! Подожди, негодный песъ, я палками научу тебя, какъ надо себя держать!

— Отецъ!—съ мольбой прошепталъ Северъ.—Позволь мнѣ сказать нѣсколько словъ.

— Я самъ поймалъ его на свиданіи съ Досей. Понимаешь? Онъ смѣлъ поднять глаза на шляхетское дитя, можешь ты это себѣ представить?—визжалъ мечникъ, оскорбленный въ своемъ шляхетскомъ гонорѣ.

— Для примѣра необходимо страшное наказаніе. Панна, какъ она того заслужила, будетъ пострижена въ монахини, а изъ этой собаки палки живо выбьютъ нѣжныя чувства.

— Отецъ, я прошу пощады! Онъ боленъ и, кромѣ того, подлежитъ не нашему, а гетманскому суду.

— Онъ мой рабъ, моя вещь, и я могу сдѣлать съ нимъ, что мнѣ угодно. Не мѣшайся въ мои дѣла. Мнѣ ужъ о немъ сообщали: фармазонъ и скрытый якобинецъ. По ночамъ онъ сходилъ съ молодежью и подговаривалъ ихъ къ бунту противъ пановъ. Сто палокъ этому негодяю! Бей его въ мою голову!—вопилъ разъяренный мечникъ.

— Все это ложь. Пощади его! На колѣняхъ умоляю!—Северъ въ смертельной тревогѣ бросился къ ногамъ отца, умоляя пощадить товарища.

— Онъ мой пріятель. Онъ получилъ свободу за раны, которыя пріобрѣлъ, защищая отечество. Самъ князь обѣщалъ ему свое покровительство. За что ты хочешь его покарать? Они любятъ другъ друга. Онъ будетъ офицеромъ и женится на ней. Я зналъ объ ихъ любви и обѣщалъ замолвить за нихъ передъ тобой слово. Отпусти его, отецъ! Всю жизнь буду благословлять тебя за это!

Северъ съ мольбой цѣловалъ руки и ноги отца. Мать, тетка, весь женскій штатъ со слезами умолялъ мечника о томъ же. Одна только Марыня неподвижно съ грозно сдвинутыми бровями стояла въ сторонѣ.

Мечника не смягчили мольбы сына.

— Я сказалъ, и онъ получить сто палокъ! Эй, вы тамъ!..

Северъ вскочилъ на ноги и съ неудержимымъ гнѣвомъ вскричалъ:

— Кто его пальцемъ тронетъ, будетъ имѣть дѣло со мной!

Челядь съ тревогой отступила. Тогда впередъ выступилъ мечникъ и, бросая на сына строгіе взгляды, вскричалъ:

— Ты смѣешь противъ меня!..

— Мой долгъ защищать честь солдата Рѣчи Посполитой!

— И ты смѣешь!..—все тише повторялъ мечникъ, сжимая въ рукѣ топорикъ и тихо подвигаясь къ сыну, такъ страшно измѣнившись въ лицѣ, что сердца всѣхъ похолодѣли отъ ужаса. Северъ стоялъ, какъ вкопанный, смѣло смотря отцу въ глаза и ожидая смерти. Мечникъ внезапно сдержался необычайнымъ усиліемъ воли, ударилъ топорикъ объ землю съ такой силой, что тотъ разлетѣлся въ куски, и глухо сказалъ.

— Вонъ изъ моего дома! Бржозовскій исполнить, что я приказалъ!

Съ этими словами мечникъ удалился.

— Взять его, вы, хамы!—и Бржозовскій съ веревкой бросился къ Кацперу.

— Стой, не то голову снесу!—крикнулъ Северъ, выхватывая саблю.—Солдаты, ко мнѣ!..—скомандовалъ онъ,—окажите товарища и отступайте къ телѣгамъ!

Матвѣй и Петръ съ саблями наголо стали по бокамъ Кацпера, Северъ защищалъ его спереди и въ такомъ порядкѣ они двинулись на крыльцо.

Бржозовскій остолбенѣлъ, у паробковъ тоже опустились руки, и никому въ голову не пришло остановить ихъ и схватить.

Плачь дѣвушекъ провожалъ уходящихъ.

Наши герои вышли во дворъ. Въ нѣсколько минутъ все готово было къ выступленію.

Обмытый и перевязанный Кацперъ лежалъ на телѣгѣ подъ полотнянымъ навѣсомъ. Северъ бралъ его съ собой, не желая оставлять на произволъ отцовскаго гнѣва. Приказавъ выѣхать за ворота и съ оружіемъ въ рукахъ дожидать его, Северъ бросился обратно въ домъ проститься со своими.

Но всѣ двери наглухо были заперты, даже окна были закрыты и ни души не было вокругъ дома.

Северъ постоялъ нѣсколько минутъ на крыльцѣ. Не дождавшись никого, съ невыразимой тоской въ сердцѣ, склонился онъ, поцѣловалъ порогъ отчаго дома, вскочилъ на коня и пустился въ путь.

Книгоиздательство „ЗАДРУГА“.

(Москва, М. Никитская, 29, кв. 6. Тел. 4-50-61.

КНИГИ ПО ИСТОРИИ.

Бѣлоконскій, И. П. ЗЕМСКОЕ ДВИЖЕНІЕ. Изд. 2-е, Около 300 портретовъ. Цѣна 3 р.

«ВОЙНА И МИРЪ». Историко-литературный комментарий къ роману Л. Н. Толстого. Подъ редакціей В. П. Обнинскаго и Т. И. Полнера. Съ иллюстраціями. Ц. 3 р. 50 к.

Ложье, Цезарь. ДНЕВНИКЪ ОФИЦЕРА ВЕЛИКОЙ АРМІИ ВЪ 1812 ГОДУ. Пер. подъ ред. Н. П. Губскаго. Съ пред. А. М. Васютинскаго. Ц. 80 к.

МАСОНСТВО ВЪ ЕГО ПРОШЛОМЪ И НАСТОЯЩЕМЪ. Подъ редакціей С. П. Мельгунова и Н. Н. Сидорова. Изд. вых. по подпискѣ. Цѣна 18 р. Вышелъ I-й вып.

Мельгуновъ, С. П. СТУДЕНЧЕСКІЯ ОРГАНИЗАЦІИ 80—90 гг. ВЪ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ. По архивнымъ даннымъ. Ц. 50 к.

Пересъ, Ж. Б., О ТОМЪ, ЧТО НАПОЛЕОНА НИКОГДА НЕ БЫЛО. Пер. подъ ред. А. М. Васютинскаго. Ц. 20 к.

Петрушевскій, Д. М., проф. ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО У ГОМЕРА. 2-е изд. Ц. 20 к.

Розановъ, И. Н. ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИРИКИ Ц. 2 р.

РОССІЯ И НАПОЛЕОНЪ. Отечественная война въ мемуарахъ. Иллюстр. сборникъ, составлен. Н. Л. Бродскимъ, П. Е. Мельгуновой, К. В. Сивковымъ и Н. П. Сидоровымъ. Ц. 1 р. 25 к.

РУССКІЙ БЫТЪ ПО ВОСПОМИНАНІЯМЪ СОВРЕМЕННИКОВЪ. XVIII в. Сборн. составл. П. Е. Мельгуновой, К. В. Сивковымъ и Н. П. Сидоровымъ. Ц. 1 р. 20 к.

СМУТНОЕ ВРЕМЯ. Сборникъ подъ редакціей В. Н. Бочкарева Ю. В. Готье, В. И. Пичеты и др. Съ иллюстр. Ц. 1 р. 50 к.

Тарле, Е. В., проф. КОНТИНЕНТАЛЬНАЯ БЛОКАДА. Изслѣдованіе по исторіи промышленности и внѣшней торговли Франціи въ эпоху Наполеона I. Ц. 4 руб.

ФРАНЦУЗЫ ВЪ РОССІИ. 1812 годъ по воспоминаніямъ современниковъ-иностранцевъ. Сборникъ, составленный А. М. Васютинскимъ, А. К. Дживелеговымъ и С. П. Мельгуновымъ. Часть I. Нѣманъ. Смоленскъ. Бородино. Вступленіе въ Москву. Цѣна 1 руб.

Тоже. Часть II. Пожаръ Москвы. Начало отступленія. На старую Смоленскую дорогу.—Ц. 1 р.

Тоже. Часть III. Отступленіе. Смоленскъ. Красный. Березина. Вильно. Черезъ Нѣманъ обратно.—Ц. 1 р. 50 к.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1914 ГОДЪ.

ВЫШЕЛЪ № 7 (ІЮЛЬ) ЖУРНАЛА

РУССКОЕ БОГАТСТВО,

издаваемый Вл. Г. КОРОЛЕНКО

и при ближайшемъ участіи: А. Г. Горнфельда, Діонео, С. Я. Елпатьевского, О. Д. Крюкова, Н. Е. Кудрина, П. В. Мокиевского, В. А. Мякотина, А. Б. Петрищева, А. В. Пѣшехонова и А. Е. Рѣдько.

СОДЕРЖАНІЕ: 1. Искушеніе. (Страничка изъ прошлаго). В. Г. Короленко. 2. Изъ прошлыхъ лѣтъ. (Воспоминанія о Н. О. Анненскомъ). А. Анненской. 3. Старый лѣсникъ. (окончаніе). В. Муйжеля. 4. Стихотвореніе. Е. Федоровой. 5. Изъ исторіи драматической цензуры при имп. Николаѣ I. (Продолженіе). Бар. Н. В. Дризена. 6. Осенній день. Стихотвореніе. П. Радимова. 7. Романъ Парнелля. Діонео. 8. Стихотвореніе. С. Астрова. 9. Апостолъ интегральнаго социализма. Е. Сталинскаго. 10. Стихотвореніе. Е. Федоровой. 11. Семья Користоновъ. (Продолженіе). Романъ Гемфри Уордъ. Переводъ съ англійскаго Е. Н. Нелидовой. 12. Милитаристы и пасифисты. (Письмо изъ Франціи). Бѣлоруссова. 13. Обзорѣніе иностранной жизни. Н. С. Русанова. 14. Мелькомъ. (Впечатлѣнія проѣзжаго). Ф. Крюкова. 15. Хроника внутренней жизни. А. Петрищева. 16. Новыя книги, поступившія въ редакцію. 17. Отчетъ конторы редакціи журнала «Русское Богатство». 19. Объявленія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкою и пересылкою: на годъ 9 р., на 6 мѣс.—4 р. 50 к., на 4 мѣс.—3 р., на 1 мѣс.—75 к. Безъ доставки: на годъ—8 р., на 6 мѣс.—4 руб. Съ наложеннымъ платежомъ отдѣльная книжка 1 р. 10 к. За границу: на годъ—12 р., на 6 мѣс.—6 р., на 1 мѣс.—1 р. Адресъ конторы журнала: С-Петербургъ, Баскова, 9; въ Москвѣ: въ отдѣленіи конторы: Никитскій бульваръ, д. 19; въ Одессѣ: въ книжн. магаз. «Одесскія Новости», Дерибасовская, 20; въ магаз. «Трудъ», Дерибасовская, 25; въ Баку: въ книжн. торговлѣ «Сотрудникъ». Подписка отъ книжныхъ магазиновъ принимается только на цѣлый годъ и дѣлается уступка 40 к. съ экземпляра.

КАТАЛОГИ НА СТАРЫЯ И РѢДКІЯ КНИГИ ВЫСЫЛАЕТЪ БЕЗПЛАТНО
КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ **И. М. ФАДѢЕВЪ.** МОСКВА,
Моховая, д. 26.

**ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЙ
ПОДАРОКЪ
для дѣтей и взрослыхъ**

**ВСЕМІРНО-ИЗВѢСТНЫЕ
ЯКОРНЫЕ
КАМЕННО-СТРОИТЕЛЬНЫЕ
КУБИКИ.**

Эта игрушка удобна для родителей, не желающихъ затратить значительныхъ средствъ. Можно сначала, затративъ весьма небольшую сумму, купить небольшой ящикъ и, постепенно докупая затѣмъ дополнительные ящики, незамѣтно для своего бюджета, по мѣрѣ роста ребенка имѣть ящикъ съ все болѣе и болѣе сложными кубиками, дающими возможность ребенку строить все новыя и болѣе сложныя сооруженія, благодаря чему интересъ къ игрушкѣ никогда не падаетъ и она постоянно остается желанной и любимой.

Отдѣленіе и фабрика Ад. РИХТЕРЪ и К^о
С.-Петербургъ, Николаевская ул., № 14. Тел. 4-30-78.

Иллюстрированный ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ К. высылаемъ бесплатно.

Новая книга д-ра Д. Д. Бекарюкова.
**„ОСНОВНЫЯ НАЧАЛА
ШКОЛЬНОЙ ГИГИЕНЫ“.**

2-е изданіе журнала „Вѣстникъ Воспитанія“

исправленное и дополненное.

Стр. VIII+577, со многими рисунками, Москва, 1914 г.

Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

Содержаніе:

Отд. I. ШКОЛЬНОЕ ЗДАНІЕ.

Отд. II. ГИГИЕНА ПРЕПОДАВАНІЯ.

Отд. III. ГИГИЕНА УЧАЩИХСЯ И УЧАЩИХЪ.

Складъ изданія: Москва, Арбатъ, Староконюшенный пер., 32,
контора журнала „Вѣстникъ Воспитанія“.

Книгоиздательство П. Г. ДАУГЕ.

МОСКВА, Архангельскій пер., д. 7.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ ФИЛОСОФА-РАБОЧАГО

ІОСИФА ДИЦГЕНА:

подъ ред. П. Дауге.

1. Аквизитъ философін и письма о Логикѣ. Цѣна 1 р.
2. Экскурсиі социалиста въ область теорін познанія. Цѣна 50 к.
3. Сущность головной работы человѣка. Цѣна 60 к.
4. Мелкія философскія статьи. Цѣна 60 к.

Г. РОЛАНДЪ-ГОЛЬСТЪ.

ЭТЮДЫ О СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭСТЕТИКѢ. ЦѢНА 20 к.

ЭРНЕСТЪ УНТЕРМАНЪ:

1. Антонио Лабріола и Іосифъ Дицгенъ. Опытъ сравненія историческаго и монистическаго матеріализма. Цѣна 25 к.
2. Діалектическіе этюды. Популярныя лекціи. Цѣна 60 к.

Переписка І. Ф. БЕНКЕРА, І. ДИЦГЕНА, Ф. ЭНГЕЛЬСА, К. МАРКСА и др. съ **Ф. А. ЗОРГЕ** и др. Съ библиографическимъ очеркомъ Зорге Евг. Дицгена. Цѣна 2 рубля.

ТОЛЬКО ЧТО ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ ИЗДАНІЯ:

Формы брака, семьи и родства. Ц. 75 к. **Д-ръ Ф. МЮЛЛЕРЪ-ЛІЭРЪ.** Фазы любви. Ц. 1 р. 50 к.

Изъ отзывовъ печати: проф. Д. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКІЙ—(Вѣстникъ Европы. Мартъ 1914 г.) пишетъ о трудахъ Мюллеръ-Ліэра:«Вышедшіе томы свидѣтельствуютъ какъ объ огромной эрудиціи автора, такъ и о рѣдкой ясности и силѣ его мысли». Про взглядъ автора на роль социологіи Овс.-Куликовскій пишетъ: «Такъ вотъ именно это—глубоко-жизненное значеніе социологіи въ корнѣ подкашиваетъ всякую попытку внести въ эту науку метафизическія идеи или мистическую созерцательность. И если и съ этой прикладной стороны для социологіи окажется нужной какая-либо философія, то это можетъ быть только философія дѣйствительности, одушевленная здоровымъ оптимизмомъ (Мюллеръ-Ліэръ предпочитаетъ терминъ «меліоризмъ»), любовью къ дальнему, альтруистическимъ отношеніемъ къ ближнему, широкимъ демократизмомъ идей, стремленіемъ къ неустанной разумной дѣятельности, направленной на улучшение настоящаго и на подготовку ближайшаго будущаго».

«Всестороннее раскрытіе и убѣдительное обоснованіе этой мысли читатель найдетъ въ книгѣ Мюллеръ-Ліэра»—(«Смыслъ Жизни»).

Продажа во всѣхъ книжныхъ магазинахъ столицъ и провинціи.

V. Критика и библиографія.

Г. И. Шрейдеръ. I. М. Кулишеръ. Коммунальное обложеніе въ Германіи. В. М. Фриче. G. Casanova. II duello; Ch. Samaran. Casanova Venitien. С. П. Мельгуновъ. А. В. Амфитеатровъ. 1812 годъ. Ю. В. Готье. И. И. Проходцевъ. Рязанская губ. въ 1812 г. С. Л. Аваліани. П. И. Ковалевскій. Кавказъ. А. И. Калишевскій. И. М. Соловьевъ. Русскіе университеты. Н. П. Кашинъ. Московскій театръ при царяхъ Алексѣѣ и Петрѣ. Матеріалы, собр. С. К. Бого-явленскимъ. Л. С. Козловскій. Архивъ В. А. Гольцева. М. А. Островская. В. И. Срезневскій. Описаніе рукописей, собранныхъ въ Олонецкомъ краѣ. С. Давыдовъ. Э. Фромантэнъ. Старые мастера. Е. Ф. Коршъ. И. Грабаръ. В. А. Сѣровъ; Н. Э. Радловъ. Сѣровъ; М. Kovalensky. Siéroff. Е. Ф. Коршъ. Русская икона. Вып. I. С. П. Мельгуновъ. Ив. Лазаревскій. Среди коллекціонеровъ. 223

ИЗЪ ТЕКУЩЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ. М. Л. Вишницеръ. Иностранные дипломаты о Россіи при Александрѣ I. Ю. М. Стекловъ. Мемуары Бебеля. В. Богучарскій. Новая книга гр. С. Ю. Витте. Ч. Вѣтринскій. Новое о Львѣ Толстомъ. 240

VI. Романъ.

Вл. Реймонтъ. 1794 годъ. Ч. II. Инсurreкція. гл. I. 265

VII. Рисунки. Портреты Дж. Мадзини и В. В. Лесевича.

VIII. Объявленія.

Къ этому № прилагается проспектъ объ изданіи К. Ф. Некрасова
„Французскіе лирики XVIII в.“

КНИЖНЫЙ
МАГАЗИНЪ

„ЗВЕНО“.

Б. Никитская, 15—А.
Телеф. 1-27-48.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ
ОРАНЖЕВАЯ КНИГА

(до войны).

Сборникъ дипломатическихъ документовъ.
Переговоры отъ 10 до 24 іюля 1914 г.

Высочайшій манифестъ о войнѣ.
ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗАСѢДАНІЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ

26 іюля 1914 г.

ЦѢНА 30 к.

Высылается налож. пплатн. и по полученіи почт. марокъ на соотвѣтствующую сумму.

Продается во всѣхъ книжн. магаз. и на станціяхъ жел. дорогъ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1914 г.

— НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ —

ИСТОРИИ И ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ
ГОЛОСЪ МИНУВШАГО,

подъ редакціей *С. П. Мельгунова и В. И. Семевскаго.*

(2-ой годъ изданія).

Журналъ посвящается разработкѣ вопросовъ исторіи и исторіи литературы русской и всеобщей.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

I. Статьи по вопросамъ русской и всеобщей исторіи, исторіи литературы, философіи, искусства и археологіи.	V. Біографіи русскихъ и иностранныхъ дѣятелей.
II. Мемуары, записки, дневники и письма современниковъ.	VI. Критика и библіографія.
III. Матеріалы по исторіи, исторіи литературы и т. д.	VII. Новости русской и иностранной науки.
IV. Историческая беллетристика.	VIII. Обзоръ журналовъ русскихъ и иностранныхъ.
	IX. Хроника.

Журналъ иллюстрируется картинками изъ прошлаго и портретами дѣятелей русскихъ и иностранныхъ и выходитъ ежемѣсячно книгами, размѣромъ 20 листовъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ съ доставкой и пересылкой въ Россіи: на годъ 8 руб., на $\frac{1}{2}$ года 4 руб., на одинъ мѣсяць 1 руб., за границу 12 руб., $\frac{1}{2}$ года 6 руб. Для народныхъ учителей и учащихся допускается разсрочка по 2 р. (1 января, 1 апрѣля, 1 іюля, 1 сентября).

— Перемѣна адреса 20 коп. —

Въ **ОТДѢЛЬНОЙ ПРОДАЖѢ** книга журнала 1 руб., налож. плат. 1 р. 25 к. Комплекты за 1913 г. можно получить по цѣнѣ 7 р. 50 к. (безъ № 1). На пересылку накладывается платежъ.

Подписка принимается:

Въ **Москвѣ:** въ конторѣ журнала (складъ книгоиздательства «Задруга», Малая Никитская, д. № 29, тел. 4-50-61).

Подписка принимается и во всѣхъ крупныхъ книжныхъ магазинахъ.

Объявленія въ журналъ принимаются въ конторѣ по цѣнѣ 60 руб. за страницу; 30 руб. $\frac{1}{2}$ стран.; 15 руб. $\frac{1}{4}$. Вкладка до 1 лота 10 р. за тысячу.

Адресъ редакціи: Москва, Гранатный, 2, кв. 31.

ПРІЕМЪ ПО ДѢЛАМЪ: вторникъ отъ 3 до 5 час.

Тип. Т-ва Рябушскихъ. Москва.